издаваемыя

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

дѣйствительнаго члена

А. В. ОРѢШНИКОВА.

№ 1

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА

ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА.

1894

№ 1 1894 г.

издаваемыя
Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

I

Обломокъ пиксиды и другія древности изъ Озоруковскаго могильника, находящіяся въ Историческомъ музеѣ.

Лѣтомъ 1893 года Историческимъ музеемъ пріобрѣтены у одного частнаго лица, живущаго въ Нальчикѣ, цѣлый рядъ древностей, купленныхъ, въ свою очередь, у одного горца, по словамъ котораго онѣ найдены въ Чегемскомъ Обществѣ, близь поселка Былымъ (аулъ Озоруково), въ склепѣ, разграбленномъ мѣстными жителями. По этой причинѣ, теперь невозможно узнать подробностей погребенія, а также находились ли всѣ предметы въ одномъ погребеніи или при нѣсколькихъ костякахъ; но, по видимому, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что вещи происходятъ изъ этого, но не изъ другаго могильника, такъ какъ по общему характеру онѣ сходны съ древностями изъ тѣхъ же мѣстъ, описанными и изображенными въ трудѣ проф. В. Ѳ. Миллера въ 1-мъ выпускѣ „Матеріаловъ по археологіи Кавказа, изд. Московскимъ Арх. Общ.“ Пользуясь описаніемъ В. Ѳ. Миллера склеповъ, найденныхъ близь аула Озорукова (см. стр. 87 и слѣд. ук. соч.), можно возстановить приблизительно утраченныя подробности погребенія нашего склепа

и интересующіеся могутъ обратиться къ указанному труду. Большая часть вещей — бронзовыя: нѣсколько плоскихъ изображеній всадниковъ, совершенно подобныхъ найденнымъ въ курганныхъ погребеніяхъ близь аула Хосаутъ (по дорогѣ изъ Кисловодска къ Эльборусу), находящихся въ Историческомъ музеѣ [1]) и нѣсколько меньшей величины, подобныхъ изображеннымъ въ „Матеріалахъ" на табл. XXV, 69. Одинакую форму съ изданными проф. Миллеромъ имѣютъ колесообразныя украшенія (XIX, 12), кольца съ круглыми возвышеніями по окружности (XXIV, 42), нѣсколько паръ серегъ съ 14 гранниками на концахъ (XX, 2), зеркала, трехгранный наконечникъ стрѣлы и нѣкоторые другіе предметы. Изъ бронзовыхъ вещей представляетъ интересъ застежка (или рукоятка?) въ видѣ сильно удлиненной стилизованной головы какого-то животнаго съ длинными ушами, 2 римскихъ фибулы — одна I — II в., другая болѣе поздняя, нѣсколько пряжекъ и поясныхъ украшеній, колокольчиковъ, бубенчиковъ и проч. Изъ желѣзныхъ вещей находится только обломокъ клинка меча. Бусы, количествомъ около сотни, носятъ самый разнообразный характеръ: сердоликовыя гладкія и покрытыя полосками бѣлаго цвѣта, стеклянныя бѣлыя бороздчатыя, цвѣтныя и съ позолотою внутри, изъ разноцвѣтной смальты съ глазками и наконецъ въ числѣ пронизокъ находится голубаго цвѣта лежащій левъ и скарабей. Перстней два: одинъ съ круглымъ гладкимъ щиткомъ, покрытымъ неяснымъ изображеніемъ, другой — съ бѣлымъ стекломъ въ гнѣздѣ. Бронзовыхъ предметовъ, украшенныхъ стеклами, два: одинъ представляетъ грубое изображеніе птицы, напоминающей изображенную въ „Матеріалахъ" на табл. XXIV, 24, она украшена двумя темнокрасными стеклами. Другой предметъ такого-же характера представляетъ четвероногое животное съ носомъ въ видѣ хобота; на боку вставлено овальное темнокрасное стекло; поверхность животнаго была позолочена, мѣстами позолота сохранилась. Изъ серебряныхъ вещей находятся двѣ тонкихъ позолоченныхъ бляшки съ выбитымъ орнаментомъ, по характеру сходныхъ съ изображенными у Шантра „Recherches anthropologiques dans le Caucase", t. III, pl. XIII, 11 и pl. XIV, 25 (изъ могильниковъ Камунты и Камбылте) и двѣ плоскія густо вызолоченныя бляшки сердцевидной формы, съ выпуклой бороздкой по краямъ и съ выпуклыми сердечками вверху и внизу каждой бляшки (длина ихъ $1\frac{1}{4}$ в.); характеръ обѣ бляшки носятъ чисто византійскій. Изъ остальныхъ предметовъ не металлическихъ — шарикъ $\frac{3}{4}$ в. въ діаметрѣ изъ дымчатаго топаза, отлично отшлифованный, конусъ изъ кварца такой же величины, ониксовая ча-

---

1) См. Указатель памятниковъ, стр. 392, №№ 63—65.

шечка, окружность которой $1^1/_2 \times ^7/_8$ в., ножка ея, теперь утерянная, была, повидимому металлическая, такъ какъ на днѣ чашечки находятся 2 сверлины; затѣмъ 2 круглыхъ привѣски изъ раковинъ съ отверстіемъ въ срединѣ, 2 лѣсныхъ орѣха и нѣкоторыя мелкія вещи. Самыми выдающимися предметами изъ всей находки представляютъ обломокъ серебряной сассанидской монеты Хозроя I Анушírвана (531 — 579) [2]), чеканенной въ Дарабджердѣ на 12 г. его царствованія, т.-е. въ 543 г. по Р. Х. Монета имѣетъ сверлину, служащую доказательствомъ, что она

Рис. 1

была привѣскою. Затѣмъ мѣдная круглая бляшка монетообразной формы со сверлиною, съ одной стороны гладкая, съ другой покрытая неяснымъ изображеніемъ фигуры и, повидимому, надписью. (Находка сассанидской монеты VII в. въ Чегемскомъ могильникѣ упомянута проф. В. Θ. Миллеромъ въ ук. соч. стр. 116) И, наконецъ, обломки византійской дарохранительницы (пиксиды), изображенной на прилагаемомъ рисункѣ [3]).

Обломокъ представляетъ часть круглой пиксиды (см. рис. 1), которая, какъ показываетъ высота обломка (8 сант.), едва-ли превосходила обыкновенные размѣры подобнаго рода ящиковъ (8—12 сант. въ

[2]) По опредѣленію В. К. Трутовскаго.

[3]) Описаніе этого обломка сдѣлано по просьбѣ ред. *Д. В. Айналовымъ*, которому приносимъ искреннюю благодарность. Ред.

діаметрѣ) [1]. Чрезвычайная разрушенность обломка, который дошелъ до насъ въ двухъ кускахъ, не мѣшаетъ, однако, составить довольно ясное понятіе о характерѣ всего памятника и опредѣлить смыслъ рельефныхъ изображеній на поверхности этого обломка. Какъ ни мало точекъ для сравненія съ другими памятниками даетъ этотъ обломокъ, однако стиль изображеній является въ этомъ случаѣ главнымъ даннымъ для сужденія о памятникѣ и времени его изготовленія. Прекрасныя, почти античной красоты, фигуры двухъ юношей, напоминающія античныя каріатиды, ихъ цвѣтущія лица, обрамленныя локонами волосъ, лежащихся на макушкѣ ровными прядями на подобіе волосъ на головахъ архаическихъ статуй, ихъ большіе глаза и тронутые улыбкой концы губъ—все это черты ранняго періода христіанскаго искусства, которое еще держится свѣжихъ традицій античнаго и богатое наслѣдіе античной техники привлекаетъ для исполненія христіанскаго сюжета. Въ этомъ смыслѣ важно указать, что мастеръ чрезвычайно тонко расчиталъ связь своего сюжета съ той круглой поверхностью, на которой ему приходилось исполнять сцены. Онъ долженъ былъ изобразить движущіяся вправо фигуры высокимъ рельефомъ. Эти фигуры казались-бы косыми, если бы онъ далъ имъ слишкомъ сильный порывъ вправо и потеряли бы свою естественность, слѣдуя за округляющейся поверхностью пиксиды. Смягчая это движеніе онъ изобразилъ фигуру перваго юноши прямо и спокойно стоящей передъ зрителемъ. Плавное движеніе втораго юноши вправо чувствуется въ легкомъ волненіи въ лѣвую сторону изящныхъ складокъ его одеждъ, обрисовывающихъ изгибъ стана и ложащихся по отодвинутой назадъ правой ногѣ и облегающихъ лѣвую ногу, дѣлающую шагъ впередъ. Болѣе сильное движеніе дано пожилой фигурѣ, выполненной плоскимъ рельефомъ и тѣмъ самымъ отодвинутой на задній планъ въ глубину сцены.

На ровной плоскости диптиховъ и саркофаговъ мы часто встрѣчаемся съ порывистымъ движеніемъ впередъ цѣлыхъ группъ, что и понятно, такъ какъ взглядъ въ такихъ случаяхъ охватываетъ всю композицію сцены между тѣмъ, какъ изгибомъ идущая поверхность пиксиды требуетъ для обзора болѣе сжатаго и уравновѣшеннаго движенія, такъ какъ взглядъ охватываетъ сравнительно небольшое пространство всей поверхности. Этотъ пріемъ изображенія на закругляющейся поверхности очень хорошо выраженъ на Болонской пиксидѣ, гдѣ зритель, поворачивая предъ собой пиксиду, всегда видитъ цѣлую законченную

[1]) Читатели Арх. Изв. и Замѣтокъ знакомы уже съ пиксидами по обстоятельной статьѣ Е. К. Рѣдина, помѣщенной въ №№ 7—8 за 1893 г., въ которой описана древне-христіанская пиксида Болонскаго музея.

сцену. Этотъ пріемъ объясняетъ намъ то различіе, которое замѣтно на первый взглядъ между сценой на обломкѣ пиксиды и тѣми же сценами на другихъ памятникахъ. Для опредѣленія содержанія композиціи на обломкѣ очень важно обратить вниманіе на часть изображенія осла, тонкій хвостъ котораго и прекрасно выполненная нога съ копытомъ видны справо отъ зрителя. Оселъ ступаетъ не по землѣ, а по части плата, поверхность котораго покрыта пересѣкающимися полосками, таквми самыми, какія можно видѣть на платѣ постилаемомъ подъ ноги ослицѣ въ сценахъ въѣзда Христа въ Іерусалимъ на креслѣ Максиміана, на Эчміадзинскомъ и Парижскомъ диптихахъ. Эта подробность является рѣшающей для всей композиціи. Сцена на обломкѣ представляла въѣздъ Христа въ Іерусалимъ. Изъ двухъ композицій, существовавшихъ въ древне-христіанскомъ искусствѣ V — VI в., въ которыхъ изображается оселъ: Путешествіе въ Виѳлеемъ и Въѣздъ Христа въ Іерусалимъ, лишь послѣдняя объясняетъ намъ изображенія двухъ юношей позади осла, которые должны представлять собою юношей израильскихъ, державшихъ вѣтви пальмъ и маслинъ и восклицавшихъ — „осанна!“ [5]) Эти юноши держатъ довольно толстые и короткіе предметы на правомъ плечѣ, которые и должны преставлять пальмовыя и масличныя вѣтви. Въ сценѣ Путешествія Богородицы въ Виѳлеемъ лишь одинъ разъ на Эчміадзинскомъ диптихѣ изображена юная фигура позади осла съ жезломъ въ лѣвой рукѣ, представляющая б. м. сына Іосифа; другая юная фигура въ этой сценѣ, представляетъ Ангела, ведущаго подъ уздцы осла, какъ это можно видѣть въ сценахъ Путешествія въ Виѳлеемъ, изображенныхъ на креслѣ Максиміана, на пластинкѣ Строганова и на Эчміадзинскомъ диптихѣ [6]). Кромѣ того фигура лысаго съ остроконечной бородой человѣка, который идетъ рядомъ съ осломъ держа длинную книгу ни коимъ образомъ не можетъ быть принята за фигуру Іосифа, голова котораго всегда покрыта кудрявыми волосами, лицо опушено короткой и широкой бородой, и который никогда не держитъ книги, а посохъ. Іосифъ обыкновенно или помогаетъ Богородицѣ сойти съ осла (кресло Максиміана и Парижскій диптихъ) или же идетъ сзади разговаривая съ ней (Строгановская пластинка). Фигура пожилаго человѣка представляетъ въ данномъ случаѣ повтореніе тѣхъ фигуръ, которыя довольно часто изображаются на древне - христіанскихъ саркофагахъ и рукописяхъ. Такъ на Латеран-

---

[5]) Матѳ. 21, 2—10; Маркъ 11, 2 10; Лука 19, 29 - 38; Іоаннъ 12, 12.

[6]) См. объ этомъ въ описаніи пластинки отъ диптиха изъ собранія граѳа Г. С. Строгонова въ Римѣ въ Арх. Изв. и Зам. № 6, 1893 г., также статью *Е. К. Рѣдина*, Диптихъ Эчміадзинской библіотеки. СПБ. 1891 г. стр. 7.

скомъ саркофагѣ въ сценѣ въѣзда Христа въ Іерусалимъ одна пожилая бородатая фигура изображена у головы осла, а другая сзади рядомъ съ осломъ. Обѣ фигуры представлены разговаривающими между собою [7]). На другомъ саркофагѣ того же музея пожилая фигура идетъ позади осла и, протягивая вверхъ ладонь, указываетъ на Христа [8]). На третьемъ саркофагѣ того же музея [9]) пожилая фигура идетъ за осломъ, забросивъ правую руку за спину; юноша, идущій рядомъ съ осломъ, поворачиваетъ къ ней голову. Въ Сирійскомъ Евангеліи пожилая фигура идетъ рядомъ съ осломъ и дѣлаетъ жестъ двуперстія говоря съ Христомъ [10]). Въ поздне-византійскомъ искусствѣ также встрѣчается эта пожилая фигура въ описываемой сценѣ, но уже ясно представляющая типъ Апостола Петра, какъ это изображено въ прекрасной Мозаикѣ Палатинской капеллы въ Палермо. Пожилая фигура, такимъ образомъ, представляетъ Апостола, или б. м. даже Евангелиста, сопровождающаго шествіе. По типу ее можно сравнить съ подобной же фигурой на креслѣ Максиміана въ сценѣ исцѣленія слѣпаго [11]), гдѣ она держитъ книгу въ лѣвой рукѣ. Такую же книгу держитъ и другой Апостолъ въ сценѣ умноженія хлѣбовъ и рыбъ на томъ же креслѣ [12]). На книгахъ этихъ двухъ Апостоловъ не изображено креста, какъ нѣтъ его и на книгѣ Апостола на пиксидѣ [13]). Пожилая фигура въ сценѣ Входа въ Іерусалимъ не изображена ни на Парижскомъ, ни на Эчміадзинскомъ диптихахъ.

Такимъ образомъ, сцена Входа Христа въ Іерусалимъ изображена вообще аналогично со сценами на древне-христіанскихъ памятникахъ, хотя и съ нѣкоторыми отличіями, особенно въ изображеніи пожилой фигуры и ранѣе указаннаго спокойнаго движенія фигуръ. Эти фигуры юношей на указанныхъ диптихахъ и саркофагахъ весьма часто, быстро

---

7) Garrucci tav. 313, 4.
8) Ibid. 315, 5.
9) Ibid. 348, 1.
10) Ibid. I, III, tav. 137, 2.
11) Ibid. t. VI tav. 419, 4.
12) Ibid. t. VI, tav. 419, 1.
13) Возбуждаетъ нѣкоторое сомнѣніе продолговатая форма книги, которую держитъ пожилая фигура, признанная за Апостола. Всѣ дошедшіе до насъ оклады Евангелій имѣютъ почти квадратную форму, между тѣмъ, какъ книга въ рукѣ Апостола продолговата и напоминаетъ форму консульскихъ диптиховъ (*κώδιξ κωδίκελλος* юристовъ и ипатовъ, см. Du Cange, Gloss. graec. I, стр. 774). Изображеніе Евангелій у Евангелистовъ и Христа никогда не достигаетъ такой длины. Замѣтимъ здѣсь кстати, что изображенія пожилыхъ фигуръ, которыми искусство обставляетъ сцену Входа въ Іерусалимъ, могутъ быть объяснимы еще на основаніи апокрифическаго Евангелія Никодима, гдѣ говорится о курсорѣ, встрѣтившемъ шествіе Христа на осляти и разспрашивавшемъ о причинѣ возгласовъ народа. Нѣкоторыя разговаривающія фигуры на саркофагахъ въ этой сценѣ могутъ быть объясняемы этимъ мѣстомъ Ев. Никодима. Ср. Tischendorf, Evang., Apocr. Ev. Nicodemi, cap. I.

и радостно поспѣшаютъ вслѣдъ за Христомъ на осляти, дѣлая большіе шаги.

Для приданія большаго выраженія лицамъ, глаза фигуръ углублены посредствомъ небольшихъ дырочекъ, пріемъ извѣстный и на другихъ памятникахъ изъ слоновой кости [14]) на консульскомъ диптихѣ Миланскаго Національнаго музея, на Ватиканской пиксидѣ и др. Тщательная и вмѣстѣ артистическая работа по возможности сглаживающая силу штриха, (далеко стоящая отъ техники Миланскаго диптиха и Вердюнскаго ящика принадлежащаго нынѣ графу Салтыкову, сглаживающей всѣ грубости рѣзца и полирующей поверхность рельефа), встрѣчается также среди памятниковъ, современныхъ обломку пиксиды. Кромѣ того, характеръ фигуръ и ихъ лицъ при античной миловидности даетъ уже и тѣ черты, которыя вполнѣ знакомы намъ позднѣе на креслѣ Максиміана, какъ черты вполнѣ обозначившагося стиля, греческаго или византійскаго. Въ самыхъ фигурахъ юношей нельзя не видѣть извѣстной строгости въ выраженіи общаго склада лицъ и постановкѣ фигуръ, особенно хорошо проявляющихся въ лицѣ втораго юноши и въ типѣ старика, служащаго ближайшимъ прототипомъ для подобныхъ фигуръ на креслѣ Максиміана въ Равеннѣ. Болонская пиксида и особенно Берлинская даютъ чистый античный стиль, свободный въ движеніи и, при небрежности работы Болонской пиксиды, лишь еще болѣе говорящій за чистую античную школу. Обломокъ пиксиды изъ Озеруковскаго могильника замѣчателенъ уже тѣмъ серьезнымъ и строгимъ воодушевленіемъ, которое становится достояніемъ византійскаго искусства. Поэтому не можетъ быть сомнѣній въ греческомъ происхожденіи памятника и въ переносѣ его изъ Константинополя на Кавказъ.

Люксембургская пиксида представляетъ почти такой же высокій рельефъ, ту же правильность и миловидность фигуръ, красоту обликовъ и черныя точки зрачковъ и черты той же строгости стиля.

Тщательная работа и на этой пиксидѣ показываетъ линію по подолу одежды, даетъ локоны и сѣтку волосъ на головѣ. При естественности движеній и при нормальности торсовъ и конечностей, которыя не удлинены и не утолщены, какъ встрѣчается на другихъ памятникахъ, стиль Люксембургской пиксиды можетъ быть сопоставленъ со стилемъ обломка нашей пиксиды. При такихъ данныхъ стиля и техники

---

[14]) Дырочки въ глазахъ могли служить для пасты; сверлины, находящіяся у головы Апостола, служили для прикрѣпы внутренней облицовки пиксиды. Внутренняя сторона сосуда носитъ слѣды орнамента синею и красною краскою; слѣды синей и коричневой краски замѣтны и на поверхности рельефовъ.

можно отнести обломокъ пиксиды къ V вѣку и скорѣе ко второй его половинѣ, чѣмъ первой.

Первая находка на Кавказѣ памятника, восходящаго къ такой почтенной древности, является интересной сама по себѣ въ томъ смыслѣ, что предметъ извлеченъ изъ погребальнаго склепа и слѣдовательно не можетъ быть считаемъ за предметъ, изготовленный позднѣе остальныхъ предметовъ, найденныхъ въ склепѣ, и долженъ быть ранѣе самаго погребенія. Если относительно Эчміадзинскаго диптиха VI вѣка неизвѣстно, въ какое время онъ сталъ украшеніемъ ризницы, то на счетъ обломка пиксиды не можетъ быть никакихъ сомнѣній, что онъ появился на Кавказѣ въ V вѣкѣ. Такое данное имѣетъ свою важность для археологіи Кавказа, поставляющаго громадное количество памятниковъ христіанской древности вплоть по XVI—XVII столѣтія. Становясь въ рядъ тѣхъ немногочисленныхъ предметовъ древне-христіанскаго искусства, которые указаны въ сочиненіи Дюбуа де Монпере, Кондакова и отчасти Стржиговскаго, обломокъ пиксиды начинаетъ собою отдѣлъ издѣлій изъ слоновой кости, такъ какъ до сихъ поръ на Кавказѣ еще неизвѣстно подобныхъ предметовъ ранѣе Эчміадзинскаго диптиха.

Позже въ Историческій музей доставлено изъ той же мѣстности, но безъ болѣе точнаго опредѣленія мѣста находки: глиняный сосудъ, $7^1/_2$ в. вышины, изъ темной глины, въ формѣ птицы, напоминающей цесарку; пара золотыхъ серегъ, совершенно подобныхъ изображеннымъ въ упом. соч. Шантра, t. III, pl. XIV, 7; 2 золотыя индикаціи съ лицевой стороны золотой монеты Юстиніана II Ринотмета и его сына Тиверія IV (705—711), изображ. у Сабатье на табл. XXXVIII, 9, и 12 золотыхъ индикацій, съ лицевой стороны золотой монеты Льва III (716—743), изобр. тамъ же, на табл. XXXIX, 20. Индикаціи, очевидно, служили украшеніемъ одеждъ, такъ какъ всѣ имѣютъ отверстія. Всѣ упомянутыя находки имѣютъ важное значеніе для могильниковъ данной мѣстности, такъ какъ довольно точно опредѣляютъ эпоху устройства баксанскихъ могилъ.

II

Къ вопросу о древнемъ поселеніи вблизи Евпаторіи.

Западный берегъ Таврическаго полуострова представляетъ чрезвычайно интересное поле для археологическихъ изслѣдованій; новѣйшія эпиграфическія данныя подтвердили свидѣтельства древнихъ писателей, что здѣсь находилась Керкинитида, Калосъ - Лименъ и „другія укрѣпленія". Большинство изслѣдователей, занимавшихся древнею топографіею этой мѣстности, за исключеніемъ очень немногихъ (Бруна, П. О. Бурачкова), ограничивались одними кабинетными работами, тогда какъ вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ положительно только тогда, когда приступятъ къ археологическимъ изысканіямъ, раскопкамъ, такъ сказать, провѣрять то, что добыто кабинетною работою.

Послѣдній разъ въ 1880 году г. Бурачковъ изслѣдовалъ побережье Чернаго моря въ предѣлахъ Евпаторійскаго уѣзда; его изслѣдованія, вблизи самой Евпаторіи несмотря на всю тщательность ихъ дали чрезвычайно незначительный археологическій матеріалъ и не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Послѣ того свѣдѣнія наши о древнихъ поселеніяхъ западнаго побережья Крыма дополнились находкою въ 1891 г. въ Херсонесѣ гражданской присяги херсонесцевъ (см. Матеріалы, изд. Археолог. Комиссіею, вып. 9) съ упоминаніемъ тѣхъ же, извѣстныхъ городовъ Керкинитиды, Калосъ-Лимена, но вопросъ съ археологической стороны не подвинулся нисколько.

Случайныя открытія древностей вблизи Евпаторіи въ 1893 г. заставили меня отправиться туда, чтобы собрать всѣ данныя этихъ случайныхъ открытій и лично осмотрѣть находки, которыя являются чрезвычайно интереснымъ матеріаломъ для археологіи Евпаторійскаго уѣзда вообще и окрестностей Евпаторіи въ частности, такъ какъ вносятъ большой интересъ къ вопросу о древнемъ поселеніи вблизи Евпаторіи.

Первоначальное, древнѣйшее поселеніе вблизи Евпаторіи, повидимому, можно отнести къ доисторической древности, какъ показали раскопки П. О. Бурачкова (находка кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ) [1], находки Д. Я. Самоквасова [2], а также мои многочисленныя находки въ пескѣ наконечниковъ стрѣлъ и различныхъ орудій каменной культуры.

Находки остатковъ исторической культуры были констатированы

---

[1]) Записки И. Одесскаго Общ. Исторіи и Древностей, томъ XII, стр. 245.

[2]) Проф. Д. Я. Самоквасовъ. Основанія хронологической классификаціи и каталогъ коллекціи древностей, стр. 85.

П. О. Бурачковымъ, который въ 1873 г. [1]) писалъ, что „начавъ свои изслѣдованія отъ Карантина, т. е. съ оконечности нынѣшней Евпаторіи, мы почти на каждомъ шагу встрѣчали обломки отъ греческихъ амфоръ, по большей части съ клеймеными ручками. Монеты Херсонскія и Керкинитидскія, находимыя въ этой мѣстности, принадлежатъ періоду времени, совпадающему съ поступленіемъ Херсониса подъ покровительство Миѳрадата". Я не знаю насколько многочисленно было количество собранныхъ г. Бурачковымъ амфорныхъ ручекъ съ клеймами, но долженъ замѣтить при этомъ, что, занимаясь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изслѣдованіемъ именно этого мѣста, мнѣ ни разу не попалось ни одной ручки съ клеймомъ, да и вообще никакихъ надписей на обломкахъ сосудовъ, исключая 2 найденныхъ въ 1893-мъ году и упомянутыхъ ниже.

Въ 1880 году г. Бурачковъ изслѣдовалъ городище въ этой же мѣстности (т. е. на пространствѣ отъ Карантина до Майнакскаго озера), но ближе къ озеру, о чемъ почтенный изслѣдователь писалъ, что „несмотря на самыя тщательныя поиски на всемъ пространствѣ городища, ни одному изъ рабочихъ, въ количествѣ разновременно 100 человѣкъ, не удалось встрѣтить ни монетъ, ни другихъ предметовъ кромѣ кусочковъ стекла и одного горлышка отъ амфоры съ надписью *ΒΟΙΤΑΣΙΛΟΥ*" [2]).

Кромѣ этого, г. Бурачковымъ найдено кладбище какъ древнѣйшихъ первоначальныхъ обитателей этой мѣстности (найдено 2 грубыхъ кремневыхъ наконечника стрѣлъ), такъ и позднѣйшихъ, представляющее „на глинистой почвѣ мѣста, обложенныя въ видѣ кружковъ нѣсколькими камнями, глубоко вошедшими въ землю". Описаніе изслѣдованія одного изъ такихъ мѣстъ помѣщено въ Извѣстіяхъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, въ XII томѣ на стр. 246 и особеннаго интереса не представляютъ, такъ какъ найдено „одно желѣзное стремя и 2 желѣзныхъ кольца отъ удилъ съ выпуклыми шариками", нѣсколько мелкихъ вещей, да изогнутой формы сабля.

Что касается находокъ Д. Я. Самоквасова, то онѣ были слѣдующія [3]): „Треугольный бронзовый наконечникъ стрѣлы, бронзовый гвоздь, изогнутая бронзовая проволока, фигурная бронзовая бляха, фрагменты бронзовыхъ бляхъ разной формы; спиральное кольцо изъ серебряной проволоки, сережка изъ тонкой серебряной проволоки, серебряное проволочное колечко, стеклянная буса, фрагменты стеклянныхъ браслетовъ,

[1]) Извѣстія Одесскаго Общ. Истор. и Древностей, т. IX, стр. 122.
[2]) Извѣстія Одесскаго Общ. Истор. и Древ., томъ XII.
[3]) Каталогъ коллекціи древностей проф. Д. Я. Самоквасова, 1892 г., стр. 85.

подвѣска изъ продырявленной морской раковины, глиняная и шиферная пряслицы, кремневые осколки разной формы, пять желѣзныхъ ножиковъ, донышко терракотоваго, покрытаго чернымъ лакомъ, сосуда съ вытиснутымъ узоромъ и автономная мѣдная херсонесская монета".

Переходя далѣе къ послѣднимъ находкамъ, считаю не лишнимъ помѣстить обстоятельства, вызвавшія ихъ.

Вся западная часть окрестностей Евпаторіи, отъ такъ называемаго Карантина до Біюкъ-Майнакскаго озера, раздѣлена на *участки*, величиною въ 1 десятину и отдается городомъ въ аренду подъ постройку „дачъ". Многіе участки, взятые для этой цѣли, разрабатываются: земля перекапывается, удобряется и дѣлается болѣе годной для виноградниковъ, баштановъ и—вообще растительности. Разрабатывая такимъ образомъ участки подъ плантажи, рабочіе, копая не глубже пяти четвертей, нашли случайно нѣсколько склеповъ, гробницъ, погребальныхъ урнъ, а также нижеописанныя вещи, которыя указываютъ, что здѣсь было древнее кладбище, которое, судя по найденнымъ предметамъ, можетъ быть отнесено къ первымъ вѣкамъ до Р. Х.

Находки 1893 года сосредоточены въ 3-хъ *участкахъ*, изъ коихъ каждый названъ по номерамъ. Всѣ они находятся въ 250—400 саж. отъ моря, между Карантиномъ и валомъ, оставшимся послѣ Севастопольской войны, саж. въ 50 отъ послѣдняго, а также недалеко отъ дороги, идущей изъ Евпаторія къ Біюкъ-Майнакскому озеру и къ грязелѣчебному заведенію.

Первый участокъ.

1) Стеклянный сосудикъ въ формѣ амфоры съ двумя ручками, расширяющимся горлышкомъ и острымъ дномъ, высотою 10 сантим., изъ темносиняго стекла съ разводами, голубыми и желтыми.

Сосудикъ этотъ найденъ у изголовья дѣтскаго остова, въ землѣ, смѣшанной съ золою и кусочками угля, при чемъ никакихъ другихъ вещей найдено не было. Былъ ли заключенъ названный остовъ въ каменной гробницѣ, рабочіе рѣшительно сказать не могли, такъ какъ плиты встрѣчались часто, вынимались безъ всякаго вниманія и складывались въ кучи по мѣрѣ ихъ нахожденія.

2) Лекиѳъ глиняный, высотою около 13 стм. съ одною ручкою, съ изображеніемъ палестрической сцены, довольно грубой работы; фигуры черныя по красному полю; подъ горлышкомъ изображенъ пѣтухъ. Лекиѳъ этотъ найденъ нъ глубинѣ 1 арш. въ глинистомъ грунтѣ, совершенно отдѣльно, т. е. безъ костяка или другихъ какихъ либо вещей. Къ югу отъ этихъ предметовъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, найденъ склепъ около 4 арш. длины и 2 арш. ширины,

сложенный изъ тесанныхъ громадныхъ известковыхъ камней. Длина плитъ равняется 2-мъ арш. (почти соотвѣтствуетъ ширинѣ склепа), ширина около $^3/_4$ арш., высота $^1/_2$ арш. Гробница эта, расположенная по длинѣ съ востока на западъ, заключала въ себѣ остовъ, который былъ вынутъ рабочими. Случайно сохранившаяся нижняя и верхняя челюсти дали мнѣ возможность заключить, что остовъ принадлежалъ молодому лицу, такъ какъ зубовъ мудрости еще не было. Что было найдено въ этой гробницѣ—не извѣстно; замѣчу только, что кругомъ этой гробницы, земля, которая была взрыта, была усѣяна массою обломковъ большихъ амфоръ, видимо (судя по излому) только что разбитыхъ, а разрывая землю, выброшенную изъ этой гробницы, мнѣ удалось собрать частицы разбитыхъ черепковъ, покрытыхъ черной поливой съ вытиснутымъ узоромъ, при чемъ изъ нихъ можно было возстановить нижнюю часть разбитаго сосуда.

Нѣсколько выше этихъ находокъ, т. е. къ сѣверу, была найдена гробница, выложенная изъ тесаныхъ известковыхъ камней, длиною $3^3/_4$ ар., шир. 1 ар. 2 вер. и глубиною $^1/_2$ арш. Что было въ ней, кромѣ костяка,—не знаю; въ настоящее время частью этой гробницы воспользовались, чтобы сдѣлать изъ нея колодезь. Вблизи ея немного на сѣверъ нашли большую цѣльную амфору 13 вер. вышины.

Второй участокъ.

На этомъ участкѣ была сосредоточена самая интересная часть находокъ 1893-го года. Этотъ участокъ находится въ 50 саженяхъ на востокъ отъ перваго и такимъ образомъ ближе подходитъ къ французскому валу, оставшемуся послѣ севастопольской войны. Здѣсь, на этомъ участкѣ, найдена гробница, подобная второй изъ вышеописанныхъ, расположенная также по длинѣ съ востока на западъ, такихъ же размѣровъ и глубиною въ 1 арш. Въ ней найденъ былъ одинъ лишь костякъ, черепъ котораго я взялъ. Вблизи этой гробницы, нѣсколько на востокъ, найденъ кувшинъ, высотою $9^1/_2$ верш., содержащій въ себѣ остатки костяка. Кувшинъ этотъ имѣетъ круглую форму и широкое расширяющееся кверху горлышко. Подобнаго рода кувшины я видѣлъ въ музеѣ Херсонеса. Въ этомъ же участкѣ недалеко какъ отъ гробницы, такъ и отъ кувшина найдены слѣдующіе предметы:

Рис. 2

1) Бронзовая монета города Каркенитиды, типа—до сихъ поръ неописаннаго (см. рис. 2). На лицевой сторонѣ изображена Ника съ пальмовою вѣтвью въ рукѣ; надпись (имя города) *КАРК*. На обратной сторонѣ изображенъ левъ, напавшій на быка; внизу—имя чинов-

ника *НРАКЛ*. Начертаніе *Καρκινῖτις* уже встрѣчалось въ нумизматикѣ этого города (см. Матеріалы по древней нумизматикѣ и проч., А. Орѣшникова, стр. 6), такъ-же, какъ и имя Иракла (ib); изображенія же обѣихъ сторонъ встрѣчаются на монетахъ этого города впервые, но заимствованы, по всей вѣроятности, съ монетъ херсонесскихъ (см., напр., П. О. Бурачковъ, Общій Каталогъ, XV, 50). Судя по начертанію имени города и по характеру изображеній, монету можно отнести къ III в. до Р. X. Находка монеты Керкенитиды въ этой мѣстности представляетъ большую важность, такъ какъ указываетъ на близость мѣстонахожденія города, гдѣ она чеканена.

Кстати замѣчу, что, находясь каждое лѣто въ Евпаторіи, я нерѣдко пріобрѣталъ монеты, которыя находятъ татары вблизи Евпаторіи на томъ же интересномъ пространствѣ отъ Карантина до Біюкъ-Майнакскаго озера. Цѣлыя татарскія семейства спеціально занимаются разыскиваніемъ монетъ въ пескахъ, особенно послѣ дождей и продаютъ ихъ пріѣзжимъ. Изъ монетъ, находимыхъ здѣсь, мнѣ пришлось пріобрѣсти до 12 штукъ монетъ Керкенитиды. Затѣмъ тутъ попадается очень много автономныхъ херсонесскихъ монетъ, которыхъ пріобрѣтено мною до 200 штукъ. Попадаются здѣсь также нерѣдко монеты города Амиса, рѣже Пантикапеи и еще рѣже – Ольвійскія. Монетъ херсонесскихъ византійскаго періода я ни разу не встрѣчалъ, хотя пересматривалъ не одну сотню здѣсь найденныхъ монетъ. Изъ монетъ же позднѣйшаго періода встрѣчаются римскія императорскія — до II вѣка включительно; болѣе позднихъ я не встрѣчалъ.

Всѣ эти данныя, въ связи съ другими находками вблизи Евпаторіи, представляютъ интересъ не только въ отношеніи поселенія, здѣсь когда то безусловно бывшаго, а также приблизительнаго опредѣленія вѣка существованія городища, но и по отношенію къ вопросу о мѣстонахожденіи Керкенитиды.

2) Глиняное рельефное изображеніе крылатой фигуры съ уборомъ на головѣ. Фигура сдѣлана изъ желтой глины (выш. 9 с.) и сохранила слѣды красной краски.

3) Третья находка—это глиняная головка, величиною съ вершокъ, изъ желтой глины, представляющая собою женщину, закрытую покрываломъ.

Всѣ упомянутые три предмета найдены на глубинѣ, не превосходящей 5 четвертей, и въ очень близкомъ разстояніи одна отъ другой. На всемъ этомъ пространствѣ часто попадались кучи золы, смѣшанныя съ кусочками угля, костяки, свѣтильники, урночки, большіе кувшины съ золою, чашечки, амфоры и пр. Въ одномъ кувшинѣ, вмѣстѣ съ

костями, найдена терракотовая чашечка съ черной поливой снаружи и внутри, а также 2 стеклянныя бусы, очень большія и продолговатыя. Изъ монетныхъ находокъ въ этомъ мѣстѣ, кромѣ вышеописанныхъ, было 2 случая нахожденія херсонесскихъ монетъ: одна съ квадригой, а другая—со львиною головкою и звѣздочкою. Какъ мнѣ передавали, статуэтокъ всего было найдено до 20 (?), изъ которыхъ 2 были проданы, остальныя разбиты рабочими и только случайно мнѣ удалось пріобрѣсти вышеописанныя у нашедшаго ихъ рабочаго.

Третій участокъ, въ которомъ были сдѣланы находки, расположенъ саженяхъ въ 50 на востокъ отъ втораго. Здѣсь найдены: склепъ безъ костяка, черная погребальная (?) урна и 2 большихъ амфоры, изъ коихъ одна съ клеймомъ ..... *ΣΕ*
ΟΑΡΙΣΤΟ
ΚΛΕΟΣ и масса различныхъ сосудовъ. Вблизи этой пустой гробницы найденъ былъ склепъ ребенка, а также разбитый расписной кратеръ. Подъ ручкой его изображенъ акротерій, возлѣ котораго во все поле кратера изображенъ стоящій юноша въ профиль съ непокрытою головою, завернутый въ длинную безрукавную мантію, одинъ конецъ которой наброшенъ на правое плечо; возлѣ него другая, повидимому, человѣческая фигура, отъ которой уцѣлѣла только нижняя часть. Далѣе, на остальной сохранившейся части кратера изображена идущая женщина въ длинной одеждѣ, съ приподнятою вверхъ правою рукою. По обѣ стороны женской фигуры представлено ложе, на коемъ лежатъ, съ одной стороны—двое, а съ другой—одинъ, полуобнаженные мужчины (ноги коихъ покрыты покрывалами), облокотившіеся лѣвыми руками на изголовье и смотрящіе на идущую женщину. Передъ ними стоитъ столъ.

Изъ мелкихъ бронзовыхъ вещей, найденныхъ на этомъ пространствѣ въ различное время, мнѣ извѣстны слѣдующія вещи: ступня — обломокъ очень маленькой бронзовой статуэтки превосходной работы, бронзовая ручка, держащая въ рукахъ яблоко, конекъ, служившій украшеніемъ конской сбруи, работы варварскаго характера; цѣлая бронзовая фибула, обломокъ фибулы въ видѣ утиной головки, нѣсколько обломковъ бронзовыхъ перстней съ вырѣзанными на нихъ изображеніями на одномъ—Геркулеса съ палицею, на другомъ—стоящей крылатой фигуры съ вѣтвью въ рукѣ, и наконецъ на третьемъ изображена сидящая фигура женщины. Стекло попадается здѣсь, но мало и въ слишкомъ мелкихъ разбитыхъ частяхъ, хотя въ 1893-мъ году найдена была плоская пронизка изъ синяго стекла съ изображеніемъ съ обѣихъ сторонъ бородатой головы. Изъ случайныхъ находокъ въ 1893 году найдены въ самомъ городѣ: стеклянный пузырекъ, на глубинѣ 1 $^1/_2$ саж., и горлышко,

отъ большой амфоры, съ клеймомъ *ΥΡΙΛΕΙΟΣ ΣΤΥΦΩ* Этотъ обломокъ найденъ въ полѣ по дорогѣ въ деревню Оразъ, въ 1½ верстахъ отъ Евпаторіи.

Перечисленныя находки, сопровождаемыя монетами Керкинитиды, полагаю, могутъ служить подтвержденіемъ, что именно въ этой мѣстности надобно искать исчезнувшій городъ, и я позволяю себѣ выразить надежду, что какое либо изъ нашихъ археологическихъ учрежденій предприметъ систематическую раскопку городища, расположеннаго около Евпаторіи, которая, по всей вѣроятности, дастъ не мало интереснаго для исторіи и археологіи Крыма.

Н. Романченко.

III

Обозрѣніе раскопокъ, находокъ, пріобрѣтеній древностей музеями и разныя извѣстія.

—— Въ прошломъ 1893 г. въ Бронницкомъ уѣздѣ, Московской губерніи, однимъ крестьяниномъ былъ найденъ кладъ, вѣсомъ около 1½ пудовъ, состоящій исключительно изъ мѣдныхъ копѣекъ Петра I, преимущественно годовъ 1711, 1712, 1713, 1714, немного 1715 г. и нѣсколькихъ экземпляровъ годовъ до 1711-го. Кладъ этотъ поступилъ въ богатое собраніе русскихъ монетъ П. В. Зубова, которымъ частью разобранъ и въ числѣ монетъ найдены три экземпляра, представляющіе интересъ для нумизматовъ - собирателей, изображенные съ разрѣшенія владѣльца на прилагаемыхъ рисункахъ 3—5. Особенности ихъ слѣдующія: на копѣйкѣ 1709-го года вмѣсто обычныхъ буквъ Б. К. (Большой Казны) подъ изображеніемъ всадника ошибочно поставлены Б. Г. На одной копѣйкѣ 1711-го года, на обратной сторонѣ, подъ годомъ ҂аѱаі *славянскими* буквами

Рис. 3—5

вырѣзанъ 1711-й годъ *арабскими* цифрами. На другой копѣйкѣ того-же года обычныхъ буквъ подъ всадникомъ М. Д. (Московскаго Двора) не находится.

——— В. И. Грачевъ сообщаетъ въ Смоленскихъ Губ. Вѣд. (№ 50, 1893 г.) свѣдѣніяхъ о двухъ каменныхъ изваяніяхъ, находяшихся въ Смоленской губ. Одно изъ нихъ находится въ мѣстномъ Историческомъ Музеѣ, а другое въ 45 вер. отъ Рославля на полѣ крестьянъ дер. Болваны.

Каменная баба, находящаяся въ музеѣ, пожертвована помѣщикомъ Смоленскаго уѣзда А. А. Вонлярлярскимъ, въ имѣніи котораго она стояла въ саду, вкопанная по поясъ въ землю. Какимъ образомъ она попала въ Смоленскую губернію—не сохранилось никакихъ преданій. Изваяніе имѣетъ въ длину 2 арш. 4 вершка, въ ширину въ плечахъ 12 вершковъ; довольно большая голова покрыта сверху чалмой, которая спадаетъ внизъ по гладкой широкой спинѣ изваянія. На стертомъ отъ времени лицѣ замѣтны впалыя широкія скулы; едва замѣтныя изъ подъ нависшихъ волосъ уши, украшены крупными серьгами; узкіе глаза, стертый отъ времени носъ; туповатый подбородокъ и отвислая грудь. На шеѣ изображены ожерелья изъ бусъ и другія украшенія. Животъ выпученъ. Изваяніе сдѣлано изъ сѣраго гранита. Видны также слѣды рукъ, но отъ времени ли или отъ другой какой причины—утрачены; нижняя часть изваянія—безформенна.

Другое каменное изваяніе находится, какъ сказано выше, на полѣ крестьянъ деревни Болваны. Это грубое изваяніе, смутно напоминающее либо крестъ, либо фигуру человѣка. Нѣкоторыя принимаютъ это изваяніе за пограничный крестъ, другіе видятъ въ немъ языческое божество Велеса. Изваяніе высѣчено изъ сѣроватаго камня, представляющее въ своемъ основаніи пирамиду, постепенно съуживаясь кверху, выше плечъ принимаетъ оно уже плоскую форму; углублено въ землю вершковъ на десять, а надъ землей возвышается на 1 арш. 2 вершка. Находясь среди разбросанныхъ по полю различной величины камней, неизвѣстно когда и кѣмъ поставленное здѣсь, служитъ это изваяніе для окрестнаго крестьянскаго населенія предметомъ суевѣрныхъ разсказовъ. О происхожденіи его среди крестьянъ существуетъ слѣдующая легенда: „Это было давно, — говорятъ крестьяне, наша бабушка (какъ они называютъ это изваяніе) пасла свое большое стадо овецъ и помогала многимъ людямъ. Но вотъ однажды проходитъ по этому мѣсту какой-то святой мужъ и, увидѣвъ бабушку, праздно стоявщую среди бродящаго стада, обратился къ ней съ просьбой о какой-то услугѣ, но бабушка отказалась услужить святому и не захотѣла двинуться даже съ мѣста: „будь же ты камнемъ,—сказалъ разгнѣванный праведникъ,—и камнями

станетъ все стадо твое!... и мгновенно окаменѣлъ пастухъ на вѣки, и превратилось въ камни все стадо его".

До настоящаго времени изваяніе это пользуется среди крестьянъ большою популярностью, жители окрестныхъ деревень чтутъ его какъ святыню, и вѣрятъ въ какую-то особенную силу „своей бабушки"; она защищаетъ, по ихъ мнѣнію, посѣвы отъ градобитій, грозъ, неурожаевъ, отъ болѣзней и другихъ несчастій и считается покровительницею конопли. Всякая непочтительность къ ней не остается безнаказанной.

Въ 1890 году правленіе мѣстнаго историческаго музея ходатайствовало о доставкѣ этого изваянія въ музей, но ходатайство это пришлось отклонить, такъ какъ рославльскій исправникъ, которому поручено было это дѣло, донесъ, что, по мнѣнію становаго пристава, весьма возможно ожидать со стороны крестьянъ деревни Болваны сопротивленія, въ случаѣ отобранія у нихъ этого изваянія, такъ какъ даже духовенство не можетъ оказать никакого вліянія на ослабленіе ихъ суевѣрія. Въ виду чего предложено было рославльскому исправнику пріостановиться принятіемъ какихъ либо мѣръ къ доставленію этого изваянія въ Смоленскій музей, безъ добровольнаго согласія на это со стороны крестьянъ деревни Болваны.

—— Любопытнымъ опытомъ розысканія въ Сѣверо-западномъ краѣ слѣдовъ древнихъ доисторическихъ поселеній славянъ занялся г. Серно-Соловьевичъ на страницахъ „Виленскаго Вѣстника".

Одно изъ мѣстечекъ Виленской губерніи носитъ названіе Кривичи, совершенно совпадающее съ названіемъ одного изъ древнихъ славянскихъ племенъ. Но племя кривичей имѣетъ также,—говоритъ авторъ,—указаніе въ названіи деревни Минской губерніи — Кривичаны. Но самымъ замѣчательнымъ, въ указанномъ отношеніи, является названіе одного изъ селъ Минской губерніи Ольберовичи. Въ этомъ названіи цѣликомъ сохранилось имя одного изъ племенъ, упоминаемыхъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ"—племени ольберовъ. Въ названіяхъ бѣлорусскихъ городовъ и селеній имѣются не только указанія на разныя племена, населявшія нѣкогда Россію, но и на имена древне-русскихъ божествъ, хотя этихъ послѣднихъ указаній весьма мало для примѣра можно взять названіе села Минской губерніи—Волосовичи. Въ этомъ названіи можно усматривать остатокъ имени древне-русскаго божества Волоса. Вообще, названія бѣлорусскихъ городовъ и селеній представляютъ значительный матеріалъ для историка-археолога, и весьма желательно было бы строго научнымъ историческимъ путемъ разслѣдовать этотъ матеріалъ для возстановленія исторіи древней Бѣлой Руси. (Новости, № 307, 1893 г.).

—— Тамбовскій Историческій Музей, ввѣренный попеченію Тамбовской Ученой Архивной Коммиссіи, какъ сообщаетъ правитель дѣлъ названной коммиссіи, г. Дьяконовъ, въ 1893 году получилъ прекрасное помѣщеніе, просторное, свѣтлое и вполнѣ обезпеченное отъ огня; онъ получилъ превосходныя витрины, красивыя по внѣшности и вполнѣ цѣлесообразныя по конструкціи, какъ для расположенія предметовъ, такъ и по экономіи вмѣстѣ. Помѣщеніемъ и средствами, израсходованными на его роскошное обзаведеніе, музей обязанъ г. предсѣдателю комитета губернскаго музея, почетному члену Тамбовской коммиссіи Е. Д. Нарышкину; иниціатива же отведенія залъ именно подъ музей и устройство новыхъ витринъ принадлежитъ архитектору А. С. Четверикову.

Коллекціи музея, благодаря сочувствію общества къ учрежденію, продолжаютъ увеличиваться, а съ переходомъ въ новое помѣщеніе и съ размѣщеніемъ предметовъ въ прекрасныхъ витринахъ, пожертвованія навѣрное умножатся. Для жертвователя важна увѣренность, что переданные имъ предметы не погибнутъ отъ случайной неосторожности, чего нельзя было не бояться, соображаясь съ условіями прежняго помѣщенія музейскихъ предметовъ.

Изъ пожертвованій 1893-го года обращаютъ на себя вниманіе могильныя находки близъ села Кошебѣева, извлеченныя случайно изъ земли въ имѣніи гг. Траскиныхъ, при постройкѣ толчеи. Передавая въ музей эти предметы археологической находки, гг. Траскины выразили свои согласіе на вскрытіе всего могильника и готовность принять на свой счетъ расходы по этому дѣлу. Коммиссія съ благодарностью приняла любезное предложеніе гг. Траскиныхъ, но истекшимъ лѣтомъ не могла заняться раскопками могильника, за неимѣніемъ опытнаго въ этомъ дѣлѣ руководителя. Цѣнный вкладъ въ естественно-историческій отдѣлъ музея сдѣлалъ А. С. Четвериковъ, пожертвовавшій коллекцію чучелъ птицъ и животныхъ. Г. А. Іогансенъ пожертвовалъ большіе старинные часы съ показателемъ чиселъ мѣсяца и съ боемъ четвертей. На циферблатѣ ихъ имѣется рельефное изображеніе фамильнаго герба ихъ старинныхъ владѣльцевъ, но кто эти владѣльцы, жертвователь не знаетъ, такъ какъ часы пріобрѣтены его отцомъ случайно (Тамб. Губ. Вѣд.).

—— 24 ноября 1893 г. утвержденъ управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія уставъ вновь учреждаемаго новгородскаго общества любителей древности, имѣющаго цѣлью: изученіе памятниковъ старины, находящихся преимущественно въ предѣлахъ Новгородской губерніи, наблюденіе въ возможныхъ случаяхъ за ихъ сохранностью и содѣйствіе правительственнымъ учрежденіямъ въ

охраненіи ихъ. Для достиженія означенной цѣли, Общество предполагаетъ собирать, описывать и хранить остатки старины, производить разнаго рода раскопки и заниматься разборомъ сочиненій какъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ, относящихся до прошлаго Новгородской земли, а также заботиться объ устройствѣ древлехранилищъ и библіотеки для научныхъ цѣлей. Учреждаемое Общество состоитъ изъ членовъ почетныхъ, дѣйствительныхъ и сотрудниковъ. Новгородскій губернаторъ считается почетнымъ попечителемъ Общества (Нов. № 332, 1893 г.).

—— Св. синодъ недавно утвердилъ уставъ новаго церковно-археологическаго общества, которое учреждается въ гор. Житомірѣ въ память 900-лѣтія волынской архіерейской каѳедры и 100-лѣтія со дня возсоединенія Волыни съ Россіей. При Обществѣ будетъ открыто древлехранилище, а также епархіальная библіотека (Нов. № 337, 1893 г.).

—— Императорское Православное Палестинское Общество приступаетъ къ изданію хранящихся въ главномъ (московскомъ) архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ всѣхъ греческихъ грамотъ іерусалимскихъ патріарховъ и другихъ духовныхъ лицъ, жившихъ въ Іерусалимѣ. Редакцію этого изданія принялъ на себя проф. А. С. Павловъ. (Нов., № 349, 1893 г.).

—— Въ январѣ 1893 года Императорская Академія Наукъ, черезъ посредство нашего посланника въ Пекинѣ, обратилась къ содѣйствію китайскихъ ученыхъ, для объясненія снимковъ съ нѣкоторыхъ надписей, сдѣланныхъ въ Монголіи орхонскою экспедиціею академика Радлова [1]). Китайскіе министры весьма сочувственно отнеслись къ просьбѣ академіи и сообщили россійскому Императорскому посланнику, графу Кассини, результаты своихъ изслѣдованій въ слѣдующемъ письмѣ:

„4-й луны, 26-го числа (мая 29-го дня 1893 года) мы имѣли честь получить отъ вашего сіятельства частное письмо, при которомъ были препровождены намъ на просмотръ найденныя въ Монголіи русскими учеными и изданныя въ видѣ литографическихъ таблицъ историческія надписи. Изъ обозрѣнія этихъ таблицъ мы усмотрѣли, что ученые путешественники почтеннаго государства съ большимъ стараніемъ отнеслись къ своей задачѣ отыскать древніе слѣды мѣстныхъ дворцовыхъ зданій, и добытые ими результаты весьма достаточны, чтобы пополнить пробѣлы въ исторіи. Мы съ большимъ вниманіемъ приступили къ изученію (этихъ памятниковъ) и въ высшей степени рады (полученію возможности ознакомиться съ ними).

„Въ письмѣ своемъ ваше сіятельство предложили намъ заняться

---

[1]) См. Арх. Изв. и Зам. 1893 г., стр. 131.

разъясненіемъ этихъ памятниковъ и о результатахъ нашего изслѣдованія увѣдомить васъ, и прочее. Мы, князь и сановники, разсмотрѣвъ таблицы, нашли, что шестнадцатый листъ, содержащій надпись китайскими знаками (въ честь) Цюэтециня, представляетъ выгравированную собственноручную надпись, писанную Императоромъ Танской династіи Сюань-цзунь. Семнадцатый листъ, содержащій надпись (въ честь) Моцзиланя, представляетъ собою выгравированную собственноручную надпись, писанную тѣмъ же Танскимъ императоромъ Сюань-цзунъ. Что же касается причины, по которой были воздвигнуты эти два памятника, то объ этомъ можно узнать изъ Танской исторіи и изъ собраній сочиненій знаменитыхъ мужей. Моцзилянь и Цюэтецинь были родные братья, сыновья Модокэ-хана, изъ послѣднихъ представителей династіи Туцзюэ'ской. Послѣ смерти Модокэ-хана престолъ занялъ старшій сынъ Моцзилянъ, подъ именемъ Бицзякэ-ханъ. Цюэтецинь, собравъ большое войско, помогалъ ему и навелъ страхъ на сѣверныя страны, но при этомъ постоянно имѣлъ въ виду вступить въ родственныя связи съ танскимъ домомъ. Бицзя вступилъ къ танскому императору Сюань-цзунъ въ сыновнія отношенія, и согласіе продолжалось десять слишкомъ лѣтъ. По этой причинѣ, послѣ смерти Цюэтециня, Танскій Сюань-цзунъ весьма его почтилъ. Когда же умеръ послѣ того Бицзя, то и къ нему отнесся также. Не только надписи эти выгравированы китайцами, но находящіяся передъ могилами каменныя изображенія также сработаны посланными для того изъ Китая искусными мастерами.

„Что же касается тридцатаго и тридцать перваго листовъ, то недостаточно полныя надписи (изображенныя на нихъ) принадлежатъ хану Гуа-гу'скому, по времени занимавшему престолъ въ серединѣ этой династіи и которому танскій императоръ Де-Цзунъ пожаловалъ потомъ титулъ „Гуайсинь“ (питающій вѣрность) Кэханъ. Упоминаемый въ надписяхъ этихъ Гудулу, это тотъ, который въ Танской исторіи названъ Г'удулу,— это имя хана. Первоначально онъ былъ главою фамиліи Цзя-до и получилъ власть преемственно отъ фамиліи Ёлеге. (Народъ) Хайгу въ царствованіе Долосы неоднократно былъ побѣждаемъ Туфанями, и поколѣнія Гэлу и Чжуэ возстали и отдѣлились. Въ это время Гуайсинь получилъ власть, и военное могущество (народа Хайгу) снова усилилось. Памятникъ съ надписью воздвигнутъ въ ознаменованіе его успѣховъ. Разсказъ объ его военныхъ подвигахъ въ надписи этой изложенъ весьма отчетливо и полно. Упоминаемое въ надписи государство Бахэна—это Ферганская область во владѣніяхъ почтеннаго государства; на то, что Хуйгу одолѣли Бахэна, у прежнихъ историковъ нѣтъ указаній.

„Отъ Туцюэской письменности въ Китаѣ сохранилось нѣсколько знаковъ, но будучи перепечатываемы (изъ одного изданія въ другое) искажены, поэтому не могутъ быть согласованы со знаками надписей. Что же касается монгольскихъ знаковъ въ надписяхъ, то если сравнить ихъ со знаками, составленными во времена Юаньской династіи „царскимъ учителемъ" Пасына, они тоже не совсѣмъ точны.

„Все, что мы успѣли разузнать (относительно древностей, о которыхъ идетъ рѣчь), собрано нами въ тетрадь, при семъ письмѣ въ копіи препровождаемую вашему сіятельству на разсмотрѣніе. Впослѣдствіи, если китайскіе ученые займутся подробнымъ изслѣдованіемъ (надписей и затронутыхъ ими вопросовъ) и составятъ книги съ разъясненіями, то о трудахъ этихъ мы будемъ имѣть честь своевременно увѣдомить васъ; равнымъ образомъ, если русскіе ученые впослѣдствіи что нибудь сдѣлаютъ въ этомъ отношеніи, то мы надѣемся, что намъ своевременно будутъ высланы ихъ труды для ознакомленія". (Нов. № 348, 1893 г.).

—— Въ газетахъ напечатано слѣдующее заявленіе Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей: Съ 1-го января 1894 года учреждается на средства, пожертвованныя г. почетнымъ членомъ Общества А. Л. Бертье - Делагардомъ, единовременная премія въ размѣрѣ 600 руб. с. за лучшее рукописное и оригинальное сочиненіе по исторіи и археологіи Новороссійскаго края и преимущественно Крыма на какомъ либо изъ европейскихъ языковъ. Сочиненіе должно быть представлено на имя Общества Исторіи и Древностей въ Одессѣ не позже 1-го января 1895 года, при девизѣ и съ указаніемъ имени автора, въ запечатанномъ конвертѣ. Присужденіе преміи состоится не позже апрѣля того же года. Премія предпочтительно будетъ выдана за сочиненія на слѣдующія двѣ темы: 1) Исторія и государственное устройство Херсонеса по извѣстіямъ писателей, равно по эпиграфическимъ и археологическимъ даннымъ, отъ древнѣйшаго времени до эпохи Юстиніана. 2) Историко-этнографическое изученіе русскаго черноморскаго побережья въ VIII, IX и X вѣкахъ. Премія можетъ быть выдана и въ половинномъ размѣрѣ. Премированное сочиненіе печатается на средства Общества, обязательно на русскомъ языкѣ, при чемъ автору выдаются оттиски. За дальнѣйшими разъясненіями просятъ обращаться къ вице-президенту Общества В. Н. Юргевичу, въ Одессѣ. Въ распоряженіи Общества находятся и еще двѣ преміи: первая имени Д. М. Княжевича, на проценты съ капитала въ 2,000 рублей въ теченіе 5 лѣтъ, срокъ коимъ истекаетъ къ 14-му ноября 1894 г., за выдающійся ученый историко - археологическій трудъ по вопросамъ, касающимся юга

Россія, и вторая—Одесской городской думы—безсрочная въ 500 руб., за сочиненіе по археологіи и исторіи Новороссійскаго края.

Поправки:

Въ 12-мъ вып. Арх. Изв. и Зам. 1893 г., въ статьѣ Е. К. Рѣдина вкрались слѣдующія опечатки:

Стр. 439, прим. 1-е, строка 7-я, вм. *противупостановленіе* читай *противопоставленіе*.

Стр. 441, строка 8-я вмѣсто *unicornis sic insequitur anima hominum* читай *unicornis ste insequitur anima si∞minum*.

Стр. 442, послѣдняя строка 5-го примѣчанія, вм. *безъ иконографическаго* читай *для иконографическаго*.

IV

Засѣданія Обществъ.

Въ засѣданіи Восточной Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, 9 ноября 1893 года, проф. В. Ѳ. Миллеръ сдѣлалъ сообщеніе „О названіи рѣки Яузы". Референтъ обратился къ этому вопросу на основаніи реферата И. Е. Забѣлина, читаннаго на Московскомъ Археологическомъ Съѣздѣ, въ которомъ И. Е. производилъ названіе рѣки отъ славянскаго корня уз. В. Ѳ. Миллеръ a priori предполагаетъ, что происхожденіе его финское, тѣмъ болѣе имена многихъ рѣкъ Московской области имѣютъ яркіе признаки финскаго языка: Москва, Протва, Клязьма, Вязьма, притокъ Шоши, Яхрома и др. Типическимъ для названія этихъ рѣкъ является окончаніе ма или ва, относимыя къ пермской группѣ финскихъ нарѣчій, гдѣ имена рѣкъ съ этими окончаніями часто встрѣчаются. Окончаніе ва у Русскихъ и Вотяковъ переходитъ въ ма, но иногда в и м чередуются (р. Лосма по книгѣ Большаго Чертежа, нынѣ Лозва; въ былинахъ Муромъ и Муровъ и др.). Въ имени же Яузы референтъ предполагаетъ видѣть передѣлку болѣе архаической формы: въ различныхъ мѣстахъ сѣверо-востока Россіи встрѣчаются сходныя имена рѣкъ—Язва или Язьва, притокъ Вишеры, Язва, притокъ Обвы, Яжма, Язовка и др. и, наконецъ, рѣчка Язва въ Подольскомъ уѣздѣ, Московск. губ. Имя Яузы референтъ произноситъ въ 2 слова, т. е. у, какъ полугласное, вышедшее изъ в (Явза), подтвержденіемъ чему можетъ служить форма имени этой же рѣчки Явза, и референтъ допускаетъ возможность передѣлки имени Яузы изъ Язвы; так. обр., имена Яуза, Явза и Язва являются какъ-бы однозначащими. Объясненіе нарицательнаго значенія имени Яузы, по мнѣнію референта, затруднительно. Основная часть имени Язвы—

яз позырянски означаетъ кислый, что не подходитъ къ характеристикѣ ни Яузы, ни Язвы. Но имя р. Язьвы (Пермск. губ.) имѣетъ еще форму Ягвы, и если предположить, что имя Язьва восходитъ къ болѣе древней формѣ Ягва, то этимологія объясняется: яг попермяцки и зырянски означаетъ соснякъ, боръ, слѣд. Ягва—сосновая рѣка; берега Яузы и Язвы (въ Моск. губ). въ старину были покрыты сосновымъ боромъ.

А. Е. Крымскимъ была представлена на разсмотрѣніе Коммиссіи надгробная надпись, найденная въ Казанской губ. и присланная для разбора на Виленскій Археологическій Съѣздъ. Надпись арабская и восходитъ къ началу VI вѣка, болѣе подробное объясненіе обѣщано референтомъ въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій. Затѣмъ г. Крымскимъ было прочитано сообщеніе, присланное М. С. Щекинымъ „Саки-наме“, т. е. „Книга виночерпія“. Эта мистическая поэма, приписываемая Урфи Ширазскому, до сихъ поръ не была еще издана, и потому г. Щекинъ представилъ въ своемъ сообщеніи ея персидскій текстъ, редактированный имъ на основаніи нѣсколькихъ рукописныхъ варіантовъ, и переводъ. По мнѣнію г. Щекина „Саки-наме“ дѣйствительно принадлежитъ перу Урфи и является типичнымъ образчикомъ персидской поэзіи временъ упадка, которая вся свелась къ подражанію образцамъ великихъ предшественниковъ, въ особенности Гафиза.

Членъ-корреспондентъ Л. З. Мсеріанцъ прочелъ сообщеніе: „По этимологіи языка клинообразныхъ надписей Ахеменидовъ“.

Древне-Персидское naij (собственно: na-i-ja, читай nai) = ʻnonʼ (напр., Bh. I, 4, 49 и мн. др.; cf. Spiegel, Altpers. Keilinschr., Glossar s. v.) обыкновенно приводится въ связь съ авест. noiϑ и др.—инд. nēd ʻnon, neʼ, т. е. возводится къ индо-иранс. формѣ * na (простое отрицаніе изъ индо-евр. * ne) + id (извѣстная частица).

Такое объясненіе находимъ, съ одной стороны, уже у Фр. Боппа, въ его Сравнит. Грамматикѣ (II, p. 342 франц. пер. Бреаля), съ другой у Ch. Bartholomae въ его Handbuch'ѣ (Glossar s. v.). Такое толкованіе вполнѣ можетъ быть оправдано какъ со стороны фонетики др.-перс. и авест. языковъ, такъ и со стороны возможности появленія въ языкахъ вмѣсто простаго отрицанія *) отрицанія сложнаго; срв., напримѣръ, сложныя отрицанія: лат. nōn, нѣм. nicht, англ. not и др.

Тѣмъ не менѣе др.-перс. naij возможно дать и иную этимологію. Именно др.-перс. naij можетъ быть возведено къ тому виду индо-евр. отрицанія, который опредѣляется какъ * nei̯, и который получился уже какъ индо-евр. сложеніе (разряда „verdunkelte Composita“, Brugmann Grundriss II, § 4) изъ простаго отрицанія na + ī, принимаемое за „указательную частицу“, потерявшую, вѣроятно, въ этомъ сложеніи свое спеціальное указат. значеніе.

---

*) Что нѣкогда и др.-персидскій имѣлъ простое отрицаніе * na (изъ индо-иранск. * na) явствуетъ изъ ново-персид. формы nă, тогда какъ другое ново-персид. отрицаніе nī (собственно nē) есть рефлексъ др.-персид. naij.

Это индо-евр. сложное отрицаніе можетъ быть указано въ нѣкоторыхъ языкахъ, напр., въ осскомъ nei, лат. nī изъ болѣе древняго nei (сохранившагося, быть можетъ, въ nei, читаемомъ на пресловутомъ тройномъ квиринальскомъ горшкѣ; Zwetaieff, Inscriptiones Italicae, M. 1886, p. 80 sq.), лит. neĩ, ст.-слав. ни. Далѣе можно отмѣтить тоже сложное отрицаніе въ сложеніяхъ; сюда принадлежатъ мѣст. формы: авест. nae-cis 'никто', лит. nĕkas, ст.-слав. никъто, лат. neiquis (Sc. d. Bacch.). Къ этому-же индо-евр. * nei̯ возможно возводить и др.-перс. naij, такъ какъ индо-евр. * ei давало въ др.-перс. ai, писавшееся въ исходѣ словъ какъ—aij. Соотвѣтственнымъ эквивалентомъ въ Авестѣ мы должны ожидать * nae, каковая форма дѣйствительно встрѣчается въ сложеніи, напр., въ naecis = др. лат. neiquis, хотя какъ самостоятельное отрицаніе это nae изъ дошедшихъ авест. текстовъ неизвѣстно.

Такимъ образомъ изъ всѣхъ древнихъ индо-иранскихъ языковъ только др.-персидскій сохранилъ традицію самостоятельнаго индо-евр. отрицанія * nei̯, совершенно неизвѣстнаго изъ языка др.-индійскаго и ограниченнаго въ своемъ употребленіи въ языкѣ Авесты.

21-го декабря 1893 г., состоялось общее собраніе Русскаго Археологическаго Общества. Большая часть засѣданія была посвящена сообщенію академика В. В. Суслова о древностяхъ Староладожской крѣпости.

Крѣпость эта принадлежитъ къ древнѣйшимъ нашимъ памятникамъ и если и не относится къ временамъ Рюрика, какъ думали еще недавно, то, во всякомъ случаѣ, основана не позже XII или XI вѣка. Какъ самая крѣпость, такъ и находящаяся въ ней древняя церковь св. Георгія съ остатками фресокъ XII вѣка, были неоднократно изслѣдуемы, и, между прочимъ, покойный В. Прохоровъ издалъ въ „Христіанскихъ древностяхъ“ много снимковъ съ фресокъ храма. Въ настоящее время Археологическое Общество предполагаетъ издать описаніе этого памятника и снимки со всѣхъ частей его; въ этихъ видахъ оно командировало въ Старую Ладогу академика Суслова, и сообщеніе его являлось отчетомъ въ исполненномъ порученіи. Въ залѣ были выставлены многія копіи фресокъ, снятыя г. Сусловымъ въ натуральную величину. Изъ нихъ наибольшій интересъ представляли тѣ копіи (напр., св. Георгій на конѣ), которыя воспроизведены въ краскахъ, и можно пожалѣть, что большинство копій не раскрашено, тѣмъ болѣе, что снимки Прохорова не всегда отличаются точностью, и если теперь эти ошибки не будутъ исправлены, то это навсегда такъ и останется; новаго изслѣдованія Старая Ладога не скоро дождется, а неумолимое время уничтожитъ и то, что видно теперь.

Относительно развалинъ крѣпостныхъ стѣнъ и башенъ г. Сусловъ сообщилъ много любопытныхъ деталей; самою-же яркою и крайне грустною новостью относительно фресокъ было слѣдующее сообщеніе: На стѣнахъ осталось сравнительно мало фресокъ; куда-же дѣвались остальные? Г. Су-

словъ поднялъ часть новаго пола, чтобы отыскать древнѣйшій полъ. Этотъ послѣдній, состоящій изъ плитъ, оказался на 1½ аршина ниже новаго и все пространство между обоими полами было наполнено землею, перемѣшанною съ множествомъ обломковъ старыхъ фресокъ. Очевидно, при реставраціи храма фрески безжалостно уничтожались и служили вмѣстѣ съ землею фундаментомъ для новаго пола. (Нов., № 352, 1893 г.).

Въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Древней Письменности 17-го декабря 1893 г. вице-президентъ Императорской Академіи Наукъ, Л. Н. Майковъ, сдѣлалъ оцѣнку ученой дѣятельности недавно скончавшагося почетнаго члена Общества академика Н. С. Тихонравова. Затѣмъ секретарь Общества сообщилъ два новыхъ памятника древне-русской литературы: „Повѣсть о царѣ Лавтасарѣ, како въ Цареградѣ царствовалъ и како скончался“ и „Сказаніе о молодцѣ и дѣвицѣ“. Повѣсть, основанная на 5-й главѣ пророчества Даніила, по мнѣнію референта, явилась довольно въ древнюю пору, судя по такимъ отдѣльнымъ ея выраженіямъ, какъ „вѣчный (вѣчевой) колоколъ“ и пр.; упоминаніе о древѣ златомъ въ Цареградѣ дало поводъ докладчику сопоставить ее съ „Повѣстью о царѣ Михаилѣ, како во Цареградѣ царствовалъ“. Несравненно большаго вниманія заслуживаетъ „Сказаніе“, которое докладчикъ относитъ къ XV вѣку и которое представляется эротическою повѣстью, полною поэтическихъ красотъ и бытовыхъ чертъ. Существенное ея содержаніе — женитьба молодца на дѣвицѣ безъ вѣнчанія; а такая особенность быта существовала въ русскомъ обществѣ въ началѣ XV вѣка и служила предметомъ обличенія митр. Фотія. Докладъ вызвалъ замѣчанія со стороны академика Л. Н. Майкова и А. Ѳ. Бычкова, проф. С. Ѳ. Платонова и другихъ, которые находили однако возможнымъ отнести это „Сказаніе“ къ болѣе позднему времени — къ XVII и даже къ XVIII вѣку. Наконецъ А. М. Бѣловъ прочелъ сообщеніе И. С. Некрасова о древнемъ рисункѣ, изображающемъ исцѣленіе ханши въ ордѣ митр. Алексіемъ (Нов. Вр., № 6400, 1893 г.).

Въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Древней Письменности, 3-го декабря 1893 г., проф. А. И. Кирпичниковъ сдѣлалъ сообщеніе объ одной, переводной съ польскаго, рукописи изъ своего собранія подъ заглавіемъ: „Сужденіе проклятаго демона противъ человѣка“, любопытный по своей діалогической формѣ и по апокрифамъ. Секретарь Общества прочелъ свой рефератъ о словѣ въ великую субботу, принадлежащемъ св. Кириллу Туровскому (XII вѣка). Докладчикъ, выяснивъ вопросъ о борьбѣ двухъ партій — греческой и русской, стремившихся провести свои вліянія на Руси, и о мѣстѣ, которое занялъ въ этой борьбѣ туровскій святитель, какъ сторонникъ греческаго вліянія, предложилъ общую характеристику его личности и сочине-

ній въ связи съ другими литературными направленіями того времени и затѣмъ перешелъ собственно къ его слову въ великую субботу, которое оказывается лишь переработкою уже извѣстнаго его слова въ недѣлю мироносицъ. Референтъ полагаетъ, что издаваемое слово, какъ по своему заглавію, такъ и по характеру обработки принадлежитъ самому Кириллу Туровскому. Докладъ вызвалъ возраженіе со стороны проф. В. А. Яковлева, по мнѣнію котораго, это слово можетъ быть передѣлано изъ слова Кирилла писцами или тѣмъ редакторомъ, который трудился надъ составленіемъ извѣстнаго сборника подъ заглавіемъ „Златоустъ"; проф. А. И. Кирпичниковъ замѣтилъ, что въ византійской проповѣднической литературѣ V вѣка существовало не два, какъ полагалъ докладчикъ, а три теченія, что на ряду со строго-консервативнымъ толкованіемъ Священнаго Писанія и затѣмъ апокрифическою его окраскою существовало также направленіе, такъ сказать, образное, характеризующееся діалогизмомъ въ изложеніи ветхо и ново-завѣтныхъ событій и имѣющее своимъ представителемъ патр. Прокла. Далѣе, г. Кирпичниковъ сдѣлалъ предложеніе, не найдетъ ли Общество Любителей Древней Письменности, а равно и другія ученыя учрежденія, возможнымъ издать собранные греческимъ ученымъ Сакелліономъ рукописные матеріалы, не вошедшіе въ его печатное изданіе. Наконецъ, секретарь Общества, доложивъ собранію о ходѣ изданій трудовъ Общества, остановился на предметахъ, которыми пополнилась библіотека Общества. По части рукописей пріобрѣтены: два Торжественника XV и XVI вѣковъ, слова Григорія Богослова въ истолкованіи Никиты Ираклійскаго и получены въ даръ: Житіе Димитрія царевича (отъ гр. С. Д. Шереметева) и Евангеліе-апракосъ XVI вѣка (отъ А. А. Мартынова); изъ печатныхъ книгъ Общество получило отъ Н. П. Лихачева изслѣдованіе его „О разрѣшительныхъ грамотахъ восточныхъ патріарховъ", о которомъ сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія секретарь Общества, и отъ предсѣдателя роскошное изданіе Общества древнихъ французскихъ текстовъ Les plus anciens monuments de la langue française (IX, X siècle), изд. Гастона Пари. (Нов. Вр., № 6387, 1893 г.).

28-го ноября 1893 г. во Псковскомъ археологическомъ Обществѣ происходило торжественное засѣданіе въ память семисотлѣтія (1193 — 1893 г.) обрѣтенія мощей перваго псковскаго князя святаго Всеволода-Гавріила, почившаго въ 1138 году. Засѣданіе состоялось около 2 часовъ пополудни въ обширной, прекрасно декорированной залѣ дворянскаго собранія. Присутствовала вся псковская интелигенція. Билеты были всѣ разобраны. На хорахъ зала расположились два хора пѣвчихъ — архіерейскихъ и воспитанниковъ духовной семинаріи. Засѣданіе открылъ графъ Адлербергъ чтеніемъ поздравительныхъ телеграммъ, въ значительномъ количествѣ присланныхъ къ празднику. Получено поздравленіе отъ его высочества великаго князя Сергѣя Александровича. Интересно поздравленіе отъ русскаго учительскаго

кружка „Родникъ“ въ гор. Юрьевѣ: „Съ сердечною и глубокою радостью русскій учительскій кружокъ „Родникъ“ въ гор. Юрьевѣ присоединяется мыслію къ чествованію памяти святаго князя Всеволода-Гавріила въ древнѣйшемъ русскомъ городѣ Псковѣ, вспоминая, что между дѣяніями святаго князя лѣтописецъ отмѣтилъ также слѣдующее: „Иде Всеволодъ съ Новгородьца на Чудь и взя городъ Гюрьеевъ, на память святаго Никифора, февраля въ 9-й день“. Переходя изъ рукъ въ руки, смѣняя не разъ свое русское имя на иноземное, старый русскій Юрьевъ вновь присоединенъ нынѣ, какъ при св. князѣ Всеволодѣ съ великою семьею родныхъ городовъ нашихъ. Есть таинственная связь между событіями, отдаленными другъ отъ друга вѣками, есть новое, въ которомъ лишь старина стародавняя слышится, продолжается великій завѣтъ давно минувшаго времени: мирными средствами просвѣщенія и могучею русскою рѣчью крѣпче и крѣпче объединяются во едино и великія и малыя земли „отецъ и дѣдъ нашихъ“, „иже налѣзоша трудомъ своимъ великимъ“: все ярче и ярче обозначается глубокая изстаринная связь между ними. Во имя этой связи, во имя великой и свѣтлой памяти святаго князя Всеволода-Гавріила, чевствуемой торжественно нынѣ, шлемъ и свой скромный и горячій привѣтъ древнему сосѣднему Пскову, на долю коего пало это великое русское празднество!“ Послѣ прочтенія телеграммъ хорами былъ прекрасно исполненъ тропарь: „Наста днесь всечестный новый праздникъ“ и концертъ: „Воскликните Господеви вся земля“. Затѣмъ преподавателемъ духовной семинаріи, В. И. Дмитревскимъ, была произнесена рѣчь, въ которой онъ охарактеризовалъ дѣятельность св. Всеволода съ религіозно-нравственной точки зрѣнія въ связи съ тогдашнимъ состояніемъ Руси. Рѣчь оратора была награждена аплодисментами. Послѣ концерта „Блаженъ мужъ, бояйся Господа“ была произнесена другая рѣчь, также преподавателемъ духовной семинаріи Лебедевымъ. Содержаніе ея составляло значеніе князя Всеволода въ политическихъ судьбахъ нашего отечества и въ частности Пскова. Послѣ гимна: „Отцу небесъ благодаренье“, одинъ изъ присутствовавшихъ, В. Н. Гедимикъ, въ заключеніе въ краткихъ, но яркихъ чертахъ познакомилъ публику съ состояніемъ нашего отечества 700 лѣтъ тому назадъ. Засѣданіе кончилось въ 5 час. (Нов. Вр., № 6388, 1893 г.).

V

Библіографія.

Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Императорскою Археологическою Коммиссіею. № 12. Древности Южной Россіи. Раскопки Херсонеса. Изслѣдованіе А. Л. Бертье-Делагарда. Съ 7 таблицами и 2 политипажами. Спб. 1893. Цѣна 2 р.

7-й выпускъ „Матеріаловъ“ былъ посвященъ описанію предметовъ клас-

сической древности—терракотамъ, вазовымъ расписнымъ черепкамъ и т. д., найденнымъ въ раскопкахъ Херсонеса $18^{88}/_{89}$ годовъ. Содержанiе настоящаго выпуска посвящено обобщенiю добытаго матерiала раскопками и, главнымъ образомъ, на почвѣ архитектурныхъ памятниковъ Херсонеса христiанской эпохи. Прежде чѣмъ приступить къ описанiю херсонесскаго городища, авторъ предпосылаетъ очеркъ состоянiя развалинъ города во время завоеванiя Крыма русскими въ 1782 году. Вскорѣ послѣ того, какъ начался строиться въ Ахтiарской. нынѣ Севастопольской, бухтѣ портъ, Херсонесъ посѣтили русскiе и иностранные путешественники и ученые: Палласъ, Кларкъ, Сумароковъ. Ожидая встрѣтить многочисленные остатки древней жизни, въ родѣ развалинъ Помпеи, они нашли въ дѣйствительности жалкiя кучи камней. Негодованiе свое, вызванное разочарованiемъ, они обрушили на голову русскихъ матросовъ, строившихъ Севастополь и приписали имъ разрушенiе воображаемыхъ остатковъ храмовъ, разграбленiе могилъ и т. д. Ничего подобнаго не было и, по словамъ автора, быть не могло, такъ какъ средневѣковой Херсонесъ былъ жалкимъ городомъ и всѣ историческiя свѣдѣнiя послѣдняго столѣтiя его жизни, т. е. до второй половины XIV вѣка, только и говорятъ о его взятiи и разрушенiи. Такимъ образомъ, ко времени прихода русскихъ въ Херсонесѣ не оставалось ничего цѣлаго или достойнаго сохраненiя. Ничтожность византiйскаго Херсонеса подтверждается и теперешними раскопками, дающими, по словамъ автора, довольно жалкое представленiе объ архитектурныхъ памятникахъ города. Изъ найденныхъ до послѣдняго времени церквей (до 1891 г. найдено 8 базиликъ, 2 церкви крестоваго типа, 1 крещальня и 16 часовень) только 1 или 2 имѣли купольныя покрытiя и своды, остальныя имѣли просто деревянныя крыши; одна только была построена изъ тесанаго камня, прочiя же изъ матерiала, взятаго изъ болѣе древнихъ построекъ, грубой кладки и нерѣдко съ прокладкою кирпича. Находимыя въ нихъ колонны, мозаичные полы, части иконостасовъ — всѣ довольно незначительные въ художественномъ отношенiи. Частные дома были еще хуже; стѣны выложены изъ самаго плохаго бутоваго камня, и не только на извести, но просто на растворѣ мѣстной почвы. Вообще авторъ проводитъ идею, что въ Херсонесѣ была матерiальная и умственная нищета и ожидать богатыхъ находокъ нѣтъ основанiй, хотя они (стр. 16) и не безусловно невозможны. Важность раскопокъ заключается, по справедливымъ словамъ автора, въ открытiи быта и культуры византiйскаго города, брошеннаго въ XIV в. Существенною частью труда являются соображенiя автора объ архитектурныхъ памятникахъ, главнымъ образомъ христiанскихъ и отчасти языческихъ. Говоря о языческомъ храмѣ, изъ нѣкоторыхъ частей котораго построена базилика, открытая гр. А. С. Уваровымъ, г. Бертье-Делагардъ не соглашается видѣть въ иихъ остатки храма Дiониса (что заключаетъ В. В. Латышевъ, на основанiи орнаментацiи), такъ какъ на присутствiе культа этого божества нѣтъ намековъ въ Херсонесѣ (стр. 19 прим.), но на стр. 57 авторъ упоминаетъ о находкѣ храма Дiониса въ стѣнахъ древ-

нѣйшаго города за Казачьей Бухтой. Обстоятельно изслѣдовавъ архитектурные остатки херсонскихъ храмовъ, время постройки которыхъ, по мнѣнію автора, VII—X вѣкъ. но никакъ не ранѣе, г. Бертье-Делагардъ вывелъ заключеніе, что мраморныя капители и колонны происходятъ изъ ломокъ древняго Проконесса, гдѣ онѣ обдѣлывались и доставлялись моремъ совсѣмъ приготовленныя для постройки на судахъ не только въ Херсонесъ, но и въ Равенну, что авторъ доказываетъ полнѣйшимъ тождествомъ архитектурныхъ частей, находящихся въ обоихъ городахъ. Въ концѣ изслѣдованія авторъ останавливается на остаткахъ византійской церкви, открытыхъ на островкѣ Казачьей Бухты. Храмъ этотъ отождествляется авторомъ съ чудеснымъ храмомъ, упоминаемомъ въ легендѣ о св. Климентѣ, который былъ сосланъ и потерпѣлъ мученія именно около этого мѣста, а не въ Инкерманѣ, какъ предполагали прежде. Вообще изслѣдованіе это представляетъ большой интересъ, хотя во многомъ разочаровываетъ читателя относительно богатства города, понятіе о которомъ укоренилось на Руси съ давняго времени, но трудъ этотъ не послѣднее слово о Херсонесѣ, такъ какъ раскопки городища и его могилъ далеко еще не кончены.

Тоже. № 14. Древности Сѣверо-Западнаго края. Т. I, вып. 2. Люцинскій могильникъ. Съ XV табл. рис. и 36 политипажами. Спб. 1893 года Цѣна 2 рубля.

Люцинскій могильникъ (Витебск. губ., близь г. Люцина, на Комаровой горѣ) былъ случайно открытъ крестьянами, нашедшими бронзовые предметы, что и подало поводъ г. Романову произвести его изслѣдованіе въ 3 пріема въ 1890 и 91 гг. по порученію Археологической Коммиссіи и затѣмъ В. И. Сизову, производившему раскопки для Историческаго Музея. Количество добытыхъ предметовъ огромно; открыто обоими изслѣдователями 338 погребеній. Въ настоящемъ изданіи приведены дневники раскопокъ г. Романова, на основаніи которыхъ составлено г. Спицынымъ описаніе могильника, но безъ подробнаго изслѣдованія, которое задержало бы опубликованіе такого важнаго фактическаго матеріала. Приложенные рисунки съ предметовъ даютъ прекрасное понятіе о необыкновенной законченности культуры могильника, относимой авторомъ къ Ливамъ X—XI вѣка; древность эта опредѣлена на основаніи аналогичныхъ находокъ, описанныхъ въ трудахъ Бэра, Крузе и др.

Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. VI. Новая серія. Спб. 1893 г. (съ 49 табл.). Цѣна 5 рублей.

Д. Ѳ. Бѣляевъ. Ежедневные пріемы византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ св. Софіи въ IX—X вв.—*Н. П. Авенаріусъ.* Нѣсколько словъ о дрогичинскихъ пломбахъ.—*А. Н. Виноградовъ.* Памятники деревяннаго церковнаго зодчества въ епархіяхъ: Новгородской, Тверской, Ярославской, Иркутской и Красноярской.—*Н. Д. Чечулинъ.* Русскія деревянныя жилыя постройки въ XVI в.—*Гр. И. И. Толстой.* О древнѣйшихъ

русскихъ монетахъ X—XI в.—*С. А. Жебелевъ.* Религіозное врачеваніе въ древней Греціи.—Протоколы засѣданій И. Р. А. О. съ приложеніями отзывовъ о трудахъ разныхъ авторовъ, представившихъ свои сочиненія на соисканіе медалей. Въ приложеніи: Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѳіи и Кавказѣ. Собралъ и издалъ съ русскимъ переводомъ *В. В. Латышевъ.* Т. I. Греческіе писатели. Вып. I-й. (Трудъ, незамѣнимый при занятіяхъ древнею исторіею классическаго юга Россіи).

Записки Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, изд. подъ ред. барона В. Р. Розена. Т. VIII, вып. I—II (съ приложеніемъ 2-хъ таблицъ).

Протоколы Вост. Отд. И. Р. А. О.—*В. Бутольдъ.* О христіанствѣ въ Туркестанѣ въ домонгольскій періодъ.—*А. Туманскій.* Къ вопросу объ авторахъ исторіи бабидовъ. — *С. Ольденбургъ.* Отрывки кашгарскихъ санскритскихъ рукописей изъ собр. Н. Ѳ. Петровскаго. — *Н Марръ.* Новые матеріалы по армянской эпиграфикѣ.—*Н. Катановъ.* Гаданія у жителей Восточнаго Туркестана, говорящихъ на татарскомъ языкѣ.—*Е. Такай-швили.* Еще одинъ изъ источниковъ исторіи Грузіи царевича Вахушта.—*Н. Остроумовъ.* Третья пѣсня о Худояръ-ханѣ.—Мелкія замѣтки и извѣстія. — Критика и библіографія (8 изданій).—*В. Смирновъ.* Мусульманскія печатныя изданія въ Россіи за 1892 г.—Новыя книги.

Römische Quartalschrift für christliche Alterthumskunde und für Kirchengeschichte. VII Iahrgang—Drittes Heft. Rom. 1893.

Данный—послѣдній выпускъ журнала, заканчивающій собою археологическую часть за истекшій годъ, такъ какъ въ четвертомъ выпускѣ будутъ помѣщены лишь историческія статьи, открывается интересной статьей де-Вааля о нѣкоторыхъ древнихъ реликвіаріяхъ изъ сокровищницы ц. св. Петра въ Римѣ (Die antiken Riliquiare der Peterskirche).

Поводомъ къ описанію нѣкоторыхъ предметовъ этой богатой сокровищницы послужило для автора то обстоятельство, что онъ могъ ближайше изучить ихъ, благодаря разрѣшенію папы Льва XIII, одновременно съ обозрѣніемъ ихъ въ ноябрѣ 1892 года, Великимъ Княземъ Сергѣемъ Александровичемъ. Предметы эти слѣдующіе:

1) Такъ называемый „Crux Vaticana"—мѣдный крестъ императора Юстина и его супруги, какъ видно изъ надписи на немъ,—на передней сторонѣ: ligno quo christus humanum subdidit hostem. Dat Romae Iustinus opem et socia decorem. Оборотная сторона креста украшена въ центрѣ медальономъ съ агнцемъ, держащемъ крестъ и по концамъ четырехъ рукавовъ—медальонами съ изображеніемъ два раза Христа (одно де-Вааль принимаетъ за Бога Отца), и царя, и царицы (см. табл. XVI и XVII в.). Крестъ—относить ли его ко времени Юстина I (518—527), или Юстина II (565—578), принадлежитъ VI вѣку.

2) Византійскій триптихъ (IX—XI в.) изъ позолоченнаго серебра (табл. XVIII); на центральной таблеткѣ крестъ равноконечный, по четыремъ сторонамъ котораго въ кругахъ надпись: ΟΡΑ ΤΙ ΚΑΙΝΟΝ ΘΑVΜΑ ΚΑΙ ΞЄΝΝΗΝ ΧΑΡΙΝ ΧΡΥCΟΝ ΜΕΝ ЄΞѠ ΧΡΙCΤΟΝ ЄΝΔЄ CΚΟΠЄΙ; здѣсь же изображеніе императора съ надписью Ⓐ KONCTANT. На двухъ другихъ таблеткахъ въ два ряда изображенія съ сопровождающими ихъ надписями: Христа, Богородицы Оранты, Димитрія, Матвѣя, Варнавы, Пантелеймона, Тимоѳея, Тимона.

3) Часть креста вѣка X съ надписью: crux mihi sola salus crux est, quam semper adoro Crux mihi refugium est crux mihi sola quies.

4) Образъ погрудный въ серебрѣ Ев. Луки, XIII—XIV в., съ надписями: Santus Lucas и Capud beati Luce evageliste traslatu de costatinopoli roma per btm gg doctore pp primu.

5) Часть креста в. XV.

6) Volto santo. Этому образу Христа, его культу авторомъ посвящено нѣсколько весьма интересныхъ страницъ, основанныхъ на историческихъ документахъ (258—262).

Статья Cozza-Luzi, „Sopra un antico stampo di *Agnus Dei*“ (263 — 274) трактуетъ объ формѣ, изъ которой приготовлялись въ воскѣ такъ называемые „Agnus Dei“. Эта форма, найденная въ ц. св. Кристины Больсенской, представляетъ собою мраморъ, въ которомъ вырѣзанъ агнецъ въ кресчатомъ нимбѣ, обернувшій свою голову въ сторону знамени, древко котораго и платъ украшены равноконечнымъ крестомъ; изображеніе заключено въ кругъ, вокругъ котораго идетъ надпись: Agne Dei miserere mei qui crimina tollis; по четыремъ угламъ мрамора—по голубку. Это изображеніе агнца, имѣющее своимъ прототипомъ изображеніе въ памятникахъ древне-христіанскаго искусства, принадлежитъ само XIV — XV в. Изображеніе Христа подъ видомъ агнца запрещено, какъ извѣстно, въ восточной церкви постановленіемъ Константинопольскаго Собора 692 года, такъ называемаго Quinisexta.

Вильпертъ въ статьѣ „Altchristliche Grabplatte aus der Basilica des hl. Valentin in Terni“ (287—290) описываетъ каменную доску, найденную имъ въ Римѣ, и происходящую изъ базилики св. Валентина въ Терни. Надпись этой доски была извѣстна раньше, но передавалась, благодаря потери оригинала, не совсѣмъ правильно. Доска раздѣляется на три части, въ центральной подъ пріоткрытой надъ ней занавѣской идетъ надпись:

☧
CΛSTVL VI
XIT ΛNNV ET Θ
XXXV DEPOSI
TΛ XIII KΛL MΛ
RTIΛS

По обѣимъ сторонамъ по женщинѣ — орантѣ; надпись возлѣ каждой изъ нихъ исключаетъ возможность толкованія здѣсь оранты, какъ олицетвореніе

церкви, или души умершихъ: ΔCΛPE и DOMNINΔ (см. табл. XIX). Памятникъ, по мнѣнію Вильперта, принадлежитъ второй половинѣ IV стол.

Въ „мелкихъ извѣстіяхъ“ редакція сообщаетъ, что знаменитый археологъ, по справедливости называемый отцемъ христіанской археологіи, Дж. Баттиста де-Росси, несмотря на болѣзнь, которая постигла его, занятъ теперь обработкой капитальнѣйшаго труда своей жизни Kalendarium Hieronymianum. Папа Левъ XIII отнесся съ полнымъ вниманіемъ къ несчастію де-Росси; онъ предоставилъ ему для жизни папскій замокъ Castel Gandolfo. Пожелаемъ и мы вмѣстѣ съ почтеннымъ журналомъ скорѣйшаго выздоровленія и многихъ долгихъ лѣтъ жизни великому ученому нашего вѣка.

Византійская скульптура.

Въ *Jahrbuch der Königlich Preussischen Kunstsammlungen*, XIV B., II—III Heft, S. 65—81 Стржиговскій въ статьѣ „Das Berliner Moses-Relief und die Thüren von S-ta Sabina in Rom“ описываетъ впервые становящіеся извѣстными: 1) барельефъ съ изображеніемъ Моисея, получающаго заповѣди, VII в., 2) часть барельефа съ неопредѣленнымъ сюжетомъ, двухъ фигуръ человѣческихъ по сторонамъ дерева—того-же времени; 3) мраморную капитель съ надписью, въ которой упоминается Гераклій (Ο ΘC ΤΩ ΝΙ ΑΓΙΩΝΒΟΗΟΙ ΗΡΑΚΛΙΩ ΤΩ ΔЄCΠΟΤΙ); 4) три мраморныхъ двери: однѣ гинекея ц. св. Софіи Константинопольской, другія Календеръ-Джами и третьи Кахріе-Джамиси въ Константинополѣ; послѣднія особенно любопытны своими барельефами, къ сожалѣнью, полуразрушенными; описаніе ихъ бѣгло, и при отсутствіи рисунка съ нихъ трудно судить о композиціи сценъ, данныхъ въ нихъ. Стржиговскій относитъ ихъ къ VI в., сравниваетъ отчасти съ барельефами дверей ц. св. Сабины, и потому тѣмъ болѣе жаль, что онѣ не изданы. Изъ сцены отмѣчаются имъ: Рождество Христово, Поклоненіе волхвовъ, Крещеніе Христово, Вознесеніе.

Е. Рѣдинъ.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

№ 2 1894 г.

издаваемыя
Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

I

Подземныя хранилища Московскаго Кремля.

„Забытое сокровище, потеря котораго должна печалить весь образованный міръ и открытіе котораго обогатило бы Россію новой славой",— знаменитая библіотека Московскихъ Царей, которую Иванъ Грозный въ 1565 г. вскрывалъ изъ своихъ тайниковъ для осмотра ученому нѣмцу, пастору Іоанну Веттерману, въ недавнее время вновь привлекла вниманіе ученой изыскательности.

Достоуважаемый докторъ Эдуардъ Тремеръ [1]) съ особою цѣлью, отыскать по крайней мѣрѣ слѣды этой библіотеки, пріѣзжалъ въ Москву и нѣсколько мѣсяцевъ посвятилъ самымъ внимательнымъ разслѣдованіямъ по этому предмету. Въ рукописныхъ хранилищахъ Москвы онъ не встрѣтилъ ни малѣйшихъ слѣдовъ этой библіотеки, ни одной рукописи, которая могла бы указывать, что она попала въ существующія нынѣ библіотеки изъ книгохранительницы Грознаго Царя.

---

[1]) См. его статью въ Моск. Вѣдомостяхъ 1891 г. № 315 и 334: *Библіотека Іоанна Грознаго*, по поводу которой въ засѣданіи Общества Любителей Древней Письменности 19 марта 1893 г., Н. П. Лихачевъ сообщилъ подробное разслѣдованіе объ этой Библіотекѣ. (Археол. Изв. и Зам. 1893 г. № 6, стр. 252). Въ настоящей нашей статьѣ мы касаемся только вопроса, могла ли она гдѣ либо сохраниться до нашего времени.

Но послѣ того неутомимый изыскатель съ живѣйшею увѣренностью остановился на той, болѣе или менѣе правдоподобной мысли, что эта загадочная библіотека *должна* храниться гдѣ-либо въ сокровенныхъ и доселѣ неоткрытыхъ тайникахъ древнихъ Кремлевскихъ дворцовыхъ зданій, такъ сказать, въ катакомбахъ Кремля, по невниманію или забвенію, закладенная и замурованная во время безчисленныхъ перестроекъ стариннаго дворца.

Поводъ къ такому именно предположенію находится уже въ первоначальномъ извѣстіи объ этой библіотекѣ, гдѣ Ливонскій хронистъ Ніенштедтъ передаетъ разсказъ очевидцевъ, что библіотека, состоявшая изъ книгъ на еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ, какъ драгоцѣнное сокровище, сохранялась *вблизи царскихъ жилыхъ покоевъ*, замурованная въ двухъ каменныхъ сводчатыхъ подвалахъ (склепахъ) или по-русски въ подклѣтахъ; что по повелѣнію царя для осмотра книгъ своды (склепы) были разломаны, по другому свидѣтельству—просто отворены; что до того времени это книжное хранилище не открывалось болѣе ста лѣтъ и книги были страшно запылены, покрыты густою пылью; что послѣ осмотра онѣ были снова спрятаны подъ тройные замки въ тѣ же подвалы.

Различные списки хроники Ніенштедта и разные ихъ переводы толкуютъ то о *двухъ* сводахъ, то о *трехъ* двойныхъ сводахъ, то о тройныхъ замкахъ, что все вмѣстѣ выясняетъ только одно, что книги находились въ каменномъ подклѣтѣ Дворца подъ замками въ строгой сохранности [1]).

Надо объяснить, съ какою цѣлью Царь показывалъ свою библіотеку ученымъ нѣмцамъ.

Во время Ливонской войны въ 1558 г. между прочимъ былъ взятъ и старый Русскій же городъ Юрьевъ (Дерптъ). По условіямъ, на какихъ была утверждена сдача города, многіе нѣмцы оставались тамъ спокойно жить; но спустя нѣсколько лѣтъ, именно въ 1565 г., по случаю ихъ измѣнныхъ сношеній съ Ливонскимъ Магистромъ, они были переведены на житье въ Московскіе города (Карамз. IX, пр. 164). Въ числѣ этихъ юрьевскихъ нѣмцевъ былъ и пасторъ Веттерманъ, человѣкъ добраго и честнаго характера, настоящій апостолъ Господень, какъ отозвался о немъ современникъ. О немъ дошелъ слухъ и до Царя, какъ о человѣкѣ очень ученомъ. Грозный Царь любилъ ученость и ученыхъ людей и очень желалъ воспользоваться ими для Московскаго ученаго же дѣла, именно для перевода на Русскій языкъ незнаемыхъ, но, вѣроятно, любопытныхъ и полезныхъ для познанія книгъ. Вотъ почему ученый

---

[1]) Журналъ Мин. Нар. Просв. 1834 г. Іюнь, стр. 403, 406. Сборникъ Матеріаловъ и пр. по исторіи Прибалтійскаго края, т. IV, 37.

пасторъ Веттерманъ и вмѣстѣ съ нимъ другіе три нѣмца, знавшіе русскій языкъ: Ѳома Шревенъ (Шрефферъ), Іоахимъ Шредеръ и Даніилъ Браккель, были позваны въ царскій дворецъ, чтобы показать имъ царскую книгохранительницу и узнать, какія въ ней книги могутъ быть полезны для перевода.

Дѣло было немаловажное, и потому открытіе библіотеки нѣмцамъ было поручено думному дьяку Андрею Щелкалову, казначею Никитѣ Фуникову и дьяку Ив. Висковатому. Присутствіе въ этомъ случаѣ казначея можетъ свидѣтельствовать, что царская книгохранительница находилась въ его завѣдываніи и помѣщалась гдѣ-либо на Казенномъ Дворѣ, т. е. въ зданіи, которое стояло возлѣ Благовѣщенскаго собора у его алтаря съ южной стороны и соединялось съ царскими палатами посредствомъ переходовъ, или сѣней, отчего и соборъ обозначался указаніемъ, *что на Сѣняхъ*. Особый отдѣлъ Казеннаго Двора заключался также и въ бѣлокаменныхъ подклѣтахъ, на которыхъ сооруженъ былъ Благовѣщенскій соборъ, и которыя по особому какому-либо устройству именовались также и *казнами,* то есть хранилищами для всякой государевой дорогой казны [3]). По всему вѣроятію, именно здѣсь, въ какомъ-либо сводчатомъ казенномъ подклѣтѣ сохранялась и государева библіотека. И это помѣщеніе не было далеко отъ жилыхъ покоевъ Грознаго Царя, которые деревянные, извѣстные потомъ подъ именемъ Терема (Чердака) Царицы Анастасіи Романовой, стояли позади Средней Золотой Палаты къ церкви Спаса на Бору, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ Благовѣщенскаго собора.

Когда призванные нѣмцы пришли къ книгохранилищу, Думный дьякъ Щелкаловъ велѣлъ вынести имъ нѣсколько книгъ, которыя и были переданы для осмотра Веттерману. Разсмотрѣвши книги, пасторъ пришелъ въ неизъяснимый восторгъ. Онъ увидалъ здѣсь *много* такихъ сочиненій, которыя совсѣмъ не были извѣстны западной учености или были извѣстны развѣ только по ссылкамъ на ихъ авторовъ. Въ восторгѣ пасторъ заявилъ, что при всей своей бѣдности онъ отдалъ бы все свое имущество, даже всѣхъ своихъ дѣтей, все, что имѣлъ, чтобы только эти книги достались протестантскимъ университетамъ, гдѣ онѣ принесли бы много пользы христіанству.

[3]) О постройкѣ собора въ лѣтописи записано слѣдующее: „того же лѣта (1483) разруши князь великій Благовѣщеніе на своемъ дворѣ... только по *казну* и по подклѣтъ, и заложи *казну* около того подклѣта и палату кирпичну (Казенный Дворъ) съ казнами“. До постройки Казеннаго Двора государева казна сохранялась подъ церковью Рождества Богородицы и св. Лазаря, своды которой въ 1480 г. внезапно обвалились и „иконы поби, и множество въ Казнѣ великаго князя сосудовъ поби“. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ случай заставилъ государя устроить свою казну на новомъ мѣстѣ у Благовѣщенскаго собора.

Думный дьякъ Щелкаловъ и дьякъ Висковатый тутъ же предложили ему перевести какую нибудь изъ этихъ книгъ на Русскій языкъ, при чемъ заявили, что если онъ согласится заняться этимъ дѣломъ, то въ помощь ему будутъ опредѣлены и трое его товарищей, и знающіе люди изъ Русскихъ и нѣсколько хорошихъ писцовъ; что за свои труды онъ и его товарищи будутъ получать въ большомъ изобиліи хорошій столъ и хорошіе напитки, все потребное, а также хорошее помѣщеніе и жалованье, добрый почетъ и государевы милости, и что вообще согласіе ихъ исполнить это желаніе Государя „принесетъ не малую выгоду какъ имъ самимъ такъ и ихъ единоземцамъ".

Выслушавши все это и придя домой, умные и дальновидные нѣмцы стали совѣтываться и раздумывать, какъ имъ поступить? Они однако разсудили очень осторожно. По ихъ мыслямъ, дѣло могло принять такой оборотъ: „Какъ только они окончатъ переводомъ одну книгу, то имъ тотчасъ же дадутъ переводить другую и такимъ образомъ имъ придется заниматься этою работою до самой своей смерти",—что и въ дѣйствительности могло бы случиться при тогдашнихъ порядкахъ въ Москвѣ. Дьяки, по словамъ тѣхъ же нѣмцевъ, тоже будто-бы сообразили, что и имъ, дьякамъ, придется у того дѣла сидѣть неотступно, какъ-бы на цѣпи, а потому и донесли Государю, что нѣмцы отказываются отъ дѣла по той причинѣ, что не довольно свѣдущи для такого труда и не на столько знаютъ языки. Веттерманъ съ товарищами просили было дьяковъ одолжить имъ одну книгу на шесть недѣль, но, конечно, получили отказъ. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Какъ было упомянуто, книги попрежнему были спрятаны подъ тройные замки или въ три двойные свода, какъ разнорѣчатъ списки Хроники Ніенштедта.

Съ той поры нѣтъ извѣстій объ этомъ любопытномъ книгохранилищѣ.

Въ первой четверти нынѣшняго столѣтія была найдена въ Юрьевѣ же небольшая записка или собственно списокъ нѣкоторымъ книгамъ той-же царской библіотеки, съ показаніемъ автора, что изъ нихъ онъ долженъ былъ перевести Ливія и перевелъ Светонія. Стало быть, дѣло переводовъ не было совсѣмъ оставлено, и библіотека снова была открываема для переводчиковъ, неизвѣстно только для тѣхъ ли самыхъ, которые вначалѣ отказались отъ работы, или уже для другихъ [1]). Это свѣдѣніе, по словамъ Клоссіуса, „возбудило въ чужихъ краяхъ отчасти великія ожиданія, отчасти сомнѣнія и недовѣріе",—какъ случилось и

[1]) Ж. М. Н. П. 1834 г., іюнь, стр. 407—414.

теперь, въ сообщеніи Н. П. Лихачева. Всѣхъ рукописей у царя по этому свѣдѣнію было около 800. Такое количество книгъ не могло быть потеряно изъ памяти не только дьяковъ и казначеевъ, но и простыхъ дворцовыхъ служителей, близкихъ къ царскому казнохранилищу, а потому оно не могло быть по небрежности или по забвенію закладено и замуровано въ какомъ либо казенномъ подвалѣ. Этого ни подъ какимъ видомъ не могло случиться ни въ XVI, ни въ XVII столѣтіяхъ, когда всякій и малѣйшій уголокъ дворцовыхъ помѣщеній былъ на отвѣтственномъ и очень строгомъ надзорѣ и счетѣ съ подробными описями у дворцовыхъ дьяковъ и у разныхъ управителей дворцоваго хозяйства. О такихъ помѣщеніяхъ стали забывать только со времени Петра, когда Московскій дворецъ совсѣмъ былъ покинутъ на полнѣйшее разрушеніе и послѣ неоднократныхъ пожаровъ даже и не возобновлялся именно въ своихъ служебныхъ частяхъ, которыя мало-помалу разрушались и разваливались въ теченіе всего XVIII ст. Въ это время не диво было встрѣтить такой случай, что въ 1750 г. при осмотрѣ темныхъ погребовъ, находившихся подъ старымъ набережнымъ садомъ у Тайницкихъ воротъ, нашли нѣсколько кулей соли бузуну и послѣ многихъ справокъ никакъ не могли открыть, какому вѣдомству принадлежала эта соль и когда была положена въ погреба [5]). То же могло случиться и съ болѣе цѣнными предметами, но и эта забвенная соль все-таки была открыта, а для цѣнныхъ вещей, какъ увидимъ, являлись и особые изыскатели. Но подобнаго забвенія не существовало и никакъ не могло существовать при допетровскихъ царяхъ, когда царскій Дворецъ былъ полонъ жизни самой дѣятельной и службы самой строго-отвѣтственной. Какъ могла быть въ то время забыта и замурована цѣлая и по времени очень большая библіотека?

Въ дѣловыхъ записяхъ XVII ст., какія только намъ извѣстны, не встрѣчается и малѣйшихъ указаній на существованіе такого книгохранилища. Еслибъ оно существовало, то больше, чѣмъ другіе, о немъ долженъ былъ имѣть свѣдѣніе, напр., патріархъ Филаретъ Никитичъ, бывшій нѣкогда, послѣ кончины Ивана Грознаго, у его сына, царя Өедора, ближайшимъ бояриномъ, а бояре да и всѣ близкіе къ царю люди не меньше дьяковъ могли хорошо знать, что въ дворцовой казнѣ существуетъ, сохраняется не малое книжное сокровище. Сдѣлавшись патріархомъ и можно сказать полнымъ государемъ при своемъ сынѣ, царѣ Михаилѣ, Филаретъ Никитичъ непремѣнно отыскалъ бы это забытое сокровище, тѣмъ усерднѣе, что и самъ былъ человѣкъ книжный и про-

[5]) Домашній Бытъ Царей, изд. 2, 76.

свѣщенный. Тогда и при его внукѣ, царѣ Алексѣѣ, оно первое поступило бы въ основаніе такъ называемой Патріаршей библіотеки. Но видимо, что отыскивать было нечего; видимо, что въ XVII ст. никто и понятія не имѣлъ о потерянномъ по забвенію сокровищѣ.

Не упоминаемъ о царѣ Борисѣ Годуновѣ, при которомъ такая библіотека если бы и была гдѣ забыта и сокрыта, тоже была бы неотступно отыскана. Можно съ большою увѣренностію полагать, что она исчезла еще въ XVI ст. и именно въ пожарѣ 1571 г., когда на царскомъ дворцѣ въ каменныхъ палатахъ даже и желѣзныя связи перегорѣли и разрушились отъ огня, а въ городѣ церкви каменныя отъ пожара разсѣдались, и люди въ каменныхъ церквахъ и въ каменныхъ *погребахъ* горѣли и задыхалися... Всякое богатство и все добро погорѣло"...

Сохранялась ли библіотека въ казенныхъ подклѣтахъ Благовѣщенскаго собора, какъ мы выше указали, или „въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ церковью Св. Лазаря", какъ настойчиво указываетъ почтенный докторъ Эд. Тремеръ,— и тамъ и здѣсь библіотека въ этотъ пожаръ не могла остаться въ цѣлости и несомнительно сгорѣла. Въ своей живѣйшей увѣренности, что знаменитую библіотеку еще возможно гдѣ либо найдти въ забытыхъ дворцовыхъ сводахъ, г. Тремеръ очень увлекается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ 1837 году, какъ онъ свидѣтельствуетъ, къ удивленію современниковъ, была подъ мусоромъ и бочками съ дегтемъ открыта древнѣйшая часть дворца, а именно небольшая церковь св. Лазаря, которая была совсѣмъ забыта во время построекъ и надстроекъ слѣдовавшихъ другъ за другомъ поколѣній. Въ этомъ событіи, продолжаетъ г. Тремеръ, я готовъ видѣть счастливое предзнаменованіе для дальнѣйшихъ успѣшныхъ разысканій на этой почвѣ, которой пришлось пережить столько роковыхъ событій. Во всякомъ случаѣ невозможно успокоиться на той мысли, что Кремль былъ столько разъ опустошаемъ и что въ этихъ опустошеніяхъ погибла и библіотека Іоанна Грознаго: *желѣзный зондъ* долженъ рѣшить вопросъ, дѣйствительно ли она погибла или она находится сокрытою подъ мусоромъ и подъ постройками, возведенными въ теченіе слѣдующихъ столѣтій [6])".

Къ свѣдѣнію объ удивительномъ открытіи подъ мусоромъ церкви св. Лазаря необходимо сдѣлать небольшую поправку. Это свѣдѣніе почерпнуто г. Тремеромъ изъ сочиненія г. Снегирева „Памятники Московской Древности", стр. 223, гдѣ и обозначено, что „открыли ее заваленною мусоромъ и бочками съ дегтемъ" въ 1837 г. Источникомъ для сочиненія г. Снегирева послужило сочиненіе г. Вельтмана: Досто-

[6]) Моск. Вѣдомости 1891 г. № 334.

памятности Моск. Кремля М. 1843 г., гдѣ авторъ выразился такъ: „Съ неизвѣстнаго времени храмъ былъ оставленъ, запустѣлъ подъ спудомъ зданія, заваленъ и застроенъ“ (стр. 63). Въ этихъ свидѣтельствахъ является представленіе, что церковь находилась какъ бы въ подземельѣ, которое было завалено мусоромъ и бочками.

Но въ дѣйствительности она находится и донынѣ въ подклѣтномъ, т. е. нижнемъ этажѣ теремнаго дворца въ ряду древнихъ бѣлокаменныхъ погребовъ и со времени Петра была не забыта, но оставлена въ запустѣніи въ числѣ простыхъ дворцовыхъ сараевъ, такъ что пишущій эти строки, занимая казенную квартиру возлѣ Рождественскаго собора, еще въ 1838 г. пользовался этимъ любопытнымъ сараемъ для склада дровъ.

Въ описи дворцовыхъ зданій 1769 г. бывшая церковь описана слѣдующимъ образомъ: „Подъ Рожественскимъ соборомъ *полата* ветхая, въ оной 2 столба каменныхъ высокихъ круглыхъ, да четвероугольныхъ 2-же; сводъ каменной, полъ деревянной самой ветхой и гнилой бревенчатой только въ одномъ углу, гдѣ круглые столбы, а посрединѣ и въ протчихъ мѣстахъ полу нѣтъ; двери деревянныя старыя, при ней замокъ нутреной желѣзной съ ключемъ ветхой, накладка желѣзная старая съ прибоемъ, надъ дверью окошко малое“ [7]).

Въ такомъ видѣ оставленный храмъ находился до времени постройки новаго Кремлевскаго дворца въ сороковыхъ годахъ, когда и Рождественскій соборъ и церковь св. Лазаря были возобновлены по древнимъ образцамъ. Ея открытіе заключалось только въ признаніи свѣдущими людьми, что это былъ оставленный храмъ св. Лазаря, какъ указывали лѣтописи. При очисткѣ его стѣнъ встрѣтились слѣды стѣнописи, изъ которыхъ явственно уцѣлѣла только подпись: „Ангелъ Господенъ трубитъ на землю“.

Какъ мы упоминали, описанный случай *открытія* этого храма увлекъ г. Тремера къ тому предположенію, что и *три тайника съ книгами* могутъ быть открыты здѣсь же гдѣ-либо вблизи храма.

Въ Кремлѣ повсюду неоднократно открывались подъ землею и доселѣ тамъ остаются каменныя стѣны, своды и цѣлые погреба—остатки прежнихъ построекъ, при чемъ иногда были находимы и любопытные памятники древности. Такъ, во время постройки новаго дворца въ горѣ, противъ церкви Константина и Елены, гдѣ устраивали новые погреба, былъ найденъ мѣдный сосудъ и въ немъ нѣсколько жалованныхъ грамотъ В. К. Дмитрія Донскаго [8]). Въ то же время противъ угла нынѣшней

[7]) Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики города Москвы, I стб. 1369.
[8]) Дополн. къ актамъ историч. I, № 8 и 9.

Оружейной Палаты на материкѣ найдены серебряныя шейныя гривны и серги-рясы курганной эпохи.

Въ 1882 г. между мѣстомъ, гдѣ стоитъ Царь-Пушка и зданіемъ Чудова монастыря отъ дождей посреди мостовой образовался провалъ, въ которомъ при разслѣдованіи открылся бѣлокаменный древній погребъ съ узкими окнами вверху, отличной постройки, но совсѣмъ пустой. Онъ настолько былъ сухъ, что рукописи могли бы въ немъ сохраниться.

Еще прежде за нѣсколько лѣтъ при постройкѣ новыхъ зданій на дворѣ Кремлевскихъ казармъ и кавалерскихъ корпусовъ были открыты цѣлые ряды частію бѣлокаменныхъ, частію кирпичныхъ погребовъ.

Подобныя открытія, происходившія съ давнихъ временъ по случаю новыхъ построекъ, разнесли въ народѣ молву, что въ подземномъ Кремлѣ существуютъ въ разныхъ направленіяхъ особые потаенные ходы. Разсказывали, что такой ходъ идетъ, напр., отъ Архангельскаго собора къ Боровицкимъ воротамъ, другой отъ зданія Чудова монастыря, гдѣ стоитъ Царь-Пушка, къ Троицкимъ воротамъ и т. п. Каждый открываемый погребъ въ воображеніи очевидцевъ являлся подземнымъ ходомъ.

Но кромѣ мечтательныхъ разсказовъ, существуетъ настоящее преданіе, что гдѣ-то подъ горою у Тайницкихъ воротъ въ подземныхъ тайникахъ сохраняются немалыя сокровища.

Поводомъ къ этому преданію, быть можетъ, послужило нижеслѣдующее офиціальное дѣло о поискахъ подземныхъ Кремлевскихъ сокровищъ еще при Петрѣ Великомъ.

Въ декабрѣ 1724 года въ Петербургѣ бывшій понамарь Московской церкви Іоанна Предтечи, что за Прѣснею, Кононъ Осиповъ подалъ доношеніе въ Канцелярію Фискальныхъ дѣлъ, въ которомъ писалъ:

1) „Есть въ Москвѣ подъ Кремлемъ городомъ *тайникъ*, а въ томъ тайникѣ есть двѣ палаты, полны наставлены *сундуками* до стропу (до сводовъ).

А тѣ палаты за великою укрѣпою; у тѣхъ палатъ двери желѣзныя, поперегъ чѣпи въ кольца проемныя, замки вислые превеликіе, печати на проволокѣ свинцовыя; и у тѣхъ палатъ по одному окошку, а въ нихъ рѣшетки безъ затворокъ.

2) А нынѣ тотъ тайникъ заваленъ землею за невѣденіемъ, какъ веденъ ровъ подъ Цехаузной дворъ и тѣмъ рвомъ на тотъ тайникъ нашли на своды, и тѣ своды проломали и проломавши, насыпали землю накрѣпко.

3) И о тѣхъ онъ полатахъ доносилъ въ 718 году ближнему стольнику князю Ивану Ѳедоровичу Ромадановскому на словахъ, въ Москвѣ, въ Преображенскомъ приказѣ. И велѣно его допросить, почему сталъ онъ о тѣхъ палатахъ свѣдомъ? И онъ сказалъ: сталъ свѣдомъ Большія

Казны отъ дьяка Василья Макарьева; сказывалъ онъ, былъ де онъ, по приказу благовѣрныя царевны Софіи Алексѣевны, посыланъ подъ Кремль-городъ въ тайникъ и въ тотъ тайникъ пошелъ близь Тайницкихъ воротъ, а подлинно не сказалъ, только сказалъ подлинно, куды вышелъ, — къ рѣкѣ Неглинной въ круглую башню, что бывалъ старый Точильный рядъ. И дошелъ оный дьякъ до вышепомянутыхъ палатъ и въ тѣ окошка онъ смотрѣлъ, что наставлены сундуковъ полны палаты; а что въ сундукахъ, про то онъ не вѣдаетъ; и доносилъ обо всемъ благовѣрной царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, и благовѣрная царевна до государева указу въ тѣ палаты ходить не приказала.

4) А нынѣ въ тѣхъ палатахъ есть ли что, или нѣтъ, про то онъ не вѣдаетъ, потому что оной дьякъ былъ посланъ въ 90 (1682) году. И кн. Иванъ Өедоровичъ по допросу, приказалъ его съ подъячимъ послать подъ тайникъ осмотрѣть и приказавщи, изъ Москвы отбылъ въ С.-Петербургъ.

5) И дьяки Василій Нестеровъ, Яковъ Былинскій послали съ нимъ подьячаго Петра Чечерина для осмотра того выхода; и оной подъячій тотъ выходъ осмотрѣлъ и донесъ имъ дьякамъ, что такой выходъ есть, токмо заваленъ землею. И дали ему капитана для очистки земли и 10 человѣкъ солдатъ; и оной тайникъ обрыли, и 2 лѣстницы обчистили, и стала земля валиться сверху; и оной капитанъ видитъ, что пошелъ ходъ прямой, и послалъ отписку, чтобъ дали дьяки такихъ людей, чтобъ подвесть подъ тое землю доски, чтобъ тою землею людей не засыпало. И дьяки людей не дали и далѣе идти не велѣли, и по сю пору не изслѣдовано.

6) И чтобъ указомъ повелѣно было ему изслѣдить и дать бы указъ у кого ему быть подъ вѣдѣніемъ, чтобъ ему къ той земляной очисткѣ требовать людей только 6 человѣкъ, о которыхъ будетъ требовать впредъ; также, чтобы было ему невозбранно требовать кирокъ, ломовъ, лопатокъ, кульковъ, или что къ тому дѣлу пристойно будетъ".

Это доношеніе, конечно, заинтересовало и самого Государя и Великій Преобразователь, выслушавъ его въ Сенатѣ, собственною рукою написалъ на немъ тако: „*Освидѣтельствовать совершенно вице-губернатору*".

Декабря 14, слѣд. безъ особаго промедленія, по приговору Правит. Сената рѣшено было выслать понамаря въ Москву, для чего дать ему отъ Петербурга до Москвы ямскую подводу и прогонныя деньги, а ему кормовыхъ по гривнѣ на день, до тѣхъ поръ, пока оное дѣло освидѣтельствуется, при чемъ къ Московскому вице-губернатору Воейкову послать указъ, „чтобы онъ освидѣтельствовалъ о той *поклажѣ* безъ всякаго замедленія, дабы пономарю кормовыя деньги даваны туне не были".

Какъ начались и чѣмъ окончились эти поиски понамаря Сенату не

было извѣстно, быть можетъ, по той причинѣ, что съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ послѣ Сенатскаго рѣшенія Государь скончался 28 января 1725 г. Подобныя дѣла могли въ это время остановиться въ своемъ движеніи.

Однако понамарь не покидалъ своего намѣренія и почти черезъ десять лѣтъ, 13 мая 1734 г., снова подалъ уже прямо въ Сенатъ новое доношеніе, въ которомъ и разсказалъ, чѣмъ его дѣло окончилось въ первое время.

„Повелѣно было мнѣ, писалъ понамарь, подъ Кремлемъ городомъ въ тайникѣ оные двѣ палаты великія, *наставлены полны сундуковъ*, отыскать; и оному тайнику входъ я сыскалъ и тѣмъ ходомъ итить стало быть нельзя, потому что какъ веденъ ровъ подъ Цехаузной дворъ и на тотъ ходъ тѣмъ цехаузнымъ рвомъ на оной тайникъ найдено, на верхъ его; и оной тотъ ходъ проломали и задѣлали каменными столпами до меня нижайшаго. И по тому ходу итить мнѣ стало быть нельзя [9]). И я о томъ докладывалъ господину Воейкову и оный Воейковъ приказалъ быть у того дѣла того двора архитектору, чтобъ итить ходомъ потайнымъ показаннымъ прямо подлѣ города (подлѣ стѣны). И оный господинъ Воейковъ приказалъ для охраненія городовой стѣны, также и Цехаузнаго двора, какъ покажетъ идти, архитектору. И оной архитекторъ приказалъ новые столпы пробивать срединою, а подлѣ стѣны итить не далъ, какъ тотъ ходъ шелъ и вышелъ въ материкъ прямо къ городу. А тотъ вышепоказанный ходъ, что вышелъ изъ круглой башни, тѣми столпами уничтожилъ, потому что тѣ двери подъ городъ тѣми новыми столпами задѣланы; и не далъ въ томъ потаенномъ ходѣ оной архитекторъ позволенія. И той пробивкѣ было съ полгода и больше, а мнѣ было въ томъ его архитекторскомъ запрещеніи и вице-губернаторскомъ Воейковымъ непозволеніи учинилось продолженіе не малое, а мнѣ причитали въ вину и отказали“.

Описавши такимъ образомъ свои прежнія работы, понамарь снова просилъ дать ему повелительный указъ, чтобъ тѣ помянутыя полаты съ казною отыскать, дабы напрасно оный *интересъ* не пропалъ втуне, потому что онъ понамарь уже при старости... [10]) Онъ просилъ послать его къ работѣ въ самой скорости, чтобы земля теплотою не наполнилась; и къ той работѣ дать ему изъ Раскольнической Комисіи арестантовъ 20 че-

---

[9]) Повидимому эти поиски производились у арсенальной кремлевской стѣны къ круглой наугольной башнѣ, подъ которою устроенъ былъ тайникъ къ Неглинной для добыванія воды еще въ 1492 г., когда построена была и самая башня, называвшаяся потомъ Собакиною. Цейхаузомъ и Цехаузнымъ дворомъ именовался Арсеналъ.

[10]) Отставной понамарь видимо былъ человѣкъ предпріимчивый. Въ 1718 г. онъ занимался по подряду въ казну издѣліемъ какихъ-то гранодерскихъ мѣдныхъ трубокъ, которыхъ не успѣлъ додѣлать на 20 пудовъ.

ловѣкъ, безперемѣнно до окончанія оного дѣла; и повелѣно-бъ было оное ему отыскивать въ четырехъ мѣстѣхъ. „А ежели я, оканчивалъ понамарь, что учиню градскимъ стѣнамъ какую трату и за то повиненъ смерти".

Сенатъ выслушалъ доношеніе въ тотъ же день, 13 мая, а потомъ вторично 5 іюня и опредѣлилъ взять у понамаря извѣстіе на письмѣ, въ какихъ мѣстахъ именно *поклажи* имѣются. Но вмѣсто письменнаго сообщенія ему сдѣланъ былъ словесный допросъ, на которомъ онъ и указалъ тѣ мѣста: „Въ Кремлѣ городѣ: 1) отъ Тайницкихъ воротъ; 2) отъ Костянтиновской пороховой палаты (близь церкви Константина и Елены); 3) подъ церковью Іоанна Списателя Лѣствицы; 4) отъ Ямскаго Приказу поперегъ дороги до Колегіи Иностранныхъ Дѣлъ (близь Архангельскаго собора). А что отъ котораго по которое мѣсто имѣетъ быть копка сажень и аршинъ, того онъ не знаетъ. А та *поклажа* въ тѣхъ мѣстахъ въ двухъ полатахъ и стоитъ въ сундукахъ, а какая именно, того онъ не знаетъ. А съ прошлаго 724 года, какъ онъ о той поклажѣ подалъ доношеніе въ Канцелярію Фискальскихъ Дѣлъ и по указу изъ Сената велѣно о томъ освидѣтельствовать, онъ Кононъ по нынѣшнее время о томъ не доносилъ чая, что по тому изъ Сената указу свидѣтельство исполнится"...

Какъ видно, новые поиски были разрѣшены, потому что послѣ всего секретарь сената Семенъ Молчановъ объявилъ присутствію, что „понамарь Осиповъ въ Кремлѣ городѣ поклажи искалъ и по его указанію отъ Губернской Канцеляріи рекрутами рвы копаны: 1) у Тайницкихъ воротъ на Житномъ Дворѣ подлѣ набережныхъ всѣхъ полатъ; 2) на площади противъ Иностранной Колегіи (за Архангельскимъ соборомъ), гдѣ и погребы каменные нашлись; 3) противъ Ивановской колокольни вдоль площади; 4) у Цейгаузной (арсенальной) стѣны въ круглой башнѣ; 5) въ Тайницкихъ воротахъ близъ Рентереи. И той работы было не мало, но токмо поклажи никакой не отыскалъ" [11]).

И такъ, въ подземныхъ тайникахъ Московскаго Кремля должны храниться въ трехъ склепахъ—подвалахъ или подклѣтахъ богатая книгами библіотека Царя Ивана Грознаго и въ двухъ полатахъ, полныхъ до сводовъ сундуками, невѣдомое сокровище. Можемъ ли мы отрицать, что какая либо счастливая случайность не откроетъ эти забытыя сокровища? О библіотекѣ мы представили свои соображенія, что она навсегда могла исчезнуть въ пожаръ 1571 года, такъ какъ никто изъ ея современниковъ, ни Годуновъ, ни патріархъ Филаретъ Никитичъ и всѣ другія

[11]) Архивъ Мин. Юстиціи: Дѣла Правит. Сената по Монетной Канцеляріи, кн. № 4/1418. За любезное сообщеніе намъ копій съ этихъ любопытныхъ документовъ приносимъ глубокую благодарность многоуважаемому М. Г. Деммени.

знатныя и властныя лица не оставили потомству никакихъ указаній на ея существованіе въ ихъ время. Если-бъ и самъ Царь Иванъ Васильевичъ замуровалъ ее гдѣ либо въ своихъ тайникахъ, то упомянутые современники такого поступка, впослѣдствіи, несомнѣнно отыскали бы сокрытое сокровище. Восемьсотъ книгъ отыскать было возможнѣе, чѣмъ восемьсотъ какихъ либо пуговицъ или иголокъ! О небрежности или забвеніи въ потерѣ этого сокровища едва ли можно и помышлять.

Множество сундуковъ, наставленныхъ до сводовъ въ другихъ двухъ тайникахъ, о которыхъ столько мечталъ и хлопоталъ понамарь Кононъ Осиповъ, приводитъ на память 230 слишкомъ ящиковъ съ различными бумагами того же Грознаго Царя Ивана Васильевича, отъ которыхъ сохранилась только ихъ перечневая опись (Акты Археогр. Экспед. I, № 289).

Утрата этихъ ящиковъ несравнимо горестнѣе для Русской Исторіи, чѣмъ утрата всей библіотеки Грознаго. Вотъ гдѣ было истинное наше сокровище, которое, сохранившись, могло бы пролить истинный и обширный свѣтъ на нашу Исторію отъ временъ Батыя. Въ 148 ящикѣ здѣсь сохранялись Дефтери старые отъ Батыя и отъ иныхъ царей, съ отмѣткою, что „переводу имъ нѣтъ, никто перевести не умѣетъ". Здѣсь сохранялись важнѣйшія бумаги и великихъ, и удѣльныхъ князей, и многихъ бояръ. Въ 47 ящикѣ лежали, напр., грамоты докончалные и грамоты духовные и книги Великимъ Князей *старыхъ*. Перечислить всѣ драгоцѣннѣйшіе памятники, хранившіеся въ этихъ ящикахъ, нѣтъ возможности. Нѣкоторые, напр., 138 ящикъ съ духовными грамотами Московскихъ князей, къ счастію сохранились, изданы и донынѣ сохраняются въ Архивѣ Министер. Иностранныхъ Дѣлъ.

Это обстоятельство указываетъ, что ящики были цѣлы, быть можетъ, еще въ XVII ст. Не о нихъ ли оставалось преданіе отъ дьяка Большой Казны Василья Макарьева? Въ особомъ тайникѣ они могли быть помѣщены для сохраненія именно отъ пожаровъ.

Ив. Забѣлинъ.

II

Шитый покровъ на мощи св. Авраамія Ростовскаго, находящійся во Флоренціи.

Графиня П. С. Уварова доставила редакціи фотографію съ шитаго покрова, которая была снята съ оригинала, находящагося во Флоренціи у кн. Орсини (см. рис. 6).

Рис. 6.

О самомъ памятникѣ въ записной книжкѣ покойнаго графа А. С. Уварова, которую также обязательно сообщила гр. П. С. Уварова, подъ 28 Апрѣля / 10 Мая, 1884 года сказано слѣдующее:

„У кн. Орсини во Флоренціи, al Prato. Покровъ св. Авраамія, въ ростъ, шитъ шелками. По каймѣ тропарь (серебромъ) святому. Внизу подпись вязью (золотомъ)“. Далѣе приведена транскрипція нижней надписи. По словамъ кн. Орсини, какъ сообщила гр. П. С. Уварова, покровъ этотъ былъ вывезенъ изъ Россіи въ Смутное время, но при какихъ обстоятельствахъ—неизвѣстно.

Пр. Авраамій изображенъ въ монашескомъ одѣяніи, правая рука благословляющая, въ лѣвой свитокъ; вокругъ главы шитый вѣнчикъ, а по сторонамъ ея надпись вязью: Прпдобны Аврамие Рѡстовскіи чюдотворец. По верхнему и правому боковому краю вышитъ вязью и частью подъ титлами тропарь преподобному Авраамію: Просвѣтився благодатию божественною и по смерти явися свѣтлость житія твоего истачаеши мирови благоуханне притѣкающимъ к рацѣ мощей твоихъ и невѣрныя люди наставил еси къ свѣту Богоразумия Аврамие ѡче нашь Христа Бога моли даровати намъ велию милость. Тропарь, вышитый на покровѣ разнится нѣсколько отъ тропаря, который теперь поется православною церковью (см. Минею, 29-го Октября), напр., вмѣсто источаеши мирови благоуханіе въ теперешней редакціи сказано: источаеши исцѣленія притекающимъ съ вѣрою къ рацѣ и т. д., и вообще порядокъ словъ расположенъ иначе. Тропарь, почти сходный съ находящимся на нашемъ покровѣ, вышитъ на другомъ покровѣ съ мощей преп. Авраамія, принадлежащемъ Ростовскому Музею (см. Пр. Авраамій, архимандритъ Ростовскаго Богоявленскаго Авраамиева монастыря. Изд. И. П. Побѣдинскаго. Ростовъ, 1891 г., стр. 10), за № 3012. Въ упомянутомъ изданіи г. Побѣдинскаго сказано, что подобный-же тропарь, только съ пропускомъ словъ *мирови* и *люди* находится въ рукописномъ „Богослужебномъ сборникѣ“ XV—XVI в. л. 63, принадлежащемъ собранію И. А. Вахрамѣева (№ 46).

По лѣвому боковому и нижнему краю вышитъ вязью кондакъ: Иго Христово примъ Аврамие и того крестъ на рамо вземъ послѣдовал ему насаженъ бо в дому Господни и процвѣте яко ѳиникъ и яко кедръ иже в Ливане оумножилъ еси чада твоя муж желании духовных чюдотворец бо восия преподобне Христа Бога моли непрестано ѡ всѣх нас. Редакція этого кондака на столько разнится отъ современной (см. Минею), что для сравненія привожу ее: Иго Христово пріемъ Авраміе,

и тогѡ крестъ на рамо въземъ, послѣдовалъ еси ему: насажденъ бывъ въ дому Господни, и процвѣлъ еси якѡ фініксъ, и якѡ кедръ иже въ Ліванѣ оумножилъ еси чада твоя, мужъ желаній духовныхъ: отъ возлюбленнагѡ же апостола Іѡанна Богослова благодать воспрінмъ, жезломъ сокрушилъ еси идѡла, и разсыпалъ еси его якѡ прахъ, и чудотворецъ оубѡ велій явился еси преподобне. Тѣмже Христа Бога моли непрестанно ѡ всѣхъ насъ. Не выписывая всѣхъ разночтеній обѣихъ редакцій кондака преп. Авраамію, отмѣчу наиболѣе характерное: на шитьѣ значится и процвѣте яко ѳиникъ и яко кедръ иже в Ливане въ теперешней же редакціи— и процвѣлъ еси якѡ фініксъ и якѡ кедръ иже въ Ливанѣ; явно финикъ смѣшанъ съ фениксомъ. Конецъ кондака на покровѣ значительно сокращенъ сравнительно съ теперешнею редакціею, можетъ быть, по недостатку мѣста.

Подъ изображеніемъ преп. Авраамія вышита золотомъ въ двѣ строки списанная гр. А. С. Уваровымъ и провѣренная по фотографіи слѣдующая надпись вязью и подъ титлами: Повелѣніемъ Блговѣрнаго Гсдря цря и великого князя Ѳеѡдора Ивановича всея Руси Самодержца и его благовѣрные црцы и великое кнгини Ирины ихъ Бгмъ дарованнои дщери благовѣрные црвны и великие кнжны Ѳеѡдосьи здѣлан си покров Авраамия игумена Бгоявленъского монастыря Ростовъского чюдотворца. РВ г.

Годъ РВ (102), т. е. 7102, соотвѣтствуетъ 1594 г. Упомянутая въ надписи дочь царя—Ѳеодосія, родившаяся въ 1592-мъ году *) на другой годъ умерла; очевидно, покровъ былъ сооруженъ передъ самой кончиной царевны и, можетъ быть, даже не былъ за ея смертью посланъ въ Богоявленскій Ростовскій монастырь.

Существуетъ грамота царя Ѳедора Ивановича, которою онъ утвердилъ за Богоявленскимъ монастыремъ село Богоявленское, рыбныя ловли и проч., хранящаяся въ монастырѣ; о ней упомянуто у гр. М. В. Толстого. „Древнія святыни Ростова Великаго“, стр. 66.

А. О.

*) Карамзинъ, X, стр. 161, годъ рожденія царевны означаетъ 1591-й; кн. Щербатовъ (Исторія, кн. XIV) ставитъ подъ 1592-мъ, Іюня 14 (стр. 9), а кончину подъ 1593-мъ (стр. 15), говоря что царевна въ концѣ Ноября или въ началѣ Декабря скончалась, яко сіе видно по данному приказу Декабря 7 приставамъ у Цесарскихъ пословъ быть въ смирномъ платьѣ по причинѣ ея кончины. По лѣтописямъ Ѳеодосія родилась въ 100-мъ, скончалась въ 101-мъ г. Жила, стало быть, или полгода или полтора года.

III

Обозрѣніе раскопокъ, находокъ и разныя извѣстія.

—— А. И. Яцимирскій, студентъ Московскаго университета, доставилъ редакціи замѣтку о находкѣ имъ лѣтомъ 1892 г. египетскихъ древностей въ Аккерманѣ, которую помѣщаемъ здѣсь дословно:

„При посѣщеніи Аккермана лѣтомъ 1892 г. мною было найдено на берегу Днѣстровскаго лимана 13 египетскихъ амулетовъ очень малыхъ размѣровъ. Памятные для жителей разливы Днѣстра въ то лѣто особенно подмывали скалу, на которой высится генуэзская цитадель, приходящая изъ года въ годъ къ разрушенію. Берегъ возлѣ сѣверо-восточной башни цитадели загроможденъ камнями, частью свалившимися со скалы, частью отъ стѣны и башни крѣпости. Среди этихъ камней, въ водѣ, находятъ много монетъ римскихъ и греческихъ; подобныя находки въ особенности были не рѣдкостью лѣтомъ 1892 г., когда спавшая послѣ разливовъ рѣки вода обнажила на большое пространство берегъ и дно лимана. Въ пескѣ, между камней, найдено было мною въ концѣ іюня 13 упомянутыхъ выше амулетовъ, принадлежащихъ, надо полагать, Александріи. Всѣ амулеты очень малыхъ размѣровъ (отъ $^1/_4$ в. до 1 в.), сдѣланы изъ обожженой глины, выкрашены въ зеленый цвѣтъ и имѣютъ отверстія для продѣванія снурка. Тамъ-же одновременно найдена мною бронзовая монета.

Аккерманскіе старожилы говорили мнѣ, что на этомъ, приблизительно, мѣстѣ находки, лѣтъ 30 назадъ были найдены окаменѣвшія сваи и нѣсколько снарядовъ, принятыхъ ими за якоря. Куда все это дѣлось— неизвѣстно. По преданію, сохранившемуся у старожиловъ, и по находкамъ утверждаютъ, будто здѣсь была древняя гавань. Объ этомъ говоритъ и О. Струве. Впрочемъ, показанія его и мѣстныхъ старожиловъ нѣсколько разнятся, такъ какъ, по словамъ О. Струве, старинная гавань находилась ниже крѣпости, гдѣ и были найдены сваи и монеты *); амулеты же были найдены въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ сѣверо-восточной угловой башни цитадели“.

Доставленные при замѣткѣ А. И. Яцимирскимъ 13 предметовъ сдѣланы изъ такъ называемаго египетскаго фарфора; шесть имѣютъ форму плосковатыхъ бусъ, покрытыхъ орнаментаціей (черточками) вглубь, одна— въ формѣ головы какого-то животнаго со вставленнымъ глазомъ чернаго

*) Зап. Од. Общ., т. VI. Струве, Арх. замѣтки по поводу посѣщенія Аккермана и т. д., стр. 607 слѣд.

цвѣта, 2 маленькихъ скарабея, миніатюрная фигурка Беса, маленькая статуэтка Озириса и 2 статуэтки, сидящая и въ ростъ, богини Секетъ (съ кошачьей головой). Судя по довольно изящнымъ формамъ трехъ статуэтокъ ихъ можно отнести къ послѣднимъ временамъ Египта, т. е. къ эпохѣ Птолемеевъ. Бронзовая монета, къ сожалѣнію, очень потертая, также египетская: съ одной стороны имѣетъ голову одного изъ римскихъ императоровъ I вѣка по Р. Х., а съ другой стороны изображеніе ибиса. Находка этихъ древностей, сопровождаемыхъ, кромѣ того, монетою г. Александріи, представляетъ тотъ интересъ, что указываетъ на фактъ прямыхъ сношеній Тиры (лежавшей въ древности на мѣстѣ теперешняго Аккермана) съ Египтомъ. Вообще, находки египетскихъ монетъ, начиная со временъ Птолемеевъ и до поздне-римскихъ включительно, не представляютъ рѣдкости, въ мѣстахъ на сѣв. берегахъ Чернаго моря, гдѣ находились древніе города; въ Ольвіи 2 года назадъ была найдена золотая мелкая монета одного изъ Птолемеевъ.

—— А. Е. Мальмгренъ, студентъ Петербургскаго университета, произвелъ лѣтомъ 1893 года раскопки кургановъ въ с. Осьминѣ, Гдовскаго уѣзда, о которыхъ прислалъ слѣдующее сообщеніе: „Группа кургановъ, числомъ около 30, находится на краю с. Осьмина, на правомъ берегу р. Сабы, притокѣ Луги, на этомъ мѣстѣ довольно высокомъ (около 8 саж.). Часть группы кургановъ лѣтъ 35 назадъ была срыта для увеличенія крестьянскаго кладбища, при чемъ было уничтожено 7 „сопокъ". Систематическихъ раскопокъ осьмининскихъ кургановъ не производилось, но нѣкоторые были разрыты крестьянами и дачниками. Мнѣ удалось разрыть 4 кургана. Первый курганъ, вышиною отъ $1^1/_2$ до $2^1/_2$ арш. (неравномѣрно съ каждой стороны), въ окружности 11 саж. 2 арш. и въ діаметрѣ у основанія 11 арш., имѣлъ форму срѣзаннаго конуса, ширина котораго равнялась 3 арш. 8 в. Срѣзавъ около трети высоты, я сталъ рыть колодцемъ. Насыпь кургана состояла изъ красноватаго песка; на глубинѣ 35 сант. отъ площади трети высоты начался слой пепла, толщиною въ 30 сант., съ кусочками угля. Въ насыпи кургана изрѣдка попадался мелкій булыжникъ и только 2 камня по больше. На материкѣ лежалъ костякъ, головою на С., лицомъ на З. У верхней части черепа лежали чрезвычайно тонкіе и хрупкіе кусочки металлическаго головнаго вѣнчика. Ближе къ шеѣ—мелкіе куски бересты и дерева, у шеи—куски толстой матеріи. У висковъ сохранилось много темноватыхъ волосъ и немного волосъ было на лбу. На каждой щекѣ было по три височныхъ кольца, перевитыхъ волосами. На шеѣ рядъ бусъ. У правой лопатки металлическая пряжка. У лѣваго бедра остатки желѣзнаго ножика. Правая рука была протянута вдоль тѣла, а кисть лѣвой руки—у лобковаго

срощенія. На лѣвой рукѣ были надѣты браслетъ и 2 перстня. Въ ногахъ и съ правой стороны костяка попадались на разной высотѣ во множествѣ черепки глиняпаго горшка, покрытаго волнистымъ орнаментомъ. Длина костяка=2 арш. 10 в.

Второй курганъ находился въ оградѣ современнаго кладбища и принадлежалъ, по словамъ крестьянъ, къ числу распаханныхъ. Вышина $^1/_2$ арш.; окр. 11 саж., діаметръ $3^1/_2$. На глубинѣ 104 сант. находился костякъ, лежавшій на спинѣ, головою почти на З. съ небольшимъ отклоненіемъ на С.; голова была повернута налѣво, вѣроятно отъ напора земли, такъ какъ нижняя челюсть лежала прямо. Правая рука была вытянута, лѣвая положена на грудь. На правой рукѣ находился мѣдный витой браслетъ, на лѣвой—такой же, но съ нѣсколько иными концами. У правой лопатки была небольшая металлическая пряжка, на шеѣ —металлическія бусы и подвѣски къ ожерелью. На ушки двухъ подвѣсокъ были надѣты по бусѣ. Подъ черепомъ находилась небольшая подстилка съ волосами и матеріей, а также металлическія бусы и подвѣски. У правой щеки сохранилось немного волосъ; у таза, слѣва, лежалъ небольшой желѣзный ножикъ. Длина костяка равнялась 160 сантим. На разстояніи поларшина отъ костяка, на сѣверъ, лежалъ параллельно, на той же глубинѣ, второй костякъ, одинаковаго же роста. Лежалъ онъ на спинѣ. На затылкѣ находилась продолговатая впадина. Лѣвая рука была протянута, а правая положена на грудь. На обѣихъ рукахъ были надѣто по бронзовому браслету (витой и гладкій), каждый прикрытый деревянными пластинками. У правой лопатки—пряжка, на шеѣ 3 металлическія бусы и въ одной изъ нихъ была вставлена глиняная буса; у таза, слѣва, желѣзный ножикъ.

Третій курганъ представлялъ срѣзанный конусъ, обросшій можжевельникомъ и соснами. Окружность основанія=11 саж., высота 2 арш. съ небольшимъ. На материкѣ лежалъ костякъ въ прямомъ положеніи, головою на СЗ. На щекахъ лежало по височному кольцу, запутанному въ волосы. Подъ головою находилась какая-то подстилка, на шеѣ было надѣто 3 ряда бусъ съ частями шнура, металлическихъ, сердоликовыхъ, кварцевыхъ и другихъ. Около шеи сохранились куски матеріи, кусочки дерева и тутъ-же лежала пряжка. Правая рука была согнута подъ прямымъ угломъ и лежала на груди. Кисти обѣихъ рукъ были прикрыты какими-то покрышками, на которыхъ лежали браслеты—4 на лѣвой и 5—на правой рукѣ. Браслеты были покрыты деревянными пластинками, подбитыми матеріей. На пальцѣ правой руки, кромѣ того, былъ надѣтъ бронзовый перстень. Близь той же руки лежала круглая металлическая пластинка съ узоромъ по краю. Пониже лѣваго колѣна лежалъ небольшой оббитый кремень. Справа, у таза,—желѣзный ножикъ, а еще правѣе,

на 4 в. выше костяка, сѣкира, и кусочекъ дерева, можетъ быть, отъ рукоятки сѣкиры. Длина костяка=167 сант.

Четвертый курганъ, формы подобной предыдущему, въ окружности=13 саж., выш. $2^1/_2$ арш. На глубинѣ 66 сант. находился слой пепла съ кусками угля; на глубинѣ 170 с. въ СЗ. углу—куча человѣческихъ костей, занимавшая площадь въ 90×120 сант. Въ западной части площади лежали рядомъ три черепа и рядомъ съ ними—челюсти; остальныя кости были свалены въ кучу. Изъ вещей найдено только 2 обломка витаго бронзоваго браслета. Въ восточной части кургана открылась другая группа костей и 4 лежащихъ рядомъ черепа. Тазовыя части найдены не всѣ. Въ обѣихъ кучахъ костей находились по ножной кости, интересныхъ по слѣдамъ перелома, при чемъ сращеніе произошло неправильно. Въ сторонѣ, противоположной площади, занимаемой черепами, находился разломанный глиняный горшокъ со жжеными костями, топоръ, наконечникъ стрѣлы, обломки желѣзныхъ предметовъ, въ томъ числѣ ножика, и обломокъ витаго браслета. Всѣ найденные предметы и подробный отчетъ о раскопкѣ посланы въ Императорскую Археологическую Коммиссію, а кости переданы въ Петербургскій университетъ".

—— Въ „Адресъ-календарѣ и памятной книжкѣ Пермской губ. на 1894 годъ" сообщаются свѣдѣнія о слѣдующихъ новѣйшихъ археологическихъ находкахъ. 1) Лѣтомъ 1892 г., священникъ села Усть-Косьвинскаго, П. А. Некрасовъ совершилъ поѣздку на рч. Чанью, лѣвый притокъ р. Яйвы, и посѣтилъ чанвинскую пещеру, о которой упоминаетъ еще академикъ И. Лепехинъ въ своихъ „Дневныхъ запискахъ", какъ о „достойной вниманія для вогульской древности". Свящ. Некрасовъ собранную имъ на полу пещеры коллекцію черепковъ глиняной посуды, костей животныхъ и найденную въ щебнѣ пещеры серебряную подвѣску препроводилъ въ Пермскій музей. Пермская коммиссія Уральскаго Общества Любителей Естествознанія организовала лѣтомъ 1893 г., на частныя небольшія средства, экскурсію къ пещерамъ по р.р. Яйвѣ и Чаньвѣ, для болѣе тщательнаго ихъ изслѣдованія. Изъ числа найденныхъ въ этихъ пещерахъ предметовъ кости взяты для опредѣленія профессоромъ Московскаго университета А. А. Тихомировымъ, посѣтившимъ въ томъ-же году Кизеловскую пещеру; серебряныя монеты посланы Ѳ. А. Теплоуховымъ для опредѣленія въ Импер. Археологическую Коммиссію, а остальныя вещи находятся на разсмотрѣніи г. Теплоухова, статья котораго объ этихъ находкахъ, а равно и подробный отчетъ объ этой экскурсіи С. И. Сергѣева, будутъ напечатаны въ третьемъ томѣ „Пермскаго края".

2) Въ 1893 г. цѣлая коллекція чудскихъ вещей вырыта однимъ пермякомъ Купросской вол., Соликамскаго у., на его усадьбѣ. Нѣкоторыя

изъ нихъ весьма интересны, такъ какъ даютъ понятіе, насколько сложны были украшенія, которыя носили чудяки на своихъ одеждахъ. Въ коллекціи Ѳ. А. Теплоухова есть очень много бронзовыхъ предметовъ, въ видѣ плоскихъ колесъ, пѣтушковъ съ подвѣсками, ажурныхъ флакончиковъ и т. д., но какъ располагались эти предметы на костюмѣ,—оставалось до сихъ поръ невыясненнымъ. Теперь-же, благодаря купросскимъ находкамъ, у г. Теплоухова имѣются четыре сложныхъ украшенія (ожерелье изъ свиныхъ клыковъ съ бронзовыми бусами, украшеніе изъ бусъ съ флаконовидной подвѣской и пр.), значительно уясняющія этотъ вопросъ Описаніе этихъ вещей, съ рисунками, будетъ также помѣщено въ 3 т. „Пермскаго края".

3) Въ 1893 г. были пріобрѣтены Д. Д. Смышляевымъ древнія вещи, найденныя въ 1892 г. крестьяниномъ дер. Ташки, Кочевской вол., Чердынскаго у., Ѳ. Г. Кивилевымъ, въ одной верстѣ отъ помянутой деревни, за р. Косой, въ мѣстности у р. Язинцы. Вещи эти состояли изъ 12 серебряныхъ, очевидно, сассанидскихъ монетъ, изъ двухъ серебряныхъ, витыхъ изъ проволоки гривенъ (безъ застежекъ), одного обломка такой-же гривны и слегка согнутаго и къ концу съуживающагося рожка, въ которомъ, можетъ быть, былъ закрѣпленъ конецъ гривны, двухъ обрывковъ серебряныхъ, четырехгранныхъ искусно сплетенныхъ цѣпочекъ, въ 10 мм. толщиною и длиною—одна 10,8, другая—въ 10,6 сантим., бронзоваго кольца и трехъ бусъ, величиною въ обыкновенный орѣхъ, изъ коихъ двѣ зеленоватаго стекла, а одна изъ горнаго хрусталя. Всѣ найденныя вещи лежали вмѣстѣ, подъ небольшимъ слоемъ земли. Двѣ изъ найденныхъ монетъ были посланы для опредѣленія въ Петербургъ и оказались, дѣйствительно, сассанидскими: одна—царя Хозроя I-го, чеканена въ Мейбудѣ, въ 4 году царствованія, въ 534 г. по Р. Хр., другая такъ же, какъ и первая, драхма, неизвѣстнаго царя, нигдѣ не изданная, конца V в. по Р. Хр. Въ Императорскомъ Эрмитажѣ такихъ монетъ не имѣется.

4) Имп. Археологическая Коммиссія пріобрѣла отъ соликамскаго купца Г. М. Касаткина два серебряныхъ сассанидскихъ блюда, найденныхъ въ Соликамскомъ у., изъ коихъ одно—съ изображеніемъ на днѣ льва, попирающаго повергнутую на землю лань и правою переднею лапою ухватившаго ее за горло. На блюдѣ замѣтны слѣды позолоты. Изображенія на другомъ блюдѣ намъ неизвѣстны.

—— Начиная съ 1894 года, разрѣшено отпускать изъ казны въ распоряженіе Императорской академіи наукъ по 3,500 рублей въ годъ на изданіе „Византійскаго Обозрѣнія". Этотъ журналъ предположено издавать на русскомъ и греческомъ языкахъ, выпуская по четыре книжки въ годъ, отъ 10-ти до 12-ти листовъ каждая.

———

IV

Засѣданія Обществъ.

Въ засѣданіи Славянской Коммиссіи Моск. Арх. Общ., 3 ноября 1893 г., В. М. Истринъ сдѣлалъ докладъ: „Палейныя сказанія о столпотвореніи вавилонскомъ и объ Авраамѣ". Сравнивая сказанія Палеи съ другими переводными славянскими источниками и русскими компиляціями, авторъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) въ историческомъ сборникѣ Московъ. Главн. Арх. М. И. Д., содержащемъ въ себѣ между прочимъ лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго, сохранился отрывокъ изъ Топографіи Козьмы Индикоплова, представляющій другой переводъ, нежели какой представляютъ извѣстные списки Топографіи,—это разсказъ о столпотвореніи Вавилонскомъ. Нѣтъ основаній отвергать существованіе у насъ цѣлаго перевода Топографіи, изъ котораго извѣстенъ пока одинъ данный отрывокъ. 2) Сказаніе Толковой Палеи о столпотвореніи вавилонскомъ составлено по готовымъ источникамъ, именно: а) по Христіанской Топографіи Козьмы Индикоплова, въ переводѣ, представляемомъ извѣстными теперь списками; б) по хроникѣ Іоанна Малалы, и в) по не дошедшей до насъ какой-то хроникѣ. 3) Редакторъ Палеи бралъ изъ своихъ источниковъ отрывки большею частію буквально, перефразируя лишь иногда Топографію Козьмы Индикоплова. 4) Характеръ сложенія сказанія таковъ: редакторъ бралъ отрывокъ изъ Топографіи, потомъ изъ хроники І. Малалы, затѣмъ опять изъ Топографіи, и т. д. 5) Несторъ въ своихъ двухъ разсказахъ о столпотвореніи *не* пользовался Толковой Палеей, а пользовался независимо отъ нея тѣми же источниками, главнымъ образомъ, хроникою Іоанна Малалы. 6) Сказаніе Толк. Палеи объ Авраамѣ до путешествія его въ Египетъ составлено: а) изъ особаго апокрифа, содержавшаго исторію Серуха, Нахора, Фары и Авраама; б) изъ апокрифическаго „Откровенія" Авраама. 7) Откровеніе Авраама мѣстами передано буквально, мѣстами съ перемѣнами. 8) Соединеніе особаго апокрифа съ „Откровеніемъ" и съ обличеніемъ жидовина принадлежитъ одному редактору, который употребленіемъ слова *„рече"* въ повѣствовательной части указываетъ обыкновенно на свой источникъ. 9) Несторъ въ разсказѣ объ Авраамѣ также не пользовался Толковой Палеей, а вѣроятнѣе всего хроникой І. Малалы.

М. И. Соколовъ, въ своихъ замѣчаніяхъ по поводу реферата В. М. Истрина, обратилъ особенное вниманіе на важность разработки исторіи Толковой Палеи; постановка вопроса о ея происхожденіи и рѣшеніе его, намѣченное В. М. Истринымъ, является важнымъ и для другихъ памятниковъ. Для примѣра, М. И. указалъ на свое изслѣдованіе о Словѣ попа Іереміи: повидимому, теперь приходится предполагать, что совпаденія этого слова съ Палеей не есть результатъ заимствованія Словомъ изъ нея, а скорѣе

обратно. Имъ же указана возможность предположить и источникъ для нѣкоторыхъ толкованій Палеи, именно Златоструй, бывшій источникомъ сказанія о преступленіи Адама въ словѣ Панка. М. И. Соколовымъ же высказано нѣсколько соображеній по поводу *еврейскаго* первоисточника „Откровенія Авраамова". А. В. Михайловъ обратилъ вниманіе еще на одинъ источникъ Палеи, указавъ, что цитаты изъ св. Писанія, приводимыя въ Палеѣ, представляютъ совершенно иной переводъ, нежели обычный, намъ извѣстный. Наконецъ, С. О. Долговъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о лицевыхъ спискахъ Козьмы Индикоплова; въ подписяхъ къ рисункамъ замѣчается большее сходство съ Палеей, нежели съ текстомъ самого Козьмы.

Затѣмъ М. И. Соколовъ прочелъ докладъ: „Апокрифъ о службѣ тайнъ Христовыхъ". Апокрифъ этотъ отмѣчается въ славянскомъ индексѣ отреченныхъ книгъ такъ: „О службѣ тайнъ Христовыхъ (Божіихъ), что опоздятъ обѣдню, служити, (рѣкше) врата небесная затворяются и (о семъ) ангели попа кленутъ" (Тих. Пам. Введ. VIII, № 69). Доселѣ не изданный и не указанный въ рукописяхъ апокрифъ оказался въ одномъ сборникѣ XVII в. (изъ собранія С. П. Шевырева, теперь въ библ. Историко-Филологич. института кн. Безбородко, въ Нѣжинѣ) подъ заглавіемъ, нисколько не напоминающемъ отмѣтку индекса, а именно: „Мѣс. авг. въ 29 д., Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи, Крестителя Господня". Начало: „Сій же Иванъ измлада возлюбленъ Богу отъ рождества своего..." По своей формѣ и содержанію статья напоминаетъ апокрифическіе апокалипсисы. Іоаннъ Предтеча представляется еще при жизни вознесеннымъ на небо, гдѣ видитъ домъ Господенъ (своеобразно описанный) и служеніе литургіи ангелами у престола Господня одновременно со службою въ земныхъ церквахъ; служба благочестивыхъ епископовъ чрезъ отверстыя небесныя врата возносится ангелами къ престолу Божію; а когда понесли ангелы службу опоздавшаго чернорizца, врата небесныя затворились, и ангелы стали проклинать опоздавшаго. Кромѣ того, по просьбѣ Іоанна Предтечи, показываютъ и объясняютъ ему загробную участь душъ праведныхъ и грѣшныхъ. По возвращеніи на землю Іоаннъ является на пиру у Ирода (гдѣ находятся между прочимъ братья послѣдняго—средній Дадіанъ, и еще Ираклій, Аполлонъ и Филиппъ). Когда дочь Ирода попросила у него главы Іоанна Крестителя, Иродъ предложилъ Іоанну жениться на его дочери, но Іоаннъ не захотѣлъ осквернить своего тѣла. По усѣкновеніи, Іоаннъ плачетъ о томъ, кому достанется глава его, и жалѣетъ, что родители его не знаютъ о его участи и не могутъ оплакать его; ангелъ сообщаетъ, что онъ скоро будетъ съ ними въ чертогахъ небесныхъ. По своему содержанію апокрифъ напоминаетъ разные апокалипсисы (особенно Павлово видѣніе) и статьи, объясняющія литургію, особенно „Видѣніе Григорія Богослова о литургіи" и „Видѣніе Амфилога", отличающіяся апокрифическими подробностями,—но ни съ однимъ изъ этихъ памятниковъ въ непосредственной связи не стоитъ. Текстъ въ указанной рукописи крайне неисправенъ и во второй половинѣ совершенно перебитъ и лишенъ связности;

поэтому желательно было бы отыскать другой списокъ этого не лишеннаго оригинальныхъ подробностей памятника.

По поводу реферата началась бесѣда, въ которой принимали участіе С. О. Долговъ, предполагавшій ошибку въ приписаніи апокрифа имени I. Предтечи и сопоставлявшій его съ исполненными легендарныхъ подробностей поздне-греческими житіями XV—XVI в.; П. А. Лавровъ и А. В. Михайловъ, сдѣлавшіе нѣсколько замѣтокъ по поводу статей, объясняющихъ литургію, и М. Н. Сперанскій, представлявшій себѣ настоящій текстъ сшитымъ изъ разныхъ по времени и характеру кусковъ.

Въ засѣданіи Славянской Коммиссіи Импер. Москов. Арх. Общ., 26 ноября 1893 г., В. Ѳ. Миллеръ сдѣлалъ сообщеніе подъ заглавіемъ: „Наблюденія надъ географическимъ распространеніемъ былинъ“. Цѣлью своего изслѣдованія референтъ поставилъ прослѣдить, во 1-хъ, въ какихъ областяхъ Россіи были записаны доселѣ напечатанныя былины; во 2-хъ, какіе былинные сюжеты пользовались бо̀льшимъ распространеніемъ, какіе меньшимъ въ народѣ. Внимательный пересмотръ мѣстностей записи показалъ, что на огромномъ пространствѣ отъ Смоленска на западѣ до Урала на востокѣ, отъ Костромы на сѣверѣ до Терека—на югѣ былинный эпосъ сохранился лишь въ скудныхъ остаткахъ; та же бѣдность замѣчается и по отношенію къ сюжетамъ. Сравнительно съ этимъ поражаетъ богатствомъ по числу былинъ и сюжетовъ репертуаръ олонецкаго, архангельскаго и сибирскаго районовъ. Олонецкіе сказители, по наблюденію референта, являются только сохранившими старые сюжеты; это объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что репертуаръ ихъ есть наслѣдіе стараго новгородскаго репертуара, заключавшаго въ себѣ не только спеціально новгородскія былины, но и циклъ суздальско-владимірскаго періода. Къ тому же источнику восходитъ репертуаръ архангельскій и сибирскій. Этотъ послѣдній является колоніей великорусскою, занесенною изъ Европы. Пересматривая собранныя былины со стороны ихъ сюжета, референтъ предложилъ въ замѣнъ обычнаго дѣленія былинъ на 2 цикла (Кіева и Новгорода) дѣленіе ихъ на двѣ группы по *содержанію:* 1) былины богатырскаго характера; 2) былины не воинственнаго содержанія, новеллы. Перечисливъ сюжеты, относящіеся къ той и другой группѣ, и различивъ нѣкоторыя подгруппы, референтъ указалъ на численное преобладаніе сюжетовъ 2-й группы (новеллъ, городскихъ разсказовъ) надъ сюжетами богатырскими. Просматривая затѣмъ распространеніе сюжетовъ, онъ отмѣтилъ, что за предѣлами сѣверной Россіи изъ богатырей извѣстны южно-великоруссамъ почти только 3 главныхъ (Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ). Затѣмъ встрѣчаются скудные слѣды прежней извѣстности богатырей: Данила Ловчанина, Саура Ванидовича, Суровца суздальца. Сюжеты же 2-й группы (новеллы) въ огромномъ большинствѣ не были записываемы у южныхъ великоруссовъ, въ губерніяхъ, составляющихъ *ядро* московскаго княжества и

затѣмъ царства. Отсюда является возможность предположенія, что вообще и въ XV—XVI вв. не всѣ сюжеты и эпическія лица сѣверной полосы Россіи были равно извѣстны въ центральныхъ областяхъ, и что сѣверъ былъ въ этомъ отношеніи богаче, чѣмъ Суздальщина. Но зато послѣдняя представляется преимущественно тѣмъ райономъ, въ которомъ развились сюжеты *богатырскіе*, частью наслѣдованные вѣроятно отъ южной Руси. Всѣ три главные богатыря прикрѣплены къ центральнымъ и южнымъ великорусскимъ мѣстамъ: Илья къ Мурому, Алеша къ Ростову, Добрыня къ Рязани. Первоначальнымъ же райономъ сложенія и распространенія былинъ 2-й группы (новеллъ) представляется преимущественно область новгородскаго культурнаго вліянія. Сюда перешли наиболѣе популярные сюжеты и *богатырскаго* эпоса, которые обогатили и безъ того болѣе богатый новгородскій былинный репертуаръ, пополненный впослѣдствіи также историческими пѣснями московскаго царскаго періода, такъ что наслѣдники стариннаго репертуара, олонецкіе сказители—являются въ настоящее время хранителями почти всего достоянія эпическихъ пѣсенъ допетровской Россіи.

Въ преніяхъ по поводу реферата В. О. Миллера приняли участіе между прочими М. И. Соколовъ и В. М. Истринъ: первый высказалъ мысль, что при объясненіи причинъ сохраненія былинъ въ извѣстной мѣстности историческимъ условіямъ должно придавать наибольшее значеніе; былины могли сохраняться на окраинахъ потому, что населеніе ихъ стояло вдали отъ исторической жизни, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы былинъ не было въ другихъ мѣстностяхъ; въ XV в. былины были, вѣроятно, достаточно распространены (Тверская лѣтопись внесла свѣдѣнія о нихъ въ XV в.). Чѣмъ можно доказать наибольшую способность новгородцевъ къ былинному творчеству? Въ центральныхъ мѣстностяхъ населеніе болѣе интересовалось исторической жизнью, и это—причина, почему новыя историческія пѣсни заглушили тамъ старыя былины. Могли былины разноситься скоморохами, которыхъ гнали за соблазнительное содержаніе ихъ репертуара,—они пошли тогда въ народъ, зашли въ окраины, но это не говоритъ противъ способности населенія центральныхъ областей къ былинному творчеству. В. М. Истринъ сомнѣвался, чтобы у скомороховъ былъ большой запасъ старыхъ благородныхъ былинныхъ сюжетовъ,—главный ихъ репертуаръ состоялъ изъ пѣсенъ соблазнительнаго содержанія, почему ихъ и гнали.

А. Д. Карнѣевъ доложилъ рефератъ: „Новое изслѣдованіе о средне-греческой пословицѣ“, по поводу новой книги мюнхенскаго профессора К. Крумбахера: Mittelgriechische Sprichwörter (München, 1892). Изложивъ подробно содержаніе названнаго труда Крумбахера, его методъ и главные принципы, референтъ сдѣлалъ нѣсколько сопоставленій, дополняющихъ трудъ Крумбахера, руководясь, главнымъ образомъ, данными славянскихъ и русской литературъ, напр., намѣтилъ замѣчательное сходство въ содержаніи и характерѣ между моленіемъ М. Глики къ имп. Мануилу Комнину и моленіемъ нашего Даніила Заточника. Затѣмъ референтъ обратилъ особенное вниманіе

на общую характеристику византійской пословицы, данную К. Крумбахеромъ сравнительно съ древне-греческой и пословицами иныхъ народовъ. Референтъ, находя эту характеристику весьма удачной, дѣлаетъ однако нѣсколько поправокъ и дополненій, напр., относительно подчеркиваемой Крумбахеромъ особенной близости средневѣковой пословицы греческой съ новогреческой: здѣсь ея соперницей является пословица нѣмецкая и особенно русская. Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ проф. Крумбахера объ отношеніи средне и новогреческой пословицы къ пословицамъ другихъ европейскихъ народовъ, А. Д. Карнѣевъ находитъ возможнымъ представить себѣ нѣсколько инымъ отношеніе арабской пословицы къ греческой: здѣсь важныя указанія, особенно для исторіи зарожденія и характера пословицы, даетъ пословица славянская и въ частности—русская. Результатомъ этого наблюденія у референта является выводъ: дѣлить и классифицировать европейскую и восточную пословицы на двѣ группы раціональнѣе будетъ на основаніи какихъ-либо другихъ признаковъ и особенностей, но только не на основаніи тѣхъ, которые отмѣчены Крумбахеромъ.

По поводу реферата А. Д. Карнѣева, С. О. Долговъ замѣтилъ, что для зависимости русскихъ пословицъ отъ латинскихъ можно найти параллели: пословицы, вѣроятно, заучивались въ школахъ кіевской академіи и Москвы; въ Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ есть сборникъ, гдѣ нѣкоторыя пословицы переводились не буквально, а къ нимъ подыскивались подходящія по смыслу русскія и располагались въ алфавитномъ порядкѣ. Въ обсужденіи затронутаго Крумбахеромъ и А. Д. Карнѣевымъ вопроса, что изъ чего возникло: пословица ли изъ басни или обратно, приняли живое участіе А. Д. Карнѣевъ, Е. А. Ляцкій, В. М. Истринъ и др.

Въ засѣданіи Славянской Коммиссіи Моск. Арх. Общ., 17 декабря 1893 г., г. предсѣдатель, открывая засѣданіе, заявилъ, что настоящее собраніе Коммиссіи—первое послѣ смерти академика Н. С. Тихонравова, скончавшагося прошлаго 27 ноября. Указавъ на важность ученыхъ трудовъ и заслуги покойнаго академика, М. И. Соколовъ отмѣтилъ особенное вниманіе покойнаго къ дѣятельности Коммиссіи, выразившееся въ сдѣланномъ Н. С. въ одномъ изъ засѣданій Коммиссіи сообщеніи о вновь открытомъ имъ паломникѣ Варсонофіи *). По предложенію предсѣдателя присутствовавшіе почтили память усопшаго вставаніемъ.

Проф. А. И. Кирпичниковымъ сдѣлано сообщеніе: „Хожденіе Богородицы по мукамъ“. Не принимая на себя полнаго рѣшенія вопроса объ исторіи этого памятника, А. И. началъ съ восточнаго отзвука сказанія въ легендѣ, приведенной Арсеніемъ Сухановымъ, перечисливъ извѣстные ему греческіе

*) См. Арх. Изв. и Зам. 1893 г., стр. 426.

тексты апокрифа: а) изданный А. В. Васильевымъ въ его Anecdota graeco-bysantina; б) въ новомъ англійскомъ изданіи M. Rhodes James M. A. Apocrypha anecdota (Texts and studies. Vol. III, № 3. Cambridge, 1893); в) найденный и списанный референтомъ греческій текстъ (поздній, XVI—XVII в.) въ аѳинской публичной библіотекѣ, и г) новогреческое народное изданіе, представляющее передѣлку стараго текста. Затѣмъ указалъ на славянскіе тексты: а) XII в., изданный въ „Пам. отр. лит.“ Н. С. Тихонравова; б) найденный имъ самимъ текстъ въ Имп. Публ. Библ., причемъ онъ отмѣтилъ, что этотъ петербургскій текстъ, не смотря на свое позднее происхожденіе, представляетъ особенную важность, какъ копія текста XII в., восполняющая и исправляющая этотъ послѣдній, сильно уже пострадавшій отъ времени, и б) новоболгарскій текстъ, любопытный по отмѣнамъ, переданный референту П. А. Лавровымъ. Сравнивая между собой греческіе и славянскіе тексты, референтъ нашелъ возможнымъ отмѣтить важное значеніе славянскихъ текстовъ, которые во многихъ мѣстахъ лучше сохранили текстъ, нежели греческіе. Опредѣляя на основаніи культурныхъ чертъ, вошедшихъ въ „хожденіе“, характеръ и время возникновенія памятника, А. И. Кирпичниковъ обратилъ особенное вниманіе на упоминаніе въ текстѣ о діакониссахъ, о наказаніи тѣхъ, которые отговариваютъ язычниковъ креститься, тѣхъ, которые ѣдятъ человѣческое мясо, на отсутствіе дьяволовъ (необходимый атрибутъ въ другихъ хожденіяхъ). Результатомъ этихъ наблюденій былъ выводъ: а) что „хожденіе“, въ противуположность мнѣнію Тишендорфа и Джемса, должно быть признано памятникомъ идейнымъ, и б) по времени возникновенія оно принадлежитъ къ древнѣйшимъ апокрифамъ и не можетъ быть позднѣе V—VI в.

Признавая свои выводы далеко не исчерпывающими вопроса о „хожденіи“, а собранный имъ матеріалъ—недостаточнымъ для его рѣшенія, А. И. Кирпичниковъ намѣтилъ слѣдующій планъ работы: 1) изслѣдовать греческіе тексты по ихъ взаимному отношенію, а также къ славянскимъ; 2) изслѣдовать отношеніе текста „хожденія“ къ другимъ памятникамъ того-же рода, особенно къ сказанію объ Успеніи Богородицы и „видѣніи“ ап. Павла; 3) выяснить вліяніе „хожденія“ на памятники искусства, напр., на изображенія т. н. „Богородицы, всѣхъ скорбящихъ радости“. При этомъ референтомъ былъ демонстрированъ (въ гипсовомъ слѣпкѣ) складень, принадлежащій одесскому учителю Дени, гдѣ между другими есть изображеніе Богородицы, могущее быть поставленнымъ въ связь съ „хожденіемъ“.

По прочтеніи реферата, нѣкоторыми изъ присутствовавшихъ, по просьбѣ А. И. Кирпичникова, сдѣланы были нѣкоторыя дополненія и указанія для изученія „Хожденія“, именно: С. О. Долговымъ было обращено вниманіе на одинъ поздній, но весьма любопытный текстъ „Хожденія“, сохранившійся въ рук. Рум. муз.; М. Н. Сперанскимъ приведены юго-славянскіе извѣстные по изданіямъ тексты „Хожденія“ и переданъ референту одинъ неизданный текстъ по боснійской рукописи; имъ же указано на интересную миніатюру

раскольничьей рук. Тверской Духовн. Семинаріи, имѣющую несомнѣнную связь съ апокрифомъ. М. И. Соколовымъ обращено было вниманіе референта на текстъ апокрифа „Служба тайнъ Божіихъ", относящійся къ той же категоріи видѣній и важный для исторіи „Деисуса" по упоминанію въ немъ Іоанна Предтечи. Наконецъ В. Ѳ. Миллеръ, коснувшись источниковъ греческаго текста и параллелей въ области легендъ, привелъ нѣсколько восточныхъ сказаній о хожденіяхъ въ адъ, напоминающихъ греческій апокрифъ, каковы, напр., сѣверо-буддійскія легенды о схожденіи въ преисподнюю Квангинъ (богини, по преимуществу женской и морской); таковы же приведенныя у Кастрена легенды о Кубайко, распространенныя среди Монголовъ: вездѣ видна одна общая, весьма древняя рамка разсказа.

П. А. Лавровымъ доложенъ рефератъ: „Вновь открытые отрывки глаголическаго апостола". Референтомъ изложено съ критическими замѣчаніями содержаніе новаго труда Ягича о найденныхъ недавно отрывкахъ Грисковичева глаголич. апостола (см. Археол. Изв. и Зам. 1893 г., стр. 149). Въ обсужденіи реферата дѣятельное участіе принялъ Ѳ. Е. Коршъ.

М. Н. Сперанскимъ доложено: „Письма П. І. Шафарика къ В. И. Григоровичу". Авторъ попытался на основаніи взаимныхъ писемъ (неизданныхъ) обоихъ славистовъ опредѣлить ихъ отношенія.

Гр. П. С. Уваровой доведено до свѣдѣнія о желаніи французскихъ археологовъ съ С. Рейнакомъ во главѣ, чтобы М. А. О. основало Revue на французскомъ языкѣ, для ознакомленія заграничныхъ ученыхъ съ русскими работами по археологіи. По обсужденіи постановлено: выразить сочувствіе, но инициативу въ этомъ дѣлѣ отклонить.

Въ засѣданіи Славянской Коммиссіи Моск. Арх. Общ., 23 янв. 1894 г., И. Т. Рябининъ спѣлъ былины: 1) „О королевичѣ изъ Крякова" (вторую половину сказывалъ), 2) „О ссорѣ Владиміра съ Ильей Муромцемъ", 3) „О Вольгѣ и Микулѣ", 4) стихъ „О Вознесеніи". По тексту былины мѣстами значительно отклоняются отъ записанныхъ у отца Рябинина Гильфердингомъ. Музыкальные мотивы записаны проф. консерваторіи А. С. Аренскимъ.

А. В. Михайловъ: „Къ вопросу о бесѣдахъ Константина, пресвит. Болгарскаго". Изложивъ существующую о Константинѣ Болг. литературу, референтъ, основываясь, главнымъ образомъ, на впервые имъ изслѣдованной рукописи бесѣдъ Константина въ Вѣнской придворной библ. XIV в. сербскаго письма, попытался установить редакціи этого собранія поученій К., при чемъ намѣтилъ двѣ редакціи: болѣе древнюю—болгарскую и болѣе новую—сербскую, предположивъ между ними еще среднюю, служившую переходомъ отъ ред. болгарской къ сербской.

И. А. Линниченко: „Первый опытъ Славянскихъ древностей". Референтъ представилъ характеристику забытой и мало извѣстной книжки Антона, вышедшей въ 1783 г. и представляющей первую попытку собрать свѣдѣнія о

славянахъ и ихъ прежнемъ бытѣ. Нѣсколько возраженій частнаго характера по поводу оцѣнки значенія этой книжки было сдѣлано П. Н. Милюковымъ.

Въ засѣданіи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, 29 сентября 1893 г., было доложено письмо дѣйств. чл. В. Н. Ястребова отъ 16 сентября 1893 г., при которомъ онъ препровождаетъ составленную имъ археологическую карту Херсонской губ., съ объяснительнымъ текстомъ и приложеніями. Настоящая работа исполнена имъ при участіи Московскаго Археологическаго Общества и первоначально предназначалась для него, но такъ какъ вопросъ о печатаніи доставленныхъ разными лицами археологическихъ картъ въ означенномъ Обществѣ не выяснился съ полной опредѣленностью, то онъ, по соглашенію съ гр. Уваровой, рѣшилъ распорядиться съ своимъ трудомъ иначе. Узнавши, что Одесское Общество намѣрено въ ближайшемъ будущемъ заняться археологическими раскопками въ Новороссійскомъ краѣ, предлагаетъ ее Обществу для изданія.

Затѣмъ было прочтено письмо дѣйствит. чл. П. П. Короленко, изъ Екатеринодара, отъ 16 августа 1893 г., съ приложеніемъ историческаго изслѣдованія знаменитаго на югѣ Россіи Межигорскаго монастыря и съ просьбой разсмотрѣть этотъ трудъ, и если онъ по исправленіи редакціей Общества можетъ быть принятъ, то помѣстить его въ приготовляемомъ къ выходу новомъ томѣ Записокъ Общества.

При этомъ же письмѣ г. Короленко препроводилъ снимокъ греческой надписи, найденной въ Черноморіи, не зная, что она издана уже В. В. Латышевымъ въ Inscriptiones antiquae, т. II, № 370, по снимку, помѣщенному Ашикомъ въ Боспорскомъ царствѣ II, 83, № 12. Такъ какъ г. Латышевъ не знаетъ гдѣ, находится этотъ камень, и жалѣетъ, что не имѣлъ лучшаго снимка, то вице - президентъ просилъ г. Короленко еще разъ провѣрить надпись и сообщить, гдѣ видѣлъ камень, если не списалъ по сдѣланному другими снимку, и прислать, если возможно, эстампажъ. Въ отвѣтъ прислано слѣдующее письмо: „Осенью, въ 1844 года, въ Таманскомъ округѣ Черноморскаго войска, въ вѣдомствѣ татарской станицы Ады, близъ хутора прапорщика Сейдеши Чумаченко, былъ найденъ камень простой, тесаный, на видъ древній, съ надписью при семъ прилагаемою. Служившій у Чумаченка грекъ Михаилъ Якимовскій сообщилъ объ этой находкѣ Керчь-Еникольскому градоначальнику, отъ котораго, для осмотра камня, 25 февраля 1847 года прибылъ изъ Керченскаго музея древностей чиновникъ, давшій предложеніе татарскому адыгскому станичному правленію, того числа, за № 13, о доставленіи въ Керчь названному градоначальнику того камня. Но правленіе, не исполняя этого требованія, донесло наказному атаману (Кубанскаго) Черноморскаго войска, который поручилъ 5-й части Черноморской кордонной линіи полковнику Калери распорядиться объ осмотрѣ того камня и снятіи съ него чертежа его формы и надписи. Калери исполненіе этого поручилъ сотнику

Лебедеву, который, прибывши на мѣсто, нашелъ, что камень тотъ имѣетъ форму лопаты, длиною 1 аршинъ $4^1/_2$ вершка, до расширенія въ бока которыхъ еще 1 арш. 2 вер. длины, что составитъ всей длины 2 арш. $6^1/_2$ вер., ширины въ верхней части $12^1/_2$ вер., въ средней при расширеніи 15 вер. и въ самомъ низу $9^1/_2$ вер., толщины 5 вер., и снялъ съ надписи точную копію, снимокъ съ которой Калери представилъ наказному атаману, который въ маѣ 1847 года разрѣшилъ станичному правленію Ады отправить камень въ Керчь, если найдется охотникъ его туда доставить. Камень былъ доставленъ въ наказное станичное правленіе и при немъ остался, такъ какъ изъ донесенія означеннаго правленія, присланнаго черезъ годъ, въ маѣ 1848 года, видно, что охотника на доставку въ Керчь камня не оказалось. Все это видно изъ дѣла Кубанскаго Войсковаго Архива Атам. оп. за 1847 годъ, № 317/926.

Вмѣсто эстампажа П. П. Короленко прислалъ другой экземпляръ той-же копіи надписи, которая помѣщается здѣсь съ соблюденіемъ всѣхъ явныхъ ошибокъ:

ΗΛΕΗΛΚΕΙΜΛΘΥΓΑΤ
ΗΡΤΕΑΜΑΜΟΙΦΙΛΟΝ . ΙΗ
ΜΝΗΜΗΝ . ⊏ΣΤΗΣ⊏ΛΣΑ
ΤΥΡ . ΕΓΑΣΣ . . ΕΗ . .
. Ε

Сравнивъ это чтеніе съ чтеніемъ Ашика, не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ предпослѣдней строкѣ, гдѣ у него въ копіи *Σάτυρος Γασσυξένου*, мы должны возстановить другое имя вмѣсто предположеннаго В. В. Латышевымъ *Πιστοξένου*, при которомъ онъ самъ въ указателѣ поставилъ знакъ вопросительный. Всю надпись онъ читалъ:

Ἡδε(ί)η κεῖμαι θυγάτηρ τε ἅμα μοι Φιλον(ίκ)η
Μνήμην(δ') ἔστησε(ν) Σάτυρος Π(ι)σ(τ)οξένο(υ)ὧδ)ε.

Не слѣдуетъ ли возстановить здѣсь имя *Γάστεις*? См. Бёка C. I. G. 2730, 30.

Вице-президентъ предъявилъ купленную имъ за 20 рублей найденную въ Ольвіи четыреугольную мраморную колонку, вышиною въ 42 сант., шириною и толщиною въ 15 сантиметровъ, съ надписью, въ которой встрѣчавшійся уже въ Ольвіи *Κάσκινας Κασάγου* (см. Латышева—Inscript. antiquae № 71) посвящаетъ благодарственное приношеніе Ахиллесу, властелину Понта, будучи его жрецомъ. Изъ этого мы вправѣ заключить, что въ помѣщенной въ сборникѣ Латышева надписи съ отбитымъ началомъ, гдѣ посвящается этимъ же Каскиномъ, съ другими, золотая статуйка Побѣды за здравіе города и свое, мы должны думать, что она была посвящена не Аполлону Покровителю *(προστάτῃ)*, какъ думалъ Модестовъ, а Ахиллесу, властелину Понта. Мы можемъ вывести изъ настоящей надписи и другое заключеніе, что *εὐποσία* на Ольвійскихъ надписяхъ не одно и то же съ *εὐσταθία*, какъ думали нѣкоторые

(у Латышева—I, № 82), такъ какъ въ этой надписи дѣлается приношеніе ὑπὲρ τῆς πόλεως εὐποσίας καὶ εὐσταθίας, хотя, повидимому, имѣетъ близкое значеніе.

Имъ же предъявлены интересныя и цѣнныя древности и большое количество неимѣвшихся въ Общ. золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ, принесенныя въ даръ почетнымъ членомъ А. Л. Бертье-Делагардомъ, происходящія изъ находокъ въ Ольвіи и Керчи; въ числѣ предметовъ находится надпись изъ Ольвіи, изд. В. В. Латышевымъ въ сборникѣ подъ № 58.

Въ засѣданіи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, 19 ноября 1893 г., вице-президентъ доложилъ о приготовляемомъ къ печати XVII томѣ „Записокъ", при чемъ имъ представлена программа тома, составленная членами издательскаго комитета: I. Археологія: 1) Вновь найденныя Ольвійскія надписи, Э. Р. фонъ-Штерна. 2) Алавастронъ музея общества художниковъ Сфіакса и Гелина, его же. 3) Вновь найденныя Тирасская и Ольвійская надпись, В. Н. Юргевича. 4) Дневникъ раскопки кургана, произведенной въ селѣ Бѣлозеркѣ, Херс. губ., въ имѣніи д. ч. Г. К. Скадовскаго, при участіи, по его приглашенію, нѣсколькихъ членовъ Общества, составленный самимъ же владѣльцемъ имѣнія, съ приложеніемъ плана мѣстности и 5 фотогр. таблицъ. II. Исторія города Хаджибея, А. И. Маркевича. III. Географія. Описаніе хлыстовъ, сооб. Н. В. Эрдели. IV. Матеріалы: 1) Продолженіе матеріаловъ по исторіи Запорожья и пограничныхъ отношеній, А. А. Андреевскаго. 2) Крымско-турецкія дѣла 80-хъ годовъ XVIII ст. 3) Дѣло о выходящихъ изъ за-границы въ Новороссійскую губернію жидахъ, сооб. П. А. Ивановъ. 4) Расположеніе войскъ въ Хаджибеѣ, В. А. Яковлева. V. Смѣсь. Донесеніе папскаго протонотарія Доминика изъ Alba Julia о взятіи Кафы турками въ 1475 г., сооб. В. Н. Юргевичъ. 2) Переводъ съ печатной тетради 1671 года, Симона Старовольскаго, съ показаніемъ способовъ, какъ можно разорить перекопскихъ (крымскихъ) татаръ, Ѳ. Ѳ. Лашкова. 3) Просьба крымскаго греческаго монаха, поданная въ 1681 году царю Ѳеодору Алексѣевичу, сообщ. имъ же. 4) Подписка, выданная въ 1743 году сыну бунчуковаго товарища Забѣлы Данилѣ, сооб. В. А. Яковлевъ. 5) Описаніе и изслѣдованіе западной части Азовской губерніи, прилегающей къ берегамъ моря того же имени, соч. капитана артиллеріи и капрала въ арміи принца Конде Дю-Буа-де-Куръ 1794 г., перев. Н. В. Эрдели. 6) Письмо жены адмирала Де-Рибаса къ мужу. 7) Письмо академика Кёлера, писанное въ 1817 году, сооб. В. А. Яковлевъ. 8) Письмо А. Р. Вассаля о раскопкѣ кургана. 9) Некрологи.

Вице-президентъ представилъ принесенную въ даръ почетнымъ членомъ А. Л. Бертье-Делагардомъ новую коллекцію неимѣвшихся въ собраніи Общества монетъ греческихъ, русскихъ и др., между которыми (Тира) есть нѣсколько неизданныхъ.

Въ прочитанномъ отчетѣ о состояніи и дѣятельности завѣдующаго Ме-

лекъ-Чесменскимъ курганомъ въ Керчи, г. Гролихомъ, значатся слѣдующія пріобрѣтенія въ 1893 году:

1. Расписная патера *(λεκάνη)* 6 вершковъ въ діаметрѣ. На крышкѣ изображена сцена, относящаяся къ культу Діониса, семь фигуръ которой составляютъ три группы: въ первой группѣ—сидящій Діонисъ съ ѳирсомъ въ лѣвой рукѣ, а правой опирающійся о кресло; прекрасное юное лицо, обрамленное вьющимися подъ плющевой повязкой волосами, дышетъ спокойствіемъ; хламида опущена и обнажаетъ пышныя формы бога. Діонисъ повернулся лицемъ къ крылатому генію, подающему ему чашу *(κάνθαρος)*. Группа справа состоитъ изъ двухъ фигуръ вакханки и сатира въ экзальтированномъ состояніи. Вакханка держитъ въ правой рукѣ ѳирсъ, а лѣвой схватила за заднюю ногу лань; сатиръ, обращенный спиной къ вакханкѣ, схватилъ ту же лань за переднюю ногу (лань изображена ногами вверхъ) правой рукой, а лѣвой держитъ ѳирсъ.

Группа слѣва состоитъ изъ трехъ женскихъ фигуръ въ длинномъ одѣяніи; первая женщина, нагнувшись, смотрится въ зеркало, которое держитъ въ лѣвой рукѣ, а правой, повидимому, собирается привести въ порядокъ волосы, въ безпорядкѣ ниспадающіе на лобъ; двѣ другія женщины, съ прекрасно убранными волосами, разговариваютъ, при чемъ одна въ правой рукѣ держитъ оирсъ, а другая въ лѣвой ящикъ съ подарками. Всѣ фигуры замѣчательно тонкой и изящной работы. Къ сожалѣнію, крышка склеена.

2. Расписная ваза, на лицевой сторонѣ которой изображенъ мужчина, стоящій на колесницѣ, запряженной четверкой скачущихъ лошадей, а на задней три обычныя фигуры въ длинныхъ, широкихъ мантіяхъ. Ваза вышиною 7 вершковъ.

3. Два кувшинчика, имѣющіе форму головы, одинъ мужской, другой женской.

4. Кувшинчикъ, бока котораго покрыты темно-красной краской. На лицевой сторонѣ изображено безобразное мужское лицо, контуръ котораго оттѣненъ черной краской.

5. Пять терракотъ: 1) поясная фигура мужчины въ поясѣ *(ζωστήρ)* и съ вѣнкомъ на головѣ, правая рука котораго приподнята, а лѣвая упирается въ бокъ; 2) крылатый геній въ хламидѣ, держащій въ правой рукѣ виноградную кисть; 3) крылатая статуйка въ фригійской шапкѣ, съ гусемъ на рукахъ, съ правой стороны сидитъ собака; 4) терракота, изображающая женщину въ длинномъ одѣяніи, съ прекрасными чертами лица и изящной прической; 5) женскій бюстъ, очень схожій съ рисункомъ, помѣщеннымъ у Ашика въ III части подъ № LIX, только лицо несравненно красивѣе и моложе, а покрывало надо лбомъ нѣсколько ниже и спускается завитками.

Въ засѣданіи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей 14 декабря 1893 г. была прочтена статья вице-президента о Тирасской надписи, принесенной въ даръ А. Л. Бертье-Делагардомъ.

Въ началѣ текущаго года почетный членъ Общества А. Л. Бертье-Делагардъ принесъ въ даръ для музея Общества мраморную плиту, найденную въ колоніи Шабо, въ 8 верстахъ отъ Аккермана, съ греческою надписью о дарованіи жителямъ Тиры правъ гражданства Валенту, сыну Филокала, за его двукратное посольство о пользѣ города при Маркѣ Авреліѣ Антонинѣ. Плита куплена у очаковскаго жителя, еврея Гохмана, занимающагося торговлей древностями, который раньше посылалъ копію надписи къ И. К. Сручану въ Кишиневъ, но не нашелъ покупателя, потому что случайно гостилъ тогда у Суручана В. В. Латышевъ, заѣхавшій къ нему изъ Кіева для осмотра его новыхъ эпиграфическихъ пріобрѣтеній и назвавшій надпись поддѣльною, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, находящимися въ его музеѣ. Въ письмѣ своемъ ко мнѣ глубокоуважаемый академикъ пишетъ, что изъ осмотра онъ вынесъ непоколебимое убѣжденіе въ поддѣльности нѣкоторыхъ и въ томъ, что очаковскіе евреи завели цѣлую фабрику для поддѣлки надписей и фабрикуютъ ихъ по подлиннымъ документамъ, помѣщеннымъ въ его сборникѣ. Разъ сдѣлавъ такое открытіе, онъ признаетъ теперь подложными и тѣ „Загадочныя Ольвійскія надписи“, о которыхъ онъ напечаталъ замѣтку въ XV томѣ „Записокъ“ Общества. Такъ какъ В. В. Латышевъ не видѣлъ самаго камня, а присланный Гохманомъ снимокъ могъ быть невѣрною копіею и не давалъ понятія о внѣшности камня и объ искусствѣ, съ какимъ поддѣлываются надписи, то я счелъ нужнымъ представить фотографическій снимокъ надписи (приводимъ въ траскрипціи):

Τυραν(οὶ)ἔδωκαν πολ
ιτείαν βοσπορεανῷ
Οὐάλεντι Φιλοκάλου
πρεσβεύσαντα τὸ δεύτερον
(ἐπὶ) μεγίστῳ Αὐτοκράτ
ορι Σεβαστῷ Μ(άρκῳ) Α(ὐρηλίῳ) Ἀντωνείνῳ
ὑπὲρ τῶν συμφερόντων
τῆς πατρίδος καὶ πάντα κα
λῶς καὶ δήμῳ (ὠ)φελῶς. ☽♁☾
ταῦτ' ἔδοξε βουλῃ καὶ ὁ δ
ήμως ὁ Τυρανῶν ἐπὶ ἄρ
χοντος Θεοκλέα Ἱεροσῶν
τος μηνὸς γ.

Вышина бѣлой мраморной плиты 49 сантиметровъ, ширина 34, толщина 13. Внѣшній видъ камня на которомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ стерты или разбиты буквы, не возбуждаетъ никакого подозрѣнія въ поддѣлкѣ надписи. Буквы писаны вязью, почеркомъ изящнымъ, напоминающимъ Тирасскую извѣстную надпись 181 года (у Латышева Inscript. ant. I, № 2) съ той разницей, что въ новопріобрѣтенной нѣтъ сигмы ⊏ вмѣстѣ съ другой формой Σ и что къ ней находимъ монограмму (имени М. Аврелія), не встрѣчающуюся въ другихъ надписяхъ. Что касается содержанія, то оно въ объ-

ихъ надписяхъ различно, хотя повторяющіяся въ нихъ имена Валента, Филокала и Іеросонта доказываютъ, что первая была въ рукахъ у фальсификатора. Но еще лучшимъ доказательствомъ подлога служитъ языкъ разсматриваемой надписи. Читая ее и находя грубыя ошибки, нельзя не признать ее работой новѣйшаго обманщика, который, пользуясь текстомъ изданныхъ уже надписей, но не всегда понимая, вслѣдствіе плохаго знанія языка, пропускаетъ буквы и цѣлыя слова и употребляетъ не тѣ, какіе нужно падежи. Такъ въ 4 строкѣ читаемъ *πρεβεύσαντα*, вм. *πρεσβεύσαντι;* въ 12 стр. *ἐπὶ ἄρχοντος Θεοκλέα* вм. *Θεοκλέους*, что и есть, кажется, передѣлка изъ *ἐπὶ ἀρχόντων τῶν περὶ Θεοκλέα Σατύρου* въ сборникѣ Латышева № 2; въ стр. 9 *φελῶς*, вм. *ἀφελῶς*, случайная *ἀφαίρεσις* краткой *α* послѣ омеги въ предъидущемъ словѣ *δήμω*, въ которомъ пропущена іота подписная; замѣтимъ, что нарѣчіе *ἀφελῶς* взято изъ той же надписи № 22, гдѣ читаемъ *ἑαυτὸν ἀφελῶς τῇ πατρίδι εἰς ἅπαντα ἐπεδίδου;* въ 9 же строкѣ пропущено причастіе *ἐκτελέσαντι*, нужное для смысла въ предложеніи *καὶ πάντα καλῶς καὶ δήμῳ ἀφελῶς (ἐκτελέσαντι);* въ 10 строкѣ *ταῦτ' ἔδοξε βουλη*, гдѣ вслѣдствіе пропуска іоты дательный падежъ перемѣнился въ именительный и ввелъ въ заблужденіе самого поддѣлывателя, который зависящіе отъ *ἔδοξε* падежи дательные замѣнилъ также именительными: *καὶ ὁ δῆμος ὁ τυρανῶν*, съ омегой въ словѣ *δῆμος*, которая была въ дательномъ. Наконецъ, въ послѣдней строкѣ, послѣ обозначенія года архонтствомъ Θеокла, сына Іеросонтова, читаемъ *μηνὸς γ*, т. е. 3-го числа, гдѣ надо предположить пропускъ названія мѣсяца. Если къ сказанному присовокупить, что поддѣльныя надписи стали появляться у насъ на югѣ лѣтъ 10—12 тому назадъ и что прежде не попадались съ такимъ испорченнымъ языкомъ, какъ настоящая, ни такія, какъ изданы В. В. Латышевымъ „Загадочныя", признаваемыя имъ нынѣ поддѣльными, то нельзя не согласиться съ нимъ, что на югѣ существуетъ еврейская фабрика, гдѣ они дѣлались.

Прочтено письмо поч. чл. А. Л. Бертье-Делагарда отъ 29 ноября, на имя вице-президента, слѣдующаго содержанія: „Всѣ высокопочтенные члены нашего Общества, безъ сомнѣнія, будутъ согласны въ томъ, что было бы очень желательно усилить ученую дѣятельность по вопросамъ историко-археологическаго изслѣдованія нашего края. Мнѣ кажется, что наше Общество могло-бы сдѣлать многое въ этомъ слыслѣ, различными способами. Однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ, по моему мнѣнію, было бы указаніе наиболѣе желательныхъ работъ, съ назначеніемъ наградъ за ихъ исполненіе. Сознаю, что предлагаемая мѣра можетъ не заслужить общаго одобренія и не оказаться особенно успѣшною, поэтому мнѣ думается, что, не рѣшаясь на эту мѣру теперь же, все же было бы полезно испробовать, что изъ нея можетъ выйти. Въ этихъ видахъ представляю предварительный проектъ правилъ о наградахъ за лучшія историко-археологическія сочиненія, прося Общество не отказать разсмотрѣть эти правила и измѣнить ихъ, если окажется нужнымъ. На тотъ случай, если сама идея будетъ найдена пригодною, а Общество

остановится передъ недостаточностью своихъ средствъ, прилагаю 600 руб. въ процентныхъ бумагахъ для выдачи первой награды.

Проектъ правилъ для данной единовременно преміи:

§ 1. Для развитія ученыхъ занятій по вопросамъ историко-археологическимъ, начначаются при Императорскомъ Одесскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей поощрительныя награды.

§ 2. На расходы по выдачѣ наградъ и на печатаніе награжденныхъ сочиненій въ распоряженіи Общества имѣется 600 рублей, которые и выдаются автору сочиненія.

§ 3. Награда выдается за сочиненія, признанныя наилучшими, изъ числа представленныхъ въ Одесское Общество Исторіи и Древностей къ назначенному сроку.

§ 4. Къ соисканію награды допускаются только рукописные труды историко-археологическіе, въ обширномъ смыслѣ этого понятія, но непремѣнно относящіеся къ Новороссіи вообще и въ особенности къ Крыму. Сочиненія могутъ быть писаны на какомъ угодно европейскомъ языкѣ, но писаннымъ по-русски, при всѣхъ прочихъ равныхъ достоинствахъ, отдается предпочтеніе.

§ 5. Темы сочиненій, представляемыхъ къ соисканію наградъ, задаются Обществомъ, но могутъ быть избираемы и самими авторами, по ихъ усмотрѣнію. Общество назначаетъ не менѣе двухъ темъ каждогодно, но отвѣты на нихъ могутъ поступать не только въ годъ объявленія темъ, но и вообще до тѣхъ поръ, пока на данную тему не будетъ выдана награда, или самая тема не будетъ снята съ очереди. Когда указываемыхъ темъ окажется не менѣе шести, то Общество можетъ и не задавать новыхъ.

§ 6. Сочиненія, отвѣчающія болѣе или менѣе близко объявленной Обществомъ и не снятой съ очереди темѣ, пользуются преимуществомъ въ полученіи наградъ, по сравненію съ сочиненіями, написанными на темы, избранныя самими авторами, и еще большимъ преимуществомъ пользуются сочиненія, исключительно или преимущественно касающіяся Крыма, хотя бы онѣ и не отвѣчали темамъ, заданнымъ Обществомъ.

§ 7. Темы сочиненій объявляются Обществомъ не позже 1 января, такимъ способомъ, какой Общество признаетъ и какой дѣйствительно окажется наиболѣе пригоднымъ для распространенія постановленій Общества во всеобщее свѣдѣніе. Въ этихъ объявленіяхъ, кромѣ назначенія новыхъ темъ, Общество повторяетъ всѣ прежде назначенныя, на которыя еще не послѣдовало удовлетворительнаго отвѣта и которыя нежелательно снять съ очереди.

§ 8. Всѣ сочиненія, поступившія въ Общество не позже 1 января слѣдующаго года, считаются конкурирующими на полученіе награды текущаго года; поступившія послѣ этого срока, причисляются къ разсматриваемымъ при назначеніи другой награды.

§ 9. Всѣ сочиненія должны поступать безъ подписи автора съ какимъ нибудь девизомъ и съ приложеніемъ запечатаннаго конверта, въ которомъ объ-

является положеніе, имя, фамилія и мѣстожительство автора. На сочиненіи должно быть указано, что оно назначается къ соисканію награды.

§ 10. Для разсмотрѣнія всѣхъ поступившихъ сочиненій, Общество въ первомъ засѣданіи, въ январѣ мѣсяцѣ, избираетъ коммиссію, въ составѣ не менѣе трехъ членовъ; порядокъ занятій этой коммиссіи устанавливается Обществомъ. Въ избранную коммисію передаются всѣ сочиненія, поступившія за истекшій конкурсный годъ, т. е. до 1 января.

§ 11. Разсмотрѣвъ всѣ сочиненія, коммисія вноситъ, не позже марта мѣсяца, мотивированные отзывы въ одно изъ засѣданій Общества, о днѣ котораго объявляется за двѣ недѣли впередъ. Награда присуждается по большинству голосовъ въ этомъ-же засѣданіи или не позже слѣдующаго, назначеннаго черезъ двѣ недѣли. Послѣ присужденія награды конвертъ, съ девизомъ автора, вскрывается и имя его объявляется во всеобщее свѣдѣніе.

§ 12. Получившія награду сочиненія, печатаются на счетъ Общества, или въ „Запискахъ“ Общества, или въ видѣ отдѣльныхъ сочиненій, при чемъ, въ томъ и другомъ случаѣ, авторъ получаетъ безвозмездно сто экземпляровъ своего труда. На обложкѣ сочиненія печатается о присужденіи автору его награды.

§ 13. Сочиненія, не удостоившіяся награды, хранятся въ архивѣ Общества въ теченіе года со дня присужденія таковой и выдаются ихъ авторамъ по представленіи доказательствъ о принадлежности. Всѣ сочиненія, не востребованныя въ теченіе этого года, сжигаются вмѣстѣ съ сопровождавшими ихъ запечатанными конвертами, безъ вскрытія таковыхъ, въ годовомъ засѣданіи Общества, по особому докладу секретаря.

§ 14. Сочиненія, писанныя на иностранныхъ языкахъ и получившія награду, издаются Обществомъ не иначе, какъ въ русскомъ переводѣ

§ 15. Награда можетъ быть присуждена въ половинномъ размѣрѣ, если разсматриваемое сочиненіе, обладая извѣстными достоинствами, не вполнѣ исчерпываетъ вопросъ; въ такомъ случаѣ награда можетъ быть выдана и двумъ сочиненіямъ, въ половинномъ размѣрѣ каждому. Общество можетъ также признать, что ни одно изъ представленныхъ сочиненій не заслуживаетъ награды, и въ такомъ случаѣ она переносится на слѣдующій годъ на тѣхъ-же условіяхъ, но если и во второй годъ награда не будетъ выдана, то она поступаетъ въ особый капиталъ, процентами изъ котораго Общество можетъ улучшать изданія награждаемыхъ сочиненій или образовывать какія либо дополнительныя награды, въ томъ-же духѣ. Такое-же назначеніе получаютъ невыданныя половины наградъ и проценты, накопившіеся при храненіи наградъ отъ времени ихъ поступленія до выдачи авторамъ.

§ 16. Если коммиссія для разбора сочиненій, а за нею и Общество, признаютъ достойными награды болѣе одного сочиненія, то, указавъ, кому именно выдается награда, авторамъ прочихъ сочиненій предоставляется право вносить свои сочиненія для полученія слѣдующихъ наградъ, подвергая ихъ новой сравнительной оцѣнкѣ.

§ 17. Не допускаются къ соисканію наградъ и оставляются безъ разсмо-

трѣнія: 1) сочиненія переводныя, 2) уже напечатанныя, если они не представляются въ исправленномъ и переработонномъ видѣ, 3) простыя собранія необработанныхъ матеріаловъ, 4) сочиненія лицъ, участвующихъ въ коммиссіи, избранной для разсмотрѣнія этихъ самыхъ сочиненій, 5) не признанные достойными награды въ предшествовавшіе годы, если они не переработаны совершенно вновь.

Опредѣлено было принять съ благодарностью новое пожертвованіе поч. члена А. Л. Бертье Делагарда въ 600 рублей и употребить эту сумму, согласно желанію жертвователя, выраженному въ приложенной къ письму его бумагѣ. А для назначенія двухъ темъ, которыя имѣютъ быть обнародованы къ 1 февраля 1894 г., составить коммиссію изъ Э. Р. Штерна, Ѳ. И. Успенскаго, Н. Ѳ. Красносельцева, А. И. Маркевича, подъ предсѣдательствомъ В. Н. Юргевича, съ просьбой докладъ коммиссіи представить къ 20 января 1894 г.

Вице-президентъ предъявилъ сдѣланныя для музея Общества почетнымъ членомъ Бертье-Делагардомъ новыя пожертвованія, состоящія изъ верхней части большаго древне-греческаго надгробія, съ двумя фигурами, изъ Аккермана; нѣсколькихъ предметовъ изъ Ольвіи, монетъ и книгъ.

Въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Древней Письменности, 7-го января 1894 г., академикъ М. И. Сухомлиновъ сдѣлалъ общую характеристику ученой дѣятельности покойнаго почетнаго члена Общества Я. К. Грота и указалъ, что Гротъ въ продолженіе всей своей долголѣтней жизни нисколько не измѣнилъ своимъ высокимъ и пламеннымъ взглядамъ на науку, что онъ одинаково горячо любилъ ее и въ молодости, и въ преклонной старости. Вслѣдъ за тѣмъ Н. П. Барсуковъ прочелъ сообщеніе, составленное В. В. Майковымъ, о рукописномъ Сборникѣ актовъ XV — XVII вѣковъ, переписанныхъ въ началѣ XVIII вѣка и относящихся до земельныхъ владѣній Троицко - Сергіевой лавры на Бѣжецкомъ верху. Изъ доклада выяснилось, что въ числѣ актовъ есть судное дѣло XVI вѣка, въ которомъ имѣются почти всѣ виды тогдашнихъ судебныхъ доказательствъ: признаніе, нарушеніе правъ, свидѣтельскія показанія и ордаліи—испытанія желѣзомъ и водой, присяга и судебные поединки. Сборникъ этотъ, полученный въ даръ отъ о. діакона Исаакіевскаго собора А. А. Троицкаго, Н. П. Барсуковъ, въ свою очередь, принесъ въ даръ Обществу. Далѣе, секретарь Общества сообщилъ о новомъ раскольничьемъ памятникѣ, повѣсти 1692 года о развитіи и ростѣ безпоповщинской секты „новожженцевъ“ и указалъ на значеніе этого важнаго трактата. Анонимный авторъ его, ученикъ старца Досиѳея, былъ самъ раскольникъ, но не признавалъ ученія ни объ огненной, ни о водной смерти. Въ простомъ и живомъ разсказѣ онъ излагаетъ событія 80-хъ годовъ XVII столѣтія, въ которыхъ онъ самъ былъ очевидцемъ и такъ или иначе принималъ участіе. Весьма много новыхъ и любопытныхъ данныхъ сообщаетъ этотъ памятникъ для исторіи указанной ереси и, по словамъ докладчика, заслуживаетъ из-

данія. Затѣмъ секретарь Общества прочелъ о новомъ судномъ дѣлѣ XVI вѣка, въ которомъ являются: допросы свидѣтелей, ссылка на документы и пр. Наконецъ, секретарь доложилъ собранію о приношеніи въ даръ Обществу И. Ѳ. Горбуновымъ нѣсколькихъ любопытныхъ свитковъ XVII вѣка, а В. К. Шлиппе — библіотеки покойнаго екатеринославскаго еп. Амвросія, въ количествѣ около 200 книгъ, между которыми есть много важныхъ греческихъ богослужебныхъ книгъ, какъ-то: Миней, анѳологіевъ и пр. (Нов. Вр., № 6417, 1894 г.).

- - - - -

Въ Обществѣ Любителей Древности Письменности, 21-го января 1894 г., профессоръ И. Н. Ждановъ сдѣлалъ сообщеніе о двухъ византійскихъ повѣстяхъ въ старорусской обработкѣ, именно „о Василіѣ, извозчикѣ московскомъ, и о цареградскомъ царѣ Михаилѣ“, сказаніе о которомъ слилось съ повѣстью о вилонскомъ царѣ Валтасарѣ. Обѣ повѣсти, по мнѣнію докладчика, составлены на русской почвѣ около XVI вѣка на основаніи переводовъ нѣкоторыхъ византійскихъ хроникъ (Манассіи и др.) и въ основѣ своей содержатъ разсказы о царяхъ Михаилѣ III и Василіи Македонянинѣ, именно о золотомъ деревѣ съ птицами, о волшебномъ зеркалѣ, въ которомъ можно видѣть, что дѣлается въ другихъ странахъ, о пьянствѣ Михаила, объ укрощеніи коня и объ убіеніи Михаила. Докладъ вызвалъ замѣчанія со стороны Т. И. Филиппова и проф. В. Гр. Васильевскаго. Секретарь Общества сдѣлалъ сообщеніе о неизвѣстныхъ доселѣ стихотвореніяхъ А. Т. Болотова; томъ его „сельскихъ пѣсенъ“ содержитъ 38 стихотвореній, посвященныхъ главнымъ образомъ лирическому описанію красотъ природы, и только немногія изъ нихъ затрогиваютъ современную общественную жизнь, именно „Чувствованія рожденнаго въ дворянствѣ“ и „Ода наукѣ натурологіи“, въ которой превосходно описанъ бытъ дворянства конца XVIII вѣка. Н. П. Лихачевъ сдѣлалъ небольшой докладъ о древнѣйшихъ грамотахъ на кормленія. Наконецъ, секретарь Общества доложилъ собранію о принесеніи въ даръ Обществу Н. Н. Селифонтовымъ двухъ рукописей: „житія Петра Великаго“ (соч. Катифоро) и „Учительнаго Евангелія Транквиліота“, а А. А. Мартыновымъ „рукописи Родословія 1746 года“, съ Адама до имп. Елисаветы Петровны, и глинянаго кувшина, найденнаго во время раскопокъ въ Москвѣ, на Воздвиженкѣ; сообщено также о выходѣ въ свѣтъ двухъ памятниковъ древней письменности—житія св. Евдокима Праведнаго и Слова св. Кирилла Туровскаго въ Великую субботу, описанія рукописей Общества (ч. II), а также „Путешествія“ Ѳ. Смита въ Россію въ 1605 году, изданнаго предсѣдателемъ и принесеннаго въ количествѣ 100 экземляровъ въ даръ обществу (Нов. Вр., № 6433, 1894 г.).

- - - - -

Въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Древней Письменности, 4-го февраля 1894 г., П. А. Сырку сдѣлалъ сообщеніе объ одной рукописи, со-

[illegible] въ себѣ молитвы и заговоры отъ разныхъ болѣзней, пріобрѣтенной имъ во время поѣздки по Балканскому полуострову; рукопись эта, судя по ея [illegible] почерку, носила [illegible] въ [illegible] задачи. [illegible] заслуживаетъ въ ней [illegible] святыхъ, начиная съ [illegible] Философа, къ заступничеству которыхъ прибѣгали въ разныхъ нуждахъ. Встрѣчаются и необычныя представленія, какъ, напр., [illegible] противъ [illegible] появленіе четырехъ ангеловъ [illegible] и др. По поводу доклада [illegible] секретарь Общества, [illegible] на аналогичные греческіе [illegible] заговоровъ и указаній, что въ [illegible] является [illegible], къ которому [illegible] обращались съ моленіемъ противъ болѣзни. [illegible] затѣмъ [illegible] Общества [illegible] византійскаго и славянскаго происхожденія: [illegible] Мудромъ [illegible] и [illegible], [illegible] Михаила [illegible] Москвы отъ [illegible] въ 1812 году. По поводу этого доклада [illegible] были замѣчанія [illegible], [illegible] были и приношенія въ даръ Обществу [illegible] и [illegible] изданія [illegible] Уварова“, [illegible]. Въ дѣйствительные члены Общества вступила [illegible]. [illegible] № 6445, 1894 года.

Въ годовщину основанія Археологическаго института, 15-го января 1894 г. въ помѣщеніи института состоялось публичное засѣданіе. Привать-доцентъ С.-Петербургскаго университета Н. Д. Чечулинъ прочелъ рефератъ: „Писцовыя книги, изданныя Н. В. Калачовымъ“. [illegible] значеніе этихъ книгъ для изученія внутренней жизни древней Руси. Подробности финансовой организаціи, [illegible] и [illegible], устройство сельской общины, [illegible] отношенія — все это [illegible] въ писцовыхъ книгахъ, заключающихъ въ себѣ много любопытныхъ данныхъ. По писцовымъ книгамъ можно познакомиться съ устройствомъ и укрѣпленіемъ городовъ, [illegible] въ древнее время [illegible] построекъ въ церквахъ и [illegible], съ [illegible], [illegible] и [illegible], съ устройствомъ древнихъ [illegible] „[illegible]“, „[illegible]“ и др. [illegible] матеріалъ даютъ писцовыя книги [illegible] и [illegible] въ [illegible] количествѣ. [illegible] можно [illegible] времени, а также [illegible] въ [illegible] ученые археологи [illegible] матеріалъ [illegible] писцовыхъ книгахъ. [illegible] матеріалъ въ связи съ тѣмъ, который [illegible]

ется въ книгахъ, изданныхъ Н. В. Калачовымъ, несомнѣнно, дастъ возможность сдѣлать цѣнные историческіе выводы по разнымъ вопросамъ, касающимся бытовой и общественной жизни древней Руси. Въ засѣданіи присутствовали: директоръ Археологическаго института А. Н. Труворовъ, профессора: Н. В. Покровскій, Н. И. Веселовскій и др., а также много публики. (Нов. Вр., № 6424, 1894 г.).

Въ засѣданіи Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, 15 декабря 1893 г., предсѣдатель проф. Н. А. Ѳирсовъ сказалъ рѣчь, посвященную памяти недавно скончавшихся членовъ Общества А. И. Соколова и Д. Д. Смышляева, изъ которыхъ первый много трудился для мѣстнаго Общества и археологіи; второй отличался сочувствіемъ къ Обществу, былъ энергичный общественный дѣятель на поприщѣ науки и публицистики; по его иниціативѣ былъ основанъ „Пермскій Сборникъ", давшій не мало матеріаловъ для исторіи, географіи и этнографіи этого края. Въ томъ же засѣданіи проф. А. Штукенбергъ сдѣлалъ краткій докладъ по поводу доставленныхъ ему небольшихъ археологическихъ находокъ. Одна изъ этихъ находокъ въ видѣ бронзовыхъ фигурокъ была доставлена г. Штукенбергу студентомъ Чердынцевымъ, который нашелъ ихъ на стрѣлкѣ лѣсистаго оврага близъ деревни Пьянковой, въ Осинскомъ уѣздѣ. Найденныя вещи относятся къ такъ называемымъ чудскимъ древностямъ и представляютъ чуть-ли не первую находку въ этомъ родѣ для данной мѣстности. Такимъ образомъ, по словамъ г. Штукенберга, Осинскій уѣздъ теперь можетъ считаться ближайшимъ мѣстомъ, въ которомъ могутъ быть предприняты археологическія изслѣдованія съ разсчетомъ открыть здѣсь присутствіе чудскихъ древностей. Вторая часть сообщенія г. Штукенберга касалась предположеній о назначеніи хорошо извѣстныхъ въ археологіи глиняныхъ коническихъ сосудовъ. Подобной формы сосуды попадались до сихъ поръ сравнительно въ очень большомъ количествѣ, но всегда совершенно пустые, что затрудняетъ опредѣленіе ихъ назначенія въ быту древнихъ народностей. Но недавно г. Штукенбергу былъ доставленъ однимъ татариномъ подобный сосудъ, найденный имъ на болгарскихъ развалинахъ, съ сообщеніемъ, что въ этомъ сосудѣ, случайно закупоренномъ комкомъ глины, оказалось небольшое количество ртути. Заинтересованный этимъ явленіемъ, г. Штукенбергъ путемъ изслѣдованія черезъ увеличительное стекло открылъ на стѣнкахъ сосуда мелкія крупицы ртути. Отсюда является предположеніе, что эти глиняные сосуды служили для сохраненія ртути. (Волжск. Вѣстн. № 325, 1893 г.).

V

Библіографія.

Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Т. XVI. Одесса. 1893. Съ 1 фототип. и 1 хромолит. таблицами (88+271+35).

Одесское Общество, получивъ по Высочайшему повелѣнію увеличеніе пособія, заявляетъ въ предисловіи, что считаетъ нравственнымъ долгомъ увеличить и издательскую дѣятельность, издавая, по возможности, ежегодно по тому „Записокъ". Нельзя не привѣтствовать такое рѣшеніе Общества. Содержаніе XVI тома раздѣлено на три отдѣла: въ первомъ, подъ заглавіемъ: „Археологія", помѣщены двѣ статьи по епиграфикѣ Э. Р. фонъ-Штерна „Новооткрытая ольвійская надпись" и В. Н. Юргевича „Камни съ надписями, купленные для Музея Общества въ 1892 г.". Б. В. Фармаковскій въ прекрасной обстоятельной статьѣ „Три керамическіе фрагмента Одесскаго музея" знакомитъ съ 3-мя обломками аттическихъ сосудовъ, изъ которыхъ одинъ, происходящій изъ Керчи, имѣетъ изящный рисунокъ, представляющій обнаженнаго юношу, фигура котораго сохранилась только до пояса, съ греческою надписью *Δῆμος καλός*=Демъ прекрасенъ, и остаткомъ другой надписи, которую авторъ возстановляетъ, какъ имя художника Андрона. Имя Дема авторъ отождествляетъ съ красавцемъ Демомъ, „кумиромъ всѣхъ Аѳинянъ", о которомъ упоминаютъ многіе писатели. Время изготовленія сосуда (чаши, по мнѣнію г. Фармаковскаго) относится ко 2-й половинѣ V вѣка до Р. Х. Обломокъ другаго сосуда, леканы, также изъ Керчи, представляетъ, по объясненію автора, сцену женскаго туалета, происходящую на женской половинѣ дома. Обломокъ относится къ IV в. до Р. Х. 3-й обломокъ, найденный въ 1841 г. на островѣ Левке (Змѣиный, или Фидониси) и извѣстный по многимъ описаніямъ, имѣетъ изображенія 3 бородатыхъ мужчинъ—одного играющаго на флейтѣ и 2-хъ пьющихъ вино изъ канѳаровъ—сюжетъ, объясняемый авторомъ, какъ веселая попойка; особенность обломка заключается въ двухъ греческихъ надписяхъ, изъ которыхъ одна заключаетъ имя извѣстнаго художника, расписывавшаго вазы, Эпиктета, а другая не менѣе извѣстнаго мастера, дѣлавшаго вазы, Никосѳена. Изготовленіе этого сосуда (канѳара) авторъ относитъ къ послѣдней четверти VI в. до Р. Х.

А. Л. Бертье-Делагардъ въ статьѣ „Надпись времени Императора Зенона, въ связи съ отрывками изъ Херсонеса" убѣдительно доказываетъ, что извѣстная надпись, хранящаяся въ музеѣ при Херсонесскомъ монастырѣ, гласящая объ исправленіи стѣнъ какого-то города при импер. Зенонѣ въ 11-й годъ индикта (но не 14-й, какъ нѣкоторые читаютъ это плохо сохранившееся мѣсто въ надписи, о чемъ рѣшительно говоритъ авторъ),

принадлежитъ Херсонесу, но не Θессалоникѣ, какъ заявлялъ Кузинери. Какъ извѣстно, Бёкъ, на основаніи этой надписи, опредѣлялъ эру Херсонеса, относя ея начало къ 36 г. до Р. Х., но авторъ, путемъ нѣкоторыхъ соображеній относитъ ея начало къ *апрѣлю 25-го или 24-го до Р. Х.*, при чемъ причины ея введенія неизвѣстны, но отнюдь не полученіе городомъ элевθеріи, которая была дана городу около первой половины II в. по Р. Х. Во всякомъ случаѣ, необходимо ожидать эпиграфическихъ подтвержденій къ этимъ интереснымъ предположеніямъ автора относительно опредѣленія эры и заслуга г. Бертье-Делагарда въ томъ, что онъ доказалъ невѣрность опредѣленія эры Бёкомъ. Въ „Матеріалахъ“ помѣщены: „Исторія славено-балгарская о народяхъ и о царѣхъ и святыхъ болгарскихъ и о всехъ дѣянія и бытія болгарская“, А. В. Лонгинова. „Документы, относящіеся къ Исторіи Одессы“, А. И. Маркевичà „Матеріалы по исторіи Запорожья и пограничныхъ отношеній (1743—1767), А. А. Андріевскаго. „Русское посольство къ Хану Крымскому въ концѣ XVIII ст.“, А. А. Скальковскаго. Въ „Смѣси“ помѣщены краткіе некрологи: Васильчикова, Сталя, Поля, свящ. Кушнерева, Вакье, митр. Платона, гр. А. Г. Строганова, арх. Леонида, Н. А. Попова, Долинскаго (В. А. Яковлева) и архіеп. Никанора (Н. Θ. Красносельцева).

„Старинар“ Српског Археолошког друштва.

Еще 10 лѣтъ тому назадъ основалось въ Сербіи въ Бѣлградѣ мѣстное археологическое Общество [1]) (Српско Археолошко Друштво), которое тогда же начало издавать свой небольшой журналъ „Старинар“ (4 раза въ годъ, всего 12—15 печ. листовъ, съ таблицами и планами въ приложеніяхъ). За десятилѣтній періодъ существованія журналъ этотъ издалъ довольно много матеріала историческаго и археологическаго. Представляя преимущественно интересъ мѣстный, матеріалъ этотъ имѣетъ весьма часто и болѣе широкое значеніе, особенно для сравнительнаго изученія. Всякая книжка „Старинара“ распадается на два отдѣла: въ первомъ находимъ археологическія изслѣдованія и описанія древностей, во второмъ—разныя мелочи, каковы: мелкія извѣстія о находкахъ, переписка между археологами, библіографическія свѣдѣнія и справки по текущей археологической литературѣ [2]). Главная масса труда и статей въ томъ и другомъ отдѣлѣ принадлежитъ М. Валтровичу, редактору журнала, энергичному секретарю Общества и хранителю Бѣлградскаго Археологическаго Музея.

Не имѣя въ виду дать полнаго обзора всѣхъ статей, напечатанныхъ въ „Старинарѣ“ за девять лѣтъ (1883—1892) его изданія, ограничусь указаніемъ на наиболѣе интересныя въ общемъ значеніи. Самыя крупныя и обстоятельныя статьи принадлежатъ здѣсь тому же М. Валтровичу.

---

[1]) Именно, уставъ его утвержденъ 1 іюля 1883 г.

[2]) Всегда, между прочимъ, приводится содержаніе „Vѣstnika“ Загребскаго Арх. Общ.

I. Ему принадлежитъ рядъ описаній сербскихъ церковныхъ древностей; таковы его статьи: „Сербскія церковныя древности на Будапештской выставкѣ“ (II, 4; III, 1—4) [1]), „Сербскія церковныя древности“ (IV, 1, 2, 4; V, 1—4), „Тканая эпитрахиль 1528 г.“ (VI, 3, 4), „Надпись на фелони 1519 г.“ (VI, 4). Статьи эти составлены на основаніи предметовъ церковной старины, выставленныхъ на выставкѣ въ Пештѣ въ 1885 г. старыми, богатыми сербскими монастырями Фрушкой горы (въ Срѣмѣ). Это—преимущественно церковная утварь стараго чекана и богатыя шитыя облаченія, интересныя по работѣ (есть предметы отъ первыхъ десятилѣтій XIV в.), орнаментаціи и надписямъ [2]); особенно обращаютъ на себя вниманіе предметы изъ знаменитой Раваницы (Врдник—мѣсто погребенія краля Лазаря), гдѣ хранится платъ на главу Лазаря (+1389), вышитый густой серебряной вязью между 1392—1406 годами, Крушедола, самаго богатаго изъ группы фрушкогорскихъ монастырей, бывшаго въ сношеніяхъ съ Молдавіей въ XV—XVI в. (здѣсь плащаница, шитая въ XIV в., митры XV в.), епитрахиль 1553 г. мон. Гргетега. Всѣ надписи (онѣ не разъ издавались, напр., въ Monumenta serbica, Миклошича) еще разъ тщательно провѣрены по оригиналамъ. Съ особенной подробностью описаны серебряные оклады евангелій того же Крушедола, дарохранительницы, рипиды съ надписями. Т. о. данъ довольно обстоятельный очеркъ чеканнаго и златошвейнаго дѣла старой Сербіи XV—XVII в., въ связи съ византійскимъ (были въ выставленныхъ коллекціяхъ вещи и чисто византійскаго происхожденія). Дополненіемъ къ этой статьѣ служатъ замѣтки, основанныя главн. обр. на рукописныхъ данныхъ фрушкогорскихъ монастырей, архим. *И. Руварца* (III, 3).

Вторая изъ указанныхъ статей В. даетъ болѣе подробное (съ рисунками) описаніе нѣсколькихъ вещей того же характера: 1) шитой митры XVIII в. (собора въ Карловцахъ), 2) шитаго же пояса (Крушедолъ), 3) серебрянаго ковчега филигранной работы 1707 г. (Крушедолъ), затѣмъ 4) митры бѣлградскаго собора (ок. 1434 г.), шитой золотомъ по шелковой ткани, 5) бронзовой пряжки краля Вукашина (здѣсь же очеркъ бронзоваго дѣла), 6) чашъ съ записями (между ними одна XIV в., другая 1574 г.), 7) церковныхъ печатей Бѣлградскаго Музея и мон. Крушедола, преимущ. XVII—XVIII в. Послѣднія двѣ статьи посвящены описанію (съ рисункомъ) шитой фелони 1519 г. и епитрахили 1528 г. (также рисунокъ); оба предмета принадлежатъ Бѣлградскому Музею; епитрахиль описана сравнительно съ епитрахилью XIII—XIV в., греческой работы (рисунокъ) мон. Крушедола и епитр. 1553 г. мон. Гргетега (Фрушка-гора); близко къ этой епитрахили подходитъ по работѣ и фелонь 1519 г.; обѣ онѣ, повидимому, работаны въ Валахіи.

Описанію самыхъ монастырей и церквей и дополненіемъ къ перечислен-

[1]) Римская цыфра означаетъ годъ журнала, арабская—тетради.

[2]) Эти статьи Валтровича послужили источникомъ для J. Kukubjević'а въ его книгѣ Nadpisi sredovječni i novovjeki... (Zagreb 1891), гдѣ перепечатаны приведенныя Валтровичемъ надписи съ массой опечатокъ (Ср. рецензію на книгу Кукулевича въ Рус. Фил. Вѣст. 1891 г.).

нымъ статьямъ служатъ „Путевыя замѣтки“ того же Валтровича (V, 3, 4): довольно бѣглый осмотръ церквей и монастырей: Раваницы, Манасси, Любостиньи, Жичи, Студеницы, Наупары, Крушевца, Ниша, Пирота и Софіи.

Кромѣ статей М. Валтровича, той же церковной старинѣ посвящен цѣлый рядъ мелкихъ статеекъ, касающихся исторіи и древностей отдѣльныхъ церквей и монастырей, каковы: *Л. Ковачевича*, „О мон. Добрунѣ“ (осн. ок. XIV в.; II, 1); *Др. Милутиновича*: „О мон. (XIII в). Петковицѣ“ (С. З. Сербія), съ общимъ очеркомъ и планами архитектуры сербскихъ церквей XII — XIV в. II, 3); арх. *И. Руварца*: „О мон. Винчѣ“ (осн. 1403—1427 г., ок. Бѣлграда; IV, 2); „Описаніе Сремскихъ мон. по рук. XVII в.“; (V, 2); о Раваницѣ, Витовницѣ, Орешковицѣ, по записямъ въ рукописяхъ; (V, 3, 4); *I. Мишковича*, о двухъ церквахъ XV в. ок. гор. Княжевца (IV, 4); *Ст. Ризнича* „О мон. Витовницѣ“ (въ Пожаревацкомъ округѣ (V, 1); *М. Драговича*; „О молдавскомъ евангеліи 1504 г. и рукописяхъ Цѣтинской ризницы“ (V, 1); еп. *Никанора*, „Описаніе святынь, утвари, иконъ, книгъ Студеницы (Лавры)“ (VII, 1), монастырскихъ печатей (одна XIII в.) преимущ., впрочемъ, XVII — XVIII в. (VIII, 1, 2) и др. статьи.

II. Не мало мелкихъ замѣтокъ посвящается въ журналѣ и эпиграфикѣ: во всякой книжкѣ встрѣчаемъ изданными надписи и записи, найденныя въ Сербіи и внѣ ея (напр., ок. Аѳона, на Прѣвлакѣ): это—надписи сербскія (преимущ. изъ Босны и Герцеговины, поздніе XVII — XVIII в.), греческія (одна (IV, 3) древне-христіанская), латинскія, преимущ. римскія, собранныя около Бѣлграда, Ниша, Чупріи и Костолца. Сюда же относятся и письменные памятники, преимущ. небольшаго объема, каковы: письма историческаго характера (напр. монашескія, изданныя *Дм. Руварцемъ* (VII, 2; VIII, 1, 2), *Вл. Красичемъ* (IV, 1), грамоты (*М. Валтровича*—хрисовулъ кр. Лазаря—II, 4).

III. Кромѣ надписей, находимъ по античной древности крупныя статьи *М. Валтровича*, каковы: „Раскопки въ Костолцѣ“ (I, 1 — 4); описаніемъ раскопокъ Костолца, римскаго Виминаціума, открылось изданіе „Старинара“; затѣмъ его же: „Римскія надписи изъ Костолца“ (и его околицы), относящіяся ко времени имп. Адріана (III, 1; IV, 1); „Колодцеобразныя римскія могилы“, найденныя въ самомъ Бѣлградѣ при рытіи фундамента для монумента кн. Михаилу (II, 2, 3). Объ остаткахъ римскихъ населеній сообщаетъ статья *Ф. Радича*: „Остатки римскаго поселенія въ селѣ Лумбарди, на остр. Корчулѣ (IV, 1). Изслѣдованію (съ планами) „Троянова вала“ посвящена статья *Д. М. Павловича* (VIII, 1, 2); описанію старыхъ (преим. римскихъ) городищъ—статьи *I. Мишковича* (IV, 2, 3; V, 1; VI, 2). *М. Валтровичу* же принадлежитъ описаніе (съ общимъ очеркомъ) геммъ Бѣлградскаго Музея, найденныхъ въ Сербіи, изъ коихъ нѣсколько античныхъ экземпляровъ (всѣхъ 75 штукъ; VI, 4).

IV. Раскопки, доисторическая и средневѣковая археологія, представлены статьями того же М. Валтровича; такова статья его общаго характера „Мѣдяны и бронзовыя древности въ Сербіи“ (VII, 3), гдѣ рядомъ съ обзоромъ

найденныхъ въ разное время предметовъ данъ очеркъ исторіи бронзы и мѣди вообще. Сюда же относятся статьи: *Г. Іовановича*: „Доисторическое поселеніе неолитической эпохи“ (ок. Валева) (IX, 2); *Валтровича*: „Доисторическая глиняная статуетка изъ Кличевца“ (VII, 4); его же: „Доисторическій сосудикъ“ (VII,4); *А. Станоевича*; „Доисторическія древности Рудничскаго округа“ (VII,4), о томъ же статья *С. Трояновича* (IX, 1); *Іос. Панчича*: „Человѣкъ въ доисторическую эпоху“ (II, 1); *І. Жуёвича* и *Валтровича*: „Древнее поселеніе ок. Вараева“ (въ 5 часахъ отъ Бѣлграда, гдѣ найдена масса каменныхъ орудій и черепковъ посуды архаичнаго типа) (VIII, 1, 2); *В. Вукасовича*: „Могилы боснійскаго и сербскаго происхожденія на остр. Корчулѣ“ (V, 2); его же: „Старобоснійская могила“ (XIV в) ок. Граца“ (Герцеговина) (VI, 1) и др.

V. Помимо мелкихъ статей, посвященныхъ случайнымъ находкамъ, нумизматикѣ (напр., Г. Вайферта (I, 1, 2) о моделяхъ 1668, 1717 и 1789 гг.), имѣющихъ преимущ. мѣстный интересъ, стоитъ обратить вниманіе на статью *Л. Ковачевича*: „Запон (фибула) хумског кнеза Петра“; это образецъ художественной работы итальянскихъ мастеровъ XIII в., найденный въ Старой Сербіи; помимо орнамента, на немъ есть надпись, рѣдкій образецъ сербскаго письма и языка XIII в.; вотъ она: + запонь велиега кньза хьлмскога петра (далѣе по итальянски: pretende comiiti Pet[ro]).

Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе и характеръ „Старинара“, органа Сербскаго Археологическаго Общества.

М. Сперанскій.

Revue de l'art chrétien, publiée sous la direction d'un comité d'artistes et d'archéologues, 1893; 3, 4, 5 livr.

Въ первомъ выпускѣ—интересная и замѣчательная статья Мюнца „Les artistes byzantins dans l'Europe latine du V-e au XV-e siècle“, касающаяся, какъ уже видно изъ заглавія, важнаго вопроса о вліяніи Византіи, ея искусства на западное искусство. Вопросъ этотъ, какъ извѣстно, не смотря на массу изслѣдованій, ясно доказывающихъ это вліяніе, всё еще для нѣкоторыхъ считается открытымъ и даетъ возможность для подобнаго рода восклицаній: „для запада нѣтъ византійскаго вопроса!“, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Шпрингеръ въ предисловіи къ переводу труда Н. П. Кондакова (Histoire de l'art byzantin, t. I, p. 26), который, однако, менѣе всего долженъ былъ бы дать поводъ къ этому.

Мюнцъ, авторъ многихъ прекрасныхъ сочиненій по христіанскому искусству, знатокъ итальянскихъ архивовъ, въ вышесказанной статьѣ собралъ изъ различныхъ источниковъ рядъ свидѣтельствъ, отъ V по XV в., указывающихъ именно на это вліяніе Византіи. Такъ, свидѣтельство V в. указываетъ на призывъ въ Италію изъ Константинополя, по просьбѣ Лаврентія, епископа Сипонто, для построенія храмовъ этого города и украшенія ихъ, съ разрѣшенія императора Зенона, „doctissimos artifices“. Избраніе цѣлаго ряда папъ, грековъ изъ сирійцевъ въ VII—IX в. не могло не отразиться на выборѣ мастеровъ для украшенія церквей. Въ X—XI в. византійское

вліяніе на западѣ особенно усиливается. Для XII, XIII в.—времени наибольшаго вліянія византійскаго искусства на итальянское, не столь много свидѣтельствъ. Множество свидѣтельствъ зато приведено для XIV и XV в.

Де-Мели заканчиваетъ рядъ своихъ статей о роли рѣзныхъ камней въ древніе вѣка. (191—204).

Барбье де Монто (Barbier de Montault) заканчиваетъ рядъ своихъ статей о культѣ учителей церкви въ Римѣ, останавливаясь на культѣ св. Петра, Даміана, Өомы Аквинскаго.

Законченныя статьи названнаго ученаго археолога прелата имѣютъ тотъ интересъ, что даютъ полное представленіе о культѣ избранныхъ отцовъ церкви въ Римѣ. Онъ начинаетъ обыкновенно съ опредѣленія дня праздника извѣстнаго отца, сообщаетъ кратко его біографію, время признанія его святымъ или возвеличенія одной какой-либо изъ сторонъ его дѣятельности; перечисляетъ мѣста, гдѣ сохраняются его мощи, спеціальныя службы въ честь его, памятники искусства, въ какихъ онъ изображенъ; затѣмъ разбираетъ подробно его аттрибуты, костюмъ. Въ общемъ, это подробнѣйшая, основанная на строгомъ изученіи памятниковъ иконографія христіанскаго искусства и очеркъ культа святыхъ въ западной церкви.

Статья Клоке (Cloquet) трактуетъ о ломбардской архитектурѣ и объ отношеніяхъ ея къ школѣ Турне (216—230).

Въ четвертомъ выпускѣ начинается интересная статья Барбье де-Монто, касающаяся культа древне-христіанской мученицы, св. Цециліи; авторъ археологическими справками, свидѣтельствами подтверждаетъ справедливость отношенія св. мощей, сохраняемыхъ въ соборѣ г. Альби, именно этой святой (271—287).

Клоке даетъ исторію и разборъ архитектурныхъ формъ, фламандскаго дома (288—306). Нельзя не отмѣтить страннаго и неумѣстнаго для научнаго журнала, предисловія автора къ своей статьѣ, при томъ совершенно неоправдываемаго содержаніемъ послѣдней. Авторъ спрашиваетъ: умѣстно-ли въ данномъ журналѣ изслѣдованіе о гражданскомъ жилищѣ? Неумѣстно, отвѣчаетъ, если имѣть въ виду наши современныя жилища, которыя, кажется, какъ бы съ умысломъ надѣлены холоднымъ стилемъ для отличія ихъ отъ религіозныхъ зданій. Въ самомъ дѣлѣ, фасадъ нашихъ домовъ строго симметриченъ, внутренность строго нейтральна, какъ свободная школа, нѣтъ сосуда со св. водой при входѣ въ комнаты, нѣтъ Распятія на почетномъ мѣстѣ въ залѣ или по крайней мѣрѣ благочестивыхъ эмблемъ, уединенныхъ въ интимныя мѣста... украшенія и меблировка скорѣе даютъ иллюзію языческаго дома. Не то было, продолжаетъ онъ, въ древности, когда поэзія христіанства распространяла свое пріятное благовоніе во всемъ жилищѣ Съ точки зрѣнія именно этой всей обстановки дома, какъ дома христіанскаго, нужно было ожидать въ статьѣ разбора фламандскаго дома. Но ничего подобнаго нѣтъ. Авторъ бѣгло, поверхностно разсматриваетъ фламандскіе дома, отмѣчая форму ихъ фасадовъ, оконъ, останавливаясь главнымъ обра-

зомъ на технической сторонѣ построекъ, и неумѣстность статьи въ журналѣ не спасаетъ предисловіе автора къ ней.

Въ пятомъ выпускѣ помѣщена статья Бертье (Berthier) „La Madone byzantine de San Marco à Florence“ (361—363). Рѣчь идетъ о мозаичномъ изображеніи Богородицы Оранты, нѣкогда находившемся въ капеллѣ, воздвигнутой въ честь Богородицы въ соборѣ св. Петра въ Римѣ папою Іоанномъ VII (705—707). Капелла эта, какъ извѣстно, была украшена мозаичными изображеніями изъ жизни свв. Петра и Павла и Христа. Всѣ эти изображенія погибли, за исключеніемъ описываемаго Бертье и другаго, находящагося въ ц. S. Maria in Cosmedin въ Римѣ и представляющаго часть сцены поклоненія волхвовъ.

Заслуга Бертье состоитъ лишь въ изданіи рисунка съ изображенія, такъ какъ прекрасное описаніе его вмѣстѣ съ исторіей капеллы и описаніемъ всѣхъ остальныхъ изображеній, украшавшихъ её, было сдѣлано Мюнцемъ въ статьѣ „Notes sur les mosaïques chrétiennes de l'Italie, IV, oratoire du pape Jean VII“ (отд. оттиски изъ Revue archéologique, сентябрь 1877, стр. 16—18).

Данное изображеніе Богородицы Оранты отличается отъ другихъ извѣстныхъ собственно тѣмъ, что голову ея увѣнчиваетъ императорская стемма, украшенная рубинами и перлами.

Значеніе образа Оранты въ христіанской иконографіи, повидимому, мало ясно автору, когда онъ выражается о немъ такъ: „Это Дѣва заступница, взглядъ которой созерцаетъ Бога, но которая не забываетъ своихъ служителей земли“.

Въ томъ же выпускѣ—интересная статья, посвященная вопросу о способахъ реставраціи древней церковной живописи (364--371).

Во всѣхъ выпускахъ по обыкновенію богатый библіографическій отдѣлъ отчетовъ о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ. Въ виду того, что Bulletino di archeologia cristiana de Rossi не появится въ настоящемъ году вслѣдствіе несчастія, постигшаго знаменитаго редактора его (параличъ правой руки), мы подробно передадимъ содержаніе отчетовъ общества христіанской археологіи въ Римѣ, помѣщенныхъ въ 3 и 4 выпускахъ разбираемаго журнала.

Засѣданіе 12 марта 1893 г. Де-Росси представилъ интересный христіанскій памятникъ—лампочку, найденную на Эсквилинѣ; на ней отмѣчено имя фабриканта ANNI SER и изображеніе Добраго Пастыря.

Де-Росси доложилъ о критическомъ сборникѣ Моммзена *Chronica minora saeculorum IV, V, VI, VII*, отмѣтивъ его громадное значеніе въ виду ученыхъ комментарій и указавъ на то необыкновенное терпѣніе, съ которымъ выбраны изъ многочисленныхъ рукописей эти сухіе тексты.

Гризаръ представилъ фотографію съ средневѣковыхъ памятниковъ Менторелла, мѣста, гдѣ по преданію св. Евстахій видѣлъ Христа въ образѣ оленя. Докладчикъ отмѣтилъ памятникъ XII в. – скульптурное въ деревѣ изображеніе посвященія церкви съ надписью: mense octobri die XXIV dedicatio beatae Mariae + Vultvilla = Magister Guilelmus fecit hoc opus.

Марукки сдѣлалъ замѣчанія относительно исторической надписи мученика Квирина, епископа Сисціи въ Паннопіи, недавно найденной возлѣ ц. св. Севастьяна.

Засѣданіе 26 февраля. Де-Росси доложилъ о полученіи знаменитой стелы Аберція, присланной султаномъ въ даръ папѣ по случаю его юбилея.

Текстъ надписи Аберція, епископа Гіерополиса во Фригіи, былъ извѣстенъ еще ранѣе въ Актахъ этого епископа въ собраніи Метафраста; но археологи не приводили ее въ связь съ другими христіанскими надписями, заподозрѣвая ея подлинность. Впервые подлинность надписи призналъ кардиналъ Питра, основываясь на сравненіи ея съ надписью Пекторія (Spicileg. Solesm. III, 533). Де-Росси въ свою очередь пользовался ею при объясненіи символической живописи катакомбъ.

Рамзей въ 1880 г. открылъ во Фригіи надпись Александра, въ которой де-Росси призналъ подражаніе надписи Аберція, и такъ какъ первая имѣетъ датой 216 годъ (300-й фригійской эры), то очевидно, что вторая—древнѣе ея—конца II вѣка, эпохи, приписываемой Аберцію и греческими актами. По просьбѣ де-Росси Рамзей предпринялъ второе путешествіе, и ему удалось открыть надпись Аберція. Камень съ этой надписью былъ въ постройкѣ одной стѣны общественныхъ бань Гіерополиса. Въ этой надписи Аберцій говоритъ, что онъ былъ ученикомъ безгрѣшнаго Пастыря и руководимый вѣрой обошелъ Востокъ и Западъ, отъ Евфрата до Тигра, и отъ Низибы до Рима, царственнаго города, гдѣ онъ замѣтилъ народъ, отмѣченный блестящимъ знакомъ. Повсюду вѣра позволяла вкушать чистую рыбу, ловленную въ источникѣ и раздѣляемую чистою дѣвою, питающею его друзей хлѣбомъ и виномъ. Эти слова Аберція, по мнѣнію де-Росси, имѣютъ важное значеніе въ вопросѣ о главенствѣ римской церкви. Упоминаніе о рыбѣ, символѣ Христа, и объ Евхаристіи, обозначенной мистическимъ соединеніемъ этой рыбы съ хлѣбомъ и виномъ, придаетъ еще большую цѣну этой надписи. Ближайшее отношеніе надписи, восточнаго происхожденія, къ живописи съ евхаристическимъ значеніемъ въ катакомбахъ св. Каллиқста, подтверждаетъ замѣчаніе Аберція, что онъ встрѣтилъ и на Востокѣ, и на Западѣ сходныя вѣрованія, особенно въ отношеніи къ таинству св. Евхаристіи.

Принимая во вниманіе, что Аберцію, по его словамъ, во время составленія надписи было 72 года, можно сказать, что свидѣтельство его—выраженіе эпохи, непосредственно слѣдовавшей за апостольской.

Засѣданіе 9 апрѣля.—Де-Росси доложилъ о публикуемомъ письмѣ Анастасія библіотекаря, въ которомъ на основаніи современныхъ свидѣтельствъ разсказывается о перенесеніи мощей св. Климента изъ Херсонеса въ Римъ (IX в.). Письмо это найдено въ рукописи аббатства Алкобаза ордена Citeaux въ Португаліи.

Де-Росси доложилъ объ открытіи Стржиговскимъ у основанія Аркадіевой колонны въ Константинополѣ комнаты со сводомъ, на которомъ изображенъ монограмматическій крестъ въ вѣнкѣ на звѣздномъ небѣ—мотивъ, обычный

въ IV вѣкѣ. Въ памятникахъ послѣ Константина—символъ Христа среди звѣздъ, очевидно — воспоминаніе о крестѣ, видѣнномъ императоромъ до побѣды его надъ Максенціемъ. Но въ памятникахъ до торжества церкви—крестъ среди звѣздъ, вѣроятно—образъ знаменія Христа, которое явится на небѣ въ день Страшнаго Суда.

Де-Росси представилъ терракотовый фіалъ съ изображеніемъ мученика Мины среди двухъ верблюдовъ, которые, по преданію, перенесли его тѣло къ гробницѣ. Большинство такихъ ампулъ обыкновенно египетскаго происхожденія; данныя—изъ находокъ въ Гиппонѣ, въ Африкѣ, что указываетъ на распространеніе культа этого святаго и внѣ Египта.

Де-Росси доложилъ о надписи, найденной въ катакомбѣ Присциллы, въ которой говорится о вольноотпущенникѣ христіанинѣ: Aurelius Sozon duorum Augustorum libertus, времени, вѣроятно, Септимія Севера и Каракаллы.

Засѣданіе 4 мая. Сави сдѣлалъ замѣчанія по поводу открытія сирійской рукописи г-жей Левисъ въ мон. св. Екатерины, на Синаѣ. Новооткрытая рукопись Евангелій представляетъ то преимущество, предъ ранѣе найденной Куретономъ, что въ ней почти всѣ Евангелія, исключая нѣсколькихъ листковъ начала Евангелія Іоанна.

Марукки познакомилъ съ трудомъ Морини о происхожденіи культа Дѣвы Скорби (Богородицы). Разсматривая извѣстныя изображенія Богородицы въ катакомбахъ, онъ отмѣчаетъ, что въ нихъ выражены главнымъ образомъ таинства Благовѣщенія и материнства. Трудно предположить, по мнѣнію автора, чтобы христіане, выражая символически страсти Христа, не выразили такъ же образа Богородицы, принимавшей участіе, какъ мать, въ этихъ страданіяхъ. Этотъ образъ онъ видитъ въ фигурѣ Оранты, особенно, если она сопровождается надписью Maria. Въ концѣ своего труда Морини дѣлаетъ открытіе, весьма интересное, неизвѣстно только на чемъ основанное, что листъ съ изображеніемъ Распятія Христа въ знаменитой рукописи Сирійскаго Евангелія флорентійской библіотеки св. Лаврентія вставленъ на мѣсто можетъ быть исчезнувшаго, и не принадлежитъ тому же времени, къ которому относится вся рукопись, т. е. VI вѣку, а XI в.

По поводу Оранты де-Росси замѣтилъ, что и Тертулліанъ видитъ въ ней фигуру креста; но отсутствіе положительныхъ доказательствъ не позволяетъ утверждать, что христіане видѣли въ Орантѣ Богородицу при страстяхъ Христовыхъ.

Е. Рѣдинъ.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

№ 866 (Ув. 328), № 1047 (Ув. 154; отд. XII, стр. 346, 347), № 1063 (Ув. 1139; отд. XII, стр. 386, 387), № 1254 (Ув. 154), № 1226 (Ув. 67; отд. XII, стр. 457), № 55 (Ув. 480; отд. I, стр. 26) и т. д.

Вообще же можно думать, что о. Леонидъ, какъ историкъ по преимуществу, съ особеннымъ вниманіемъ обрабатывалъ текстъ своего описанія историческихъ сочиненій; поэтому отдѣлы XIV—XVI изобилуютъ болѣе или менѣе цѣнными замѣчаніями автора объ описываемыхъ имъ рукописяхъ и статьяхъ ихъ [32]); съ этими замѣчаніями, если и не всегда можно соглашаться (напр. о двухъ Георгіяхъ, авторахъ хроники, т. н. Георгія Грѣшника, въ № 1305 (Ув. 966, т. III, стр. 10); о Троянской притчѣ въ № 1310 (Ув. 12), т. III, стр. 14), то во всякомъ случаѣ придется считаться спеціалистамъ, такъ какъ высказаны они авторитетнымъ, крупнымъ ученымъ. Также цѣнны замѣчанія о. Леонида и по отдѣльнымъ вопросамъ по нашей агіологіи, напр., о редакціяхъ Печерскаго Патерика, по поводу списка его XV в. (№ 965, Ув. 12, отд. XII, стр. 280—282), считаемаго имъ первоначальной редакціей [33]).

Гораздо рѣже и въ то же время менѣе важны замѣчанія автора *Описанія* по другимъ отдѣламъ; замѣтки эти носятъ болѣе поверхностный характеръ, показываютъ меньшее знакомство ихъ автора съ литературой по тому или другому вопросу, а иногда прямо ошибочный взглядъ его: ясно, что эти вопросы мало его интересовали въ его собственныхъ ученыхъ трудахъ. Не перечисляя этихъ замѣтокъ, укажу на нѣкоторыя, которыя, дѣйствительно, могутъ ввести въ заблужденіе или поставить въ затруднительное положеніе начинающаго изслѣдователя, которому каталогъ долженъ „дать путеводную нить къ изслѣдованіямъ и обобщеніямъ" (выражаясь словами самого покойнаго автора). Такъ, въ № 1775 (Ув. 151) сообщается, что житіе Николая Чудотворца въ *первый разъ* отпечатано въ *Москвѣ* (отд. XVII, стр. 21), при чемъ годъ не указанъ; на дѣлѣ же старшее намъ извѣстное изданіе явилось въ *Кіевѣ* въ 1638 г. 4°, а въ Москвѣ сдѣлано уже второе въ 1641 г. 4° [34]). Апокрифическое „Слово Исаіи о послѣднихъ лѣтехъ съ рыданіемъ и слезами" названо, неизвѣстно почему, апокрифомъ XVI в. (№ 1776, (Ув. 206)

---

[32]) О Хронографахъ см. выше; здѣсь къ сожалѣнію, бросается въ глаза странное опредѣленіе редакцій: «Хроногр. редакція 1601 г.» онъ же оказывается 3-й ред. (по А. Н. Попову), (т. III, стр. 48), «Хрон. ред. 1599 г.», онъ же 3-й ред. (№ 1362, Ув. 23) и т. д.

[33]) Несомнѣнно, эти замѣтки нужно поставить въ связь съ статьей о. Леонида «Свѣдѣнія о славянскихъ и русскихъ переводахъ патериковъ различныхъ наименованій»... (Чтенія Общ. Ист. и Древн. 1890 г. кн. IV); ср. «Два памятника древне-русской кіевской письменности XI—XII вѣковъ», его же (тамъ же, кн. II); см. выше стр. 94.

[34]) *В. Сопиковъ*, «Опытъ библіографіи» I, 3 (№ 14 и 15); *И. Каратаевъ*, «Описаніе»... (Спб. 1883), № 483 и 504.

нѣйшей эпохи нашей церковной исторіи и начальной славянской литературы, преимущ. X в. въ Болгаріи. Этимъ вопросамъ и посвящена преобладающая масса замѣчаній автора. А эти вопросы какъ разъ интересовали его въ послѣдній періодъ жизни; это были его изслѣдованія объ инокѣ Григоріи, современникѣ Симеона—книголюбца, царя болгарскаго [27]), о княгинѣ Ольгѣ [28]), о житіи и сказаніи о пренесеніи мощей свят. Николая [29]). Такъ, о. Леонидъ нигдѣ не упускаетъ случая отмѣчать связь описываемой статьи съ дѣятельностью инока Григорія, разъ къ этому представляется случай; таковы его замѣтки при № 1303 (Ув. 516; отд. XIV, стр. 7—9) о связи Толковой Палеи съ литературнымъ движеніемъ X в. въ Болгаріи и въ частности съ дѣятельностью Григорія инока, будто „Толковая Палея переведена, или точнѣе сказать, составлена въ Болгаріи въ X вѣкѣ“, и что „составителемъ ея былъ инокъ Григорій“ [30]). Тому же Григорію приписывается переводъ сочиненія Сильвестра и прав. Антонія о св. Троицѣ, служившаго источникомъ для т. н. Криницы при Амартолѣ (№ 1801 (Ув. 786), отд. XVII); по поводу Еллинскаго лѣтописца I-й ред. сообщается, что прототипъ его находится въ хронографѣ Сборника (съ I. Малалой) Арх. Ин. Д., составленномъ инокомъ Григоріемъ (№ 1334 (Ув. 10), т. III, стр. 26), которому въ другомъ мѣстѣ (№ 130 (Ув. 191), отд. II, стр. 79) приписано сокращеніе Шестодневца I. Экзарха. Наконецъ, при описаніи „Пчелы“ Максима и Антонія, переведенной въ Дермани въ 1599 г., опять напоминается о переводѣ „Пчелы“ инокомъ Григоріемъ [31]). (№ 392 (Ув. 21; Цар. 347; отд. VI, стр. 526). Точно также обильны замѣчанія, подтверждающія мысль о. Леонида о составленіи Ефремомъ Переяславскимъ (ок. 1091 г.) сказанія о перенесеніи мощей Николая Чудотворца и установленіи этого праздника у насъ и въ Болгаріи: см. № 727 (Ув. 134; отд. X, стр. 106), № 861 (Ув. 341; отд. X, стр. 150),

---

27) См. его статью «Древняя рукопись» въ № 4. Русск. Вѣстн. 1889 г., по поводу Сборника XV в. Арх. Мин. Ин. Д.

28) Въ «Русской Старинѣ» 1888 г. LIX, 210; «Кіевская Старина» 1889 г., № 10.

29) Издано въ Пам. Общ. Любителей Древн. Письменности LXXII (1888 г.).

30) Гипотеза эта весьма интересна, хотя, надо сознаться, и весьма мало доказана (см. т. IV, стр. 8).

31) Это послѣднее замѣчаніе основано на недоразумѣніи. «Пчела», описанная подъ указаннымъ N., дѣйствительно, переведена въ 1599 г. съ печатнаго латино-греческаго изданія 1546 года (См. *П. Безсонова* «Книга Пчела», стр. XXII и сл., гдѣ идетъ рѣчь и приводятся выписки какъ разъ изъ отмѣчаемаго нами списка). Также мало связи съ дѣятельностью инока Григорія имѣетъ и древняя обще-извѣстная «Пчела» (изд. *В. Семенова*, Спб. 1893). «Пчела», оглавленіе которой сохранилось въ сборникѣ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ (на него ссылается о. архимандритъ), предоставляетъ *особый* переводъ, съ *особой* греческой редакціи. Судя по словамъ о. Леонида, можно подумать, что эту «Пчелу» онъ отождествляетъ съ описываемой имъ «Пчелой» (1599 г.).

Невоструевымъ въ „Описанія Синодальной библіотеки". Въ этомъ случаѣ о. Леонидъ былъ отчасти правъ: во первыхъ, по самому своему свойству, всякій *каталогъ* имѣетъ цѣлью *прежде всего* дать намъ пособіе для ознакомленія съ рукописнымъ матеріаломъ собранія, *затѣмъ* уже дать намъ руководство для самостоятельной разработки матеріала по тому или другому спеціальному вопросу, матеріала, извлеченнаго изъ рукописей; первое—главное—вполнѣ достигнуто о. Леонидомъ, второе—во многихъ случаяхъ: благодаря ему, мы имѣемъ возможность ознакомиться легко съ массой разнообразнаго матеріала Уваровскаго собранія, а также иногда и найти исходную точку для оцѣнки его, хотя въ немногихъ сравнительно, но вполнѣ опредѣленныхъ указаніяхъ, которыми онъ иногда сопровождаетъ описаніе. Во вторыхъ, описать вновь около 1500 рукописей, въ такое при томъ краткое время,—подвигъ, который и выполнить нельзя было иначе, какъ съузивъ, елико возможно, свой планъ, что̀ и сдѣлалъ о. Леонидъ [26]): тогда только подобная быстрота, изумительная сама по себѣ, не принесетъ существеннаго вреда самому труду.

Что касается того, какъ выполнилъ свой планъ арх. Леонидъ, то можно съ увѣренностью сказать, что онъ выполненъ довольно удачно: стремясь прежде всего къ полнотѣ и точности, о. архимандритъ не только описалъ изъ статьи въ статью всѣ выпавшія на его долю рукописи (см. особенно отдѣлъ XVII—Сборники), но въ то же время нашелъ возможнымъ отпечатать нѣсколько отрывковъ, наиболѣе важныхъ съ его точки зрѣнія, напр., въ № 1871 (Ув. 7.—Отд. XVII, 210) о пребываніи Петра Великаго въ Троицкой Лаврѣ въ 1689 г., предисловіе къ святцамъ XVII в. (№ 685 (Ув. 182)—Отд. X, 56), сказаніе о княг. Ольгѣ, житіе Θеодосія Печ. (томъ IV, стр. 549 и сл.) и т. д. Помимо этого, онъ даетъ весьма часто оцѣнку и высказываетъ свои взгляды по поводу того или другаго памятника или статьи. Эти замѣтки, брошенныя то тамъ, то сямъ, обращаютъ на себя вниманіе не только по своему научному интересу, но и по интересу къ личности ихъ автора. Въ нихъ, если мы ихъ соберемъ, поневолѣ бросается въ глаза одна особенность: онѣ не разнообразны по темамъ, а, наоборотъ, группируются по немногимъ вопросамъ изъ древней литературы и главнымъ образомъ исторіи, вопросамъ, которые стоятъ въ непосредственной связи съ другими работами покойнаго ученаго. Не имѣя въ виду приводить литературы по различнымъ, многочисленнымъ вопросамъ, возбуждаемымъ разными статьями рукописей, о. Леонидъ, какъ бы невольно, роняетъ замѣтки по вопросамъ древ-

[26]) Вспомнимъ что А. Х. Востоковъ проработалъ надъ описаніемъ 473 рук. гр. Румянцева 18 лѣтъ (съ 1824 г. до 1842), хотя нельзя не сказать, что въ этотъ періодъ А. Х. Востоковъ былъ занятъ и другими важными трудами (см. Переписку Востокова С.-Пб. 1873).

Минея 1550—1552 (сербо-болгарская, по Востокову, стр. 205—206) названа безъ всякихъ объясненій просто болгарской (см. № 848, отд. X, стр. 140—144) и т. д. Точно также желательно было найти объясненіе, по крайней мѣрѣ мотивировку, нѣкоторыхъ разногласій между о. Леонидомъ и Востоковымъ въ опредѣленіи рукописей; напр., Служебникъ № 623 (Ув. 574; отд. X, стр. 7—8) у Востокова отмѣченъ „*XVI или XVII вѣкомъ*“ и писаннымъ „*на лощеной бумагѣ*“ (стр. 107), а у о. Леонида,—*XVI в.* и писаннымъ *на бомбицинѣ* [21]); также Октоихъ № 740 (Ув. 499; отд. X, стр. 110—111) отнесенъ къ XVI в., тогда какъ у Востокова (стр. 106—107) онъ отнесенъ къ XVII-му.

Несмотря, впрочемъ, на указанные недочеты и желаемыя исправленія, описаніе Норовской коллекціи, находимое въ *Систематическомъ описаніи*, въ значительной степени достигаетъ своей цѣли, давая намъ всегда болѣе полныя описанія интересныхъ рукописей; т. о. за описаніемъ Востокова остается значеніе только дополненія къ описанію, сдѣланному архим. Леонидомъ.

Наконецъ, чтобы покончить съ пособіями, бывшими въ распоряженіи о. Леонида, остается упомянуть о нотныхъ рукописяхъ богослужебныхъ книгъ (отд. XI): какъ и при описаніи рукописей каноническаго содержанія, добросовѣстный авторъ *Систематическаго описанія* обратился за помощью къ спеціалисту—покойному теперь о. Д. В. Разумовскому, которому и принадлежитъ описаніе почти всѣхъ нотныхъ рукописей (т. II, стр. 183).—Остальныя рукописи, сколько можно судить, описаны о. Леонидомъ вполнѣ самостоятельно, и здѣсь лучше всего можно видѣть, какъ понималъ онъ свою задачу. Присматриваясь къ описанію этихъ рукописей, можно замѣтить, что взглядъ о. Леонида и здѣсь былъ близокъ ко взгляду Строева, который имѣлъ въ виду дать прежде всего отчетъ о матеріалѣ, заключающемся въ собраніи, не находя нужнымъ обрабатывать этотъ матеріалъ сравненіями съ аналогичнымъ другихъ собраній и изданій, не расширяя описанія многочисленными выписками [25]); иначе сказать: ни П. М. Строевъ, ни о. Леонидъ не имѣли въ виду дѣлать изъ своего описанія ученаго труда и изслѣдованія сокровищъ, скрытыхъ въ рукописяхъ, какъ это дѣлали, напр. А. Х. Востоковъ въ „Описаніи Румянцевскаго музея“ или А. В. Горскій съ К. И.

---

[21]) Бомбицина— матеріалъ довольно рѣдкій для рукописей, особенно славянскихъ, какъ переходный матеріалъ между пергаминомъ и бумагой, и встрѣчается преим. въ XIII—XIV в.; для XVI в. бомбицина—фактъ сомнительный; а если она, если вѣрить о. Леониду, и употреблена въ XVI в., то это будетъ величайшей рѣдкостью; въ такомъ случаѣ желательно бы имѣть доказательства, что рукоп., дѣйствительно, бомбицинная и что, дѣйствительно, писана въ XVI вѣкѣ.

[25]) Рукописи И. Н. Царскаго, стр. IV.

рова, служило описаніе этихъ рукописей, сдѣланное А. Х. Востоковымъ [21]). Къ своему пособію о. Леонидъ въ этомъ случаѣ отнесся иначе, нежели къ описанію Строева. Всѣ рукописи, поступившія изъ коллекціи А. С. Норова въ библіотеку гр. Уварова [22]), тщательно пересмотрѣны о. Леонидомъ, при чемъ взятое изъ описанія Востокова дополнено, отчасти измѣнено; такъ, № 57 (Ув. 479; отд. I, 28—30)—четвероевангеліе—описанъ подробнѣе, чѣмъ у Востокова (стр. 105), записи паломниковъ, интересныя сами по себѣ, приведены всѣ, тогда какъ у В. только нѣкоторыя; ту же обстоятельность мы видимъ въ № 848 (Ув. 535) Минеѣ праздничной; въ № 11 (Ув. 808—псалтирь) цѣликомъ приводятся записи паломниковъ, у В. только указанныя; въ № 973 (Ув. 70)—Прологѣ XIII в. (отд. XII, 289—291; Востокова, стр. 102—104) добавлено сказаніе объ Андреѣ ап. по этому списку, и т. д. Т. о. описанія Леонида съ выгодой дополняютъ описанія Востокова. Но замѣнить ихъ никоимъ образомъ они не могутъ, такъ какъ о. Леонидъ, какъ не спеціалистъ по языку и преимущественно историкъ, мало, къ сожалѣнію, придавалъ значенія въ описаніи этихъ рукописей замѣткамъ о языкѣ, тогда какъ А. Х. Востоковъ, наоборотъ, обращалъ особенное вниманіе на языкъ этихъ замѣчательныхъ рукописей. Въ виду этого о. Леонидъ или вовсе выпускалъ замѣчанія о языкѣ, или давалъ эти свѣдѣнія мимоходомъ и не всегда удачно; тѣмъ же объясняется его невниманіе къ самымъ цитатамъ, въ которыхъ онъ иногда до неузнаваемости измѣнялъ правописаніе и формы. Для примѣра привожу одну цитату изъ болгарскаго ев. XIII в. (№ 38 (Ув. 289), отд. I, стр. 19).

Во врѣмѧ оно Пріиде иѡсифъ отъ Аримофеѧ благообрази свѣтникъ (Леонидъ, стр. 19).	Въ врѣмѧ ѡно пріде иѡсифь ѿ аримаѳѣѫ блгоѡбразныи свѣтникъ (Вост., стр. 99).

Въ упомянутомъ № 11 (Ув. 808) опущена замѣтка о языкѣ, весьма характерная для рукоп., о смѣнѣ ъ и ь, въ № 973 (Ув. 70)—о смѣнѣ п и ф, въ № 55 (Ув. 480; Ев. болг. XIII—XIV в.) о смѣнѣ у и в; вм. приведенныхъ Востоковымъ, дѣйствительно, важныхъ для характеристики языка и письма Іѫ и Іѧ [23]), указано только употребленіе Іѧ и ѧ;

---

[21]) См. выше, прим. 5.

[22]) Всѣхъ ихъ было 13 (и 5 печатныхъ изданій), какъ сообщаетъ А. Х. Востоковъ (о. с. стр. 96, по изд. А. Н. Пыпина). Въ каталогъ о. Леонида не вошли (сколько я могъ замѣтить) двѣ изъ Норовскихъ рукописей: Тріодь Цвѣтная 1374 г. (у Востокова, стр. 102, № V) и Сборникъ, ок. 1653 г. (тамъ же, стр. 108, № XIII). Поступили ли онѣ въ собраніе гр. Уварова?

[23]) Ср. Востокова, стр. 104 (Леонида I, 66—67; № 108). Точно также въ этой рук., равно какъ въ № 38 (Ув. 289; отд. I, стр. 19), опущены замѣтки о простыхъ аористахъ (Вост., стр. 99).

димъ опредѣленіе редакцій по упомянутому труду А. Н. Попова. Тоже видимъ и относительно путешествія Василія Познякова: въ описаніи текста въ № 1817 (Ц. 393; Ув. 530), взятомъ изъ Строева, (стр. 452), видимъ ссылку только на I, 214 библ. Общ. Исторіи и Древностей; въ № 1785 (Ув. 127), описанномъ самимъ Леонидомъ, находимъ уже указаніе на изданіе этого путешествія И. Е. Забѣлинымъ (Чтенія 1884 г., кн. I). Наконецъ, тому же довѣрію къ исправности Строева, уже не вполнѣ удовлетворительной въ наше время, обязаны мы недочетами въ описаніи сборника № 1772 (т. IV, стр. 13—18): описаніе Строева (№ 362, стр. 346—347), составленное до выхода въ свѣтъ изслѣдованія О. М. Бодянскаго „Славяно-русскія сочиненія въ пергаменномъ сборникѣ И. Н. Царскаго“ (Чтенія, кн. 7-я 1848 г.), исказило правописаніе рукописи, не совсѣмъ точно привело заглавія статей [19]), и опустило въ описаніи статью сборника (л. 301—310—Сказаніе рускоє митроп. блжнаго папы леонта єпістолиіа—изд. у Бодянскаго, о. с., стр. д.). Всѣ эти ошибки и пропускъ перешли въ *Описаніе* о. Леонида, который упустилъ изъ виду и статью О. М. Бодянскаго.

Но въ то же время нельзя не отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ, и довольно частыхъ, случаяхъ о. Леонидомъ описанія Строева были провѣрены, дополнены и исправлены; это замѣтно, главнымъ образомъ, въ описаніяхъ тѣхъ рукописей, содержаніе которыхъ, повидимому, интересовало особенно покойнаго археолога [20]). Такъ, особенно много важныхъ дополненій внесено въ описаніе Строева при разборѣ текстовъ евангелій (отд. I, см. № 41, 42, 45, 46), гдѣ съ полнымъ сознаніемъ важности предмета подробно описываются: внѣшній видъ рукописи, синаксари евангелій, приписки (ср. Царскаго, №№ 59—62). Въ № 357 (Ув. 32; Ц. 582) описаніе Строева дополнено замѣчаніемъ о связи „Старчества“ съ дѣятельностью Нила Сорскаго и его учениковъ (I т., стр. 515); въ описаніи Пчелы (№ 392; Ц. 347; Ув. 21) дана важная замѣтка объ исторіи ея перевода на славянскій языкъ. Наконецъ въ описаніи кормчихъ (отд. IX, № 554 (Ув. 124; Ц. 212)—559 (Ув. 329), въ I т., стр. 603 и 625) о. Леонидъ воспользовался для дополненія Строева замѣчаніями спеціалиста по каноническому праву проф. А. С. Павлова, внеся, кромѣ того, ссылки и справки по трудамъ послѣдняго.

Вторымъ отличнымъ пособіемъ для о. Леонида при описаніи рукописей, поступившихъ въ Порѣцкую библіотеку изъ коллекціи А. С. Но-

---

[19]) Рукоп. читаетъ: прѣсвѣтлое; Строевъ: пресвѣтлое; прѣставлены — преставлены; христіанескъ — христіанскый; Кб же днь—Въ той же день; збръ—сборъ и т. д. (см. Бадянскаго о. с. р. V).

[20]) Эта черта нашла себѣ отраженіе и въ другихъ частяхъ Описанія, о чемъ рѣчь ниже.

Уже изъ самаго положенія Уваровскаго собранія, составившагося въ первой своей трети изъ собранія И. Н. Царскаго, ясно, что для о. Леонида однимъ изъ крупнѣйшихъ пособій должно было быть описаніе П. М. Строева. Дѣйствительно, сравнивъ описанія послѣдняго съ находимыми въ *Описаніи* о. Леонида, видимъ, что архим. Леонидъ воспользовался этимъ описаніемъ вполнѣ: онъ въ значительномъ большинствѣ номеровъ, описанныхъ Строевымъ, ограничился почти буквальной перепечаткой изъ этого послѣдняго, сдѣлавъ, разумѣется, нѣкоторыя измѣненія; благодаря этому, въ сноскахъ на рукописи или статьи, аналогичныя описываемой данной рукописи, находимъ ссылку на собраніе Царскаго, изрѣдка только на № или статью по *Описанію* самого Леонида: всѣ эти ссылки взяты изъ тщательно составленнаго каталога П. М. Строева). Поэтому же и ссылки на литературу (изданія и изслѣдованія) того или другаго текста имѣютъ для рукописей гр. Уварова, перешедшихъ изъ собранія Царскаго, значеніе относительное, давая указанія на то, чтò было напечатано до 1848 г. (годъ изданія каталога Строева). Поэтому же въ новомъ *Описаніи* оказались повторенными иногда недостатки стараго описанія Строева. Вотъ нѣсколько примѣровъ: въ описаніи полууставнаго сборника XV в. (Отд. XVII, № 1171; Уварова 510, Царскаго 363; см. Строева, стр. 352) осталось такое неудобное опредѣленіе языка рукописи: „рукопись южно-славянская (*Сербская? Болгарская?*), очень примѣчательная“. Та же неточность, м. б., осталась, благодаря каталогу Строева, въ псалтири XVI в. (отд. X, № 672; Ув. 90; Ц. 340): „этотъ (т. е. съ записью 1537 г.) листъ (*и еще нѣкоторые?*) вставленъ изъ другой псалтири“ (описаніе т. II, стр. 49; Строева стр. 328). Вопросъ о названіи рукописи № 632 (Увар. 563; Ц. 730) Требникомъ или Служебникомъ, не рѣшенный Строевымъ, остался не разрѣшеннымъ и у о. Леонида (отд. X, стр. 12) [18]). Подъ № 1339—1346 (Ц. 641—646; 648—649) описанъ рядъ хронографовъ, при чемъ редакціи рукописей не отмѣчены потому, что во время работъ Строева не было еще труда А. Н. Попова „Обзоръ хронографовъ“ (М. 1866 и 1869 г.); наоборотъ, въ рукописяхъ хронографовъ, не вошедшихъ въ описаніе Строева и впервые описанныхъ о. Леонидомъ (№ 1347; Увар. 7 — 1364; Ув. 118), вездѣ уже нахо-

---

[18]) Вопросъ о различеніи названій этихъ двухъ богослужебныхъ книгъ въ старой письменности, дѣйствительно, не легокъ, въ виду отсутствія яснаго представленія объ особенностяхъ состава той и другой книги въ самой древней литературѣ. Кажется, одно можно видѣть: разъ рукопись *называлась* служебникомъ, въ ней *обязательно* д. были быть чинъ или чины литургіи; въ требникѣ же они необязательны. Въ № 632—литургія есть; т. о. скорѣе можно назвать рукопись Служебникомъ, нежели Требникомъ.

Начавъ съ пріобрѣтенія рукоп. Царскаго, гр. Уваровъ энергично продолжалъ собираніе рукописей: въ 1858 у него было уже до 1700 экземпляровъ [11]). За нимъ слѣдовало собраніе рукописей небольшое, но цѣнное (13 штукъ), А. С. Норова, покупавшаго ихъ во время своего путешествія въ Палестину (въ 1834—35 г.), описанное тогда же (въ 1836 г.) А. Х. Востоковымъ [12]). Далѣе пріобрѣтены были рукоп. И. П. Сахарова, Хлѣбникова [13]) и цѣлый рядъ отдѣльныхъ номеровъ, покупавшихся для А. С. Уварова его коммиссіонерами. Т. о. къ 1885 году, началу труда о Леонида, собраніе заключало до 2250 экземпляровъ [14]), изъ которыхъ было описано только около 770 (рук. Царскаго и Норова). На долю о. Леонида пришлось описаніе около 1500 рук. вновь [15]).

Планъ описанія, принятый покойнымъ архимандритомъ, былъ таковъ: а) рукописи раздѣлены по *содержанію* (на 18 отдѣловъ); б) въ началѣ каждаго отдѣла „Общія замѣчанія", заключающія въ себѣ общее обозрѣніе отдѣла, перечень рукописей съ годами, рукописей на пергаминѣ и бомбицинѣ (стало быть, остальныя—на бумагѣ); в) указатель *къ каждому* или *нѣсколькимъ* отдѣламъ вмѣстѣ въ концѣ ихъ; г) въ концѣ всего *Описанія* присоединена параллельная таблица NN настоящаго описанія сравнительно съ описаніемъ Строева; д) при каждой рукописи въ самомъ *Описаніи,* кромѣ рядоваго номера, отмѣчены NN по Строеву и по инвентарному каталогу библіотеки; наконецъ, е) ко второму тому присоединены „Свѣдѣнія о древнихъ пергаминныхъ рукописяхъ русскаго письма XI—XIV вѣковъ, относящихся по своему содержанію къ X—XII отдѣламъ настоящаго *Описанія*, съ показаніемъ, въ какой изъ Московскихъ и Петербургскихъ библіотекъ оныя находятся" [16]); такія же свѣдѣнія присоединены и къ первому тому (отд. I—III, V и IX) [17]),

---

11) *М. И. Сухомлиновъ*. Рукописи графа А. Уварова, т. II вып. I, стр. III.

12) *А. Х. Востоковъ*. „Описаніе Норовскихъ рукоп.", стр. 96.

13) По счету у о. Леонида (въ началѣ каждаго отдѣла описанія), отъ И. Н. Сахарова поступило 64 рук., отъ Хлѣбникова 20 рукописей.

14) *О. Леонидъ*. Систематическое описаніе, стр. V.

15) Неизвѣстно, къ сожалѣнію, въ чемъ заключались и до чего доведены были работы самого гр. Уварова, предпринявшаго описаніе „памятниковъ историческихъ" одновременно съ М. И. Сухомлиновымъ (см. пр. 11), о чемъ сообщается о. Леонидомъ (т. I, стр. IV—V).

16) Въ этихъ отдѣлахъ описаны: богослужебныя и нотныя церковныя книги, синодики и житія святыхъ. Въ присоединенномъ перечнѣ, къ сожалѣнію, встрѣтился недосмотръ: извѣстный Сильвестровскій сборникъ XIV в. (половина котораго хранится въ Москвѣ въ Типографской библіотекѣ, а другая половина въ библіот. С.-Петерб. Александро-Невской лавры) значится *два раза* находящимся въ Московской *Синодальной* библіотекѣ.

17) Судя по способу цитировки, для этихъ указателей, кажется, источникомъ служилъ трудъ *И. И. Срезневскаго* „Древніе памятники русскаго письма и языка" (2-е изд. С.-Пб. 1882). Отсюда, повидимому, перешла и ошибка, указанная въ предъидущ. прим. (ср. Срезневскаго о. с. 112)

Бодянскаго [6]), Сухомлинова [7]), Погодина, Буслаева, Тихонравова, Ключевскаго и мн. др.. Т. о. описатель рукописей имѣлъ предшественниковъ, которые должны были облегчить ему дѣло описанія. Съ другой стороны эта помощь и осложняла дѣло, увеличивая количество чисто библіографическаго труда, такъ какъ обязывала о. Леонида розыскивать, подводить эти указанія, дѣлать постоянныя справки и т. д.. Во всякомъ случаѣ, какъ видно уже изъ введенія, цѣль описанія была чисто библіографическая, сама по себѣ скромная: „ознакомить любителя русской старины съ богатымъ частнымъ собраніемъ и дать путеводительную нить къ изслѣдованіямъ и обобщеніямъ въ области древней русской письменности молодому поколѣнію“ (стр. VII). Съ этой точки зрѣнія и приходится оцѣнивать трудъ арх. Леонида. Но онъ далъ, или по крайней мѣрѣ желалъ дать, повидимому, и болѣе: „это *Описаніе* должно явить міру и все богатство, всю высоту духа составителя *Описанія*: обиліе и обширность его познаній, его тонкій критицизмъ, его любовь къ народности русской и т. д.“ [8]). Т. о., мы не вправѣ видѣть въ этомъ трудѣ только труженика, описывающаго объективно статью за статьей многочисленныя рукописи и дающаго библіографическія справки, ведущія „къ изслѣдованіямъ и обобщеніямъ“: мы должны, кромѣ того, считаться съ мнѣніями крупной ученой силы, какой, несомнѣнно, былъ покойный Леонидъ.

Т. о., вотъ главныя положенія, на которыхъ мы должны строить нашу оцѣнку.

„Твердое основаніе Порѣцкому собранію положено было пріобрѣтеніемъ у наслѣдниковъ извѣстнаго собирателя старины, Московскаго почетнаго гражданина И. Н. Царскаго, († 1853) его богатаго собранія рукописей, состоявшаго въ ту пору изъ 760 №№ [9]), изъ коихъ 750 имѣли уже описаніе“ (т. I, стр. IV). Эти 750 №№ были описаны П. М. Строевымъ, описаніе котораго вышло въ 1848 г. Въ концѣ своего введенія описывавшій выразилъ желаніе: „ревностный и почтенный собиратель да упрочитъ свое собраніе навсегда *цѣлымъ* и да не погибнетъ оно подобно многимъ частнымъ библіотекамъ, отъ которыхъ остались только каталоги или безкаталожная недолговѣчная память“ [10]). Это желаніе ученаго описателя выполнилъ, т. о., графъ А. С. Уваровъ.

---

[6]) Славяно-русскія сочиненія въ пергаменномъ сборникѣ И. Н. Царскаго (Чтенія О. И. и Д. кн. 7 1848 года).

[7]) Рукописи графа А. Уварова, т. II, вып. I (сочиненія Кирилла Туровскаго) (С.-Пб. 1858).

[8]) „Памяти отца намѣстника Леонида“..., стр. 345.

[9]) Едва-ли вѣрна эта приводимая о. Леонидомъ цифра: „сверхъ того, говоритъ Строевъ, (т. е. 750 описанныхъ) собиратель имѣетъ *десятка три или болѣе* рукописей, пріобрѣтенныхъ имъ послѣ отпечатанія всего каталога“. (Рукописи Царскаго, стр. III).

[10]) *Строевъ*. „Рукоп. Царскаго“, стр. V.

Пожалѣть можно только о томъ, что издатели вазы, имѣвшіе случай изучать подлинный рисунокъ, такъ мало помогаютъ своимъ описаніемъ технической стороны памятника тому, чтобы эти заключенія могли быть поставлены на еще болѣе прочную почву.

А. Шварцъ.

II

Собраніе рукописей графа А. С. Уварова *).

Давно уже, чуть ли не съ 1885 г., начали распространяться среди ученыхъ круговъ Москвы, а затѣмъ и далѣе, слухи, что готовится новое описаніе собранія рукописей покойнаго графа А. С. Уварова. Слухи эти подтвердились и печатными извѣстіями: въ обширномъ некрологѣ умершаго 22 окт. 1891 г. архимандрита Леонида, составленномъ его сотрудникомъ проф. И. Корсунскимъ, сообщенъ былъ краткій планъ *„Систематическаго описанія славяно-русскихъ рукописей собранія графа А. С. Уварова“* [1]), при чемъ былъ указанъ и громадный объемъ собранія, такъ же какъ и *Описанія*, было отмѣчено и то, что совершенъ былъ этотъ трудъ въ рукописи еще въ 1888 г. [2]), т. е. приблизительно въ три года. Этотъ громадный трудъ, роскошно изданный гр. П. С. Уваровой—описаніе 2250 рукоп.—законченъ былъ печатаніемъ и явился въ свѣтъ 5—6 лѣтъ спустя: послѣдній (4-й) томъ его отмѣченъ 1894-мъ годомъ [3]). Этими библіографическими данными опредѣляется отчасти не только громадная быстрота работы и величина подвига покойнаго архимандрита, но и самый характеръ всего *Описанія*, его достоинства и недостатки. Въ значительной степени эта сторона *Описанія* объясняется и исторіей самого собранія гр. Уварова: собраніе настолько извѣстно и доступно ученымъ, что нѣкоторыя части его давно уже были описаны, многое изъ него было изслѣдовано, издано. Такъ съ этимъ собраніемъ связаны имена П. Строева [4]), Востокова, Пыпина [5]),

---

*) *Систематическое описаніе рукописей собранія графа А. С. Уварова* (М. 1893—94 г.) gr. 8°. т. I—VII+8+694; т. II—577; т. III—363; т. IV—562 стр. Ц. 15 р. с.

[1]) Памяти отца намѣстника Леонида... Импер. Московск. Арх. Общ. (М. 1893), стр. 343—345.

[2]) Предисловіе, дѣйствительно, подписано октябремъ этого года (I томъ, стр. VII).

[3]) Первый—1893 годомъ.

[4]) Рукописи славянскія и россійскія, принадлежащія... И. Н. Царскому (М. 1848).

[5]) Описанія рукописей А. Х. Востокова (Уч. Зап. И. Ак. Н. кн. II, отд. III, стр. 96 и сл.; переизданы А. Н. Пыпинымъ изъ Ж. М. Н. П. 1836 г., ч. XI (II), стр. 529.

и Дурида, слѣдовавшихъ за Эпиктетомъ, къ эпохѣ отъ 500—450 г. [10]) или, вмѣстѣ съ Ад. Фуртвенглеромъ, отодвигать время ихъ дѣятельности до 510—470 г., не подлежитъ однако сомнѣнію, на основаніи черепка краснофигурной вазы, найденнаго недавно въ Мараѳонскомъ курганѣ [11]), что около 490 года стиль мастеровъ, группировавшихся около Эпиктета, уже уступилъ мѣсто новой манерѣ и что эпоха процвѣтанія расписныхъ киликсовъ въ это время уже наступила.

Даже допуская, поэтому, что гидріи съ красными фигурами вообще появляются позже другихъ красно-фигурныхъ сосудовъ, вполнѣ признавая и значительное достоинство изображеннаго на нашей вазѣ рисунка, мы все-таки, принимая во вниманіе всю совокупность сдѣланныхъ наблюденій, должны будемъ утверждать, что возникновеніе ея надо относить ко времени около 500 г. до Р. Хр. [12]).

Для оцѣнки историческаго значенія изображеннаго на ней рисунка интересъ этого вывода, я полагаю, понятенъ.

Лица, знакомыя съ изображеніями бородатаго Гермеса на вазахъ, хотя бы по таблицамъ извѣстнаго собранія А. Конце [13]), могутъ безъ труда усмотрѣть, какъ удачно пополняется извѣстная уже серія этихъ, въ общемъ довольно грубыхъ изображеній, именно нашимъ рисункомъ. Мы находимъ въ немъ, безспорно, наиболѣе прекрасный типъ этого Гермеса въ томъ именно видѣ, какъ онъ представлялся художникамъ-аттикамъ времени *строгаго* стиля, и это обогащеніе нашихъ свѣдѣній по исторіи означеннаго божескаго типа не можетъ не быть привѣтствуемо съ особеннымъ удовольствіемъ.

---

10) Особенно точная хронологія этихъ художниковъ, по которымъ довольно удобно затѣмъ группируются и другіе, основывается, какъ извѣстно, на двухъ положеніяхъ: 1) на томъ что среди черепковъ вазъ, находимыхъ среди развалинъ зданій, разрушенныхъ персами, уже находятся такіе, которые свидѣтельствуютъ о полномъ развитіи стиля этихъ художниковъ во время персидскаго нашествія; 2) что упоминаемые на вазахъ нѣкоторыхъ изъ этихъ мастеровъ любимцы ихъ Леагръ и Главконъ могутъ быть отожествлены съ стратегомъ Леагромъ, павшимъ въ 467, и сыномъ его Главкономъ, который, въ свою очередь, былъ стратегомъ при Керкирѣ въ 433/32 году. Упомянутая въ текстѣ разница между датированіемъ Гартвига и Фуртвенглера зависитъ, слѣдовательно, отъ того, къ какому году они относятъ процвѣтаніе Леагра и Главкона какъ *παῖδες καλοί* (Ср. A. Furtwängler, Berlin. philolog. Wochenschrift 1894, № 4, S. 109).

11) Athen. Mittheil. 1893, Taf. 5, 2.

12) Нельзя не напомнить, что въ той же могилѣ найдено было нѣсколько обломковъ другихъ вазъ и среди нихъ одна ойнохоя съ *черными* фигурами. По показанію Отчета, рисунокъ ея архаическій и, судя по описанію его остатковъ, этому, кажется, можно повѣрить. Встрѣча этого рода вазы, столь рѣдкая въ Крыму, опять таки указываетъ на время, когда еще въ ходу были сосуды разной техники. Вѣроятно, и сама вновь раскопанная могила относится еще къ 5 вѣку.

13) A. Conze, Heroen-und Göttergestalten d. gr. Kunst, Taf. 70 и 71. Интересный образчикъ этого типа вазовыхъ рисунковъ можно найти и въ доступномъ пособіи Max. Collignon, Mythologie figurée de la Grèce. Paris (bibliothèque Quantin), p. 119.

эпохѣ полнаго разцвѣта уже свободнаго творчества, которая теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ историковъ греческаго искусства. Въ настоящее время, конечно, удалось прослѣдить различныя ступени въ развитіи собственно живописной техники исключительно на киликсахъ, т. е. въ той группѣ глиняныхъ сосудовъ, на которой, какъ думаютъ, съ легкой руки Клейна, археологи, сосредоточивалась главнымъ образомъ дѣятельность горшечниковъ того времени; но нѣтъ сомнѣнія, что и на другихъ родахъ ихъ произведеній, какъ это доказываютъ выше названныя амфоры, развитіе это шло тѣмъ же путемъ. И если даже допустить справедливость сдѣланнаго Клейномъ [7]) замѣчанія, что на гидріяхъ вообще болѣе всего сказывалось противодѣйствіе новому направленію; если даже думать, что старинныя формы ихъ, равно какъ и стиль ихъ рисунковъ сталъ мѣняться только въ самомъ концѣ этого періода: то все же надо думать, что, коль скоро черныя фигуры на нихъ стали замѣняться красными, и на нихъ должны были неизмѣнно повториться тѣ же опыты, которые дѣлались на вазахъ иныхъ формъ и наименованій.

Вновь найденная керченская ваза можетъ, мнѣ кажется, служить нагляднымъ подтвержденіемъ этого заключенія и, конечно, это своеобразное и свободное размѣщеніе на ней рисунка нисколько не менѣе, чѣмъ отмѣченная подробность въ нарядѣ Гермеса или прекрасная черная полива [8]), обратившая на себя особенное вниманіе даже автора Отчета, свидѣтельствуетъ въ пользу того, что относить нашу вазу слѣдуетъ какъ разъ къ концу этого періода.

Тонкій профиль лица Гермеса, правда, скорѣе напоминаетъ изящныя очертанія болѣе развитой манеры позднѣйшаго художника Бригоса и, во всякомъ случаѣ, позволяетъ заключать о значительномъ шагѣ впередъ, сдѣланномъ живописцами направленія Эпиктета; но если обратить вниманіе на довольно старомодное изображеніе зрачка въ глазѣ Гермеса и на слабыя еще обозначенія мускулатуры, то, я думаю, будетъ безопаснѣе, принимая въ соображеніе всѣ другія особенности керченской вазы,—насколько о нихъ можно судить по рисунку Отчета,—искать художника, расписавшаго вазу, среди младшихъ послѣдователей именно послѣдняго мастера.

А въ такомъ случаѣ и гораздо болѣе точное датированіе вазы не представитъ въ настоящее время никакого затрудненія.

Будемъ ли мы, вмѣстѣ съ однимъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей греческихъ киликсовъ, Гартвигомъ [9]), возводить стиль Бригоса, Гіерона

---

7) Klein, Euphronios, S. 38, 50.

8) Ср. о ней Rohden въ Baumeisters Denkm. d. kl. Alterth., S. 1986, b.

9) Paul Hartwig, Die griechischen Meisterschalen der Blüthezeit des strengen rothfigurigen Stiles. Stuttgart u. Berlin. 1893.

Для того, чтобы отвѣтить на поставленный вопросъ, надо, мнѣ кажется, обратить сначала вниманіе на двѣ особенности изображеннаго на вазѣ рисунка, а именно 1) на то, что Гермесъ изображенъ здѣсь одинъ, а не въ группировкѣ съ другими дѣйствующими лицами, что̀ на вазахъ позднѣйшихъ эпохъ является до крайности рѣдкимъ исключеніемъ, а 2) на то, что помѣщеніе *одной* фигуры на *всей* лицевой сторонѣ сосуда точно также не можетъ считаться явленіемъ заурядныкъ и одинаково свойственнымъ всѣмъ эпохамъ греческой вазовой техники [4]).

По замѣчанію В. Клейна, напр., извѣстная форма особенно изящныхъ амфоръ [5]), снабженныхъ на лицевой сторонѣ *одной* только фигурой, при слабомъ обыкновенно примѣненіи орнаментовъ, связана только съ однимъ періодомъ древней техники и несомнѣнно принадлежитъ къ числу изобрѣтеній Эпиктетова круга живописцевъ. Единственныя подписи художниковъ, работавшихъ эти прекрасныя амфоры, суть именно подписи Эпиктета и Эвксиѳея, горшечника, правда, современнаго и Эвфронію, но вазы котораго, по своей расписке, еще во многомъ напоминаютъ манеру Эпиктета [6]) и стоятъ, слѣдовательно, какъ бы по срединѣ между произведеніями этихъ двухъ извѣстныхъ представителей древней краснофигурной техники.

И насчетъ причины появленія такихъ вазъ именно въ эту эпоху намъ, кажется, нѣтъ повода сомнѣваться.

Съ тѣхъ поръ, какъ вышло изъ моды на вазахъ съ красными фигурами унаслѣдованное ими отъ болѣе древней техники обрамленіе рисунковъ и исчезло вызванное этими рамками расположеніе фигуръ на строго опредѣленномъ мѣстѣ сосуда, художники необходимо должны были испробовать различные способы орнаментаціи, нѣсколько пріемовъ изображенія отдѣльныхъ фигуръ и размѣщенія ихъ на вазахъ прежде, чѣмъ окончательно установились тѣ новыя системы группировки и тѣ каноническія мѣста для изображаемыхъ сценъ, которыя неизмѣнно заполняются рисунками въ вазахъ позднѣйшаго времени. Это было именно время опытовъ, та интересная эпоха перехода отъ условнаго архаическаго стиля къ

---

4) W. Klein. Euphronios: eine Studie sur Geschichte der griech. Malerei, 2-te Aufl. 1886, S. 51.

5) Неимѣющіе подъ руками описанія Мюнхенскаго собранія вазъ, сдѣланнаго О. Яномъ, могутъ ознакомиться съ этой формой вазъ изъ рисунка у Baumeister, Denkmäler des klassischen Alterthums, N. 2129 (S. 1987).

6) Ср. W. Klein, Euphronios, S. 17, 80 и слѣд., а также его griechische Vasen mit Meistersignaturen, Wien 1887, 2 Aufl., гдѣ на стр. 135 онъ такъ характеризуетъ эту манеру: der Styl dieser Bilder gemahnt in seiner Herbigkeit freilich mehr an Kachrylion als an Euphronios.... Dennoch ist gerade in dem tüchtigen Ernst der Zeichnung, die auch manchmal eckige Formen annimmt, der Beginn einer Reaction gegen die überhandnehmende Verflachung der epiktetischen Sippe wahrnehmbar.

полей, или съ пригнутыми ко тульѣ полями) [1]), во всякомъ случаѣ, для лицъ, знакомыхъ съ формами головнаго убора у Грековъ, не можетъ быть ни минуты сомнѣнія въ томъ, что надѣтая въ данномъ случаѣ на головѣ Гермеса шапка можетъ быть принята только за *πῖλος*, особенно распространенный въ древности среди рабочихъ, сельчанъ, рыбаковъ, перевозчиковъ и т. п.

Подробность эта не можетъ быть оставлена безъ вниманія.

Какъ извѣстно, шапка эта на всемъ протяженіи исторіи древняго искусства придается только извѣстнымъ персонажамъ: изъ миѳическихъ образовъ напр. Харону и, въ его качествѣ покровителя кузнецовъ, Гефэсту; изъ легендарныхъ героевъ—Одиссею. Гермесъ, и въ пластическихъ изображеніяхъ, и на вазовой живописи, тоже иногда снабжается этимъ головнымъ уборомъ, но, по наблюденіямъ археологовъ [2]), на вазахъ съ красными фигурами, почти исключительно въ произведеніяхъ, относящихся къ *первой* половинѣ 5-го вѣка, иными словами, ко времени господства на этихъ вазахъ такъ называемаго *строгаго* стиля.

Я не знаю, хотѣлъ ли сказать тоже и авторъ описанія, замѣчая, что „*типъ петаса* и кадуцея, остроконечная большая борода и нѣкоторая угловатость (?) движеній свидѣтельствуютъ объ *архаическомъ* стилѣ вазы“, но, во всякомъ случаѣ, употребляя терминъ „архаическій“ и датируя этотъ архаическій стиль „IV—V вѣками до Р. Хр.“, онъ вноситъ въ это датированіе такую неопредѣленность [3]), которая отнимаетъ всякую надежду на пониманіе *историческаго* значенія нашего рисунка.

Спрашивается однако, дѣйствительно ли возможно болѣе точное опредѣленіе времени керченской вазы на основаніи того, что намъ пока извѣстно объ исторіи древне-греческой живописи на вазахъ? Подтверждаетъ или опровергаетъ наша ваза дату, данную для Гермесова пилоса Фуртвенглеромъ?

---

[1]) См. A. Baumeister. Denkmäler des classischen Alterthums s. v. Kopfbedeckung S. 789 или H. Blümner, Leben und Sitten der Griechen, Wissen der Gegenwart Bd. 60,Abtheil. 1, Fig 35 36 и т. п.

[2]) Ср. уже A. Conze, Heroen und Göttergestalten der griechischen Kunst, Wien 1875, S. 34 и 35 (Text zur Taf. LXX, und LXXI, I), и особенно опредѣленно у A. Furtwängler въ W. H. Roschers Ausführliches Lexicon d. gr. u. röm. Mythologie, S. 2400.

[3]) Мимоходомъ сказать, я и вообще неясно понимаю это датированіе „IV—V вѣками“ произведеній изъ эпохи *до* Р. Хр. Всякій внимательный читатель тоже, я полагаю, недоумѣвалъ, должно ли видѣть въ этой датѣ опечатку и читать «VI—V вв.»,—что давало бы, какъ мы увидимъ ниже, хорошій смыслъ, но мысль о чемъ исключается сказаннымъ въ общей характеристикѣ могилы на стр. 26 Отчета,—или же ему слѣдуетъ читать, переставляя цифры въ общепринятомъ для этихъ датъ порядкѣ: V—IV вв., хотя въ такомъ случаѣ ему,вѣроятно, оставалось непонятнымъ, что собственно слѣдуетъ разумѣть подъ *архаическимъ* стилемъ IV вѣка. Не ввела ли въ этомъ случаѣ автора описанія въ заблужденіе хронологія устанавливаемая для расписныхъ вазъ „Русскими древностями въ памятникахъ искусства“ (стр. 69)?

Отчета Коммиссіи за 1891 годъ, изъ котораго мы заимствуемъ наше описаніе и рисунки, урна „принадлежитъ къ типу гидрій о трехъ ручкахъ или, точнѣе, кальпидъ, и вся покрыта обычною прекрасной черной поливой *древне-греческой* посуды. У мѣста прикрѣпленія ручекъ старательно выведенъ узоръ красной краской. Таковой же красной краской, по черному полю, исполнена на лицевой сторонѣ фигура бородатаго Гермеса".

Вотъ объ этой фигурѣ, равно какъ о сдѣланномъ въ Отчетѣ на основаніи ея датированіи нашей вазы, я и хотѣлъ бы сдѣлать нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній.

Прежде всего отмѣчу одну небольшую, но, какъ мы увидимъ сей-

Рис. 8

часъ, характерную неточность предложеннаго въ Отчетѣ описанія этой фигуры. Описывая здѣсь вполнѣ аккуратно подробности одежды означеннаго Гермеса, вѣрно различая подробности надѣтаго на него хитона и хламиды, упоминая крылья на его ногахъ и кадуцей въ правой рукѣ, авторъ описанія прибавляетъ, между прочимъ, и то, что на головѣ Гермеса надѣтъ *петасосъ* (см. рис. 8).

Это невѣрно.

Какъ ни сходны между собой въ позднѣйшихъ изображеніяхъ формы петаса *(πέτασος*, шляпа съ широкими полями, иначе называемая по гречески *καυσία)* и пилоса *(πῖλος*, иначе *κυνῆ*, войлочная шапка или безъ

издаваемыя
Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

I

По поводу одной Керченской вазы.

Далеко еще неистощенная и, повидимому, неистощимая въ отношеніи къ хранимымъ ею произведеніямъ античнаго искусства почва Керчи доставила недавно еще одинъ памятникъ, способный, мнѣ кажется, весьма заинтересовать спеціалистовъ.

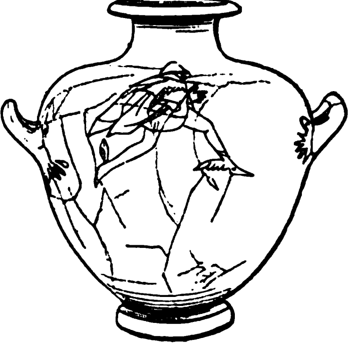

Рис. 7

Въ одной изъ могилъ (пятой по счету), раскопанныхъ предсѣдателемъ Археологической Коммиссіи гр. А. А. Бобринскимъ въ 1891 г. на сѣверномъ склонѣ Митридатовой горы, по направленію къ такъ называемому Золотому Кургану, найдена была, между другими предметами древности, урна, (см. рис. 7) довольно большихъ размѣровъ, со жжеными костями, стоявшая въ срединѣ „точка“ и, хотя разбитая, но нынѣ возстановленная благодаря тому, что всѣ составныя части ея оказались на лицо. Судя по показанію недавно появившагося

отд. XVII, стр. 23), тогда какъ оно извѣстно было самому о. Леониду въ спискѣ XIV стол. [35]). Кстати сказать, понятіе объ апокрифѣ, апокрифическомъ у о. Леонида своеобразно, такъ что можетъ ввести въ заблужденіе (напр. того, кто станетъ пересматривать указатель); апокрифами у него называются не только тѣ сочиненія, которыя таковыми принято называть въ наукѣ, а кажется, и такія, которыя носятъ характеръ легенды, или исторически не достовѣрныя сочиненія, или даже прямо pseudepigrapha; поэтому апокрифами называетъ онъ: Царское повелѣніе Константина Великаго, сказаніе о бѣломъ клобукѣ (№ 1868, Ув. 40; отд. XVII, стр. 202), сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ, и историческую компиляцію изъ ветхаго завѣта [36]) (№ 1776, Ув. 206). Далѣе, напр., въ № 1872 (Ув. 66; отд. XVII, стр. 212) апокрифическое сказаніе Меѳодія Патарскаго (изд. по описываемой рукоп. Н. С. Тихонравовымъ, „Пам. отр. лит." II, 248) обозначено: „Сказаніе Меѳодія, патр. Царяграда—XIII столѣтія"; а нѣсколько выше (№ 1870) о немъ же сказано: „извѣстное апокрифическое сказаніе, приписываемое Меѳодію, патр. Константинопольскому (+846), а не Патарскому (+310), какъ обычно надписывается" (т. IV, стр. 209). Въ замѣткѣ о заговорѣ противъ змѣй въ Псалтири XIII в. (болг.) сказанное А. Х. Востоковымъ, затруднившимся дать какое-либо объясненіе заговору [37]), замѣнено извѣстіемъ, что подобные заговоры есть и у русскихъ (это вѣрно) и что идутъ они изъ книгъ болгарскихъ Богомиловъ (почему именно оттуда, мы не знаемъ и доказательствъ не находимъ у о. Леонида) [38]). „Слово о страсти Спасовѣ" (№ 1802 (Ув. 225), л. 1—36; отд. XVII, стр. 90), отмѣчено такъ: „Пилатово посланіе къ царю Тиверію въ Римъ, отпись Тиверія Кесаря къ Пилату понтійскому". Судя же по приведенному началу статьи, по объему ея въ рук., видимъ ясно, что здѣсь не только эти двѣ статьи, а три, и изъ нихъ первая—главная, къ которой посланіе Пилата и отпись Тиверія служатъ только добавленіями: это Никодимово Евангеліе, памятникъ весьма популярный въ нашей литературѣ XV, XVI и даже XVII вѣковъ [39]).

Всѣ эти недочеты, по нашему мнѣнію, происходятъ отъ недостатка

---

[35]) Библ. Троице-Сергіевой Лавры, № 39 (2021) л. 42 об.; на «Описаніе библіотеки Свято-Троицкой Сергіевой Лавры» (М. 1878) ссылается о. Леонидъ въ томъ же № 1776.

[36]) См. также указатель къ XVII отд. (т. IV) подъ словомъ *Апокрифы*. Эта компиляція едва ли не простая *Историческая Палея*, судя по объему, какой указанъ въ *Описаніи* (143 л., 8⁰; ср. А. Н. Попова—Чтенія О. И. 1881 г., кн. I).

[37]) Описаніе рук. А. Норова, стр. 99.

[38]) Не стоитъ ли это мнѣніе въ связи съ статейкой о. Леонида о змѣевикахъ? Ср. «Зап. русск. арх. общ.» т. IV стр. 109—111—117. (См. Археолог. Изв. и Зам. 1893 г. № 2, стр. 60).

[39]) См. Занятія VIII Археолог. Съѣзда. (М. 1890), стр. 126—127.

справокъ съ текущей литературой исторіи русской словесности, что невыгодно отражается на *Описаніи*, гдѣ не всегда находимъ ссылки и на крупнѣйшія изданія памятниковъ, напр. на „Просвѣтителя“ Іосифа Волоцкаго (Казань, 1856 и 1888 г.), четыре списка котораго есть въ коллекціи гр. Уварова (№ 240—243), на рядъ текстовъ, изданныхъ какъ разъ по рукописямъ гр. Уварова Н. С. Тихонравовымъ (въ Пам. отреч. литературы).

Хотя, какъ было указано выше, эти ссылки и не входили въ планъ *Описанія,* все же, разъ ссылки на литературу допущены вообще, весьма желательно было бы найти въ немъ указанія прежде всего, по крайней мѣрѣ, на то, что издано изъ *самаго Уваровскаго собранія:* эти указанія такъ тѣсно связаны съ самимъ собраніемъ!

Наконецъ, нѣсколько сколько словъ объ указателяхъ и дѣленіи описанія рук. на отдѣлы. Извѣстно, какъ трудно точное дѣленіе на группы по характеру такого подвижнаго, пестраго матеріала, каковъ рукописный: въ рукописяхъ въ громадной массѣ случаевъ встрѣчаемся въ одной и и той же рукописи съ такимъ разнохарактернымъ содержаніемъ, что отнести рукопись къ тому или другому отдѣлу бываетъ не рѣдко трудно; таковы, напр., сборники, идея состава и подбора статей которыхъ для насъ уже не всегда ясна. Лучше поддаются классификаціи собранія рукописей опредѣленнаго типа и происхожденія, напр. церковныя, монастырскія, архивныя, гдѣ самое назначеніе собранія обусловливало *извѣстный* подборъ рукописей; хотя и тутъ не всегда можно легко выйти изъ затрудненія, но все же здѣсь дѣленіе на группы по содержанію легче; таковы, напр., собранія Воскресенскаго монастыря, Троицкой Лавры, отчасти Синодальное. Здѣсь дѣленіе на группы могло быть проведено послѣдовательнѣе. Большая же часть собраній или носятъ характеръ случайнаго подбора, или обнимаютъ собой всѣ виды старой письменности [40]); а эти виды мы не можемъ перечислить и охарактеризовать вполнѣ точно. Здѣсь дѣленіе на опредѣленныя группы не удается провести послѣдовательно; напр., въ евангеліи находимъ заговоры, записи паломниковъ, а при спискѣ библейскихъ книгъ—хронографъ и апокрифическую книгу Еноха (напр. № 3 (Ув. 1896); отд. I, стр. 7), при хронографѣ—апокрифъ, полемич. сочиненіе и т. д. Здѣсь дѣленіе на группы возможно только по преобладающему содержанію. Такъ и было сдѣлано о. Леонидомъ. Другой опытный библіографъ А. Х. Востоковъ, а за нимъ и П. М. Строевъ, избрали порядокъ описанія рукописей алфавитный, чѣмъ значительно

[40]) Таково, напр., собраніе гр. Румянцева, Ундольскаго; таково же и собраніе гр. Уварова.

(только значительно) облегчили пользованіе каталогомъ, и въ этомъ отношеніи преимущество на ихъ сторонѣ передъ *Описаніемъ* о. Леонида: дробность дѣленія рукописей на группы, правда, служитъ гарантіей сравнительной точности классификаціи, но зато затрудняетъ справку, подыскиваніе статьи, такъ какъ не всегда легко опредѣлить, къ какому отдѣлу нужно отнести рукопись; напр. Люцидарій: его естественнѣе всего искать тамъ же, гдѣ Козьму Индикоплова, космографію, а м. б. и Шестодневъ; оказывается онъ помѣщеннымъ въ отдѣлъ духовно-нравственныхъ сочиненій (отд. VI, № 399—405); Александрію находимъ не въ XVIII отдѣлѣ (сочиненія не-духовнаго содержанія, куда входятъ повѣсти и романы свѣтскаго содержанія), а въ отдѣлѣ XIV (Исторія церковная и гражданская, № 1312—1318); но въ томъ же отдѣлѣ XVIII находимъ всѣ духовные вирши, апокалипсисъ въ стихахъ, псалтирь Семеона Полоцкаго (№ 2166—2168).

Правда, къ каждому отдѣлу или нѣсколькимъ вмѣстѣ присоединены указатели; но, *какъ указатели отдѣловъ*, они также не всегда помогаютъ; такъ, полная книга Еноха (въ № 3, библейскія книги) не попала въ указатель къ I-му тому, а находимъ ее въ указателѣ къ другому отдѣлу (XVII), гдѣ помѣщена выписка изъ этой книги [41]).

Все сказанное, кажется, должно вести къ выводу, что дробленіе какъ самого описанія, такъ и указателя на части не совсѣмъ удобно. Но это неудобство легко можетъ быть исправлено: описанія о. Леонида на столько точны, на столько полно передаютъ содержаніе рукописей, что нѣтъ почти надобности новыхъ справокъ съ самими рукописями для ихъ опредѣленія: стоитъ только составить по „*Систематическому описанію*" *одинъ общій* указатель ко всѣмъ четыремъ томамъ, и *Описаніе* освобождается отъ указаннаго недостатка: дробленіе на отдѣлы, нѣсколько оригинальное подведеніе рукописей подъ ту или другую рубрику, могущія смущать ищущаго справокъ, затруднять болѣе не будутъ, а самое *Описаніе* и общій обзоръ рукописей гр. Уварова отъ этого выиграютъ.

Озираясь на все приведенное мною относительно труда о. Леонида, ясно видимъ, что всѣ указанные недостатки *Описанія* ничтожны въ сравненіи съ громадными достоинствами этого капитальнаго труда, который долженъ стать настольной книгой всякаго, занимающагося прошедшей жизнью Руси и соплеменныхъ ей народовъ; добросовѣстность, точность описанія громаднаго числа рукописей заставляетъ насъ съ благодарностью вспоминать какъ виновника собранія, такъ и энергичнаго его описателя:

---

[41]) Та же выписка попала въ I-ый томъ (№ 556), гдѣ она и отмѣчена въ указателѣ (стр. 682).

„библіографическій трудъ его составляетъ, дѣйствительно, весьма важное пріобрѣтеніе для ученыхъ, за которое они обязаны ему всегдашней благодарностью“ [42]). Поминая добромъ графа А. С. Уварова и о. Леонида, принесемъ глубочайшую благодарность и графинѣ П. С. Уваровой, неустанными заботами которой этотъ почтенный трудъ изданъ и сталъ доступенъ ученому міру.

М. Сперанскій.

III

Раскопка нѣсколькихъ кургановъ въ Бронницкомъ уѣздѣ, Московской губерніи [1]).

Въ юго-восточной части Бронницкаго уѣзда, по правой сторонѣ Москвы-рѣки, но въ значительномъ разстояніи отъ нея — въ пяти, въ 10 верстахъ—встрѣчается довольно много могильныхъ кургановъ. Величина ихъ различна: большіе курганы представляютъ собою широкій конусъ, вышиною въ двѣ, три сажени; мелкіе же имѣютъ болѣе расплывчатую форму и только $1^{1}/_{2}$, 2 аршина въ вышину. Болѣе крупные большею частью стоятъ одиночно, иногда на разстояніи нѣсколькихъ верстъ другъ отъ друга; мелкіе же обыкновенно расположены группами; въ одномъ мѣстѣ, впрочемъ—на землѣ села Михѣева—находится 7 довольно крупныхъ кургановъ — $1^{1}/_{2}$, 2 сажени вышиною, одинъ подлѣ другаго.

Въ этой-то мѣстности лѣтомъ 1893 г. нами было изслѣдовано 9 кургановъ. Соотвѣтственно характеру ихъ слѣдуетъ раздѣлить на двѣ группы: къ 1-й относятся 7 кургановъ, находившихся на крестьянской землѣ деревни Колоколово, а ко 2-й два кургана на церковной землѣ села Давыдово. Колоколовскіе курганы были расположены группою въ числѣ 10 и находились другъ подлѣ друга; изъ нихъ три были изслѣдованы нами еще раньше—лѣтомъ 1892 г.; такъ какъ они представляли много общаго съ остальными, то я упомяну здѣсь и объ нихъ. Всѣ эти курганы были небольшой величины—$1^{1}/_{2}$, 2 арш. въ вышину,

---

[42]) Слова проф. Н. Субботина: «Памяти о. Леонида...», стр. 312.

[1]) При этой раскопкѣ самое дѣятельное участіе принималъ Владиміръ Ильичъ Сизовъ, которому я приношу искреннюю благодарность. Краткое о ней сообщеніе напечатано въ „Арх. Изв. и Зам.“ 1893 г., стр. 261.

расплывчатой формы и состояли изъ сѣровато-желтой глины, очень плотной, что не мало затрудняло изслѣдованіе ихъ. Въ девяти изъ этихъ кургановъ найдены были костяки (въ одномъ же скелета не оказалось), а именно въ 6—по одному и въ 3-хъ—по два, такъ что всего здѣсь было найдено 12 скелетовъ. По одному были 5 мужскихъ и 1 женскій—дѣвочки лѣтъ 12—14; въ тѣхъ же курганахъ, гдѣ было по два скелета, въ двухъ оказалось по одному мужскому и одному женскому, а въ одномъ два женскихъ. Такимъ образомъ, нами было найдено 7 мужскихъ и 5 женскихъ скелетовъ. При этомъ должно замѣтить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда въ одномъ курганѣ оказалось два скелета, повидимому, погребеніе ихъ было не одновременное, а другаго покойника клали подлѣ перваго позднѣе и насыпь надъ обоими дѣлали общимъ курганомъ. Въ пользу этого говоритъ, во 1-хъ, то, что большею частью въ этихъ случаяхъ положеніе скелетовъ было неправильное, и кости ихъ, а также и бывшія при нихъ вещи оказывались смѣщенными, а, во 2-хъ, и то, что въ нѣкоторыхъ курганахъ съ однимъ покойникомъ скелетъ оказывался не подъ срединою кургана, а съ одной стороны; другая же половина его оставалась пустою. Во всѣхъ этихъ курганахъ скелеты лежали на уровнѣ окружающей мѣстности, такъ что насыпь дѣлалась прямо надъ покойникомъ. Во многихъ курганахъ по близости скелета были найдены угли, можетъ быть какъ остатки бывшаго небольшаго костра или же какъ принадлежность погребальнаго обряда; иногда здѣсь же попадались отдѣльныя бараньи кости. Всѣ скелеты имѣли направленіе съ запада на востокъ—головою на западъ, за исключеніемъ одного кургана, въ которомъ скелетъ былъ обращенъ головою на востокъ, при чемъ какихъ-нибудь другихъ особенностей погребальныхъ здѣсь нельзя было замѣтить. Положеніе костяковъ—съ вытянутыми конечностями; руки расположены вдоль туловища. Слѣдовъ гроба нигдѣ нельзя было открыть; но во многихъ курганахъ подъ головою встрѣчались небольшіе куски дерева: повидимому, подъ покойниками были доски или лубки. При каждомъ скелетѣ, какъ мужскомъ, такъ и женскомъ, найденъ былъ горшокъ или, по крайней мѣрѣ, черепки отъ него; тамъ, гдѣ положеніе скелета было правильное и горшокъ сохранился, онъ помѣщался обыкновенно у конца лѣвой ноги. Величина этихъ горшковъ была различна, но вообще небольшая—отъ 2-хъ до $3^1/_2$ вершковъ вышиною и отъ $2^1/_2$ до 4 въ діаметрѣ; большею частью они были сѣроватаго цвѣта, нѣкоторые же красноватаго; у одного на днѣ видно было клеймо въ видѣ крестообразной фигуры (свастика). Въ одномъ изъ горшковъ оказались остатки пищи въ видѣ темной черноземной массы, и здѣсь же помѣщалась кость—баранье ребро. Въ тѣхъ курганахъ, гдѣ

былъ только мужской скелетъ, кромѣ этого горшка, никакихъ другихъ вещей не оказалось, и только въ одномъ найдено было желѣзное кольцо, видимымъ образомъ бывшее на поясѣ. При женскихъ же скелетахъ всегда были находимы различныя вещи, составлявшія украшенія: 1) серьги въ видѣ незамкнутаго колечка изъ бронзовой проволоки; 2) височныя привѣски изъ низкопробнаго серебра; видимымъ образомъ ихъ было 4, по двѣ на каждой сторонѣ; но не у всѣхъ скелетовъ сохранились всѣ четыре, — часто удавалось найти только двѣ или три; 3) бусы, частью сердоликовыя въ формѣ оливы, частью круглыя изъ горнаго хрусталя или же стеклянныя цилиндрической формы; 4) почти всегда были находимы и браслеты изъ бронзовой проволоки, свитой жгутомъ; 5) кольца или въ видѣ бронзовыхъ ажурныхъ пластинокъ, или круглыя изъ бѣловатаго металлическаго сплава; 6) одинъ разъ была найдена небольшая круглая пластинка съ ушкомъ въ формѣ медальона; 7) на одномъ скелетѣ былъ найденъ бронзовый бубенчикъ; 8) при нѣкоторыхъ скелетахъ, около височныхъ привѣсокъ сохранились маленькія кусочки шерстяной ткани.

Характеръ всѣхъ этихъ металлическихъ вещей съ замѣчательнымъ однообразіемъ повторялся на всѣхъ женскихъ скелетахъ: онѣ имѣли одинаковый размѣръ и одинаковую форму; только на скелетѣ дѣвочки какъ привѣски, такъ и кольцо имѣли размѣры гораздо меньшіе, но и здѣсь бронзовый витой браслетъ оказался обыкновенныхъ размѣровъ: очевидно, онъ принадлежалъ взрослой женщинѣ и надѣтъ былъ на руку дѣвочки можетъ быть за неимѣніемъ меньшаго. Типъ всѣхъ этихъ вещей былъ обыкновенный, такъ часто встрѣчавшійся въ московскихъ курганахъ. Особенность, которую представляли Колоколовскіе курганы состояла въ томъ, что въ двухъ изъ нихъ подлѣ скелетовъ оказались желѣзные гвозди. Въ одномъ изъ этихъ кургановъ помѣщались два скелета и гвозди были расположены вокругъ нихъ обоихъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, представляя собою неправильный четыреугольникъ, при чемъ съ сѣверной стороны кургана, гдѣ оказались угли, гвоздей значительно менѣе, нежели съ другихъ сторонъ. Гвозди эти были крупные, отъ полутора до трехъ вершковъ въ длину, и имѣли форму среднюю между обыкновеннымъ гвоздемъ со шляпкою и костылемъ; встрѣчались они то отдѣльно, то группами и имѣли бо̀льшею частію косвенное, иногда же почти вертикальное направленіе. Никакихъ слѣдовъ дерева въ этомъ мѣстѣ нельзя было найти. Всего въ этомъ курганѣ найдено до 40 гвоздей; изъ нихъ три оказались надъ самыми скелетами.

Въ другомъ же курганѣ, гдѣ былъ одинъ скелетъ, найдено только два большихъ гвоздя—одинъ $3^3/_4$, а другой $4^1/_4$ в. въ длину; они ле-

жали горизонтально, около головы. Рѣшеніе вопроса о томъ, какое значеніе имѣли эти гвозди при погребеніи, я предоставляю людямъ, болѣе меня компетентнымъ въ вопросахъ археологіи; съ своей же стороны могу только указать, что гвозди были найдены только въ тѣхъ изъ Колоколовскихъ кургановъ, въ которыхъ погребены исключительно женщины: въ курганѣ съ 40 гвоздями было два скелета и оба женскіе, а въ другомъ, гдѣ было найдено два большихъ гвоздя, оказался скелетъ дѣвочки. Въ тѣхъ же курганахъ, гдѣ женскіе скелеты находились вмѣстѣ съ мужскими, гвоздей не было.

Что касается антропологической стороны, то прежде всего я долженъ замѣтить, что, къ сожалѣнію, большинство скелетовъ въ этихъ курганахъ было очень плохой сохранности. Такъ, изъ 12-ти череповъ только два можно было назвать полными, въ другихъ же недоставало или нижней челюсти или всѣхъ лицевыхъ костей, а въ нѣкоторыхъ даже и основанія черепа. То же самое должно сказать и объ остальныхъ костяхъ. При такихъ условіяхъ о полномъ измѣреніи этихъ скелетовъ, конечно, не могло быть и рѣчи; тамъ же, гдѣ оно было возможно, хотя отчасти, оказалось слѣдующее. Величина скелетовъ средняя: мужскихъ приблизительно 2 арш. 4 или 5 верш., а женскихъ 2 арш. 2 вершка; всѣ части скелетовъ пропорціональны. Мужскихъ череповъ, измѣрено, хотя и не вполнѣ, 7: всѣ они оказались длинноголовыми (dolichocephali—показатель 73, 72,6—70,9—70,5—70,4), а два изъ нихъ даже гипердолихоцефалич. (67,9 и 65,7). Изъ пяти череповъ, въ которыхъ можно было измѣрить высоту, 3 оказались средней высоты (orthocephali, отношеніе высоты къ длинѣ 72,7—74,2 и 74,7), а два высокими (hypsicephali 76,3 и 77,1); по отношенію высоты къ ширинѣ—всѣ средней высоты (92,9—93,4—94—94,3 и 94,8). Лицо можно было измѣрить только на двухъ черепахъ, оба оказались широколицыми (chamaeprosopi—отношеніе ширины скуловыхъ дугъ по всей длинѣ лица—85,9 и 88,7). Что касается женскихъ череповъ, то измѣреніе возможно было сдѣлать только двухъ изъ нихъ, да и то неполное, оба эти черепа оказались мезоцефалическіе (отношеніе ширины къ длинѣ 76,3 и 76,9) и высокими (отношеніе вышины къ длинѣ 75,2 и 75,7); лицо можно было измѣрить только на одномъ черепѣ, оно оказалось широкимъ (отношеніе ширины къ длинѣ 84,6). Впрочемъ одинъ изъ этихъ женскихъ череповъ оказался гипердолихец.; отъ него сохранился только сводъ черепа и слѣдовательно можно было измѣрить только продольный размѣръ—186 и поперечный—121; такимъ образомъ, показатель здѣсь= только 65. У нѣкоторыхъ женскихъ скелетовъ и подъ височными привѣсками сохранились короткія пряди волосъ,—они оказались прямыми

темнокаштановаго цвѣта. Дѣлать какіе-нибудь выводы на основаніи такого скуднаго антропомическаго матеріала я считаю совершенно невозможнымъ.

Это о курганахъ 1-й группы, т. е. Колоколовскихъ.

Вторая группа изслѣдованныхъ нами кургановъ находилась на церковной землѣ села Давыдова, она была недалеко отъ Колоколовскихъ, приблизительно съ полверсты, но по своему характеру значительно отличалась отъ этихъ послѣднихъ. Здѣсь было два кургана: одинъ большаго размѣра, а другой маленькій.

Большой курганъ стоитъ на возвышенной мѣстности, такъ что виденъ издалека. Форма его была нѣсколько испорчена, частью временемъ, частью же рукою человѣка, повидимому для выкуриванія лисицъ, но въ общемъ онъ представляетъ широкій конусъ, съ округлою вершиною; высота его около 10 арш., а окружность въ основаніи 34 саж.

Раскопка его начата тѣмъ, что была снесена его верхняя часть приблизительно на $^1/_3$ высоты, а затѣмъ была сдѣлана широкая траншея съ востока на западъ. Оказалось, что насыпь его состоитъ изъ рыхлаго песку съ примѣсью глины; курганъ и внутри былъ весь изрытъ норами лисицъ.

Когда начата была траншея, на срединѣ кургана, аршина на 4 отъ вершины его, найдена была грудка косточекъ мелкаго животнаго (можетъ быть земляной мыши или крота) и твердые покровы жуковъ, окрашенные окисью мѣди; тутъ же оказались на землѣ отпечатки бронзовыхъ вещей, но уже совершенно истлѣвшихъ. Въ южномъ направленіи и приблизительно на аршинъ глубже найденъ былъ обгорѣлый сукъ березоваго корня. Почти надъ уровнемъ земли, ближе къ востоку, былъ открытъ обломокъ обгорѣлой доски съ кусочками бересты, представлявшей бѣлую массу; все это лежало на слоѣ песку, поврежденнаго отъ дѣйствія огня. Въ этомъ мѣстѣ около дерева найдена была стоящая ребромъ небольшая серебряная монета. Когда она потомъ была очищена и нѣсколько откислена, то оказалось, что она фрисландская—Экберта II (1068—1090) *). Внизъ отъ этихъ вещей начинался толстый слой красной глины, въ которомъ попадались угольки. Раскопка этого кургана продолжалась два дня; но по обстоятельствамъ не могла быть окончена; если ничто непредвидѣнное не воспрепятствуетъ, то будущимъ лѣтомъ мы постараемся довести ее до конца, но уже и теперь, благодаря найденной здѣсь монетѣ, можно, по крайней мѣрѣ, съ довольно большою точностью опредѣлить время возникновенія этого кургана: очевидно, онъ сдѣланъ не раньше конца одиннадцатаго столѣтія.

*) Изд. у Dannenberg'a Die deutschen Münzen, p. 208, Taf. XXII, 526.

Маленькій же курганъ, находившійся всего шагахъ въ двадцати отъ большаго къ западу, представлялся очень расплывчатымъ и имѣлъ въ вышину не болѣе аршина. Насыпь его состояла изъ очень плотной глины сѣроватаго цвѣта. По снятіи ея найденъ былъ костякъ, лежавшій на уровнѣ грунта; положеніе его было съ запада на востокъ, головою на западъ; лицо было обращено вверхъ. Скелетъ, несомнѣнно, мужской, довольно плохой сохранности, лежалъ въ вытянутомъ положеніи; руки расположены вдоль туловища. Слѣдовъ гроба не было замѣтно. Съ лѣвой стороны около таза и бедра найдена была желѣзная сѣкира, а надъ нею желѣзное огниво, уцѣлѣвшее только на половину; кромѣ того, по близости, найденъ былъ кусокъ шифернаго камня, очевидно, бывшій въ употребленіи, какъ точило. У правой стороны найденъ былъ глиняный горшокъ, довольно хорошо сохранившійся. Скелетъ лежалъ ближе къ южной сторонѣ кургана и былъ средней величины, — приблизительно, 2 арш. 4 вершка; всѣ части его были пропорціональны. Отъ черепа сохранились только сводъ его и основаніе, лицевыя же кости разрушились. При измѣреніи онъ оказался мезоцефалическимъ (75,7) и высокимъ (hypsicephalia — 75,6). Такимъ образомъ этотъ курганъ по тѣмъ вещамъ, которыя были найдены въ немъ, значительно отличался отъ Колоколовскихъ: тамъ при мужскихъ скелетахъ кромѣ глинянаго горшка не было рѣшительно никакихъ вещей; здѣсь же вмѣстѣ съ горшкомъ была сѣкира, огниво и точило; въ то же время и форма черепа здѣсь была мезоцефалическая, а тамъ долихоцефалическая.

А. Я. Кожевниковъ.

IV

Обозрѣніе раскопокъ, находокъ, пріобрѣтеній древностей музеями и разныя извѣстія.

—— По Высочайшему повелѣнію въ нынѣшнемъ году въ Историческій Музей переданы изъ Московскаго Архангельскаго собора слѣдующіе портреты: 1) Портретъ Великаго Князя Василія Ивановича, писанный на одной доскѣ вмѣстѣ со св. Василіемъ Великимъ (послѣдній стоитъ на лѣво отъ зрителя), оба въ ростъ (выш. 3 арш., шир. 2 арш. $4\frac{1}{2}$ в.). На св. Василіи святительское облаченіе, въ лѣвой рукѣ держитъ Евангеліе въ окладѣ, богато украшенномъ драгоцѣнными

каменьями. Василій Ивановичъ изображенъ $^{3}/_{4}$ влѣво, въ иноческомъ одѣяніи и въ красной обуви, съ руками, нѣсколько приподнятыми и простертыми къ изображенію Знаменія Пресв. Богородицы между 2-мя Ангелами, занимающими верхъ средины портрета - иконы. У Великаго Князя длинная сѣдая борода и короткіе русые волосы; вокругъ головы вѣнчикъ, писанный золотомъ, по сторонамъ котораго надпись: Благовѣрный Князь Великій Василій Іоанновичъ Самодержецъ всея Русіи во иноческомъ чину инокъ Варлаамъ. Вся икона-портретъ носитъ слѣды позднѣйшей реставраціи, произведенной неизвѣстно когда, при чемъ реставраторъ закрасилъ темнозеленою масляной краской фонъ и края, которые, судя по нѣкоторымъ мѣстамъ, гдѣ отстала краска, были покрыты золотомъ (кромѣ верхняго и нижняго края); переписаны, повидимому, также руки, что замѣтно, благодаря оставшимся контурамъ прежняго рисунка: положеніе кистей рукъ было нѣсколько иное. Около вѣнца Великаго Князя замѣтны слѣды гвоздей, указывающіе, что писанный вѣнчикъ нѣкогда былъ прикрытъ металлическимъ. Несмотря на реставрацію, лицо Василія Ивановича, повидимому, немного переписано; черты лица очень характерны. Хотя Д. А. Ровинскій [1]) и говоритъ, что этотъ иконописный портретъ, писанный послѣ смерти Великаго Князя [2]), не имѣетъ никакого сходства съ извѣстными его портретами, находящимися въ соч. Герберштейна и Іовія, но нельзя отрицать, что онъ имѣетъ много общаго съ портретомъ, изображеннымъ у Іовія (Ровинскій, Словарь, № 25).

2) Портретъ оплечный царя Өедора Ивановича на доскѣ ($9\,^{1}/_{2} \times 7\,^{1}/_{2}$ в.). Царь изображенъ $^{3}/_{4}$ влѣво съ короткими вьющимися волосами, короткою бородой, въ одеждѣ, богато украшенной драгоцѣнными каменьями, поверхъ которой надѣтъ охабень изъ краснаго бархата (или парчи), отороченный мѣхомъ. Надъ головою, по краю доски, надпись—Благовѣрный князь Өеодоръ Іоанновичъ. Портретъ реставрированъ въ недавнее время и, къ сожалѣнію, на столько усердно, что многіе подробности стараго письма передѣланы вновь. На гравюрѣ Аөанасьева, приложенной къ „Трудамъ и Лѣтописямъ Общ. Ист. и Др.“, ч. V, кн. 1-я (1830 г.), а также на хромолитографіи съ рис. Солнцева въ „Древн. Росс. Гос.“ (отд. IV, № 4) видна еще надпись золотою вязью—Благовѣрный Великій Государь Царь и Великій Князь Өеодоръ Іоанновичъ всея Руси, замѣненная вышеприведенною, написанною черною краскою; на тѣхъ-же рисункахъ виденъ вѣнчикъ во-

---

[1]) Словарь гравиров. портр., I, стр. 474, и достовѣрные портреты, стр. 4.

[2]) Вас. Ив. умеръ 3 дек. 1533 г., а 4 дек. 1534 г., по словамъ Д. А. Ровинскаго (ib.), былъ написанъ портретъ.

кругъ головы, уничтоженный реставраторомъ и, наконецъ, орнаментъ на нижнемъ одѣяніи царя, судя по рис. Солнцева и гравюрѣ Аѳанасьева, совсѣмъ измѣненъ. Оба эти воспроизведенія портрета имѣютъ мало сходства съ оригиналомъ. П. Поповъ въ статьѣ о портретѣ Ѳедора Ивановича [1]) говоритъ, что до 1812 г. на немъ „наложенъ былъ серебряный съ позолотою окладной вѣнецъ и поля басенной работы“. Въ „Подлинникѣ“ подъ 15 февраля приведено описаніе царя Ѳеодора Ивановича, гдѣ онъ именуется Святымъ и всея Россіи новымъ Чудотворцемъ [2]), изъ чего можно предположить, что этотъ портретъ, можетъ быть, нѣкоторое время служилъ иконою.

3) Портреты царей Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича на одной доскѣ (выш. 3 арш. $10^1/_2$ в., шир. 2 арш. $11^1/_2$ в.). Оба государя изображены въ ростъ въ полныхъ царскихъ облаченіяхъ, въ царскихъ шапкахъ, со скипетрами и державами въ рукахъ. Кромѣ того, что портреты лишены художественнаго интереса, но художникъ, очевидно, не гнался за портретнымъ сходствомъ; онъ не руководствовался достовѣрными портретами обоихъ царей [3]), такъ какъ изображенія государей не имѣютъ ни малѣйшаго сходства съ извѣстными ихъ портретами. Шапки и проч. принадлежности царскаго сана не сходны ни съ однимъ памятникомъ, хранящимся въ Оружейной Палатѣ и, вѣроятно, писаны художникомъ по памяти; особенно фантастична форма царскихъ шапокъ. Имя художника и годъ написанія портретовъ сохранились; у Снегирева въ „Памятникахъ Московской Древности“ (стр. 77) сказано: „Сіи портреты писаны въ 1677 г., по приказанію Боярина Богдана Хитрова, жалованнымъ иконописцемъ Ѳедоромъ Евтиѳѣевымъ [4]); недавно они возобновлены“. Надъ каждымъ изъ царскихъ изображеній находится надпись Благовѣрный и благочестивый великій Государь и Великій Князь Михаилъ Ѳедоровичъ (Алексѣй Михаиловичъ на другомъ) всея Великія, Малыя и Бѣлые Россіи Самодержецъ. Вверху изображенъ Нерукотворенный образъ.

4) Портретъ царя Ѳедора Алексѣевича, въ ростъ, на доскѣ, выш. 3 арш. $6^1/_2$ в., шир. 1 арш. Царь изображенъ стоящимъ на землѣ, покрытой травою, въ золотой парчевой одеждѣ съ красными разводами, обшитой широкимъ позументомъ и застегнутой большими, яйцевидной формы, золотыми пуговицами. Оплечье царской одежды богато украшено драгоцѣнными каменьями. На головѣ шапка, нѣсколько напоми-

---

[1]) См. Труды и Лѣтописи Общ. Ист. и Древн., ч. V, кн. 1-я, стр. 163.
[2]) Ib., стр. 167.
[3]) Портреты писаны послѣ смерти Алексѣя Мих.
[4]) Авторъ ссылается на книгу приходо-расходн. Оружейной Палаты, 1786 г., № 237.

нающая шапку царства Казанскаго; вокругъ головы золотой писанный вѣнчикъ; въ рукахъ—золотые скипетръ и держава; вверху—св. Убрусъ. На фонѣ портрета, по обѣимъ сторонамъ изображенія царя, написаны четыре щита въ рамкахъ стиля барокъ съ надписями, заключающими похвалу почившему царю, а также года, мѣсяцы и числа его восшествія на престолъ и кончины; фонъ портрета зеленый. Въ художественномъ отношеніи этотъ портретъ лучше всѣхъ; особенно мягко написано юное лицо царя. Художникъ былъ, повидимому, иностранецъ, вѣроятно, нѣмецъ. Снегиревъ (ib. стр. 74) относитъ портретъ къ Фламандской школѣ. Реставраціи портретъ подвергался также менѣе другихъ; починка замѣтна только вверху, около изображенія Нерукотвореннаго образа. Хромолитографіи, находящіяся въ „Древностяхъ Росс. Государства" (отд. IV, № 12), и у Снегирева не имѣютъ ни малѣйшаго сходства съ оригиналомъ, какъ въ передачѣ чертъ лица, такъ и въ подробностяхъ; напр., на рисункѣ въ „Древностяхъ" находится на Нерукотворенномъ Спасѣ надпись святой убрусъ, которой на оригиналѣ, не находится; затѣмъ на обоихъ рисункахъ царь изображенъ стоящимъ на каменномъ изъ плитъ полу, тогда какъ на портретѣ онъ стоитъ на землѣ, и, наконецъ, колоритъ всего портрета на рисункахъ сдѣланъ другой.

5. Портретъ оплечный князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, писанный на доскѣ, выш. 9 верш., шир. 8 верш. Портретъ реставрированъ. Надъ головою князя, на верхнемъ краѣ, написанъ св. Убрусъ, по сторонамъ котораго находится надпись, написанная при реставраціи: ...ѣрный князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ; передъ теперешней надписью, слѣва, замѣтны слѣды прежней, исполненной вязью: Благов. На князѣ одежда богато вышита жемчугомъ и украшена драгоцѣнными каменьями, поверхъ нея виденъ мѣхъ охабня. Воротникъ одежды высокій, закрывающій всю шею сзади, такъ называемый козырь, и приписанъ, повидимому позже, такъ какъ на гравюрѣ, приложенной къ „Трудамъ и Лѣтописямъ Общ. Ист. и Др.", ч. V, кн. 1-я, его не имѣется, равно, какъ и на хромолитографіяхъ въ „Древн. Росс. Гос." и у Снегирева [1]). Реставраторъ, повидимому, не кончилъ своей работы, такъ какъ низкій воротникъ, который прикрывается козыремъ, не дописанъ. Если вѣрить упомянутымъ хромолитографіямъ и гравюрѣ, которыя и между собою въ подробностяхъ не одинаковы и совсѣмъ не вѣрно передаютъ черты лица оригинала, то и

---

[1]) Съ хромолитографіи Снегирева сдѣлана копія, приложенная къ біографич. очерку В. С. Иконникова „Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій" въ „Древней и Новой Россіи" 1875 г.

орнаментація одежды на нашемъ портретѣ передѣлана реставраторомъ. Къ счастью, повидимому, черты лица Скопина не искажены. Несмотря на нехудожественность письма, въ портретѣ замѣтно стремленіе художника передать индивидуальныя черты лица Скопина-Шуйскаго—припухлость, высоко приподнятыя брови, довольно толстый носъ, что позволяетъ съ довѣріемъ относиться къ его портретному сходству.

Переданные портреты составляютъ цѣнное дополненіе къ находящимся въ Историческомъ музеѣ стариннымъ портретамъ боярина А. С. Матвѣева, Лжедимитрія и Марины Мнишекъ.

—— Намъ сообщаютъ, что членъ Имп. Арх. Коммиссіи г. Думбергъ ѣздилъ въ Эшнакъ на Алагезѣ, около Мастара, гдѣ нашелъ подземныя сооруженія съ надписями и проч. Эшнакъ (древн. форма Ашнакъ) извѣстенъ съ V в. нашей эры; тамъ были зимнія стоянки войскъ царей Аршакуни.

—— Осенью прошлаго 1893 года, г. Кибальчичъ, въ сопровожденіи г. Корженевскаго, полк. Боровиковскаго и свящ. Н. Левицкаго, сдѣлалъ поѣздку на островъ Березань, лежащій противъ Днѣпровско-Бугскаго лимана, при чемъ сдѣлалъ тщательный осмотръ отдѣльныхъ береговъ острова, далъ представленіе объ археологическомъ его наслоеніи. Съ восточной стороны обнаруженъ былъ неровно залегавшій толстый слой рушеной земли, перемѣшанный съ кусками песчаника, человѣческими костями, костями разныхъ домашнихъ животныхъ, кусками кухонной посуды и другими остатками народнаго быта, относимыми къ глубокой древности; здѣсь же были замѣчены какъ бы слѣды полуразрушенныхъ гробницъ и общая усыпальница (могильная), сложенныя изъ болѣе или менѣе правильно обтесанныхъ плитъ песчаника. На обнаженныхъ бурями и дождями мѣстахъ площади острова найдены: а) куски глиняной посуды, сдѣланной какъ бы безъ помощи гончарнаго круга, съ выпуклымъ веревочнообразнымъ витымъ орнаментомъ; б) куски чернолаковой изящной работы посуды; в) куски чернолаковой изящной лампы съ двумя отверстіями для фитилей, имѣющей 11 сантим. въ діаметрѣ; г) куски бѣлолаковой посуды съ изящнымъ орнаментомъ темно-коричневаго цвѣта, изображающимъ листья и цвѣты неизвѣстнаго растенія; д) куски чернолаковой посуды съ выпуклымъ орнаментомъ; е) мѣдная ольвійская монета (неизданный видъ) въ видѣ рыбы, имѣющая въ длину 3, а въ ширину $1^1/_2$ сант., съ просверленною дыркою, по всей вѣроятности, для ношенія на шнуркѣ и ж) глиняный медальонъ (амулетъ) съ просверленною дырою для удобства ношенія на тѣлѣ, на шнуркѣ, имѣющій 6 сантим. въ діаметрѣ и 2 сант. толщ., съ надписью „ΘΑΤΕΜΟΤ“ (Жизнь и Искусство, № 2, 1893 г.).

—— „Одесск. Листокъ" (№ 319, 1893 г.), сообщаетъ о раскопкѣ кургановъ В. И. Гошкевичемъ, секретаремъ Херсонскаго Статистическаго Комитета, въ окрестностяхъ села Дымовки на границѣ Херсонскаго и Елисаветградскаго уѣздовъ. Мѣстными крестьянами недавно вырыты были тамъ изъ одного изъ кургановъ предметы, указывающіе на такъ называемую эллинско-скиѳскую культуру. Это и побудило Императорскую Археологическую Коммиссію предпринять настоящія раскопки.

Г. Гошкевичъ обозрѣлъ 17 кургановъ въ разныхъ направленіяхъ отъ деревни. Внутреннее содержаніе кургановъ изобличало весьма отдаленную эпоху, при чемъ можно было подмѣтить одну общую черту, что племя, насыпавшее ихъ, стояло не на высокой степени культуры и экономически было довольно бѣдно. Всѣ курганы оказались погребальными: въ большинствѣ изъ нихъ покойники были погребены, а въ нѣкоторыхъ — сожжены. Глубина, на которой найдены скелеты, различна: одни изъ нихъ лежали у насыпи кургана, другіе — подъ нею прямо на почвѣ, третьи въ нарочито вырытыхъ для нихъ ямахъ. Большинство покойниковъ было похоронено безъ гробовъ, многіе обставлены плитами известняка, а нѣкоторые находились въ деревянныхъ гробахъ. Одни изъ скелетовъ найдены въ лежачемъ положеніи, другіе сидѣли. При многихъ покойникахъ найдены вещи, съ которыми родные и друзья считали нужнымъ отправить усопшаго на тотъ свѣтъ. Само собою понятно, что далеко не все изъ положеннаго съ покойниками сохранилось, — многія вещи перегнили. Сохранились издѣлія изъ камня, стеклянныя бусы, куски красной, желтой и бѣлой красокъ, глиняные сосуды, весьма грубой работы, и металлическія издѣлія. Послѣднія состоятъ изъ бронзовыхъ и желѣзныхъ вещей; это пряжки, бляшки, принадлежности конской сбруи и оружія; но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что собственно боеваго оружія не найдено ни при одномъ покойникѣ, все вооруженіе ихъ состояло изъ лука со стрѣлами (стрѣлы желѣзныя). Курганы, въ которыхъ оказались сожженные покойники, были гораздо бѣднѣе вещами. Вмѣстѣ съ покойникомъ одновременно погребался и конь; лошадиныя кости лежали то на одномъ уровнѣ, то выше человѣческихъ скелетовъ. Кромѣ перечисленныхъ предметовъ, г. Гошкевичъ извлекъ изъ кургановъ всѣ черепа, неразрушенные временемъ. Если вглядѣться въ эти черепа, то не трудно узнать во многихъ изъ нихъ типичныя черты монгола: широкія скулы, огромныя глазныя орбиты и низкій лобъ.

Всѣ эти вещи отправлены въ Петербургъ для дальнѣйшаго изслѣдованія; вмѣстѣ съ ними туда же будутъ посланы для болѣе точнаго

опредѣленія ихъ значенія и другіе предметы, хранящіеся въ археологическомъ музеѣ Херсонскаго Статистическаго Комитета.

—— Орловская архивная коммиссія, въ силу обстоятельствъ, мало-по-малу превращается въ археологическую, не требующую большихъ затратъ на печатаніе накопившагося матеріала. Имѣя 17 рублей въ кассѣ, нельзя даже отпечатать и роздать членамъ опись 270 дѣлъ, подлежащихъ уничтоженію, а между этими дѣлами имѣются очень интересныя, съ планами уѣздныхъ городовъ орловскаго намѣстничества. Въ послѣднемъ, весьма немноголюдномъ, засѣданіи коммиссіи довелось ознакомиться съ рукописнымъ памятникомъ прошлаго столѣтія,—подробнѣйшимъ описаніемъ Орловской губерніи, въ географическомъ, историческомъ, этнографическомъ и даже въ статистическомъ отношеніяхъ. По мнѣнію коммиссіи, этотъ единственный, виданный ими экземпляръ, есть оригиналъ, составленный, по повелѣнію императрицы Екатерины—отвѣты на запросные пункты. Въ этомъ же засѣданіи сообщено коммиссіи о хранящемся у М. В. С—на 200-лѣтнемъ историческомъ стулѣ, пожалованномъ одному монастырю царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ,—древній памятникъ русскаго искусства, рѣзной, дубовый, обитый алымъ бархатомъ; жаль, что такая реликвія, хранящаяся у частнаго лица въ деревянномъ домѣ, можетъ сдѣлаться жертвою пламени, погибнуть, какъ и много россійскихъ древностей, отъ пожара. Коммиссія заинтересовалась археологическою рѣдкостью, выразивъ желаніе получить къ слѣдующему засѣданію фотографію; стулъ этотъ достался г. С—ву въ имѣніи по наслѣдству отъ матери, которая, въ свою очередь, вымѣняла его у настоятеля монастыря на вольтеровское кресло.

Священникомъ N. N. присланы изъ Болховскаго уѣзда найденныя имъ при раскопкахъ древности, въ родѣ такъ называемыхъ старо-рязанскихъ: перстни, кольца съ каменьями, браслеты серебряные, кресты тѣльные, бусы, кадильница желѣзная съ цѣпями, коллекція кремневыхъ ножей, кости позвонковыя допотопныхъ животныхъ, мамонтовый бивень. Сообщено о ходѣ работъ, правильныхъ раскопкахъ въ городѣ Ливнахъ, гдѣ проводятся минныя галлереи, но за наступленіемъ морозовъ раскопки до весны пріостановлены. Членомъ коммиссіи Н. Г. Тетерою передано въ собственность коммиссіи пожертвованное А. В. Мацневымъ собственноручное письмо-автографъ Императрицы Александры Θеодоровны, адресованное къ княжнѣ Хилковой. Заслушано отношеніе министерства двора къ начальнику губерніи о хищническихъ раскопкахъ въ Брянскомъ уѣздѣ, во время прерванной полиціею; поручено двумъ членамъ коммиссіи ознакомиться съ этимъ дѣломъ на мѣстѣ.

Оказывается, что попытки къ самовольнымъ раскопкамъ произве-

дены на Чашиномъ курганѣ, колодцы кладокопателями засыпаны и вновь, повидимому, не раскапывались. Чашинъ курганъ, какъ его неправильно называютъ — цѣлое земляное укрѣпленіе типа городища, внутренность котораго представляетъ подобіе чашки.

По наведеннымъ справкамъ, оказалось, что на глубинѣ 4 аршинъ обнаруженъ дубовый помостъ надъ пустымъ пространствомъ—тайникомъ и каменная кладка сводчатая, судя по массѣ гончарныхъ черепковъ отъ разбитыхъ урнъ. По мнѣнію профессора Антоновича, съ которымъ списалась коммиссія, это—братская могила, и такъ какъ въ Орлѣ правильныхъ раскопокъ покуда никогда не производилось, то представляется археологамъ случай изслѣдовать похоронный обрядъ. Городище, имѣющее видъ подковы, съ хорошо сохранившимися валами, расположенное на горѣ въ живописной мѣстности надъ рѣкою, несомнѣнно было сторожевымъ пунктомъ отъ набѣговъ крымцевъ, оплотомъ отъ Литвы. Мѣстные крестьяне считаютъ Чашинъ курганъ могилою Кудеяра, мѣстомъ храненія кладовъ награбленныхъ имъ сокровищъ; самъ онъ похороненъ, говоритъ народъ, на золотомъ конѣ. Несомнѣнно, что правильныя раскопки крайне интересны въ научномъ отношеніи и должны дать цѣнныя археологическія находки, но къ прискорбію науки, архивная ученая коммиссія съ 17 рублями фонда предпринять ничего не можетъ и эти драгоцѣнности неизбѣжно сдѣлаются добычею кладоискателей, искателей кубышекъ съ серебряною монетою, если во время не подоспѣетъ субсдія. (Орловск. Вѣст. № 62, 1894 г.).

—— По словамъ „Орловск. Вѣстн.“ при орловской семинаріи учреждается „древне-хранилище“ памятниковъ родной старины, преимущественно церковной; завѣдующимъ „древне-хранилища“ избранъ преподаватель семинаріи И. А. Богдановъ.

—— Г. Конопацкій сообщаетъ въ „Гродненск. Губ. Вѣд“., о слѣдующемъ памятникѣ, находящемся близъ с. Ятвесскъ, Гродненскаго уѣзда:

Въ $^1/_4$ версты къ югу отъ Ятвесской церкви находится довольно хорошо сохранившійся каменный столбъ. Въ суглинистой почвѣ этой мѣстности, къ сѣверу на 1 в., а къ югу, западу и востоку на $^1/_2$ в., и до настоящаго времени находятъ массу кирпича и обгорѣлые смолистые куски бревенъ. На сѣверо-востокъ отъ столба находится казенный и помѣщичій лѣсъ „Дубрава“, въ $1^1/_2$ в. къ востоку сосновыя казенныя заросли, къ югу—имѣніе и деревня Олешевичи, а за ними помѣщичій лѣсъ, примыкающій къ большимъ лѣсамъ Волковыскаго лѣсничества. Ятвесскій столбъ состоитъ изъ 3 частей, и каждая часть его представляетъ многогранную призму. Нижняя и средняя часть его имѣ-

ютъ по 14 граней, а верхняя 8. Вышина нижней части—1 саж., средней около 3-хъ, а верхней 2 сажени. Окружность нижней части столба—имѣетъ 10 арш., средней около $8^1/_2$, а верхней—около 7 арш. Столбъ былъ, какъ видно, оштукатуренъ, но штукатурка вся осыпалась, за исключеніемъ незначительной части карниза сверху столба. Кирпичи во многихъ мѣстахъ, въ особенности въ углахъ граней, выбиты, такъ что грани призмы въ настоящее время замѣчаются съ трудомъ. По народнымъ разсказамъ, на столбѣ былъ крестъ. Относительно исчезновенія его существуетъ такое преданіе: одинъ изъ крестьянъ ближайшей дер. Кривулекъ снялъ крестъ съ башни и отнесъ его къ себѣ въ домъ. Съ той поры не было ему счастья: въ ночь похищенія креста у него пало 2 штуки рогатаго скота, а затѣмъ одна за другой въ его хозяйствѣ пошли бѣды. Наконецъ, во снѣ явился ему старецъ, приказавшій отнести крестъ обратно. Крестъ былъ отнесенъ, поставленъ возлѣ столба, и несчастія въ семьѣ крестьянина прекратились. Куда затѣмъ дѣвался крестъ—неизвѣстно. Говорятъ, будто бы онъ былъ перенесенъ въ церковь, но его теперь тамъ нѣтъ.

О времени основанія описываемаго столба и о причинѣ ѐго возникновенія не сохранилось въ народѣ никакихъ преданій. Но относительно мѣстности, на которой расположенъ Ятвесскъ и башня, преданіе говоритъ, что здѣсь въ незапамятныя времена былъ „столичный“ городъ. Умершій 30 лѣтъ тому назадъ на 99 году жизни крестьянинъ сосѣдней деревни Шпинки разсказывалъ своему внуку, нынѣ сельскому старостѣ, что не только онъ, но его предки, жившіе также до глубокой старости, объ основаніи Ятвесской башни ничего не помнили, а единогласно передавали, что на этомъ мѣстѣ былъ „столичный“ городъ.

Обращаемъ вниманіе археологовъ на этотъ любопытный памятникъ древности. Можетъ быть раскопки въ этой мѣстности дали бы сколько нибудь ясное и точное указаніе на опредѣленіе мѣста поселенія Ятвяговъ, племени, какъ извѣстно изъ отрывочныхъ лѣтописныхъ сказаній, отличавшагося любопытными особенностями.

—— Любители исторіи и археологіи чрезвычайно заинтересованы проектируемымъ учрежденіемъ въ Курской ученой архивной коммиссіи. Потребность въ такомъ спеціальномъ учрежденіи давно уже ощущается въ нашей мѣстности. Курская губернія имѣетъ массу весьма любопытныхъ памятниковъ, требующихъ возможно тщательнаго изслѣдованія и описанія. На всемъ ея пространствѣ разбросанъ цѣлый рядъ кургановъ, городищъ, валовъ, развалинъ, укрѣпленій, основаній стѣнъ. Попадаются весьма древнія церкви и другія зданія весьма древней архитектуры. Въ древлехранилищахъ можно натолкнуться на различныя вещи и книги

глубокой старины. Такія драгоцѣнности нерѣдко по невѣдѣнію хранятся въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Въ архивахъ Курской губерніи встрѣчаются весьма любопытные акты, могущіе послужить къ выясненію спорныхъ историческихъ вопросовъ. Правда, нѣкоторые изъ историковъ и археологовъ, каковы: Багалѣй, Самоквасовъ, членъ археологическаго института А. А. Танковъ, проф. Титовъ и др. много потрудились надъ изученіемъ нашего края, но ихъ работъ недостаточно. Курская губернія на столько обильна памятниками старины, что только хорошо организованное архивное Общество можетъ достигнуть желаемыхъ результатовъ; отдѣльнымъ же лицамъ это совершенно не по силамъ, тѣмъ болѣе, что ученое Общество обладаетъ всегда большими средствами, нежели отдѣльныя лица. Курская ученая архивная коммиссія будетъ организована по образцу существующихъ уже коммиссій въ Рязани, Твери, Костромѣ, Тамбовѣ, Саратовѣ, Орлѣ и Нижнемъ-Новгородѣ.

Въ общихъ чертахъ проектируемая ученая архивная коммиссія будетъ: 1) заниматься раскопкою кургановъ и изслѣдованіемъ ихъ древности; 2) изслѣдованіемъ городищъ, валовъ, стѣнъ и укрѣпленій; 3) осмотромъ и описаніемъ древнѣйшихъ курскихъ храмовъ и другихъ старинныхъ зданій; 4) собираніемъ коллекціи фотографическихъ снимковъ съ предметовъ древности; 5) разыскиваніемъ по Курской губерніи разнообразныхъ старинныхъ вещей; 6) коммиссія будетъ издавать брошюры подъ названіемъ „Труды", гдѣ будутъ сообщаться результаты работъ членовъ архивной ученой коммиссіи; 7) съ теченіемъ времени при коммиссіи будетъ устроенъ музей древнихъ вещей, найденныхъ въ Курской губерніи и пріобрѣтенныхъ коммиссіею или же ей подаренныхъ; 8) предположено также имѣть собственные архивъ и библіотеку. Въ первомъ будутъ находиться всѣ документы, признанные сколько нибудь интересными для археологіи; въ библіотекѣ же помѣстятся всѣ книги и брошюры, такъ или иначе затрагивающія матеріалы для составленія исторіи курской губерніи. (Нов. Вр. 6472, 1894 г.).

—— Пермская ученая архивная коммиссія, какъ сообщаютъ мѣстныя *Губернскія Вѣдомости*, благодаря сочувствію ея задачамъ со стороны уѣздныхъ земскихъ собраній, ассигновавшихъ пособіе по 100 руб. отъ каждаго изъ уѣздовъ губерніи, обладаетъ теперь нѣкоторыми средствами, позволяющими ей значительно расширить свою дѣятельность. Въ настоящее время коммиссія располагаетъ уже собственнымъ помѣщеніемъ, и имѣетъ возможность удобно помѣстить свои будущія археологическія коллекціи, такъ какъ съ коммиссіею соединенъ и музей пермской коммиссіи Уральскаго Общества любителей естествознанія, также имѣющій отдѣлъ археологіи. Въ скоромъ времени коммиссіи

предстоитъ осмотрѣть архивы казенныхъ учрежденій (губернскаго правленія, казенной палаты и др.), многія дѣла которыхъ, будучи предназначены къ уничтоженію, требуютъ пересмотра; кромѣ того, правительствующій сенатъ высылаетъ въ коммиссію для пересмотра дѣла прошлаго столѣтія, касающіяся Пермской губерніи.

——— Газета „Ардзаганкъ“ передаетъ, чро среди армянъ-любителей археологіи возникла мысль основать въ Тифлисѣ армянское археологическое Общество. Общество, какъ предположено, должно задаться цѣлью собирать въ одинъ общій музей всѣ археологическія рѣдкости, находящіяся въ частныхъ рукахъ и сдѣлать ихъ доступными для научнаго изслѣдованія любителей археологіи. По этому поводу, недавно состоялось предварительное частное совѣщаніе, на которомъ рѣшено пригласить всѣхъ интересующихся этимъ дѣломъ на новое совѣщаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ изыскать матеріальныя средства для осуществленія задуманной цѣли.

——— Въ Казани, на Воскресенской ул., были обнаружены подземныя сооруженія, о которыхъ было доведено до свѣдѣнія мѣстныхъ археологовъ. Была образована изъ членовъ Общества археологіи, исторіи и этнографіи коммиссія, которая и произвела осмотръ подземныхъ сооруженій подъ домомъ г. Чарушина на Воскресенской улицѣ. Сохранившіеся здѣсь остатки древнихъ сооруженій, отчасти реставрированныхъ несомнѣнно въ позднѣйшее время, представляютъ рядъ галлерей, расположенныхъ на нѣсколько аршинъ ниже подвальнаго этажа. Часть существовавшихъ здѣсь ходовъ въ формѣ арокъ теперь задѣлана, а потому въ разныя части этого подземнаго зданія, приходилось проникать тремя-четырьмя различными ходами. Въ части зданія, примыкающаго къ Черноозерской улицѣ, по словамъ сторожиловъ дома г. Чарушина, существующее подземелье было очень глубоко и для того, чтобы поднять его основаніе до настоящаго уровня пришлось насыпать туда щебню и различнаго мусора на высоту до $2^1/_2$ саж. Существуетъ предположеніе, что изъ этой именно части подземелья идутъ подземные ходы въ сторону р. Казанки или крѣпости. Для выясненія этого вопроса и другихъ возникшихъ при осмотрѣ подземелья, будетъ вѣроятно, предпринято дополнительное разслѣдованіе и произведены нѣкоторыя раскопки. Вообще же произведенный осмотръ не даетъ пока никакихъ опредѣленныхъ результатовъ, хотя большинство присутствовавшихъ членовъ коммиссіи исключали возможность предположенія, чтобы это подземное зданіе могло быть отнесено къ древнимъ татарскимъ сооруженіямъ. Всего вѣроятнѣе, что постройка его относится къ XVIII вѣку. (Волжск Вѣстн. № 36, 1894 г.).

—— Въ газетѣ „Приазовскій край“ напечатано, что совѣтъ Маріупольской Александровской гимназіи съ цѣлью основательнаго изученія мѣстной исторіи открылъ историко-археологическій музей, который впредь до построенія собственнаго зданія будетъ помѣщаться въ домѣ почетнаго попечителя гимназіи А. Д. Хараджаева. Но такъ какъ для процвѣтанія и пополненія музея необходимо и содѣйствіе частныхъ лицъ, то завѣдующій музеемъ, преподаватель гимназіи С. Г. Квитницкій, разослалъ циркулярное письмо всѣмъ священникамъ, учителямъ и многимъ жителямъ уѣзда съ просьбой прислать въ музей могущія быть у нихъ старинныя вещи. Въ своемъ письмѣ г. Квитницкій говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Многіе предметы старины, даже самые незначительные, имѣютъ несомнѣнный интересъ для мѣстной исторіи, и собранныя коллекціи могутъ представить болѣе или менѣе полную обстановку быта народовъ, занимавшихъ нашу мѣстность; здѣсь были скиѳы, кочевники разныхъ наименованій, татары, итальянцы со временъ среднихъ вѣковъ, греки съ древнѣйшихъ временъ и русскіе съ до-татарскаго періода и несомнѣнно каждый изъ нихъ оставилъ въ землѣ что либо изъ своей житейской обстановки“.

Въ виду важнаго значенія музея, какъ хранителя всего этого для науки и на изученіе подрастающему поколѣнію, смѣемъ выразить надежду, что всякій, кому дорогъ родной край и воспитаніе молодаго поколѣнія, придетъ на помощь музею, жертвуя въ него разныя старинныя вещи, тѣмъ болѣе, что онѣ часто для частнаго лица не имѣютъ никакого значенія.

—— По словамъ „Русск. Жизни“, на предстоящемъ археологическомъ съѣздѣ въ Ригѣ будутъ, между прочимъ, фигурировать крайне интересные памятники эстонской жизни. Такъ пасторъ, докторъ богословія I. Гуртъ, не только сдѣлаетъ докладъ о собранныхъ имъ въ теченіе многихъ лѣтъ памятникахъ эстонской старины, но и намѣренъ выставить въ Ригѣ весь собранный имъ матеріалъ. При содѣйствіи 700 сотрудниковъ почтенному ученому удалось собрать до сихъ поръ около 30,000 старинныхъ эстонскихъ пѣсенъ, 4,000 сказокъ, 25,000 поговорокъ, 20,000 загадокъ, нѣсколько тысячъ сообщеній о суевѣрныхъ обычаяхъ, массу сообщеній о старинныхъ нравахъ, народныхъ играхъ и оборотахъ рѣчи. Весь этотъ грандіозный матеріалъ составляетъ 83 большихъ тома, каждый отъ 800 — 1000 страницъ. Помѣщается эта оригинальная библіотека въ особомъ дубовомъ шкафу, принесенномъ въ даръ однимъ эзельскимъ эстонцемъ. Изъ всѣхъ эстонскихъ приходовъ поступали сообщенія, освѣщающія прошлое эстонскаго племени и его духовную жизнь въ теченіе всѣхъ вѣковъ. Въ 1896 году любо-

пытный шкафъ съ своимъ содержимымъ будетъ отправленъ на археологическую выставку въ Ригу. Кромѣ того, почтенный ученый намѣренъ еще составить, по возможности, полный альбомъ своихъ 700 сотрудниковъ, являющихся представителями эстонскаго племени изъ разныхъ мѣстъ. Пасторъ Гуртъ призываетъ своихъ соотчичей къ дальнѣйшему дѣятельному собиранію памятниковъ родной старины, выражая желаніе, чтобы число его сотрудниковъ, по возможности, достигло бы до тысячи человѣкъ.

—— „Gaz. War.“ сообщаетъ, что умершій недавно въ Каменецъ-Подольскѣ д-ръ Ролль оставилъ коллекцію рѣдкостей, имѣющую, по словамъ знатоковъ, большую цѣнность и состоящую изъ множества документовъ, рукописныхъ сочиненій, портретовъ, миніатюръ, стараго саксонскаго и другихъ фарфоровъ, старинныхъ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, и пр., главнымъ образомъ XVII и XVIII вѣковъ. Въ числѣ портретовъ особое вниманіе обращаетъ чудный, писанный пастелью, портретъ (итальянской работы) графини Ядвиги Мануцци, фаворитки короля Станислава-Августа, умершей въ Гроднѣ, въ 1778 году. Наслѣдники покойнаго предполагаютъ продать эту коллекцію. (Нов. Вр. № 6464, 1894 г.).

—— При открывшемся въ прошломъ году Волынскомъ церковно-археологическомъ древлехранилищѣ, по иниціативѣ архіепископа Модеста, учреждается библіотека, въ которую предполагается собрать, по возможности, всю литературу, имѣющую отношеніе къ волынской старинѣ. (Нов. Вр. № 6442, 1894 г.).

—— Церковно-археологическая коллекція С.-Петербургской Духовной Академіи обогатилась за послѣднее время нѣсколькими весьма цѣнными пріобрѣтеніями, принесенными въ даръ проф. И. Е. Троицкимъ, Изъ нихъ особаго вниманія заслуживаетъ „Грамота патріарха Пароенія III и сущаго при немъ синода“, отъ 1656 г., августа 3 индикта, Аѳанасію, митрополиту Новыхъ-Патръ, бывшему архіепископу доменикскому, элассонскому, по случаю его перемѣщенія на каѳедру ново-патрскую. Грамота имѣетъ свинцовую вислую печать, съ изображеніемъ Богоматери съ младенцемъ Іисусомъ на одной сторонѣ и начертаніемъ титула патріарха Пароенія—на другой. Другое цѣнное пріобрѣтеніе академіи, представляющее несомнѣнный интересъ для исторіи русскаго быта, составляетъ „Описаніе въ лицахъ“ торжества, происходившаго 5-го февраля 1626 года при бракосочетаніи государя Михаила Ѳеодоровича; изданіе это снабжено массою гравюръ. (Нов. Вр. № 6467, 1894 г.).

—— Императорскій фарфоровый заводъ будетъ праздновать въ концѣ іюля 150-лѣтній юбилей своего основанія. По собраннымъ по

этому случаю архивнымъ матеріаламъ оказывается, что этотъ заводъ далъ первый толчекъ фарфоровому производству въ Россіи. Ко дню юбилея приготовляется изданіе исторіи завода. Между найденными документами въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ находится письмо графа К. Разумовскаго къ барону Черкасскому, завѣдывавшему въ 1742 году постройками въ Царскомъ-Селѣ, свидѣтельствующее, что первыя основательныя пробы производства фарфора въ Россіи были произведены выписанными китайскими мастерами. (Нов. Вр. № 6473, 1894 г.).

—— Извѣстная Строгоновская бронзовая статуэтка Аполлона, изображающая бога въ позѣ Бельведерской статуи, послужившая Стефани, а за нимъ многимъ историкамъ искусства, образцомъ для реставраціи утраченной лѣвой руки бельведерской статуи, признана Ад. Фуртвенглеромъ въ его послѣднемъ трудѣ „Meisterwerke der griechischen Plastik“ —фальшивою (Die Bronze ist nichts als ein modernes Machwerk, ein schlechtes und absolut wertloses).

—— Гр. Тышкевичъ, живущій въ Парижѣ, недавно пріобрѣлъ нѣсколько предметовъ древности, происходящихъ, будто бы, изъ одной гробницы Южной Россіи. Самый интересный предметъ—это серебряное блюдо въ 33 сант. въ діаметрѣ. Нѣсколько фигуръ, чеканной работы, сходны со сценою, изображенною на одной керченской вазѣ [1]), имѣющей отношеніе къ Элевсинскимъ мистеріямъ. На блюдѣ изображены и Діонисъ съ ѳирсомъ, и Триптолемъ на колесницѣ, и алтарь съ лежащимъ на немъ бараномъ и проч. Изъ той же гробницы происходитъ золотой вѣнокъ съ посвященіемъ богамъ, серебряный свѣтильникъ съ посвященіемъ Зевсу Спасителю, золотой ящичекъ съ изображеніемъ крылатаго грифона, затѣмъ колье, браслеты, серьги и проч. Всѣ эти предметы были демонстрированы въ одномъ изъ засѣданій парижской Академіи надписей (4 февраля). По поводу нихъ С. Рейнакъ помѣстилъ въ Chronique des Arts (№ 7, 1894 года) замѣтку, въ которой выражаетъ сомнѣніе въ подлинности этихъ вещей. Фальсификація древностей, по его словамъ, очень увеличилась на югѣ Россіи послѣднія 15 лѣтъ [2]), въ чемъ онъ убѣдился при посѣщеніи въ прошломъ году Одессы. Въ Chronique d'Orient [3]) онъ напечаталъ слѣдующую замѣтку о пребываніи своемъ въ Одессѣ: „Я имѣлъ случай довольно продолжительное время изучать Одесскій музей. Коллекціи его, довольно несовершенно расположенныя, заключаютъ глиняные предметы изъ Ольвіи и Пантикапеи, но имѣются

[1]) Очевидно рис. 4 перваго вып. „Русск. Древн.“ гр. Толстаго и Кондакова.

[2]) Мѣсто фабрикаціи фальшивыхъ надписей, по словамъ Р., сосѣднія съ Ольвіей деревни.

[3]) См. Revue arch. 1893, t. XXII, p. 378.

также и вазы, пріобрѣтенныя въ Италіи“. Между мраморами Р. отмѣчаетъ архаическій барельефъ изъ Смирны, затѣмъ архаистическій изъ Ольвіи, который онъ обѣщаетъ издать [1]). Архаическая Афродита и карійскій идолъ, о которыхъ упоминалъ Фуртвенглеръ (Phil. Woch., 1888, стр. 1516), не находятся въ музеѣ и хранитель музея увѣрялъ Рейнака, что онъ объ этихъ предметахъ никогда не зналъ (il y là un point à éclaircir, прибавляетъ Рейнакъ). Затѣмъ отмѣчаетъ обломки краснофигурныхъ вазъ съ надписями (теперь изд. въ Зап. Од. Общ., т. XVI) и сосудъ съ изображеніями воина и амазонки и съ надписями *HILINOΣ ΕΠΟΙΕ*. „Особенно былъ я пораженъ, пишетъ Р., большимъ количествомъ фальшивыхъ предметовъ, встрѣченныхъ мною въ Одессѣ не только у торговцевъ или у частныхъ лицъ, но и въ самомъ музеѣ. Вблизи Ольвіи должна существовать цѣлая фабрика фальшивыхъ надписей и нѣкоторыя изъ нихъ, какъ подлинныя, были даже изданы г. Латышевымъ (Зап. Од. Общ., XV, стран. 499). Мнѣ разсказывали объ одной надписи въ 600 буквъ, болѣе чѣмъ сомнительной, находящейся въ богатомъ собраніи древностей г. Сиручана въ Кишиневѣ. Фальшивые драгоцѣнные предметы также многочисленны; я срисовалъ въ музеѣ нѣсколько изъ тѣхъ, которые принесены были въ даръ г. Бурачковымъ, какъ найденные въ Ольвіи, но которые представляютъ довольно искусную копію съ барельефа виллы Пинчіане“. Изъ мѣстныхъ собраній Р. наилучшимъ считаетъ собраніе Кугеля, богатое терракотами, ожерельями изъ Ольвіи и воспорскими монетами, и затѣмъ Куриса. У Лемме имѣется нѣсколько превосходныхъ предметовъ, оставшихся отъ его прежняго собранія, проданнаго владѣльцемъ Эрмитажу.

—— Въ Савойѣ, въ долинѣ des Fins, открыта римская вилла, длиною въ 150 метр. и шир. въ 60. Она была скрыта подъ землей на 8 или на 10 метровъ. По сторонамъ главной дороги, очень широкой, воздвигнуты конныя статуи, многочисленные монументы, поставленные въ память какого-либо событія. При раскопкахъ найдено значительное количество (болѣе 30,000) римскихъ монетъ. Обломки статуй, найденные при раскопкахъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно важнаго значенія этой виллы. (Chr. d. A. № 34, 1893).

—— Французская Аѳинская школа готовится предпринять въ недалекомъ будущемъ новыя, имѣющія важное значеніе археологическія раскопки въ Тегеѣ. Греческій министръ народнаго просвѣщенія назначилъ уже техническую Коммиссію, на которую возложено порученіе отправиться въ Тегею, чтобы изслѣдовать избранное дирекціей Фран-

[1]) Объ немъ см. Revue arch. 1889, p. 114.

цузской школы мѣсто и опредѣлить тѣ участки земли, въ которыхъ должны быть произведены раскопки. Цѣль этихъ раскопокъ — открыть знаменитый храмъ Алеи Аѳины, одинъ изъ самыхъ древнихъ и, можетъ быть, одинъ изъ самыхъ интересныхъ памятниковъ Пелопонеса, заключающій въ себѣ, по свидѣтельству греческихъ историковъ, значительное количество статуй Скопаса. (Chr. d. A., № 4, 1894 г.).

—— Работы, произведенныя въ Беотіи для осушенія Копайскаго озера, послужили поводомъ къ открытію слѣдовъ огромныхъ построекъ, восходящихъ къ самой древней эпохѣ греческой исторіи. Болѣе чѣмъ за тысячу лѣтъ до нашей эры были употреблены огромныя усилія чтобы запрудить это нездоровое озеро и сдѣлать здоровыми его берега. Намъ извѣстно отъ древнихъ авторовъ, что въ очень отдаленное время Копайское озеро было осушено и берега его были сдѣланы удобными для земледѣлія минійцами, земледѣльческимъ народомъ, пришедшимъ изъ Ѳессаліи. Статья Камбаниса въ Bul. de Cor. Hel. и лекція Курціуса въ Берлинской Академіи, обратили вниманіе на остатки этихъ доисторическихъ работъ, планъ которыхъ возстановилъ французскій инженеръ Лалье. Камбанисъ въ скоромъ времени опять будетъ писать о томъ же предметѣ. (Chr. d. A., № 32, 1893 г.).

—— La direction du service des antiquités въ Египтѣ постановила нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ рѣшеніе, которое будетъ, безъ сомнѣнія, очень оцѣнено ученымъ міромъ вообще, и египтологами въ частности. Рѣчь идетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ объ изданіи „in extenso“ всѣхъ памятниковъ древняго Египта, которые можно видѣть еще и теперь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ оставили фараоны или ихъ подданные. Этотъ трудъ, что, впрочемъ, и понятно, повлечетъ за собой огромныя издержки и значительную трату времени. Всѣ области, находившіяся нѣкогда во владѣніи фараоновъ, будутъ поочередно изслѣдованы, и памятники, находящіеся въ этихъ земляхъ, старательно возстановлены во всѣхъ своихъ малѣйшихъ подробностяхъ. Полное возстановленіе памятниковъ охватитъ семь частей, сообразно областному дѣленію древняго государства фараоновъ.

Въ 1893 г. Морганъ началъ осуществленіе своего проекта съ возстановленія всѣхъ еще существующихъ памятниковъ, или, по крайней мѣрѣ, такихъ, которые можно видѣть еще и теперь на пространствѣ между первымъ водопадомъ и Омбосскимъ храмомъ. Отъ Ассуана до Омбоса эти памятники, хотя и очень многочисленные, не имѣютъ особенно важнаго значенія; всѣ они, тѣмъ не менѣе, были возстановлены и составятъ содержаніе перваго, очень разнообразнаго тома. Въ Омбосѣ, напротивъ, единственный памятникъ задержалъ экспедицію на довольно

продолжительное время. Правда, здѣсь рѣчь идетъ о храмѣ, почти вполнѣ сохранившемся, и освобожденіе котораго изъ нѣдръ земли тѣмъ болѣе затруднительно, что почти всѣ ученые, посѣтившіе Египетъ, объявили, что очистить его отъ мусора и земли невозможно, принимая во вниманіе тѣ опасности, которымъ могло бы подвергнуться зданіе, близколежащее къ теченію Нила. Съ большими затрудненіями храмъ былъ освобожденъ изъ подъ мусора и, начальникъ экспедиціи, Морганъ, былъ щедро вознагражденъ за свой трудъ: весь храмъ выступилъ изъ земли, покрытый скульптурами и надписями, почти цѣликомъ удивительно сохранившимися.

Омбосскій храмъ возвышается на вершинѣ холма, нѣкогда окруженнаго со всѣхъ сторонъ водою, теперь же накопившійся песокъ засыпалъ рукавъ Нила, отдѣлявшій его отъ восточнаго берега. Переднія части храма подымаются отвѣсно на берегу; добрая половина ихъ исчезла, также какъ и часть ограды, которая составляла съ этой стороны священное мѣсто. Эта стѣна, построенная изъ сыраго кирпича, существуетъ еще почти цѣликомъ на другихъ сторонахъ.

Въ южной стѣнѣ сохранились нѣкоторыя отверстія; одно, самое близкое къ рѣкѣ, находилось въ гигантскихъ пропилеяхъ, на боковыя стороны которыхъ опирались концы ограды; эта постройка, временъ Птолемеевъ, открываетъ доступъ въ маленькій храмъ, воздвигнутый также на берегу рѣки, но нѣсколько къ сѣверу отъ большаго храма; малый храмъ и пропилеи наполовину разрушены, западная часть строенія обрушилась въ рѣку, между тѣмъ какъ восточная часть устояла. Омбосскій храмъ посвященъ Гарерисъ (Haroëris) и Собку, божествамъ совершенно различнымъ, изъ которыхъ одно, Гарерисъ, занимаетъ сѣверную половину храма, а Собку южную. Поклоненіе этимъ двумъ божествамъ смѣшивается, и нерѣдко можно видѣть рядомъ обоихъ божествъ то въ южной, то въ сѣверной части храма. Между тѣмъ посвятительныя надписи и длинные миѳологическіе тексты имѣютъ отношеніе къ каждому изъ этихъ двухъ боговъ въ той части храма, которая ему спеціально посвящена.

Судя по надписямъ, время сооруженія храма относится къ эпохѣ Птоломеевъ VII—XII, но дворъ и пилонъ передъ нимъ были украшены скульптурой уже въ римскую эпоху, и среди изображеній, покрывающихъ стѣны этихъ обѣихъ частей зданія, можно прочесть имена Августа, Тиверія, Калигулы, Клавдія, Нерона, Веспасіана, Домиціана и Антонина. Маленькая часовня, построенная во времена Домиціана, на югъ храма, совсѣмъ около или близко отъ оградной стѣны, имѣетъ на себѣ даже картуши съ именемъ Коммода. Различныя греческія надписи

также были найдены въ Омбосѣ; двѣ изъ нихъ еще на своихъ мѣстахъ; одна въ большомъ храмѣ содержитъ въ себѣ посвященіе Птолемея VII-го и Клеопатры божеству Гарерисъ; другая, высѣченная на фронтонѣ часовни, воздвигнутой снаружи большаго храма, гласитъ, что это зданіе было посвящено Афродитѣ Петроніей Магною и ея дѣтьми въ седьмой годъ царствованія Домиціана. Двѣ другія надписи, высѣченныя на подножіи статуй или на алтарныхъ базахъ, помѣчены: одна царствованіемъ Домиціана, другая — Септимія Севера и Юліи Домны.

Добытые раскопками египетскія надписи затрогиваютъ самые различные предметы: астрономію, географію, миѳологію, не говоря уже о филологическомъ интересѣ, представляемомъ этими надписями, по которымъ можно будетъ дать достаточное объясненіе о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя произошли при переходѣ древне-египетскаго языка въ коптскій. (Изъ Chr. d. A. № 32, 1893 г.).

—— Де-Морганъ сдѣлалъ новыя открытія въ странѣ пирамидъ. Пирамиды всегда привлекали къ себѣ вниманіе даже въ древнемъ мірѣ. Цѣпь ихъ тянется между Ниломъ и пустыней. Но лишь немногія изъ пирамидъ открыты за послѣднія 15 лѣтъ. Вообще, принято, что эти пирамиды, которыхъ Лепсіусъ насчитываетъ 67, служили могилами для древнѣйшихъ фараоновъ, но еще въ 1880 году ученый Маріеттъ былъ убѣжденъ, что безполезно было бы искать въ пирамидахъ какія-либо надписи. Однако, онъ самъ въ концѣ своей карьеры открылъ надписи въ пирамидѣ Пепи I-го. Затѣмъ много надписей открылъ Масперо и результатъ своихъ открытій изложилъ въ своемъ сочиненіи о египетской археологіи.

Пирамиды состояли изъ трехъ частей: изъ храма, корридора и погребальныхъ склеповъ Храмъ всегда стоялъ особнякомъ отъ пирамиды. Отъ храмовъ не осталось слѣдовъ. Самыя же пирамиды состоятъ лишь изъ корридоровъ и склеповъ. Древнѣйшія изъ пирамидъ къ сѣверу отъ Абидоса называются Снофру. Позднѣйшія принадлежатъ фараонамъ 12-й династіи. Недавно открыли еще группу пирамидъ, на югъ отъ Дашура, принадлежащую къ Снофру. Эти двѣ группы относятся къ древней 3-й династіи.

Двѣ изъ пирамидъ Дашура отличаются тѣмъ, что выстроены изъ простыхъ кирпичей. Еще древніе обратили вниманіе на эту особенность. Геродотъ разсказываетъ, что фараонъ, по имени Азихисъ, желая превзойти всѣхъ своихъ предшественниковъ, оставилъ по себѣ кирпичную пирамиду съ такой надписью, вырѣзанною на камнѣ: „Не презирай меня, сравнивая меня съ каменными пирамидами; я настолько же выше ихъ, насколько Юпитеръ выше другихъ боговъ; такъ какъ я выстроена

изъ кирпичей, сдѣланныхъ изъ нильскаго ила". О какой пирамидѣ изъ кирпича говорилъ Геродотъ? Такихъ пирамидъ четыре: двѣ въ Дашурѣ и двѣ въ Фаюмѣ.

Изслѣдователи до Моргана ничего не нашли въ этихъ таинственныхъ пирамидахъ. Но Морганъ рѣшилъ ихъ вновь изслѣдовать. Особенно его занимала одна пирамида не далеко отъ Каира, сильно пострадавшая отъ времени. Онъ вырылъ подъ ней и около нея колодцы и нашелъ на глубинѣ 9 футъ чрезвычайно крѣпкій камень, несомнѣнно діоритъ. Такихъ камней въ этой странѣ не встрѣчается. Значитъ камень этотъ скрывалъ входъ въ подземелье. И дѣйствительно за нимъ нашли 14 погребальныхъ склеповъ. Другіе, еще болѣе многочисленные раскапываются.

Пока не имѣется свѣдѣній о томъ, что нашли въ этихъ склепахъ. Но, во всякомъ случаѣ, открытіе это считается важнымъ для археологіи. (Нов., № 54, 1894 г.).

—— Женевскій профессоръ Жюль Николь опубликовалъ тексты папирусныхъ фрагментовъ Гомера, пріобрѣтенныхъ въ Египтѣ для женевской публичной библіотеки. Одинъ изъ нихъ имѣетъ значительный интересъ, заключая въ себѣ существенный варіантъ къ принятому тексту, именно въ концѣ XI и началѣ XII книгъ Иліады. Четыре остальные фрагмента менѣе важны; одинъ изъ нихъ касается Одиссеи, три— Иліады, подтверждая въ существенномъ принятый текстъ. (Русск. Вѣд., № 37, 1894 г.).

—— Въ Вѣнѣ открылась интересная выставка: 10,000 египетскихъ папирусовъ, открытыхъ въ Эль-Фаюмѣ и купленныхъ австрійскимъ эрцгерцогомъ Райнеромъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Коллекція эта — единственная въ своемъ родѣ. Документы, составляющіе ее, написаны на одиннадцати различныхъ языкахъ и обнимаютъ собою періодъ въ 2500 лѣтъ. Всѣ они были разобраны учеными спеціалистами и заключаютъ въ себѣ массу чрезвычайно драгоцѣнныхъ свѣдѣній, касающихся культуры древнихъ египтянъ и ихъ частной и общественной жизни: тутъ есть и коммерческія письма, контракты, росписки въ полученіи налоговъ, завѣщанія, а также манускрипты романовъ, счеты портнаго и одно любовное письмо, написанное въ 1200 году до Р. Х. Кромѣ того, найдены отрывки греческихъ авторовъ, считавшихся затерянными. Въ этой коллекціи находится, между прочимъ, интересный документъ—оффиціальное удостовѣреніе, выданное одному гражданину въ томъ, что онъ принесъ требуемую императорскимъ декретомъ жертву. Такого рода свидѣтельство, по словамъ профессора Гарнака, разслѣдовавшаго исторію ихъ происхожденія, называлось „libellatici" и вы-

давалось робкимъ христіанамъ, которые не хотѣли принять вѣнецъ мученичества, но въ то же время не желали измѣнять своей вѣрѣ; они были очень распространены въ III вѣкѣ. (Нов. № 50, 1894 г.).

—— Клермонъ Ганно сообщилъ въ Академіи надписей объ открытой имъ латинской надписи въ Беттирѣ, въ окрестностяхъ Іерусалима. Эта неизданная надпись, почти стершаяся, высѣчена на скалѣ, около отверстія древняго водопровода. Она состоитъ изъ пяти или, можетъ быть, изъ шести строкъ, и содержитъ имена двухъ центуріоновъ, начальниковъ отрядовъ пятаго Македонскаго легіона и одиннадцатаго Клавдіева легіона. Эти отряды были взяты вмѣсто двухъ легіоновъ, стоявшихъ уже по квартирамъ на берегахъ Дуная и были призваны въ Палестину во время еврейскаго возстанія подъ предводительствомъ Вар кохеба, въ царствованіе Адріана, въ 135 году. Послѣ подавленія возстанія евреевъ, эти отряды должны были остаться гарнизонами въ Беттирѣ, который былъ важнымъ стратегическимъ пунктомъ господствовавшимъ надъ однимъ изъ путей, ведущихъ изъ Іерусалима къ Средиземному морю. Это открытіе служитъ важнымъ аргументомъ въ пользу мнѣнія, которое до сихъ поръ встрѣчало противорѣчія, что арабская мѣстность Беттира тожественна съ городомъ Bethas или Bether, центромъ пребыванія Варкохеба и мѣстомъ разыгравшейся здѣсь военной драмы, ознаменованной окончательнымъ уничтоженіемъ іудейской національности. Клермонъ Ганно сближаетъ Беттирскую надпись съ другою римскою надписью, открытою имъ нѣсколькими годами позднѣе, недалекко оттуда, въ Эммаусѣ-Никополисѣ (евангельскомъ Эммаусѣ), и въ которой упоминается также о солдатѣ пятаго Македонскаго легіона. Эммаусъ-Никополисъ, господствующій надъ дорогой изъ Іерусалима въ Яффу, былъ, какъ и Беттиръ, стратегическимъ пунктомъ, и, послѣ побѣды, долженствовалъ быть также сильно укрѣпленнымъ римлянами, въ виду той же необходимости и тѣхъ же самыхъ условій, какъ и Беттиръ, который еще носитъ на арабскомъ языкѣ характерное названіе Кирбетъ-ель-Ягудъ, т. е. „развалина іудеевъ“. (Rev. Cr., № 5, 1894 г.).

—— Г. Вейль сообщилъ Парижской Академіи Надписей о поэтическихъ текстахъ надписей, открытыхъ французами въ Дельфахъ. Это гимны, составленные для празднествъ въ святилищѣ. Одинъ изъ нихъ, пэанъ, вполнѣ сохранившійся, даетъ новыя подробности объ Аполлонѣ; гимну предшествуетъ декретъ Дельфійцевъ, дающій поэту почетныя отличія. Еще болѣе важны части гимна съ нотами, представляющія самые обширные образцы музыки древнихъ грековъ. Два обломка надписи въ 37 строкъ, повидимому, принадлежатъ тому же гимну, представляютъ воодушевленную картину праздника въ честь Аполлона, и намека-

ютъ на событія, которыя позволяютъ приблизительно опредѣлить эпоху. Напомнивъ о побѣдѣ Аполлона надъ дракономъ, нѣкогда жившемъ въ святилищѣ, поэтъ сближаетъ чудовище съ Галлами-завоевателями, слѣдовательно гимнъ могъ быть написанъ вскорѣ послѣ 278 г. до Р. Х. Гимнъ представляетъ прекрасный образецъ оффиціальной поэзіи эпохи Ѳеокрита и Каллимаха. Отъ другаго гимна, написаннаго два вѣка позднѣе, остались только обломки; впрочемъ, благодаря вѣроятной реставраціи, видно, что гимнъ оканчивался обѣтами коллегіи Менадъ и пожеланіями увеличенія имперіи римской. Подробное изслѣдованіе объ этихъ гимнахъ появится въ Bull. de Cor. hell. (Revue cr. № 6, 1894 г.).

—— Скульптурныя части Парѳенона такъ разсѣяны повсюду, что нерѣдко отыскиваются до сихъ поръ неизвѣстные обломки. Амелунгъ указалъ въ Палермскомъ Музеѣ обломокъ фриза, принадлежащаго къ группѣ Афродиты и Пейѳо; онъ проситъ, чтобы этотъ барельефъ, не имѣющій особеннаго значенія для Сициліи, былъ возвращенъ въ Аѳинскій Музей, владѣющій остальною частью фриза. Въ самыхъ Аѳинахъ Леви обнаружилъ неизвѣстный обломокъ головы Афродиты, принадлежащей восточному фризу. Объ открытіи Шверцекомъ въ Брит. Музеѣ было уже сообщено въ Арх. Изв. и Зам. (1893 г., стр. 272). Извѣстно, что Луврь уже нѣсколько лѣтъ владѣетъ прекрасной головой, принадлежащей одной изъ метопъ, найденной въ морѣ въ Пиреѣ, и, наконецъ, въ Венеціанскомъ Музеѣ Вальдштейнъ нашелъ часть одной изъ прекраснѣйшихъ фигуръ фронтоновъ.

Особеннно въ Италію участники экспедиціи Морозини должны были перенести много скульптурныхъ обломковъ, разореныхъ ими въ 1687 году; возможно, что открытія, подобныя только что упомянутымъ, увеличатся по мѣрѣ того, какъ сокровища музеевъ будутъ дѣлаться предметомъ болѣе подробнаго изслѣдованія: (Chr. d. A. № 31, 1893 г.).

—— Недавно изданы два новыхъ сочиненія, авторы которыхъ дѣлаютъ попытку разрѣшить одинъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ археологіи, касающійся реставраціи Афродиты Милосской.

Первое сочиненіе принадлежитъ Фуртвенглеру, хранителю Берлинскаго Музея [1]). Отвергая гипотезы о группировкѣ, высказанныя Катрм. де Кенси и Равессономъ, нѣмецкій авторъ считаетъ уже доказаннымъ, что лѣвая рука, держащая яблоко, принадлежала статуѣ, что правая рука была опущена, при чемъ она не касалась драпировки, наконецъ, что знаменитый пропавшій осколокъ съ надписью, по всей вѣроятности, принадлежалъ плинтусу. Допуская это, можно заключить, что Милос-

[1]) Meisterwerke der Griech. Plastik.

ская Афродита, изваянная около 100-го года до Р. Х., есть творенiе очень искуснаго художника, который былъ вдохновленъ произведенiемъ Скопаса, но который далъ рукамъ статуи неблагопрiятное положенiе. Такимъ образомъ, Афродита обязана частью своей прелести тому искаженiю, въ состоянiи котораго дошла она до насъ. По мнѣнiю Фуртвенглера, съ лѣвой стороны статуи была колонка, на которой лежалъ локоть лѣвой руки, держащей яблоко. Рѣзной камень Берлинскаго Музея представляетъ Афродиту въ такомъ положенiи, въ какомъ представляютъ милосскiя монеты изображенiе Тихи этого острова. По мнѣнiю С. Рейнака, глава у Фуртвенглера объ Афродитѣ Милосской имѣетъ интересъ побочными вопросами, которые оно возбуждаетъ, но что въ цѣломъ оно не подвинуло впередъ рѣшенiе задачи. Возстановленная такъ, какъ предлагаетъ Фуртвенглеръ, Афродита была бы неуклюжимъ произведенiемъ; кромѣ того, то время, которому онъ приписываетъ статую, нельзя согласить съ дивной тонкостью работы, подобной которой едва ли найдется въ названную эпоху.

Англiйскiй скульпторъ John Bell („The Magazine of Art", november 1893, p. 16) допускаетъ, говоря о Милосской статуѣ, нѣкоторыя ошибки въ деталяхъ. Но онъ изъ числа тѣхъ немногихъ, которые имѣли смѣлость возстановить модель изъ гипса, и его попытка не лишена интереса. Рѣчь идетъ, по его мнѣнiю, объ Венерѣ donatrix, которая была помѣщена въ театрѣ, какъ раздавательница наградъ. И въ лѣвой, поднятой кверху рукѣ, и въ правой опущенной, но не касающейся драпировки, держала она по вѣнку. Bell приложилъ три фотографическихъ снимка своей возстановленной модели, которая, конечно, чрезвычайно остроумна. Но едва ли идея помѣстить по вѣнку въ каждой рукѣ богини можетъ принадлежать античному мiру, хотя то же самое было уже предложено Штейгейзеромъ для статуи Эрота Палатинскаго въ Луврѣ. Кромѣ того, невозможно не принимать въ соображенiе обломковъ лѣвой руки, держащей яблоко, обломковъ, о существованiи которыхъ, авторъ, кажется, даже и не знаетъ. (Chr. d. A. № 36, 1893 г.).

—— С. Рейнакъ сдѣлалъ сообщенiе въ Академiи Надписей объ ex-voto (приношенiе по обѣту) Аттала и о скульпторѣ Эпигонѣ. Вслѣдствiе своихъ побѣдъ надъ азiатскими галлами, греческiе государи Пергама, ранѣе всѣхъ Атталъ, воздвигли какъ въ самомъ Пергамѣ, такъ и въ Аѳинахъ группы, представляющiя побѣжденныхъ. Въ Аѳинахъ Галлы были отнесены къ Гигантамъ, Амазонкамъ, Персамъ и другимъ врагамъ, надъ которыми восторжествовалъ эллинизмъ. До насъ дошли воспроизведенiя этихъ группъ. Реплики Аѳинской группы были открыты въ Римѣ въ 1514 году. Современное свидѣтельство упоминаетъ между

ними мертвую женщину, ребенокъ которой протягивается къ груди матери. Это изваяніе считали затеряннымъ, но Михелисъ отыскалъ въ Базелѣ древній рисунокъ его, который доказываетъ, что оно тожественно съ изваяніемъ Амазонки, находящимся теперь въ Неаполѣ. Только въ эпоху Возрожденія исчезъ ребенокъ, который былъ отдѣленъ отъ статуи послѣ открытія ея.

Кромѣ того, одно мѣсто у Плинія приписываетъ скульптору Эпигону, изваявшему трофеи Аттала, статую трубача и статую мертвой матери съ ребенкомъ. С. Рейнакъ указываетъ, что, если трубачъ есть тотъ мнимый гладіаторъ Капитолія, въ которомъ признали Галла, то мертвая мать должна составлять съ нимъ одно цѣлое и изображать галльскую женщину. Въ Аѳинской группѣ, относящейся къ позднѣйшему времени, галльская женщина превратилась уже въ Амазонку. Это можетъ быть только слѣдствіемъ заимствованія, потому что древніе никогда не изображали Амазонокъ съ ихъ дѣтьми. Все же группа, извѣстная по Базельскому рисунку не есть копія произведенія Эпигона: это только неискусное подражаніе произведеній этого художника, изобразившаго умирающую галльскую женщину.

Рейнакъ указалъ также, что Рафаэль въ своемъ рисункѣ, изображающемъ чуму во Фригіи, гравированнымъ Маркомъ-Антоніемъ, вдохновился группою женщины и ребенка, которая была открыта въ Римѣ въ 1514 году. (Chr. d. A., № 1, 1894 г.).

—— Годъ тому назадъ Шлумбергеръ представилъ въ Академію Надписей бронзовое византійское паникадило, принесенное въ даръ Луврскому Музею С. Дориньи, изъ Константинополя. Оно представляетъ изъ себя бронзовый дискъ съ восемью отверстіями для восковыхъ свѣчей. Подвѣшено на тройной цѣпи; имѣетъ греческую надпись, указывающую, что оно сооружено по обѣту. Надпись такого содержанія: „Господи, помяни твоего раба Авраама, сына Константина“. Греческіе историки часто упоминаютъ о паникадилахъ въ нѣсколько свѣчей, въ видѣ короны, находящихся въ константинопольскихъ церквахъ; одни изъ нихъ были золотыя, другія серебряныя, часто очень значительнаго вѣса и съ большимъ количествомъ свѣчей. Нѣкоторыя болѣе скромныя были изъ бронзы, какъ, напримѣръ, паникадило, отданное въ Луврскій музей. Пикардійскій рыцарь Р. Клари во „взятіи Константинополя“ говоритъ также объ этихъ достопримѣчательныхъ серебряныхъ лампахъ Святой Софіи, которыя онъ называетъ „lampiers“. (Rev. cr., № 17, 1893 г.).

—— Шлумбергеръ сообщилъ Парижской Академіи Надписей о византійскомъ крестѣ генуэзской фамиліи Цаккаріа, хранящемся 500

лѣтъ въ ризницѣ генуэзскаго каѳедральнаго собора, и которымъ нѣкогда архіепископъ благословлялъ новаго дожа. Крестъ серебряный съ позолотою, украшенъ нѣсколькими сотнями драгоцѣнныхъ камней и жемчужинъ, заключаетъ 2 частицы Животворящаго Древа. На обратной сторонѣ находятся медальоны и посвятительная надпись. По преданію, крестъ принадлежалъ св. Іоанну Богослову, покровителю Ефеса. Украшенный епископомъ этого города Исаакомъ, который былъ посломъ Михаила Палеолога въ Римѣ, Крестъ былъ взятъ турками и заложенъ ими въ Фокеѣ, откуда возвращенъ при взятіи этого города въ 1308 году однимъ изъ членовъ фамиліи Цаккаріа, бывшими государями Хіоса и обѣихъ Фокей, и затѣмъ переданъ въ генуэзскій соборъ. (Revue cr. № 9, 1894 г.).

—— Г. Кордье сдѣлалъ докладъ въ Парижской Академіи Надписей объ одной картѣ крайняго востока, находящейся въ атласѣ Карла V французскаго, хранящагося въ галлереѣ Мазарини Парижской Національной библіотеки. Этотъ памятникъ средневѣковой картографіи былъ изслѣдованъ Бюшономъ и Тастю, но изысканія ихъ о восточной Азіи не совсѣмъ удовлетворительны. Кордье, отнесясь критически къ труду своихъ предшественниковъ, указалъ на важное значеніе повѣствованія Марко Поло, который есть главный источникъ, изъ котораго черпалъ составитель карты, и Кордье доказалъ примѣрами тождественности городовъ: Ханъ Баликъ (Пе-Кингъ), Квинсе (Гангъ-Чеу) и Синкаланъ (Кантонъ), что свидѣтельствуетъ, что этотъ атласъ 1375 года показываетъ высшую точку свѣдѣній о восточной Азіи въ XIV вѣкѣ, послѣ котораго сообщенія съ Китаемъ были прерваны и моремъ и сушею. (Chr. d. A., № 7, 1894 г.).

—— Въ Парижѣ, въ Hôtel Drouot, будетъ продаваться библіотека покойнаго профессора Collège de France и бывшаго члена нашей Академіи Наукъ, маркиза де С.-Дени. Въ этой библіотекѣ находится много рѣдкихъ и цѣнныхъ произведеній о Китаѣ, китайскихъ текстовъ, книгъ по археологіи, нумизматикѣ, этнографіи и объ Америкѣ. Въ числѣ книгъ на китайскомъ языкѣ находится серія каноническихъ книгъ, въ томъ числѣ прелестный экземпляръ Сен-Кинговъ, напечатанный въ 1742 г., въ императорскомъ дворцѣ, по приказанію императора Квенъ-Луня, для исключительнаго пользованія принцевъ крови. Это шедевръ китайской типографіи, и уникъ, какъ въ Европѣ, такъ и въ Китаѣ; *Тунгъ-кіанъ-кангъ-му*—большая исторія Китая, въ 129 томахъ; *Шангай-кингъ*, самая древняя китайская географія (за 1134 г. до нашей эры), въ которой рядомъ съ миѳами собраны всѣ точныя знанія китайцевъ по части космографіи и географіи, во время династіи Чеу; генеральныя

карты Китая, въ 32 томахъ; *Пенъ-Цао* — большой трактатъ по естественной исторіи и ботаникѣ спеціально, написанный въ XVI в. (изд. 1637 г.); Сокровище земледѣлія и садоводства. Въ числѣ литературныхъ произведеній *Кингъ-пингъ-мей*, знаменитый бытописательный и натуралистическій романъ, написанный китайскимъ предшественникомъ Зола; *Большая энциклопедія* Мо-Туанъ-Линя; путешествіе буддійскихъ монаховъ, въ томъ числѣ сочиненіе объ открытіи Америки буддійскими монахами въ V в. (Нов. Вр., № 6467, 1894 г.).

V

Засѣданіе Обществъ.

Въ засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, 19 ноября 1893 г., подъ предсѣдательствомъ гр. П. С. Уваровой, въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергѣя Александровича, М. В. Никольскій прочелъ отчетъ о своей поѣздкѣ, вмѣстѣ съ А. А. Ивановскимъ, лѣтомъ 1893 г. въ Эриванскую губ. на Высочайше дарованныя средства. Главною цѣлью экспедиціи было осмотрѣть и провѣрить уже извѣстныя клинообразныя надписи и постараться найти новыя. И въ томъ и въ другомъ отношеніи результаты экспедиціи можно считать вполнѣ успѣшными *). И. А. Линниченко сдѣлалъ сообщеніе „О вновь открытомъ памятникѣ временъ В. К. Изяслава Ярославича". Предметомъ доклада служилъ изданный въ одномъ изъ послѣднихъ №№ „Kwartalnik'a" палліумъ съ латинскою надписью. Изъ этой надписи видно, что палліумъ былъ подаренъ Изяславомъ Ярославичемъ (во св. крещеніи Димитріемъ) какому-то католическому архіепископу и, на основаніи его, нѣкоторые изслѣдователи доказываютъ о принадлежности вел. князя къ католицизму. Референтъ отвергъ предположеніе, что палліумъ былъ подаренъ арх. Адальберту, а во владѣтелѣ его видитъ другаго. Равнымъ образомъ И. А. Линниченко отвергъ и предположеніе о переходѣ Изяслава въ католицизмъ. Разсказавъ многострадальную жизнь вел. князя послѣ изгнанія его изъ Кіева и до возвращенія его обратно, референтъ объяснилъ его отношенія къ папѣ и къ германскому императору лишь тяжкими обстоятельствами скитанія его за-границей и не нашелъ ничего подтверждающаго принятія имъ католицизма.

Въ засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, 10 декабря 1893 г., подъ предсѣдательствомъ гр. П. С. Уваровой, въ при-

*) См. ст. М. В. Никольскаго «Клинообразная надпись Русы I» въ Арх. Изв. и Зам. 1893 г. стр. 433.

сутствіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергѣя Александровича, А. А. Ивановскій сдѣлалъ докладъ о своей поѣздкѣ на Кавказъ лѣтомъ 1893 года. Согласно порученія, возложеннаго на него археологическимъ обществомъ, г. Ивановскій долженъ былъ прежде всего обслѣдовать въ археологическомъ отношеніи берега громаднаго озера Гокча. Это озеро лежитъ въ предѣлахъ Эриванской губерніи и представляетъ изъ себя самый обширный внутренній водоемъ Закавказскаго края. Длина озера 67 верстъ, а ширина—до 40 верстъ. Общій геологическій характеръ береговъ Гокчинскаго озера, его возвышенное положеніе среди окружающихъ его горъ и многіе другіе признаки заставляютъ думать, что озеро Гокча явилось результатомъ вулканической дѣятельности въ совокупности съ землятресеніями, которыя и въ настоящее время не составляютъ въ этомъ краѣ особенно рѣдкихъ явленій. Между прочимъ, г. Ивановскій осматривалъ лежащій близъ озера монастырь Айриванкъ, давно уже запущенный и нерѣдко служащій притономъ разбойниковъ. Около монастыря найдены были глубокія ямы. Нѣкоторыя изъ нихъ были завалены камнями, другія-же были открыты и обнаруживали существованіе около монастыря подземныхъ ходовъ. Спустившись въ одну изъ такихъ ямъ, глубиною болѣе 2-хъ саженъ, г. Ивановскій нашелъ узкій невысокій, но довольно длинный коридоръ, въ концѣ котораго откуда то пробивался дневной свѣтъ. По ту и другую сторону коридора шелъ рядъ пещерокъ, служившихъ, очевидно, кельями подвижниковъ. Какъ стѣны коридора, такъ и кельи, повсюду были испещрены крестами. Коридоръ этотъ вывелъ на площадку, лежащую у самой воды. Надъ площадкой возвышалась высокая отвѣсная скала; въ этой скалѣ съ трудомъ можно было найти отверстіе, заложенное каменями. Изъ отверстія открывался различными извилинами коридоръ, въ которомъ можно было бы лишь съ трудомъ ползти. Коридоръ, заложенный въ концѣ плитой, выходилъ внутрь храма. Очевидно, это былъ потаенный ходъ, чрезъ который, въ случаѣ нападенія, можно было искать спасенія. Посѣщая прибрежныя селенія, г. Ивановскій находилъ почти при каждомъ древнія армянскія кладбища съ различными намогильными памятниками, чаще въ формѣ креста, иногда замѣчательно тонкой и искусной работы, иногда же изображали людей, животныхъ, музыкальные инструменты, сосуды для вина и пр. Памятники эти драгоцѣнные въ археологическомъ отношеніи, однако, мало оберегаются мѣстными жителями и подвергаются самому безпощадному истребленію. Часто прекрасный намогильный крестъ служитъ мостикомъ черезъ горную рѣчку, или же, просверливъ въ немъ отверстіе, жители молотятъ имъ хлѣбъ. На южномъ берегу озера г. Ивановскому посредствомъ разныхъ приспособленій удалось снять эстампажъ съ одной весьма цѣнной въ научномъ отношеніи надписи, высѣченной на отвѣсной скалѣ и представлявшейся до сихъ поръ недоступной. На островѣ Севангѣ г. Ивановскій посѣтилъ древнѣйшій армянскій монастырь, по преданію основанный въ 105 году т. е. въ самомъ началѣ введенія христіанства. Впрочемъ, первый храмъ монастыря теперь раз-

рушенъ, но недалеко отъ него высится другой храмъ, построенный въ 876 году армянской княжной Маріей. Этой же княжнѣ, св. Маріи, приписываютъ и учрежденіе Севангскаго монашескаго общежитія и передаютъ, что она, добровольно замуровавъ себя въ нишѣ церкви, имѣла сношеніе съ внѣшнимъ міромъ только черезъ единственное отверстіе, продѣланное въ алтарь, откуда доносились до ея слуха лишь звуки священнослуженія и передавалась пища. Севангскій монастырь долгое время былъ книгохранилищемъ для всѣхъ монастырей Арменіи, настоятели которыхъ, опасаясь въ смутное время, чтобы монастырскія библіотеки не были уничтожены врагами, посылали рѣдкіе и другіе экземпляры въ Севангъ. Испугавшись ревизіи католикоса, большаго библіофила, настоятель Севангскаго монастыря оставилъ, однако, въ архивѣ лишь новыя книги, а все испорченное временемъ, во избѣжаніе отвѣтственности за нерадѣніе, все древнее, все наиболѣе цѣнное приказалъ вывезти изъ монастыря и бросить въ озеро.

Произведя рядъ раскопокъ по берегамъ озера Гокчи, снявъ съ наиболѣе цѣннаго рядъ фотографій, г. Ивановскій спустился въ долину Аракса, откуда совершилъ восхожденіе на большой и малый Араратъ. Гора начинается массивомъ съ весьма широкимъ основаніемъ и на высотѣ 8-ми тыс. футовъ дѣлится на двѣ вершины, изъ которыхъ высшая покрыта вѣчнымъ снѣгомъ, тогда какъ низшая лѣтомъ на короткое время теряетъ свой снѣговой покровъ. Въ экспедиціи на высшій пунктъ большого Арарата участвовало 11 человѣкъ, въ томъ числѣ 8 казаковъ. Путь перваго дня былъ сравнительно легокъ: они поднялись до высоты 13,360 фут. и переночевали около громаднаго ледника, спускающагося въ сторону Турціи. На слѣдующій день путь съ каждымъ шагомъ становился труднѣе.

На третій день, около 11 ч. утра, путешественники подошли къ мощной снѣговой стѣнѣ, опиравшейся на темную массу скалъ: это былъ обрывъ верхней площадки, преграждавшій имъ дальнѣйшее движеніе. Препятствіе было обойдено, и они, поднявшись по отлогому и удобному снѣжному склону, увидѣли передъ собою обширную и волнообразную поверхность вершины Арарата. Всякая усталость была забыта, и черезъ нѣсколько минутъ отлогій подъемъ привелъ путешественниковъ на вершину холма, представлявшую самую высокую точку поверхности, откуда открывается превосходный видъ. Путники произвели тамъ рядъ научныхъ наблюденій и поставили въ сложенныхъ изъ камней горкахъ минимальные и максимальные термометры.

Докладчикъ демонстрировалъ свое сообщеніе картами, фотографическими снимками и представилъ собранныя имъ археологическія находки.

Проф. И. А. Линниченко прочелъ письмо проф. Соколовскаго изъ Кракова по поводу палліума вел. кн. Изяслава, въ которомъ онъ сообщаетъ, что палліумы давались архіепископамъ лишь папою и указалъ, что то же названіе носили и покровы на гробницы и что палліумъ вел. кн. Изяслава могъ быть именно такимъ даромъ. На это возразилъ проф. А. С. Павловъ, объяснивши, что кромѣ офиціальныхъ палліумовъ, даваемыхъ папой высшимъ

духовнымъ лицамъ, при возведеніи ихъ въ санъ, были еще палліумы, жалуемые и императорами въ знакъ особаго расположенія и что спорный палліумъ могъ быть такимъ подаркомъ вел. кн. Изяслава, равно какъ могъ быть и надгробнымъ покровомъ по указанію проф. Соколовскаго.

Проф. В. Ѳ. Миллеръ прочелъ докладъ „Къ былинѣ о Вольгѣ и Микулѣ Селяниновичѣ". Указавъ на значеніе изученія былинъ съ бытовой стороны, что до сихъ поръ упускалось изъ виду ихъ изслѣдователями, и на важность этого изученія для рѣшенія вопроса о времени и мѣстѣ происхожденія той или другой былины, референтъ заявилъ, что детальное изученіе текста былинъ привело его къ предположенію, что многія изъ нихъ были сложены въ предѣлахъ Новгородскаго культурнаго района. Какъ образецъ такого изученія былинъ, проф. Миллеръ представилъ бытовой комментарій къ былинѣ о Вольгѣ и Микулѣ, въ которой такія подробности, какъ способъ и характеръ паханія Микулы, его орудіе—соха, сѣяніе ржи, поѣздка его за солью въ Орѣховецъ, столкновеніе его съ крестьянами изъ за платежа за соль, наконецъ плата за соль грошами, все это дало возможность опредѣлить приблизительно эпоху составленія былины XV—XVI в. и принадлежность ея къ циклу сѣверныхъ былинъ. Отчество Микулы—Селягиновичъ, Селягиновъ, по мнѣнію референта, стариннѣе Селяниновича и должно происходить отъ слова се́льга, т. е. нива, запущенная подъ траву и лѣсъ (Олонецк. губ.).

Въ засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, 28 января 1894 г., подъ предсѣдательствомъ гр. П. С. Уваровой, въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергѣя Александровича, М. В. Никольскій прочелъ докладъ „О раскопкахъ и изслѣдованіяхъ нѣмецкаго восточнаго комитета въ Сиріи". Комитетъ постановилъ себѣ задачей посредствомъ раскопокъ и покупокъ добывать восточныя древности для пополненія германскихъ музеевъ, весьма бѣдныхъ этого рода научнымъ матеріаломъ. Починъ образованія этого комитета былъ сдѣланъ извѣстными германскими учеными, а германскіе капиталисты образовали для него значительный денежный фондъ, такъ что съ 1888 года комитетъ могъ уже въ большихъ размѣрахъ начать производство раскопокъ въ Сиріи, недалеко отъ Антіохіи, на холмѣ Зендширли, гдѣ былъ раскопанъ цѣлый городъ со стѣнами, замкомъ и дворцами при чемъ найдено было весьма много берельефовъ, статуй, относящихся къ различнымъ временамъ, но не позднѣе VII в. до Р. Х. Такимъ образомъ колоссальная коллекція восточныхъ древностей обогатила въ настоящее время берлинскій музей. Теперь уже приступлено къ изданію этихъ древностей: изданы пока весьма интересныя надписи, на научное значеніе которыхъ и обратилъ особое вниманіе референтъ. Надписи находятся на рельефныхъ изображеніяхъ, сдѣланныхъ на каменныхъ плитахъ и столбахъ, которые можно считать ассирійскаго и древне-сирійскаго (арамейскаго) происхожденія, и относятся къ IX—VIII в. до Р. Х. Собы-

тія, о которыхъ въ нихъ повѣствуются, имѣютъ связь съ библейскими, а языкъ надписей весьма близокъ къ еврейскому. Дальнѣйшія публикаціи найденнаго матеріала, по мнѣнію референта, представятъ еще болѣе научнаго интереса. Послѣ реферата г. Никольскаго В. И. Сизовъ доложилъ Обществу сообщеніе г, Богуславскаго изъ Смоленска о находкѣ имъ близъ г. Юхнова, вблизи группы кургановъ, осколковъ кремней, которые онъ готовъ признать за орудіе каменнаго вѣка. Члены Общества, однако осмотрѣвъ присланные осколки, не могли согласиться съ предположеніемъ г. Богуславскаго.

Затѣмъ былъ доложенъ рефератъ г. Криштафовича о геологическихъ его экскурсіяхъ въ Моск. губ. (см. Арх. Изв. и Зам., 1893 г. стр. 418). По поводу этого сообщенія г. Сизовъ высказалъ мнѣніе, что означенная возвышенность представляетъ скорѣе похоронное поле финскаго типа, судя по характеру разрѣза культурнаго слоя и по обилію костей, но болѣе точное опредѣленіе можетъ быть достигнуто только посредствомъ небольшой раскопки. Докладъ, прочитанный г. Сизовымъ, г. Любы-Радзиминскаго изъ Волыни содержалъ указанія на находки въ означенной мѣстности въ могилахъ подъ курганами орудій неолитическаго періода каменнаго вѣка, при чемъ были демонстрированы найденныя авторомъ доклада каменныя орудія; изъ нихъ по оригинальности формы, по прекрасной техникѣ особенно обратили вниманіе серповидные ножи, встрѣчаемые только въ Скандинавіи. Наконецъ г. Сизовымъ прочитанъ былъ докладъ г. Пича, профессора въ Прагѣ, приславшаго этотъ докладъ на Виленскій Съѣздъ. Подъ заглавіемъ „Замѣтки о чешской археологіи“ авторъ представилъ на основаніи строго-научнаго изслѣдованія археологическаго матеріала въ Чехіи, добытаго его собственными раскопками и раскопками другихъ лицъ,—картину постепеннаго заселенія древней Чехіи народностями, различными по своимъ погребальнымъ обрядамъ и культурѣ. Такъ, древнѣйшими насельниками сѣверной Чехіи г. Пичъ считаетъ народъ, хоронившій своихъ покойниковъ въ цистахъ, въ скорченномъ положеніи. Пребываніе его продолжалось до времени Р. Х. Въ южной части Чехіи въ то же время жилъ другой народъ, сжигавшій своихъ покойниковъ и хоронившій ихъ пепелъ и кости подъ курганами, сложенными изъ камня. Народъ этотъ былъ уже знакомъ съ бронзой, и пребываніе его продолжалось до временъ Римской имперіи, такъ какъ въ курганахъ попадаются изрѣдка и римскія вещи. Наслоеніе новаго населенія въ сѣверной Чехіи не хоронило своихъ покойниковъ въ скорченномъ положеніи, а клало прямо на спину. Культура ихъ отличалась богатствомъ бронзовыхъ и желѣзныхъ вещей. Г. Пичъ предполагаетъ, что они покорили прежнихъ жителей и что въ этомъ народѣ нужно видѣть „Боіевъ“ классическихъ писателей. Славянскій элементъ проникаетъ въ Чехію изъ Силезіи и Лузаціи и обозначается похоронными полями съ пепельницами или урнами такъ называемаго лужицко-силезскаго типа. Слѣды римскаго вліянія можно видѣть въ нѣкоторыхъ могильникахъ, относящихся по времени къ II—V в.

по Р. Х. и принадлежавшихъ случайнымъ пришлецамъ или насельникамъ городовъ, знакомымъ съ римской культурой. Въ эпоху великаго переселенія народовъ, при господствѣ въ Чехіи вообще древне-славянскаго обряда сожженія покойниковъ, мѣстами встрѣчаются гробницы съ обыкновеннымъ погребеніемъ, принадлежавшія, по мнѣнію референта, аллеманамъ и относящіяся къ половинѣ VI в. Поздній славянскій періодъ, называемый въ Германіи періодомъ славянскихъ городищъ, начинается въ Чехіи около 600 г. Господствующій обрядъ — сожженіе, и пепельницы получаютъ форму сосудовъ, находимыхъ въ городищахъ славянъ. Объединеніе населенія выражается въ данномъ случаѣ господствомъ одного обряда погребенія. Въ христіанскую эпоху исчезаетъ лишь сожженіе, но курганы еще насыпаются надъ гробами покойниковъ. Сжатый рефератъ представлялъ результаты научныхъ изслѣдованій, изложенныхъ въ большомъ сочиненіи Пича — „Археологическое изслѣдованіе въ средней Чехіи". Чтеніе реферата сопровождалось демонстрированіемъ большаго количества рисунковъ, пояснявшихъ теоріи чешскаго археолога. Чтеніе реферата закончилось оживленными преніями, вызванными нѣкоторыми замѣчаніями Д. Я. Самоквасова. Въ заключеніе засѣданія В. К. Трутовскій изложилъ новое мнѣніе г. Сорокина изъ Вятки относительно значенія загадочныхъ знаковъ на монетахъ Владиміра Святаго, Святополка I, Ярослава I. Прежде всего докладчикъ изложилъ кратко исторію этого вопроса, а затѣмъ познакомилъ Общество со взглядомъ г. Сорокина, который, основываясь на семейныхъ знакахъ собственности у вотяковъ, приходитъ къ убѣжденію, что упомянутые знаки суть знаки семейные, обозначающіе собственность того или другаго члена одной семьи и и отъ того измѣнявшіе свой первоначальный типъ. Мнѣніе это вызвало оживленныя пренія. Особенной новизной отличался взглядъ г. Самоквасова, по мнѣнію котораго знакъ на монетахъ св. Владиміра изображалъ скипетръ и форма его будто бы была заимствована изъ скиѳскихъ царскихъ кургановъ, гдѣ встрѣчаются трезубцы, украшенные бронзовыми колокольчиками и птицами. А. В. Орѣшниковъ отмѣтилъ важность изученія древнихъ перстенныхъ печатей; между прочимъ одна, принадлежащая Историческому Музею, очень древняя, имѣетъ знакъ, напоминающій знакъ на монетахъ, приписываемыхъ Святополку, и высказался въ пользу мѣстнаго происхожденія загадочныхъ знаковъ на древнѣйшихъ русскихъ монетахъ, что было поддержано, при сообщеніи, и докладчикомъ.

Въ засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 4 февраля 1894 г., подъ предсѣдательствомъ проф. В. Ѳ. Миллера, проф. А. С. Павловъ прочелъ докладъ: „О началѣ Галицкой и Литовской митрополій и о первыхъ тамошнихъ митрополитахъ, по византійскимъ источникамъ XIV в.". А. С. Хахановъ прочелъ „Отчетъ о поѣздкѣ на Кавказъ лѣтомъ 1893 г.", совершенный имъ по порученію Общества на Высочайше дарованныя

средства. При докладѣ были демонстрированы многочисленныя фотографіи и самый докладъ имѣетъ быть напечатанъ въ „Матеріалахъ по археологіи Кавказа“.

Въ засѣданіи Восточной Коммиссіи Московскаго Археологическаго Общества, 18 декабря 1893 г., Хр. И. Кучукъ-Іоаннесовъ читалъ докладъ о новомъ трудѣ ученаго мхитариста о. Алишана, „Сисаканъ“. Это объемистое сочиненіе на древнемъ армянскомъ языкѣ содержитъ 562 страницы, въ два столбца in 4° и составляетъ весьма изящное изданіе, иллюстрированное многочисленными видами Арменіи, остатковъ древнихъ сооруженій, развалинъ дворцовъ, храмовъ, монастырей, изъ которыхъ нѣкоторые существуетъ и по нынѣ. Къ книгѣ приложена карта Сисакана или Сюникской провинціи, соотвѣтствующей части нынѣшней Эриванской и Елисаветпольской губерній.

Изъ предисловія названнаго труда видно, что авторъ задался цѣлью—составить описаніе всѣхъ двадцати древнихъ армянскихъ провинцій, изъ которыхъ 15 находились въ Великой и 5—въ Малой Арменіи. Такая задача потребовала отъ него тридцатилѣтняго усидчиваго труда, и онъ ее выполнилъ, издавъ до сихъ поръ слѣдующія сочиненія: 1) „Сисванъ“, описаніе армянской Киликіи, гдѣ царствовали Рубениды (1080—1393 г.); 2) Ширака, гдѣ царствовали Багратиды (885—1046), и 3) Айрарата, гдѣ царствовали Аршакиды съ 149 г. до Р. Хр. по 432 г. нашей эры.

Четвертый трудъ о. Алишана — Сисаканъ, по своему содержанію и характеру, вполнѣ сходенъ съ упомянутыми выше его изданіями и посвященъ топографическому и археологическому описанію Сюникской провинціи, называемой по турецки, вслѣдствіе обилія въ ней садовъ, Карабахъ, т. е. черный садъ. Въ этомъ описаніи главное мѣсто отводится, конечно, древнимъ архитектурнымъ памятникамъ, сохранившимся надписямъ и монастырямъ. Въ послѣднихъ преимущественно сосредоточивалась вся умственная жизнь армянъ, развивалась и процвѣтала письменность и литература. Лучшіе представители тогдашней науки, ученые монахи и лѣтописцы, за монастырскими стѣнами искали и находили себѣ пріютъ отъ мірской суеты и здѣсь предавались своимъ ученымъ занятіямъ. Слава объ ихъ учености и святости жизни, само собой разумѣется, не могла ускользнуть отъ вниманія современнаго общества и не вызывать поощренія со стороны послѣдняго. Въ многисленныхъ надписяхъ, приводимыхъ на страницахъ Сисакана, читаются имена царей, князей, княгинь и простыхъ мірянъ, построившихъ въ разныхъ мѣстахъ церкви, монастыри и богато надѣлившихъ ихъ обширными помѣстьями, селами, угодьями, садами и прочимъ недвижимымъ имуществомъ. Чтобы судить о богатствѣ и значеніи такихъ монастырей, приведемъ одинъ примѣръ: такъ, Татевскій монастырь возобновлялся на средства великаго князя Ашота и всѣхъ прочихъ князей Сюникскихъ; перестройка продолжалась одиннадцать лѣтъ, отъ 895 до 906 года, и при торжественномъ освященіи построеннаго въ монастырѣ храма во имя ап. Петра и Павла присутствовали царь

Смбатъ I, Іоаннъ католикосъ — историкъ, Гагикъ Васпураканскій, католикосъ албанскій Симеонъ, и множество князей, епископовъ и простыхъ мірянъ. При монастырѣ учреждена прекрасная школа, откуда впослѣдствіи выходили просвѣщенные проповѣдники и служители церкви и алтаря. Число же членовъ татевскаго братства доходило до 500 человѣкъ, между которыми были ученые музыканты, знатоки духовнаго пѣнія, мыслители, художники, покрывавшіе живописью стѣны дворцовъ, храмовъ и монастырей, калиграфы, рисовальщики и переписчики древнихъ рукописей, украшавшіе миніатюрами и узорами рукописи того времени.

Далѣе, изъ другихъ особенностей этого труда отмѣтимъ слѣдующее: національный армянскій типъ, говоритъ авторъ, нигдѣ, за исключеніемъ Айрарата, не сохранился въ такой чистотѣ, какъ въ Сюникѣ; жители ея, издревле отличаясь воинственнымъ духомъ и любовью къ свободѣ, упорнѣе другихъ отстаивали свои древніе обычаи, памятники устные и письменные. Этимъ они не мало обязаны географическому положенію ихъ страны, которая, изрѣзанная по всѣмъ направленіямъ горными хребтами, неприступныни скалами и ущельями, представляла природныя укрѣпленія, гдѣ карабахскіе мелики, потомки древнихъ Сюникскихъ князей, сумѣли сохранить относительную независимость почти до первой половины XVIII в. Со смертью знаменитаго Давидъ-бека въ 1728 году, Сюникъ была подчинена Турціи, у которой ее отняла Персія. Сначала же XIX в. она отошла къ Россіи.

Членъ-корреспондентъ Л. З. Мсеріанцъ прочелъ сообщеніе: „*Къ интерпретаціи Ванскихъ надписей*“.

Слово *pili*, читаемое на нѣкоторыхъ надписяхъ Ванской системы, различно толкуется кунеологами. Sayce [1]) переводитъ его какъ „памятникъ (срв. также Bertin, Grammars of the lang. of the cun. inscriptions, Lond. 1888, p. 71); съ переводомъ Sayce'а согласенъ и М. В. Никольскій [2]) (см. Древности Вост., вып. III, p. 445 слд.), D. Müller принимаетъ pili въ значеніи „*надпись*“ (Die Keilinschrift von Aschrut-Darga Wien, 1886, s. 18), Belck и Lehmann — въ значеніи „каналъ“ (Zeitschrift für Ethnologie 1892, Heft II. S. 136).

Въ пользу послѣдняго значенія можно привести нѣкоторыя лингвистическія соображенія. Именно, въ грузинскомъ языкѣ есть слово *mil-i*, означающее „*подземную водопроводную трубу*“, съ которымъ представляется возможнымъ сопоставить ванское pili. Фонетическая тождественность этихъ обоихъ терминовъ будетъ возможна при предположеніи переходной ступени *bili (т. е. формы съ измѣненіемъ начальной глухой въ звонкую), такъ какъ чередованіе губной звонкой (b) съ губною носовою (m) и переходъ первой въ послѣднюю представляютъ явленіе довольно обычное; оно извѣстно какъ изъ языковъ индо-европейской семьи (срв. Brugmann, Grd. I §§ 429, 506, 520), такъ, въ

---

1) Sayce прежде читалъ pi-da, но затѣмъ принялъ исправленіе въ pili, согласно съ указаніемъ, сдѣланнымъ Guyard'омъ.

2) Въ настоящее время М. В. Никольскій признаетъ болѣе вѣроятнымъ значеніе „надпись“.

особенности, и изъ языковъ тюркскихъ; для послѣднихъ можно привести слѣдующіе примѣры [3]): османское ben 'я' = татарс. men; осм. buz 'ледъ' = тат. muz; осм. bašak 'колосъ' (производное отъ baš = голова) = тат. mašak, алт. мажак (или нажак); осм. binmek 'взлѣзать' (также и pinmek) = тат. minmek; осм. bahader (производное отъ перс. bähā 'цѣна, стоимость', звучащаго у турокъ какъ pahā, срв. pahāly 'дорогой') = алт. макатыр 'герой' и пр.

Итакъ, предполагая въ ванскомъ при pili форму *bili (—ибо формы съ p при b извѣстны изъ разныхъ языковъ), является возможнымъ признать фонетическое тождество pili съ груз. mili. Но въ то же время, быть можетъ, нѣтъ надобности въ предположеніи побочной или переходной формы *bili, такъ какъ извѣстно, что въ ванской клинописи происходило смѣшеніе mediae съ tenues (см. Bertin, O. c., pp. 70—71). Такимъ образомъ, возникаетъ вопросъ, не слѣдуетъ ли читать *bili вм. pili.

Проф. Н. Я. Марръ (въ письмѣ отъ 10 окт. 1893 г.) сопоставляетъ съ груз. mili армянское mil, читаемое на анійскихъ надписяхъ (см. Н. Эмина: Арм. надписи въ Карсѣ, Ани etc., М. 1881, подъ № 28 и № 34 = Алишанъ, Ширакъ, Венеція 1881, стр. 83 и 76), изъ которыхъ одна (Эминъ, № 28) относится къ 1036 г., другая (ib. № 34) къ 1215 г. Это mil Н. Я. Марръ объясняетъ въ связи съ двумя арм. терминами по водоснабженію [4]): ğrsah и apuriš (= перс. ābrīz), и передаетъ условно, какъ „резервуаръ или иное сооруженіе, куда проходила вода по трубѣ". Если это сопоставленіе окажется вѣрнымъ, то интересно въ данномъ случаѣ объяснить отношеніе арм. mil къ ванс. pili. Быть можетъ, арм. mil окажется заимствованіемъ изъ языка ванскаго народа, занимавшаго часть территоріи Арменіи. Ванская культура, которую нашли армяне, явившіеся на смѣну первоначальному населенію, конечно, не могла остаться безъ вліянія на нихъ; поэтому позволительно предполагать, что въ армянс. языкѣ можно будетъ розыскать нѣкоторые термины, заимствованные или, лучше сказать, перешедшіе изъ языка представителей предшествовавшей культуры.

М. В. Никольскій сообщилъ, что во время совершенной имъ лѣтомъ прошлаго 1893 года экспедиціи въ Эриванскую губ. онъ провѣрилъ по оригиналамъ текстъ почти всѣхъ изданныхъ имъ въ 3 выпускѣ Трудовъ Восточной Коммиссіи клинообразныхъ надписей русской Арменіи. Въ результатѣ оказалось много неправильностей и неполноты въ прежнемъ чтеніи, зависѣвшей отъ недостаточныхъ снимковъ, имѣвшихся въ то время у референта. Нѣкоторыя надписи нуждаются во вторичномъ изданіи. Референтомъ приведены были главнѣйшія изъ сдѣланныхъ имъ исправленій и дополненій. (Ср. Археолог. Изв. и Зам. 1893, № 12, стр. 436—437 и Прил., стр. VII). Засимъ референтъ прочелъ тексты вновь снятыхъ и разобранныхъ имъ надписей Келаны-Кирланы, 2-хъ армавирскихъ и сарыкамышской и обратилъ вни-

[3]) Большинство примѣровъ по тюркскимъ языкамъ сообщено проф. Θ. Е. Коршемъ.

[4]) См. статью Н. Я. Марра: „Замѣтка о трехъ армянскихъ надписяхъ" въ Сборникѣ матеріаловъ для описанія племенъ и мѣстностей Кавказа, вып. XVII, р. 194 слд.

маніе на важность надписи Келаны-Кирланы по ея богатому географическому содержанію (см. тотъ же № 12, Прилож., стр. II—VI), причемъ обратился съ просьбою къ арменологамъ о сближеніи именъ мѣстъ въ надписи съ древними географическими названіями по армянскимъ документамъ.

Въ заключеніе референтъ демонстрировалъ доставленную ему во время экспедиціи о. Галустомъ Теръ-Мекертчьяномъ агатовую гемму съ клинообразною надписью. По мнѣнію референта это —печать ванскаго происхожденія, и онъ склоняется къ тому мнѣнію, что она содержитъ имя царя *Менуа*, но фигура одного знака, именно *ни*, отличная отъ общеупотребительной въ ванскихъ текстахъ, препятствуетъ ему съ положительностію высказать свое заключеніе. Во всякомъ случаѣ надпись, по его мнѣнію, подлинная и ванскаго происхожденія и поэтому, несмотря на нетвердость чтенія, памятникъ представляетъ интересъ и имѣетъ не малую цѣнность.

Въ засѣданіи Восточной Коммиссіи Московскаго Археологическаго Общества, 19 февраля 1894 г., А. С. Хахановъ прочелъ рефератъ: „Къ грамматикѣ древне-грузинскаго языка". Референтъ отмѣтилъ по 2 главѣ Евангелія отъ Матѳея слѣд. особенности древне-грузинскаго языка: 1) употребленіе дательнаго самостоятельнаго, соотвѣтствующаго греч. род. самостоятельному и славянскому дател. самостоятельному; 2) вставку между темой глагола и окончаніемъ признака множ. числа *(н)* при прямомъ дополненіи во множ. ч.; 3) употребленіе дател. п. безъ предлога, для обозначенія мѣста на вопросъ гдѣ? и творит. для обозначенія мѣста на вопросъ куда? 3) употребленіе префиксовъ при глаголахъ безъ отпаденія плавнаго звука *(г)*, въ какомъ видѣ имѣются въ современномъ языкѣ; 4) такое же употребленіе префиксовъ безъ отпаденія носового *н*; 5) отсутствіе повѣствовательнаго падежа въ смыслѣ подлежащаго при сказуемомъ въ прош. вр.; 6) слѣдованіе имени прилагательнаго за именемъ существительнымъ.

Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ прочелъ сообщеніе О. Галуста Теръ-Мекертчьяна о языкѣ урартійскихъ (ванскихъ) клинообразныхъ надписей. Сообщеніе было прислано на армянскомъ языкѣ изъ Эчміадзина и было переведено Х. И. Кучукъ-Іоаннесовымъ на русскій языкъ. Разсмотрѣвъ существующія теоріи о народности и языкѣ урартійцевъ и находя ихъ нетвердыми, о. Галустъ, сдѣлалъ новую попытку сближенія языка клинообразныхъ надписей Урарту съ языкомъ одного изъ нынѣшнихъ кавказскихъ племенъ, именно Чти, остатки котораго находятся въ настоящее время въ двухъ селеніяхъ около Нухи (Елизаветпольской губ.) Нижъ и Вардашенъ. Названіе Чти онъ сопоставляетъ съ названіемъ Этіуни въ Эйлярской и другихъ надписяхъ. Изучивъ этотъ языкъ по имѣющимся у него армянскимъ и русскимъ источникамъ, онъ воспользовался пребываніемъ въ Эчміадзинѣ двухъ утійцевъ, чтобы ознакомиться съ живымъ утійскомъ языкомъ. Его поразило сходство грамматическихъ формъ съ урартійскимъ. Изслѣдованія его еще не окон-

чены, но онъ выставляетъ на первый планъ тожество окончанія 1-го лица ед. ч. аориста въ глаголѣ именно b i; различіе только въ томъ, что въ утійскомъ языкѣ это окончаніе встрѣчается въ болѣе широкомъ примѣненіи. Изъ имѣющагося у него сравнительно небольшаго запаса утійскихъ словъ авторъ указываетъ на сходство. по его мнѣнію, названія главнаго города утійцевъ Халхага или Халхалъ съ именемъ главнаго божества урартійцевъ Халди. Въ заключеніе, показавъ на основаніи древнихъ свѣдѣтельствъ, что племя Чти въ древности могло занимать мѣсто на самомъ югѣ Арменіи, въ странахъ сопредѣльныхъ съ Сиріей, выразилъ надежду, что его наблюденія не пропадутъ даромъ для изслѣдованія урартійскихъ надписей.

Въ помѣщеніи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, 5, 6 и 7 января 1894 г. подъ предсѣдательствомъ гр. П. С. Уваровой, въ присутствіи многочисленныхъ депутатовъ различныхъ ученыхъ обществъ и учрежденій, состоялись 3 засѣданія Предварительнаго Комитета по устройству въ 1896 г. въ Ригѣ X Археологическаго Съѣзда. Между прочимъ Предсѣдатель Комитета гр. П. С. Уварова, обративъ вниманіе гг. депутатовъ на то обстоятельство, что X Съѣздъ будетъ продолжаться, согласно выработаннымъ правиламъ, не 14 дней, какъ обыкновенно, а 20, и что это увеличеніе срока его необходимо мотивировать передъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, при испрошеніи утвержденія правилъ Съѣзда, предложила указать, какъ на главные мотивы этого срока Съѣзда, на предположенныя многочисленныя экскурсіи во время самого Съѣзда; при этомъ графиня П. С. Уварова прочла письмо проф. Кенигсбергскаго университета А. Бецценбергера, въ которомъ онъ предлагаетъ Комитету выхлопотать передъ прусскимъ правительствомъ посылку, во время Съѣзда, прусскаго казеннаго парохода, на которомъ гг. члены Съѣзда могли бы совершить безплатно поѣздку въ Кенигсбергъ для осмотра его ученыхъ обществъ, музеевъ и др. достопримѣчательностей. Предложеніе это вызвало со стороны гг. депутатовъ выраженія глубокой благодарности проф. А. Бецценбергеру.

Затѣмъ проф. Р. Гаусманъ заявилъ отъ имени тѣхъ ученыхъ обществъ и учрежденій, коихъ онъ является представителемъ въ Комитетѣ, что во время Съѣзда этими учрежденіями будетъ устроены раскопки и осмотры древнихъ сооруженій, развалинъ и т. п. въ мѣстности, называемой Лифляндской Швейцаріей, раскопки городищъ въ окрестностяхъ Риги, руководить коими будетъ пасторъ Билленштейнъ, и осмотръ и раскопки, если будутъ средства, остатковъ Герцике, а д-ръ Нейманъ взялъ на себя руководство при осмотрѣ Двинска (Динабурга) и его окрестностей.

Я. И. Лудмеръ заявилъ о приглашеніи г. курляндскаго губернатора посѣтить во время Съѣзда Митаву, Баускъ и Дуббельнъ и осмотрѣть ихъ музеи и остатки старины.

Н. Н. Харузинъ передалъ подобное же приглашеніе отъ имени г. эстлянд-

скаго губернатора по отношенію къ Ревелю; къ этому присоединился депут. Е. Э. фонъ-Нотбекъ, отмѣтивъ, какъ мѣсто для обзора членами Съѣзда, г. Висбе на о-вѣ Готландѣ.

Всѣ эти заявленія были приняты собраніемъ съ глубокой благодарностью и постановлено было указать на нихъ г. Министру Народнаго Просвѣщенія при ходатайствѣ объ утвержденіи времени созыва Съѣзда съ 1 по 20 августа 1896 г., т. е. въ теченіе трехъ недѣль.

Проф. Д. Я Самоквасовъ указалъ на важность производства раскопокъ въ теченіе времени до открытія въ различныхъ мѣстностяхъ Прибалтійскихъ губерній и на желательность начать ихъ какъ можно скорѣе. Предложеніе это, встрѣтившее живое сочувствіе во всѣхъ присутствующихъ въ засѣданіи вызвало оживленный обмѣнъ мыслей, при чемъ проф. И. А. Линниченко предложилъ вести эти раскопки систематически, двойнымъ путемъ, такъ чтобы одновременно однѣ были бы начаты въ одномъ изъ избранныхъ пунктовъ Прибалтійскаго края, по направленію съ сѣвера на югъ, а другія шли бы навстрѣчу этимъ изъ Литвы, а проф. И. П. Филевичъ предложилъ начать встрѣчныя раскопки еще южнѣе, съ Волыни. По поводу этихъ заявленій проф. П. А. Висковатовъ указалъ, что подобныя раскопки потребуютъ большихъ средствъ, такъ какъ мѣстныя ученыя общества, согласно заявленію проф. Р. Гаусмана, будутъ производить раскопки на свои средства, уже существующія, лишь въ отмѣченныхъ ими пунктахъ, за исключеніемъ Герцике, и что необходимо по этому ходатайствовать предъ правительствомъ о субсидіи на эти изслѣдованія теперь же, независимо отъ обычной субсидіи, отпускаемой Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, главнымъ образомъ на изданіе Трудовъ Съѣзда, передъ самымъ открытіемъ Съѣзда. Проф. А. А. Кочубинскій, присоединяясь къ этому предложенію, указалъ на желательность испрошенія подобной субсидіи не только на раскопки, а вообще на нужды Предварительнаго Комитета, а проф. Ѳ. И. Успенскій, отмѣтивъ, что подобное ходатайство о субсидіи Предварительному Комитету является въ практикѣ съѣздовъ чуть ли не первымъ примѣромъ, обратилъ вниманіе на необходимость для успѣшности ходатайства серіозно и вѣско мотивировать просьбу о субсидіи, при чемъ, по его мнѣнію, можно было бы указать, что отъ количества и успѣшности подготовительныхъ работъ зависитъ, напр., освѣщеніе готскаго и норманскаго вопросовъ, столь важныхъ для исторіи Руси, выясненіе торговыхъ путей къ Балтійскому морю разъясненіе связи въ IX ст. славянскаго элемента съ мѣстнымъ и многіе другіе подобные весьма важные научные вопросы.

По окончаніи обсужденія всѣхъ этихъ заявленій постановлено было: поручить Предварительному Комитету войти въ Министерство Народнаго Просвѣщенія съ ходатайствомъ объ отпускѣ Комитету по возможности въ скорѣйшемъ времени субсидіи на нужды Комитета со строгой мотивировкой этого ходатайства, выработать которую просить Комитетъ совмѣстно съ нѣкоторыми изъ депутатовъ: проф. А. С. Павловымъ, проф. Д. Я. Самоквасовымъ, проф. Успенскимъ и др.

Предсѣдатель Комитета возбудилъ вопросъ о выставкѣ во время Съѣзда, на что послѣдовало заявленіе со стороны проф. Гаусмана, что Рижское Ученое Общество Исторіи и Древностей принимаетъ на себя устройство этой выставки, которая будетъ заключать отдѣлы древностей доисторическихъ, древнихъ и средневѣковыхъ памятниковъ искусствъ, печатей, монетъ, предметовъ этнографіи, архивный и др. и что пасторъ Билленштейнъ устраиваетъ въ то же время особую латышскую и эстонскую этнографическую выставку, а деп. Л. Г. Веберъ, отъ имени Рижскаго Латышскаго Общества, сообщилъ, что это Общество также устроитъ этнографическую выставку и на свой счетъ.

Проф. И. П. Филевичъ выразилъ желаніе, чтобы ко времени открытія Рижскаго Съѣзда мѣстными дѣятелями былъ бы составленъ краткій указатель актовъ, документовъ и др. лѣтописныхъ извѣстій о сношеніяхъ древней Руси съ Прибалтійскимъ краемъ, на что проф. Р. Гаусманъ указалъ, что есть уже подобный указатель касательно сношеній до 1440 г., что же касается до сводки матеріала по дальнѣйшимъ сношеніямъ, то громадность его затрудняетъ продолженіе этой работы.

Предс. Комит. гр. П. С. Уварова указала на интересные остатки церкви св. Андрея и refectorium'а въ древнемъ Орденскомъ замкѣ въ Ригѣ, занятые нынѣ губернскимъ правленіемъ, и выразила желаніе, чтобы Комитетъ вошелъ съ ходатайствомъ куда слѣдуетъ о возстановленіи какъ церкви, такъ и refectorium'а. Постановлено возбудить ходатайство о возобновленіи церкви св. Андрея и refectorium'а.

Проф. А. С. Павловъ заявилъ, что по поводу заявленнаго запроса о существованіи и продолжительности въ Юрьевѣ-Ливонскомъ православной архіерейской каѳедры, онъ можетъ дать отвѣтъ теперь же, именно, что каѳедра эта была основана Іоанномъ Грознымъ въ 1570 г., существовала всего 10 лѣтъ, и изъ архіереевъ извѣстны только двое—Корнилій, поставленный въ 1570 г. и черезъ 2 года съѣхавшій съ своей каѳедры изъ Новгорода вмѣстѣ съ Царемъ въ Москву, и Савва, присутствовавшій въ Московскомъ Соборѣ 1578 года; но и его предшественника (Корнилія) мы видимъ на Московскомъ соборѣ 1580 г.: ясно, что Корнилій совершенно отказался отъ своей каѳедры, и на его мѣсто былъ рукоположенъ Савва. Къ этому проф. Павловъ прибавилъ, что можетъ быть, въ мѣстномъ Архивѣ найдутся какіе нибудь памятники, дополняющіе свѣдѣнія о юрьевскихъ архіереяхъ, почерпаемыя изъ русскихъ источниковъ.

На это проф. Гаусманъ заявилъ, что Дерптскій Архивъ существуетъ лишь съ 1582 г., а болѣе ранніе документы его не дошли до нашего времени и считались утраченными уже въ XVII в.

Въ засѣданіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, 19 февраля 1894 г., были доложены слѣдующіе рефераты: А. А. Спицынъ. Курганныя древности бассейна р. Нѣмана. А. С. Лаппо-Данилевскій.

Дворянское землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ по дворянскимъ сказкамъ 1632 г. Г. Левицкій. Донесеніе Тальдуччи 1578—1583 гг.

Въ засѣданіи Восточнаго отд. того-же Общества, 22 февраля 1894 г., В. В. Радловъ прочелъ докладъ Древне-тюркскія надписи въ Монголіи.

Въ засѣданіи Классическаго отд. того-же Общества, 23 февраля 1894 г., В. В. Латышевъ прочелъ докладъ „Объ одной вновь найденной Херсонисской надписи“ (почетный декретъ Херсонисцевъ въ честь гражданской общины Иракліи Понтійской, временъ Антонина Кроткаго). А. Ѳ. Энманъ. Новыя раскопки на о. Кипрѣ (рефератъ о книгѣ M. Ohnefalsch-Richter, Kypros, die Bibel und Homer. Berlin, 1893).

Въ засѣданіи Классическаго отд. того-же Общества, 21 марта 1894 г., В. К. Ернштедтъ прочелъ краткій некрологъ скончавшагося въ февралѣ въ Аѳинахъ чл.-корр. Г. Г. Лоллинга. Предсѣдатель отдѣленія И. В. Помяловскій предъявилъ собранію фотографическія снимки съ древней мраморной головы (Аѳины ?) и съ мозаической иконы св. Іоанна Златоуста изъ собранія А. И. Нелидова. В. В. Латышевъ. Новыя данныя къ исторіи Воспорскаго царства *). Р. Х. Леперъ. Древне-греческій театръ по теоріи Дёрпфельда.

---

17 января 1894 года, въ г. Новгородѣ, въ 8 ч. вечера, происходило торжественное открытіе Новгородскаго Общества Любителей Древностей, которое имѣетъ цѣлію изученія памятниковъ старины, находящихся преимущественно въ предѣлахъ Новгородской губерніи, наблюденія, въ возможныхъ случаяхъ, за ихъ сохранностью и содѣйствіе правительственнымъ учрежденіямъ въ охраненіи ихъ (§ 1. Устава Н. О. Л. Д.). Торжество открытія происходило въ главномъ залѣ (Церковный отдѣлъ) Новгородскаго музея въ присутствіи архіепископа Ѳеогноста, новгородскаго губернатора А. Н. Маслова, по иниціативѣ, котораго это общество устроено, князей Б. А. Васильчикова, П. П. Голицына и 30 членовъ учредителей Общества. Открытіе началось рѣчью Новгородскаго губернатора, А. Н. Маслова, выяснившаго значеніе и цѣли вновь учрежденнаго Общества и пригласившаго закрытой баллотировкой избрать членовъ правленія Общества. Въ предсѣдатели Общества и его правленія былъ выбранъ В. С. Передольскій, въ товарищи ему—протоіерей А. Ѳ. Соловьевъ, въ секретари Общества — секретарь Новгородскаго Губ. Стат. Комитета, В. П. Ласковскій, въ хранители древностей Общества – старшій хранитель Новгородскаго музея древностей, Н. А. Лашковъ, въ казначеи

*) Статья будетъ напечатана въ «Журн. Мин. Нар. Просв.».

Общества А. И. Семеновскій. По избраніи членовъ правленія Общества, В. С. Передольскій произнесъ небольшую рѣчь, въ которой благодарилъ присутствующихъ за честь его избранія, выяснилъ значеніе археологіи и исторіи и призывалъ членовъ Общества къ дружной работѣ на пользу всей Россіи. Послѣ этой рѣчи приступили къ избранію кандидатовъ къ членамъ правленія общества. Закрытой баллотировкой были избраны: на товарища предсѣдателя священникъ Ѳ. А. Маловъ, на секретаря—преподаватель Новгородской мужской гимназіи Ф. И. Щербаковъ, на хранителя древностей—старшій адъютантъ штаба 22 пѣхотной дивизіи М. И. Полянскій и на казначея Новгородскій купецъ П. Д. Вороновъ. Послѣ этого избранія присутствующіе избрали въ почетные члены Общества высокопреосвященнаго Ѳеогноста, Новгородскаго губернатора, А. Н. Мосолова и Государственнаго контролера Т. И. Филиппова, которому тотчасъ же и была послана Обществомъ поздравительная телеграмма. Затѣмъ присутствующими былъ произведенъ осмотръ вновь поступившаго вклада стариннаго иконостаса изъ Новгородской Колтовской церкви, въ сребропозлащенномъ окладѣ превосходной работы; сами иконы XVI–XVII в. и басменный окладъ того же времени.

Въ засѣданіи казанскаго Общества археологіи, исторіи и этнографіи. 10 февраля 1894 г., сдѣлано была два небезъинтересныхъ сообщенія, изъ которыхъ первое принадлежитъ любителю археологіи г. Воскресенскому относительно найденныхъ имъ близъ деревни Донауровки чистопольскаго уѣзда могильныхъ камняхъ съ древняго татарскаго кладбища. Г. Воскресенскій прислалъ и снимки надписей, съ этихъ камней, на арабскомъ языкѣ. Разборъ присланныхъ надписей, произведенный г. Готвальдомъ, показалъ, что найденные камни относятся къ памятникамъ XIV вѣка. Въ засѣданіи Общества сдѣланы были указанія, что мѣстность, которая дала эту находку, вообще представляетъ значительный интересъ въ археологическомъ отношеніи. Въ виду этого Общество постановило благодарить г. Воскресенскаго за доставленный матеріалъ и просить его заняться дальнѣйшими изслѣдованіями близъ с. Байтеряково. Второе сообщеніе принадлежало члену общества П. А Пономареву, который коснулся интереснаго вопроса объ открытіи слѣдовъ древняго города Сувара въ Казанской губерніи. По словамъ г. Пономарева, до сихъ поръ существовали хотя краткія, но вполнѣ опредѣленныя указанія на то, что въ Булгарскомъ царствѣ, находившемся въ предѣлахъ камско-волжскаго края, существовалъ значительный городъ Суваръ. Объ этомъ городѣ говоритъ, между прочимъ, арабскій писатель Эль Бальхи, жившій въ X-мъ вѣкѣ. Кромѣ того на существованіе этого города указываютъ три булгарскія монеты, открытыя знаменитымъ оріенталистомъ Френомъ, съ именемъ гор. Сувара. Но болѣе опредѣленныхъ свѣдѣній не сохранилось объ этомъ городѣ. Неизвѣстно даже мѣсто, гдѣ онъ находился Но рѣшеніе послѣдняго вопроса, какъ говоритъ г. Пономаревъ, пришло со-

вершенно неожиданно. Членъ казанскаго Общества археологіи г. Гайнитдинъ Ахмеровъ узналъ, что инородцы чистопольскаго, лаишевскаго, спасскаго и мамадышскаго уѣздовъ называютъ село Кузнечиху, находящееся на р. Уткѣ въ спасскомъ уѣздѣ именемъ древняго Сувара—„Иски Суваръ“ (т. е. древній Суваръ). Послѣдовавшая затѣмъ поѣздка г. Ахмерова на мѣста древняго Сувара, предпринятая на средства Общества, дала вполнѣ благопріятный результатъ. Близъ села Кузнечихи и дер. Даниловки осмотрѣно было обширное городище и собрана путемъ покупки значительная коллекція булгарскихъ бытовыхъ памятниковъ. Судя по словамъ и коллекціи Ахмерова, городище это въ археологическомъ отношеніи было очень содержательно. Признавая за открытіемъ г. Ахмерова весьма существенное значеніе, какъ устанавливающимъ новый точный фактъ для характеристики булгарскаго царства, г. Пономаревъ внесъ въ Общество предложеніе снарядить предстоящимъ лѣтомъ экскурсію по юго-восточной полосѣ Казанской губ. Задачами проектируемой экскурсіи долженъ послужить объѣздъ инородческихъ и, главнымъ образомъ, татарскихъ селеній Спасскаго, Чистопольскаго, Лаишевскаго и южной части Мамадышскаго уѣздовъ съ цѣлью собрать точныя свѣдѣнія объ инородческихъ названіяхъ населенныхъ пунктовъ и разныхъ урочищъ представляющихъ слѣды булгарской культуры. Въ тѣхъ же инородческихъ районахъ предлагается собрать всѣ устныя историческія легенды и пѣсни. Наконецъ, розыскать у мѣстныхъ татаръ, особенно у муллъ, старинныя рукописи или списки съ нихъ. Только этимъ путемъ, какъ говоритъ г. Пономаревъ, и можно будетъ внести въ исторію Волжской Булгаріи новыя данныя.

Въ виду того, что г. Пономаревъ признаетъ совершенно излишними новыя раскопки давно исчерпанныхъ булгарскихъ городищъ, проектируемая имъ экскурсія съ выясненными задачами не можетъ потребовать значительныхъ затратъ. Выполненіе плана этой экскурсіи, какъ предлагается, могъ бы взять на себя г. Ахмеровъ, который, какъ мусульманинъ, въ состояніи будетъ пріобрѣсть полное довѣріе татарскаго населенія.

Общество археологіи въ принципѣ приняло предложеніе г. Пономарева, постановивши поручить детальную разработку его проекта совѣту. (Волжск. Вѣстн., 12 февр. 1894 г.).

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Товарищъ Предсѣдателя *Д. Анучинъ*.

№ 5 1894 г.

издаваемыя
Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

I

Миніатюры пурпурнаго кодекса Мюнхенской Библіотеки.

Мюнхенская Библіотека владѣетъ множествомъ замѣчательныхъ латинскихъ рукописей, собранныхъ изъ различныхъ германскихъ монастырей [1]); миніатюры, многочисленныя и роскошныя, которыми онѣ украшены, даютъ богатый матеріалъ и для характеристики западнаго искусства, и для вопроса о вліяніи на него византійскаго искусства.

Между этими латинскими рукописями выдѣляется одна, правда небогатая количествомъ миніатюръ, но особеннымъ характеромъ ихъ, указывающемъ на древнее происхожденіе ихъ и при томъ, вѣроятно, византійское.

Рукопись эта—замѣчательный пурпурный [2]) кодексъ (245 л.) Чет-

[1]) Напр., Ев. XI в., № 52, изъ Зальцбургскаго мон.; Псалтырь XIII в., № 23,094; Ев. XI в., № 4,454; Миссалъ, XI в , № 4,456; Ев. XI в., № 23,338; Ев. XI в., № 4,453; codex aureus, Pult. IV, № 33, IX в. и др.

[2]) Пурпурный пергаментъ уже въ IV в. былъ въ большомъ употребленіи. Іоаннъ Златоустъ и Іеронимъ жалуются на чрезмѣрную роскошь рукописей св. Писанія, писанныхъ золотомъ и серебромъ на пурпурномъ пергаментѣ. Потомъ онъ становится рѣже, а въ XI в. совершенно исчезаетъ. Augusti, Handbuch der christl. Archäologie. Lpz. 1837, т. III, стр. 703. Гёрцъ. О состояніи живописи въ сѣверной Европѣ отъ Карла Великаго до начала романской эпохи. 1873, стр. 37, прим. 81.

вероевангелія изъ мон. св. Эмерана въ Регенсбургѣ, № 23,631 (ZZ 631, Cim. 2), относимая авторами каталога Библіотеки въ IX вѣку [3]).

Рис. 9

Изъ всѣхъ листовъ рукописи лишь два непурпурные (24-й и 197), и они-то именно и украшены миніатюрами съ обѣихъ сторонъ; такимъ образомъ во всей рукописи лишь четыре миніатюры, при томъ,

[3]) Catalogus codicum latinorum Bibliothecae Regiae Monacensis. C. Halm et G. Meyer. t. II, p. IV, pag. 82, Monachii, 1881.

повидимому, не оконченныя, судя по незанятымъ пространствамъ, напр. на л. 24.

1) л. 24. Листъ пересѣченъ крестомъ, внутри рукавовъ котораго и даны изображенія [4]) (см. рис. 9).

а) Въ верхнемъ рукавѣ, слѣва, на скалѣ сидитъ юноша, одѣтый лишь въ коричневый экзомисъ; правую руку онъ протягиваетъ къ лицу, а лѣвую—впередъ. Предъ нимъ стоитъ женщина, одѣтая въ длинную лиловую столу съ желтой вышивкой посрединѣ, въ красномъ гиматіи, застегнутомъ на груди фибулой; на головѣ у нея покрывало, спускающееся за плечи. Вверху обѣихъ фигуръ облако, изъ котораго выходитъ десница, благословляющая сидящаго юношу.

б) Какъ бы продолженіе описанной сцены дано изображеніе въ противоположномъ рукавѣ: подъ портикомъ дома съ красной стѣной старецъ въ зеленомъ хитонѣ, лиловомъ гиматіи, ведетъ женщину, одѣтую въ красную столу и желтый гиматій, застегнутый на груди золотой фибулой, взявъ ее за руку лѣвой рукой, а правой удерживаясь за колонку портика.

Въ описанныхъ миніатюрахъ полагаемъ возможнымъ видѣть иллюстрацію соотвѣтствующаго къ данному листу рукописи евангельскаго текста, для первой сцены: св. Матѳея I, 20—явленіе Іосифу Ангела, сказавшаго ему: „не бойся принять Марію, жену твою“... и для второй сцены ст. 24: „Вставъ отъ сна, Іосифъ поступилъ, какъ повелѣлъ ему Ангелъ Господень, и *принялъ жену свою*“ [5]).

Древнѣйшее изображеніе первой сцены находимъ въ барельефахъ саркофага дю-Пюи, относимаго де-Флёри къ IV—V вѣку, и въ нихъ виденъ спящій, сидя у дома, Іосифъ и стоящій сзади него, благословляя, Ангелъ (безъ крыльевъ) [6]). Въ памятникахъ VI в. — на креслѣ еп. Максиміана въ Равеннѣ [7]), и въ памятникахъ позднихъ, XI и сл. вв.:— въ мозаикахъ св. Марка въ Венеціи [8]), Кахріе - Джами въ Константинополѣ [9]) и въ миніатюрахъ Ев. Національной Парижской Библіотеки № 74 и др.—сцена изображена такъ, что Іосифъ представленъ лежащимъ на постели, а возлѣ него стоитъ благословляющій Ангелъ. Такимъ образомъ миніатюра описываемой рукописи, если правильно опредѣляемъ ея содержаніе, является единственной въ изображеніи дан-

---

4) Таково дѣленіе листа и въ слѣдующихъ трехъ миніатюрахъ.

5) Авторъ каталога рукописей опредѣляетъ сцену „Благовѣщеньемъ“.

6) La S. Vièrge, I, pl. VI, p. 63.

7) R. de Fleury, L'Evangile, I, pl. X, 1.

8) Ibid. 3.

9) Н. П. Кондаковъ. Византійскія церкви и памятники Константинополя. Одесса. 1887, табл. 31, стр. 189.

ной сцены; въ ней, какъ видимъ, Іосифъ сидитъ, возлѣ стоитъ Богородица, а вверху, вмѣсто Ангела, разрѣшающая сомнѣніе — десница Божія.

Вторая сцена, очевидно, представляетъ уводъ Іосифомъ Богородицы въ домъ [10]).

Аналогію описываемой миніатюры находимъ лишь въ миніатюрахъ Евангелія Гелатскаго монастыря, гдѣ, на ряду съ первой сценой, виденъ вновь Іосифъ, знакомъ руки приглашающій Богородицу войти въ домъ [11]).

в) Въ средней части креста, какъ иллюстрація Ев. Матѳея II, 11, дана сцена поклоненія волхвовъ: вправо видны ворота города, въ видѣ арки на двухъ коринѳскихъ колоннахъ; отъ нихъ идутъ три волхва, одѣтые въ короткія подпоясанныя рубашки (красно - лиловыя), длинные коричневые штаны, во фригійскихъ колпакахъ, и несущіе на покрытыхъ красными гиматіями рукахъ дары. Богородица, одѣтая въ темно-красную столу и желтое покрывало, сидитъ на большомъ креслѣ подъ портикомъ, держа на колѣняхъ Христа-младенца въ зеленоватой рубашкѣ, простирающаго впередъ руки [12]).

Изображеніе сцены весьма близко къ изображеніямъ ея въ нѣкоторыхъ памятникахъ V—VI вѣка: на дверяхъ ц. св. Сабины въ Римѣ, на ватиканскихъ бронзовыхъ медаляхъ, на слоновой кости рук. № 9313 Парижской Націон. Библіотеки [13]).

Фонъ верхнихъ двухъ сценъ миніатюры зеленый.

2) л. 24 об. Какъ иллюстрація къ Ев. Матѳея II, 16—18, дана сцена избіенія младенцевъ въ композиціи, правда, нѣсколько сложной, но по драматизму, свободѣ движеній, приближающейся къ извѣстнымъ намъ въ раннихъ памятникахъ V—VI в.: на Миланскомъ диптихѣ (см. табл. Б у Покровскаго, Евангеліе..., стр. 22), въ мозаикахъ S. Maria Maggiore въ Римѣ, на слоновой кости рукописи № 9393 Парижской Нац. Библ. [14]), въ миніатюрахъ сирійскаго Ев. Флорентійской Библіотеки [15]). Въ верхнемъ рукавѣ креста, подъ портикомъ, сидитъ юноша

[10]) Авторы каталога рукописей опредѣляютъ сцену „Бѣгство Іосифа".

[11]) Н. В. Покровскій. Евангеліе въ памятникахъ иконографіи преимущественно византійскихъ и русскихъ. СПБ. 1892, стр. 45.

[12]) Его нимбъ, бывшій, очевидно, серебрянымъ, теперь потемнѣлъ.

[13]) Fleury, L'Evangile, I, XXVII, 3.

[14]) Покровскій, ibid., рис. 66. Усовъ. Сочиненія, т. II, М. 1892, стр. 157.

[15]) R. de Fleury, La S. Vièrge, I, XXXIV, XXXVII.

Описываемая сцена рукописи поклоненія волхвовъ дана у Флёри, L'Evangile, I, XXIV, но неправильно: гиматій у Богородицы не охватываетъ вполнѣ правой руки, на хитонѣ сдѣлана какая-то полоса; не переданы полосы на одеждѣ Христа; гиматіи у волхвовъ даны не спущенными съ груди, а отдѣльно.

Иродъ въ коронѣ, въ темно-розовомъ хитонѣ и красномъ гиматіи, дѣлая жестъ бесѣды стоящему предъ нимъ юношѣ, одѣтому въ короткую

Рис. 10

красную рубашку, зеленый гиматій, застегнутый на груди фибулой. Въ средней части креста два воина схватили за ноги окровавленныхъ мальчиковъ; двое летятъ на землю; по сторонамъ матери съ распущенными волосами, простирающія къ воинамъ руки.

Ниже окровавленный столбъ, у котораго вверхъ ногами стоитъ

ребенокъ. Еще ниже—воинъ схватываетъ за волосы женщину, стоящую на колѣняхъ. Фонъ миніатюры темно-голубой.

3) л. 197.

а) Въ четырехъ квадратахъ, образованныхъ внѣшними сторонами рукавовъ креста, въ медальонахъ, на зеленомъ фонѣ и съ золотыми нимбами, даны символы Евангелистовъ съ Евангеліями. (См. рис. 10).

б) Въ среднемъ рукавѣ, очевидно, какъ иллюстрація Ев. Іоанна, XX, 19—24, дано явленіе Христа Апостоламъ по Воскресеніи. Между двухъ небольшихъ домиковъ съ затворенными дверьми изображена ограда или стѣна, за которой сидятъ десять Апостоловъ, всѣ скорѣе дѣтскаго, чѣмъ юношескаго типа; одни смотрятъ въ сторону Христа, стоящаго у дома справа и протягивающаго въ направленіи къ ученикамъ правую руку, а другіе въ сторону юнаго Апостола, сидящаго въ креслѣ у дома, что съ лѣвой стороны, очевидно, Ѳомы, не бывшаго въ домѣ во время явленія Христа.

Въ верхнемъ рукавѣ, можетъ быть, для заполненія пространства, или для дополненія числа Апостоловъ, изображены два, бесѣдующіе другъ съ другомъ. Изображеніе данной сцены въ древнихъ памятникахъ искусства рѣдко; отъ VI в. знаемъ ее въ мозаикахъ ц. Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ, гдѣ она, однако, дана какъ иллюстрація къ Ев. Луки, XXIV, 36—43: Христосъ стоитъ среди Апостоловъ, изъ которыхъ одинъ преклоняется предъ нимъ, простирая впередъ руки, прикрытыя гиматіемъ [16]).

Въ нижнемъ рукавѣ, какъ иллюстрація къ той же главѣ Іоанна, ст. 26 — 29, дана сцена увѣренія невѣрующаго Ѳомы. Изображены только Христосъ и Ѳома; Христосъ правой рукой указываетъ на язву (обозначена красной точкой), а лѣвую поднялъ вверхъ. Ѳома, наклонившись немного, какъ бы въ недоумѣніи прикладываетъ палецъ правой руки къ носу [17]).

Изображеніе данной сцены, нѣсколько сходной въ композиціи, именно въ позѣ Христа, имѣемъ на таблеткѣ изъ слоновой кости Ватиканскаго музея VI в.; поза же Ѳомы иная: онъ касается пальцемъ одежды Христа [18]).

---

[16]) Благодаря плохой фотографіи, которой пользовались и Флёри, и Гаруччи детали этой сцены у обоихъ издателей ея переданы неодинаково. По Флёри (L'Evangile, II, 293), Христосъ среди десяти Апостоловъ, по Гаруччи (Storia dell' arte crist. IV, p. 59) среди одиннадцати и при томъ держитъ въ лѣвой рукѣ двѣ рыбы, каковыя и дѣйствительно переданы въ его рисункѣ (252, 1), по каковыхъ не видно ни у Флёри (pl. XCVI, 3), ни въ фотографіяхъ Риччи (№ 138).

[17]) Сцена изображена у Флёри (L'Evangile, II, pl. XCVI, 1), но также неправильно: Ѳомѣ приданъ жесть печали (подпираетъ подбородокъ рукой), а не недоумѣнія.

[18]) Fleury, L'Evangile, II, XCVI, 2; Garrucci, 446, 4.

Фонъ миніатюры во всѣхъ сценахъ голубой.

4) л. 197 об.

а) Въ среднемъ рукавѣ креста, какъ иллюстрація Ев. Іоанна, XXI, 1—3, изображено явленіе Христа нѣкоторымъ ученикамъ на берегу Тиверіадскаго озера [19]). Фонъ миніатюры бѣлый; на землѣ цвѣты. Христосъ, стоя на берегу, правой рукой благословляетъ; лѣвая у него подъ гиматіемъ, конецъ котораго красиво переброшенъ черезъ правое плечо.

Въ водѣ три нагихъ юноши, препоясанныхъ лишь по чреслу, тянутъ за веревку сѣть; далѣе видна лодка, въ которой сидятъ два Апостола.

Рисунокъ данной сцены приведенъ у Fleury, L'Evangile, I, XL, 2, но неправильно отнесенъ въ качествѣ иллюстраціи къ Евангельскимъ текстамъ, разсказывающимъ объ избраніи Христомъ въ ученики Петра, Андрея, Іакова и чудесномъ ловѣ рыбы (Матѳ. IV, 18—22, Марка I, 16—20, Луки V, 1—11), и потому сопоставленіе ея съ композиціей въ мозаикахъ Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ (Pl. XL, 1) также неправильно.

б) Въ нижнемъ рукавѣ, какъ продолженіе предыдущей сцены и вмѣстѣ какъ иллюстрація той же главы Ев. Іоанна, ст. 12—13, изображено: Христосъ стоитъ у стола, на которомъ чаша и хлѣбецъ круглый, и благословляетъ правой рукой; лѣвая подъ гиматіемъ; по сторонамъ Христа стоитъ по Апостолу, которые правую руку держатъ у груди; на ихъ гиматіяхъ видны знаки Z.

Въ изображеніи этой сцены, хотя и отвѣчающей указанному тексту Евангелія, нельзя не отмѣтить евхаристическаго характера: на престолѣ хлѣбъ, но вмѣсто рыбы чаша, очевидно, съ виномъ.

Рисунокъ сцены данъ у Fleury, L'Evangile, II, XCV, 1, но она неправильно здѣсь отнесена въ качествѣ иллюстраціи къ Евангельскому тексту, разсказывающему о трапезѣ Христа въ Еммаусѣ (Марка XVI, 12—13, Луки XXIV, 13—35).

в) Въ верхнемъ рукавѣ изображены два Апостола; лѣвыя руки ихъ подъ гиматіями; Апостолъ, находящійся сзади, обращается къ переднему, полуобернувшемуся въ его сторону съ жестомъ бесѣды (два пальца руки выдвинуты впередъ).

Миніатюры данной рукописи, какъ мы сказали, принадлежатъ болѣе древнему времени, чѣмъ относятъ ихъ. По характеру работы, по своей простотѣ, правильнымъ фигурамъ, красивымъ положеніямъ одежды, онѣ сильно напоминаютъ мозаики ц. св. Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ. Христосъ во всѣхъ сценахъ юнъ, коричневые волосы его спадаютъ

---

[19]) Авторы каталога называютъ сцену „Petri piscatio“.

косой за плечи; у него только одного нимбъ (золото темнаго цвѣта); Апостолы также всѣ юные, одежда ихъ бѣлая; гиматій у нѣкоторыхъ красиво перекинутъ за плечо, и конецъ его развѣвается свободно. Тѣло въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно открыто, красноватаго цвѣта. Ни одна миніатюра не имѣетъ золотаго фона. Всѣ эти признаки, стиль миніатюръ и иконографическій разборъ ихъ, позволяютъ сдѣлать предположеніе, что послѣднія византійскаго происхожденія и при томъ ранняго, и если рукопись IX вѣка, то миніатюры ея—копіи съ образцовъ V—VI вѣка.

Е. Рѣдинъ.

II.

Пластинка изъ слоновой кости съ изображеніемъ поклоненія волхвовъ, изъ собранія графа Г. С. Строганова, въ Римѣ.

Собраніе гр. Г. С. Строганова въ Римѣ весьма богато византійскими памятниками искусства, особенно — рѣзьбы на слоновой кости. Съ однимъ изъ нихъ—частью диптиха V вѣка, съ изображеніемъ Благовѣщенія, Испытанія Богородицы водою обличенія, Путешествія въ Виѳлеемъ—читатели уже знакомы по обстоятельной статьѣ Д. В. Айналова (Арх. Изв. и Зам. 1893 г., № 6) [1]); описаніе другаго предлагается ниже. Это—пластинка изъ слоновой кости коричневаго цвѣта (12 сант. дл., 9 сант. шир.), съ весьма интереснымъ изображеніемъ на ней—поклоненія волхвовъ, сдѣланнымъ высокимъ рельефомъ. (См. рис. 11).

Богородица въ хитонѣ и мафоріи сидитъ на небольшомъ возвышеніи слѣва, у ясель, пустыхъ, надъ которыми видны, по обыкновенію, головы быка и осла; на колѣняхъ у нея Младенецъ-Христосъ, въ хитонѣ и гиматіи, благословляющій правой рукой, а лѣвую выставившій, какъ бы въ изумленіи, немного впередъ. Слѣва отъ Богородицы, обернувшись къ ней, стоитъ Ангелъ, протягивая руки, покрытыя гиматіемъ (жестъ служенія и почтенія предъ высшимъ лицомъ). Въ лѣвомъ углу, внизу сидитъ на небольшомъ возвышеніи старецъ Іосифъ, повернувъ свое лицо вправо и дѣлая правой рукой не обычный жестъ печали (приложивъ ее къ подбородку или щекѣ), а изумленія; онъ приподнялъ её немного вверхъ у груди. Сбоку въ трехъ рядахъ, изображающихъ, повидимому, стойла, находится по одному животному. Начиная съ праваго конца снизу вверхъ идутъ по направленію къ Богородицѣ три волхва: край-

---

[1]) Пластинка отъ кресла еп. Максиміана въ Равеннѣ, VI в. изъ того же собранія была описана нами въ „Зап. Имп. Харьковск. Унив.“ 1893 г., вып. 3-й.

ній — молодой, а два переднихъ пожилые [1]); они одѣты въ короткія рубашки съ треугольными вырѣзками по подолу, въ шароварахъ и имѣють на головѣ небольшія шапочки — костюмъ, усвоенный византійскимъ искусствомъ еще отъ древне-христіанскаго — для лицъ восточнаго происхожденія; на покрытыхъ платомъ рукахъ они держатъ небольшія корзиночки съ дарами. Впереди волхвовъ стоитъ у ясель Ангелъ, держа лѣвой рукой мѣрило, а правой указывая на Богородицу съ Младенцемъ; выше

Рис. 11

ясель полукругъ, образующій облако (νεέλη). Все изображеніе заключено въ небольшую рамку съ простымъ зубчатымъ орнаментомъ; въ верхней часть рамки надпись: +*H XV ΓΕΝΝΗCΙC*, а подъ головой Богородицы другая: *MP ΘV*. Всѣ лица, за исключеніемъ волхвовъ, въ нимбахъ.

Поклоненіе волхвовъ, какъ извѣстно, одинъ изъ распространеннѣй-

[1]) Нижняя часть правой стороны пластинки отбита, благодаря чему недостаетъ одной ноги у второго волхва.

шихъ сюжетовъ, еще въ древне-христіанскомъ искусствѣ, является выраженіемъ славы и торжества Христа, прославленія его какъ Бога; композиція сюжета довольно разнообразна; одинъ изъ видовъ ея является прототипомъ для нашего изображенія. Такъ, на трехъ саркофагахъ Латеранскаго музея мы находимъ и ясли, съ быкомъ и осломъ возлѣ нихъ, и Богородицу, сидящую у ясель въ креслѣ, или съ младенцемъ, или безъ младенца, который во всѣхъ указанныхъ памятникахъ въ то же время лежитъ въ ясляхъ [2]). Но во всѣхъ этихъ примѣрахъ нѣтъ ни Ангела, ни Іосифа, ни остальныхъ деталей нашего изображенія, которыя вошли въ него, очевидно, изъ композиціи Рождества Христова, при томъ той, сложной, составившейся около X вѣка [3]), съ пастухами и ангелами славословящими.

Наше изображеніе не представляетъ такого полнаго соединенія— Рождества Христова съ поклоненіемъ волхвовъ, такъ какъ въ немъ нѣтъ ни женщинъ, занятыхъ омовеніемъ Младенца, ни пастуховъ, но вся въ общемъ композиція идетъ именно отъ этихъ сложныхъ, какъ, напр., той, что находимъ на равеннскомъ диптихѣ [4]), съ которой она имѣетъ замѣчательное сходство и въ характерѣ работъ и во многихъ деталяхъ композиціи: и въ томъ и другомъ случаѣ одинъ и тотъ же костюмъ на волхвахъ, одинакіе дары, то же дѣленіе на три ряда стойлъ, въ которыхъ находятся животныя; наше изображеніе отличается отъ равеннскаго только тѣмъ, что представляя лишь поклоненіе волхвовъ, оно не даетъ ни женщинъ, занятыхъ омовеніемъ, ни ангеловъ, славословящихъ Христа въ небѣ [5]).

Пластинку, принадлежащую, полагаемъ, XI вѣку, можно отнести по техникѣ исполненія къ тѣмъ памятникамъ, которые возникли не въ Греціи, а въ самой Италіи; объ этомъ свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, стиль, который, удаляясь отъ чисто византійской сухости, приближается по характеру къ тѣмъ грубоватымъ издѣліямъ на слоновой кости, которыя извѣстны по итальянскимъ музеямъ, а съ другой сто-

---

[2]) Garrucci, vol. V, tav. 384, 5; 398. 5 и 398, 7, въ послѣднемъ примѣрѣ Богородица не держитъ на рукахъ младенца. Ср. M. Schmid, Die Darstellung der Geburt Christi in der bildenden Kunst. Stuttgart. 1890, стр. 4, 10, 9.

[3]) Кондаковъ, Исторія визант. искус., стр. 199.

[4]) Рисунокъ, см. у Roh. de Fleury, L'Evangile, vol. I, pl. XII, фиг. I. Флёри этотъ памятникъ относитъ неправильно къ VIII вѣку, Schmid, ibid., S. 29,—XII в., Вествудъ, Fict. ivor., p. 360, № 9—не опредѣляетъ времени; вѣрнѣе XI—XII в.

[5]) Присутствіе Іосифа и Ангела, руководящаго пастырями, встрѣчается еще въ памятникахъ V—VI в., какъ напр., эчміадзинскомъ диптихѣ, креслѣ Максиміана и др. и объясняется вліяніемъ апокрифическихъ Евангелій и другихъ легендарныхъ разсказовъ. См. мою ст. „Диптихъ Эчміадзинской Библіотеки", въ V т. Записокъ Импер. Русскаго Археол. Общества, отд. отт., стр. 9.

роны также и то, что именно подобная композиція—поклоненіе волхвовъ съ Богородицей, сидящей съ Младенцемъ у ясель съ воломъ и осломъ, ложится въ основу картинъ на этотъ сюжетъ въ вѣкъ Возрожденія.

Е. Рѣдинъ.

III.

Обозрѣніе раскопокъ, находокъ, пріобрѣтеній древностей музеями и разныя извѣстія.

(Поѣздка на островъ Каменоватый). На островъ Каменоватый впервые я обратилъ вниманіе въ 1887 г., когда мнѣ было передано для археологической коллекціи елисаветградскаго реальнаго училища нѣсколько древнихъ предметовъ, найденныхъ, какъ мнѣ сказали, на этомъ островѣ, въ пескѣ. Пожертвованіе заключалось въ обломкѣ кирпича, въ остаткѣ миніатюрнаго стекляннаго флакона, 3 бусинахъ и 2 византійскихъ пломбахъ съ оттиснутыми на нихъ буквами и съ отверстіями для продѣванія шнурка (см. рис. 12).

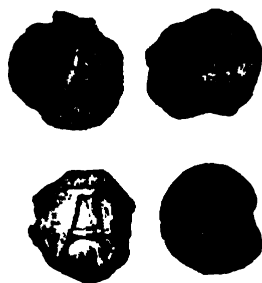

Рис. 12

Заинтересованный этими находками, я воспользовался благопріятнымъ случаемъ лично посѣтить этотъ островъ, представившимся мнѣ весною 1889 года.

Островъ Каменоватый лежитъ на Днѣпрѣ, пониже села Лоцманской Каменки, въ разстояніи менѣе версты отъ него. Я посѣтилъ его до спада водъ и нашелъ низменные берега его затопленными водой. Скалистый же остовъ его, возвышавшійся надъ водой, имѣлъ около 150 саженъ длины и около 50 саж. ширины, имѣлъ овальную форму и нѣсколько суживался къ югу. Съ сѣверной стороны прибрежныя скалы возвышались надъ водой сажени на двѣ, къ югу островъ нѣсколько повышается. Почти вся поверхность острова покрыта пескомъ, при чемъ въ южной его части замѣчаются песчаные бугры небольшихъ размѣровъ. По словамъ мѣстныхъ жителей, только эта южная часть острова никогда не затопляется водою, даже во время большихъ разливовъ рѣки, какой былъ, напримѣръ, въ 1845 году. Въ этой-то южной части, на пространствѣ около 30 кв. саженъ и сосредоточены въ настоящее время

остатки древности, залегающіе въ видѣ сплошного почти слоя мусора. Главная масса послѣдняго состоитъ изъ множества черепковъ глиняной посуды, которыхъ можно бы набрать, по крайней мѣрѣ, возъ. Разсматривая эти черепки, можно было замѣтить, что одна часть посуды, остатки которой они представляли, сдѣлана была изъ глины плохого качества, землистаго цвѣта, съ большой примѣсью кусочковъ кварца, отличалась шероховатой поверхностью и неровнымъ цвѣтомъ въ отломѣ; черепки имѣли около $^1/_4$ вершка толщины; нерѣдко замѣчались слѣды обкладки посуды при ея обжиганіи чѣмъ-то вродѣ травы; въ орнаментаціи этого типа посуды замѣчаются слѣдующіе мотивы: 1) веревочный (6 разновидностей), 2) состоящій изъ ямокъ круглыхъ, пятиугольныхъ, треугольныхъ, овальныхъ и въ видѣ полумѣсяца, расположенныхъ рядами (6 разновидностей), 3) въ видѣ волнистыхъ линій, грубо проведенныхъ по глинѣ (1 экз.); по формѣ, посуда этаго типа представляла собою горшки, имѣвшіе отъ 3 до $4^1/_2$ вершковъ въ діаметрѣ отверстія, съ выпуклыми боками, съ низкой шейкой, которая имѣла видъ стоячаго воротничка, съ дырочками на ней для продѣванія шнурка. Другая часть посуды отличалась болѣе ровнымъ цвѣтомъ, — чернымъ, бѣлымъ, или краснымъ, и гладкой, иногда блестящей поверхностью; черепки тоньше, но крѣпче, орнаментація состоитъ изъ расположенныхъ рядами черточекъ и полумѣсяцевъ, при чемъ послѣдніе иногда образуютъ „городокъ"; форма посуды—горшокъ, съ шейкой, отогнутой наружу, и съ ушками. Кромѣ того, попадались куски прямыхъ ручекъ и схожіе съ ними по матеріалу толстые черепки, — повидимому — отъ амфоръ. Далѣе, встрѣчались глиняныя грузила, кусочки свинца, осколки древней стеклянной посуды, попадалось много кузнечнаго шлака, желѣзныхъ гвоздей, обломковъ другихъ желѣзныхъ предметовъ и, вмѣстѣ съ ними, — также много кусочковъ кремня, и, въ ихъ числѣ,—старательно отдѣланный наконечникъ стрѣлы треугольной формы; найдено нѣсколько штукъ бронзовыхъ крючковъ для рыбы. Изъ украшеній были находимы бусы, въ большинствѣ случаевъ—стеклянныя, зеленаго, синяго и желтаго цвѣта, въ видѣ колечка и въ въ видѣ шарика, величиной съ чечевицу или горошину, при чемъ одна изъ пронизокъ состояла изъ двухъ нераздѣленныхъ шариковъ; попадались также бусы изъ глинистой композиціи, темнаго цвѣта, продолговатой формы, покрытыя черной или желтой поливой; затѣмъ, попадались стеклянныя и бронзовыя пуговки, найдено нѣсколько кусковъ стеклянныхъ браслетовъ, темно - синяго цвѣта, гладкихъ и жгутообразныхъ, иногда со слѣдами позолоты, — обломокъ стекляннаго кольца зеленаго цвѣта, маленькое мѣдное колечко, съ украшеніемъ въ видѣ насѣчки.

Пробныя канавы, вырытыя въ четырехъ мѣстахъ, показали, что культурный слой имѣетъ не болѣе 1 вершка толщины; ниже его попадались только малые, разрозненные куски костей и древесные корни; почва—вездѣ песокъ, и лишь въ немногихъ мѣстахъ подъ тонкимъ наружнымъ слоемъ песку обнаруженъ неглубокій слой чернозема.

Жители Лоцманской Каменки передавали мнѣ, что въ прежнее время случалось находить здѣсь деньги, которыя потомъ сбывались евреямъ; находили также крестики, и нѣкоторые изъ нихъ хранятся у находчиковъ и понынѣ. Два изъ нихъ я видѣлъ у сына начальника лоцмановъ, И. Н. Каргопольцева. Это—мѣдные тѣльные кресты, равносторонніе, съ расширеніями на концахъ; одинъ изъ этихъ крестовъ украшенъ желтою финифтью. Кромѣ того, у г. Каргопольцева я видѣлъ мѣдную лунницу и кремневый наконечникъ стрѣлы съ черенкомъ; наконецъ, у него оказался экземпляръ мѣдной византійской монеты имп. Юстиніана I, довольно потертой. Г. Каргопольцевъ передавалъ мнѣ, что онъ находилъ на островѣ могилы; подробности положенія костей ускользнули отъ его вниманія, но, по его словамъ, въ головахъ двухъ скелетовъ онъ нашелъ горшки, наполненные смолою.

Трудно опредѣлить эпоху, къ которой относится посуда о-ва Каменоватаго; трудно также объяснить, какъ попали сюда кремневые наконечники стрѣлъ въ сосѣдство съ предметами совершенно опредѣленной эпохи, какъ византійская монета, византійскія пломбы, тѣльные кресты, стеклянные браслеты и кольца. Но эти послѣдніе предметы невольно привлекаютъ интересъ къ о-ву Каменоватому, свидѣтельствуя о томъ, что онъ игралъ нѣкоторую роль въ торговыхъ сношеніяхъ этой мѣстности съ Византіей въ VI—VII вв. по Р. Х. Такое его значеніе опредѣлялось, конечно, его важнымъ географическимъ положеніемъ при началѣ днѣпровскихъ пороговъ и можетъ быть отчасти приравнено къ тому значенію, которое теперь имѣетъ лежащее вблизи село Лоцманская Каменка. (Сообщ. В. Н. Ястребовъ).

—— Какъ уже сообщалось *), членъ Саратовской архивной комиссіи Ф. В. Духовниковъ лѣтомъ прошлаго 1893 года производилъ по порученію Императорской Археологической Коммиссіи археологическія наблюденія при проведеніи желѣзнодорожнаго полотна на Увекѣ и его окрестностяхъ, при чемъ скупалъ для этой комиссіи и древнія вещи, случайно кѣмъ-либо найденныя. Такихъ предметовъ собрана большая коллекція, которая уже отправлена, въ количествѣ двадцати одного пуда, въ Императорскую Археологическую Коммиссію. Насколько намъ

*) См. Арх. Изв. и Зам. стр. 450, 1893 г.

удалось разсмотрѣть, вся эта коллекція можетъ быть распредѣлена на слѣдующія группы, рисующія жизнь древняго татарскаго города Увека, теперь почти совершенно уничтоженнаго.

1) Предметы, относящіеся къ домостроительству: глазированные кирпичи и плитки изъ бѣлаго камня съ глазурью [1]), водопроводныя гончарныя трубы и пр.

2) Предметы хозяйственнаго быта: замочки въ видѣ коньковъ, чашечки отъ вѣсовъ, ночники, копилки для денегъ, ножи, огнива, желѣзные подцѣпки для привѣски мяса и котловъ, котлы, обломки сковородъ и котловъ, глиняные сосуды (горшки, кувшины и пр.), масса черепковъ битой глазированной посуды и пр. Въ посудѣ особенно выдѣляется мѣдная тарелка съ орнаментами (въ концентрическихъ кругахъ—плетеніе тонкихъ полосокъ и арабскія слова).

3) Предметы, рисующіе мирныя занятія жителей: глиняныя пряслица, чернильницы, ручные жернова, изъ которыхъ одинъ гранитный; рыболовныя принадлежности (удочки и грузила), ножницы, наковальня, мѣдные колесики съ зубцами, кружки разной величины, черный камень для пробы металловъ, формы для отлива украшеній, чугунный ковшъ для плавленія легкоплавкихъ металловъ, куски олова въ соединеніи съ другими металлами, свинцовые литники, долото, скребки, балда, сверло и другія орудія, отпиленный рогъ лося, неотдѣланныя костяныя ручки для ножей, костяная печатка съ татарскою надписью и другія костяныя издѣлія, молотки, надгробная каменная плита съ татарскими словами [2]), фигурки человѣка, вырѣзанныя изъ мѣдныхъ пластинокъ, ладышки, бабки и пр.

4) Предметы, относящіеся къ воинскому быту: булава (символъ начальническаго достоинства), бунчукъ, оружіе разнаго рода (ножи, копья, сѣкиры, топоры, турецкая сабля), стремена, желѣзная фигурка луны и пр.

5) Женскія украшенія и принадлежности: бусы, серьги, подвѣски къ серьгамъ, кольца, перстни, глазки для перстней, ожерелья, браслеты, пряжки, пуговицы, металлическія зеркала, изъ которыхъ на двухъ—татарскія надписи, наперстокъ и пр.

6) Наконецъ, еств предметы, свидѣтельствующіе и о христіанскомъ населеніи мусульманскаго гор. Увека, какъ - то: свинцовая фигура херувима, кресты, панагія и пр.

---

[1]) Такими же глазированными кирпичами и плитками облицованы наружныя и внутреннія части старинныхъ мечетей, находящихся въ городахъ нашихъ средне-азіатскихъ владѣній.

[2]) Эта плита найдена не на Набережномъ, а на Церковномъ Увекѣ.

Многіе предметы коллекціи, особенно женскія украшенія, металлическія зеркала, форма сосудовъ, окраска и рисунки ихъ, простые и глазированные кирпичи и плитки и пр. совершенно такіе же, какіе находятъ въ развалинахъ Болгаръ, Сарая и другихъ татарскихъ городовъ, а это доказываетъ, что эти города появились въ одну эпоху и возникновеніемъ своимъ были обязаны одному и тому же народу.

Кромѣ этихъ предметовъ, въ коллекціи находятся человѣческіе черепа, одежда, обувь и пр. Есть нѣсколько предметовъ, назначеніе которыхъ трудно опредѣлить.

Такая богатая коллекція увекскихъ вещей, представляющая большой интересъ для людей науки, могла быть собрана, насколько намъ извѣстно, только при содѣйствіи подрядчика земляныхъ работъ на Увекѣ г. Петриченки и въ особенности инженеровъ (Сар. Лист. № 48, 1894 г.).

——— Къ замѣчательнымъ остаткамъ древности въ Саратовской и Самарской губерніяхъ, кромѣ кургановъ и городищъ, свидѣтельствующихъ о кипучей и культурной жизни обитавшихъ здѣсь въ прежнее время, до поселенія русскихъ, народовъ, принадлежатъ подземныя сооруженія, которыя народъ называетъ норами, подземными ходами, но чаще всего пещерами. Пещеры есть и въ другихъ мѣстахъ Россіи, какъ, напр., на Кавказѣ и въ Крыму, и онѣ болѣе или менѣе изслѣдованы; пещеры же Саратовскаго края не только не изслѣдованы, но многія даже неизвѣстны изслѣдователямъ старины. Свѣдѣнія о пещерахъ имѣются самыя скудныя, неточныя: даже знаменитая *Кудеярова пещера*, единственная изъ пещеръ, на которую обратили вниманіе наши археологи, не изслѣдована. Причина этого понятна: входы въ пещеры большею частью завалены на нѣкоторомъ разстояніи землею, камнями и пр.; кромѣ того, спертый воздухъ пещеръ вызываетъ у изслѣдователей головокруженіе. Это-то и препятствуетъ проходить по пещерамъ на всемъ ихъ протяженіи. Существованіе пещеръ обнаруживается совершенно случайно: или часть ихъ обваливается, или разбираются камни, закрывавшіе ихъ входъ, и тогда открываются каменныя арки, своды и стѣны пещеры. У нѣкоторыхъ пещеръ есть два отверстія для входа, такъ что въ одно отверстіе можно войти, а въ другое выйти. Величина пещеръ различна: однѣ при входѣ такъ узки и низки, что въ нихъ можно проникнуть только ползкомъ; другія же настолько широки и высоки, что можно въѣхать на тройкѣ.

Окрестные жители разсказываютъ разныя преданія о скрытыхъ въ нихъ богатствахъ, но въ тѣхъ пещерахъ, которыя проходили люди, не находили цѣнныхъ предметовъ, кромѣ татарскихъ монетъ, кувшиновъ и пр.

Кто устраивалъ пещеры и съ какою цѣлью — неизвѣстно. Замѣняли-ли онѣ кочевникамъ жилища въ зимнее время, и они жили въ нихъ такъ, какъ мы живемъ въ домахъ, или кочевники скрывались въ нихъ съ своими богатствами въ смутныя времена, — трудно рѣшить. Замѣтимъ при этомъ, что пещеры находятся большею частью въ мѣстахъ, недоступныхъ для посторонняго взора, напримѣръ — въ горахъ, оврагахъ, поросшихъ лѣсами, которые въ старину были непроходимы. Появленіе пещеръ, извѣстныхъ изстари, народъ приписываетъ разбойникамъ, дѣйствовавшимъ въ той мѣстности, гдѣ находятся теперь пещеры, и имя которыхъ онѣ обыкновенно носятъ. Такъ, есть пещеры Стенькина, Кудеярова, Сверебеева и др. Но нахожденіе пещеръ вблизи такихъ мѣстъ, гдѣ прежде жили татары, заставляетъ предполагать, что они возникли во времена монголо-татарскія. Въ этомъ предположеніи укрѣпляетъ еще болѣе и то, что нѣкоторыя извѣстныя пещеры выложены типичными квадратными татарскими кирпичами [1]).

Укажу на извѣстныя мнѣ пещеры.

1) Стенькина пещера находится въ Стенькиномъ оврагѣ, впадающемъ въ балку рѣчки Увековки съ правой стороны, въ полуверстѣ отъ церковнаго Увека. Въ этой пещерѣ въ 60-хъ годахъ былъ В. Крестовскій, который нашелъ вмѣсто отверстія, нѣчто въ родѣ норы: онъ въ одну нору влѣзъ ползкомъ, прошелъ всю пещеру и вылѣзъ въ другое отверстіе. При чемъ, какъ всегда бываетъ въ подземныхъ помѣщеніяхъ, онъ чувствовалъ себя послѣ нехорошо отъ недостатка свѣжаго воздуха. По словамъ фотографа Ушакова, Крестовскій видѣлъ тамъ своды и проходы, сдѣланные изъ квадратнаго татарскаго кирпича, совершенно такого же, какой находится въ древнихъ постройкахъ въ Набережномъ Увекѣ. Въ Стенькиной пещерѣ находили татарскія издѣлія и татарскія монеты; нашли тамъ ножи и лоханку. Татарскіе кирпичи видѣли прежде и по отлогостямъ этого оврага около пещеры. Въ настоящее время пещера завалена сползшею въ нее землею, и только отверстіе у дерева въ видѣ норы, указываетъ на ея существованіе. Не видно около нея и татарскихъ квадратныхъ кирпичей.

2) Пещера въ Набережномъ Увекѣ неизвѣстна даже жителямъ его. Лѣтъ шесть тому назадъ она была обнаружена: по словамъ лицъ, бывшихъ въ ней, она выложена не только кирпичемъ, но даже цвѣтными изразцами. Видѣли эту пещеру только на разстояніи двухъ саженъ. Вскорѣ по обнаруженіи ее завалили камнями и землею.

3) Въ 1½ верстѣ отъ села Нееловки, Сарат. уѣзда, на горѣ

---

[1]) Кирпичи 5 и 5½ в. длиною и 1 в. толщины.

Печурахъ, поросшей сосновымъ лѣсомъ, тоже есть пещера, которую время почти уничтожило. Смѣльчаки, бывшіе въ ней, ничего не нашли.

4) Въ самомъ Саратовѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, совершенно случайно обнаруженъ былъ подземный ходъ, выложенный кирпичемъ. Многіе жители Саратова, въ настоящее время здравствующіе, изъ любопытства входили въ этотъ подземный ходъ и свободно проходили по нему къ Глѣбучеву оврагу отъ того мѣста, гдѣ нынѣ домъ Общества купцовъ и мѣщанъ, въ которомъ помѣщаются теперь окружный судъ и судебная палата. Въ Саратовѣ были еще подземные ходы на Старособорной и у Сергіевской улицъ, около дома Ржевкина. Когда появились эти подземные ходы,—на это нѣтъ никакихъ данныхъ.

5) У села Лоха, Саратовскаго уѣзда, въ 75 верстахъ отъ Саратова, въ Кудеяровой горѣ находится Кудеярова пещера (см. о ней: 1) „Саратовскія Губернскія Вѣдомости“ 1845 года, № 4, перепечат. 1880 г. № 43; 2) „Саратовскій сборникъ“, изданіе статистическаго комитета, т. I, отд. II, стр. 29 и 30; 3) А. Н. Минхъ. „Народные обычаи, суевѣрія, предразсудки“, стр. 33—37) [1]).

6) Пещера въ двухъ верстахъ отъ села Березниковъ, Вольскаго уѣзда, къ сѣверу; тамъ же есть незначительное городище.

7) Подземный ходъ въ 4 – 5 верстахъ отъ села Воскресенскаго, Вольскаго уѣзда, по дорогѣ въ дер. Кадомцево, недалеко отъ большого оврага, среди поля, на ровномъ мѣстѣ. Этотъ подземный ходъ очень узокъ; мѣстами, черезъ нѣкоторые промежутки, имѣетъ каменные своды и стѣны и идетъ подъ землю горизонтально саженъ на пять. Вышины онъ полтора аршина. Одинъ конецъ хода значительно уже другаго. Въ узкомъ концѣ его пересѣкаетъ другой подземный ходъ; близь этого мѣста, лѣтъ 5 тому назадъ, найденъ былъ въ кувшинѣ кладъ татарскихъ монетъ, хранящійся въ Радищевскомъ музеѣ. Въ самомъ селѣ недавно обнаружено татарское кладбище и нѣчто въ родѣ сакли („Саратовскій Дневникъ“, 1893 г. № 83).

8) Пещера въ „Рѣдкодубѣ“, около села Колѣнъ, Аткарскаго уѣзда (А. Н. Минхъ. „Народные обычаи, суевѣрія“, стр. 31).

9) Въ верстахъ 15 отъ слободы Рудни, Камышинскаго уѣзда, на днѣ лощины, поросшей лѣсомъ, находится подземный ходъ, Сверебеевская пещера. Такъ прозвана она, какъ носится въ народѣ, по фамиліи разбойника Сверебеева, который будто бы въ ней жилъ. Эта пещера, построенная въ крѣпкомъ грунтѣ, имѣетъ два входа, такъ что въ одинъ можно пройти, а въ другой—выйти. Она тянется на большое

[1]) См. еще его же: „Легенды о Кудеярѣ въ Саратовской губ.“ Саратовскій Листокъ, 1891 г., № 99.

разстояніе. Входившіе въ нее изъ любопытства замѣтили тамъ каменную скамейку. Теперь эта пещера заваливается землею, которая сползаетъ съ краевъ лощины.

10) Пещера у села Мѣловатки, Камышинск. уѣзда, на лѣвомъ берегу оврага, состоящаго ихъ мѣловаго камня. Входъ въ пещеру устроенъ изъ камня аркой, стѣны тоже выложены камнемъ. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ входа пещера развѣтвляется на двѣ части, но на какое разстояніе она тянется,—неизвѣстно: никто не рѣшался проникнуть въ нее, такъ какъ входъ заваленъ щебнемъ, и потому нѣсколько саженъ нужно пробираться по ней ползкомъ. („Сарат. Листокъ" 1893 г., № 97).

11) У рѣки Карамана, Новоузенскаго уѣзда, Самар. губ., за Краснымъ Колонкомъ, въ глухомъ лѣсу находится пещера, по народному, нора, выложенная кирпичемъ. Въ эту пещеру никто не рѣшается проникнуть.

12) Верстахъ въ двадцати отъ села Смолянки, Николаевскаго уѣз., Самарской губ., за Пирожковымъ хуторомъ, провалилась нѣсколько лѣтъ тому назадъ земля, при чемъ обнаружился длинный, широкій ходъ, выложенный кирпичемъ.

13) Въ двухъ верстахъ отъ села Старыхъ Буросъ, Сарат. уѣзда, на правомъ берегу р. Медвѣдицы, находится въ горѣ пещера съ нѣсколькими ходами (Труды Сар. Уч. Архив. Ком., Т. II, вып. 2, стр. 276). Въ настоящее время входъ въ пещеру засыпанъ землею. Преданіе говоритъ, что въ пещерѣ жилъ когда-то Кудеяръ. Холмъ, называемый городкомъ (около двухъ верстъ отъ села), также связанъ съ именемъ Кудеяра: съ него онъ, по преданію, наблюдалъ окружающую мѣстность (Тамъ же).

14) За селомъ Нечаевкой, Сарат. уѣзда, верстахъ въ 35 отъ Саратова, по направленію къ сѣверу, на возвышенности у кладбища тоже находится пещера. Около 20 лѣтъ тому назадъ, входъ въ нее былъ еще широкъ, такъ что многіе изъ любопытства проникали въ нее сажени на три; но теперь ее завалило землею, и она совершенно сравнялась съ окружающею ее мѣстностью. Въ настоящее время только старожилы могутъ указать ея мѣсто. Народъ прозвалъ ту пещеру Кудеяровою, по имени Кудеяра, который будто-бы въ ней жилъ и спряталъ тамъ много сокровищъ.

15) Въ селѣ Синенькахъ, Сарат. уѣзда, по неясному описанію, тоже, вѣроятно, есть пещеры (Хованскій. Очерки по исторіи Саратова, стр. 198).

16) Недалеко отъ деревни Лопата, Камыш. уѣзда, въ курганѣ

Стеньки Разина (вышиною до 50 сажень) видны слѣды подземныхъ ходовъ (Нейгардтъ. Путеводитель по Волгѣ. Часть II, стр. 71 и 72).

17) Въ *Камышинскихъ уѣздахъ*, по описанію академика И. Лепехина, „много пещеръ. Проходы къ нимъ такъ узки, что никоимъ образомъ въ нихъ спуститься невозможно. Мы спускали въ сіи подземные провалы каменья, отъ которыхъ отдавался звукъ обширной пустоты" (Лепехинъ. Дневныя записки. Тисненіе второе. Ч. I, стр. 399. См. также: Хованскій. Очерки по исторіи Саратова, стр. 190 и Нейдгардтъ, Путеводитель по Волгѣ. Ч. II, стр. 79 и 80).

18) Въ двухъ верстахъ отъ с. Каменнаго Брода, Цариц. уѣз., Сарат. губ. есть пещеры въ горѣ (Хованскій. Очерки по исторіи Саратова. Стр. 216).

19) Близь деревни Злобовки (Свѣчинка—тожъ), что недалеко отъ села Горяиновки (въ 25 верстахъ къ сѣверу отъ села Балакова), Николаевскаго уѣзда, Самар. губ. была открыта въ 60-хъ годахъ пещера. Уральскій казакъ, пріѣхавшій въ Свѣчинку, нашелъ въ образницѣ у мѣстнаго крестьянина запись на кладъ въ этой пещерѣ. Запись, написанная на очень твердой бумагѣ (вѣроятно на пергаментѣ) отъ имени Емельки Пугачева [1]), подробно описывала мѣстность, гдѣ находилась пещера, и спрятанные въ ней котлы съ мѣдными, серебряными и золотыми монетами. Уральскій казакъ купилъ у крестьянина эту запись за 25 рублей, снялъ у помѣщика Свѣчина землю и изрылъ всю мѣстность, въ которой должна быть по описанію пещера. Какъ значилось въ записи, найдены входъ въ пещеру, запертый желѣзными дверями, и ключъ отъ нихъ; но кромѣ котла съ мѣдными деньгами, въ этой пещерѣ ничего не нашли, не смотря на самыя тщательныя раскопки, которыя велись но указаніямъ записи. Казакъ пришелъ къ тому заключенію, что отецъ владѣльца записи, или кто-либо другой раньше воспользовался котлами съ золотыми и серебряными монетами. Подобныхъ подложныхъ записей на отысканіе сокровищъ въ пещерахъ и другихъ мѣстахъ въ Сарат. губ. ходило и ходитъ въ простомъ народѣ много.

20) Въ обрывахъ Жегулевскихъ горъ „виднѣются глубокія и длинныя пещеры, но онѣ не вырыты рукою человѣка, а созданы самою природою. Въ этихъ пещерахъ, а равно въ долинахъ, называемыхъ *буераками*, находили себѣ пріютъ, въ сравнительно очень недавнее прошлое, громко прославившіяся шайки разбойничьей вольницы" (Самарецъ, календарь на 1888 г. Отд. III, стр. 81.—Нейдгардтъ. Путеводитель по Волгѣ. Ч. II, стр. 34 и 37).

---

[1]) Почеркомъ XVIII вѣка.

21) Въ заволжской степи, возлѣ горы Богдо, что недалеко отъ Баскунчакскаго озера, находятся причудливыя пещеры, точно сдѣланныя рукою человѣка (Сарат. Дневникъ 1894 г., № 24. Заволжская легенда). Объ этой горѣ Палласъ говоритъ, что „она завалилась при отшествіи Ханской орды и теперь уже нельзя ее найти. (См. Палласъ. Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства, ч. III, 1788 г. Стр. 312 и слѣд.—О священныхъ пещерахъ у калмыковъ, см. тамъ же, стр. 317 и 318).

Лермонтовъ въ юношеской повѣсти *Вадимъ* разсказываетъ о происхожденіи пещеръ и одну изъ нихъ подробно описываетъ. (Сообщ. Ф. В. Духовниковъ).

—— Съ наступленіемъ весны начались обычныя въ окрестностяхъ Керчи исканія кладовъ такъ - называемыми „счастливчиками". Одному изъ этихъ непризнанныхъ, но, тѣмъ не менѣе, опытныхъ археологовъ, 9-го апрѣля нынѣшняго года, какъ сообщаетъ „Пол. Лист. Керчь-Еник. Град.", посчастливилось набрести на древнюю гробницу съ двумя склепами. Мѣсто находки — дача бывш. Константиновыхъ, на Татарской слободкѣ, близъ мечети, противъ загороднаго сада. Гробница эта, въ настоящее время разоренная, представляла квадратъ въ 3½—4 арш., выложенный мѣстнымъ штучнымъ камнемъ превосходнаго качества и облицованный плитами. Въ двухъ склепахъ гробницы, которые были закрыты сверху большими толстыми, каменными плитами, на глубинѣ въ ростъ высокаго человѣка отъ поверхности земли, лежали два цѣльнокаменныхъ гроба, весьма искусно выдолбленные, въ которыхъ заключены были деревянные (кипарисные) гробы безъ инкрустацій, а въ гробахъ на лавровыхъ листьяхъ лежали почти совершенно истлѣвшіе скелеты мужчины и женщины. Каменные гробы были закрыты каменными-же крышками, крѣпко прикрѣпленными толстыми желѣзными гвоздями. Въ стѣнкахъ склеповъ устроены довольно значительныхъ размѣровъ ниши (печурки), въ которыхъ обыкновенно ставились древними различные сосуды и др. предметы древности, посвящавшіеся покойникамъ. Изъ предметовъ, найденныхъ въ гробницѣ, показаны: пара золотыхъ браслетовъ, шириною въ два пальца, два золотыхъ-же перстня—одинъ съ камнемъ блѣдно-сѣраго цвѣта (вѣроятно, агатомъ), а другой съ аметистомъ, который оказался выпавшимъ изъ своего гнѣзда, пара золотыхъ, простой работы, съ подвѣсочками, сережекъ, золотой вѣнчикъ съ греческой надписью, гласящей о вѣнчаніи покойника членами какого-то религіознаго общества, бронзовыя украшенія, должно-быть, щита (умбонъ) съ изображеніемъ на одномъ изъ нихъ трехъ грацій, бронзовая вазочка (окисленная) съ дужкой изъ проволоки и три стеклянныхъ сосуда (флаконы), изъ

которыхъ одинъ, отлично сохранившійся, весьма оригинальной формы, бронзовыя бляшки-нашивки, пара, вѣроятно, налокотниковъ, обломки желѣзнаго меча и куски истлѣвшей (какъ кажется, шелковой) матеріи отъ платья — цвѣта прюнъ и шоколаднаго. Изъ этихъ предметовъ обращаетъ на себя особенное вниманіе выпавшій изъ перстня аметистъ, представляющій прекрасную гемму или камею: на немъ вырѣзана съ большимъ искусствомъ мужская голова, увѣнчанная лавровымъ вѣнкомъ, съ обозначеніемъ имени владѣльца перстня или рѣзчика.

—— На мысѣ Чауди, восточнѣе Ѳеодосіи, верстахъ въ 25, подлѣ самаго маяка, ломаютъ камень для портовыхъ работъ въ Ѳеодосіи. Въ мартѣ нынѣшняго года, срывая землю надъ самымъ обрывомъ берега къ морю, обнаружили несомнѣнные слѣды древняго поселенія: большое количество битыхъ амфоръ, особенно ихъ ручекъ, къ сожалѣнію, безъ клеймъ, остатки мусора отъ жилья, признаки построекъ и, наконецъ, штукъ 5 — 6 хорошо сохранившихся каменныхъ ящиковъ, съ очень тонкими стѣнками, облицованныхъ внутри гидравлическимъ растворомъ древнихъ (известь съ толченымъ кирпичемъ); размѣръ каждаго ящика около 1 $^1/_2$ арш., по всѣмъ тремъ измѣреніямъ. Повидимому, это были цистерны для храненія и даже сбора воды (мѣстность эта и теперь безводная). Быть можетъ, все это остатки древняго маяка, судя по важности для этой цѣли самого мѣста и по большому пространству съ признаками долгаго и большаго огня. Костей и вообще могилъ не находили. Время поселенія можетъ быть опредѣлено довольно близко, благодаря находкѣ четырехъ мѣдныхъ монетъ, хотя и плохой сохранности, но все же легко узнаваемыхъ: всѣ онѣ воспорскаго царя Савромата I (изображены въ каталогѣ П. О. Бурачкова, табл. XXVIII, №№ 155, 158, 159, 160), слѣдовательно, конца I-го или начала II-го вѣка по Р. Х. (Сообщ. А. Л. Бертье-Делагардъ).

—— Въ Гутмансбахскомъ приходѣ, въ деревнѣ Реймансдорфъ, найдены человѣческій черепъ, длинный, тяжелый мечъ и нѣсколько мѣдныхъ монетъ Петровскихъ временъ. Всѣ эти вещи находятся теперь на Орренгофской мызѣ. (Ревельскія Извѣстія, № 73, 1894 г.).

—— Въ Императорскую Археологическую Коммиссію прислано 620 мелкихъ монетъ, найденныхъ близь Ростова. Нѣкоторыя изъ этихъ монетъ, какъ оказалось, принадлежатъ къ великокняжескому періоду. (Нов. № 68, 1894 г.).

—— Музей древностей при костромской губернской ученой архивной коммиссіи мало-по-малу пополняется коллекціями и экземплярами старинныхъ предметовъ. Въ послѣдніе годы въ музей начали поступать коллекціи старинныхъ вещей, извлеченныхъ, при раскопкахъ,

изъ кургановъ въ предѣлахъ Костромской губерніи. Коллекціи эти предварительно представляются въ Императорскую Археологическую Коммиссію, которая, по минованіи надобности, возвращаетъ ихъ въ музей архивной коммиссіи. Недавно возвращенная Коммиссіею первая коллекція курганныхъ вещей состоитъ изъ желѣзныхъ ножей и ножичковъ, серповъ, топоровъ, стрѣлъ, мѣдныхъ браслетовъ, и т. д.; кромѣ того, Коммиссія прислала въ даръ музею серебряный шейный обручъ изъ числа курганныхъ находокъ въ Пермской губерніи. Изъ коллекцій, пожертвованныхъ въ послѣднее время въ музей частными лицами, заслуживаетъ вниманія коллекція курганныхъ вещей, состоящая изъ янтарныхъ и стеклянныхъ бусъ, серебряныхъ фибулъ, мѣдныхъ сережекъ, перстней, колецъ, браслетовъ, поясныхъ подвѣсокъ, пряжекъ, желѣзныхъ ножичковъ, желѣзнаго наконечника копья, желѣзныхъ топоровъ, косъ и серповъ. Въ нумизматическій отдѣлъ музея въ послѣднее время пожертвовано много различныхъ серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ XV—XVIII вѣковъ. Историческій архивъ и библіотека архивной коммиссіи также обогатились коллекціями старинныхъ рукописей и книгъ старой и новой печати. Недавно совѣтъ коммиссіи рѣшилъ принять мѣры къ учрежденію при музеѣ отдѣла церковныхъ древностей (Прав. Вѣстн., № 76, 1894 г.).

—— Дѣло по устройству архивныхъ коммиссій и отдѣльныхъ археологическихъ учрежденій развивается. Кромѣ существующихъ: тверской, тамбовской, ярославской, рязанской, костромской и друг. ученыхъ архивныхъ коммиссій, въ настоящее время возникло, какъ мы слышали, предположеніе объ учрежденіи такихъ коммиссій, по возможности, во всѣхъ губернскихъ городахъ Россіи. (Нов. Вр. № 6518, 1894 г.).

—— Министромъ народнаго просвѣщенія утвержденъ уставъ угличскаго музея древностей, принятаго, съ высочайшаго соизволенія, подъ августѣйшее покровительство Великаго Князя Сергѣя Александровича. Согласно уставу, вновь возникающій музей находится подъ вѣдѣніемъ и руководствомъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, помѣщается во дворцѣ св. Царевича Димитрія и считается достояніемъ города Углича. Въ музеѣ собираются и хранятся памятники старины, преимущественно относящіеся къ мѣстной исторіи и археологіи; при немъ же образуется соотвѣтствующая библіотека. Управленіе музеемъ поручается особому комитету, состоящему изъ предсѣдателя — угличскаго предводителя дворянства и членовъ: угличскаго городского головы, представителя отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, по его назначенію, и одного или нѣсколькихъ членовъ изъ мѣстныхъ любителей и знатоковъ древностей, избираемыхъ предсѣдателемъ комитета, по соглашенію съ обществомъ. (Нов., № 83, 1894 г.).

—— Геронъ де Виллькфосъ сдѣлалъ сообщеніе въ Парижской Академіи Надписей о латинской надписи изъ Эчміадзинскаго монастыря, фотографія съ которой ему была доставлена Мели. На фотографическомъ снимкѣ съ надписи, открытой въ 1863 г. и изданной въ C. I. L. подъ №№ 6052—6053, (въ Сборникѣ греческихъ и латинскихъ надписей Кавказа, И. В. Помяловскаго, она издана подъ № 140) можно возстановить слово *militum,* недостающее въ Corpus'ѣ, и возстановленное, впрочемъ, словомъ *tribunus,* стоящимъ въ концѣ предпослѣдней строки. Надпись относится ко времени имп. Коммода. (Rev. Cr. № 10, 1894 г.).

IV.

Засѣданія Обществъ.

30 марта 1894 г., состоялось годичное засѣданіе Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. По прочтеніи отчетовъ ревизіонной коммиссіи, совѣта Общества, казначея и секретаря за 1893 г., состоялось присужденіе медалей; серебряныя медали присуждены А. Л. Бертье-Делагарду за „Раскопки Херсониса" и А. А. Спицыну за „Древности Вятскаго Края". Затѣмъ происходили выборы должностныхъ лицъ Общества; избраны par acclamation тѣ же лица, которыя до сихъ поръ исполняли эти должности, т. е. помощникъ предсѣдателя—А. Ѳ. Бычковъ, казначей - А. К. Марковъ, библіотекарь—А. Н. Щукаревъ и хранитель—В. Г. Бокъ. И. В. Помяловскій и А. Ѳ. Бычковъ помянули прочувствованными словами умершаго 23 марта поч. чл. Общества архим. Антонина, память котораго почтили вставаніемъ. Затѣмъ былъ прочтенъ рефератъ А. И. Кирпичникова: Иконографическія изображенія путешествія Іосифа въ Виѳлеемъ.

1-го апрѣля 1894 г., въ Восточномъ отдѣленіи того же Общества, состоялось засѣданіе, въ которомъ былъ прочтенъ рефератъ Н. Я. Марра: О начальной исторіи Арменіи, Анонима (къ вопросу объ источникахъ Моисея Хоренскаго).

---

3 апрѣля 1894 г., въ помѣщеніи Императорской Археологической Коммиссіи состоялось засѣданіе Русскаго отд. Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, посвященное обозрѣнію выставки древностей, поступившихъ въ Археологическую Коммиссію въ теченіе 1893 г. Объясненія

давали А. А. Спицынъ и Н. И. Веселовскій. Изъ выставленныхъ предметовъ особаго вниманія заслуживали: коллекція древностей, добытыхъ въ могильникахъ Витебск. губ. г. Романовымъ (на 62 табл.); въ зап. части этой губ ему удалось найти слѣды финской культуры IX—XI в., а въ Дрейнанскомъ могильникѣ, на границѣ Лифляндской губ., найдены предметы, сходные съ древнѣйшими лифляндскими (II—V в.), но вообще этотъ могильникъ относится къ VIII—IX в. Затѣмъ коллекція древностей, собранныхъ Ф. В. Духовниковымъ, на развалинахъ золотоордынскаго города Увека, между которыми интересно мѣдное блюдо съ татарскими надписями. Но украшеніемъ всей выставки служатъ: замѣчательная коллекція серебр. сассанидскихъ вещей, найденныхъ въ Глазовск. у., Вятской губ., состоящая изъ 5 серебр. блюдъ, изъ коихъ одно имѣетъ изображеніе сидящей на грифонѣ флейтщицы, другое съ изображеніемъ бѣгущаго каменнаго барана съ лентой на шеѣ, третье большое плоское съ византійскими клеймами, четвертое украшено позолоченной розеткой и пятое тонкое, тисненое, съ восточнымъ орнаментомъ; изъ 4-хъ чарокъ, съ изображеніями лозы, кружками и животными (на ручкѣ одной чарки изображеніе мужчины) и, наконецъ, изъ 6 витыхъ шейныхъ гривенъ. Интересны 2 сассанидскихъ блюда, принесенныхъ въ даръ Эрмитажу соликамскимъ купцомъ Г. М. Касаткинымъ: на одномъ изображенъ левъ, терзающій лань, а на другомъ сцена охоты царя на кабановъ. На 2-хъ блюдахъ изъ Пермской губ. находятся: изображеніе поединка 2-хъ богатырей, а на другомъ, овальной формы, изображеніе маленькой рыбы. На нѣкоторыхъ блюдахъ находятся пехлевійскія надписи.

Прочія древности происходятъ изъ раскопокъ и находокъ Костромской, Архангельской, Вятской, Томской, Калужской, Смоленской, Симбирской и др. губ.; колл. предметовъ и фотографій, собр. Н. Я. Марромъ въ развалинахъ Ани, въ Арменіи, древности изъ раскопокъ въ Херсонисѣ, Керчи, Акмолинской обл. и проч.

Въ Антропологическомъ Обществѣ, состоящемъ при Императорской Военно-Медицинской Академіи, въ мартѣ 1894 г., состоялось очередное засѣданіе, въ которомъ докт. Тихановымъ было сдѣлано сообщеніе „Объ энергіи роста конечностей и позвоночника у человѣка“ и затѣмъ еще болѣе интереснымъ было сообщеніе предсѣдателя Общества, проф. А. И. Таренецкаго, демонстрировавшаго знаменитые керченскіе черепа, добытые изъ раскопокъ такъ называемой Митридатовой горы. Форма этихъ череповъ удлиненная съ глубокою перемычкою на темени, придающею имъ странный, не похожій на человѣческій, видъ. Перемычка эта образована искуственно при-жизненнымъ сдавливаніемъ черепа, производимымъ для косметическихъ и иныхъ цѣлей. Подобные черепа въ Европѣ очень рѣдки и кромѣ окрестностей Керчи встрѣчаются лишь въ одиночку на Кавказѣ, на Заволжьѣ, въ Венгріи, Франціи, и Англіи. Подобные же деформированные черепа, хотя совершенно другого

характера, въ большомъ количествѣ встрѣчаются только въ могилахъ древнихъ пэруанцевъ. По предположенію однихъ ученыхъ, керченскіе черепа принадлежатъ древнему народу киммерійцамъ; другіе считаютъ ихъ гуннами, авазами, даже скиѳами. По окончаніи демонстраціи проф. Бехтеревъ указалъ, что подобное деформированіе череповъ замѣчается до-нынѣ на югѣ Франціи и отражается на умственныхъ способностяхъ населенія. Д-ръ Елисѣевъ, указывая на то, что искуственное измѣненіе череповъ практикуется доселѣ на Кавказѣ у сванетовъ и др. горцевъ, видѣлъ въ этихъ послѣднихъ, такъ сказать, наслѣдниковъ обычаевъ, обитавшихъ въ древности у береговъ Чернаго моря. По его мнѣнію, родичей или потомковъ людей, лежащихъ въ керченскихъ могилахъ, надо искать на Кавказѣ. Вслѣдъ затѣмъ д-ръ Рубецъ сдѣлалъ нѣсколько поясненій относительно керченскихъ могилъ. (Нов. Вр. № 6505, 1894 г.).

Въ „газ. Волынь" (№ 9, 1894 г.) сообщаютъ слѣдующее объ открытіи въ Житомірѣ 2 января 1894 г. Церковно-Археологическаго Общества и Житомірскаго отдѣла Православнаго Палестинскаго Общества. Въ 1 ч. дня въ помѣщеніи древлехранилища собрались мѣстныя духовныя и свѣтскія власти и въ $1/2$ 2-го часа прибылъ въ древлехранилищную церковь Архіепископъ Модестъ и отслужилъ молебенъ съ многолѣтіемъ, при этомъ Владыко осѣнялъ присутствующихъ древнимъ крестомъ XIII в. найденнымъ въ б. удѣльномъ Волынскомъ городѣ Дорогобужѣ. По окончаніи молебствія, всѣ присутствующіе, во главѣ съ Архипастырями, перешли въ Архіерейскіе покои. Здѣсь, когда всѣ собрались въ назначенномъ для засѣданія залѣ, Архіерейскій хоръ пропѣлъ стихиру: „днесь благодать св. Духа насъ собра".. , и затѣмъ былъ прочитанъ указъ св. Синода о разрѣшеніи учредить въ г. Житомірѣ церковно-археологическое общество съ древлехранилищемъ и библіотекою. По выслушаніи указа, собранію предложена была книга, гдѣ каждый изъ присутствующихъ собственноручно записывался въ члены учреждаемаго Церковно-Археологическаго Общества. Пока расписывались въ книгѣ, хоръ очень стройно исполнилъ кантату: „Слава на небѣ солнцу высокому..." Затѣмъ преподаватель Волынскаго женскаго духовнаго училища Фотинскій прочиталъ рефератъ о значеніи собранныхъ въ древлехранилищѣ древнихъ памятниковъ и документовъ и о Луцкомъ Уніатскомъ Епископѣ Красовскомъ. Въ рефератѣ указано на значеніе древлехранилища вообще и на тѣ археологическія рѣдкости, которыя уже поступили въ его составъ. Таковы въ особенности изъ памятниковъ вещественныхъ—кресты (энколпіоны), иконки и монеты удѣльнаго Дорогобужа, крестъ, пожертвованный Барономъ де-Шадуаромъ; изъ рукописей—богатый архивъ Жидичинскаго Монастыря, Уніатскія базиліанскія рукописи Тригорскаго Монастыря, рукописныя Евангелія, Апостолы; изъ старопечатныхъ изданій—Sustificacia niewinnosci. Эти указанія даютъ понять. что можно сдѣлать на основаніи матеріала, уже имѣющагося нынѣ въ древлехранилищѣ. Въ качествѣ перваго образца подобной ра-

боты референтъ представилъ просвѣщенному вниманію присутствующихъ свой докладъ о Полоцкомъ и впослѣдствіи Луцкомъ Уніатскомъ Епископѣ Красовскомъ, составленный на основаніи принадлежащаго древлехранилищу слѣдственнаго дѣла оаъ этомъ Владыкѣ. Называя Красовскаго однимъ изъ выдающихся дѣятелей въ исторіи Уніатской Церкви, вѣрнымъ историческимъ традиціямъ своего народа и ярымъ противникомъ польско-католическаго направленія уніи, поставившимъ своею задачею очистить уніатскую церковь отъ католическихъ примѣсей и возстановить въ ней древле-православную обрядность, референтъ пришелъ къ выводамъ, что Епископъ Красовскій по своей дѣятельности является предшественникомъ приснопамятнаго м. Іосифа Симашки, подготовившимъ великое дѣло возсоединенія уніатовъ съ православною церковью. Затѣмъ произведены были выборы членовъ и прочитаны полученныя ко дню открытія привѣтствія

Такъ какъ по программѣ назначено было въ этотъ день и собраніе учреждаемаго въ г. Житомірѣ отдѣла Палестинскаго Общества, то по предложенію Высокопреосвященнѣйшаго Владыки, прочитанъ былъ послѣдовавшій на имя его рескриптъ Великаго Князя Сергѣя Александровича, предсѣдателя православнаго Палестинскаго Общества, въ коемъ, между прочимъ, говорится, что Его Высочеству будетъ „особенно пріятно“, если въ Житомірѣ подъ предсѣдательствомъ Его Высокопреосвященства послѣдуетъ открытіе отдѣла Общества. По выслушаніи рескрипта и списка состоящихъ уже на Волыни членовъ этого Общества, всѣ присутствующіе въ Собраніи изъявили полную готовность записаться въ члены отдѣла. Предложена была книга для собственноручной записи и въ первомъ засѣданіи собрана сумма 555 руб.

V.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Э. Р. фонъ-Штернъ. Алабастръ Псіакса и Гилина, изслѣдованіе въ области греческой керамики. Одесса. 1894 (отд. оттискъ изъ XVII тома „Записокъ Имп. Одесск. Общ. Ист. и Древн.“).

Усиленная дѣятельность, которую въ послѣднее время проявляетъ одно изъ старѣйшихъ ученыхъ учрежденій Россіи, Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей, ознаменовалась, между прочимъ, двумя весьма интересными изслѣдованіями и въ области греческой керамики. Музей Общества уже давно обладалъ нѣсколькими обломками глиняныхъ вазъ съ подписями мастеровъ, работавшихъ ихъ, и живописцевъ, расписывавшихъ эти

сосуды, но свѣдѣнія только объ одномъ изъ нихъ, да и то въ очень неполной формѣ, случайно встрѣчались въ ученой литературѣ. Теперь, въ добросовѣстной статьѣ г. Фармаковскаго, помѣщенной въ XVI т. Записокъ означеннаго Общества, мы находимъ обстоятельное описаніе этихъ обломковъ съ подписями Эпиктета, расписавшаго вазу Никосѳена, и до сихъ поръ неизвѣстнаго художника, имя котораго, по догадкѣ автора статьи, было *(Ἄν)δρων;* въ изслѣдованіи проф. фонъ-Штерна мы знакомимся съ еще болѣе цѣннымъ памятникомъ вазовой живописи, а именно съ алабастромъ гончара Гилина и живописца Псіака, отъ которыхъ пока извѣстенъ былъ только одинъ сосудъ, тоже алабастръ, хранящійся въ Карлсруэ.

И по осторожности методическихъ пріемовъ, и по полнотѣ обслѣдованія столь любопытнаго произведенія античной керамики статья проф. ф.-Штерна, ученика извѣстнаго Лёшке, заслуживаетъ полнаго вниманія отечественныхъ археологовъ.

Знатокъ греческой эпиграфики, проф. ф.-Штернъ не могъ, конечно, не обратить прежде всего вниманія на самый характеръ начертанія буквъ въ подписяхъ обоихъ художниковъ, отмѣтилъ и сравнительно рѣдкіе имперфекты *(ἐποίει, ἔγραφε)*, которыми на одесскомъ алабастрѣ обозначаютъ свою дѣятельность Псіакъ и Гилинъ (на алабастрѣ въ Карлсруэ подпись сдѣлана въ аористахъ: *ἔγραφε, ἐποίησε)*. Что касается послѣдняго явленія, то проф. Штернъ, конечно, съ полнымъ правомъ присоединяется теперь къ взгляду на эту перемѣну временъ, высказанному В. Клейномъ на стр. 51 его извѣстной монографіи объ Эвфроніѣ, утверждая такъ же, какъ и названный ученый, что пока сдѣланныя наблюденія говорятъ за пріуроченіе вазъ съ такимъ произвольнымъ чередованіемъ имперфектовъ и аористовъ среди издѣлій аттическихъ къ эпохѣ конца VI-го и начала V-го вѣка; но что касается факта появленія на нашихъ подписяхъ, на ряду съ аттической сигмой, сигмы іонической, то я не знаю, будетъ ли казаться убѣдительнымъ его датированіе надписи, при наличности этого факта, до тѣхъ поръ, пока мы, по примѣру проф. Штерна, — общему, впрочемъ, большинству эпиграфистовъ,—будемъ привлекать для сравненія съ алфавитомъ вазовыхъ надписей исключительно алфавитъ оффиціальныхъ документовъ аѳинской республики. Какъ уже давно показали факты, начертаніе буквъ на вазовыхъ надписяхъ представляетъ очень много особенностей и неправильностей [1]). А если мы припомнимъ, что многіе изъ живописцевъ, расписывавшихъ эти вазы и самымъ именемъ своимъ выдающихъ свое иностранное происхожденіе—*Ψίαξ* и *Ἱλῖνος* такъ же, какъ *Γαῦρις, Δοῦρις, Βρυγός, Ἄμασις, Ὀλτος* и т. п.—прибывали въ Аѳины, вѣроятно, изъ другихъ мѣстностей греческаго міра и поселялись здѣсь въ качествѣ метэковъ, то мы найдемъ разумную причину, почему и алфавитъ вазовыхъ надписей представляетъ столько отклоненій отъ нормальнаго атти-

---

[1]) Ср. теперь очень удобное сопоставленіе въ книгѣ Кречмера: Paul Kretschmer, die griechischen Vaseninschriften, Güterloh, 1894, S 94—117.

ческаго алфавита, да и діалектъ ихъ, согласно замѣчанію Псевдо-Ксенофонтовой *᾿Αθ. πολ.*, *κεκραμένη ἐστὶν ἐξ ἁπάντων καὶ Ἑλλήνων καὶ βαρβάρων*—любопытный фактъ, на который, быть можетъ, и проф. Штерну стоило обратить особенное вниманіе.

Разработка вопроса о сюжетѣ, а равно и стилѣ изображеній на нашей вазѣ, занимающая третій и четвертый параграфы статьи проф. Штерна, сдѣлана съ полнымъ знаніемъ дѣла и большой любовью къ предмету изслѣдованія. Весьма удачное сопоставленіе правой фигуры рисунка съ изображеніемъ амазонки на вазѣ Британскаго Музея, подписанной именемъ Памфая и отчасти, какъ думаетъ В. Клейнъ, расписанной Эвфроніемъ, даетъ намъ возможность, какъ кажется, съ большой вѣроятностью заключать, что и въ данной фигурѣ мы должны видѣть амазонку; отъ точнаго же наименованія нагой фигуры юноши, стоящаго на лѣвой сторонѣ, авторъ статьи по весьма вѣскимъ соображеніямъ считаетъ нужнымъ воздержаться. Мысль его, что въ ремесленныхъ произведеніяхъ, каковыми было большинство вазовыхъ рисунковъ, очень часто слѣдуетъ видѣть только болѣе или менѣе случайное сопоставленіе фигуръ, выхваченныхъ изъ связной композиціи болѣе обширнаго размѣра и лишь по прихоти живописца соединяемыхъ въ небольшія сценки, мнѣ лично кажется весьма правдоподобной. Въ своихъ замѣткахъ объ орнаментаціи саркофага, найденнаго близъ Анапы, я старался обосновать такое же происхожденіе и для отдѣльныхъ фигуръ его рѣзного фриза. Думаю однако, что и въ другихъ произведеніяхъ это объясненіе приложимо гораздо чаще, чѣмъ это вообще допускается археологами.

Въ заключеніе не могу не коснуться весьма любопытныхъ сообщеній проф. Штерна касательно его стараній собрать свѣдѣнія о времени и источникѣ, откуда поступила эта драгоцѣнная для знатоковъ ваза въ Музей Одесскаго Общества. Какъ это часто бываетъ, всѣ поиски оказались напрасными, и только случайная замѣтка въ статьѣ Крейцера о вазѣ въ Карлсруэ даетъ нѣкоторую нить, позволяющую добраться до предположенія, что пріобрѣтена была наша ваза въ 30-хъ годахъ нашего столѣтія для прежняго городскаго Музея Одессы у какого-то аѳинскаго купца, пріѣхавшаго въ Россію изъ Венеціи. Имѣвъ случай составлять описаніе вазъ, принадлежащихъ Московскому Университету, я знаю по опыту, какъ досадна бываетъ иногда полная невозможность точно рѣшить вопросъ о происхожденіи какого либо памятника античнаго искусства въ нашихъ Музеяхъ. Вполнѣ понимаю и раздѣляю, поэтому, сожалѣніе проф. Штерна по поводу безуспѣшности его справокъ. Интересно однако узнать: помогутъ ли, наконецъ, дѣлу эти столь часто раздающіяся у насъ сѣтованія и станемъ ли мы, наконецъ, внимательнѣе составлять и вести инвентарныя книги нашихъ Музеевъ? Вѣдь надо подумать и о томъ, заслуживаемъ ли мы, чтобы правительство исполняло наши ходатайства о созданіи новыхъ учрежденій этого рода, когда на каждомъ шагу мы доказываемъ нашу небрежность въ охраненіи имѣющихся уже у насъ сокровищъ, а подчасъ,—это доказываютъ, мимоходомъ сказать, и означен-

ныя два изслѣдованія, теперь впервые извлекающія на свѣтъ любопытнѣйшіе памятники,—не умѣемъ и понимать, чѣмъ мы владѣемъ?

А. Шварцъ.

Филологическое Обозрѣніе, журналъ классической филологіи и педагогики, изд. А. Адольфомъ и В. Аппельротомъ. Томы IV—V. Москва, 1893 г. (Цѣна 8 р. въ годъ).

О статьяхъ первыхъ 3-хъ томовъ этого журнала было сообщено на стр. 134 „Арх. Изв. и Зам.“ 1893 года; въ вышедшихъ въ прошломъ году IV и V томахъ помѣщены слѣдующія статьи, имѣющія отношеніе къ монументальной археологіи: С. А. Селиванова, „О древнѣйшемъ мостѣ черезъ Тибръ“. А. И. Щукарева, „Археологическая хроника эллинскаго Востока“ (обзоръ открытій по археологіи на почвѣ Греціи съ января по августъ 1892 года). В. Г. Аппельрота, „По поводу Гермеса Праксителя“. Авторъ обращается къ этому вопросу послѣ прочтенія статьи проф. А. Н. Шварца „Гермесъ Праксителя на монетѣ Анхіала“ *) и дѣлаетъ слѣдующіе главные выводы: 1) Гермесъ Праксителя держалъ ѳирсъ въ рукѣ, Гермесъ-же Кефисодота виноградную кисть. 2) Въ древности, оба произведенія (Кефисодота и Праксителя), въ виду близости сюжета смѣшивались, вслѣдствіе чего копіисты придавали группѣ одного художника атрибуты другаго. 3) Реставрація Гермеса изъ Олимпіи можетъ быть сдѣлана только тогда, когда будетъ найдена точнѣйшая копія или мраморная къ нему реплика, и авторъ считаетъ важнѣйшимъ свидѣтельствомъ для реставраціи знаменитой группы скорѣе черепокъ изъ Карнунта, чѣмъ монету, изданную А. Н. Шварцемъ. И. В. Нетушила, „Къ исторіи монетнаго дѣла у римлянъ“ (статья написанная по поводу диссертаціи Р. И. Шерцля, Римское монетное дѣло). А. И. Сонни, „Къ вопросу о культѣ египетскихъ божествъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря“. На эту статью въ томъ-же журналѣ помѣщено возраженіе В. В. Латышева, „По поводу замѣтки проф. А. И. Сонни“. С. А. Жебелева „Археологическая хроника эллинскаго востока (съ сентября 1892 по іюль 1893 г.) Въ отдѣлѣ „Varia“ помѣщено, между прочимъ, мнѣніе С. Рейнака о вазѣ изъ Парутина (древней Ольвіи), изданной проф. А. Н. Шварцемъ, въ подлинности которой сомнѣвались многіе петербургскіе археологи; Рейнакъ считаетъ ее безусловно настоящею. Отдѣлъ библіографіи даетъ, попрежнему, обзоръ книгъ и по классической археологіи.

Исторія русской архитектуры. Сочиненіе академика А. М. Павлинова. Москва. 1894 г. 5+264 стр. Цѣна 3 р.

Авторъ въ довольно сжатомъ очеркѣ рисуетъ исторію русскаго зодчества, раздѣляя его на до-монгольскій и монгольскій періоды и періодъ процвѣтанія (XV—XVII вв.; періодъ упадка съ начала XVIII в.); цѣлую главу авторъ посвящаетъ деревянному зодчеству, въ которой, кромѣ храмовъ, описаны

*) См. Арх. Изв. и Зам. 1893 г., стр. 102.

рѣзные иконостасы и шатры и, наконецъ, въ послѣдей главѣ описаны гражданскія сооруженія: терема, дворцы, частные дома и городскія укрѣпленія. Изданіе украшено 146 цинкографіями и автотипіями съ древнихъ памятниковъ, плановъ и собственныхъ рисунковъ автора, представляющихъ реставраціи перестроенныхъ старинныхъ храмовъ.

Римское монетное дѣло. Съ 10 табл. Составилъ Р. Шерцль. Харьковъ. 1893 г. VI + 210 стр.

Трудъ посвященъ изслѣдованію о римскихъ монетахъ съ древнѣйшихъ временъ до конца республики, т. е. до временъ Цезаря. Авторъ раздѣлилъ его: 1) *введеніе*, въ которомъ даны общія понятія о монетахъ древняго міра, объ административной сторонѣ римскаго монетнаго дѣла и проч., и 2) на *развитіе римскаго монетнаго дѣла*. (См. критику г. Нетушила въ Журн. Мин. Нар. Просв., сентябрь 1893 г.).

Извѣстія Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Император. Казанскомъ университетѣ. Томъ XI, вып. 5.

Содержаніе. Клады и кладоисканіе на Руси. *В. Н. Витевскаго*.—Мордва, историко-этнограф. очеркъ (продолж.). *И. Н. Смирнова*.—*Хроника*. Экскурсія на мѣсто древняго Сувара. *Г. Ахмарова*.—*Матеріалы*. Археолог. раскопки въ Оренбургской губ. и Тургайской области.—Апокрифическая кладовая запись, сообщ. *Г. В. Мещерякова*.—Изъ быта мордвы села Живайкина, Жадовской вол., Карс. у., Симб. губ. *Ф. Бутузова*.—*Корреспонденція*. Архивный вопросъ въ Красноярскѣ. *Н. Бакая*.—Письма изъ Гельсингфорса. II. *Г. Вихмана*.—*Библіографія*. Матеріалы по археологіи Россіи, изд. Импер. Археол. Коммиссіей. № 11. Лядинскій и Томинковскій могильники Тамбовской губ. В. Н. Ястребова. Спб. 1893. *И. Н. Смирнова*.—*Приложеніе*. Черемисско-русскій словарь. *В. П. Троицкаго* (продолженіе).

Бѣляевъ, Д. Ѳ. Ектирій св. Константина при порфировой колоннѣ на форѣ Константина и совершавшіеся тамъ обряды. Одесса. 1893. 8 д., 24 стр., Ц. 25 к.

Дневникъ раскопокъ Борковскаго могильника, произведенныхъ въ 1892 г., по порученію Импер. Археол. Коммиссіи, членами Рязанской ученой архивной коммиссіи А. В. Селивановымъ и А. И. Черепнинымъ. Рязань. 1893. 4° 25 + III стр.

Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. I. Das Denkmal zu Ehren des Prinzen Kül Tegin. Спб. 94. 4°, 35 стр.

Лопаревъ, Хрисанѳъ, Описаніе рукописей Импер. Общества любителей древней письмен. Часть II: рукописи въ четверку. Спб. 1893. 3° 409 + III стр.

Ростовцевъ, М. И. О новѣйшихъ раскопкахъ въ Помпеяхъ (Извлечено изъ «Журнала Минист. Нар. Просв. 1894 г.). Спб. 1894. 8 д., 57 стр. и V таблицъ плановъ.

VI.

Ѳ. Ѳ. Чекалинъ

(Некрологъ).

22-го декабря 1893 г., въ своемъ имѣніи въ с. Полянкахъ Кузнецкаго уѣзда скончался Ѳ. Ѳ. Чекалинъ, много поработавшій въ печати и ученыхъ Обществахъ по исторіи и археологіи Саратовской и Пензенской губ. Обучался покойный сначала въ пензенской гимназіи, а затѣмъ кончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ по естественному факультету. Проживая въ Кузнецкомъ уѣздѣ Саратовской губ., покойный Ѳ. Ѳ. принималъ участіе въ земской дѣятельности, состоялъ членомъ многихъ архивныхъ коммиссій и археологическихъ обществъ. Занимаясь разработкой историческихъ и археологическихъ матеріаловъ, покойный Чекалинъ предпринималъ поѣздки въ столицы и Казань, гдѣ работалъ въ архивахъ и библіотекахъ. Въ послѣдніе годы покойный сотрудничалъ въ „Сарат. Листкѣ“, помѣстивъ въ немъ слѣдующія статьи:

1) Село Труево, Нарышкино тожъ—нынѣшній Кузнецкъ (1883 г.). 2) Саратовское Поволжье съ основанія Саратова до конца XVII вѣка. 3) Саратовскій посадъ съ его монастырями. 4) Причины перенесенія Саратова на правый берегъ Волги. 5) Николай Вотленъ и сообщаемыя имъ свѣдѣнія о старомъ Саратовѣ. 6) Подлинный рисунокъ стараго Саратова, изданный Олеаріемъ (эти статьи въ 1891 г.). 7) Изъ первыхъ лѣтъ русской колонизаціи Саратовскаго края. 8) Административное значеніе Саратова до открытія намѣстничества. 9) Саратовъ въ эпоху Петра Великаго. 10) Матеріалы для археологіи Саратовскаго края. 11) Саратовъ на обоихъ берегахъ Волги до 1674 г. 12) О монастырѣ на Увекѣ (эти статьи въ 1892 г.). 13) Изъ первыхъ лѣтъ русской колонизаціи Саратовскаго края (основаніе Труева—нынѣ городъ Кузнецкъ). 14) Замѣтка о происхожденіи названія Глѣбова оврага. 15) Потомки патріарха Никона въ Саратовской губ. (въ 1893 г.).

Первый трудъ покойнаго Ѳ. Ѳ. появился въ печати въ 1865 г. въ Москвѣ, въ изданіи Общеетва распространенія полезныхъ книгъ,—„Самая холодная и самыя жаркія страны земного шара съ ихъ природой и жителями“. Этотъ трудъ давно уже распроданъ и составляетъ библіографическую рѣдкость.

Ниже приводимъ перечень трудовъ покойнаго Чекалина. Но послѣ покойнаго остался богатый матеріалъ по исторіи и археологіи мѣстнаго края, а также обширная библіотека съ рѣдкими теперь изданіями, цѣнный археологическій кабинетъ съ предметами земледѣлія, домашней утвари, оружія и украшеній.

Наиболѣе цѣннымъ является послѣдній трудъ покойнаго, который еще печатается въ одной изъ саратовскихъ типографій: „Саратовъ и Поволжье съ древнѣйшихъ временъ по описаніямъ европейскихъ путешественниковъ“;

въ этомъ трудѣ собраны матеріалы, изданные на языкахъ нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ, голландскомъ и другихъ.

Вотъ перечень трудовъ покойнаго Чекалина:

Въ „Саратов. Губерн. Вѣдом.“: 1) Изъ исторіи изслѣдованія Саратовскаго края. 1884 г. 2) Топографическо - статистическій очеркъ Кузнецкаго уѣзда, Саратовской губ. 1885 г. 3) Изъ семейныхъ документовъ родственниковъ А. Н. Радищева. 1885 г. 4) Замѣтка о времени заселенія Саратовской губерніи. 1886 г. 5) Геологическій характеръ песковъ на возвышенностяхъ сѣверной части Саратовской губерніи. 1886 г.

Въ „Сарат. Днев.“: 1) 1886 года Саратовская старина и матеріалы для изученія. 2) 1889 г. Саратовъ въ началѣ текущаго столѣтія. 3) 1890 года Отвѣтъ С. С. Краснодубровскому на его статью: Саратовская исторія предъ судомъ VIII археологическаго съѣзда. 4) Принадлежали ли когда либо буртасамъ развалины Увека? 5) Роспись разряднаго приказа 1597 года, найденная г. Холмогоровымъ, и ея значеніе для исторіи Саратовскаго края.

Въ „Саратовскомъ Сборникѣ“, изд. Стат. Ком.: 1) Статистика мануфактурной промышленности Кузнецкаго уѣзда. 2) О климатѣ Кузнецкаго уѣзда въ связи съ вліяніемъ его въ области мѣстнаго сельскаго хозяйства. 3) Бѣлое озеро въ Кузнецкомъ уѣздѣ. 4) О сплавѣ лѣса по рѣкамъ Сурѣ и Кададѣ, въ предѣлахъ Кузнецкаго уѣзда. 5) Племенный составъ и исторія населенія Кузнецкаго уѣзда.

Въ „Трудахъ Сар. Уч. Арх. Коммиссіи: 1) Древніе обитатели Саратовской губерніи. (1887 г.). 2) Какому изъ древнихъ городовъ принадлежитъ каменное городище на Волгѣ, близъ посада Дубовки (1888 г., т. I). 3) Саратовское Поволжье въ XIV вѣкѣ по картамъ того времени и археологическимъ даннымъ (съ двумя картами). Томъ II, вып. I. 4) Дополненіе къ статьѣ: „Саратовское Поволжье по картѣ космографа XV вѣка Фра-Маура“. Томъ II, вып. 2.

Въ Извѣстіяхъ „Императ. Общества исторіи, этнографіи и археологіи“ при Казанскомъ университетѣ помѣщена статья: „Развалины около села Канадей, Сызранскаго уѣзда, Симбирской губ. Кромѣ того, покойный печаталъ свои историч. статьи въ „Пензен. Губ. Вѣдом.“.

На VIII Археологическомъ съѣздѣ Ѳ. Ѳ. прочелъ два реферата: 1) Саратовъ на лѣвомъ берегу Волги и время перенесенія его на правый ея берегъ и 2) Мещера и буртасы по сохранившимся о нихъ памятникамъ. Оба реферата будутъ напечатаны въ „Трудахъ“ этого съѣзда. (Сарат. Лист., № 5, 1894 г.).

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

№№ 6—7 1894 г.

издаваемыя
Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

I

Борковской островъ и его древности.

Разысканіе остатковъ культуры древняго населенія Рязанской губерніи, обитавшаго по теченію Оки за послѣднія столѣтія, предшествовавшія покоренію здѣшняго края южно-русскими князьями, составляетъ главную задачу моихъ лѣтнихъ работъ. Остатки осѣдлой жизни древнѣйшаго мѣстнаго населенія открываются преимущественно по берегамъ и большимъ островамъ Оки, и частію по берегамъ ея главныхъ притоковъ. Близость воды и удобства воднаго пути для сношеній съ сосѣдними и отдаленными народами въ древности были необходимымъ условіемъ при выборѣ мѣста для основанія поселковъ. Отличительныя особенности мѣстоположенія древнихъ селеній опредѣляютъ характеръ и направленіе моихъ разысканій. Берега и острова Оки, богатые песчаными буграми дюннаго происхожденія, служатъ цѣлью моихъ археологическихъ экскурсій. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ бугровъ скрыты могильники и слѣды поселковъ, относящіеся къ разнымъ вѣкамъ самостоятельнаго бытія племенъ, съ незапамятныхъ временъ осѣвшихъ здѣсь.

Въ 1893 году работы были начаты съ изслѣдованія Борковскаго острова, образуемаго Окою и рукавомъ ея—рѣкою Трубежемъ. Островъ

прилегаетъ къ сѣверной части г. Рязани и отдѣляется отъ него рѣкою Трубежемъ. Площадь острова содержитъ около 1200 десятинъ. Четыре пятыхъ поверхности его занято поемными лугами, остальная часть находится подъ старымъ дубовымъ лѣсомъ, двумя небольшими рощами, селомъ Борки съ группами разной величины песчаныхъ бугровъ и холмовъ, раскинувшихся въ с. з. углу острова. Во время весеннихъ разливовъ Оки и Трубежа с. з. часть острова, какъ болѣе возвышенная, не заливается водою. Здѣсь издавна находились поселки и кладбища.

Остатки старины, открытые за послѣднее время на Борковскомъ островѣ, имѣютъ значеніе для древней исторіи Рязанскаго края: они знакомятъ насъ съ рядомъ культуръ, послѣдовательно пережитыхъ разноплеменными обитателями острова въ теченіе многихъ столѣтій. Тутъ находили и находятъ бытовые предметы каменнаго вѣка. За этими древнѣйшими памятниками слѣдуютъ многочисленныя находки, найденныя въ древнихъ языческихъ могилахъ, и состоящія изъ бронзовыхъ и серебряныхъ украшеній, желѣзнаго оружія, бусъ, остатковъ одежды, глиняныхъ горшковъ, каменныхъ пряслицъ и проч. Здѣсь же, на одномъ изъ могильныхъ бугровъ, открыты остатки древняго языческаго поселка, который значительно моложе могильника, и, судя по двумъ кладамъ съ арабскими монетами, найденнымъ на площади поселка, относится къ IX вѣку по Р. Хр. Далѣе идетъ рядъ разнообразныхъ находокъ, принадлежащихъ къ христіанской эпохѣ, начиная съ XIII и по XIX стол.

Особенно много собрано остатковъ каменнаго вѣка и менѣе древнихъ предметовъ на Сакоръ горѣ. Около села Борки, къ с. з. отъ борковской сосновой рощи, лежитъ песчаная розсыпь, извѣстная у мѣстныхъ старожиловъ подъ именемъ Сакоръ горы. Болѣе молодое поколѣніе крестьянъ называетъ эту гору—„Соколъ“. Она тянется съ ю. ю. з. на с. с. в. почти на версту, при ширинѣ около 50 саженъ въ южномъ, самомъ высокомъ, концѣ ея, и болѣе 200 саженъ—въ сѣверномъ пологомъ, который, постепенно понижаясь, сливается съ лугами. Самый высокій пунктъ южной части Сакоръ горы поднимается саженъ на семь надъ сосѣдними лугами. На мѣстѣ теперешней песчаной розсыпи прежде былъ одинъ большой бугоръ, сплошь покрытый сосновымъ лѣсомъ. Лѣсъ понемногу сводили, и лѣтъ 30 тому назадъ были вырублены послѣдніе остатки лѣса, занимавшіе южную сторону бугра. Лишившись своей надежной защиты, Сакоръ гора скоро потеряла какъ верхній тонкій слой растительной земли, такъ и мѣстами залегавшій темный древне-культурный пластъ. Обнаженные пески свободно двинулись съ возвышенности во всѣ стороны; засыпая ближайшіе луга, они образовали голую песчаную розсыпь—теперешнюю Сакоръ гору.

Производя три лѣта сряду изысканія на Борковскомъ о-вѣ, мнѣ пришлось исходить вдоль и поперекъ песчаную поверхность Сакоръ горы. Довольно часто находятъ на ней разные мелкіе и крупные бытовые предметы, свидѣтельствующіе о древнихъ и болѣе позднихъ насельникахъ этой горы. На южной половинѣ ея особенно часто попадаются обломки глиняныхъ горшковъ; одни изъ нихъ имѣютъ признаки весьма древняго происхожденія,—они изъ темной или темно-коричневой иловатой глины, смѣшанной съ зернами кварца, плохой выдѣлки и слабаго обжига. Большая часть обломковъ безъ орнамента; на нѣкоторыхъ были мелкія ячейки, покрывавшія поверхность обломковъ въ видѣ сплошной ряби, или круглыя и продолговатыя углубленія, между которыми находились наклонныя и крестообразно расположенныя черточки; иногда орнаментъ состоялъ изъ однихъ черточекъ въ видѣ ёлокъ, покрывавшихъ всю поверхность горшка. Попадались черепки съ проткнутыми по вѣнчику небольшими дырочками. Края горшковъ преимущественно были прямые; обломки съ отогнутымъ краемъ встрѣчались рѣдко. Величина горшковъ была средняя,—отъ 13 до 18 сантим. высоты; только одинъ горшокъ, найденный въ землѣ, имѣлъ, судя по обломкамъ, болѣе 30 сантим. высоты. Толщина стѣнокъ горшковъ колебалась отъ $^1/_2$ до 1 сант. Въ большомъ количествѣ встрѣчаются черепки отъ горшковъ, выдѣланныхъ на гончарномъ кругѣ и хорошо обожженныхъ. Они выдѣланы изъ глины темно-сѣраго цвѣта, тщательно обработанной, и безъ примѣси зеренъ кварца. На обломкахъ этого типа горшковъ орнаментъ состоитъ изъ волнообразныхъ и зигзагообразныхъ линій. Между обломками горшковъ намъ не попадались изъ красной глины, хотя рядомъ съ Борковскимъ о-вомъ, на противоположномъ возвышенномъ берегу р. Трубежа, залегаютъ мощные пласты желтой и красноватой глины.

На Сакоръ горѣ, одновременно мы находили цѣлые, расколотые кремневые ножики, стрѣлки, наконечники копій, скребки, сверла, отбойники, кочедыки, длинныя, узкія обдѣланныя рукою человѣка кремневыя пластинки. Изрѣдка случалось находить обломки каменныхъ молотковъ, кремневыхъ топоровъ и рыболовныхъ крючковъ. Особенно часто попадались обломанные кремневые ножики и стрѣлы. Величина ножиковъ довольно разнообразная,—отъ 4 сант. длины, при 6 милл. ширины и 1 мил. толщины, до 14 сант. длины, при $2^1/_2$ сант. ширины и $2^1/_2$ мил. толщины. О размѣрахъ крупныхъ ножей мы судимъ по формѣ обломковъ, — цѣлые большіе ножи намъ не встрѣчались. Матеріаломъ для ножиковъ почти исключительно служили кремни разныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, начиная отъ малиноваго до свѣтло-желтаго; находили ножики молочнаго цвѣта, стекловиднаго, сѣраго, темнаго и чернаго. Най-

денныя кремневыя стрѣлы также имѣютъ разную форму и величину; преобладаютъ листовидныя и удлиненно-ромбоидальныя, съ тщательно заостренными оббивкою концами и оббитыми или шлифованными плоскими поверхностями; другія же —трехгранныя и многогранныя; нѣкоторыя — плоскія съ двумя боковыми бородками. Остріе, края и ножка стрѣлъ всегда искусно обработаны мелкою оббивкою. Длина собранныхъ мною стрѣлъ отъ 2 до 6 сант. Наконечники копій попадались рѣдко. По величинѣ обломковъ мы предполагаемъ, что длина крупныхъ наконечниковъ копій доходила до 10 сант., при ширинѣ до 2 $^1/_2$ сант. по срединѣ плоской поверхности. Кремневые скребки встрѣчались часто; у большей части ихъ только острый край обработанъ мелкою оббивкою, остальныя части представляютъ простой отколъ отъ кремневаго ядрища. Найдено три отбойника, они похожи на клинья, острая часть которыхъ имѣетъ овальную форму; два отбойника оббивные, на одномъ сохранилась шлифовка. Собрано нѣсколько штукъ кремневыхъ орудій, имѣющихъ сходство съ желѣзными кочедыками. По моему мнѣнію, эти кремневыя орудія служили для плетенія лаптей. Длина кремневыхъ кочедыковъ отъ 3 до 11 сантим., при ширинѣ гладкой поверхности ихъ отъ $^1/_3$ до 1 сант. и толщинѣ отъ $^1/_8$ до $^5/_8$ сант. Въ кочедыкахъ поверхность по направленію загиба заостреннаго конца всегда гладкая, обратная же сторона состоитъ или изъ двухъ скатовъ, такъ что поперечный разрѣзъ орудія имѣетъ форму треугольника, или она образуется тремя плоскостями, при чемъ поперечный разрѣзъ орудія представляетъ форму трапеціи. Острый конецъ кочедыковъ имѣетъ неодинаковой крутизны загибы, — въ однихъ кочедыкахъ изгибъ незначительный, у другихъ — доволно крутой; нижній, тупой конецъ у кочедыковъ всегда прямой, овальной формы. Этимъ концемъ орудіе, вѣроятно, укрѣплялось въ деревянной рукояткѣ. Въ курганахъ и въ древнихъ городищахъ нерѣдко находятъ желѣзные кочедыки. До введенія въ употребленіе желѣзныхъ кочедыковъ лапти плели кремневыми кочедыками. Значительная изогнутость заостреннаго конца и общая форма этихъ орудій не позволяетъ пользоваться ими какъ ножикомъ или стрѣлою; для плетенія же лаптей они весьма удобны.

Въ числѣ собранныхъ на Сакоръ горѣ каменныхъ орудій оказалось много поломанныхъ узкихъ и тонкихъ кремневыхъ пластинокъ, имѣющихъ несомнѣнные признаки обработки рукою человѣка. Обломки имѣютъ отъ 3 до 6 сант. длины, при ширинѣ отъ 1 до 2 милл., средняя толщина $^1/_2$ милл. Эти орудія, при своей небольшой величинѣ и ломкости, не могли служить для рѣзанія или струганія; не могли замѣнять и стрѣлъ; развѣ только охотясь за мелкими звѣрьками и птицами, можно

было употреблять такія ломкія стрѣлки. По своей тонинѣ и заостренію одного конца они могли служить вмѣсто булавокъ для скалыванія частей одежды. Такихъ кремневыхъ орудій собрано большое количество.

Найдено было нѣсколько обломковъ кремневыхъ сверлъ разной длины и толщины; ихъ наружная форма имѣетъ сходство съ продолговатыми многогранными конусами; грани обработаны шлифовкою и сходясь въ одну точку у вершины образуютъ остріе. Обломки имѣютъ отъ 3 до 5 сант. длины, при діаметрѣ въ толстомъ концѣ отъ $^1/_2$ до $1\,^1/_2$ сант. Болѣе тонкіе экземпляры, по моему предположенію, слѣдуетъ отнести къ наконечникамъ стрѣлъ или легкихъ копій (дротиковъ).

На Сакоръ горѣ были подняты обломокъ шлифованнаго молотка изъ сѣраго мелкозернистаго песчаника, со сверлиною по срединѣ для насадки на рукоятку, и нижняя половина кремневаго топора, обдѣланнаго обвивкою. Найдены два испорченныхъ при выдѣлкѣ кремневыхъ крючка. Попадались разной величины обломки заостренныхъ съ одной стороны костей. Одна изъ такихъ костей съ прекрасно отточеннымъ остріемъ немного длиннѣе и толще теперешней крупной иглы.

Песчаная поверхность Сакоръ горы богата оригинальными по своему происхожденію остатками, которые я условно называю бусами. Эти бусы имѣютъ форму небольшихъ, правильныхъ кружечковъ отъ $^1/_2$ до 5 милл. въ діаметрѣ, при толщинѣ отъ $^1/_4$ до $^2/_3$ милл. Въ каждой бусѣ по срединѣ отверстіе. По составу однѣ изъ нихъ похожи на буровато-желтую, другіе — на темно-сѣрую окаменѣвшую кость. Происхожденіе этихъ бусъ довольно загадочно: дѣло ли это рукъ человѣка, или онѣ нечто иное, какъ простые остатки давно исчезнувшихъ мелкихъ морскихъ животныхъ, остатки настолько измѣнившіеся подъ вліяніемъ окружающей среды, что человѣкъ могъ пользоваться ими какъ украшеніемъ, не прилагая никакого труда для обдѣлки ихъ. Называя найденныя кружечки бусами, мы не можемъ утверждать, что онѣ дѣйствительно служили украшеніями, потому что ни въ одной изъ извѣстныхъ намъ древнихъ могилъ такихъ бусъ не находили. Благодаря содѣйствію моихъ маленькихъ помощниковъ,—крестьянскихъ дѣтей, постоянно сопровождающихъ меня въ экскурсіяхъ, разной величины бусъ было собрано болѣе 300 штукъ.

Всѣ кремневыя орудія, за исключеніемъ весьма немногихъ, относятся къ неолитическому періоду. По берегамъ Оки, на значительномъ протяженіи по обѣ стороны г. Рязани, несомнѣнныхъ признаковъ палеолитическаго періода мы до сего времени не имѣемъ, и не знемъ переживало ли мѣстное населеніе древнѣйшій періодъ каменнаго вѣка, или первобытные насельники Оки принесли съ собою орудія неолитической

эпохи. Подробный перечень каменныхъ орудій, собранныхъ нами на Сакоръ горѣ, наглядно удостовѣряетъ въ значительной сложности и разнообразіи бытовыхъ предметовъ каменной культуры, пережитой населеніемъ Борковскаго острова.

Древнія металлическія вещи были найдены преимущественно близъ подошвы южнаго ската Сакоръ горы. Находки состояли изъ 2 небольшихъ желѣзныхъ ножиковъ обыкновеннаго курганнаго типа, желѣзной плоской ромбоидальной стрѣлки, съ длинною ножкою для укрѣпленія въ древкѣ; 3 желѣзныхъ пряжки средней величины; крупнаго перстня изъ желѣзной гладкой пластинки съ крупнымъ щиткомъ и несведенными концами; небольшой металлической сердцевидной подвѣски отъ серьги, съ выпуклымъ точечнымъ орнаментомъ, и двухъ крупныхъ бусъ изъ темной композиціи съ вкрапленными пестрыми глазками. Названные предметы имѣютъ полное сходство съ аналогичными находками въ курганахъ средней Россіи.

Часть Сакоръ горы, прилегающая къ выселкамъ, кромѣ черепковъ отъ горшковъ и кремневыхъ орудій и оружія, богата остатками болѣе близкаго къ намъ времени. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ здѣсь находили много старыхъ серебряныхъ и мѣдныхъ тѣльныхъ крестовъ, серебр. колецъ, перстней, серегъ, пряжекъ, разнообразныхъ украшеній отъ поясовъ и пуговицъ. Изобиліе поименованныхъ находокъ, по моему мнѣнію, объясняется находившимся на этомъ мѣстѣ древнимъ кладбищемъ. При вел. кн. Иванѣ Васильевичѣ Третьемъ (1483 — 1500) здѣсь былъ Богоявленскій мужской монастырь; при монастырѣ было кладбище, на которомъ кромѣ монаховъ, вѣроятно, хоронили крестьянъ сосѣдняго села. Въ настоящее время металлическія вещи находятъ рѣже, чѣмъ прежде. Мнѣ удалось собрать нѣсколько штукъ тѣльныхъ мѣдныхъ крестовъ, между ними есть одинъ мѣдный тѣльный крестъ XIII или XIV ст. (см. рис. 13); до 30 разнообразныхъ серебряныхъ бронзовыхъ и мѣдныхъ бляшекъ отъ поясовъ; штукъ пять колецъ и перстней, нѣсколько серегъ, наперстковъ, запонокъ, двѣ старыя желѣзныя булавки, множество разнородныхъ бусъ, а также най-

Рис. 13.

дены мѣдныя и желѣзныя пряжки, обрывки цѣпочекъ отъ лампадъ, обломки ножей, двѣ желѣзныя небольшія ложечки и желѣзный свѣтецъ. Находя неумѣстнымъ помѣщать въ настоящей замѣткѣ подробное описаніе перечисленныхъ вещей, слѣдуетъ отмѣтить только то, что эти вещи знакомятъ насъ съ украшеніями старой русской деревни. На Борковскомъ островѣ города не было, деревня же, или село, существовала безпрерывно въ теченіе пяти или шести столѣтій.

На Сакоръ горѣ были найдены три старыя свинцовыя пломбы; эти находки встрѣчаются очень рѣдко въ средней Россіи, и потому мы представимъ полное описаніе ихъ, а также и тѣхъ четырехъ свинцовыхъ пломбъ, которыя были найдены въ разное время въ Старой Рязани. Сакорскія пломбы имѣютъ неправильно округлую форму, величина ихъ не болѣе серебрянаго пятачка, толщина въ 1 милл. На одной изъ нихъ вытиснены славянскія буквы: НМ, въ ободкѣ изъ точекъ; оборотная сторона пломбы гладкая (см. нижнее изобр. на рис. 14). На второй пломбѣ, въ такомъ же ободкѣ, буква: О; на оборотной сторонѣ знаковъ нѣтъ, самая пломба изогнута пополамъ. На третьей—съ обѣихъ сторонъ неопредѣленные знаки изъ пересѣкающихся линій, нѣсколько похожіе на букву Ж, ободковъ нѣтъ. Близъ г. Спасска, на городищѣ Старой Рязани найдены четыре пломбы. Въ 1888 году, во время раскопокъ, А. В. Селивановъ пріобрѣлъ у мѣстнаго крестьянина, вмѣстѣ съ другими древними вещами, свинцовую пломбу. На одной сторонѣ пломбы изображеніе, повидимому, виноградной кисти въ линейномъ ободкѣ; на другой сторонѣ шестиконечный крестъ, внизу его, съ правой стороны, небольшой значекъ, неопредѣленнаго характера, на ребрѣ пломбы, съ двухъ противоположныхъ сторонъ, ясно видны отверстія канальца, проходящаго въ толщѣ пломбы (см. верхнее изобр. на рис. 14). Въ 1891 году мнѣ доставили изъ Старой Рязани нѣсколько старыхъ вещицъ, въ числѣ ихъ оказалась одна свинцовая пломба; на лицевой сторонѣ пломбы изображенъ неясный предметъ, напоминающій бюстъ человѣка, въ ободкѣ изъ точекъ; на оборотной сторонѣ видна выпуклая полоска, соотвѣтствующая направленію внутренняго канальца, отверстія котораго видны на ребрѣ пломбы (см. второе сверху изображеніе на рис. 14). Въ 1893 году крестьянинъ Ермолаевъ продалъ мнѣ двѣ пломбы, найденныя на городищѣ Старой Рязани. На одной пломбѣ бюстъ князя въ коронѣ, на оборотѣ ея вытиснена буква: А; верхняя нѣсколько удлиненная часть

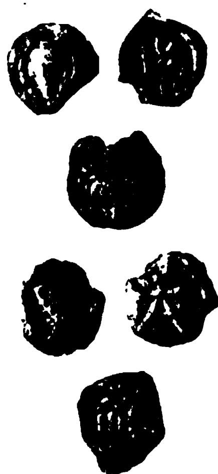

Рис. 14.

буквы крестообразно пересѣчена поперечною чертою (см. третье изобр. сверху на рис. 14). На второй пломбѣ знакъ, похожій на половину коромысла вѣсовъ, съ тою разницею, что, вмѣсто привѣшенной чашки, на концѣ рычага крючекъ; лѣвѣе его небольшой крестикъ и точка; на оборотной сторонѣ значекъ, похожій на опрокинутую верхомъ внизъ букву П. Въ двухъ послѣднихъ пломбахъ также видны отверстія, сквозь которыя проходили шнурочки. Величина старорязанскихъ пломбъ одинакова съ сакорскими, толщина же ихъ отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 милл.

Свинцовыя пломбы впервые въ большомъ числѣ были найдены въ 1864 г. въ Гродненской губ., въ заштатномъ гор. Дрогичинѣ. Изслѣдованіемъ дрогичинскихъ пломбъ занимались: Виленская Археолог. Коммиссія и гр. К. Тышкевичъ. Затѣмъ вопросъ о значеніи пломбъ много лѣтъ не занималъ нашихъ археологовъ, пока Н. П. Авенаріусъ снова не возбудилъ его. Съ легкой руки Н. П. Авенаріуса, дрогичинскія пломбы привлекли къ себѣ вниманіе любителей старины. Изслѣдованіемъ ихъ, кромѣ Н. П. Авенаріуса, занимались г. Леопардовъ, проф. Лучицкій и К. В. Болсуновскій. Названные изслѣдователи, начиная съ Виленской Археолог. Коммиссіи, значительно расходятся въ своихъ заключеніяхъ о происхожденіи и значеніи пломбъ. Разногласіе изслѣдователей показываетъ, что вопросъ о свинцовыхъ оттискахъ еще далекъ отъ положительнаго рѣшенія, и придется еще много поработать прежде, чѣмъ прійти къ выводамъ, которые поставили бы пломбы въ ряду вещественныхъ памятниковъ, безспорно свидѣтельствующихъ объ опредѣленной категоріи фактовъ изъ далекаго прошлаго.

Благодаря любезности Н. П. Авенаріса и К. В. Болсуновскаго, я имѣлъ возможность осмотрѣть свыше двухсотъ отборныхъ дрогичинскихъ пломбъ. Сходство ихъ съ рязанскими по формѣ, матеріалу, способу приготовленія и общему характеру изображеній—внѣ всякаго сомнѣнія. Н. П. Авенаріусъ, осмотрѣвши рязанскія пломбы, подтверждаетъ мое мнѣніе, и находитъ, что рязанскія пломбы родные братья дрогичинскихъ, хотя выдѣланы, вѣроятно, не въ Дрогичинѣ.

Между пломбами, найденными на Старорязанскомъ городищѣ и горѣ Сакоръ, замѣтна разница какъ въ характерѣ самыхъ оттисковъ, такъ и въ другихъ наружныхъ признакахъ. Это различіе прежде всего убѣждаетъ насъ въ томъ, что старорязанскія пломбы древнѣе сакорскихъ.

Вообще, какое бы назначеніе не имѣли эти скромные свинцовые оттиски, они представляютъ историческій интересъ. Подобныя находки, вѣрно понятыя и хорошо истолкованныя во всѣхъ ихъ разнообразныхъ различіяхъ, со временемъ откроютъ намъ новыя или еще малоизвѣстныя стороны древне-русской жизни. Но до этого еще далеко.

Въ 1874 году, на Борковскомъ о-вѣ, во время проведенія вѣтки желѣзной дороги къ Окѣ, былъ случайно открытъ древній могильникъ, богатый серебряными и бронзовыми украшеніями, бусами, желѣзнымъ оружіемъ и другими бытовыми предметами. Одновременно, почти на самой площади могильника, были найдены два клада съ арабскими монетами VIII и IX ст. Большое количество найденныхъ вещей разошлось по рукамъ, и за немногими исключеніями все добытое изъ могилъ безслѣдно пропало. Та же участь постигла и монеты,—только ничтожная часть ихъ (13 экземпл.) поступила въ Императорскую Археологическую Коммиссію. Мѣстный любитель старины, Н. Любомудровъ, осматривалъ открытое кладбище и видѣлъ найденныя вещи. По его мнѣнію, это кладбище относится къ XVII вѣку, такъ какъ здѣсь, по лѣтописнымъ извѣстіямъ, было побоище въ началѣ XVII стол., и павшіе въ бою съ обѣихъ сторонъ были похоронены на этомъ мѣстѣ. Рязанская интеллигенція и мѣстные ученые приняли заключеніе Н. Любомудрова о происхожденіи Борковскаго могильника и успокоились на немъ. Прошло нѣсколько лѣтъ, могильникъ былъ забытъ, и только простая случайность побудила снова заняться этимъ интереснымъ памятникомъ глубокой старины. Въ 1885 году мнѣ пришлось увидать нѣсколько арабскихъ монетъ изъ кладовъ, найденныхъ (по разсказамъ владѣльцевъ монетъ) вмѣстѣ съ остатками костяковъ и разными вещами. Далѣе я читалъ статью Н. Любомудрова (Рязанскія Епарх. Вѣдом. 1874 г., № 6, стр. 153), въ которой онъ описываетъ найденное на Борковскомъ о-вѣ кладбище и положительно доказываетъ, что кладбище относится къ XVII ст., но о кладахъ съ арабскими монетами совсѣмъ не упоминаетъ. Разсказы очевидцевъ, утверждавшихъ, что монеты были найдены въ могилахъ, заинтересовали меня. Если арабскіе диргемы дѣйствительно входили въ составъ могильнаго инвентаря, то кладбище не могло имѣть ничего общаго съ XVII ст. Наученный многолѣтнимъ опытомъ не полагаться на достовѣрность разсказовъ даже очевидцевъ, я не могъ сомнѣваться въ справедливости выводовъ Н. Любомудрова, и старался отыскать нѣсколько вещей, несомнѣнно принадлежавшихъ къ числу тѣхъ, которыя въ 1874 году были найдены въ могилахъ случайно открытаго кладбища. Имѣя передъ глазами вещи, не трудно было-бы увидать, — имѣютъ ли онѣ по времени своего происхожденія хотя приблизительную связь съ арабскими монетами, или вещи и монеты относятся къ разнымъ эпохамъ, и только вслѣдствіе простой случайности найдены въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Долгое время вещи мнѣ не попадались; наконецъ, въ 1891 году мнѣ удалось найти небольшое количество вещей и монетъ, добытыхъ изъ могильника въ 1874 году. Тридцать экземпляровъ цѣлыхъ и полома-

ныхъ бронзовыхъ украшеній и штукъ 40 цѣлыхъ и рубленыхъ на разной величины части диргемовъ сохранились у М. М. Селиванова, лично наблюдавшаго за производствомъ земляныхъ работъ артелью землекоповъ, при сооруженіи вѣтки къ пристани на Окѣ; на его глазахъ рабочіе, прорѣзая выемку въ песчаномъ бугрѣ для полотна желѣзной дороги, наткнулись на древній могильникъ. Почти рядомъ съ могилами тѣ же рабочіе нашли два клада съ арабскими монетами. Вещи и монеты М. М. Селивановъ скупалъ у рабочихъ; имъ было пріобрѣтено большое количество того и другаго. Часть собранныхъ древностей онъ роздалъ знакомымъ; многое распропало, такъ что въ 1891 году у него осталась едва-ли осьмая часть того, что было куплено имъ въ 1874 и 1875 гг.

По осмотрѣ вещей у меня не оставалось никакого сомнѣнія, что случайно найденный могильникъ не имѣетъ ничего общаго съ XVII ст. Разсказы очевидцевъ о нахожденіи единичныхъ арабскихъ монетъ въ могилахъ, вмѣстѣ съ оружіемъ и украшеніями, наводили меня на предположеніе, что погребенія приблизительно относятся къ VIII и IX вѣку по Р. Х. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о времени образованія могильника, для меня было ясно только то, что Борковской могильникъ имѣетъ сродство съ Старорязанскимъ и Курманскимъ, и всѣ они скорѣе древнѣе, но никакъ не моложе VIII—IX вѣка. Теперь оставалось убѣдиться,— не уцѣлѣла ли какая-нибудь часть Борковскаго могильника послѣ разгрома его въ 1874 и 1875 гг. Осенью 1891 года, желая произвести съемку мѣстности, гдѣ былъ открытъ Борковской могильникъ, чтобы нѣсколько выяснить положеніе и границы его, я пригласилъ капитана артиллеріи В. С. Андріевскаго помочь мнѣ въ этой работѣ. Во время съемки, въ крутомъ обрывѣ оврага нами была замѣчена часть выдающагося изъ земли черепа. По ближайшему изслѣдованію оказалось, что мы неожиданно нашли одно погребеніе, имѣвшее всѣ признаки языческой похоронной обрядности. Случайно открытая могила являлась убѣдительнымъ доказательствомъ, что часть могильника еще цѣла. Въ засѣданіи Рязанской учен. арх. коммиссіи (4 декабря 1891 г.), я доложилъ о результатахъ моихъ разысканій. А. В. Селивановъ принялъ горячее участіе въ этомъ дѣлѣ; и благодаря сочувственному и живому отношенію Императорской Археологической Коммиссіи къ изслѣдованію древнихъ памятниковъ, весною 1892 года получены были разрѣшеніе на раскопки и денежныя средства на производство работъ. Въ первыхъ числахъ іюня 1892 года были начаты раскопки Борковскаго могильника, подъ наблюденіемъ трехъ членовъ Рязанской учен. арх. коммиссіи. Результаты раскопокъ превзошли наши ожиданія. Работы были пріостановлены 28 августа, и часть могильника оставлена нетронутою для провѣрочныхъ раскопокъ, если бы въ таковыхъ оказалась надобность.

Не касаясь ни подробностей самыхъ раскопокъ, ни результатовъ разработки матеріаловъ, добытыхъ изъ Борковскаго могильника,—то и другое, вѣроятно, въ скоромъ времени будетъ опубликовано Императорскою Археологическою Коммиссіею, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о пробной раскопкѣ, произведенной въ 1893 г. въ томъ же могильникѣ, и представлю сжатый очеркъ отличительныхъ особенностей Борковскаго могильника, которыя по моему мнѣнію, придаютъ значительный интересъ этому памятнику мѣстной старины.

24 іюля 1893 года проф. Московскаго универ. А. Я. Кожевниковъ, желая на мѣстѣ ознакомиться съ характеромъ череповъ древнѣйшаго населенія Рязанскаго края, пріѣхалъ въ Рязань; и на другой день произвелъ небольшую раскопку въ нетронутой части Борковскаго могильника. При раскопкѣ участвовали члены Рязанск. уч. арх. коммиссіи— А. В. Селивановъ, Н. А. Катуковъ и А. И. Черепнинъ. Десять копачей работали часа четыре на придорожномъ бугрѣ, вырыли траншею въ 19 аршинъ длины, 4½ ширины и 1½ глубины. На вскрытой площади нашли остатки пяти простыхъ погребеній. Костяки оказались совершенно разрушенными тлѣніемъ. Въ могилахъ собрано нѣсколько бронзовыхъ мелкихъ украшеній, горшки, желѣзный топоръ съ продольнымъ гнѣздомъ, наконечникъ копья, ножницы, два ножика и нѣсколько бусъ. Положеніе костяковъ и вся обстановка могилъ ничѣмъ не отличались отъ простыхъ погребеній, открытыхъ нами на этомъ бугрѣ въ 1892 году. Предпринятая А. Я. Кожевниковымъ раскопка обманула его ожиданія,— ни одного хорошо сохранившагося костяка, ни одного цѣлаго черепа мы не нашли, и работы были прекращены.

Приступая къ раскопкѣ пришлось срыть небольшой бугоръ земли, образовавшійся на этомъ мѣстѣ въ 1874 году отъ свалки верхняго пласта земли, когда вблизи отъ этого мѣста выбирали песокъ для желѣзнодорожнаго полотна. Снимая насыпной бугоръ и затѣмъ верхній слой земли, нашли небольшой бронзовый бубенчикъ—привѣску съ прорѣзами на нижней поверхности, желѣзный ножикъ курганнаго типа и половину крупной бронзовой подковообразной пряжки, на загнутомъ концѣ ея, имѣющемъ форму четырехугольной запонки, вырѣзана свастика; овальная поверхность кольца пряжки покрыта двойнымъ рядомъ городковъ въ видѣ небольшихъ треугольниковъ. На глубинѣ 5 вершковъ отъ поверхности земли найдены были остатки развалившейся глиняной печи и узкій слой кусковъ обсохшей глины. Недалеко отъ печи, на глубинѣ 3-хъ вершковъ отъ поверхности земли былъ вырытъ остатокъ нижней части истлѣвшаго столба, длиною въ 7 вершк.. въ діаметрѣ 3 вер.

Въ прошломъ году, во время раскопокъ, на этомъ же участкѣ

могильника (на Придорожномъ бугрѣ) было найдено 9 развалившихся глиняныхъ печей, 27 нижнихъ частей неодинаково истлѣвшихъ столбовъ, котловина съ большимъ количествомъ желѣзныхъ шлаковъ и въ числѣ случайныхъ находокъ нѣсколько вещей, которыя по своей формѣ рѣзко отличались отъ аналогичныхъ вещей, собранныхъ нами въ могилахъ; напримѣръ: 1) обломокъ топора съ сквознымъ отверстіемъ и большою выемкою между тыльемъ и лезвеемъ топора; 2) бронзовый бубенчикъ — привѣску съ разрѣзомъ на нижней поверхности; 3) желѣзное кресало, съуженныя концы котораго загнуты въ видѣ кренделя; 4) желѣзный кочедыкъ для плетенія лаптей; 5) обломокъ желѣзнаго серпа; 6) часть желѣзной сковородки; 7) три крупныхъ бусы изъ композиціи съ разноцвѣтными глазками; 8) три обломка бронзовыхъ посеребренныхъ семилопастныхъ височныхъ подвѣсокъ московскаго типа; 9) обломокъ бронзоваго конька—привѣски мерянскаго типа; 10) небольшая четырехугольная бляшка съ такимъ же отверстіемъ по срединѣ, украшенная въ углахъ рѣзнымъ орнаментомъ; 11) бронзовый перстень съ изображеніемъ птицы на щиткѣ; и 12) множество черепковъ отъ разбитыхъ глиняныхъ горшковъ, украшенныхъ волнистымъ и зигзагообразнымъ орнаментомъ. Къ этимъ находкамъ можно присоединить случайно найденные въ 1893 году бронзовый бубенчикъ — привѣску и половину крупной подковообразной пряжки. Ни въ одной изъ 120 могилъ Борковскаго могильника, обслѣдованныхъ въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ, мы не находили вещей, сходныхъ съ только что перечисленными. Не находили подобныхъ вещей даже между случайными находками, поднятыми на другихъ участкахъ могильника. Названныя вещи, столбы и развалившіяся глиняныя печи составляли какъ бы исключительную принадлежность только одной части могильника, занимавшей Придорожный бугоръ. Это обстоятельство, какъ мнѣ кажется, позволяетъ видѣть въ совершенно истлѣвшихъ столбахъ (столбы лучшей сохранности относятся къ XVIII и XIX ст.), ямѣ съ желѣзными шлаками, развалившихся глиняныхъ печахъ и находкахъ бытовыхъ предметовъ, отличныхъ по своимъ формамъ отъ найденныхъ въ могилахъ,—остатки древняго поселка, основаннаго въ давнее время на могильникѣ Придорожнаго бугра и прилегающихъ къ нему мѣстахъ. По времени поселокъ былъ несомнѣнно моложе могильника. Племя, оставившее послѣ себя Борковской могильникъ, не могло селиться на могилахъ своихъ отцовъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока въ потомствѣ не изгладилась память о мѣстѣ погребенія предковъ.

Покончивши краткое описаніе найденныхъ остатковъ древняго поселка, перехожу къ характеристикѣ могильника. Борковской могильникъ представляетъ выдающійся интересъ среди однородныхъ съ нимъ памят-

никовъ старины, во 1-хъ) вслѣдствіи его особенностей, какія въ подобномъ составѣ и въ такомъ опредѣленномъ выраженія не встрѣчались въ извѣстныхъ могильникахъ и курганныхъ кладбищахъ средней Россіи; во 2-хъ) потому, что Борковской могильникъ является передъ изслѣдователями русской старины не одинокимъ, а въ сопровожденіи цѣлаго ряда однородныхъ могильниковъ, близкихъ одинъ къ другому по мѣстоположенію, по времени, по характеру погребеній, сходству бытовыхъ предметовъ и, вѣроятно, сродныхъ по племенному составу населенія, оставившаго ихъ. Особенности Борковскаго могильника состоятъ въ слѣдующемъ: погребенія найдены на двухъ отдѣльныхъ буграхъ, отстоящихъ одинъ отъ другаго саженъ на 60. На обоихъ буграхъ, — ни въ обрядности погребеній, ни въ формахъ бытовыхъ предметовъ, ни въ оружіи, ни въ украшеніяхъ, найденныхъ въ могилахъ обоихъ бугровъ, не замѣчается такого различія, которое давало бы серьезный поводъ къ предположенію, что погребенія Придорожнаго и Жемчужнаго бугровъ раздѣляетъ большой промежутокъ времени. Напротивъ, всѣ подробности похоронныхъ обрядовъ, несомнѣнное сходство бывшихъ при костякахъ вещей наглядно убѣждаютъ, что передъ нами были не два самостоятельныхъ могильника, въ которыхъ наблюдалось бы значительное различіе по времени и племенному составу населенія,—а простое, послѣдовательное занятіе бугровъ подъ кладбище: когда одинъ бугоръ былъ наполненъ могилами, древнее мѣстное населеніе заняло для погребенія своихъ покойниковъ другой бугоръ. Мы ничего не знаемъ о количествѣ народонаселенія того поселка, жители котораго оставили Борковской могильникъ, и не можемъ ничего опредѣленнаго сказать о времени, прошедшемъ отъ начала занятія подъ кладбище перваго бугра и до конца наполненія могилами втораго бугра. Во всякомъ случаѣ, промежутокъ времени, потребовавшійся для этого, не могъ быть очень продолжителенъ. Приблизительно опредѣляя его въ 100 лѣтъ, мы повидимому не рискуемъ впасть въ крупную ошибку. Положеніе могильника на двухъ отдѣльныхъ буграхъ позволяетъ намъ отличить, если не во всѣхъ бытовыхъ предметахъ, то по крайней мѣрѣ въ украшеніяхъ, старые типы отъ болѣе новыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы можемъ наблюдать появленіе незначительныхъ видоизмѣненій какъ въ формѣ и орнаментаціи однородныхъ украшеній, такъ и въ манерѣ пользованія ими. Послѣднее особенно замѣтно выражается въ ожерельяхъ: составныя части ихъ, въ большинствѣ случаевъ, однѣ и тѣ же; но въ способахъ группировки этихъ частей наблюдается постепенное осложненіе, являются новые пріемы и видоизмѣненія прежнихъ въ составленія ожерелій. Присутствіе остатковъ поселка на Придорожномъ бугрѣ даетъ намъ понятіе о уст-

ройствѣ жилищъ древняго населенія Борковскаго о-ва. Найденныя орудія и украшенія, принадлежавшія жителямъ поселка, знакомятъ насъ съ новыми типами бытовыхъ предметовъ, появившимися въ здѣшней мѣстности на смѣну прежнихъ, собранныхъ нами въ могилахъ и употреблявшихся населеніемъ, оставившимъ самый могильникъ. Два клада съ арабскими монетами, найденные на Придорожномъ бугрѣ, по моему мнѣнію, довольно точно опредѣляютъ время существованія поселка. Одинъ кладъ былъ зарытъ у подошвы Придорожнаго бугра на южной сторонѣ его, другой — саженяхъ въ 10 — 12 къ сѣверу отъ перваго. Въ обоихъ кладахъ оказались исключительно одни диргемы; монеты были цѣлыя и разрубленныя на части. Большая часть ихъ аббасидскаго чекана, биты въ IX ст. При раскопкахъ Борковскаго могильника, ни въ одной изъ 120 извѣстныхъ мнѣ могилъ монетъ не оказалось. Полное отсутствіе монетъ въ могилахъ, затѣмъ бо́льшая древность вещей, бывшихъ при костякахъ, позволяетъ предполагать, что клады не составляли принадлежности могилъ, а были зарыты въ землю позднѣе обитателями поселка, основаннаго на древнемъ кладбищѣ; и такимъ путемъ оказались возлѣ могилъ, съ которыми не имѣютъ непосредственной связи.

Такимъ образомъ, при изслѣдованіи могильника и прилегающихъ къ нему мѣстъ, передъ нами прошли однородные остатки быта древняго мѣстнаго населенія, относящіеся къ періоду времени, равному нѣсколькимъ столѣтіямъ. Будущія изслѣдованія Кузьминскаго, а быть можетъ Пальновскаго и Старорязанскаго могильниковъ, имѣющихъ близкую связь съ Борковскимъ и Курманскимъ, безъ сомнѣнія пополнятъ и расширятъ наши свѣдѣнія о своеобразной культурѣ средне-Окскаго края, и познакомятъ насъ, хотя въ общихъ чертахъ, съ особенностями племеннаго состава здѣшняго древняго населенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ дадутъ болѣе надежныя основанія для опредѣленія народности его.

Уже и теперь, судя по различію одновременныхъ похоронныхъ обрядовъ и по числовому отношенію между ними, съ большимъ вѣроятіемъ можно предполагать, что населеніе, оставившее послѣ себя Борковской могильникъ, было смѣшанное. Въ Борковскомъ могильникѣ простыя погребенія составляли около 85% общаго числа найденныхъ могилъ. Такое преобладаніе одного похороннаго обряда надъ остальными (трупосожженія и погребенія въ сидячемъ положеніи), во всѣхъ частяхъ могильника, позволяетъ думать, что коренное мѣстное населеніе, въ силу исконнаго обычая, хоронило своихъ умершихъ соплеменниковъ по обряду простого погребенія. Погребенія же съ трупосожженіемъ и въ сидячемъ положеніи были занесены сюда пришлыми иноплеменными насельниками. Въ числѣ 120 могилъ было найдено 12 погребеній съ довольно ясными

признаками трупосожженія, т. е. только 10%. Погребеній въ сидячемъ положеніи было открыто 5 (одно изъ нихъ сомнительное), слѣдовательно, послѣдняя форма похороннаго обряда составляетъ около 4%. Сравнивая похоронные обряды на каждомъ бугрѣ въ отдѣльности, мы находимъ, что на Жемчужномъ бугрѣ, который по многимъ признакамъ можно принять за болѣе старую часть могильника, трупосожженія составляютъ менѣе 8%, простыя погребенія около 92%; погребеній же въ сидячемъ положеніи не было найдено ни одного. На Придорожномъ бугрѣ трупосожженія достигаютъ 12%, погребенія въ сидячемъ положеніи — свыше 5% и простыя погребенія — 82% общаго числа могилъ, найденныхъ на этой части могильника. Въ Курманскомъ могильникѣ было открыто 31 простое погребеніе и 8 трупосожженій, т. е. послѣдняя форма похоронъ составляла болѣе 20% всѣхъ погребеній, тогда какъ простыя погребенія—около 80%. По характеру собранныхъ въ могилахъ вещей, Курманскій могильникъ мы считаемъ моложе Борковскаго, хотя по времени ихъ образованія разница между ними небольшая.

На приведенныя мною числовыя отношенія между похоронными обрядами нельзя смотрѣть какъ на вполнѣ соотвѣтствующія дѣйствительному числу оставленныхъ древнимъ мѣстнымъ населеніемъ разнородныхъ погребеній: въ подобныхъ вычисленіяхъ о точныхъ величинахъ не можетъ быть рѣчи. Приведеннымъ числамъ мы придаемъ нѣкоторое значеніе только потому, что въ нихъ, по нашему мнѣнію, чувствуется дѣйствительная наклонность однихъ формъ погребенія къ возрастанію, а другихъ къ уменьшенію. Въ древнихъ окскихъ могильникахъ числовыя отношенія трупосожженій къ простымъ погребеніямъ позволяютъ предугадывать постепенное увеличеніе трупосожженій; эта форма погребеній, повидимому, все чаще и чаще практикуется по мѣрѣ приближенія къ XI ст., въ самомъ концѣ котораго для здѣшняго края наступила эпоха крупныхъ перемѣнъ въ вѣковыхъ основахъ быта.

Различіе похоронныхъ обрядовъ Борковскаго могильника мы объяснили разноплеменнымъ составомъ мѣстнаго древняго населенія. По нашимъ догадкамъ на 85% коренныхъ жителей приходилось около 15% пришлыхъ иноплеменниковъ — колонистовъ, оставившихъ послѣ себя могилы, отличныя по формѣ погребенія отъ могилъ туземцевъ. Мы полагаемъ, что могилы съ трупосожженіемъ принадлежатъ славянамъ, переселившимся сюда изъ сосѣднихъ славянскихъ областей. Колонизація славянъ началась издавна и постепенно увеличивалась; она особенно возросла въ X вѣкѣ, когда южно-русскіе князья начали наносить крѣпкіе удары Вятичамъ и Кривичамъ.

Основаніемъ для нашего предположенія о разноплеменности здѣш-

няго древняго населенія, кромѣ общихъ историческихъ соображеній, служитъ то обстоятельство, что бытовыя вещи и украшенія, найденныя въ могилахъ съ простыми погребеніями и трупосожженіями, представляютъ большое сходство, — при обѣихъ формахъ погребеній встрѣчались однородныя украшенія и одинаковое оружіе; только большія круглыя бронзовыя бляхи съ отверстіемъ по срединѣ, прикрытомъ крышкою, и шестью звѣздообразно расположенными треугольными прорѣзами, да мечи являлись какъ бы исключительною принадлежностью могилъ съ простымъ погребеніемъ. Впрочемъ, этотъ фактъ не противорѣчитъ нашему предположенію: мечами вѣроятно пользовался господствующій классъ населенія, таковой же—естественно состоялъ изъ лицъ, принадлежавшихъ къ коренному населенію. Затѣмъ, самое расположеніе могилъ съ разнородными похоронными обрядами не позволяетъ раздѣлять ихъ по времени: трупосожженія находились на всѣхъ участкахъ могильника, нигдѣ не представляли скученности и всюду чередовались съ простыми погребеніями. По всѣмъ признакамъ мѣстное населеніе одновременно практиковало оба похоронные обряда. Кромѣ того, сравнивая качество и обиліе вещей, найденныхъ въ могилахъ съ разнородными погребеніями, мы замѣчаемъ, что выборъ того или другого обряда не зависимъ отъ имущественнаго состоянія умершихъ. Могилы съ простымъ погребеніемъ и съ трупосожженіемъ, по количеству и характеру найденныхъ въ нихъ вещей, были богатыя, среднія и бѣдныя. На Придорожномъ бугрѣ изъ 68 могилъ съ простымъ погребеніемъ было 17 могилъ бѣдныхъ, 38—среднихъ и 13—богатыхъ. Въ 10 трупосожженіяхъ было 7 погребеній бѣдныхъ, 1 среднее и 2 богатыхъ. Въ 5-и могилахъ съ погребеніями въ сидячемъ положеніи оказалось 2 могилы бѣдныхъ и 3 среднихъ. На Жемчужномъ бугрѣ изъ 26 простыхъ погребеній найдено 5 могилъ бѣдныхъ, 17 среднихъ и 4 богатыхъ. Въ 2-хъ трупосожженіяхъ — одно было бѣдное, другое богатое Итакъ, содержаніе могилъ съ разнородными похоронными обрядами, повидимому, удостовѣряетъ, что форма погребенія не имѣла связи съ большимъ или меньшимъ имущественнымъ достаткомъ умершаго.

На Борковскомъ о-вѣ, кромѣ опасанныхъ памятниковъ старины, остаются еще не изслѣдованными: 1) французскія могилы, такъ называютъ мѣстные крестьяне бугоръ, лежащій къ В. отъ выселокъ. Западная половина бугра, саженъ въ 30 длиною, вполнѣ сохранилась, восточная же его часть разрушилась и представляетъ песчаную розсыпь, на которой попадаются обломки горшковъ, костей, небольшіе желѣзные ножики и пряжки. По разсказамъ крестьянъ здѣсь въ 1812 году были похоронены плѣнные французы. Судя же по обломкамъ горшковъ и дру-

гимъ мелкимъ предметамъ, на этомъ бугрѣ находится древнее кладбище. 2) къ востоку отъ французскихъ могилъ, въ полуразрушенномъ бугрѣ, замѣтны слѣды стараго поселка. 3) къ югу отъ Сакоръ горы, по западной сторонѣ подъѣздной вѣтки желѣзной дороги, сохранились части небольшихъ бугровъ; на нихъ попадаются обломки древнихъ горшковъ и части истлѣвшихъ костей. Здѣсь, вѣроятно, было языческое кладбище. Названные остатки старины, въ скоромъ времени, обстоятельно будутъ изслѣдованы Рязанскою ученою арх. коммиссіею.

А. И. Черепнинъ.

II

Газетная литература по поводу статьи И. Е. Забѣлина „Подземныя хранилища Московскаго Кремля" и раскопки въ Кремлѣ.

Статья И. Е. Забѣлина породила довольно значительную газетную литературу, перешедшую даже въ полемику; въ виду интереса многихъ вопросовъ, возбужденныхъ этими статьями, воспроизводимъ ихъ здѣсь, опуская нѣкоторыя повторенія. Въ № 6479 „Новаго Времени" проф. А. И. Соболевскій въ статьѣ „Подземныя палаты московскихъ царей" даетъ свѣдѣнія о библіотекѣ Грознаго, приводитъ вкратцѣ содержаніе статьи И. Е. Забѣлина, и въ заключеніе говоритъ слѣдующее: „Мы видѣли, что понамарь не нашелъ искомаго сокровища. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ его во время поисковъ уже не существовало. Свидѣтельство дьяка Макарьева достаточно ясно и опредѣленно и не даетъ повода къ сомнѣніямъ. Энергія понамаря показываетъ, что онъ вполнѣ вѣрилъ дьяку. То обстоятельство, что царь Петръ, хорошо знакомый съ кремлевскимъ дворцомъ и его службами, не сдѣлалъ никакихъ замѣчаній и не выразилъ ни малѣйшаго скептицизма по поводу „доношенія" понамаря, удостовѣряетъ, что въ его царствованіе никакихъ сундуковъ не вынималось изъ подземныхъ палатъ и не переносилось въ другое мѣсто. Все, что мы знаемъ по исторіи Кремля и его дворца въ XVIII вѣкѣ, не оставляетъ сомнѣнія, что послѣ Петра некому было опустошить эти палаты. Итакъ, онѣ съ своими сундуками должны еще существовать въ томъ или другомъ видѣ, засыпанныя землей или совсѣмъ невредимыя, и отъ нашей энергіи и искусства зависитъ ихъ отыскать. Конечно, возможно, что найдется лишь груда гнилья; но

столь же возможно, что роскошные греческіе пергаменты и дефтери Батыя окажутся сохранившимися не хуже того, что, повалявшись нѣсколько столѣтій въ сырыхъ монастырскихъ кладовыхъ, дошло, наконецъ, до насъ.

Во всякомъ случаѣ дѣло не должно быть оставляемо безъ вниманія. Раскопки, произведенныя подъ руководствомъ такого знатока старой Москвы, какъ И. Е. Забѣлинъ, не получатъ огромныхъ размѣровъ и не потребуютъ особенно большихъ издержекъ, но могутъ дать такіе результаты, которые теперь намъ трудно себѣ даже представить".

Затѣмъ С. А. Бѣлокуровъ въ № 97 „Москов. Вѣдом." напечаталъ статью „О библіотекѣ и архивѣ царя Ивана IV", которую приводимъ здѣсь цѣликомъ:

„Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ 1834 году, проф. Дерптскаго (нынѣ Юрьевскаго) университета, Клоссіусъ, въ специальной статьѣ [1]) о библіотекѣ царя Ивана IV пришелъ къ выводу, что она безслѣдно погибла. О ней и до профессора Клоссіуса имѣлись у насъ смутныя понятія, а послѣ его статьи вопросъ объ этой библіотекѣ причисленъ былъ къ числу окончательно рѣшенныхъ — въ томъ смыслѣ, что отыскивать ее намъ не приходится, такъ какъ она, внѣ всякаго сомнѣнія, не сохранилась до нашего времени.

Пріѣхавшій въ 1891 году въ Россію приватъ-доцентъ Страсбургскаго университета Эд. Тремеръ вновь поднялъ вопросъ объ ея существованіи. „Въ русскихъ ученыхъ кругахъ", пишетъ онъ, „какъ я самъ въ этомъ убѣдился, относятся къ этому вопросу весьма скептически". Несмотря на все это, слава открыть „богатое сокровище" воодушевляла его и онъ началъ свои поиски.

Не найдя библіотеки нигдѣ на землѣ, поверхъ ея, онъ заключилъ, что она спрятана подъ землей и доселѣ находится тамъ, въ одномъ изъ тайниковъ московскаго Кремля. И. Е. Забѣлинъ, въ бытность г. Трэмера въ Москвѣ, разувѣрявшій его въ этой послѣдней гипотезѣ, на дняхъ помѣстилъ статью, въ которой печатно заявилъ свое мнѣніе, что въ землѣ библіотеки царя Ивана IV-го нѣтъ, такъ какъ она сгорѣла въ большой московскій пожаръ 1571 года. Я вполнѣ согласенъ съ этимъ заключеніемъ *(что царской библіотеки въ землѣ нѣтъ)*, хотя и не по тѣмъ основаніямъ, на которыя опирается И. Е. Забѣлинъ. Въ свое время мнѣ много разъ приходилось толковать съ г. Трэмеромъ объ этой „царской библіотекѣ" и разубѣждать во многихъ его предположеніяхъ,

[1]) Смотри „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія" за 1834 годъ, іюнь. Въ этой статьѣ собраны всѣ свѣдѣнія о „царской библіотекѣ". Новыхъ извѣстій никѣмъ доселѣ не указано, и всѣ послѣдующіе писатели отсюда заимствуютъ свои показанія.

отъ которыхъ онъ и отказывался послѣ разговоровъ со мной. Я не могъ убѣдить его только въ одномъ, въ несбыточности его мечты—найти въ землѣ царскую библіотеку... Съ этою мечтой, что библіотека находится въ землѣ, г. Трэмеръ и уѣхалъ изъ Москвы, помѣстивъ предъ своимъ отъѣздомъ въ нѣсколькихъ нумерахъ „Московскихъ вѣдомостей" рядъ статей объ этой библіотекѣ, выпущенныхъ потомъ и отдѣльною брошюрой [1]).

Вмѣсто *Библіотеки Царской* И. Е. Забѣлинъ предлагаетъ искать въ землѣ *Архивъ Царскій*, отъ котораго де осталась одна только опись [2]).

Смѣемъ увѣрить, что поиски и этого Архива въ землѣ также будутъ безуспѣшны, потому что Архивъ этотъ находится... поверхъ земли. И. Е. Забѣлинъ въ своей статьѣ („Археологич. Извѣстія и Замѣтки" 1894 г., № 2) излагаетъ показаніе понамаря Конона Осипова о находящихся въ одномъ изъ тайниковъ Московскаго Кремля двухъ палатахъ, наполненныхъ сундуками (въ коихъ именно и склоненъ видѣть Царскій Архивъ XVI вѣка), находившихся подъ весьма крѣпкими запорами (двери желѣзныя, цѣпи, замки превеликіе, печати на проволокѣ свинцовыя). Какимъ же образомъ изъ подъ такого крѣпкаго запора, чрезъ землю, выскочилъ 138 ящикъ *Царскаго Архива* находящійся нынѣ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ?

Это странное явленіе объясняется очень просто: въ семъ послѣднемъ Архивѣ хранятся документы не одного только указываемаго И. Е. Забѣлинымъ 138-го ящика *Царскаго Архива*, но и весьма многихъ другихъ. Находятся они здѣсь потому, что *Царскій Архивъ XVI вѣка* въ послѣдствіи поступилъ въ Посольскій Приказъ, сдѣлавшійся его хранителемъ, а съ уничтоженіемъ Посольскаго Приказа и учрежденіемъ Кол-

---

[1]) Доставленный мнѣ имъ одинъ изъ оттисковъ съ надписью: viro doctissimo Sergio Bjelokurow in gratam sui memoriam haece, quae de re utrimque totiens in controversiam vocata comentatus est, offert semperque progriam ejus se fore comfirmat,—укрѣпилъ меня въ намѣреніи написать особую статью о библіотекѣ царя Ивана IV и дать въ ней г. Трэмеру обстоятельный отвѣтъ. Я медлилъ этимъ отвѣтомъ, дожидаясь выхода обѣщаннаго имъ подробнаго отчета о занятіяхъ его въ Москвѣ, доселѣ мною не полученнаго; но теперь думаю въ особой статьѣ отвѣтить ему на его статьи помѣщенныя въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ".

[2]) Опись эта дошла до насъ въ единственной рукописи, не имѣющей начала, а вмѣстѣ съ тѣмъ и заголовка. Настоящее названіе дано ей редакторомъ при ея изданіи, и потому можетъ быть поставленъ вопросъ: насколько правильно это опредѣленіе? По моему мнѣнію, утверждающемуся на нѣсколькихъ основаніяхъ, указаніяхъ документовъ, оно ошибочно: предъ нами не опись *Царскаго Архива XVI вѣка*, а *опись дѣлъ Посольскаго Приказа, составленная въ 1562 году*. Съ принятіемъ этого мнѣнія, вопросъ о *Царскомъ Архивѣ* существенно измѣнится: если оно вѣрно, то разыскивать *Царскій Архивъ* нечего, ибо его не было. Но такъ какъ это мое личное мнѣніе, доселѣ еще не заявленное и недоказанное печатно, то при дальнѣйшей рѣчи я *пока временно* принимаю существующее теперь мнѣніе, что напечатанная въ *Актахъ Археограф. Экспедиціи* опись—есть опись *Царскаго Архива XVI вѣка*.

легіи Иностранныхъ дѣлъ, *Царскій Архивъ*, вмѣстѣ съ Архивомъ Посольскаго Приказа, образовавшимся въ XVII столѣтіи, какъ его составная часть, остался въ Москвѣ, въ Московскомъ Архивѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ,—нынѣ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Итакъ, *Царскій Архивъ XVI вѣка* не скрывается въ одномъ изъ тайниковъ Московскаго Кремля, а находится на виду у всѣхъ въ Москвѣ, на углу Воздвиженки и Моховой, хотя и не въ томъ самомъ составѣ, въ какомъ изображаетъ его опись XVI вѣка.

Чтобы не быть голословнымъ, приведу наглядныя доказательства. По избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича въ 1614 году, всѣ дѣла оставшіяся въ Посольскомъ Приказѣ были разобраны, и имъ была составлена подробная опись. Очень многіе ящики, бывшіе въ *Царскомъ Архивѣ XVI вѣка*,—въ 1614 году оказались въ Посольскомъ Приказѣ и были занесены въ его опись. Я укажу только нѣсколько ящиковъ, общихъ тому и другому Архиву, и отмѣченныхъ мною при бѣгломъ просмотрѣ обѣихъ описей, приводя, для бо́льшей наглядности, тексты той и другой описи [1]). Я буду пользоваться этою описью 1614 года, потому что ея свѣдѣнія о документахъ, по своему качеству, близко стоятъ къ свѣдѣніямъ описи XVI вѣка, а документы, отмѣчаемые ею, бывшіе въ Посольскомъ Приказѣ въ 1614 году, почти всѣ сохранились до нашего времени.

Такъ, въ описи *Царскаго Архива XVI вѣка* значится:

Ящикъ 1. А въ немъ грамота докончальная Александра короля съ великимъ княземъ Иваномъ, и грамота, что дали панове Петръ Яновъ съ товарыщи и утвержена о королове, и иные грамоты съ печатми.

Въ Посольскомъ Приказѣ въ 1614 году оказались на лицо:

Грамота докончальная блаженныя памяти вел. князя Ивана Васильевича всеа Русіи съ литовскимъ Александромъ королемъ, на чомъ быти имъ въ докончаньѣ...

Грамота докончальная о вѣчномъ миру вел. князя литовскаго Александра съ вел. княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Русіи, какъ была за великимъ княземъ Олександромъ дочь

---

[1]) Всѣ ящики *Царскаго Архива XVI вѣка*, перечисляемые описью дѣлъ Посольскаго Приказа 1614 года, и сохранившіеся до нашего времени, будутъ указаны мною въ другой работѣ, которой этотъ вопросъ касается. Подъ ящиками описи *Царскаго Архива* слѣдуетъ разумѣть не ящики внушительныхъ размѣровъ, а небольшія коробки или даже коробочки, потому что онѣ заключали въ себѣ по нѣскольку только документовъ, а многія всего на всего одну грамоту. Такъ, напримѣръ, читаемъ: „ящикъ 102, а въ немъ грамота, что привезъ Тимоѳей Бражниковъ отъ Петра воеводы волошскаго“. (См. также ящики съ однимъ документомъ 46, 59, 83, 88, 91, 93, 97 и др.).

Ящикъ 2. А въ немъ грамота перемирная Александра короля съ вел. княземъ Иваномъ и грамота, что далъ Петръ Мишковскій съ товарыщи, за ихъ печатми, да третья грамота пана Петра Яновича да Станислава Глѣбова съ товарыщи, за ихъ печатми.

Ящикъ 3. А въ немъ грамота докончальная Жигимонта короля Польскаго съ вел. княземъ Васильемъ Ивановичемъ всеа Русіи и грамота, что писали на Москвѣ послы его Станиславъ Глѣбовъ съ товарищи, съ ихъ печатми.

Да ящикъ 3 же... А въ немъ грамоты потвержены вел. князя Ивана Васильевича съ братьею его со княземъ Юрьемъ и со княземъ Ондреемъ Васильевичи, двѣ грамоты за одною печатью.

Ящикъ 9. А въ немъ грамоты Степана воеводы Волошскаго съ в. княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Русіи и грамота докончальная Петра воеводы Волошскаго съ вел. княземъ Васильемъ Ивановичемъ всеа Русіи.

Ящикъ 38. А въ немъ книги и списки казатцкіе при Касымѣ царѣ и тюменскіе при Иванѣ царѣ.

вел. князя Ивана Васильевича всеа Русіи, а были послы вел. князя Олександра Литовскаго и цѣловали крестъ панъ Петръ Яновичъ воевода Тротцкій да маршалокъ земскій панъ Станиславъ Яновичъ...

Грамота Олександра короля литовскаго къ вел. князю Ивану Васильевичу всеа Русіи, какъ далъ за нево князь великій дочерь свою, а писано въ ней о томъ, что еѣ не нудити къ люторской вѣрѣ...

Грамота перемирная Олександра короля польскаго къ вел. князю Ивану Васильевичу, а были послы воевода Ланчинскій Панъ Петръ Мышовскій да........ *(перечисляются другіе)*...... а у грамоты привѣшено 7 печатей польскихъ.

Грамота докончальная Жигимонта короля Польскаго съ вел. княземъ Васильемъ Ивановичемъ всеа Русіи...

Грамота докончальная о вѣчномъ миру Жигмонта короля Польскаго съ вел. княземъ Васильемъ Ивановичемъ всеа Русіи, а были послы воевода Полотцкой Станиславъ Глѣбовичъ да *(перечисляются другіе)*..... 4 печати были посольскіе, 3 оборваны, одна цѣла.

Грамота утвержденная вел. князя Ивана Васильевича всеа Русіи съ братомъ его со княземъ Ондреемъ Васильевичемъ... *(нѣсколько грамотъ)*. *См. также:* 2 списка съ грамотъ утвержденныхъ вел. князя Василія Ивановича всеа Русіи съ братомъ ево со княземъ Юрьемъ Васильевичемъ.

Грамота отъ Мутьянскаго воеводы отъ Петра къ вел. князю Ивану Васильевичу всеа Русіи, что стоять ему съ вел. княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Русіи за одинъ.

Въ связкѣ тетради Шемахѣйскія и Сибирскія и казацкія орды старыя розныхъ годовъ.

Ящикъ 39. А въ немъ грамота подтверженая Петра царевича Ибреимова сына царева, зятя вел. князя, да грамота на князя Бѣльскаго, да грамота на князя Өедора Мстиславскаго подтверженая; грамота подтверженая на князя Василія Шуйскаго; грамота подтверженая на Ивана Воротынскаго... грамота подтверженая на князя Костентина Острожскаго; запись подтверженая на Михаила Плещеева за его рукою... записи на князя Ивана Дмитреевича Бѣльскаго, да на князя Василья Глинскаго... да подкрѣпленые... на князя Михаила Воротынскаго; да подтвержденная на Ивана Петрова сына Яковля...

Запись на царевича на Петра Обреимовича Казанскаго, какъ онъ крестился при вел. князѣ Васильѣ Ивановичѣ всеа Русіи и учелъ служить вел. князю Василью Ивановичу..... (*Въ другомъ мѣстѣ еще.* Списокъ съ подкрѣпленной записи на царевича Петра Обреимовича)...

Запись подтвержденная по бояринѣ по князѣ Дмитреѣ Өед. Бѣльскомъ...

2 записи князя Өедора Михаиловича Мстиславскаго, какъ онъ пріѣхалъ изъ Литвы къ вел. князю Василію Ивановичу всеа Русіи и цѣловалъ крестъ...

Запись цѣловальная боярина князя Василія Вас. Шуйскаго, на чомъ цѣловалъ крестъ вел. князю Василію Ивановичу.

Запись на князь Ивана Михайловича Воротынскаго взятаго при вел. князѣ Васильѣ Ивановичѣ...

Запись на князя Констянтина Острожскаго, какъ онъ билъ челомъ великому князю Василью Ивановичу всеа Русіи и обѣщался служить...

Запись подтвержденная на Михаила Ондрѣева сына Плещѣева за ево рукою.

2 записи подтверженые по князѣ Иванѣ Дмит. Бѣльскомъ...

Запись подтвержденная... по бояринѣ по князѣ Васильѣ Мих. Глинскомъ...

Запись цѣловальная на боярина на князя Михаила Иван. Воротынскаго.

2 записи подтверженыя по бояринѣ по Иванѣ Петровичѣ Яковлева...

Ящикъ 179. А въ немъ грамота англинскаго короля Филиппа, привезъ ее Непея, да грамота, что привезъ Рыцертъ...

Двѣ грамоты къ велик. князю Василью Ивановичу отъ аглинскаго Филиппа короля, а другая отъ аглинскія отъ королевы Маріи...

Грамота прислана съ посломъ съ Рыцареѣмъ съ посланникомъ съ Осипомъ Непеею.

Ящикъ 188. А въ немъ грамоты патріарха греческаго Іасафа благословенье на царьство царю и великому князю Ивану.

Грамота Іосаөа патріарха царягрядского къ царю и велик. князю Ивану Васильевичу всеа Русіи за печатью.

Хотя можно бы указать и еще не мало общихъ Архиву XVI вѣка и Архиву Посольскаго Приказа документовъ, но думаю и этихъ девяти ящиковъ Архива XVI вѣка достаточно, чтобъ убѣдиться, что документы его перешли въ Посольскій Приказъ. Отмѣчать эти общіе документы нѣсколько затруднительно, потому что опись „Царскаго Архива XVI в." составлена очень плохо, именно слишкомъ кратко и неопредѣленно и часто не указываетъ отличительныхъ признаковъ документа, по которымъ тотчасъ же можно бы установить тождество. Напримѣръ, „ящикъ 23, а въ немъ книги нагайскія старыя и новыя всѣ"; „ящикъ 24, а въ немъ книги посолства волошскія" и др. (не указываются года, а нагайскихъ и волошскихъ книгъ въ Архивѣ нѣсколько; какія именно разумѣетъ опись — неизвѣстно). Въ описи нерѣдко встрѣчаемъ такія ничего не дающія опредѣленія: „ящикъ 118, а въ немъ списки и грамоты розные старые; ящикъ 119, а въ немъ списки рознь и жалобницы розныя; ящикъ 120, а въ немъ списки рознь; ящикъ 123, а въ немъ списки рознь; ящикъ 126, а въ немъ списки старые рознь; ящикъ 129, а въ немъ списки, розныя дѣла" и др. т. п. Если бы опись „Царскаго Архива XVI в." составлена была поподробнѣе, такъ, какъ составлена въ 1614 году опись Архива Посольскаго Приказа, то установить тождество можно бы гораздо скорѣе.

Мой выводъ, что „Царскій Архивъ XVI вѣка" поступилъ въ Посольскій Приказъ не можетъ поражать странностію или неожиданностію, потому что въ „Царскомъ Архивѣ" находились въ весьма большомъ числѣ ящиковъ, болѣе чѣмъ въ половинѣ ихъ, документы по внѣшнимъ сношеніямъ Россіи. Въ описи перечисляется всего 231 ящикъ, въ числѣ коихъ 13 совсѣмъ не описаны; изъ остальныхъ 218, болѣе 125 ящиковъ содержатъ документы по внѣшнимъ сношеніямъ Россіи, кои почти всѣ цѣлы доселѣ. Но въ Посольскомъ Приказѣ были не одни только эти послѣдніе документы (по внѣшнимъ сношеніямъ), но и акты, относящіеся до внутренняго быта Россіи. Въ немъ хранились грамоты договорныя, духовныя, подтвержденныя и иныя удѣльныхъ и московскихъ князей, дѣла касающіяся бояръ и вообще всего служилаго сословія. Опись 1614 года о послѣднихъ актахъ такъ говоритъ: „въ верхней палатѣ столпы старые... царя Ивана Грознаго о всѣхъ дѣлѣхъ, помѣстныя дѣла, судныя и приказныя, а переписати было не мочно, потому что ветхи добрѣ и розпались, а иные згнили"; „въ стороннихъ полаткахъ, что у посольскія полаты въ 4-хъ сундукахъ старыя же дѣла четвертныя и помѣстныя, ветхи добрѣ". (Опись „Царскаго Архива" перечисляетъ всѣ эти дѣла).

Но во всякомъ случаѣ „Царскій Архивъ XVI вѣка" сохранился

(въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ) не вполнѣ, не въ томъ самомъ составѣ, въ которомъ изображаетъ его опись; многихъ актовъ нѣтъ, но ихъ надо искать не подъ землей, а поверхъ ея. Мы имѣемъ указанія, что виной пропажи ихъ—Смутное Время начала XVII вѣка. Оно причиной того, что въ 1614 году въ „Посольскомъ Приказѣ разбирали и переписывали посольскія всякія дѣла", очевидно находившіяся не въ должномъ порядкѣ и сохранившіяся къ тому времени не вполнѣ. На корешкѣ переплета описи „Царскаго Архива XVI вѣка" читаемъ: Acta mag. Duc. Litv. (т.-е. Акты великаго княжества Литовскаго). Это указываетъ, что ранѣе мѣста настоящаго своего храненія (Императорской Публичной Библіотеки) опись входила въ составъ Литовской метрики и находилась въ Польшѣ. Но здѣсь, въ Литовской метрикѣ, кромѣ описи, встрѣчаемъ и цѣлыя русскія подлинныя посольскія книги, такъ-называемые статейные списки, составлявшіеся въ Посольскомъ Приказѣ. Такъ, въ Литовской метрикѣ находились три русскія посольскія книги за 1488—1572 годы. (См. „Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ", т. I и II, изд. подъ редакціей Г. Ѳ. Карпова, въ 35 и 59 томахъ „Сборника Русскаго Историческаго Общества"). Это свидѣтельствуетъ о томъ, что Поляками была похищена часть „Царскаго Архива XVI вѣка" и увезена изъ Москвы въ Польшу, гдѣ, равно какъ и въ другихъ архивахъ и библіотекахъ, въ которыя она могла перейти изъ Польши или тѣмъ же путемъ, какимъ опись „Царскаго Архива" или инымъ, — и слѣдуетъ ее разыскивать. Часть же архива отъ смутныхъ обстоятельствъ начала XVII вѣка, вѣроятно, совсѣмъ погибла.

Итакъ: 1) никакого „Царскаго Архива XVI в." въ Московскомъ Кремлѣ подъ землей нѣтъ; 2) большая часть этого архива находится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; 3) часть архива погибла безвозвратно и 4) часть архива была увезена въ Польшу, гдѣ какъ въ частныхъ, такъ и въ правительственныхъ собраніяхъ документовъ и слѣдуетъ ее отыскивать, равно какъ и въ тѣхъ мѣстахъ, куда эти документы перешли или могли перейти".

Выводъ, къ которому пришелъ С. А. Бѣлокуровъ, не новый; тоже самое говорилъ Н. П. Лихачевъ въ своемъ сообщеніи о „Царской библіотекѣ въ XVI ст." (См. „Арх. Изв. и Зам." 1893 г., стр. 232), на которое, между прочимъ, ссылается и И. Е. Забѣлинъ. На статью г. Бѣлокурова отвѣчалъ А. И. Соболевскій статьею „Еще о Библіотекѣ и Архивѣ московскихъ царей" въ № 6511 „Новаго Времени":

„Г. Бѣлокуровъ, служащій въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, сообщилъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", № 97,

важныя данныя относительно Царскаго Архива XVI вѣка. Онъ открылъ, что часть ящиковъ, описанныхъ въ описи Царскаго Архива XVI вѣка, послѣ избранія на царство Михаила Θеодоровича, въ 1614 г., находилась въ Посольскомъ Приказѣ, была въ немъ описана и почти цѣликомъ дошла до нашихъ дней. Произведенное имъ сличеніе содержанія девяти ящиковъ по описи XVI вѣка и по описи 1614 г. не оставляетъ сомнѣнія, что эти ящики Царскаго Архива тѣ самые, которые находились въ началѣ XVII вѣка въ Посольскомъ Приказѣ, такъ что мы не можемъ уже сомнѣваться, что Царскій Архивъ XVI в. не погибъ въ нашествіе Девлетъ-Гирея и что его драгоцѣнные документы могутъ еще найтись.

Но г. Бѣлокуровъ не ограничивается сообщеніемъ данныхъ. Онъ старается увѣрить, что никакого Царскаго Архива въ XVI вѣкѣ не было, что дошедшая до насъ въ отрывкѣ опись XVI вѣка есть не болѣе какъ опись Архива Посольскаго Приказа, что большая часть мнимаго, по его мнѣнію, Царскаго Архива XVI вѣка находится въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, хотя долженъ сознаться, что „*многихъ актовъ*“, значащихся въ описи XVI вѣка (и притомъ древнѣйшихъ) или хотя бы какихъ-нибудь упоминаній о нихъ ему нигдѣ не удалось найти.

Мнѣніе г. Бѣлокурова, что никакого Царскаго Архива въ XVI вѣкѣ не было, по меньшей мѣрѣ, странно. Изъ того, что нѣсколько ящиковъ съ документами, касающимися по преимуществу внѣшнихъ сношеній Россіи въ царствованія Ивана III, Василія Ивановича и Ивана Грознаго, въ 1614 году оказались въ Посольскомъ Приказѣ, можно сдѣлать лишь то заключеніе, что эти документы, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, въ концѣ XVI или самомъ началѣ XVII вѣка, были взяты изъ Царскаго Архива въ Приказъ для справокъ и въ этотъ архивъ не были возвращены. Остальные документы, къ Посольскому Приказу не имѣющіе отношенія, конечно, остались по прежнему въ Царскомъ Архивѣ. Одни изъ нихъ намъ извѣстны по описи XVI вѣка, дошедшей, повторяемъ, лишь въ отрывкѣ. Это — „дефтери“ Батыя и другихъ хановъ и духовныя „старыхъ“ великихъ князей, предшественниковъ Ивана Калиты, перешедшія въ Царскій Архивъ вмѣстѣ съ другими, конечно, многочисленными документами, захваченнаго Калитою великокняжескаго архива.

Это — дѣла церковныхъ соборовъ XV и XVI вѣковъ (часть ихъ — объ Артеміи, Башкинѣ и Косомъ — находились въ ящикѣ 222). Другіе намъ неизвѣстны, но мы имѣемъ право догадываться о многихъ изъ нихъ. Московскіе великіе князья, захватывая города и княженія, захва-

тывали и документы, относящіеся къ послѣднимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Иванъ III перевезъ въ Москву новгородскій архивъ (частица его—договорныя грамоты новгородцевъ съ тверскими князьями XIII и XIV вѣковъ и еще кое-что—даже дошла до насъ), что Василій Ивановичъ сдѣлалъ то же со псковскимъ архивомъ, что архивы князей суздальскихъ, тверскихъ, рязанскихъ, царей казанскихъ и астраханскихъ, также не были оставлены безъ вниманія. Все это должно было поступить именно въ Царскій Архивъ, а не въ архивы тѣхъ или другихъ вѣдомствъ или приказовъ. Сверхъ того на существованіе особаго Царскаго Архива въ XVI вѣкѣ указываетъ существованіе этого архива въ XVII вѣкѣ. Дѣла Посольскаго Приказа по внѣшнимъ сношеніямъ Москвы въ XVII вѣкѣ сохранились въ московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ отличной сохранности и полнотѣ, но въ нихъ зачастую отсутствуютъ *подлинныя* грамоты къ царямъ иностранныхъ государей,—очевидно потому, что они хранились въ Царскомъ Архивѣ, вмѣстѣ съ другими, очень важными, но для справокъ не нужными документами.

О другомъ мнѣніи г. Бѣлокурова, будто *большая* часть Царскаго Архива XVI вѣка находится въ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, послѣ сказаннаго выше, намъ не приходится распространяться. Г. Бѣлокуровъ упоминаетъ и о библіотекѣ Ивана Грознаго, но лишь для того, чтобы назвать несбыточною „мечту“ ее найти. Онъ основывается, разумѣется, на молчаніи о ней документовъ дворцоваго вѣдомства и приказовъ XVII вѣка. Однако, вотъ интересный фактъ относительно уже несомнѣнно существовавшей библіотеки московскихъ царей XVII вѣка.

Наши цари изъ дома Романовыхъ пріобрѣтали много книгъ. Всякая сколько-нибудь важная книга, отпечатанная московскимъ печатнымъ дворомъ, обязательно подносилась имъ; не мало авторовъ и переводчиковъ представляли или присылали имъ свои произведенія въ рукописныхъ или печатныхъ экземплярахъ. Сверхъ того, по особымъ заказамъ дворцоваго вѣдомства, для нихъ списывались и снабжались иллюстраціями книги разнаго содержанія. Конечно, подносные экземпляры были болѣе или менѣе роскошны. Что же касается заказныхъ списковъ, то надъ ними работали лучшіе писцы московскихъ приказовъ вмѣстѣ съ лучшими московскими иконописцами и выѣзжими живописцами и переплетчиками. Несомнѣнно, къ концу XVII вѣка царская библіотека была довольно значительна. Несомнѣнно (на это есть доказательства), въ ней были лѣтописи и хронографы. Между тѣмъ до насъ не дошло о ней не только описи, но и вообще никакихъ данныхъ, кромѣ упоминаній документовъ о поднесеніяхъ да о выдачѣ жалованья и наградъ писцамъ и иллюстра-

торамъ. А при Петрѣ произошло даже слѣдующее: Въ 1720 году предписано было губернаторамъ переписать всѣ историческія рукописныя и печатныя книги, находившіяся въ монастыряхъ и соборахъ, а въ 1722 году предписано было изъ всѣхъ епархій „древнихъ лѣтъ рукописанные на хартіяхъ и на бумагѣ церковные и гражданскіе лѣтописцы, степенныя, хронографы и прочіе имъ подобные“ взять въ Москву въ Синодъ. Но при этомъ никто не вспомнилъ объ царской библіотекѣ, и ея лѣтописи и хронографы, къ величайшему нашему сожалѣнію, не были даже описаны. Они остались въ московскомъ дворцѣ и съ нимъ вмѣстѣ сгорѣли въ 1737 году, въ страшный пожаръ, испепелившій почти всю Москву. Одна или двѣ книги изъ царской библіотеки XVII вѣка, могущія дать намъ понятіе о роскоши царскихъ экземпляровъ, кажется, находятся въ библіотекѣ нашей Академіи Наукъ, въ числѣ книгъ, оставшихся послѣ несчастнаго царевича Алексѣя.

Позволяемъ себѣ надѣяться, что голоса скептиковъ въ родѣ г. Бѣлокурова не помѣшаютъ произвести поиски въ Кремлѣ. Думаемъ, что результаты этихъ поисковъ, какъ бы они ничтожны не были все-таки будутъ болѣе цѣнны, чѣмъ результаты производимыхъ у насъ ежегодно раскопокъ кургановъ и могильниковъ и не потребуютъ большихъ издержекъ, чѣмъ эти послѣднія?“

Въ отвѣтъ на статью А. И. Соболевскаго послѣдовала вторая статья С. А. Бѣлокурова, напечатанная въ № 121 „Московскихъ вѣдомостей“ по тѣмъ-же заглавіемъ „О библіотекѣ и архивѣ царя Ивана IV“:

„На мою первую статью „О библіотекѣ и архивѣ царя Ивана IV“ (*Московскія Вѣдомости* № 97) послѣдовалъ отвѣтъ А. И. Соболевскаго, помѣщенный въ *Новомъ Времени* № 6.511. Извѣстіе объ этомъ меня заинтересовало, и я съ нетерпѣніемъ ждалъ возможности ознакомиться со сдѣланными мнѣ возраженіями. Но какъ велико было желаніе поскорѣе прочитать ихъ, такъ же велико было и послѣдовавшее по прочтеніи разочарованіе...[1]) Отвѣтъ этотъ меня нисколько не убѣдилъ въ ошибочности моего мнѣнія по вопросу о „Царскомъ Архивѣ XVI вѣка“, и я въ настоящей статьѣ постараюсь разрѣшить всѣ недоумѣнія моего критика.

А. И. Соболевскій возражаетъ мнѣ и по вопросу о библіотекѣ царя Ивана IV, и по вопросу объ его архивѣ. Относительно библіотеки я заявилъ только что ея подъ землей нѣтъ, не высказавъ своихъ

---

[1]) Я не имѣю возможности слѣдить за всѣми появляющимися сообщеніями по сему вопросу, и потому усерднѣйше прошу всѣхъ лицъ, желающихъ чтобъ ихъ замѣчанія навѣрно дошли до меня, присылать мнѣ оныя, адресуя: Москва, Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.

основаній въ пользу этого мнѣнія, такъ какъ о ней я готовлю особую статью. Г. Соболевскій попытался рѣшить этотъ небольшой ребусъ, но рѣшилъ его совсѣмъ неудачно. Хотя онъ авторитетно заявляетъ что «я основываюсь, *разумѣется*, на молчаніи о ней документовъ дворцоваго вѣдомства и приказовъ XVII вѣка", но могу завѣрить его что основанія моего мнѣнія *совершенно другія*... Передаваемыя же имъ свѣдѣнія о царской библіотекѣ, образовавшейся *въ XVII столѣтіи* при московскихъ царяхъ изъ дома Романовыхъ, и о распоряженіяхъ послѣдовавшихъ *въ XVIII столѣтіи* и касающихся собранія рукописей въ Москву — рѣшительно не понимаю, какое отношеніе имѣютъ эти свѣдѣнія къ вопросу о библіотекѣ Грознаго? Вѣдь у меня идетъ рѣчь не о существованіи царскихъ библіотекъ вообще, и даже не о какой-либо библіотекѣ царя Ивана IV, а только о той его библіотекѣ, о которой говорится въ хроникѣ Ніенштедта, со словъ пастора Веттермана. [1]).

Впрочемъ, странностей въ статьѣ г. Соболевскаго не мало, между прочимъ и въ ея первой части, касающейся вопроса о „Царскомъ Архивѣ", гдѣ встрѣчаемся съ такими пріемами критики, присутствія коихъ тутъ я уже никакъ не ожидалъ: мои показанія, говорящія противъ г. Соболевскаго, не только переиначиваются, но и совсѣмъ замалчиваются.

Въ своей статьѣ я утверждалъ что такъ-называемый „Царскій Архивъ XVI вѣка" перешелъ въ послѣдствіи въ Посольскій Приказъ и, въ подтвержденіе этого, указалъ на девять ящиковъ Царскаго Архива, оказавшихся въ 1614 году въ Посольскомъ Приказѣ, при чемъ отмѣтилъ что въ архивѣ Посольскаго Приказа въ 1614 году находились, и теперь находятся, не только эти девять ящиковъ, но и другіе ящики „Царскаго Архива XVI вѣка", какъ съ документами по внѣшнимъ сношеніямъ, такъ и съ актами относящимися до внутренняго быта Россіи. Г. Соболевскій согласился съ моимъ мнѣніемъ относительно указанныхъ девяти ящиковъ, но совсѣмъ замолчалъ остальные отмѣченные мной ящики, какъ будто бы я совсѣмъ ничего и не говорилъ о нихъ. О томъ что бóльшая часть „Царскаго Архива XVI вѣка" находится въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ — г. Соболевскій почему-то совсѣмъ не хочетъ и „распространяться". По нѣкоторымъ оброненнымъ словамъ заключаю что мой критикъ не имѣетъ надлежащихъ понятій ни о составѣ Московскаго Главнаго Архива Ми-

[1]) Г. Соболевскій, говоря что въ XVII вѣкѣ авторами подносились царямъ рукописи и, по особымъ заказамъ, списывались и снабжались иллюстраціями книги разнаго содержанія, утверждаетъ что эти рукописи не дошли до насъ. По секрету сообщу г. Соболевскому неизвѣстное ему — что подобныя рукописи имѣются все въ томъ же Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ.

нистерства Иностранныхъ Дѣлъ, объ его документахъ, ни о томъ гдѣ въ прежнее время, въ XV—XVII вѣкахъ, хранились государственные акты.

Относительно архива Посольскаго Приказа г. Соболевскій, кажется, думаетъ что въ немъ находилось *только дѣлопроизводство* по внѣшнимъ сношеніямъ Россіи, а что подлинные грамоты и трактаты хранились въ какомъ-то особомъ Царскомъ Архивѣ. Но это совершенно невѣрно. И въ XVI вѣкѣ со времени учрежденія Посольскаго Приказа, и въ XVII вѣкѣ— *подлинные* документы по внѣшнимъ сношеніямъ Россіи хранились въ этомъ Приказѣ. Изъ нѣсколькихъ описей дѣлъ его, составленныхъ съ 1614 года по конецъ XVII столѣтія, можно привести не одну сотню примѣровъ въ подтвержденіе этого; но, думаю, для настоящей статьи будетъ достаточно слѣдующихъ трехъ примѣровъ описанія *подлинныхъ* трактатовъ и трехъ примѣровъ описанія *подлинныхъ* грамотъ. Вотъ, напримѣръ, какіе документы перечисляются описью дѣлъ Посольскаго Приказа составленною въ 1614 году:

„Грамота перемирная Литовскаго Жигимонта короля съ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Русіи, какъ были послы Янъ Витковскій подканцлеръ Великаго Княжества Литовскаго съ товарыщи лѣта по литовски отъ Рождества Христова 1541; а у грамоты двѣ печати“.

„Грамота перемирная Жигимонта-Августа короля Полского къ царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русіи, а были послы воевода Иновлочславскій панъ Ондрей Скротошинъ да коштелянъ мепской панъ Миколай Талвожъ да секретарь Ондрей Ивановъ; а у грамоты печать вислая, королевская, лѣто писано по литовски 1571 году“.

„Грамота перемирная Жигимонта-Августа короля Полсково съ царемъ и великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Русіи какъ были королевскіе послы князь Станиславъ Збаровскій, воевода Витебскій да маршалокъ и писарь королевскій староста тикотинскій панъ Янъ Шинковичъ, писарь и секретарь державца кестамонской и досентцкой да панъ Ведславъ Миколаевичъ въ 7064 году; а у грамоты печать короля полская“.

„Грамота Мутьянскаго воеводы Петра, что далъ сыну своему, а у ней печать; писана лѣта 7057-го году“.

„Грамота къ царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русіи отъ бискуповъ и отъ пановъ радъ великаго княжества Литовскаго, что посылаютъ къ государю пословъ пана Михаила Харабурду, писана по литовски отъ Рожества 1502, прислана въ великій Новгородъ съ Михаиломъ Харабурдою, а у ней 14 печатей пановъ радъ“.

„Грамота къ царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Ру-

сіи отъ Стефана короля Польского прислана о послѣхъ съ гонцемъ съ Петромъ Везгертомъ, лѣта по литовски отъ Рожества Христова 1572 году". [1]).

Съ самыхъ древнихъ временъ (съ XVI вѣка) *дѣлопроизводство* Посольскаго Приказа всегда отдѣлялось отъ *подлинныхъ* документовъ по внѣшнимъ сношеніямъ Россіи. Г. Соболевскому, кажется, неизвѣстно что всѣ документы, и прежде и теперь, въ Архивѣ Посольскаго Приказа, по сношеніямъ Россіи съ тою или другой страной, раздѣляются на: 1) посольскія *книги*—статейные списки, 2) *подлинныя* грамоты и трактаты, и 3) самыя *дѣла,* дѣлопроизводство, старинные столпы, и что каждый родъ сихъ документовъ хранится отдѣльно отъ другаго. А о томъ сколько подлинныхъ документовъ хранилось въ Посольскомъ Приказѣ въ XVI—XVII столѣтіяхъ, можно судить по оставшемуся къ нашему времени числу ихъ: за время до 1650 года въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ имѣется подлинныхъ документовъ по сношеніямъ съ Австріей 32 нумера (собственно по 1613 годъ, потому что 33-й нумеръ—1654 года), съ Англіей 85 нумеровъ и т. д. Нѣкоторыхъ документовъ подлинныхъ за XVII вѣкъ (*очень немногихъ*) въ Архивѣ нѣтъ, не потому что они лежатъ въ какомъ-то особомъ „Царскомъ Архивѣ", а потому что они не сохранились до нашего времени. Не надо позабывать что въ 1626 году дѣла Архива „горѣли", какъ говоритъ опись ихъ, составленная послѣ пожара, и что они подверглись пожару и въ XVIII столѣтіи, въ 1747 году.

Вмѣсто надлежащаго мѣста храненія, г. Соболевскій отправляетъ документы въ какой-то особый Царскій Архивъ. Чтобы доказать его существованіе, мой критикъ дѣлаетъ нѣсколько предположеній о томъ, что при завоеваніи московскими великими князьями и царемъ Иваномъ IV нѣкоторыхъ русскихъ областей забиралися и ихъ архивы. Относительно Новгорода Великаго мы, дѣйствительно, имѣемъ указанія на этотъ фактъ; такъ же ли поступали и въ другихъ областяхъ—неизвѣстно. Предположимъ что нѣкоторые документы изъ нихъ увозились въ Москву; но это обстоятельство противъ меня нисколько не говоритъ. Вопросъ въ томъ: по привозѣ въ Москву, куда поступали на храненіе эти документы? Помѣщеніе для нихъ г. Соболевскій указываетъ все въ томъ же особомъ „Царскомъ Архивѣ", существовавшемъ, по его словамъ, *не только въ XVI, но и въ XVII вѣкахъ*. Онъ правъ когда го-

[1]) Мой критикъ, кажется, не усомнится что здѣсь разумѣются подлинники, а не копіи. Послѣднія опись называетъ обыкновенно, какъ и въ другихъ памятникахъ, „списками съ грамотъ". Напримѣръ, здѣсь же, въ этой описи 1614, читаемъ: „Списокъ съ опасные грамоты Польского Стефана короля на государевыхъ пословъ на Остафья Пушкина съ товарыщи; лѣта писаны по литовски 1581".

воритъ что я отрицаю существованіе этого Архива. Я не могу допустить той возможности чтобы существовалъ какой-то особый Царскій Архивъ не при какомъ-либо изъ приказовъ, не при какомъ-либо правительственномъ учрежденіи, а стоящій особнякомъ ото всего, висящій на воздухѣ.

Отъ конца XV вѣка и отъ первой половины XVI вѣка мы имѣемъ нѣсколько указаній на то, что въ то время государственные акты хранились въ великокняжеской *казнѣ*. Такъ, привезенная въ 1491 году послами Юріемъ Траханіотовымъ и дьякомъ Василіемъ Кулешинымъ докончальная грамота короля Максимиліана отдана казначею Дмитрію Володимерову „въ казну". Въ 1532 году великій князь Василій III выдалъ „изъ казны" списокъ съ духовной грамоты князя Ив. Бор. Волоцкаго. (*Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ*, т. I, стр. 343). На казначеевъ завѣдывавшихъ царскою казной очень часто возлагались дипломатическія порученія. „Трудно только рѣшить, говоритъ В. О. Ключевскій, что здѣсь было причиной и что слѣдствіемъ, — бывалъ ли казначей дипломатомъ, потому что хранилъ дипломатическія дѣла въ своемъ приказѣ, или наоборотъ". (*Боярская дума древней Руси,* 2 изд. М., 1883 г., стр. 172).

Съ учрежденіемъ Посольскаго Приказа, акты хранившіеся въ великокняжеской казнѣ поступили въ этотъ Приказъ. А такъ какъ въ великокняжеской казнѣ хранились не одни документы по внѣшнимъ сношеніямъ, и такъ какъ посольскіе дьяки на первыхъ порахъ часто бывали и казначеями, то въ описи Царскаго Архива — первой сохранившейся доселѣ описи дѣлъ бывшихъ въ Посольскомъ Приказѣ, [1]) — на ряду съ актами по внѣшнимъ сношеніямъ встрѣчаемъ документы касающіеся внутренняго быта Россіи и даже бумаги дворцовыхъ дьяковъ и казначеевъ (см. „ящикъ 162 Бакакинской съ приказными дѣлами" — то-есть дьяка Ивана Бакаки Митрофанова Карачарова, и др.). Вотъ причина почему въ 1614 году въ Посольскомъ Приказѣ были не одни только документы по внѣшнимъ сношеніямъ. Изъ 80 ящиковъ „Царскаго Архива" съ актами относящимися до внутренняго быта Россіи до 30 ящиковъ оказались полностію, или частію, въ 1614 году въ По-

---

[1]) Опись, составленная ранѣе этой дьякомъ Иваномъ Висковатымъ, не сохранилась до нашего времени. Время составленія настоящей описи такъ-называемаго Царскаго Архива (напечатанной въ I томѣ *Актовъ Археограф. Экспедиціи* № 280) относится или къ 1575—1584 годамъ, или къ 1572 - 1575 годамъ, или ко времени около 1570 года. Въ своей первой статьѣ я поспѣшилъ высказать свое мнѣніе что она составлена въ 1562 году. Такъ какъ подлинника описи, долженствующаго рѣшить нѣкоторыя возраженія противъ этого мнѣнія, я еще не видалъ, то беру это мнѣніе назадъ и выскажу свое сужденіе по этому вопросу по просмотрѣ описи въ рукописи.

сольскомъ Приказѣ. Хранившіеся въ немъ акты послужили основаніемъ дать А. Л. Ордину-Нащокину титулъ: „царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель".

Г. Соболевскій, приводя мои слова что многихъ актовъ Царскаго Архива въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ настоящее время нѣтъ, совсѣмъ замалчиваетъ указываемыя мною причины ихъ отсутствія и вѣроятное ихъ мѣстонахожденіе, [1]) вслѣдствіе чего мнѣ приходится просить его обратить вниманіе на это. Въ дополненіе же къ сказанному уже мной въ первой статьѣ считаю пе лишнимъ добавить еще слѣдующее:

Недостаетъ документовъ касающихся, главнымъ образомъ, внутренней исторіи Россіи. Часть ихъ могла быть изъ такъ-называемаго „Царскаго Архива" передана и въ архивы другихъ приказовъ (кромѣ Посольскаго; на это есть намеки и въ самой описи), гдѣ, слѣдовательно, также не мѣшаетъ ихъ поискать. Но немалая часть ихъ въ 1614 году была въ Посольскомъ Приказѣ. Въ описи дѣлъ его, составленной въ этомъ году, они отдѣльно не перечисляются, потому что лица производившія ее заботились, главнымъ образомъ, о томъ чтобы привести въ полную извѣстность „государственныя и посольскія дѣла". Въ описи не разъ встрѣчаемъ отмѣтку: „а государственныхъ и посольскихъ дѣлъ нѣтъ". Такъ, въ одномъ мѣстѣ (л. 185) читаемъ: „изъ задніе палаты пересматриваны дѣла въ ящикахъ. 1-й ящикъ, въ немъ лѣтописецъ польскихъ и литовскихъ королевствъ (смотр. 114-й ящикъ „Царскаго Архива"). Да въ томъ же ящикѣ рознь старая при царѣ Иванѣ Васильевичѣ и при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ доводныя и иныя приказныя дѣла и наказы посланникомъ и гонцомъ по опальныхъ людей и иная мелкая рознь; а посольскихъ дѣлъ нѣтъ. 2й ящикъ, а въ немъ дѣла старыя при царѣ Иванѣ и приказныя и доводныя и наказы по опальныхъ людей и распросныя рѣчи и росписи животомъ опальныхъ людей, а посольскихъ дѣлъ нѣтъ".

Въ другомъ мѣстѣ (л. 341) читаемъ:

„Да въ верхней палатѣ, что надъ посолскою палатою, собраны на землѣ столпы старые, а въ нихъ писаны отпуски въ неметцкіе городы съ хлѣбными запасы, и какъ помѣщены въ неметцкихъ городехъ русскіе помѣщики при царѣ Иванѣ, и грамоты отъ государя въ порубежные городы и въ неметцкіе къ боярамъ и воеводамъ о всякихъ дѣлѣхъ и ко государю отъ бояръ и воеводъ отписки, и дѣла Новгороцкіе

[1]) О томъ что въ настоящее время нѣтъ именно *древнѣйшихъ* документовъ, и что я о нихъ нигдѣ не встрѣтилъ никакихъ упоминаній,—объ этомъ я ни слова не говорилъ, и приписывая мнѣ это, г. Соболевскій клевещетъ.

и Колмогорскіе четьи книги записныя, таможенныя и кабацкія, и при-приходъ и расходъ деньгамъ, и дѣла помѣстныя старыя, и дѣла судныя и приказныя и доводныя, и рѣчи распросныя, и наказы посланникомъ и гонцемъ по опальныхъ людей и росписи животомъ опальныхъ людей и иная мелкая рознь; а имянно порознь тѣхъ старыхъ дѣлъ переписати было немочно, потому что ветхи добрѣ и роспались, а иныя сгнили, а государственныхъ и посольскихъ дѣлъ въ той полатѣ нѣтъ; а что было въ той палатѣ государственныхъ и посольскихъ дѣлъ, и тѣ дѣла въ 122 году снесены въ посолскую палату и нынѣ тѣ дѣла въ книги написаны, а старыя всякія дѣла покладены въ коробьи. Да въ стороннихъ полаткахъ, что у посольскіе палаты, въ 4хъ сундукахъ старыя же дѣла четвертныя и помѣстныя ветхи добрѣ; а что было въ тѣхъ палаткахъ посольскихъ дѣлъ, и тѣ посольскія дѣла выбраны и въ книги написаны же."

Если всѣ эти дѣла еще въ 1614 году были „ветхи добрѣ и распались, а иныя сгнили", такъ что переписать ихъ „было немочно",— то, конечно, странно было бы ждать чтобы всѣ эти дѣла сохранились до нашего времени въ цѣлости. Иныя изъ нихъ не дошли до насъ и потому что въ 1766 году, по приказанію коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, было сожжено: „4 сундука съ листочками и отрывками отъ разныхъ столбцовъ гнилыхъ и грязью слѣпленыхъ и 5 сундуковъ съ одною гнилью, которая при покойномъ статскомъ совѣтникѣ Топильскомъ лопатами сгребена и въ тѣ сундуки складена, потому что ничего разобрать не можно, а только одною пылью назвать можно". Въ первыхъ 4 сундукахъ находилось 5.620 лоскутковъ съ дѣлами „прежнихъ и давнихъ лѣтъ вотчинными, соляными и другими, къ сохраненію Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ въ архивѣ не принадлежащими"...

Какъ возможное мѣстонахожденіе нѣкоторыхъ документовъ „Царскаго Архива" мной была указана Польша съ ея архивами, какъ частными, такъ и правительственными. По напечатаніи статьи, я получилъ отъ В. А. Уляницкаго свѣдѣніе о томъ что при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ между Россіей и Польшей происходили переговоры о выдачѣ увезенныхъ Поляками изъ Москвы документовъ. Произведенныя розысканія вполнѣ подтвердили это. А на дняхъ Н. Н. Оглоблинымъ, завѣдующимъ Литовскою Метрикой, хранящеюся нынѣ въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, мнѣ сообщено что нѣкоторые документы „Царскаго Архива" находятся теперь въ этой части Литовской Метрики. Мое предположеніе такимъ образомъ подтверждается фактами.

Но о документахъ увезенныхъ Поляками изъ Москвы въ XVII вѣкѣ я сообщу въ слѣдующей статьѣ, а настоящую закончу тѣми же выво-

дами что и предыдущую: 1) никакого „Царскаго Архива XVI в.“ въ Московскомъ Кремлѣ подъ землей нѣтъ; 2) бо́льшая часть этого Архива находится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; 3) часть Архива была увезена въ Польшу, гдѣ, какъ въ частныхъ, такъ и въ правительственныхъ собраніяхъ документовъ, и слѣдуетъ ее отыскивать, равно какъ и въ тѣхъ мѣстахъ куда эти документы перешли или могли перейти; 4) часть Архива погибла безвозвратно. Къ этимъ прежнимъ выводамъ присоединяю новый—что часть „Царскаго Архива“ можетъ отыскаться въ другихъ русскихъ архивахъ“.

На вторую статью С. А. Бѣлокурова отвѣчалъ А. И. Соболевскій въ № 6548-мъ „Новаго Времени“ статьею „Еще о кремлевскомъ тайникѣ“:

„Наша статья объ архивѣ и библіотекѣ московскихъ царей, написанная по поводу мнѣнія г. Бѣлокурова, будто бы царскаго архива никогда не существовало и будто бы то, что мы называемъ царскимъ архивомъ, ни что иное, какъ архивъ посольскаго приказа, вызвала возраженіе со стороны г. Бѣлокурова въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (4-го мая, № 121), возраженіе такого рода, что мы неохотно вступаемъ въ новую бесѣду съ его авторомъ. Дѣло въ томъ, что г. Бѣлокуровъ заботится не столько о разъясненіи спорнаго вопроса, сколько о томъ, чтобы блеснуть познаніями и похвалиться открытіями...

Мы упомянули о роскошныхъ иллюстрированныхъ рукописяхъ, бывшихъ въ царской библіотекѣ XVII вѣка и сгорѣвшихъ вмѣстѣ съ московскимъ дворцомъ въ XVIII вѣкѣ. Г. Бѣлокуровъ сообщаетъ, какъ нѣчто новое, что „подобныя“ рукописи находятся въ мѣстѣ его служенія—въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Между тѣмъ, давно извѣстно, что „подобныя“ рукописи, т.-е. болѣе или менѣе сходныя съ экземплярами царской библіотеки, имѣются не только въ архивѣ, но и въ Публичной библіотекѣ (хронографы), и въ Румянцевскомъ музеѣ (житіе Николая Чудотворца, книга о Сивиллахъ)...

Мы не придали значенія праздной догадкѣ г. Бѣлокурова, что неоказывающихся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ документовъ слѣдуетъ искать въ Польшѣ, въ какихъ-то польскихъ рукописныхъ собраніяхъ. Онъ негодуетъ на „замалчиваніе“ нами этой догадки и сообщаетъ, какъ открытіе, что при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ велись съ поляками переговоры о выдачѣ увезенныхъ поляками изъ Москвы документовъ. Но объ этихъ переговорахъ, какъ и о похищеніи поляками нѣкотораго количества дѣлъ посольскаго приказа, слишкомъ десять лѣтъ назадъ, говорилъ Г. Ѳ. Карповъ (во введеніи къ 35-му тому „Сборника Русскаго Историческаго Общества“).

Мы высказали убѣжденіе, что въ XVI—XVII вѣкахъ былъ въ Москвѣ особый царскій или государственный архивъ и что онъ, можетъ быть, хранится еще и теперь въ московскомъ тайникѣ. Г. Бѣлокуровъ, не допускающій даже возможности, чтобы существовалъ „какой-то особый царскій архивъ", открываетъ, что въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣковъ „государственные акты хранились въ великокняжеской казнѣ", но съ учрежденіемъ посольскаго приказа эти акты были переданы изъ казны въ названный приказъ. Цѣнность этого открытія видна изъ слѣдующаго. Въ той, самой описи, въ которой мы видимъ опись царскаго архива XVI вѣка, а онъ—«опись дѣлъ посольскаго приказа, составленную въ 1562 году",—при нѣкоторыхъ документахъ (ящики 7-й, 8-й) находится указаніе, что они «у государя въ казнѣ". Ясно, казна съ документами существовала у московскихъ царей не только до, но и послѣ „учрежденія" посольскаго приказа; также ясно, что она была лишь временнымъ помѣщаніемъ документовъ, на то только время, когда они нужны были государю.

Но и мы также можемъ похвалиться маленькимъ открытіемъ. Мы думали, что г. Бѣлокуровъ, принимаясь разъяснять вопросъ о царскомъ архивѣ XVI вѣка, съ должнымъ вниманіемъ перечелъ только что упомянутую опись царскаго архива. А оказывается, онъ съ нею знакомъ довольно плохо. Въ виду этого открытія, мы позволяемъ себѣ указать ему на находящуюся въ описи отмѣтку о книгахъ королей литовскихъ и о грамотѣ короля Казимира къ митрополиту Іонѣ (ящикъ 18-й): „75 (то-есть: въ 1567 году) въ посольную палату взялъ Андрей" (Щелкаловъ). Она, на нашъ взглядъ, вполнѣ разъясняетъ дѣло. Если документы были взяты въ посольскій приказъ и объ этомъ на описи было отмѣчено, очевидно, они были не въ посольскомъ приказѣ, а въ какомъ-то особомъ хранилищѣ, котораго стараго названія мы не знаемъ и, которое, конечно, не могло носить названія архивъ, употребляемаго для него нами.

Этимъ мы заканчиваемъ споръ съ г. Бѣлокуровымъ о царскомъ архивѣ, но не заканчиваемъ дѣла о московскомъ тайникѣ.

Пусть двѣ палаты въ этомъ тайникѣ, наполненныя сверху до низу сундуками, пригрезились обладавшему пылкимъ воображеніемъ дьяку царевны Софьи, когда онъ проходилъ черезъ тайникъ. Все же въ тайникѣ временъ Софьи должно было находиться нѣчто цѣнное. Вѣдь царевна отправила въ тайникъ „дьяка большой казны" чиновника для того времени важнаго, отправила не для того, чтобы онъ прогулялся по тайнику отъ Москвы-рѣки до Неглинной, а зачѣмъ-то такимъ, что хранилось въ тайникѣ и, конечно, не даромъ хранилось именно въ тай-

никѣ. Слѣдовательно, если мы не найдемъ въ тайникѣ библіотеки и архива, мы, пожалуй, найдемъ что-нибудь еще лучше ихъ...

Мѣсто тайника указано понамаремъ въ его доношеніи царю Петру достаточно опредѣленно. Дьякъ, разсказъ котораго сообщенъ понамаремъ, спустился въ тайникъ около Тайницкихъ воротъ (самое ихъ названіе говоритъ о существованіи около нихъ тайника) и вышелъ въ башню при рѣкѣ Неглинной, у Китая-города, т. е. въ башню, находящуюся теперь противъ Историческаго музея. Итакъ, тайникъ шелъ отъ одной рѣки Москвы-рѣки въ другой — Неглинной, черезъ середину Кремля, проходилъ близко отъ дворца и еще ближе отъ Благовѣщенскаго собора, соединеннаго въ XVI—XVII вѣкахъ съ дворцомъ крытымъ ходомъ „сѣнями" и, безъ сомнѣнія, имѣлъ сообщеніе съ дворцомъ или непосредственно, или черезъ соборъ. Въ виду этого слѣдовало бы сдѣлать тщательный осмотръ подваловъ и подполья собора. Кстати, намъ привелось слышать отъ лица къ археологіи совершенно непричастнаго, будто бы одинъ изъ сторожей Благовѣщенскаго собора недавно спускался подъ полъ собора и вышелъ изъ подполья въ небольшой коридоръ, оканчивавшійся запертыми желѣзными дверями" *).

Пожеланія, выраженныя А. И. Соболевскимъ, — произвести раскопки въ Кремлѣ, начали осуществляться: съ разрѣшенія Августѣйшаго Московскаго Генералъ-Губернатора Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергѣя Александровича, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ князя Н. С. Щербатова, въ концѣ мая приступлено къ изслѣдованію направленія подземныхъ ходовъ, которыми шелъ дьякъ Василій Макарьевъ въ 1682 г. и позднѣе—понамарь Кононъ Осиповъ. Мѣсто, выбранное для раскопокъ съ цѣлью отыскать „палаты полны наставлены сундуками до стропу"—Троицкая башня, внизу которой, подъ мостомъ, со стороны Александровскаго сада, была пробита брешь. Руководитель раскопокъ надѣялся проникнуть путемъ галлереи, которую уже начали вести, прямо въ подземный ходъ, тайникъ, идущій по предположенію кн. Н. С. Щербатова, въ фундаментѣ кремлевской стѣны вокругъ всего Кремля.

Кромѣ того, были начаты пробныя раскопки на площади между Благовѣщенскимъ и Архангельскимъ соборами, гдѣ была проведена

*) Кн. Н. С. Щербатовъ, завѣдующій раскопками въ Кремлѣ, сообщилъ редакціи, что онъ наводилъ справки у сторожей собора, изъ которыхъ нѣкоторые живутъ много лѣтъ въ подклѣтахъ Благовѣщенскаго собора, о коридорѣ съ желѣзными дверями въ концѣ его, но никто ничего подобнаго не видалъ. Кн. Н. С. Щербатовъ, также сообщилъ, что фундаментъ нижняго этажа собора, древнѣйшей, бѣлокаменной кладки, заложенъ на $1^1/_2$ арш. ниже уровня соборной площади, а кирпичной кладки (времени Грознаго) на 2 арш. съ небольшимъ ниже того-же уровня.

траншея, обнаружившая каменныя стѣны бывшаго Казеннаго Двора; затѣмъ въ нижнемъ этажѣ Благовѣщенскаго собора, находящемся на 1 арш. ниже площади, вскрытъ полъ подъ самою срединою собора, на пространствѣ 2-хъ квадр. арш., и подъ поломъ оказалась пустота, засыпанная мусоромъ, а на $^1/_2$ арш. ниже—другой каменный полъ, подъ нимъ оказался также мусоръ, среди котораго найдено много битой посуды стеклянной цвѣтной и глиняной, покрытой разноцвѣтной глазурью; посуда, повидимому, восточнаго происхожденія и, кромѣ того, на стеклянной замѣтны слѣды восточнаго письма; въ томъ-же мѣстѣ найдена мѣдная деньга 1737 года (имп. Анны) и рѣзная горельефная пластинка изъ слоновой кости, длиною въ 2 в., шириною въ 1 в., съ изображеніемъ двухъ монаховъ, со слѣдами позолоты и раскраски; по мнѣнію видѣвшихъ пластинку, она итальянской работы и относится къ XV вѣку и, наконецъ, подъ Грановитою Палатою, на гауптвахтѣ, гдѣ былъ также вскрытъ полъ, подъ которымъ, однако, ничего не найдено.

Эти раскопки были временно прекращены и все вниманіе сосредоточено на Троицкой башнѣ, подъ которою 27 іюня удалось пробить послѣ мѣсячной работы тунель на разстояніи болѣе 10 арш. со стороны Александровскаго сада. За стѣной оказался большой высокій тайникъ съ хорошо сохранившимися бѣлокаменными сводами, вышиною въ 7 арш. и въ $6^1/_2$ арш. въ квадратѣ. По срединѣ тайника былъ открытъ люкъ, закрытый каменной плитою. Когда этимъ люкомъ спустились внизъ, то тамъ оказалось очень просторное, такой же величины, помѣщеніе, какъ на верху, только не настолько высокое. Въ немъ, кромѣ мусора и камней, ничего не оказалось. Люкъ этотъ, при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, оказался пробитымъ въ позднѣйшее время, такъ какъ настоящій спускъ въ нижній тайникъ обнаруженъ въ нишѣ стѣны верхняго тайника. Въ верхнемъ же тайникѣ, на противоположной сторонѣ отъ входа, былъ невысокій проходъ, который велъ въ другой тайникъ. Послѣ измѣренія оказалось, что проходъ, въ которомъ можно съ трудомъ идти только согнувшись, имѣлъ 9 аршинъ длины, при чемъ въ срединѣ его имѣется выступъ. Второй тайникъ оказался почти такихъ же размѣровъ какъ первый. При первомъ бѣгломъ взглядѣ и здѣсь бросается въ глаза разрушенный люкъ, а около него—груды земли и камней, которыя образуютъ собой нѣчто въ родѣ воронки. Видно что тутъ происходили когда то дѣятельныя изслѣдованія. Спустившись внизъ, изслѣдователи нашли точно такое же помѣщеніе, какъ и подъ первымъ тайникомъ. По дну его разбросаны камни и навалена земля. Въ одной стѣнѣ видна пробитая брешь, потомъ опять заложенная. Кромѣ указаннаго люка, имѣется для спуска внизъ изъ верхняго

тайника еще въ сторонѣ отверстіе. По мнѣнію князя Н. С. Щербатова, подъ нижнимъ тайникомъ долженъ быть еще тайникъ, ниже уровня Александровскаго сада, аршинъ на 10—12, изъ котораго долженъ вести ходъ подъ Кремлевскими стѣнами къ Круглой башнѣ. Въ виду такого предположенія начались работы по разчисткѣ дна нижняго тайника.

Во второмъ тайникѣ также нашелся выходъ. Въ стѣнѣ башни обращенной къ Кремлевской площади, обнаруженъ былъ узкій ходъ-туннель, который скоро подъ прямымъ угломъ поворачивалъ направо и поднимался постепенно скатомъ вверхъ. Этотъ ходъ тянулся на довольно большое разстояніе и выходилъ за башней въ Кремлевской стѣнѣ. Достаточно было нѣсколько ударовъ лома, чтобы пробить брешь стѣны, при чемъ оказалось, что ходъ выходилъ на площадь вблизи корпуса Потѣшнаго Дворца и былъ заложенъ камнями. Возвратившись обратно этимъ ходомъ въ тайники, изслѣдователями было обращено вниманіе на отдушины, имѣющіяся въ стѣнахъ обоихъ тайниковъ съ двухъ сторонъ. Эти отдушины поднимаются вверхъ и засыпаны теперь мусоромъ. Въ обоихъ верхнихъ тайникахъ своды сдѣланы изъ бѣлаго камня и прекрасно сохранились, равно какъ и кирпичная кладка.

Землю съ пола верхняго тайника Троицкой башни очистили, при чемъ въ землѣ нашли 2 человѣческія кости: лѣвую плечевую и большую лѣвую берцовую; на послѣдней замѣтны слѣды ударовъ остраго орудія. Кромѣ того, найдены обломки 2-хъ архитектурныхъ глиняныхъ колонокъ съ рельефною орнаментаціею, покрытою разноцвѣтною поливою, обломки подобныхъ-же капителей, поливныхъ изразцовъ и осколки украшеній въ видѣ виноградныхъ кистей.

Одновременно съ изслѣдованіями подъ Троицкой башней было приступлено къ раскопкамъ подъ Боровицкими воротами, для чего было вырыто нѣкоторое пространство земли и обнаруженъ сводъ, довольно широкій, засыпанный землей. Когда онъ былъ пробитъ, то увидѣли ходъ, который велъ въ правую сторону и выходилъ въ громадную и высокую палату. Въ этой послѣдней, какъ оказалось въ послѣдствіи, аршина на четыре засыпанной землей, не оказалось выхода, въ виду чего приступлено къ отысканію его. Предполагая, что онъ долженъ выходить въ Кремль, начали разрывать землю около стѣны, обращенной къ Дворцовой площади, и раскопка была доведена до пола, который оказался каменнымъ, но признаковъ выхода въ стѣнѣ пока не нашли. При очисткѣ земли были найдены кости и черепъ какого то животнаго, мѣдные оклады иконъ едва ли ранѣе нынѣшняго столѣтія и мѣдная копѣйка Петра Великаго 1709 года. Нужно замѣтить, что палата поражаетъ своею высотой; судя по пробоинамъ въ стѣнахъ для балокъ, она

подраздѣлялась на три этажа; въ верхней части съ трехъ сторонъ имѣются подобія оконъ, постепенно суживающихся извнутри къ наружной части стѣны.

Ходъ въ палату подъ правую половину Боровицкой башни заставилъ изслѣдователей искать прохода подъ лѣвую сторону башни, предполагая что и тутъ должна быть палата. Послѣ нѣсколькихъ дней работы напали на слѣды прохода, который былъ заложенъ кирпичемъ. Когда стали очищать кирпичъ, то оказалось, что чѣмъ дальше ходъ углублялся, тѣмъ болѣе суживался и, на разстояніи двухъ аршинъ въ глубь, закончился желѣзною рѣшеткой изъ толстыхъ круглыхъ прутьевъ, которая загораживала узкое отверстіе въ пустоту, послѣ изслѣдованія стальнымъ щупомъ оказавшуюся засыпанною землей. Рѣшетка была вынута, но расширеніе пролета настолько, чтобы въ отверстіе могъ проникать человѣкъ, было признано неудобнымъ. Предположеніе, не найдется ли ходъ подъ башню слѣва около стѣнки, подпирающей своды подъ проѣздомъ, было оставлено, и начатыя работы по пробитію свода пріостановлены. Между тѣмъ изслѣдованіе пустоты за отверстіемъ продолжалось; нѣкоторыя данныя дали изслѣдователямъ основаніе заключить, что это отверстіе должно выходить въ Александровскій садъ, въ наружной стѣнѣ башни. Съ этою цѣлью начато было обнаженіе стѣны башни со стороны Боровицкаго моста. Дѣйствительно, предположеніе оправдалось. Когда отрыта была земля на глубинѣ болѣе двухъ аршинъ, то найдено было небольшое отверстіе въ стѣнѣ вблизи угла башни. Но разбивать это отверстіе признано нецѣлесообразнымъ, и вырытая около стѣны яма снова засыпана.

Сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія оканчиваются 8-мъ іюля и о продолженіи раскопокъ своевременно будетъ напечатано. При раскопкахъ, кромѣ кн. Н. С. Щербатова, присутствуютъ кн. Н. А. Гедройцъ и гражд. инж. М. Н. Литвиновъ.

Во время рытья водопроводныхъ канавъ въ Кремлѣ (въ Маѣ и Іюнѣ) было обнаружено и найдено слѣдующее: на площади, между зданіемъ Суда и Арсеналомъ, на аршинной глубинѣ, найдена деревянная мостовая и деревянный гробъ и нѣсколько надгробныхъ каменныхъ плитъ XVI в.; на одной надпись: „Лѣта 7089 (1581) Мая 16 преставися рабъ Божій инокъ скимникъ Иевъ Олексѣевъ сынъ“ [1]). На той же Сенатской Площади найдена чугунная пушка въ 35 пуд. вѣсомъ. На казенной части, близь запала, находится буква *P*, а около цапфъ надпись Woronez (Воронежъ?). На правой цапфѣ монограмма изъ буквъ *P* и *A* (Петра I), а

[1]) На этомъ мѣстѣ было Троицко-Богоявленское подворье, гдѣ былъ избранъ на царство Михаилъ Θеодоровичъ.. См. Памятники Московской древности, Снегирева, стр. XLIV.

на лѣвой—монограмма изъ буквъ *C* и *Z;* обѣ монограммы подъ коронами. Пушка, безъ сомнѣнія, временъ Петра Великаго. Близь колокольни Ивана Великаго—четыре массивныхъ столба, между которыми пропущено дерево, вѣроятно, это остатки сруба, на которомъ висѣлъ колоколъ, отлитый при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, впослѣдствіи разбившійся и перелитый въ теперешній Царь-Колоколъ, и наконецъ у временнаго забора, окружающаго мѣсто постройки памятника Императору Александру II, къ сторонѣ Архангельскаго собора, пробитъ землекопами уголъ бѣлокаменнаго свода, открывшій входъ въ комнату, длиной въ 7 арш.

По поводу кремлевскихъ тайниковъ и подземелій г. М. И. П. въ № 6564 „Новаго Времени" помѣстилъ статью, въ которой говоритъ, „что кремлевская почва почти вся насыпная и состоитъ изъ песку, сухой извести, кирпича, бѣлаго камня, обломковъ лещади отъ старыхъ строеній; такое наслоеніе въ ней мѣстами на 6 и 10 аршинъ толщиной. Но есть мѣстности, гдѣ такая насыпь оказывается и на большемъ пространствѣ. Такъ, въ 40-хъ годахъ, при вбиваніи свай, гдѣ Конюшенный корпусъ, материкъ былъ найденъ ниже 27 аршинъ. Также, при подведеніи подъ малый дворецъ новаго фундамента, материкъ былъ открытъ подъ 12 и 13 арш. насыпи. Очевидно, что въ вышеописанныхъ мѣстахъ когда-то были овраги или лощины. Даже гдѣ стоятъ соборы Успенскій и Архангельскій, трудно докопаться до материка. Когда въ 1853 году впервые вздумали устроить печи, то внутри стали рыть яму, надѣясь найти подъ чугуннымъ поломъ подвалъ или материкъ, на которомъ могли бы положить печи, то рыли, рыли и находили одинъ щебень и мусоръ, такъ что и на семи-аршинной глубинѣ не удалось найти материка, а встрѣтили только два пола, одинъ подъ другимъ, а ниже вырывался тоже одинъ мусоръ. То же и въ Архангельскомъ соборѣ. Когда въ 1872 г. потребовалось выровнять въ алтарѣ половыя чугунныя плиты, то материкъ былъ обнаруженъ послѣ двухъ половъ, на пяти аршинахъ глубины. Единственно, гдѣ былъ найденъ натуральный грунтъ въ Кремлѣ и почти на поверхности, то это на Боровской площади, гдѣ стоитъ Большой кремлевскій дворецъ. Непрочность кремлевской почвы испытали зодчіе императрицы Екатерины II, когда въ 1773 году государыня повелѣла архитектору Баженову построить дворецъ, закладка дворца была сдѣлана противъ Архангельскаго собора внизу, къ Москвѣ-рѣкѣ, гдѣ Тайницкая башня съ воротами (башня тогда была разобрана, послѣ она опять возстановлена въ прежнемъ видѣ). При копаніи рвовъ для фундамента дворца замѣчено было, что земля съ горы отъ Архангельскаго собора осыпается

во рвы и, къ удивленію строителей, на южной стѣнѣ собора показались большія трещины. Императрица приказала строеніе остановить, опасаясь, чтобы усыпальница древнихъ великихъ князей и царей русскихъ не поколебалась. Екатерина повелѣла только хранить модель дворца, на память будущимъ временамъ. Эта модель по огромности единственная въ свѣтѣ, она стоила тогда 40,000 руб., сумма по времени очень большая. Модель эту дѣлалъ архитекторъ Назаровъ; она хранится въ Оружейной палатѣ.

Въ древности Кремль былъ тѣсно застроенъ зданіями; на рѣдкомъ мѣстѣ его нѣтъ свободныхъ мѣстъ отъ остатковъ старинныхъ построекъ и частые провалы мостовой открываютъ слѣды прежнихъ сооруженій. Извѣстный протоіерей А. Лебедевъ, въ продолженіе болѣе 45-лѣтняго своего служенія въ Кремлѣ, насчитываетъ девять такого рода бывшихъ при немъ проваловъ въ сводахъ тайниковъ или переходовъ, изъ которыхъ семь засыпаны или застроены, а два починены, но не завалены. Эти кремлевскія подземелья сообщались когда-то между собою коридорами и имѣли безъ сомнѣнія, нѣсколько выходовъ на поверхность земли. Лебедевъ указываетъ на два такихъ: одинъ изъ нихъ былъ внутри Кремля, именно изъ второго подвала при Архангельскомъ соборѣ, по лѣстницѣ, на теперь замощенную проѣзжую дорогу, противъ южной стѣны собора; другой, видимый и теперь, находится внѣ Кремля, подъ башнею надъ Боровицкими воротами, въ третьемъ отдѣленіи Александровскаго сада. Въ этомъ мѣстѣ, въ концѣ сороковыхъ годовъ, при исправленіи фундамента башни былъ открытъ огромный изъ бѣлаго камня подвалъ и коридоръ; это сообщалъ ему кремлевскій сторожилъ, десятникъ казенныхъ работъ, крестьянинъ Андрей Алексѣевичъ.

Въ послѣднее пятидесятилѣтіе нынѣшняго столѣтія вотъ гдѣ были наблюдаемы провалы и открыты тайники: Одинъ изъ такихъ обозначился на дорогѣ противъ праваго угла восточной стѣны Архангельскаго собора близъ тротуара, идущаго по гребню горы. Другой провалъ случился въ 1838 году на площади противъ большого дворца въ первый годъ его сооруженія. Затѣмъ, при заложеніи фундамента для кремлевскаго дворца, была найдена древняя церковь съ коридорами и тайниками. Въ пятидесятыхъ годахъ на дворѣ, гдѣ помѣщается золотая рота, обнаружился тоже провалъ. Въ 1860 году на Синодальномъ дворѣ было открыто древнее жилье изъ нѣсколькихъ комнатъ, найдена была здѣсь и печка съ оставшимися отъ топки углями. Жилье это приведено въ порядокъ и не засыпано. Затѣмъ въ этихъ же годахъ, найденъ въ землѣ такой же тайникъ на Потѣшномъ дворѣ. Въ 1863 г. въ воротахъ Троицкой башни была открыта тоже жилая комната; провалив-

шійся въ ней сводъ починенъ и тайникъ не засыпанъ. Въ томъ же году на проѣзжей дорогѣ, между Чудовымъ и Двѣнадцати апостоловъ монастырями, оказался подвалъ; послѣдній былъ засыпанъ. Въ 1873 году черезъ этотъ подвалъ изъ бѣлаго камня проведена въ чугунныхъ трубахъ въ Малый дворецъ мытищенская вода. Въ Чудовомъ монастырѣ издавна были большіе подвалы; при Екатеринѣ II они отдавались въ наемъ винному торговцу Птицыну. Въ подземельяхъ Чудова монастыря содержался патріархъ Гермогенъ. Въ подвалахъ этой обители былъ заключенъ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ митрополитъ Исидоръ. Въ 1870 году на проѣзжей дорогѣ, мимо южной стѣны Архангельскаго собора, въ сводѣ коридора одного изъ подваловъ при соборѣ, на одиннадцати аршинномъ разстояніи отъ палатки собора, тоже обнаружился провалъ. При постройкѣ этой палатки въ 1826 году, были открыты подъ нею два кирпичные со сводами, глухіе и темные, просторные подвала или тайника. Говоря о подземельяхъ при Архангельскомъ соборѣ, протоіерей Лебедевъ описываетъ одинъ подвалъ, который подходитъ подъ мостовую дорогу; по своду его ѣздятъ и ходятъ; въ послѣднемъ открыта въ 1864 году изъ-подъ мусора довольно широкая изъ бѣлаго камня лѣстница, выходившая на поверхность земли, чрезъ скрытое на мостовой отверстіе, заложенное впослѣдствіи чугунною плитою и замощенное камнемъ. Эта лѣстница была очищена отъ щебня только ступеней на пятнадцать и затѣмъ опять заложена. Заложенный снаружи плитою выходъ изъ подваловъ по лѣстницѣ выходилъ противъ ризницы Благовѣщенскаго собора, гдѣ также были свои тайники. Въ въ одномъ изъ описываемыхъ подваловъ открыта желѣзная дверь, мѣрою ниже средняго роста человѣка, съ огромнымъ висячимъ замкомъ; она была засыпана мусоромъ провалившагося въ коридорѣ свода по случаю постановленія въ 1835 году чугунной рѣшетки отъ Архангельскаго къ Благовѣщенскому собору, и желѣзная дверь, безъ сомнѣнія, служила сообщеніемъ съ другимъ подземельемъ. Въ одномъ изъ подваловъ, при Архангельскомъ соборѣ, служившемъ для неисправныхъ плательщиковъ соборныхъ оброковъ, былъ найденъ тяжеловѣсный исправительный стулъ съ желѣзными цѣпями. Въ нѣкоторыхъ тайникахъ также находили черепки отъ глиняныхъ сквозныхъ трубокъ, называвшихся „слухами", посредствомъ которыхъ спрятанные въ подземельяхъ могли, будто бы, слушать происходившіе снаружи вражескіе разговоры. Въ 1882 г., среди улицы между Царь-пушкою и Чудовымъ, на глубинѣ 1¼ аршина, тоже были найдены погреба со сводами. Тайницкія ворота служили въ старину, во время, осадъ города, также тайнымъ выходомъ на Москву рѣку за водою или для вылазокъ. Въ выдав-

шейся къ рѣкѣ части башни, образующей правильный квадратъ, существуетъ глубокій обширный колодезь или яма: въ народѣ живетъ преданіе, будто эта яма не что иное, какъ тайный подземный ходъ за Москву-рѣку.

Много ямъ и разныхъ тайниковъ было въ древности и не въ одномъ Кремлѣ. Хотя Іоаннъ Грозный и любилъ жить подъ святынею въ Кремлѣ, но когда пошли тамъ на его царское житье сплетни да подзоры, то царь оставилъ Кремль и повелъ свою жизнь въ хижинѣ на топкомъ мѣстѣ, въ ракитникѣ, по Неглинной. Полюбилось это мѣсто царю-затворнику; кстати здѣсь отъ болотъ тянулась ножка, сапожокъ — такъ въ древности назывались сухія мѣста между топями, удобныя для жилья. Вотъ тутъ-то и построилъ себѣ царь подкремлевскій дворецъ, со многими ходами въ бездонныхъ землянкахъ; тутъ была и тайная, гдѣ и нареклись приговоры Курбскому, Шереметеву, Турову, Бутурлинымъ, Адашеву, Сильвестру. Объ этихъ хоромахъ царя, лѣтъ за сто до нашихъ дней, народъ говорилъ, какъ о какой-то запрещенной государственной тайнѣ. На мѣстѣ, гдѣ стоялъ подкремлевскій дворецъ Грознаго, теперь горное правленіе". [1]).

III

Обозрѣніе раскопокъ, находокъ и разныя извѣстія.

—— Въ главное артилерійское управленіе доставлена недавно рѣдкая и особенно цѣнная историческая находка, сдѣланная въ минувшемъ году при раскопкѣ одного изъ кургановъ въ Каневскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, въ районѣ древняго кіевскаго княжества. Въ этомъ курганѣ найденъ хорошо сохранившійся скелетъ воина со всѣми доспѣхами, а также костякъ убитой при похоронахъ лошади со всѣмъ ея снаряженіемъ. Всѣ металическія (желѣзныя) части нѣсколько пострадали отъ ржавчины; хорошо сохранились, благодаря, вѣроятно, свойствамъ почвы, гробъ и кости скелетовъ. Гробъ представляетъ четырехугольную колоду, верхняя доска которой, теперь расколотая, была прибита крупными желѣзными гвоздями. Костякъ человѣка — средняго роста, лошади — малаго. Найденный головной уборъ воина хорошо сохранилъ свои формы; кольчуга нѣсколько попорчена ржавчиной, она относится къ разряду

---

[1]) Очевидно, г. М И. П. имѣетъ въ виду Опричный дворецъ Ивана Грознаго, о которомъ писалъ Ив. Ег. Забѣлинъ въ „Арх. Изв. и Зам". 1893 г., стр. 399. *Ред.*

„байданы“ (отъ арабскаго слова—баданъ или баданэ), такъ какъ сдѣлана изъ довольно крупныхъ и плоскихъ колецъ („сѣченые“) съ рукавами до локтей. Найденный мечъ длинный и узкій, въ родѣ „кончара“, которымъ прикалывались раненые прямо съ лошади. Имѣется, кромѣ того, нѣсколько предметовъ, болѣе мелкихъ, какъ-то: стремена, удила, бляхи и т. п. Вообще по полнотѣ и цѣльности настоящая коллекція представляется единственною изъ существующихъ въ нашихъ музеяхъ образцовъ русскаго вооруженія и обстоятельно знакомитъ съ древнерусскимъ вооруженіемъ и снаряженіемъ лошади XI — XIII вѣка. Коллекція эта находится въ настоящее время въ артиллерійскомъ музеѣ. (Нов. Вр., № 6553, 1894 г.).

—— Недавно въ Кисловодскѣ производились, какъ извѣстно, значительныя земляныя работы по очисткѣ знаменитаго источника—Нарзана. При этимъ раскопкахъ, какъ сообщаетъ „Сѣверный Кавказъ“, была сдѣлана любопытная находка:

На глубинѣ болѣе двухъ аршинъ, ниже бывшаго дна Нарзана, обнаружились битыя бутылки, курительныя трубки, глиняныя и деревянныя, и монеты прошлаго вѣка. Эта прослоина—съ битой посудой, не существующей теперь формы и толщины стѣнокъ, и мѣдными монетами прошлаго столѣтія—доказываетъ, что и въ прошломъ столѣтіи Нарзанъ подвергался сильному заносу (вѣроятно, со стороны Ольховки). Затѣмъ, при ломкѣ подошвы Крестовой горы, съ сѣверной ея стороны, для устройства подъѣзда отъ галлереи Нарзана къ желѣзнодорожному вокзалу, найдены окаменѣлыя мелкія рыбы, рѣчные раки и турьи рога. На той-же глубинѣ, около пяти сажень, изъ взорванной скалы торчитъ обуглившееся съ одной стороны окаменѣлое дерево, съ замѣтной отдѣлкой (стругомъ) и здѣсь-же найденъ мѣдный четырехъ-угольный колокольчикъ. (Новости, № 103, 1894 г.).

—— Недавно умершій настоятель русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ, архимандритъ Антонинъ, извѣстный богословъ-археологъ и собиратель памятниковъ церковной древности, завѣщалъ: составленный имъ богатый церковно археологическій музей передать въ пользу русской миссіи въ Іерусалимѣ, замѣчательный и единственный въ своемъ родѣ бюстъ Ирода Великаго переслать въ Императорскій С.-Петербургскій Эрмитажъ, а собраніе древнихъ рукописей продать въ Императорскую Публичную Библіотеку въ С.-Петербургѣ съ тѣмъ, чтобы деньги, вырученныя отъ этой продажи, употребить на постройку православной церкви въ гор. Анкирѣ. (Нов. Вр., № 6544, 1894 г.).

—— Извѣстный турецкій ученый Галидъ-Эдхемъ-Бей принесъ въ даръ антропологическому отдѣлу Императорскаго общества любителей

естествознанія, антропологіи и этнографіи обширную и весьма замѣчательную коллекцію череповъ и костей изъ могилъ Малой Азіи III вѣка до Рождества Христова. Особое вниманіе въ этой коллекціи обращаютъ на себя найденные на Малоазійскомъ берегу черепа, какъ полагаютъ, древнихъ македонянъ-мужчинъ. Не малаго интереса также заслуживаютъ кости носорога, зубы древняго животнаго мастодонта, остатки древнихъ громадныхъ слоновъ и т. п. (Новости, № 100, 1894 г.).

—— Въ газетѣ „Wiek“ сообщаютъ, что при посадкѣ рабочими деревьевъ на кладбищѣ въ Трояновѣ, открыто большое языческое кладбище со множествомъ погребальныхъ урнъ разной величины, изъ которыхъ, по неосторожности рабочихъ, сохранились очень немногія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, найдены также различные бронзовые предметы, украшенія и утварь. (Нов. Вр., № 6551, 1894 г.).

—— Въ № 89 „Сарат. Листка“ (1894 г.) хранителемъ музея Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи, К. И. Медоксомъ, описаны слѣдующія рукописи, находящіяся на выставкѣ въ Радищевскомъ музеѣ:

1) Евангеліе, писанное въ большей части на бумагѣ, слегка проклеенной смоляныкъ мыломъ, съ водяными знаками, изображающими шаръ, руку и вазу, и такимъ почеркомъ, что оно должно быть отнесено по этимъ признакамъ къ началу XVI столѣтія и во всякомъ случаѣ не позднѣе второй половины этого столѣтія, такъ какъ на листахъ евангелія имѣются слѣдующія надписи:

а) „Лѣта 7085 (1577 г.) мѣсяца іюня 18, азъ Мишка, Емельяновъ сынъ, углечанинъ, продалъ есми евангеліе тетръ, четыре евангелиста Петровскому попу Діонисію, Иванову сыну, а взялъ есми на немъ триддать алтынъ“.

б) Изволеніемъ безначальнаго Отца и поспѣшеніемъ сопрестольнаго Сына и наученіемъ Святаго Духа пріятъ писанію конецъ; а писаніе сего евангелія въ лѣтѣхъ 7086 дописывалъ многогрѣшный священный іерей Денисъ, Ивановъ сынъ, Петровскій попъ“ и

в) „Лѣта 7098 (1590 г.) году мѣсяца іюля во 2 день, на память положенія пояса Пресвятыя Богородицы пріѣхалъ князь Григорій Осиповичъ Засѣкинъ, да Θедоръ Михайловичъ Туровъ на закладъ города Саратова ставити“.

Послѣдняя надпись представляетъ большой интересъ, такъ какъ она точно указываетъ годъ, мѣсяцъ и число начала построенія города Саратова, до настоящаго времени — за недостаткомъ данныхъ — небывшаго установленнымъ въ исторической наукѣ. Щекотовъ въ своемъ „Географическимъ Словарѣ“ предполагалъ, что Саратовъ былъ построенъ по указу государя-царя Θедора Ивановича въ 1591 году. Карамзинъ въ

своей „Исторіи Государства Россійскаго“ сообщалъ: „пишутъ, что Саратовъ основанъ въ 1591 г.“, но что онъ „не нашелъ того въ современныхъ извѣстіяхъ“. Леопольдовъ въ „Историческихъ Очеркахъ Саратовскаго края“ писалъ, что „Саратовъ основанъ въ 1591 или 1592 годахъ. Соловьевъ въ „Исторіи Россіи“ отмѣчаетъ лишь только то, что Саратовъ былъ построенъ въ царствованіе Ѳедора Ивановича (1584—1588 гг.). Ключевскій въ „Сказаніяхъ иностранцевъ о московскомъ государствѣ“ писалъ, что „при сынѣ Іоанна Грознаго явились на Волгѣ города Шанчуринъ, Саратовъ“... Перетятковичъ въ своемъ „Поволжьѣ въ XV и XVI вѣкѣ“ высказываетъ, что „о времени основанія Саратова... можно лишь догадываться“, и что онъ полагаетъ, что Саратова не было до 1590 года, такъ какъ въ 1589 году всѣ распоряженія, касающіяся мѣстностей, близкихъ къ Саратову, шли изъ Царицына, а не изъ Саратова. Чекалинъ въ своемъ сочиненіи „Древніе обитатели Саратовской губерніи“ и въ рефератѣ, доложенномъ VIII археологическому съѣзду въ Москвѣ, уклонялся отъ точнаго указанія года основанія Саратова и заявлялъ, что онъ былъ построенъ гораздо ранѣе 1590 года. Г. Краснодубровскій въ своей статьѣ „Годъ основанія Саратова“, подвергнувъ тщательному разбору всѣ относящіяся до сего вопроса матеріалы, приходилъ къ заключенію, что Саратовъ былъ основанъ приблизительно въ маѣ мѣсяцѣ 1590 года, и что въ этомъ году саратовскимъ воеводою былъ князь Григорій Засѣкинъ, опираясь, между прочимъ, на наказъ царя Ѳедора Ивановича астраханскимъ воеводамъ Пушкину и Сицкому, въ которомъ Саратовъ въ 1590 году называется „новымъ городомъ“, и на грамоту 1589 года воеводѣ князю Засѣкину съ товарищами объ отправкѣ изъ Царицына въ Астрахань судовъ, а затѣмъ г. Соколовъ по полученіи сообщенія отъ одного любителя древностей, что онъ имѣетъ рукописное Евангеліе XVI вѣка съ надписью объ основаніи гор. Саратова 2-го іюля 1590 года, то самое, которое находится на теперешней выставкѣ, заявилъ объ этомъ въ своей лекціи, прочитанной имъ во время празднованія 300-лѣтняго юбилея г. Саратова 9 мая 1891 года. Теперь, съ установленіемъ палеографическихъ признаковъ принадлежности этого евангелія и надписей на немъ къ XVI столѣтію, вопросъ о годѣ ,мѣсяцѣ и числѣ основанія города Саратова, совпадая съ весьма удачными вышеупомянутыми соображеніями г. Краснодубровскаго въ его статьѣ „Годъ основанія Саратова“, вышелъ совсѣмъ изъ области споровъ и предположеній и можетъ быть твердо и безповоротно установленъ, тѣмъ болѣе, что изъ слова, находящагося въ надписи на евангеліи —„пріѣхали“—можно заключить, что въ день основанія Саратова это евангеліе было въ рукахъ у очевидца построенія города.

2) Двѣ рукописи XVI вѣка о замученіи въ Ордѣ въ 1246 году свв. Князя Михаила Всеволодовича Черниговскаго и боярина его Ѳеодора, съ присоединеніемъ родословной Ѳеодора и ближайшихъ его потомковъ. Князь Михаилъ и бояринъ его Ѳеодоръ по стойкости своихъ характеровъ—весьма выдающіяся личности въ русской исторіи. Они причтены къ лику святыхъ, и мощи ихъ почиваютъ въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ. Ни въ повѣствованіяхъ о нихъ въ частныхъ историческихъ сочиненіяхъ, ни въ житіи ихъ нигдѣ не говорится, въ какомъ мѣстѣ въ Ордѣ они были замучены и какого происхожденія былъ бояринъ Ѳеодоръ. Въ этихъ-же рукописяхъ точно устанавливается, что бояринъ Ѳеодоръ былъ властодержавцемъ въ болгарскомъ городѣ Сердикѣ, т. е. въ нынѣшнемъ гор. Софіи въ Болгаріи, и по завоеваніи Сердика (Софіи) болгарскимъ царемъ Іоанномъ Осѣномъ (по прозванію Колояномъ) въ 1206 г., перебравшись въ Угрію (теперешнюю Венгрію), тамъ въ 1240 г. сдружился съ княземъ Михаиломъ Всеволодовичемъ Черниговскимъ, бывшимъ въ Угріи для сысканія помощи противъ татарскаго хана Батыя у венгерскаго короля Белы IV, а затѣмъ, раздѣляя съ княземъ Михаиломъ всѣ трудности его скитанія по владѣніямъ князя Мезовецкаго въ Польшѣ, Вратиславскаго въ Силезіи, Пинскаго, Волынскаго и другихъ въ Россіи съ тою-же цѣлью отысканія помощи противъ Батыя, при наступленіи болѣе благопріятныхъ условій, около 1245 года, перебрался въ г. Черниговъ съ княземъ Михаиломъ и затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ принялъ мученическій вѣнецъ въ Ордѣ. Рукописи эти имѣютъ и мѣстный интересъ, такъ какъ князь Михаилъ и бояринъ Ѳеодоръ, вѣроятно, были замучены въ ставкѣ Золотой Орды, находившейся въ то время на нынѣшнемъ Увекскомъ городищѣ, близь г. Саратова, что можно заключить изъ найденной на Увекѣ печати изъ темнаго камня съ надписью древне-славянскимъ начертаніемъ: „печать Михаила, князя Черниговскаго“, доставленной на кіевскій археологическій съѣздъ, какъ это видно изъ статьи г-на Минха; „Набережный Увекъ“, помѣщенной въ „Саратовскомъ сборникѣ“, изданномъ въ 1881 г.

3) Открытый листъ, данный въ 1713 г., за собственноручною подписью князя Александра Даниловича Меншикова одному изъ потомковъ святого боярина Ѳеодора, замученнаго въ Ордѣ со святымъ княземъ Михаиломъ Черниговскимъ, и начинающійся, большими съ затѣйливыми росчерками буквами, слѣдующими словами: „Мы, Александръ Меншиковъ, римскаго и Россійскаго государства князь“.

4) Рукописная книга церковнаго нотнаго пѣнія XVI вѣка.

5) Старинный рукописный листъ о построеніи церкви съ рисункомъ религіознаго содержанія, нарисованнымъ красками отъ руки, содержа-

щій въ себѣ кружки съ описаніемъ св. мощей, почивающихъ въ выстроенномъ храмѣ, и лѣтопись слѣдующаго содержанія: „Лѣта 6553 заложа великій князь Владиміръ Ярославичъ въ великомъ Новѣ градѣ церковь каменную во имя Софіи Премудрости Божіей и строиша ю семь лѣтъ и устроиша веліе прекрасну и превелику и призваша иконныхъ писцовъ изъ Царя града и начаша писать образъ во славу Господа нашего Іисуса Христа со благословляющею рукою. Во утро же другой день пришедъ епископъ Лука и видя образъ неблагословляющею рукою но сжатою. Иконописецъ же писаша его три утра, на четвертое же утро бысть гласъ отъ образа—глаголющъ: писари, о, писари! не пишите мя благословляющею рукою, но зжатою, азъ бо въ сей моей руцѣ сей Великій Новгородъ держу, а она распространится, тогда и граду сему окончаніе буде".

—— Въ томъ же № „Сарат. Листка" Ф. В. Духовниковъ помѣстилъ слѣдующую статью „О печати князя Михаила, найденной на Увекѣ":

Въ коллекціи старинныхъ рукописей, выставленныхъ К. П. Медоксомъ, на выставкѣ въ Радищевскомъ музеѣ, находятся, между прочимъ, два листа рукописи „о замученіи въ Ордѣ святыхъ великаго князя Михаила Черниговскаго и боярина его Ѳеодора", при чемъ на ярлычкѣ, находящемся при этой рукописи, въ скобкахъ написано для публики слѣдующее: „судя по печати князя Михаила, найденной на Увекѣ, они были замучены близъ Саратова". Такое заключеніе рѣшительно ни на чемъ не основано.

Дѣйствительно, извѣстные изслѣдователи Увека, П. А. Пономаревъ и А. Н. Минхъ, въ своихъ статьяхъ объ Увекѣ (На развалинахъ Увека близъ Саратова въ „Древней и Новой Россіи", 1879 г., № 4, и „Набережный Увекъ" въ „Саратов. сборникѣ", изд. сарат. стат. комитета, т. I) передаютъ со словъ священника с. Увека А. И. Дроздова (уже умершаго), что чиновникъ мѣстнаго губернскаго правленія, В. Д. Палеологъ, пріобрѣлъ въ Набережномъ Увекѣ печать изъ какого-то темнаго камня, на которомъ древнеславянскимъ начертаніемъ вырѣзаны слова: „Печать Михаила, князя Черниговскаго". Сообщеніе этихъ изслѣдователей о печати князя Михаила повторяетъ, не провѣривъ его, и С. С. Краснодубровскій въ своей брошюрѣ „Увекъ". По справкамъ же оказывается, что печать, находящаяся у В. Д. Палеолога [1]), не Михаила, князя Черниговскаго, а просто князя Михаила.

Пользуясь сургучнымъ снимкомъ съ печати, любезно доставленнымъ

[1]) Печать была на Археологическомъ Съѣздѣ въ Кіевѣ.

мнѣ В. Д. Палеологомъ, ея владѣльцемъ, и посланнымъ мною въ Императорскую Археологическую Коммисcію, я сдѣлаю краткое ея описаніе: Печатка небольшая, величиною съ наперстокъ, овальной формы. Въ срединѣ ея изображеніе, вѣроятно, львицы, обведенное выпуклымъ ободкомъ. Кругомъ ободка такая вырѣзанная надпись: „печать княжя михаилъ". Оконечность печатки гладкая, безъ ободка.

Какому князю принадлежала эта печатка, изъ надписи не видно, такъ какъ князей, носившихъ имя *Михаилъ*, было очень много. Наконецъ, фактъ находки печатки на Увекѣ тоже ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить доказательствомъ того, чтобы тамъ совершено было убіеніе ея владѣльца: печатка могла быть или потеряна, или оставлена и пр.

—— (Двѣ челобитныя о возобновленіи палатъ царевича Димитрія въ Угличѣ). Въ брошюрѣ г. Н. Шлякова „Сводъ извѣстій о дворцѣ св. царевича Димитрія въ Угличѣ" (Ярославль, 1889 года) указаны важнѣйшіе документы и свидѣтельства, касающіеся до дворца углицкихъ князей, построеннаго во второй половинѣ XV ст. углицкимъ княземъ Андреемъ Васильевичемъ Большимъ, сыномъ Василія Темнаго, и со времени пребыванія въ этомъ дворцѣ царевича Димитрія Ивановича, называемаго палатами царевича Димитрія. Черезъ 100 съ небольшимъ лѣтъ, послѣ постройки дворца, въ началѣ 1609 г., Угличъ и царскія палаты были разорены и выжжены литовцами „и русскими ворами съ казаками" и дворецъ послѣ этого запустѣлъ и обветшалъ. При царѣ Петрѣ, въ 1709 г., по словамъ г. Шлякова (стр. 11), угличане желали привести дворецъ въ возможно удовлетворительное состояніе, но ихъ прошеніе почему-то не было уважено и зданіе едва не было разобрано на достройку собора изъ его кирпича. Заботы угличанъ о палатахъ царевича Димитрія подтверждаются двумя челобитными царю Петру Алексѣевичу, хранящимися въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи [1]), которыя здѣсь приводимъ:

I. Великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу холопъ твой Аѳонасей Колударовъ челомъ бьетъ. По твоему великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца указу и по наказу изъ Разряду, за приписью дьяка Ѳедора Замятнина, велѣно мнѣ, холопу твоему, на Углечѣ быть воеводою, а на Углечѣ, государь, великаго государя Страстотерпца благовѣрнаго царевича и великаго князя Димитрія Московскаго и Углецкаго и всеа Россіи чудотворца построена была палата каменная и та

---

[1]) Разрядная вязка 50. Копіи съ челобитныхъ любезно сообщены Н. Ѳ. Бѣляшевскимъ.

палата обѣтшала, полу и потолоку и кровли на ней нѣтъ. И въ нынѣшнемъ, государь, въ 709 г. генваря въ 11 д. города Углеча церкви благовѣрнаго царевича и великаго князя Димитрія попъ Алексѣй съ причетники подали мнѣ, холопу твоему, челобитную, такожде и города Углеча жители и уѣздные люди мнѣ, холопу твоему, бьютъ челомъ, чтобъ та палата, на воспоминаніе его благовѣрнаго царевича и великаго князя Димитрія тутошняго житія, построить и поновить, и я, холопъ твой, безъ твоего, великаго государя, указу и безъ грамоты изъ Розряду, строить той палаты велѣть не смѣю, и ту челобитную послалъ я, холопъ твой, къ тебѣ, великому государю, къ Москвѣ въ Розрядъ съ сею отпискою вмѣстѣ, и о томъ, что ты, великій государь, укажешь. А отписку, государь, велѣлъ я, холопъ твой, подать въ Розрядъ боярину Тихону Никитичу Стрѣшневу съ товарищи.

На оборотѣ помѣта: „1709 г. генваря въ 22 д. Выписать".

II. Державнѣйшій государь царь милостивѣйшій! На Углечѣ внутри кремля города Углеча близь церкви Святаго Страстотерпца благовѣрнаго царевича Димитрія, идѣже онъ, благовѣрный царевичъ и великій князь Димитрій Іоанновичъ и съ рождшею своею матушкою съ благовѣрною царицею и великою княгинею Маріею Ѳеодоровною жительство имѣлъ, зданіе ихъ древняя палата каменная и отъ давности лѣтъ и отъ разоренія города Углеча отъ литовскихъ людей обѣтшала и стоитъ безъ кровли и безъ внутренняго и безъ внѣшняго окрестъ ея устроенія, а раченіе и попеченіе издавна и нынѣ имѣютъ града Углеча жители и всякихъ чиновъ люди и много желаютъ дабы, на воспоминаніе его Святаго Страстотерпца благовѣрнаго царевича Димитрія и на вѣчную его похвалу та его палата въ призрѣніи была и поновлена и о началѣ дѣла прежде сего о построеніи начинали да въ совершенство не пріиде, и о томъ строеніи нынѣ насъ понуждаютъ вкладчики, чтобы намъ построить та палата, и мы безъ твоего государева указу тое палаты строить не смѣемъ. Всемилостивѣйшій государь, просимъ вашего величества, вели, государь, ту палату построить вкладчиковымъ подаяніемъ. Вашего величества нижайшіе богомольцы города Углеча церкви Святаго благовѣрнаго царевича Димитрія попъ Алексѣй Аѳонасьевъ да дьяконъ Иванъ Пахомовъ съ причетники. Генваря въ 11 д. 1709 году.

На оборотѣ помѣта: „1709 г. генваря въ 11 д. Послать къ великому государю къ Москвѣ въ Розрядъ подъ отпискою". Рукоприкладства: Къ сей челобитной города Углеча церкви Святаго благовѣрнаго царевича Димитрія попъ Алексѣй руку приложилъ. Дьяконъ Иванъ Пахомовъ руку приложилъ. Дьячекъ Петръ Андреевъ руку приложилъ. Пономарь Никита Григорьевъ руку приложилъ".

Оба документа скрѣплены: „По приказу отца своего Аѳанасья Ивановича Андрей Колударовъ руку приложилъ“.

По поводу этой челобитной въ Разрядѣ была сдѣлана „выпись“ и по выписи состоялся приговоръ:

„... генваря въ ... день, по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца бояринъ Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ съ товарищи, слушавъ сей выписки, приказали: послать его государеву грамоту на Углечь к воеводе, велѣть тое палату строить вкладчиковымъ подаяніемъ, кто произволомъ своимъ что похочетъ дать, а з грацкихъ и с уѣздныхъ людей, буде это не похочетъ, денегъ на то палатное строения не збирать“....

—— П. И. Васильевъ принесъ въ даръ Императорской публичной библіотекѣ 180 старинныхъ юридическихъ актовъ, въ которыхъ содержится не мало матеріаловъ для уясненія быта и отношеній землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ второй половины XVII и начала XVIII вѣковъ. (Нов. № 105, 1894 г.).

—— При описи предметовъ во Дворцѣ Лѣтняго сада оказалось 227 предметовъ, имѣющихъ преимущественно художественное значеніе. Въ числѣ ихъ, между прочимъ, находится образъ, неизвѣстно кѣмъ поднесенный Императору Петру I, какъ видно изъ надписи на оборотной сторонѣ, въ 1710 г. 29-го іюня. (Нов. № 105, 1894 г.).

—— Департаментъ государственнаго казначейства циркулярно предложилъ всѣмъ казеннымъ палатамъ, чтобы описи архивнымъ дѣламъ, предназначеннымъ къ уничтоженію, отсылались для разсмотрѣнія въ ближайшія ученыя архивныя коммиссіи, а не въ археологическій институтъ, какъ было до настоящаго времени. (Нов. № 105, 1894 г.).

—— Ѳ. А. и А. Н. Терещенко сдѣланы заявленія о пожертвованіи каждымъ изъ нихъ по 25,000 р., и нѣкоторыя другія лица также заявили о желаніи сдѣлать пожертвованія на учреждаемый въ Кіевѣ художественно-промышленный музей. В. В. Тарновскій изъявилъ согласіе пожертвовать свои богатыя коллекціи малорусскихъ древностей, оцѣниваемыя знатоками не менѣе 100,000 руб. Другія лица, владѣющія болѣе или менѣе значительными художественными и археологическими коллекціями, также согласились передать часть изъ нихъ городскому музею. Зданіе для музея предположено построить на площадкѣ между Императорскимъ дворцомъ и Александровскимъ паркомъ. На составленіе проекта зданія, стоимостью не выше 150,000 руб., будетъ объявленъ конкурсъ. (Нов. Вр. № 6551, 1894).

—— Въ Симферополѣ получено извѣстіе, что министерство вну-

тренних дѣлъ, въ вѣдѣніи коего состоитъ Бахчисарайскій дворецъ, отпускаетъ на его ремонтировку 30,000 руб. Что же касается самаго способа ремонта и реставраціи означеннаго дворца, то здѣсь получено увѣдомленіе, что этотъ вопросъ въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ всесторонне обсуждаться въ особомъ засѣданіи Императорской Археологической Комиссіи, съ участіемъ представителей отъ Академіи Художествъ и министерства внутреннихъ дѣлъ, въ томъ числѣ смотрителя ханскаго дворца полковника Иваненка. (Нов. Вр. № 6544, 1894 г.).

—— По иниціативѣ инспектора с.-петербургской духовной академіи ординарнаго профессора по каѳедрѣ церковной археологіи и литургики Н. В. Покровскаго, при здѣшней духовной академіи учреждается новое церковно-археологическое общество. 16-го мая въ главномъ залѣ церковно-археологическаго музея, въ теченіе уже нѣсколькихъ лѣтъ существующаго при академіи (по примѣру кіевской духовной академіи) и обязаннаго своимъ возникновеніемъ и дальнѣйшимъ существованіемъ тому же Н. В. Покровскому, происходило первое собраніе будущихъ членовъ новоучреждаемаго ученаго общества. Это собраніе, подъ предсѣдательствомъ иниціатора общества, профессора Н. В. Покровскаго, было посвящено главнымъ образомъ обсужденію и выясненію главнѣйшихъ цѣлей и задачъ новоучреждаемаго общества. Первою и главнѣйшею своею задачею общество ставитъ способствовать наиболѣе широкому развитію научной разработки русской церковной археологіи путемъ открытія и тщательнаго научнаго изслѣдованія церковно-вещественныхъ памятниковъ древности. На собраніи избрана особая комиссія изъ профессоровъ академіи, которой поручено выработать уставъ новоучреждаемаго общества. (Нов. Вр. № 6543, 1894 г.).

IV

Засѣданія Обществъ.

6-го апрѣля 1894 г., въ засѣданіи Русскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, управляющимъ отдѣленіемъ на слѣдующее трехлѣтіе избранъ С. Ө. Платоновъ. Въ томъ же засѣданіи сдѣланы были сообщенія В. Г. Васильевскимъ: „Годъ, мѣсяцъ и число перваго нашествія Руси на Константинополь“ и С. К. Буличемъ: „Новѣйшія данныя къ вопросу о прародинѣ индоевропейцевъ въ предѣлахъ нынѣшней Европейской Россіи“. В. Г. Васильевскій сообщилъ въ своемъ рефератѣ о вновь найденномъ источникѣ для точнаго датированія похода Аскольда и Дира,

относимаго нашей лѣтописью къ 865 году. Професоръ Гентскаго университета, Fr. Cumon, издалъ въ настоящее время сохранившійся въ брюссельской библіотекѣ памятникъ византійской литературы XI—XIII вв., въ видѣ сборника, заключающаго въ себѣ хронику Манассіи, списокъ императоровъ римскихъ и списокъ императоровъ византійскихъ, съ краткими замѣчаніями о событіяхъ при каждомъ изъ нихъ, и при имени императора Михаила здѣсь говорится о нашествіи Руси, случившемся 18-го іюня 860 года. С. К. Буличъ посвятилъ свой рефератъ ознакомленію съ многочисленными работами нѣмецкихъ ученыхъ, направленными противъ теоріи Шрадера, предположившаго прародину индоевропейцевъ въ предѣлахъ Европейской Россіи и именно въ степной ея полосѣ. Новѣйшія лингвистическія соображенія приводятъ къ заключенію, что такою мѣстностью могло быть скорѣе южное побережье Балтійскаго моря. (Нов. Вр., № 6505, 1894 г).

22-го апрѣля 1894 г., въ засѣданіи классическаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, состоявшагося подъ предсѣдательствомъ управляющаго отдѣленіемъ И. В. Помяловскаго, К. Н. Лишинъ сдѣлалъ сообщеніе „О типахъ ѳракійскихъ монетъ". Докладчикъ демонстрировалъ при этомъ рѣдчайшіе экземпляры изъ своего нумизматическаго собранія. Среди этихъ монетъ особенное вниманіе обращаетъ на себя найденная близъ Филиппополя монета съ изображеніемъ императора Септимія Клавдія съ одной стороны и коронованной змѣи съ другой стороны, что представляетъ особый интересъ, въ виду распространенности въ Родопскихъ горахъ преданія о змѣиномъ царѣ. Монеты эти вообще сохранили на себѣ замѣчательныя черты древне-греческаго искусства, давая воспроизведенія всего пантеона грекоримскихъ божествъ. Впрочемъ, послѣднее докладчикъ замѣчаетъ лишь въ императорскій періодъ; въ автономный же періодъ существованія ѳракійскихъ государствъ усматривается на монетахъ преобладаніе Діониса и Геркулеса. Въ томъ же засѣданіи С. А. Жебелевъ прочиталъ рефератъ: „О древнѣйшихъ сношеніяхъ Аѳинъ съ Римомъ". Точно датированнымъ моментомъ, когда Аѳины и Римъ вступили въ непосредственныя сношенія, остается 228 годъ до Р. Х., когда, по призыву греческихъ городовъ, римляне явились для обузданія иллирійскихъ разбойниковъ. Преданіе о римскомъ посольствѣ въ Аѳины, отправленномъ будто бы въ 453 году до Р. Х., какъ то говоритъ Ливій, для ознакомленія съ законодательствомъ Солона, докладчикъ признаетъ недостовѣрнымъ, примыкая въ данномъ случаѣ къ новѣйшимъ изслѣдователямъ этого вопроса. (Нов. Вр., № 6520, 1894 г.).

18-го мая 1894 г. состоялось общее собраніе Императорскаго Русскаго Археологическаго общества, въ которомъ сдѣлали сообщенія В. Г. Бокъ „О нѣкоторыхъ эмаляхъ, найденныхъ на югѣ Россіи" и князь П. А. Путятинъ „Палеолитъ Европы и новѣйшія раскопки въ San-Isidro, въ Испаніи" В. Г. Бокъ

остановился съ особеннымъ вниманіемъ на доставленной съ Кавказа находкѣ, представляющей, по мнѣнію докладчика, новый типъ перегородчатой эмали. Князь П. А. Путятинъ познакомилъ собраніе съ результатами археологическихъ изысканій въ Испаніи, произведенныхъ барономъ де-Бай, сопоставляя находки извѣстнаго французскаго археолога съ экземплярами собственныхъ колекцій докладчика. Въ томъ же засѣданіи избраны въ дѣйствительные члены общества: баронъ Д. Г. Гинцбургъ, Н. Ѳ. Дубровинъ, Э. И. Маевскій; въ члены-сотрудники: Ѳ. Д. Батюшковъ, Р. Х. Леперъ, Н. Ѳ. Петровскій, М. И. Ростовцевъ; въ иностранные члены-сотрудники: У. Келеръ, А. Киргофъ (профессоры Берлинскаго университета) и А. Тардье. (Нов. Вр., № 6545, 1894 г.).

Въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Древней Письменности, 18-го февраля 1894 г., Вл. Н. Перетцъ сдѣлалъ сообщеніе объ отраженіяхъ Соломоновскихъ апокрифовъ въ народной русской сказкѣ. Между другими отраженіями этихъ апокрифовъ особенно интересна судьба эпизода объ испытаніи женской мысли, бывшаго очень популярнымъ въ читающемъ обществѣ древней Руси. Онъ отразился въ двухъ редакціяхъ: черезъ Палею Толковую перешла къ намъ въ сказочный обиходъ притча въ видѣ болѣе близкомъ къ первоначальному талмудическому тексту; другая редакція сказки (въ сборникѣ Худякова) является отраженіемъ западно-европейской переработки сюжета, заимствованнаго или изъ византійскихъ источниковъ въ латинскомъ переводѣ, или непосредственно изъ сборниковъ талмудическихъ разсказовъ. Вслѣдъ затѣмъ А. П. Барсуковъ прочелъ изъ архива Герольдіи нѣсколько донесеній воеводъ временъ императрицы Елисаветы Петровны, представленныхъ вслѣдствіе требованія Сената о доставленіи свѣдѣній о состояніи городовъ, сколь давно и отъ какого случая построены, какіе звѣри и птицы водятся въ уѣздѣ, какой хлѣбъ родится и пр.; въ отвѣтахъ воеводъ замѣчается большая осторожность; о времени построенія городовъ умалчивается, и только одинъ воевода новгородскій высказался, что Новгородъ построенъ еще во времена Ноя. Наконецъ, секретарь Общества прочелъ сообщеніе о неизвѣстномъ почти доселѣ чудѣ св. Георгія о крестѣ и о болгаринѣ, памятникѣ, по его мнѣнію, византійской агіографической письменности X вѣка. Референтъ различаетъ двѣ редакціи чуда, и текстъ по рукописи XVII вѣка считается ближе подходящимъ къ предполагаемому оригиналу, нежели текстъ XIV вѣка, который представляетъ лишь интерпеляцію основнаго текста XIII вѣка, и особаго значенія не имѣетъ. Вообще историческое значеніе памятника для исторіи Болгаріи IX и X вѣковъ малоцѣнно, гораздо болѣе любопытно „Чудо“ въ литературномъ отношеніи своимъ прямымъ отношеніемъ къ легендамъ о св. Георгіи. Доложено было о выходѣ въ свѣтъ новыхъ выпусковъ „Памятниковъ Древней Письменности“: „Слова на перенесеніе мощей свв. Бориса и Глѣба, XII вѣка“, и „Сказанія о молодцѣ и о дѣвицѣ“, вновь найденной эротической народной повѣсти. (Нов. Вр. № 6460, 1894 г.).

Въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Древней Письменности, 4-го марта 1894 г., А. Н. Петровъ сдѣлалъ сообщеніе о Похвалѣ Константину Философу, приписываемой еп. Клименту. Референтъ раздѣляетъ списки ея на двѣ редакціи, и первую, Севастьяновскую, считаетъ болѣе близкою къ предполагаемому подлиннику. Говоря объ отношеніи Похвалы къ Похвальному слову свв. братьямъ и къ пространному житію Константина, г. Петровъ опровергаетъ мнѣніе Воронова о происхожденіи Похвалы и Похвальнаго слова отъ одного автора и о полной зависимости содержанія Похвалы отъ содержанія пространнаго Житія, такъ какъ послѣднее мнѣніе находитъ себѣ оправданіе лишь во второй редакціи Похвалы. По поводу доклада высказаны были замѣчанія проф. А. И. Соболевскимъ, который отмѣтилъ нѣкоторыя неточности въ передачѣ и объясненіи текста, допускалъ возможность составленія Похвалы въ ея редакціяхъ однимъ лицомъ, писавшимъ въ разное время, и не согласился съ основною мыслью референта о преимуществахъ Севастьяновской редакціи. Влѣдъ затѣмъ секретарь Общества прочелъ двѣ замѣтки — О тожествѣ болгарскаго города Дистры съ Мундрагою (ставя послѣднее слово въ связь со славянскимъ „мудрая") и о времени произнесенія патр. Фотіемъ двухъ бесѣдъ по поводу нашествія россовъ, изъ которыхъ первая, по мнѣнію референта, сказана была около мая 865, а вторая въ годовщину нашествія русскихъ—въ концѣ апрѣля 866 года. Профессоръ Соболевскій согласился вообще, что корень слова „Мундрага" напоминаетъ славянское „мудръ", но онъ не допускаетъ возможности существованія полныхъ окончаній прилагательныхъ въ болгарскомъ языкѣ въ IX вѣкѣ, да и переходъ греческаго окончанія „ага" въ славянское „ая" считаетъ невозможнымъ. Проф. П. А. Сырку также привелъ нѣкоторыя соображенія въ пользу того, что трудно отожествлять Дистру съ Мундрагой; на примѣрѣ именъ городовъ Рущука и Черверя онъ показалъ, что возможно было существованіе двухъ сосѣднихъ городовъ, которые однако смѣшивались одинъ съ другимъ; кромѣ того, онъ замѣтилъ также, что теперь, на основаніи новѣйшихъ находокъ, приходится нашествіе русскихъ на Константинополь относить не къ 865, а къ 860 году. Доложено было о принесеніи А. Ѳ. Бычковымъ въ даръ библіотекѣ Общества третьяго тома „Писемъ и бумагъ императора Петра Великаго", изданнаго подъ его редакціею. (Нов. Вр. № 6473, 1894 г.).

Въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Древней Письменности, 18-го марта 1894 г., предсѣдатель гр. С. Д. Шереметевъ доложилъ собранію, что имъ пріобрѣтенъ остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ, изъ котораго всѣ бумаги, относящіяся до основанія Общества, будутъ переданы въ принадлежащій Обществу архивъ. Вслѣдъ затѣмъ А. Н. Петровъ, говоря о Похвалѣ Кириллу философу, приписываемой еп. Клименту, замѣтилъ, что пять ублаженій, находящихся только въ Севастьяновскомъ спискѣ Похвалы, свидѣтельствуютъ о близкомъ отношеніи автора къ св. Кириллу. Анализъ семи Похвальныхъ словъ, приписываемыхъ еп. Клименту, показываетъ, что если

не всѣ они, то, по крайней мѣрѣ, четыре (Димитрію Солунскому, Успенію, арх. Михаилу и Гавріилу и пр. Захаріи) должны быть присвоены тому же Клименту, которому принадлежитъ и Похвала Кириллу философу. Затѣмъ была читана записка проф. А. И. Александрова о службѣ Кириллу, славянскому апостолу, сербской редакціи, и, наконецъ, записка г. Бѣляева о слѣдственномъ дѣлѣ по поводу убіенія царевича Димитрія. Доложено было о принесеніи въ даръ Обществу Н. П. Барсуковымъ 8-й книги „Жизни и трудовъ М. П. Погодина". (Нов. Вр. № 6490, 1894 г.).

Въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Древней Письменности, 8-го апрѣля 1894 г., С. Ѳ. Платоновъ сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о нижегородскомъ Спасо-Преображенскаго собора протопопѣ Саввѣ, который, судя по разсказу Ельнинской рукописи, игралъ очень видную роль въ образованіи нижегородскаго ополченія 1611—1612 г. и который впослѣдствіи былъ во главѣ нижегородскихъ выборныхъ, посланныхъ на избирательный соборъ 1613 года и учавствовавшихъ въ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Дѣятельность этого Саввы, о которомъ, къ сожалѣнію, слишкомъ мало свѣдѣній, даетъ ему право на видное мѣсто въ ряду русскихъ земскихъ дѣятелей Смутнаго Времени. Вслѣдъ затѣмъ А. П. Барсуковъ сдѣлалъ докладъ о князьяхъ Юхотскихъ и преимущественно о Юхотской вотчинѣ. Референтъ прослѣдилъ ея судьбы со времени образованія княжества, кончая XVIII вѣкомъ, при чемъ оказалось, что только до XVI в. Юхотская область играла роль княжества, но уже въ половинѣ этого столѣтія перешла къ кн. Мстиславскому въ видѣ пожалованія, а въ началѣ XVIII в. пожалована гр. Б. П. Шереметеву. Рефератъ вызвалъ замѣчанія со стороны Д. Ѳ. Кобеко, который прочно установилъ дату, именно 1538 годъ, когда Юхоть была пожалована князю Мстиславскому; затѣмъ онъ не согласился съ мнѣніемъ докладчика, будто князья Юхотскіе, какъ участвовавшіе въ войнахъ, были служилыми; напротивъ, онъ полагаетъ, что князья были совершенно самостоятельными и имѣли своихъ дьяковъ. Далѣе, Н. В. Волковъ прочелъ сообщеніе: „Изъ наблюденій надъ переводомъ и языкомъ церковныхъ пѣснопѣній въ древне-русскихъ нотныхъ книгахъ". Древнія богослужебныя церковно-пѣвческія книги сохранились въ двоякомъ видѣ въ однѣхъ находится только текстъ въ другихъ онъ сопровождается нотными знаками по старинной безлинейной системѣ, откуда и произошло названіе—нотныя книги. Обѣ системы нотныя—знаменная (крюковая) и кондакарная—заимствованы славянами изъ византійскихъ нотныхъ книгъ вмѣстѣ съ переводомъ греческихъ пѣснопѣній на церковно-славянскій языкъ и съ переложеніемъ ихъ мелодій. Древнѣйшіе списки нотныхъ книгъ, русскіе, восходятъ къ XI—XII вѣку, но самый переводъ и положеніе на ноты были сдѣланы значительно раньше, а именно, въ концѣ XI или началѣ X в. въ Болгаріи. Сначала были переведены наиболѣе необходимыя изъ этихъ книгъ: октоихъ, ирмологъ, тріодь, стихирарь и кондакарь—съ пѣснопѣніями на воскресные и избранные праздничные дни,

а позже, въ половинѣ X вѣка или въ концѣ его, явились повседневныя служебныя минеи. Въ переводѣ этихъ пѣвческихъ книгъ есть одна очень любопытная особенность—славянскіе переводчики, желая воспроизвести греческій подлинникъ, писанный стихотворнымъ размѣромъ, соблюдали стишныя строки, количество и строеніе. Къ этому побуждала ихъ особая цѣль—по возможности сохранить греческія мелодіи. Все это выясняется изъ сопоставленія славянскаго текста съ греческимъ, какъ отдѣльныхъ пѣснопѣній, въ родѣ кондака на Рождество Христово „Дѣва днесь", такъ и болѣе сложныхъ, напр., стихиръ апп. Петру и Павлу, и, наконецъ, самыхъ сложныхъ пѣсенъ—каноновъ. Для сопоставленія нельзя брать современный текстъ, потому что онъ позднѣйшаго происхожденія—XIV—XV в.; надо сравнивать текстъ въ древнѣйшихъ спискахъ; при этомъ всѣ глухіе должны быть принимаемы въ расчетъ, какъ бывшіе во время перевода звуками. Такъ, въ древнемъ кондакѣ „Дѣва дьньсь"—77 слоговъ, въ греческомъ ихъ 76, какъ въ славянскомъ, такъ и въ греческомъ одинаковое число стиховъ—10, и почти по одинаковому числу слоговъ въ каждомъ стихѣ. Греческія пѣснопѣнія любили акростихи, но древне-славянскій переводъ ихъ не соблюдалъ. По поводу этого реферата сдѣланы были замѣчанія проф. А. И. Соболевскимъ и П. А. Сырку, изъ которыхъ первый настаивалъ на томъ, что переводчики совсѣмъ не имѣли въ виду сохраненія количества слоговъ и, стало быть, мелодіи греческихъ подлинниковъ, а если въ отдѣльныхъ стихахъ и встрѣчается приблизительное тожество слоговъ, то это по большей части случайное совпаденіе. Доложено было о выходѣ въ свѣтъ новаго памятника древней письменности—Чуда св. Георгія о болгаринѣ (сообщеніе Хр. М. Лопарева), и затѣмъ о принесеніи въ даръ обществу А. И. Тимоѳеевымъ слѣпка съ найденной въ Іерусалимѣ мраморной головы, по однимъ—императора Адріана, по другимъ—Ирода. Вотъ что писалъ по этому поводу недавно скончавшійся архимандритъ Антонинъ, подарившій этотъ слѣпокъ г. Тимоѳееву: „Не можете ли цѣлымъ обществомъ археологовъ рѣшить: Чій образъ сій и написаніе? По мнѣнію моему, кесаревъ, т. е. императора Адріана. Но есть люди, во что бы то ни стало желающіе видѣть въ изображеніи семъ черты Ирода царя. Если бы увѣриться въ послѣднемъ! Мраморная голова тонкой и искусной работы и составляетъ большую рѣдкость здѣсь. На вѣнцѣ ясно различается изображеніе орла. Въ чью пользу говоритъ болѣе оно — Адріана или Ирода? Пристрастіе Ирода къ сей эмблемѣ записано на скрижали исторіи. Но смѣлъ ли бы Иродъ украсить ею свою голову?" (Нов. Вр. № 6508, 1894 г.).

Въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Древней Письменности, 5 мая 1894 г., подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева состоялось торжественное годовое собраніе, въ которомъ секретарь прочиталъ годовой отчетъ общества, Н. П. Барсуковъ сдѣлалъ сообщеніе о собирателяхъ древнихъ пѣсенъ П. В. Кирѣевскомъ и П. И. Якушкинѣ, а Н. М. Тупиковъ—о литературной дѣятельности царевича Ивана Ивановича. Референтъ остано-

вился на переработкѣ царевичемъ житія препод. Антонія Сійскаго, составленнаго Іоною, и пришелъ къ заключенію, что тамъ, гдѣ Иванъ Ивановичъ является вполнѣ самостоятельнымъ авторомъ (именно, въ началѣ житія), изложеніе его блестящее, свидѣтельствующее объ истинномъ литературномъ талантѣ и начитанности автора. Предсѣдатель общества принесъ въ даръ портретъ Іосафа Горленки, еп. бѣлоградскаго и обоянскаго (курской епархіи, ум. 1754 г.). и катифорово житіе Петра Великаго, печатный экземпляръ, любопытный по рукописи, приплетенной въ концѣ второго тома и содержащей въ себѣ разсказы современника-очевидца о первомъ императорѣ, между которыми есть повидимому неизвѣстные доселѣ. И. Ѳ. Горбуновъ подарилъ портретъ московскаго митрополита Филарета, масонскую картину о превратности міра, „Бобелину“ и автографъ И. Я. Корейши, а гр. В. В. Мусинъ-Пушкинъ—очень рѣдкую масонскую картину „Assemblée de Francs-Maçons pour la réception des maîtres“. (Нов. Вр. № 6533, 1894 г.).

Въ засѣданіи 1-го апрѣля 1894 г. Нео-филологическаго Общества, предсѣдатель, академикъ А. Н. Веселовскій, сдѣлалъ сообщеніе о найденномъ недавно Х. М. Лопаревымъ, старинномъ русскомъ памятникѣ: „Сказаніе о молодцѣ и о дѣвицѣ“, напечатанномъ въ 99-мъ выпускѣ „Памятниковъ древней письменности“ (Спб. 1894). Содержаніе этой эротической повѣсти, сохранившейся въ рукописи начала XVIII вѣка, состоитъ въ любовномъ разговорѣ молодого боярскаго сына знатнаго рода съ гордою и знатною красавицею. Юноша обошелъ много городовъ, служилъ и въ Ордѣ, и въ Литвѣ, но нигдѣ не видалъ такой красавицы. Онъ молитъ ея любви, говоритъ ей цѣлый рядъ комплиментовъ, обѣщаетъ быть ея *вѣрнымъ слугою*, говоритъ, что она будетъ „госпожею его живота“ и проситъ ея поцѣлуевъ и объятій посредствомъ довольно поэтичныхъ намековъ, сравнивая красавицу съ аравитскимъ краснымъ золотомъ, въ которое онъ хотѣлъ-бы вдѣлать свою жемчужину, съ чистымъ лугомъ, на которомъ было-бы пріятно пастись его коню и т. д. На эти поэтическія, хотя и не безгрѣшныя, сравненія красавица отвѣчаетъ презрѣніемъ и цѣлымъ потокомъ бранныхъ словъ. Молодецъ, выслушавъ столько оскорбленій, уже совсѣмъ-было упалъ духомъ, но красавица сжалилась, согласилась оставить его у себя въ услуженіи съ тѣмъ, чтобы онъ забылъ приставать къ ней съ любовью. Молодецъ обрадовался и осыпалъ ее цѣлымъ рядомъ похвалъ сравнивая ея добродѣтель съ добродѣтелями какой-то Даниловой жены, смиреніе ея со смиреніемъ Евдокіи Семеновны Карамышевой, а любовь ея—съ любовью Роксаны къ Александру Македонскому. Похвалы вскружили красавицѣ голову, и она сдалась, „какъ сѣрая утица передъ яснымъ соколомъ“.

Повѣсть оканчивается обычною фразою: „Добрымъ людямъ на послушанье“.

Издатель повести Хр. М. Лопаревъ, пріобрѣвшій себѣ извѣстность своими счастливыми находками любопытныхъ памятниковъ старинной литературы, полагаетъ, что повѣсть, языкъ которой представляетъ смѣсь древнихъ словъ

со словами XVIII вѣка, по содержанію своему (женитьба безъ вѣнчанія) переноситъ насъ въ отдаленную эпоху, когда у русскихъ людей былъ обычай жениться безъ церковнаго благословенія, противъ чего возставалъ еще въ 1410 году митрополитъ Фотій.

По словамъ А. Н. Веселовскаго, несогласнаго съ мнѣніемъ присутствовавшаго въ засѣданіи г. Лопарева, повѣсть принадлежитъ къ числу произведеній, очень распространенныхъ въ средневѣковой литературѣ Западной Европы. Таковы, напримѣръ, „Контрасты" Чіулло д'Алькамо, итальянскаго поэта XIII вѣка, въ которыхъ также молодецъ добивается любви дѣвушки, и также ведется довольно реальный разговоръ.

По мнѣнію вице-президента Императорской академіи наукъ Л. Н. Майкова, повѣсть не можетъ считаться передѣлкою старинной русской повѣсти, такъ какъ въ ея языкѣ мало слѣдовъ старины, а упоминанія о женахъ Настасьѣ Даниловой и Авдотьѣ Карамышевой взяты, по всей вѣроятности, изъ былинъ объ Авдотьѣ Полоняночкѣ, о Настасьѣ, женѣ Данилы Ловчанина, и о князѣ Карамышевскомъ.

Г. Лопаревъ заявилъ, что въ западно-европейской литературѣ онъ не могъ отыскать подходящаго вполнѣ произведенія. Затѣмъ, А. Н. Веселовскій познакомилъ собраніе съ книгою проф. Н. П. Дашкевича: „Описаніе Черноморья, составленное Эмидіемъ д'Асколи" въ 1634 году (оттискъ изъ V книги „Чтеній въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца"). Авторъ описанія (Descrizione del Mar Negro e della Tartaria), доминиканскій монахъ, префектъ итальянскихъ миссіонеровъ въ Каффѣ, сообщаетъ много любопытнаго о Россіи, обитателей которой онъ зоветъ трусливыми московитами. (Новости, № 95, 1894 г.).

V

Библіографія.

Bulletino di archeologia cristiana del Commendatore G. B. de Rossi, Serie V, anno IV, № 1—2, Roma, 1894.

Съ чувствомъ глубокой радости привѣтствуемъ появленіе въ свѣтъ журнала знаменитаго ученаго, отца современной христіанской археологіи. Несмотря еще на неполное излѣченіе отъ постигшей его болѣзни, онъ вновь берется за перо. „Богу угодно было, говоритъ онъ въ началѣ изслѣдованія, предложеннаго въ журналѣ, сохранить въ цѣлости мой умъ и его способности, и я вновь берусь теперь, какъ могу, за желанное періодическое изданіе, хотя трудно разсматривать книги, рукописи для необходимыхъ изслѣдованій; поэтому прости, дорогой читатель, какую-нибудь оплошность въ цитатахъ или трактованіи. Это меньшее зло, чѣмъ то, когда приходится оставить на долгое время и можетъ быть навсегда предпріятіе, принятое

съ такой благосклонностью покровителями и воздѣлывателями христіанской археологіи“ (стр. 5—6).

Большая часть журнала посвящена обозрѣнію открытій, сдѣланныхъ въ криптѣ свв. Прота и Гіацинта, что въ катакомбѣ св. Ермета возлѣ Salaria Vetere.

Открытіе усыпальницы свв. мучениковъ Прота и Гіацинта въ указанной катакомбѣ и въ ней гробницы съ прахомъ Гіацинта и съ надписью — было сдѣлано еще въ 1845 г. знаменитымъ археологомъ Марки. Новѣйшія раскопки по открытію крипты привели къ нахожденію древней лѣстницы, ведущей въ нее съ поверхности земли, и живописи VI в. съ изображеніямъ Христа и двухъ святыхъ юношей, а также остатки надписи OVI, очевидно отъ имени IAQVINTVS, каковое имѣется въ мозаикахъ VI в. г. Равенны подъ изображеніемъ святаго, даннымъ народу съ изображеніемъ Прота (SCS PROTVS).

Указанная лѣстница была устроена священникомъ Θеодоромъ, какъ видно изъ надписи его, извѣстной ранѣе по рукописи, а теперь открытой на половину въ оригиналѣ.

На одной изъ стѣнъ этой-же лѣстницы была найдена мраморная плита, прикрывавшая гробницу, съ надписью и датой 400 года. Эта надпись, по объясненію де-Росси, прославляетъ папу Дамаса, названнаго въ ней именемъ Felix, за обновленіе быть можетъораторія, или подземной крипты. Изъ другихъ надписей, найденныхъ здѣсь же — одни принадлежатъ къ похвалѣ въ честь свв. мучениковъ папы Дамаса.

На другой лѣстницѣ, ведущей въ ту же крипту, открытъ былъ вновь извѣстный даже ранѣе аркозолій, украшенный мозаичными изображеніями IV в. (библейскія сцены).

Крипта мучениковъ, какъ ее нашли новые изслѣдователи, обрѣтается въ весьма жалкомъ состояніи; ее, по словамъ де-Росси, необходимо привести въ надлежащій видъ, достойной памяти мучениковъ, изъ которыхъ Гіацинтъ вскорѣ послѣ своего погребенія былъ удостоенъ въ надписи этого наименованія „martyr“ (Dp III. Idus Septebr. Yacinthus martyr).

Въ объясненіе крайней бѣдности крипты, незначительности ея размѣровъ, расположенія, де-Росси высказываетъ догадку, что мученики были казнены не при Галліенѣ, а при Валеріи, запретившемъ христіанамъ входъ въ катакомбы — подъ угрозой смерти; въ силу этого обстоятельства фоссоры для названныхъ мучениковъ не имѣли возможности и времени устроить лучшую крипту.

Помимо обзора указанныхъ открытій въ криптѣ мучениковъ — въ журналѣ имѣется нѣсколько мелкихъ, но весьма интересныхъ замѣтокъ.

Въ одной говорится объ эпитафіи изъ Терни, изданной ранѣе Вильпертомъ въ Römische Quartalschrift, III fasc. 1894. На мраморной плитѣ даны барельефомъ дѣвочка по имени Castula, а по сторонамъ ея двѣ дѣвушки въ позѣ Оранты, съ именами Agape и Domnina. По объясненію Вильперта—это сестры покойной; по мнѣнію же де-Росси, подтверждаемому имъ ссылками

на историческіе документы—это двѣ извѣстныя мученицы (по Іеронимовскому мартирологію, 15 февраля и 14 апрѣля). Памятникъ IV вѣка, судя по Константиновской монограммѣ и по стилю барельефовъ. Въ другой отмѣткѣ говорится о фрагментѣ стекляннаго сосуда съ остаткомъ надписи на золотѣ ...lorus, принадлежащемъ имени Florus. Имя это извѣстно по другимъ сосудамъ, гдѣ оно дается человѣку, сидящему среди Апостоловъ и мучениковъ. Гарруччи (Arte cristiana, tav. 187, 4; 194,2) принималъ его за мученика, но таковой—неизвѣстенъ. Де-Росси предполагаетъ, что этотъ Флоръ — любимецъ папы Дамаса за его заботу о могилахъ мучениковъ, ихъ украшеніи.

Въ третьей замѣткѣ говорится о надписи V—VI в. изъ Гуельмы (Calama) въ Африкѣ, въ которой упоминаются утическіе мученики, погибшіе въ Карѳагенѣ и св. Hesidor (Исидоръ), Мартынъ, Романъ.

Въ заключеніе дается отчетъ о рефератахъ Общества христіанской археологіи за 1892—1893 годъ, съ которымъ читатели уже знакомы (Арх. Изв. и Зам. 1894 г., № 2, стр. 78—80).

Е. Рѣдинъ.

Mélanges d'archéologie et d'histoire, XIV année. Fascicule I—II. 1894.

Спеціально христіанской археологіи посвящена въ журналѣ статья извѣстнаго археолога Ле-Блана „Les premiers chrétiens et les dieux" (стр. 3—16). Авторъ останавливается на ученіи язычниковъ о богахъ, объ отношеніи къ этому ученію, а равно къ изображеніямъ божествъ въ различныхъ памятникахъ искусства первыхъ христіанъ. Статья — интересная иллюстрація къ вопросу о борьбѣ двухъ культовъ — языческаго и христіанскаго, изъ которыхъ одинъ былъ силенъ своей древностью, поддерживаемый могущественной аристократіей, другой—новой вѣрой, которая должна была обновить міръ.

Въ журналѣ помѣщены еще слѣдующія статьи: 1) Gsell, и Grellot, Exploration archéologique dans le département de Constantine (Algérie). Ruines romaines au nord de l'Aurès. 2) Hauvette, Notes sur des manscurits autographes de Boccace à la Bibliothèque Laurentienne. 3) Fournier, Le premier Manuel canonique de la Réforme du XI siècle. 4) Grandjean, La date de la mort de Benoît XI.

Е. Рѣдинъ.

Н. фонъ-Винклеръ. Русская геральдика. Исторія и описаніе русскихъ гербовъ, съ изображеніемъ всѣхъ дворянскихъ гербовъ, внесенныхъ въ общій гербовникъ Всероссійской Имперіи. Выпускъ 2-й. Съ 302 рисунками. Спб. 1894. 4 д., ц. 3 р.

Н. фонъ-Винклеръ. Оружіе. Руководство къ исторіи, описанію и изображенію ручнаго оружія съ древнѣйшихъ временъ до начала XIX вѣка. Съ 422 рисунками въ текстѣ. (Рец. въ „Прав. Вѣстн." 1894, № 12).

Изслѣдованія по греческой исторіи. I. Избраніе жребіемъ въ аѳинскомъ государствѣ. В. Маклакова. II. Аристотель и Эфоръ. М. Гершензона. Изд.

Имп. Моск. университета. Москва. 1894. Тип. университетская. 8 д., II+92+40 стр.

Тебеньковъ, М. М. Происхожденіе Руси. Опытъ введенія къ исторіи русскаго народа. Часть 1-я. Древніе россы. Тифлисъ. 1894. Тип. „Кавказъ“ А. Петрова. 8 д., 196+II стр. Ц. 1 р. 50 к.

Лященко, Р. А. Императорскіе Лазенковскій и Бельведерскій дворцы. Краткій историческій очеркъ. Варшава. 1894. 22 стр.

Сторожевъ, В. Н. Къ исторіи сельско-хозяйственнаго быта костромскихъ Ипатьевскаго и Богоявленскаго монастыря. I. Командировка стольника Н. М. Олеимова. (Изъ „Чтеній въ Имп. Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ“). Москва. 1894. 8 д., X+54 стр.

Коршъ, М. Краткій словарь миѳологіи и древностей. Древніе боги, герои, государственные люди, поэты, философы, художники древности, древнія страны и главнѣйшіе города древности. Спб. 1894. Изд. А. Суворина, 233 стр.

VI

Письмо къ редактору.

М. г.!

Въ вып. 3—4 „Арх. Изв. и Зам.“ я познакомился съ статьею А. Н. Шварца, посвященной найденной мною въ 1891 г. въ Керчи вазѣ. Спѣшу просить у васъ разрѣшенія высказать въ этомъ изданіи нѣсколько словъ, по поводу вышеназванной статьи.

Большинство археологовъ постоянно дѣлилось на два разряда тружениковъ: 1) археологовъ, занимающихся раскопками и въ потѣ лица добывающихъ предметы древности, и 2) археологовъ, подвергающихъ добытый матеріалъ научной критикѣ и печатающихъ свои изслѣдованія. Очевидно, что для первыхъ не можетъ существовать большаго удовлетворенія, какъ сознаніе того, что выкопанные ими предметы старины даютъ достойный матеріалъ для ученыхъ изслѣдованій вторыхъ.

Это же чувство вполнѣ испыталъ и я, при чтеніи статьи А. Н. Шварца „По поводу Керченской вазы“, найденной мной послѣ усердныхъ раскопокъ въ 1891 году. Но справедливо ли предъявлять къ археологу, занимающемуся раскопками, и къ археологу, посвятившему себя къ кабинетному труду, одни и тѣ же требованія? Возможно ли сѣтовать на лицо, представляющее отчетъ о своихъ раскопкахъ, за отсутствіе научнаго описанія того или другого найденнаго имъ предмета?

При раскопкахъ въ Керчи, въ 1891 году, мною добыто и передано въ

Археологическую Коммиссію великое множество различныхъ предметовъ. Потребовалось во время раскопокъ вести тщательные дневники, всѣ найденные предметы бережно упаковать въ Керчи и распаковать въ Петербургѣ, привести ихъ здѣсь въ систему, составить имъ подробныя описи и представить Коммиссіи полный отчетъ съ изложеніемъ фактической стороны раскопокъ. Все это было мною по возможности точно исполнено и если, при представленіи моего отчета въ Коммиссію, я, кое-гдѣ, прибавилъ, на сколько умѣлъ, короткія описанія того или другого выдающагося предмета, то неужели справедливо обвинять меня въ томъ, что я „такъ мало помогаю своимъ описаніемъ технической сторонѣ памятника тому, чтобы эти заключенія могли быть поставлены на еще болѣе прочную почву“?

Мнѣ весьма пріятно, что строгій критикъ признаетъ, что мною „вполнѣ аккуратно описаны подробности одежды Гермеса и подробности его изображенія“, но затѣмъ мнѣ и въ голову не приходило, называя шляпу Гермеса общимъ именемъ: петазомъ, входить въ подробности видоизмѣненій этого головнаго убора. Точно также, относя вазу къ V—IV вѣкамъ до Р. Х. (рецензенту угодно, чтобы я писалъ V—IV, а не IV—V), я не имѣлъ времени вдаваться въ подробное обсужденіе тѣхъ именно годовъ, къ которымъ слѣдовало бы отнести эту вазу, да не имѣлъ къ сему и возможности, за совершенною моей неподготовкою къ таковымъ спеціальнымъ вопросамъ.

Я задался при составленіи своего отчета одною лишь главною задачей: поспѣшить представленіемъ отчета въ Археологическую Коммиссію и описать по возможности вѣрно фактическую сторону дѣла.

Слѣдуетъ ли изъ вышесказаннаго, что лица, представляющія отчеты о своихъ археологическихъ раскопкахъ, должны совершенно воздержаться отъ какихъ-либо описаній найденныхъ ими предметовъ, подъ страхомъ впасть въ ошибки по спеціальнымъ сторонамъ этихъ описаній? Я не думаю. Я полагаю, наоборотъ, что со стороны лицъ, добывающихъ древности, слѣдуетъ требовать: 1) точности въ описаніи и 2) возможно быстраго представленія и обнародованія отчетовъ о своихъ раскопкахъ. Со стороны же ученыхъ, которые впослѣдствіи пожелаютъ посвятить свое перо изслѣдованію обнародованныхъ такимъ образомъ предметовъ старины, да будетъ позволено пожелать побольше снисходительности къ отчетамъ своихъ сотоварищей по археологіи.

Не слѣдуетъ забывать, что дневники раскопокъ и отчеты о таковыхъ не могутъ, да и не должны задаваться недоступной для нихъ задачей — научно описывать добытый путемъ раскопокъ археологическій матеріалъ.

Примите и проч. *гр. А. Бобринской.*

С.-П.-Б. 18 мая 1894 г.

VII.

Архимандритъ Антонинъ.

(некрологъ).

23 марта 1894 г. скончался въ Іерусалимѣ извѣстный богословъ и археологъ, начальникъ русской духовной миссіи, архимандритъ Антонинъ (Капустинъ). Покойный, сынъ священника Пермск. губ. Шадринск. уѣзда, — родился въ 1817 г., воспитывался въ Пермской и Екатеринославской семинаріяхъ, а затѣмъ въ 1843 г. окончилъ курсъ въ кіевской духовной академіи, со степенью магистра богословія, и въ теченіе 7-ми лѣтъ послѣ окончанія курса состоялъ преподавателемъ въ академіи. Въ 1850 г. онъ былъ назначенъ настоятелемъ посольской церкви въ Аѳинахъ, въ 1860 г. переведенъ на такую же должность въ Константинополь, а въ 1865 г.—въ Іерусалимъ, на должность начальника іерусалимской духовной миссіи.

Ученая дѣятельность архимандрита Антонина была посвящена, главнымъ образомъ, изслѣдованіямъ по церковной и гражданской археологіи, а затѣмъ описаніямъ путешествій, совершенныхъ имъ. Занимаясь съ большимъ интересомъ разысканіями и изслѣдованіями памятниковъ христіанской древности, покойный написалъ нѣсколько весьма крупныхъ изслѣдованій въ этой области, помѣщенныхъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Таковы, напр.: „О христіанскихъ древностяхъ Греціи“, „О раскопкахъ внутри Аѳинской россійско-посольской церкви“, „Замѣтки XII—XV вв., относящіяся къ крымскому городу Сугдеѣ“, „Акты патріархата константинопольскаго, относящіеся къ Крыму“, „О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аѳинахъ“, и др. Изъ описаній путешествій архимандрита Антонина слѣдуетъ отмѣтить его „Поѣздку на Синай“, затѣмъ „Замѣтки поклонника св. горы“, „Поѣздка въ Виѳанію“, „Поѣздка въ Румелію“, „Отъ Босфора до Яффы“ и др. Всѣ эти описанія путешествій, помимо ихъ живости и картинности изложенія, полны научныхъ замѣчаній и свѣдѣній по географіи, исторіи и археологіи. Всегда съ особенною любовію занимаясь церковной археологіей, покойный за свою жизнь собралъ не мало памятниковъ древности, особенно древнихъ рукописей — греческихъ и славянскихъ, а также грузинскихъ и абиссинскихъ, большую часть которыхъ пожертвовалъ въ кіевскую духовную академію.

Какъ начальникъ миссіи, архимандритъ Антонинъ былъ хорошимъ администраторомъ, много потрудившимся для расширенія и устройства владѣній русской миссіи и для улучшенія быта какъ православныхъ туземцевъ, такъ и паломниковъ.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его устава.

Тов. Секретаря *С. Слуцкій.*

№№ 8—9 1894 г.

издаваемыя
Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

I

Иконостасъ изъ церкви Успенія въ Сафарскомъ монастырѣ, близъ Ахалцыха.

Въ нынѣшнемъ году въ Историческій Музей, чрезъ посредство гр. П. С. Уваровой, поступили обломки прекраснаго иконостаса изъ закавказскаго монастыря Сафара. Описаніе этого монастыря вскорѣ будетъ издано въ печатающемся томѣ „Матеріаловъ по археологіи Кавказа", гр. П. С. Уваровой, и до появленія въ печати этого тома ред. „Арх. Изв. и Зам.", благодаря благосклонному разрѣшенію автора, спѣшитъ познакомить читателей „Археол. Изв. и Зам." съ описаніемъ церкви Успенія въ монастырѣ Сафара, гдѣ находился иконостасъ, выставленный теперь въ залѣ памятниковъ Херсониса и христіанскаго Кавказа въ Историческомъ Музеѣ:

„Монастырь Сафара лежитъ въ 7-ми верстахъ отъ Ахалцыха, въ мѣстности, расположенной между р. Грелис- и Уравелис-цхале и настолько неприступной и пустынной, что пробраться къ нему можно только верхомъ. Дюбуа и даже Бакрадзе говорятъ о темномъ сосновомъ лѣсѣ, въ глубинѣ котораго располагался монастырь. То же самое под-

тверждалъ намъ и князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ, посѣтившій Сафару въ 1848 г., во время похода и передвиженій военныхъ силъ по занимаемому краю. Теперь же мѣстность эта лишена всякой растительности: нѣтъ не только дерева, но даже пней, которые могли бы навести на мысль о прежнемъ сосновомъ борѣ. По словамъ Дюбуа [1]), изъ глубины бора вырывалась, въ былое время, клубящаяся, богатая водами Аравелис-цхале, но съ лѣсами исчезъ и потокъ; взамѣнъ его остались при монастырѣ два фонтана, расположенные въ глубинѣ ущелья, въ нѣсколькихъ отъ него шагахъ.

Броссе, въ своемъ Voyage archéologique, на основаніи одной изъ надписей въ храмѣ св. Саввы, приписываетъ постройку монастыря 1309 году [2]), но Бакрадзе [3]) находитъ слѣды о немъ въ Грузинской исторіи гораздо раньше; онъ говоритъ: „такъ при Багратѣ IV (1027—1072), при Георгіи II (1072—1082) и при Давидѣ Возобновителѣ (1082—1125) тронъ грузинскаго католикоса занималъ нѣкто Габріель, именуемый сафарскимъ“. Такъ какъ довольно трудно предполагать, чтобы одно и то же лицо занимало постъ католикоса въ продолженіи цѣлаго столѣтія, то мнѣніе Бакрадзе подлежитъ провѣркѣ по грузинскимъ источникамъ.

Монастырь со своими церквами, жилыми помѣщеніями, стѣнами и башнями широко раскинулся по ущелью Уравелис-цхале, пользуясь съ успѣхомъ неровностью почвы, которая придаетъ особую прелесть всѣмъ этимъ зданіямъ даже теперь, когда исчезъ лѣсъ и рѣка изсякла. Рѣка прорѣзала прежде монастырскій дворъ на двѣ неровныя части и, протекая по немъ съ юга на сѣверъ, не только удовлетворяла всѣмъ нуждамъ, вѣроятно когда-то весьма многочисленной и богатой братіи монастыря, но могла, въ случаѣ необходимости, сослужить ей не малую службу во время набѣговъ и осадъ, которымъ не могъ въ былое время не подвергаться монастырь и на которые указываютъ его крѣпкія стѣны (толщина ихъ 1 арш. 6 верш.), развалины замка строителей и властителей мѣстной обители, атабеговъ Саатабаго, его ворота и башни. Всѣхъ храмовъ въ монастырѣ одиннадцать, изъ коихъ главныя церкви обители были и остаются несомнѣнно церкви св. Саввы и Успенія... По мнѣнію Броссе, построеніе храма св. Саввы относится къ XIV столѣтію... Церковь Успенія (откуда происходитъ иконостасъ) пристроена къ юго-западной сторонѣ храма св. Саввы въ формѣ параллелограма, имѣющаго въ длину 15 арш. 6 в. безъ притвора (притворъ 4 арш. 12 в.) и въ ширину 8 арш. 2 в. Сложена церковь изъ тесаной

[1]) Dubois, Voyage autour du Caucase, t. II, p. 298.
[2]) Brosset, Second rapport, p. 121 и слѣд.
[3]) Бакрадзе, Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства, стр. 133.

красноватой лавы и прикрыта каменною лещадью на одинъ скатъ. Архитектурныя подробности этого храма трудно объяснить и онѣ въ общемъ отличаются отъ того, что мы встрѣчаемъ въ остальныхъ зданіяхъ подобнаго рода. Такъ, напримѣръ, западная стѣна храма, выходящая въ притворъ, состоитъ изъ трехъ арокъ, но одна изъ нихъ (сѣверная) полузаложена стѣною притвора; внутри алтарная часть и широко выдающаяся по обѣ стороны солеи возвышаются надъ поверхностью остальной церкви на 11 вершк.; съ западной части храма, на двухъ массивныхъ столбахъ, покоятся арки хоръ, такія же массивныя и тяжелыя, какъ столбы, на которыхъ они основаны; къ этимъ хорамъ особаго хода не имѣется. Боковыя стѣны разбиты на части четырьмя пилястрами, на которыхъ основывается коробовый сводъ, прикрывающій зданіе. Престолъ изъ цѣльнаго камня, безъ всякихъ украшеній, вышиною въ 1 арш. 8 в., шириною въ 1 арш. 2 в., толщиною $12^3/_4$ вер. Горнее мѣсто и сѣдалище сложены изъ обломковъ. Тутъ же на полу каменное изображеніе храма съ высокимъ барабаномъ и такою же крышей (выш. 1 ар. 3 в.), вѣроятно нѣкогда служившаго конькомъ настоящаго храма [1]). Между обломками находимъ крышу и втораго подобнаго же изображенія.

Рис. 15.

Интереснѣйшая же часть храма — это обломки древняго рѣзнаго иконостаса изъ свѣтло-зеленаго грюнштейна, на которомъ самымъ тонкимъ изящнымъ рельефомъ изображены: 1) *Благовѣщеніе* и *Посѣщеніе Елизаветы;* отъ изображенія Ангела (см. рис. 15), къ сожалѣнію, со-

[1]) Изваяніе это также находится въ Историческомъ Музеѣ; оно покрыто высѣченными вглубь грузинскими надписями, еще неразобранными; такими же надписями покрытъ обломокъ пилястры съ обезображеннымъ ликомъ какого-то святого и прекрасною орнаментаціею.

хранилась только голова и части правой руки и ноги; 2) *Срѣтенье Господне*, 3) *Рождество Богородицы* (эта плита болѣе всѣхъ остальныхъ разбита и уцѣлѣла только часть богато украшеннаго ложа и фигура женщины, купающей младенца); 4) *Деисусъ* (фигуры въ ростъ Христа съ Богоматерью и Іоанномъ Крестителемъ по сторонамъ) и 5) двѣ (отъ третьей видно только часть) фигуры *Святителей* — плохой сохранности.

Изображенія эти такъ тонки, рисунокъ ихъ такъ правиленъ и такъ вѣренъ, что мы очень соблазняемся приписать ихъ рѣзцу византійскаго мастера, несмотря на то, что художественныя и тонкія рамы, окаймляющія переименованныя изображенія, принадлежатъ по комбинаціи своего орнамента художественной фантазіи Востока. Архитектурныя детали, воспроизведенныя въ изображеніяхъ Рождества Богородицы и Благовѣщенія, переносятъ насъ къ лучшимъ миніатюрнымъ образцамъ X или XI вѣка.

Грустно видѣть то варварство, съ которымъ относятся къ дорогимъ и рѣдкимъ образцамъ древняго искусства, къ тому страшному положенію, въ которомъ подобные памятники находятся, и становится глубоко тяжело, когда подумаешь, что не смотря на турецкое владычество, иконостасъ этотъ стоялъ на мѣстѣ и въ сохранности до 1839 года [1]), а съ перехода во владѣніе христіанъ приведенъ въ тотъ видъ, въ которомъ онъ теперь находится [2]).

Въ притворѣ находимъ купель византійской формы, въ видѣ каменной чаши, основанной на такой же колоннѣ (вышина ея 11 верш., чаши — 6 в., діаметръ $10^1/_2$ в.).

Притворъ покрытъ во всю длину коробовымъ сводомъ и во всемъ своемъ объемѣ покрытъ фресками, которыя, какъ и фрески самой церкви Успенія, принадлежатъ, вѣроятно, одному и тому же времени, какъ и стѣнопись храма св. Саввы, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что на западной стѣнѣ храма, подъ фресками, находимъ высѣченный на камнѣ *крестъ*, что позволяетъ предполагать, что зданіе при постройкѣ не назначалось подъ штукатурку. На южномъ углу притвора, извнѣ, у верхняго карниза, находимъ изображенія *быка* и *льва*; изображенія съ сѣверной стороны, видимо, отбиты.

Бакрадзе въ своемъ описаніи говоритъ [3]), что не смотря на турецкое владычество, богослуженіе въ Сафарскомъ монастырѣ продолжалось до XVIII ст. Теперь обитель въ совершенномъ запустѣніи и только

---

[1]) Dubois, Voyage autour du Caucase, II, p. 297.

[2]) Рисунки со всего иконостаса, снятые на мѣстѣ его прежняго нахожденія, будутъ приложены къ „Матеріаламъ по археологіи Кавказа“.

[3]) Бакрадзе, Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства, стр. 133.

иногда, въ день Успенія и другіе праздники, мѣстное христіанское народонаселеніе, состоящее изъ Армянъ, отправляясь на богомолье въ древнюю обитель, позволяетъ себѣ въ храмахъ такія безчинства, что невольно нападаешь на мысль, что воззрѣнія язычества и до сихъ поръ болѣе доступны для массы мѣстныхъ жителей, чѣмъ христіанское пониманіе Божества, его храмовъ и служенія. Въ дни, когда мѣстное населеніе появляется въ Сафарѣ, громадныя толпы заполоняютъ всѣ храмы, притворы, окружающую мѣстность; въ храмѣ спятъ, рѣжутъ скотину, разводятъ костры, варятъ, пьютъ, напиваются, поютъ играютъ на инструментахъ и доводятъ разгулъ до того, что даже мѣстная полиція не смѣетъ остановить расходившуюся толпу. Смрадъ и копоть наполняютъ храмы и притворы, уничтожая живописныя, покрывая скульптурныя изображенія густымъ черноватымъ слоемъ, подъ которымъ все труднѣе и труднѣе разобраться" [1]).

II

Замѣтка къ спору о Царскомъ Архивѣ.

Изъ упоминаемой въ спорѣ извѣстной Описи Царскаго Архива (Акты Археогр. Экспедиціи № 280) видно, что этотъ Архивъ или Собраніе болѣе или менѣе важныхъ для государства и для самого государя документовъ и всякаго рода бумагъ хранилось въ завѣдываніи дьяка Ивана Михайлова Висковатаго, который составлялъ этому собранію особыя описи или книги, на что указываетъ отмѣтка при первомъ же нумерѣ ящиковъ, гдѣ сказано: „По Ивановымъ книгамъ Михайлова тотъ ящикъ (№ 1) у Государя". То же отмѣчено при №№ 3, 7, 8, 10.

---

[1]) Въ газетахъ появилось извѣстіе о возобновленіи храма Успенія въ Саѳарскомъ монастырѣ; въ № 6629-мъ (1894 г.) „Новаго Времени" напечатано слѣдующее: „Арх. Паисій, командированный въ прошломъ году св. Синодомъ въ Грузію для возобновленія древнихъ монастырей, полуразрушенныхъ происшедшими войнами съ Турціею, прибылъ туда 5-го іюня, вмѣстѣ съ 30-ю человѣками монастырской братіи. Первымъ дѣломъ архимандрита Паисія было возобновленіе большого храма Саѳаро-Саввинскаго монастыря въ честь и славу Успенія Божіей Матери. Возобновленіе храма окончено, при чемъ онъ обращенъ въ теплую зимнюю церковь. Иконостасъ въ новомъ храмѣ установленъ старый, военно-походный, пожертвованный священникомъ Таманскаго полка о. Василіемъ. Теперь имѣется въ виду возобновленіе другаго монастыря „Зарзмы", отстоящаго въ 35 верстахъ отъ Саѳаро-Саввинскаго. Монастырь „Зарзмы" находится въ превосходной мѣстности и представляетъ рѣдкія удобства монастырской жизни. Братіи притекаетъ въ него много со всѣхъ сторонъ Россіи и изъ стараго и новаго Аѳона. Монастырь „Зарзма" основанъ въ X вѣкѣ царицею Грузіи Тамарою Великой. Освященіе возобновленнаго храма назначено въ день Успенія Пресвятой Богородицы, 15-го августа".

Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтка съ № 138: „А се ящики, которые прибыли при дьякѣ при Иванѣ Михайловѣ“, слѣдовательно, предыдущіе ящики хранились еще при его предшественникѣ.

Дьякъ Иванъ Висковатого извѣстенъ былъ и по дѣлу о ереси Башкина (1554 г.), когда и онъ, осуждалъ неудачныя, будто бы, новины въ стѣнописи Царской Золотой Полаты. Однако, покаявшись на Соборѣ, онъ остался на своемъ мѣстѣ дьякомъ, при чемъ митрополитъ Макарій, вводя его въ раскаяніе, отмѣтилъ и настоящую задачу его занятій, сказавши ему: „Зналъ бы ты свои дѣла, которыя на тебя положены—не разроняй списковъ“ (т. е. хранимыхъ имъ документовъ).

Съ іюня 1561 г. Висковатовъ является уже Печатникомъ—оберегателемъ государственной печати. Въ этомъ важномъ званіи онъ былъ казненъ за измѣну (будто бы), въ 1570 г. Съ нимъ вмѣстѣ тогда же и за то же казненъ и Казначей Никита Фуниковъ.

Печатникъ и Казначей отъ древняго времени были самыми довѣренными лицами въ Великокняжескомъ, а потомъ и въ Государевомъ дворцѣ. Имъ на руки, на сохраненіе отдавалось все дорогое и драгоцѣнное и въ политическомъ и въ матеріальномъ значеніи. Всякаго рода драгоцѣнную письменность, повидимому, хранилъ Печатникъ, всякаго рода казну въ собственномъ смыслѣ хранилъ Казначей. Они же по особому довѣрію и по приказу являлись и производителями всякаго рода важныхъ дѣлъ, каковы, напримѣръ, были и внѣшнія сношенія.

Намъ неизвѣстно, когда именно Посольскія или иностранныя дѣла были отдѣлены въ особое управленіе съ именемъ Посольскаго Приказа. Знаемъ только, что въ 1565 году въ Кремлѣ, неподалеку отъ церкви Ивана св. подъ колоколы (нынѣ Иванъ Великій) была построена полата Посольская, быть можетъ именно для производства въ ней посольскихъ дѣлъ. Она названа въ 1572 г. и Посольскою Избою, а въ 1576 г. упомянутъ Посольскій Приказъ, обозначавшій, вѣроятно, ту же Посольскую Полату.

Въ этой полатѣ въ началѣ XVII ст. дѣйствительно хранились посольскія дѣла и въ томъ числѣ такія, о которыхъ упоминается и въ Описи Царскаго Архива („Арх. Извѣстія“, №№ 6 и 7, стр. 268) [1]).

Однако трудно согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что упомянутая Опись Царскаго Архива есть Опись Архива Посольскаго Приказа, и что никакого особаго Царскаго Архива никогда не существовало, что такой архивъ вообще представляется „висящимъ на воздухѣ“, что нельзя до-

[1]) Въ концѣ XVII ст., 1675—1680 гг., на томъ же мѣстѣ было выстроено новое двухъэтажное зданіе для Посольскаго Приказа. См. наши Опыты изученія Русскихъ Древностей, ч. II, стр. 177.

пустить возможности, чтобы существовалъ какой-то особый Царскій Архивъ не при какомъ-либо изъ приказовъ, не при какомъ-либо правительственномъ учрежденіи (ibid., 207).

Но возможно ли разсуждать о правительственныхъ учрежденіяхъ, по теперешнимъ понятіямъ, въ томъ вѣкѣ, когда вся система управленія утверждалась не на учрежденіяхъ, а на лицахъ, производилась не посредствомъ учрежденій, а посредствомъ лицъ, „кому что приказано вѣдать", отчего и появившіяся впослѣдствіи учрежденія стали именоваться тоже Приказами [1]).

Былъ ли Печатникъ дьякъ Висковатого, составившій Описи Царскаго Архива, начальникомъ или дѣлопроизводителемъ Посольскаго Приказа, когда такого Приказа, въ смыслѣ особаго учрежденія, еще не существовало?

Намъ кажется, что въ качествѣ Печатника онъ былъ, между прочимъ, и хранителемъ всякаго рода важныхъ почему-либо документовъ. Ему было приказано вѣдать эти документы, которые поступали къ нему неотмѣнно изъ царскихъ рукъ, такъ какъ Грозный очень любилъ всѣ важныя и дорогія для него дѣла вести самолично, самъ сочинялъ, самъ писалъ или диктовалъ грамоты и грамотки къ разнымъ лицамъ, а Печатникъ прикладывалъ къ нимъ печати, оставлялъ и хранилъ отпуски и т. под. Можно сказать, что въ государственныхъ дѣлахъ Грозный, при помощи Думы, самъ былъ государственнымъ дѣлопроизводителемъ и употреблялъ дьяковъ, какъ своихъ помощниковъ, поручая имъ дѣла, кто къ какому былъ способенъ, одному и тому же разныя дѣла. Одно иностранное дѣло поручалъ Висковатому, другое Щелкалову, потому что одинъ дьякъ лучше зналъ Татарскія, другой Цесарскія или Ливонскія дѣла и т. д. Все управленіе основывалось, какъ мы упомянули, не на учрежденіяхъ, а на лицахъ. Поэтому и архивы управленія, говоря только о важнѣйшихъ дѣлахъ, накоплялись у тѣхъ же лицъ кому что приказано было вѣдать и оставались у нихъ на храненіи и на ихъ отвѣтственности.

Очень естественно, что и у царя накоплялся свой Царскій Архивъ, въ точномъ смыслѣ государственный, самого разнороднаго содержанія, каковъ именно былъ Царскій Архивъ, находившійся на храненіи у Печатника Висковатаго, опись котораго къ счастію сохранилась.

Мѣстомъ храненія такого Архива при Грозномъ не могла быть упомянутая Посольская полата. Все дорогое и драгоцѣнное сохранялось

---

[1]) Характеристику управленія именно посольскими, т. е. иностранными дѣлами, см. въ сочиненіи В. Ѳ. Ключевскаго: „Боярская Дума". М. 1877, стр. 178—179.

въ Царской Казнѣ. Для этого при дѣдѣ Грознаго въ 1484 г. былъ построенъ особый Казенный Дворъ, полата кирпичная съ казнами, въ самомъ безопасномъ мѣстѣ отъ безпрестанныхъ тогдашнихъ пожаровъ, между двумя соборами Благовѣщенскимъ и Архангельскимъ, на набережной сторонѣ соборной площади, гдѣ теперь ограждаетъ соборы чугунная рѣшетка. Тогда же и подъ Благовѣщенскимъ соборомъ устроены были также безопасныя казны, т. е. особыя сухія помѣщенія въ подклѣтахъ собора [1]).

По многимъ вѣроятіямъ всѣ ящики съ дорогою письменностію необходимо хранились гдѣ либо въ особыхъ казнахъ Казеннаго Двора или подъ соборомъ, но въ вѣдомствѣ Печатника.

Казною въ собственномъ смыслѣ назывался Казенный Дворъ, но и въ немъ существовала большая Казенная полата—главное хранилище драгоцѣнностей, которая также именовалась казною. Поэтому отмѣтки о ящикахъ: „у Государя въ Казнѣ" (№№ 7 и 8), „взяты къ Государю въ Казну" (№ 179), должны обозначать, что ящики находились на Казенномъ Дворѣ въ вѣдомствѣ Казначея.

Въ этой казнѣ Казеннаго Двора, повидимому, хранились всѣ бумаги государева архива, какъ можно заключить по указаніямъ 1491 и 1532 г., приведеннымъ г. Бѣлокуровымъ (ibid., 207).

Положимъ, что эти бумаги съ учрежденіемъ Посольскаго Приказа (когда?) поступили въ этотъ Приказъ, но все-таки они составляли архивъ государевъ или государственный и сохранившаяся опись ихъ есть Опись Архива Государева, Царскаго, а не Архива Посольскаго Приказа, въ качествѣ особаго правительственнаго учрежденія.

Что касается сохраненія дѣлъ въ Государевой Казнѣ на Казенномъ Дворѣ, то встрѣчаются свидѣтельства, что и въ XVII ст. въ этой Казнѣ сохранялись дѣла даже изъ Посольскаго Приказа съ цѣлью особаго береженья.

Въ Описи Царской Казны на Казенномъ Дворѣ 1640 г., между прочимъ, значится: „сундукъ съ двѣма замками вислыми, третій нутреной, у негожъ двѣ печати: одна въ колодкѣ, а другая безъ колодки, а на печати вырѣзанъ человѣкъ. А на ерлыкѣ написано: въ сундукѣ Посольского Приказу Государственныя дѣла; перенесены изъ Посольского Приказу на Казенный Дворъ во 143 (1635) году, августа въ 14 день, для береженья".

Въ перечневой описи той же Казны 1701 г. въ концѣ прибав-

[1]) Первоначально Государева Казна помѣщалась подъ церковью св. Лазаря, у которой въ 1480 г. обвалился верхъ, „иконы поби и множество въ Казнѣ Великаго Князя сосудовъ поби".

лено: „Да въ Казенной же полатѣ столпъ, съ котораго напечатано Уложеніе... (Подлинникъ Уложенія, скрѣпленный подписями всѣхъ чиновъ). Да поставлено для крѣпчайшаго отъ пожару бережения (пробѣлъ) за печатью Великаго Государя, а въ нихъ (въ ларцахъ или сундукахъ?) государственныя крѣпости и всякія посольскія письма. Изъ Разряду ларецъ дубовой, окованъ желѣзомъ, за государевою печатью, а въ немъ розыскныя дѣла“.

Въ Описи Царской Казны 1720—1721 г.—Сундукъ, по подписи на немъ по ярлыку написано: „съ разными дѣлами о Ѳедкѣ Шакловитомъ и о иныхъ и съ подметными письмами за большою черною орловою печатью. А по сказкѣ дьяка Романа Смирнова да подъячаго Алексѣя Чулкова, что онъ запечатанъ Государевою печатью. А тотъ сундукъ объявили они октября въ 18 числѣ нынѣшняго 1721 г., а Государеву печать у того сундука осмотрѣли полковникъ князь В. Ю. Одоевской да стольникъ А. Т. Савельевъ“. Другой также запечатанный ящикъ хранился съ подлинными указами о заповѣдныхъ лѣсахъ.

И въ Мастерской Государевой Полатѣ хранились (въ 1720 г.) сундуки, коробьи и ящики старыхъ лѣтъ съ старыми письмами [1]).

Вышеприведенныя краткія записи даютъ понятіе о томъ, какого рода документы, бумаги, книги, поступали на храненіе въ Государеву Казну, какъ равно и о строгомъ порядкѣ ихъ храненія. Дѣла о Ѳедькѣ Шакловитомъ, какъ и многія бумаги Царскаго Архива о подобныхъ же дѣлахъ не могли храниться въ какой-либо Посольской Полатѣ или въ Посольской Канцеляріи, носившей имя Посольскаго Приказа.

Такія дѣла появлялись въ Архивѣ Посольскаго Приказа или въ другомъ какомъ архивѣ лишь тогда, когда безслѣдно исчезалъ живой смыслъ ихъ содержанія.

Ив. Забѣлинъ.

III.

Новая Строгановская именная икона.

Одной изъ существенныхъ задачъ мало разработанной иконографіи до-Петровской Руси является составленіе и опубликованіе систематическаго списка иконъ съ лѣтописями и вкладными. Такой списокъ долженъ имѣть рѣшающее значеніе въ опредѣленіи хронологической по-

[1]) Описаніе Записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ Дворцовыхъ Приказовъ, сост. А. Викторовъ. Вып. 1-й. М. 1877, стр. 25, 47, 50, 229, 230.

слѣдовательности школъ („писемъ“) и пошибовъ при условіи тщательнаго критическаго, если такъ можно выразиться, разбора современнаго состоянія иконы съ цѣлью возможно точнаго выясненія того, насколько подлинникъ искаженъ („зачиненъ“) позднѣйшими поновленіями. Только хорошо сохранившіяся „цѣльныя“, „незачиненныя“ и не „прописанныя“ [1]) иконы даютъ намъ прочный критерій и несомнѣнныя указанія на отличительные признаки различныхъ писемъ.

Наилучшій матеріалъ представляетъ въ этомъ отношеніи, такъ называемая, Строгановская школа, благодаря тому, что семейныя Строгановскія иконы, именная работа лучшихъ мастеровъ своего времени, составили цѣлое собраніе, характеризующее художественный стиль эпохи ихъ написанія и бережно сохранившееся въ моленныхъ комнатахъ этого богатаго рода.

Небрежное ли однако отношеніе къ отеческой старинѣ въ XVIII столѣтіи или какія-либо иныя причины,—неизвѣстно, но многія „прародительскія святыни“ *Строгановыхъ* вышли изъ рода и составляютъ счастье любителей, обладающихъ этими высокими образцами иконографическаго искусства Московской Руси.

Въ прошломъ году одно изъ такихъ сокровищъ пріобрѣлъ московскій знатокъ и любитель древнихъ иконъ *И. Л. Силинъ*.

Образъ, мѣрою около 9 вершковъ, состоитъ изъ четырехъ частей:

Св. Благовѣщеніе.	Рождество Пресвятыя Богородицы.
Рождество Іисуса Христа.	Соборъ Пресвятыя Богородицы.

Письмо иконы мелкое, тонкое и выразительное. Отличительные признаки, такъ называемыхъ, Строгановскихъ писемъ очевидны. На оборотѣ дски надпись чернилами скорописная въ трехъ строкахъ, очень неясная и трудно читаемая.

1. «Ѡбраꙁ Блгⷭ҇овѣщенїи Прⷭ҇тые Богородицы да Рожество Христово да Рожество Прⷭ҇тыѧ

[1]) Поправки въ доличномъ и составленіе новыхъ надписей по сейчасъ представляютъ обычное явленіе и не считаются грѣхомъ среди большинства любителей и собирателей древнихъ иконъ.

2. Бгрдцы да Собор Прустыя Богородицы, а писан иконописцем... лианом... н.. ем (?) по ω

3. бещанию Андрѣя Строгонова, а зговорил сна своего Дмитрея».

Имя и фамилія иконописца, почти совершенно стертыя, не поддаются прочтенію, мы можемъ только предположить письмо извѣстнаго мастера *Емельяна*, двѣ иконы котораго отмѣчены *Д. А. Ровинскимъ*; время же написанія опредѣляется съ достаточной точностью. Андрей Семеновичъ *Строгановъ* скончался схимникомъ Аврааміемъ въ 1649 году въ г. Соль-Вычегодскѣ. Дмитрій Андреевичъ, сынъ его, дѣдъ бароновъ—Александра, Николая и Сергія, является прямымъ прародителемъ нынѣ существующей вѣтви рода—графовъ *Строгановыхъ*. Дмитрій Андреевичъ скончался въ 1673 году и погребенъ въ Троице-Сергіевой Лаврѣ; женатъ былъ два раза: первая жена—княжна Анна Васильевна *Волконская*, вторая—Анна Ивановна *Злобина*. Первая супруга скончалась въ Соль-Вычегодскѣ въ 1649 году [1]).

Очевидно, что икона, нынѣ принадлежащая *И. Л. Силину*, писана по заказу Андрея Семеновича *Строганова*, какъ благословеніе при вступленіи Дмитрія Андреевича въ первый бракъ. Время написанія такимъ образомъ относится къ концу тридцатыхъ—началу сороковыхъ годовъ XVII-го столѣтія [2]).

Н. Лихачевъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

8 іюля 1629 года, вкладная Андрея и Петра Семеновичей и Ивана Максимовича Строгановыхъ въ Пыскорской монастырь.

Се аз Андрѣй да Петръ Семена Аникѣевича дѣти Строганова да яз Иван Максима Яковлевича сынъ Строганова же к прежнему родителей своих, данью и к своему дали в дом Всемилостивому Спасу честнаго и славнаго боголѣпнаго Его Преображенія и Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Благовѣщенія и святаго славнаго и всехвалнаго благовѣстника апостола и евангелиста Іванна Богослова и преподобнаго отца Іоанникія ве-

[1]) См. *Дмитріевъ:* „Пермская Старина". Вып. II (Пермь, 1890, 8°), гдѣ помѣщены цѣнныя изслѣдованія о родѣ *Строгановыхъ* и о владѣніяхъ ихъ въ Пермскомъ краѣ.

[2]) Въ актѣ отъ 8 іюля 1629 (подлинная вкладная въ архивѣ Министерства Юстиціи въ Москвѣ) Дмитрій Андреевичъ упоминается какъ единственный сынъ Андрея Семеновича, другія дѣти котораго, Андрей и Ирина, надо думать, родились послѣ. Въ 1641 году Андрей *Строгановъ* является уже старикомъ, отказавшимся отъ дѣлъ, и бракъ Дмитрія Андреевича съ наибольшей вѣроятностью долженъ быть отнесенъ къ тридцатымъ годамъ XVII столѣтія.

Вкладная 1629 года извѣстна *А. Дмитріеву* по списку. Издаемъ ее въ приложеніи по подлиннику съ соблюденіемъ правописанія писца, сына знаменитаго Строгановскаго иконописца Истомы *Савина*.

ликаго государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русиі и великаго государя святѣйшаго патриарха Московскаго и всеа Русиі въ их государьское богомолие въ опщей монастырь Пыскорской, что над Камою рѣкою на Канкурском городище прародителей наших строенье и из их государьсково жалованья о государе, царе и великом князе Михаиле Федоровиче всеа Русиі и о благовѣрнои царице и великой княгине Евдокѣи Лукъяновне и о благовѣрном и благородном царевиче и великом князе Алексѣе Михайловиче всеа Русиі и о благоверной царевне и великой княжне Иринѣ Михаиловне и о его государеве отце, а о нашемъ великом государе святѣйшем Ѳиларетѣ Никитичѣ патриархе Московскомъ и всеа Русиі и о его государеве матери, а о нашей великой государынѣ инокѣ Марѳе Івановнѣ о их государьскомъ многолѣтномъ здравиі архимариту Сергию со свещенницы со дьяконы и со всею братею соборне и келѣйне Бога молити дали Андрей да Петръ да Иванъ Строгановы дѣда и отцовъ нашихъ и наше прежнее строение изъ Никитинской отчины брата своего з дѣлу по третямъ рѣчку Серью с устья и до вершины по обѣ стороны и с малыми рѣчками и с падунами земли, и лѣса, и рыбную ловлю, и зверины ухожаи и бобровые гоны и сенные покосы и всякия угодия и з деревнями и крестьяны и с рожью, что посѣяно в землѣ, вклад в прок ко Всемилостивому Спасу и Пречистой Богородице и великому Апостолу Іванну Богослову и преподобному отцу Иоаникію Великому. А по Серье рѣчкѣ деревень: деревня Верхсѣрья на рѣчке на Серье, а в ней дворъ Павликъ Ѳедоров, двор Васька Савин, двор Михалко Савин, двор пустъ, Пятунки Игнатьева сына Щулепова, пашни паханые земли осмнатцат чети да перелогу двѣ чети в поле, а в дву потому ж, сѣна по Сѣрье по рѣчке пятдесят пять копен, деревня Дичгерт на усть рѣчки Сѣрья, а в ней двор Селиванко Микулин сынъ Мальцовъ, двор Ѳадѣйко Дмитрѣевъ, пашни паханые земли двѣнатцат чети в поле, а в дву потому ж, сѣна по рѣчке по Серье сорокъ пять копен, пустошъ Етыпка вверхъ Сѣрьи рѣчки, а в ней двор пустъ Павлика Ѳедорова, а Павликъ живет за ними жь. В деревне Верхсѣрьи пашни наежжеи четыре чети в поле, а в дву потому ж, сѣна по рѣке по Серье двѣнадцат копенъ да новыхъ крестьян, что порядили мы Андрей да Петръ да Іванъ Строгановы после писцовъ, Суханко Тимоѳѣевъ сынъ Югов, да Михалко Аѳонас(ь)евъ сынъ Загмогов, да Захарко Ѳилипов, да бобыл Назарко Ѳилипов, да Оѳонька Спиридонов, да Игнашка Юрьев, да крестьяны ж Пахомко да Никитка Савины да бобыль ж Васка Исаков, да бобыль ж Васка Паньтѣлѣевъ. А по писцовым книгамъ пашни паханые земли во всехъ деревнях тритцать шесть чети в поле, а в дву потому ж, да сѣна во всехъ деревнях сто двенатцат копен. И тѣ все деревни, кои в сей даной написаны у нас у Андрѣя и у Петра и у Ивана написаны тѣ деревни в раздѣльных книгах в отдаче ко всемилостивому Спасу и боголѣпному Его Преображению и Пречистой Его Богоматери чеснаго и славнаго Ея Благовѣщения и угодником их Апостолу и Евангелисту Ивану Бо-

гослову и Преподобному отцу Иоаникию Великому, а тѣ роздѣльные книги по государеву цареву и великого князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи и отца ево государева великого государя святѣйшаго Ѳиларета Никитича, патріарха Московскаго и всеа Русиі указу их государьскому положены на Москве в Устюжской чети, а другие книги положены на ево государеве патріархове дворе казенномъ Дворцовомъ приказе, а третьие книги положены у митрополита Варлама Ростовского, што по ихъ государскому жалован(ь)ю и указу, что посылалъ Варламъ митрополит своего сына боярсково Романа Колачникова да под(ь)ячево Исака Ярцова, всѣ трои книги за нашими руками Ондрѣевыми и Петровыми [1]) и Ивановыми и архимариту Сергію и и по нем кои иные архимариты будутъ в дому всемилостиваго Спаса и Пречистые Богородицы и угодников их, владѣти з брат(ь)ею сею нашею дачею Андрея и Петра и Івана по сей нашей даной, что мы им дали з дѣлу деревни и земли и угод(ь)я всякие по Сер(ь)е рѣчке от устья и до вершины и со крестьяны и з бобылями и с лѣсами и с рыбными и с звериными ловлями и со всякими угод(ь)и сверху раздѣльных книг к прежней даче. Да мы ж дали тово ж году Июля в восмый день ко всемилостивому Спасу и Пречистой Его Богоматери и угодником их Ощепковскую деревню на Кондасе с пашенными землями и сенными и рыба имъ в Кондасе у деревни про свой обиход ловити в манастырь. А межа Ощепковской деревне до росох вниз до полуденново Кондаса, а до полуденново Кондаса имъ дѣла нѣтъ. А за тѣ наши дачи имъ архимариту Сергію с брат(ь)ею и кои по нем архимариты будутъ и брат(ь)я в манастыре у всемилостиваго Спаса и у Пречистые Богородицы и угодниковъ их за нас Андрея и Петра и Івана и о матерях наших и о женахъ и о дѣтях о Дмитрѣе и Ѳедоре и о Михаиле и Даниле и о Анне и о Мареe и о Ѳедоре и о Мареe Бога молити; а родителей наших пожаловати поминати за прежнею их дачю и за сю нашу дачю нынѣшную и кормы кормити по Якове и по Григорье и по Семене и по Никите и по Максиме, а будетъ Богъ пошлет по душу нашу и насъ такъ ж им поминати кормы кормити о отцах наших и о матерях и за нас и детѣй наших за прежние вкладъ и строенье и нынѣшнѣе. А писал сѣе даную по приказу Андрея и Петра Семеновичев и Ивана Максимовича Строгановых человѣкъ Ивана Максимовича Ивашко Истоминъ лѣта 7137 году Июля въ 8 день.

На оборотѣ по склейкамъ: „к сеи данои Андрѣй Строгановъ руку приложилъ. К сеи данои Петр Строганов руку приложил. К сеи данои Иван Строганов руку приложилъ“.

(Грам. Колл. Экон., доп. Устюгъ, № 5, въ столбцѣ на четырехъ склейкахъ, безъ печати, подлинникъ съ автографами троихъ Строгановыхъ

[1]) Это мѣсто очень любопытно какъ указаніе на то, гдѣ и какъ хранились документы рода *Строгановыхъ*.

IV.

Обозрѣніе раскопокъ, находокъ и разныя извѣстія.

—— Въ началѣ 1840-хъ годовъ въ Московскомъ Кремлѣ, противъ Константино-Еленинской церкви, подъ горою, при рытіи ледниковъ, найденъ былъ въ землѣ мѣдный, наполненный водою сосудъ, съ пергаменными и бумажными свертками-лоскутами и двумя кусками желѣзной руды и глиняная фляга, въ которой оказалось небольшое количество ртути. По Высочайшему повелѣнію, разсмотрѣніе находки поручено было Академіи Наукъ, которая и издала въ 1845 г., какъ результатъ изслѣдованія по сему предмету, *записку* Я. И. Бередникова *объ открытыхъ въ Московскомъ Кремлѣ древностяхъ*. Пергаменные и бумажные свертки оказались весьма любопытными и цѣнными актами XIV столѣтія, при чемъ при нѣкоторыхъ сохранились и печати. Но изъ тридцати свертковъ были болѣе или менѣе прочитаны только 5, а остальные признаны вовсе нечитаемыми. Въ настоящее время, при блестящихъ успѣхахъ свѣтопечати и новыхъ открытіяхъ въ области химіи, которая за полстолѣтія ушла далеко впередъ, такой приговоръ является преждевременнымъ. Въ этомъ убѣждаетъ, напр., дѣятельность ученыхъ, разбирающихъ коллекцію папирусовъ эрцгерцога Райнера и возстановляющихъ полуистлѣвшіе хрупкіе листочки. Судя по прочитаннымъ Кремлевскимъ лоскутамъ, прочтеніе остальныхъ свертковъ этой находки можетъ дать русской наукѣ новыя цѣнныя данныя въ области исторіи администраціи и финансоваго управленія Россіи XIV столѣтія. Въ виду этого, Академія Наукъ рѣшила сдѣлать попытку къ новому переизслѣдованію документовъ Кремлевской находки и въ настоящее время хранящіеся въ Моск. Гл. Архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ (въ древлехранилищѣ) документы эти, по ходатайству Академіи, отправлены въ С.-Петербургъ.

—— Недавно въ Тобольскѣ найденъ, по словамъ Сибирскихъ газетъ, на глубинѣ одной сажени, скиѳскій котелъ красной мѣди, довольно грубой работы, вѣсомъ 1 пуд. 36 фунт. Котелъ нѣсколько помятъ, такъ какъ лежалъ въ землѣ на боку. Находка представлена въ думу, а послѣднею препровождена въ губернскій музей. Въ верстѣ или немного болѣе отъ этого мѣста, на горѣ Киселевой, нѣсколько лѣтъ тому назадъ производились археологическія раскопки, давшія хорошіе результаты. (Моск. Вѣд. № 205, 1894 г.).

—— Г. Ю. С. въ „Моск. Вѣд.“ № 181, 1894 г., сообщаетъ изъ Юрьева слѣдующее:

Съ незапамятныхъ временъ на Домской горѣ, близъ нынѣшнихъ развалинъ „Домской церкви“ (св. Діонисія) лежалъ жертвенный камень аршина $2^1/_2$ въ діаметрѣ. Свидѣтель языческой старины, онъ представлялъ самую сѣдую древность изъ доисторической эпохи Юрьева Ливонскаго. Около него группировалось много сказаній, соединявшихся съ именами языческихъ эстонскихъ боговъ и историческихъ лицъ. Такъ въ народѣ разсказывали, что на камнѣ этомъ, по взятіи Юрьева, сидѣлъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный.

Подобные жертвенные камни составляли предметъ поклоненія у многихъ народовъ, у финновъ же въ особенности. Такой камень былъ и на одномъ изъ острововъ Ладожскаго озера. Онъ назывался „конемъ камнемъ“. Здѣсь стоитъ теперь Коневецкій монастырь, получившій, очевидно, названіе отъ мощнаго камня и теперь находящагося близъ обители. Близъ входа Печерскаго-Псковскаго монастыря еще лежитъ старый жертвенный камень, предъ которымъ финское мѣстное населеніе, именуемое „полувѣрцами“, особенно женщины и дѣвушки, непремѣнно останавливаются до входа въ монастырь. Онѣ охорашиваются или даже умываются изъ ближайшаго источника, тутъ же, ясною струей, омывающаго камень. Въ одной изъ деревень, на берегу Чудскаго озера, еще въ 1848 году, старшина, въ глухую темную ночь, вмѣстѣ съ единомышленниками своими, сбросилъ такой камень въ рѣчку, чтобы прекратить, какъ говорилъ онъ, „безобразія“, то есть обычай приходить и покланяться камню, испрашивая милости и облегченія отъ недуговъ. Предъ камнемъ зажигались свѣчи, приносились деньги, ленты и разнаго рода предметы.

Жертвенный камень около нынѣшнихъ развалинъ Домскаго храма былъ еще въ католическія времена мѣстомъ святымъ для народа. Храмъ былъ построенъ въ XIII вѣкѣ, когда былъ взятъ Юрьевъ полчищами Ливонскихъ рыцарей и служителей епископа, собравшихся сломить славнаго „князя Вячку“ съ горстью русскихъ и эстовъ, отстаивавшихъ страну отъ пришельцевъ.

Князь погибъ геройскою смертью и сейчасъ же, въ томъ же 1224 году, епископъ Германъ сталъ воздвигать католическій храмъ (самый большой въ Ливоніи) на костяхъ павшихъ православныхъ бойцовъ. (Замѣчательно, что Іоаннъ Грозный, взявъ Юрьевъ, приказалъ снять съ храма великолѣпный колоколъ, литой почти изъ чистаго серебра, съ надписью и знаками, удостовѣряющими его принадлежность епископу эстскому, и свезти въ Нижній-Новгородъ, гдѣ онъ и теперь находится въ Печерскомъ монастырѣ, на берегу Волги).

Въ 1879 или 1880 году, когда происходила новая разбивка сада на Домской горѣ, завѣдывавшая этимъ коммиссія сочла желательнымъ уничтожить древній жертвенный камень. Было приказано взорвать его и вмѣстѣ съ другими, менѣе объемистыми, употребить на фундаментъ возводившихся построекъ.

Возвратившіеся послѣ каникулъ любители старины были поражены исчезновеніемъ камня и возмущены, узнавъ, что древній памятникъ, который пощадилъ католическій фанатизмъ, былъ уничтоженъ. Католическій фанатизмъ, дѣйствительно, въ XIII вѣкѣ пощадилъ камень, удовольствовавшись тѣмъ, что устроилъ на немъ два чашеобразныя углубленія для сохраненія святой воды, которою окроплялись шедшіе во храмъ католики. Камень находился саженяхъ въ десяти отъ Домской церкви.

Однако, камень не былъ взорванъ. Экзекутору Ѳ. Калорашу было поручено уничтожить камень. Родомъ эстонецъ, онъ пожалѣлъ взорвать святыню своихъ праотцевъ, а велѣлъ подкопать камень и скрыть его подъ землей.

Узналъ объ этомъ профессоръ П. А. Висковатовъ, и вотъ, въ виду приготовленій къ Рижскому археологическому съѣзду, испросилъ у правленія университета (завѣдывающаго Домскою горой) позволеніе вновь вынуть камень. На дняхъ камень благополучно вытащенъ изъ своей могилы.

Профессоръ Висковатовъ пока слегка освидѣтельствовалъ почву вокругъ камня. Онъ нашелъ уголь и остатки свинцовой оправы со слюдой, что въ древнія времена замѣняли въ церквахъ оконныя рамы и стекла.

—— Въ „Собр. узаконеній и распоряженій правительства“ опубликовано Высочайше утвежденное мнѣніе Государственнаго Совѣта объ учрежденіи въ Константинополѣ Русскаго Археологическаго Института. Русскій Археологическій Институтъ при императорскомъ посольствѣ въ Константинополѣ имѣетъ цѣлью направлять на мѣстѣ научныя занятія русскихъ ученыхъ древностями и исторіею Греціи, передней Азіи и вообще земель, входившихъ въ составъ Византійской имперіи, преимущественно временъ христіанства, и тѣмъ способствовать развитію русской археологической науки на основѣ непосредственнаго изученія вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ поименованныхъ странъ. Институтъ производитъ археологическія раскопки и устраиваетъ научныя экскурсіи въ разныя мѣстности на основаніи особыхъ соглашеній россійскаго посольства въ Константинополѣ и россійскаго посланника въ Аѳинахъ съ правительствами Турціи и Греціи, издаетъ ежегодно отчетъ о своей дѣятельности и печатаетъ труды своихъ членовъ и

подробные протоколы засѣданій (ст. 21). Отчетъ Института представляется министру народнаго просвѣщенія и сообщается Императорской академіи наукъ для напечатанія, по усмотрѣнію академіи, въ ея изданіяхъ. Личный составъ Института образуютъ: директоръ, ученый секретарь и члены Института. На содержаніе Института разрѣшено отпустить изъ государственнаго казначейства въ 1894 г. шесть тысячъ рублей золотомъ, а начиная съ 1895 г. по двѣнадцати тысячъ рублей золотомъ ежегодно.

—— Вскорѣ послѣдуетъ открытіе церковно-археологическаго общества при С.-Петербургской духовной академіи. Учредители общества— профессора академіи и, главнымъ образомъ, профессоръ церковной археологіи и литургики, извѣстный археологъ Н. В. Покровскій. Общество, помимо общей разработки вопросовъ церковной археологіи и исторіи, будетъ имѣть ближайшею задачею—привести въ порядокъ и описать тотъ богатый рукописный матеріалъ, который находится при библіотекѣ академіи, переданный сюда изъ библіотекъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря и новгородскаго Софійскаго собора. Для разработки устава общества избрана особая комиссія изъ профессоровъ академіи, которая теперь заканчиваетъ свои занятія. Прекраснымъ вспомогательнымъ учрежденіемъ для основываемаго общества будетъ служить существующій уже нѣсколько лѣтъ при академіи церковно-археологическій музей, особенно богатый памятниками православной иконографіи. (Нов. Вр. № 6602, 1894 г.).

—— На разсмотрѣніе правительства поступили ходатайства объ учрежденіи въ Харьковѣ и Курскѣ ученыхъ архивныхъ комиссій по образцу такихъ же комиссій, существующихъ въ Саратовѣ, Тамбовѣ, Орлѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Костромѣ, Рязани и Твери. Потребность въ такихъ спеціальныхъ учрежденіяхъ давно уже ощущается въ этихъ мѣстностяхъ, имѣющихъ массу весьма любопытныхъ памятниковъ, требующихъ возможно тщательнаго изслѣдованія и описанія. (Нов. Вр. № 6612, 1894 г.).

—— Въ гор. Витебскѣ, по иниціативѣ совѣта Свято-Владимірскаго братства, учреждается церковно - археологическій музей. (Нов. № 6576, 1894 г.).

—— Историко-этнографическія коллекціи и коллекціи финскихъ древностей при Гельсингфорскомъ Александровскомъ университетѣ въ настоящее время переданы въ вѣдѣніе казенной археологической коммисіи. (Нов. Вр. № 6646, 1894 г.).

—— Почетный членъ Церковно-Археологическаго общества при Кіевской духовной академіи, Н. А. Леопардовъ, пожертвовалъ въ церковно-археологическій академическій музей цѣнныя коллекціи древнихъ

предметовъ и монетъ. Коллекціи оцѣнены въ 31,135 р. 50 к. (Нов. Вр. № 6577, 1894 г.).

—— Петербургскія газеты сообщаютъ, что калужскому дворянству разрѣшено устроить въ Калугѣ историческій музей, въ древнемъ домѣ, построенномъ для Марины Мнишекъ, которая жила въ немъ долгое время. (Моск. Вѣд. № 201, 1894 г.).

—— Музей классическихъ древностей, принадлежавшій Императорской Академіи Наукъ, уступленъ послѣднею Императорскому Эрмитажу, куда въ настоящее время и перевозятся всѣ коллекціи этого музея. (Нов. Вр. № 6648, 1894 г.).

—— Въ „Трудахъ Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи“ (1894 г.) напечатанъ любопытный указъ Петра Великаго, заимствованный изъ рукописи конца XVIII ст.:

Въ нынѣшнемъ 1709 году Іюля въ 22 день въ указѣ великаго Государя Царя, въ ижерскую канцелярію изъ военнаго походу, изъ подъ Полтавы, за закрѣпою Свѣтлѣйшаго Князя написано: „Здѣлать тотъ часъ манету серебряную вѣсомъ въ десять фунтовъ, а на ней вырѣзать Іуду на асинѣ повѣсившагося, и внизу тридесять сребренниковъ лежащихъ, и при нихъ мешекъ, и на зади подпись: треклятый сынъ погибелный Іуда, еже за сребролюбіе давится... Да къ той манетѣ здѣлать чепь въ два фунта, и прислать тое монету въ военный походъ на нарочной почтѣ немедлѣнно“.

И по тому Его Великаго Государя указу къ дѣлу той манеты отдано изъ ижерской канцеляріи отъ росходу расходчика Семена Баженова, серебренаго дѣла мастера Матвѣю Алексѣеву серебра ефимками четвертаками и полуефимками двенадцать фунтовъ да на угаръ полфунта, и того двенадцать фунтовъ съ полфунтомъ

—— (Раскопки въ Дельфахъ). Завѣдывающій раскопками въ Дельфахъ, Омоль, сообщаетъ въ докладѣ министру слѣдующее: Раскопки начались 27 марта по слѣдующей, составленной на этотъ годъ, программѣ:

1) Кончить раскопку храма Аполлона и начать вырываніе верхней части святилища, въ которой находился театръ и знаменитое Лесхе Книдянъ, украшенное живописью Полигнота.

2) Открыть весь участокъ земли, заключающійся въ священной оградѣ, начиная съ сокровищницы Аѳинянъ до восточнаго входа въ святилище и до самой ограды съ трехъ ея сторонъ: восточной, южной и западной.

3) Разрыть пространство между южной (эллинской) оградной стѣной и дорогой, чтобы собрать архитектурные и скульптурные обломки, которые могли быть отброшены туда.

До сихъ поръ самыя лучшія и самыя многочисленныя находки были сдѣланы между сокровищницею Аѳинянъ и оградою. Тутъ были отрыты основанія сокровищницы Беотійцевъ. Она была построена въ память битвы при Левктрахъ. Выстроена она изъ сѣровато-голубаго известняка и покрыта надписями, которыхъ собрано порядочно; особенно много проксеній Ѳиванцамъ—самый лучшій и самый длинный отрывокъ представляетъ опредѣленіе границъ.

Впрочемъ, эпиграфическіе документы продолжаютъ находить въ изобиліи: со времени прошлогоднихъ раскопокъ найдено болѣе ста новыхъ; изъ числа ихъ интересны два счета IV-го столѣтія, подпись художника Ѳеопропа Эгинскаго, имѣющая двойную цѣнность: документа историческаго и топографическаго указанія, такъ какъ она упомянута въ описаніи Павсанія; письмо римскаго сената къ Дельфійцамъ, ставшимъ жертвою насилія нѣкоторыхъ сосѣдей; письмо это — прекрасная страница въ политической литературѣ; посвященія, постановленія, чествующія благодѣтелей Дельфовъ и особенно прославляющія атлетовъ, музыкантовъ, поэтовъ, получившихъ награды на состязаніяхъ и т. п.

Достигая глубокихъ слоевъ почвы, встрѣчается большое количество остатковъ глиняныхъ и бронзовыхъ издѣлій.

Глиняные вазовые черепки, (такъ какъ до сихъ поръ нашлось мало цѣлыхъ экземпляровъ, даже хотя бы и самыхъ маленькихъ), можно распредѣлить между черепками вазъ микенскаго стиля, съ геометрическимъ орнаментомъ, протокориѳскими и кориѳскими. Собранные въ Дельфахъ остатки черепковъ геометрическаго стиля представляютъ, повидимому, нѣсколько особенностей, достойныхъ изученія.

Бронзовыя вещи принадлежатъ большею частію къ предметамъ священной утвари: треножники, котлы, чаши, вазы и т. д.; но слишкомъ большая влажность почвы способствовала вообще большому ихъ окисленію и повредила ихъ. Между прочимъ, посчастливилось найти совершенно неповрежденный предметъ, покрытый прекрасной патиной; это одна изъ тѣхъ птицъ съ человѣческимъ лицомъ, въ восточномъ стилѣ, какія находили уже на оз. Ванѣ, въ Олимпіи и на горѣ Итоосъ. Найдена еще другая подобная же птица, но хуже сохранившаяся; левъ ассирійскаго типа; три головы грифоновъ, подобныя тѣмъ, какими украшаютъ треножники; двѣ маленькія лошадки и еще другое маленькое животное, собака или волкъ. Одного изъ грифоновъ можно сравнить съ лучшимъ изъ найденныхъ въ Олимпіи.

Изображеніе человѣческой фигуры встрѣчается въ различныхъ статуэткахъ, изъ которыхъ самая древняя, совершенно примитивнаго характера, напоминаетъ глиняную плоскую модель и типъ лица Депилона;

другая принадлежитъ къ разряду архаическихъ фигуръ Аполлона. Изящное произведеніе четвертаго или конца пятаго вѣка представляетъ фигура Аѳины, къ несчастію, очень окислившаяся.

Особенно интересно и важно для археологіи—это открытіе скульптурныхъ метопъ сокровищницы Аѳинянъ; эти изящныя произведенія аттической школы, съ точнымъ обозначеніемъ времени, къ которому они относятся, восполняютъ пробѣлъ въ исторіи греческаго искусства. Ихъ собственная цѣнность, вызванныя ими сравненія, заключенія, которыя они оправдываютъ,—все причисляетъ ихъ къ разряду вещей, имѣющихъ важное значеніе. По смѣлости замысла, по изяществу выполненія, по значенію, какъ художественному, такъ и научному, ихъ можно сравнить съ открытіями, сдѣланными въ Олимпіи и въ Аѳинскомъ Акрополѣ. Со времени этихъ большихъ раскопокъ еще не было сдѣлано открытія, подобнаго послѣднему. Оно дополняется теперь открытіемъ каріатидъ и фриза, который, какъ кажется, относится къ храму Аполлона.

Произведенія, которыя теперь найдены, двадцатью или тридцатью годами древнѣе найденныхъ въ сокровищницѣ; такимъ образомъ, они вышли изъ аттическихъ мастерскихъ и служатъ продолженіемъ того періода, интереснѣйшую и большею частью новую исторію котораго мы возстановляемъ. Это то время, когда архаизмъ освобождается отъ своихъ послѣднихъ оковъ, когда, владѣя всѣми пособіями, всѣми средствами, необходимыми для своего искусства, художники начинаютъ преслѣдовать и постигать идею красоты, когда приготовляется и выясняется уже тотъ высшій и усовершенствованный идеалъ, который впослѣдствіи осуществилъ Фидій.

У основанія эллинской стѣны найдена женская голова, величиною около 50 сантиметровъ. Хотя это произведеніе архаическое, но удивительно изящное, со всею свѣжестью юности, не измѣнившееся отъ времени. Голова покрыта повязкой съ длинными волнующимися концами, поверхъ которой проходилъ двойной рядъ завитыхъ волосъ; діадима убрана металлическими украшеніями и надъ нею что-то въ родѣ тіары (или пόлоса), лежащей на изящномъ вѣнчикѣ изъ сердечекъ. На остаткахъ пόлоса замѣтны слѣды ноги, изъ чего можно заключить, что онъ былъ украшенъ фризомъ изъ фигуръ людей.

Это обстоятельство заставило Омоля вспомнить о колонкѣ съ фигурами, найденной въ раскопкахъ прошлаго года, которая при приставкѣ къ головѣ какъ разъ подошла къ ней, что дало возможность опредѣлить статую: это была каріатида. Позднѣе была открыта голова, того же размѣра и убранная какъ и первая, при чемъ ея полосъ сохранился еще въ цѣлости. Это произведеніе относится, конечно, къ тому

же времени, какъ и первое, но носитъ на себѣ нѣсколько болѣе строгій, болѣе сухой отпечатокъ, какъ бы нѣкоторое, болѣе замѣтное стремленіе къ архаизму, но тѣмъ не менѣе, оно очевидно современно первому и было предназначено имѣть то же назначеніе въ одномъ и въ томъ же зданіи.

Къ какому зданію можно отнести обѣ каріатиды, руководители раскопокъ покуда, за отсутствіемъ данныхъ, еще не опредѣлили. Сцены на полосѣ относятся къ культу Вакха и Аполлона.

Найденъ еще обломокъ барельефа, архаическаго стиля, представляющій сцену похищенія женщины мужчиною, уносящимъ ее въ объятіяхъ къ колесницѣ. Въ раскопкахъ предъидущихъ былъ найденъ тѣхъ же размѣровъ барельефъ съ изображеніемъ квадриги и затѣмъ, вскорѣ за находкою вышеописаннаго (со сценою похищенія) нашли другой обломокъ, на которомъ изображенъ всадникъ, садящійся на лошадь и держащій въ поводу другую, впереди и сзади которой были еще лошади.

Это, очевидно, фризъ, на которомъ былъ изображенъ рядъ колесницъ и всадниковъ; Павзаній не говоритъ о немъ, какъ не говоритъ, впрочемъ, и о скульптурахъ сокровищницы Аѳинянъ. Фризъ имѣетъ около 65 сантиметровъ высоты; онъ могъ бы принадлежать храму, немного меньшему, чѣмъ Парѳенонъ, и Омоль предполагаетъ, что этотъ храмъ могъ быть знаменитымъ храмомъ Аполлона.

Изъ другихъ барельефовъ упоминается съ изображеніемъ группы трехъ сидящихъ богинь, въ числѣ которыхъ Аѳина; онѣ разговариваютъ и, кажется, полныя любопытства, показываютъ другъ другу на зрѣлище, которымъ онѣ живо интересуются. Не многія изъ архаическихъ скульптурныхъ работъ такъ привлекаютъ вниманіе, какъ эта.

Если этотъ фризъ принадлежитъ къ храму, то его можно, по словамъ Омоля, отнести къ школѣ Каламита.

Далѣе Омоль упоминаетъ о найденномъ фронтонѣ, съ изображеніями 8 фигуръ боговъ и 2-хъ лошадей, сюжетъ котораго представляетъ споръ о треножникѣ, и прибавляетъ, что фриза найдено 12 метровъ, при чемъ въ составъ его входятъ 2 угловыя части, почти цѣлый фасадъ и одна цѣлая композиція. (Извлечено изъ отчета Омоля, помѣщеннаго въ Chr. d. Arts., №№ 20—21, 1894 г.).

—— Послѣ донесенія Омоля, въ газетахъ появились извѣстія о новыхъ находкахъ въ Дельфахъ: найдено 6 метоповъ сокровищницы Аѳинянъ, прекрасно сохранившихся, обломки метоповъ сокровищницы острова Сифноса и обломки новаго гимна, высѣченнаго на мраморѣ. Найдена колосальная статуя Аполлона архаическаго стиля и фризъ съ изображеніемъ Гигантомахіи. Эти барельефы составляютъ продолженіе

ранѣе найденныхъ и служили украшеніемъ памятника, посвященнаго Гелономъ въ память битвы при Гимерѣ, на которомъ сохранилась посвятительная надпись, представляющая важный документъ въ историческомъ и топографическомъ отношеніи. Омоль открылъ часть подземныхъ строеній большаго храма Аполлона (Chr. d. A., № 22, 1894 г.).

—— Извѣстный чешскій археологъ д-ръ Машка, давно уже занимающійся раскопками около города Брюнна (Брна) въ Моравіи и нашедшій тамъ въ слояхъ лёсса многія сотни костей мамонта, открылъ недавно въ одномъ изъ тѣхъ же слоевъ остатки шести человѣческихъ скелетовъ. Въ виду рѣдкости подобныхъ находокъ, относящихся къ столь отдаленному періоду (вѣку мамонта), открытіе д-ра Машки заслуживаетъ большаго вниманія, тѣмъ болѣе, что здѣсь найдено нѣсколько, повидимому, довольно цѣлыхъ череповъ. Д-ръ Машка имѣетъ въ виду описать подробно свою находку; покуда извѣстно только, что черепа и кости этихъ древнѣйшихъ людей отличаются своею величиною. (Р. В. № 248, 1894 г.).

—— Недавно на островѣ Фальешерѣ (въ Даніи) вырыты были двѣ первобытныя бронзовыя трубы, такъ-называемыя „луры". По изслѣдованію археологовъ, онѣ лежатъ въ землѣ около 2,500 лѣтъ и были положены въ землю на мѣстѣ, гдѣ совершались жертвоприношенія. Трубы были найдены на глубинѣ лишь 28-ми дюймовъ, длина каждой два метра, онѣ украшены цѣпями и различными вычеканенными фигурами. Подобныя трубы уже имѣются въ мѣстномъ національномъ музеѣ. (Нов. Вр. № 6643, 1894 г.).

—— Французскій археологъ Ривьеръ произвелъ раскопки въ нѣсколькихъ пещерахъ департамента Дордоньи, грунтъ которыхъ оказался состоящимъ изъ пластовъ потретичной формаціи частью допотопныхъ эпохъ, частью же болѣе позднѣйшихъ. Изслѣдованная имъ Комбарельская пещера состоитъ изъ двухъ половинъ, раздѣленныхъ выступами, изъ которыхъ одна, по всѣмъ признакамъ, служила обиталищемъ для первобытныхъ людей. Раскопки обнаружили явные въ этомъ отношеніи слѣды, такъ какъ во многихъ мѣстахъ ея были открыты полированные кремни, заостренные въ видѣ стрѣлъ, просверленные зубы кабановъ, оленей и медвѣдей, а также кости крупныхъ млекопитающихъ и бивни носороговъ. Въ другой пещерѣ, близь мѣстечка Рэ, Ривьеръ открылъ остовъ носорога и черепъ пещерной козы, „Capra primigenia", съ огромнѣйшими витыми рогами. Вниманіе археологовъ обратила костяная рукоятка съ весьма художественною на ней рѣзьбой, изображающею различныхъ рыбъ. Въ третьей пещерѣ, называемой мѣстными жителями Лафонтенской, оказались кости однихъ только животныхъ, гіенъ, мед-

вѣдей, слоновъ, лошадей, оленей и буйволовъ, глубоко залегавшія въ глинистомъ пластѣ краснобураго цвѣта. (Моск. Вѣд. № 215, 1894 г.).

—— Точилеско, хранитель Бухарестскаго музея, изслѣдуя памятникъ, воздвигнутый въ Добруджѣ, въ память походовъ Траяна на Дакійцевъ, полагаетъ, что этотъ памятникъ былъ воздвигнутъ по проекту Аполлодора Дамасскаго, архитектора колоны Траяна. (Rev. Cr. № 47, 1893 г.).

—— Парижская національная библіотека пріобрѣла великолѣпную древнюю камею, на которой изображенъ поединокъ между сассанидскимъ царемъ и римскимъ императоромъ, сидящими на лошадяхъ. Бабелонъ (хранитель монетъ Національной Библіотеки) признаетъ въ этой сценѣ царя Сапора I-го, берущаго въ плѣнъ императора Валеріана-отца, плѣнъ котораго (въ 260 г. по Р. Х.) у Персовъ перешелъ въ легенду. Кромѣ своихъ необыкновенныхъ рѣзмѣровъ и красоты рѣзьбы, камея эта представляетъ историческій интересъ. (Rev. Cr. № 24, 1893 г.).

—— Heuzey, сообщилъ Парижской Академіи Надписей, что онъ имѣлъ возможность изучить, замѣчательную серебряную вазу Константинопольскаго музея, найденную при раскопкахъ въ Пелло, въ Халдеѣ, Сарзекомъ. Рядомъ съ надписью, которая носитъ имя patési Enténa, онъ нашелъ орнаментъ, исполненный очень тонко рѣзцомъ, который теперь почти невидимъ, вслѣдствіе окисленія. Это четыре симметричныхъ группы, въ которыхъ повторяется, изображеніе орла со львиной головой на двухъ идущихъ львахъ. Надъ этимъ рядомъ рѣзьбы кромѣ того возвышается еще полоса, болѣе узкая; ее составляютъ лежащія телицы. Это самый древній примѣръ такихъ, возвышающихся одинъ надъ другимъ рядовъ животныхъ, которые въ теченіе долгихъ вѣковъ сохранились въ восточной техникѣ и даже въ древнемъ греческомъ гончарномъ искусствѣ. (Rev. Cr. № 23, 1893 г.).

V.

Раскопки кургановъ въ Рыльскомъ уѣздѣ (Курской губ.).

Въ первыхъ числахъ августа текущаго года, по любезному приглашенію одного изъ землевладѣльцевъ Рыльскаго уѣзда В. В. Филимонова, произведена мною съ д-ромъ Н. И. Коротневымъ и самимъ землевладѣльцемъ раскопка кургановъ, находящихся на земляхъ В. В. Филимонова.

Могильникъ занимаетъ большую площадь, которая принадлежитъ большею своею частію г. Филимонову, частію же церкви сосѣдняго села Голубовки. Курганы поросли старымъ дубовымъ лѣсомъ, частію же, вѣроятно, по сведеніи лѣса, находятся на пашнѣ, почему часть ихъ была распахана и едва замѣтна въ полѣ. Находятся курганы въ Петровской волости, въ полуверстѣ отъ деревни Студенка и въ томъ же разстояніи отъ рѣки Нестуни, впадающей въ р. Свапу, притокъ Сейма, расположены не далеко (около 3-хъ верстъ) отъ большой дороги изъ Рыльска въ Дмитріевъ, верстахъ въ 30 отъ Рыльска. Курганы, одинъ или два, были хищнически раскопаны кладоискателями, которые однако, судя по разсказамъ, ничего не нашли. Какъ и въ другихъ случаяхъ, о курганахъ сохранились кое-какія преданія; именно по отношенію къ изслѣдованнымъ курганамъ однимъ старикомъ изъ Студенка было сообщено, правда, въ довольно сбивчивомъ разсказѣ слѣдующее: въ этихъ курганахъ скрыты сокровища, закопанныя давно уже Кудеяровцами, т. е. разбойниками изъ шайки Кудеяра. Всѣмъ зарытымъ вещамъ была де сдѣлана опись [1]), которую сосѣдніе крестьяне выпахали въ полѣ закатанной въ воскъ и за 50 к. уступили владѣльцу сосѣдняго хутора. Потомъ опись эта перешла къ Голубовскому священнику; гдѣ она теперь, неизвѣстно. Разсказывавшій утверждалъ, что онъ самъ видѣлъ эту книгу; но онъ не грамотенъ, поэтому передаетъ то, что ему сказывали. На основаніи этихъ же разсказовъ, онъ утверждалъ, что въ одномъ изъ раскопанныхъ нами кургановъ (№ 4) должны быть закопаны пушки.

Число кургановъ этого могильника далеко заходитъ за сотню; расположены курганы безъ всякаго видимаго порядка, исключая большіе курганы, около которыхъ расположены группами мелкіе. Многіе курганы отъ времени расплылись, другіе же сохранили лучше первоначальную форму полушарія; обычная высота кургановъ аршинѣ съ вершками (точнѣе: отъ 1 арш. до $1^{1}/_{4}$ арш.) [2]). Большіе курганы (ихъ на раскапываемомъ участкѣ 3) имѣютъ ту же форму полушарія, но съ радіусомъ въ 5 арш. (напр., № 4), окружены неглубокимъ въ настоящее время рвомъ, около $1^{1}/_{2}$ арш. ширины; ровъ на востокѣ и на югѣ перерывается земляной перемычкой около аршина ширины. Около большаго кургана расположены съ востока мелкіе по краю рва: три по

---

1) Ср. Археол. Изв. и Зам. 1894 г., № 5 стр. 162–163 (№ 14 и 19). Подобныя же легенды о разбойникахъ, также съ указаніемъ на запись, содержащую перечень закопанныхъ сокровищъ, связаны съ другими курганами въ Суджанскомъ и Рыльскомъ уѣздахъ; см. *А. Дмитрюковъ*. Курганы и городища въ Суджанскомъ и Рыльскомъ уѣздахъ. (Труды Курск. Стат. Ком., Вып. I, стр. 509—510).

2) Два изъ изслѣдованныхъ кургана по 14 верш. вышины; но оба они (№ 6 и 9) уже значительно оплыли. Средняя высота получается 1 арш. 8 верш.

самому краю и по одному на разстояніи около 2-хъ аршинъ. При другомъ большомъ курганѣ такая же группа изъ 7 мелкихъ кургановъ. На вершинѣ большаго кургана—углубленіе, круглое, около $^1/_4$ арш. въ діаметрѣ, едва-ли не современнаго происхожденія [1]). Около мелкихъ кургановъ также замѣчается слѣдъ канавы: отсюда очевидно брался матеріалъ для насыпки кургана [2]). По составу почвы курганы большею частью состоятъ изъ чернозема, иногда съ примѣсью суглинка, исключая одинъ изъ раскопанныхъ, состоявшій въ своей массѣ изъ глины (№ 1).

Изо всей группы кургановъ удалось раскопать только одиннадцать: десять обыкновенныхъ, одинъ большой. При раскопкѣ снималась треть кургана отъ вершины, затѣмъ шла раскопка траншеей, а позднѣе, когда болѣе или менѣе выяснилось положеніе костяка,—колодцемъ. Въ десяти мелкихъ курганахъ нашлось четыре мужскихъ и шесть женскихъ костяковъ (по опредѣленію Н. И. Коротнева). Всѣ костяки лежали на поверхности земли, на спинѣ съ вытянутыми ногами и руками вдоль туловища или, можетъ быть, въ иныхъ случаяхъ съ руками, скрещенными на тазѣ [3]). Всѣ костяки обращены головой на западъ, съ небольшими отклоненіями отъ этого направленія къ сѣверу. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (кург. № 3) кости или были потревожены, или костякъ оказывался не полнымъ (№ 10). Черепа сохранились хорошо, исключая одинъ (№ 1), который былъ расплющенъ и развалился, повидимому, отъ дѣйствія огня [4]). Оконечности, особенно ногъ, въ большинствѣ случаевъ цѣликомъ не сохранились.

Курганъ № 4—большой—оказался почти пустымъ, вершковъ на 12 отъ вершины стали попадаться остатки угля въ безпорядкѣ и въ ничтожномъ количествѣ въ южной части кургана; на глубинѣ 2 арш. $4^1/_2$ верш. отъ вершины въ юго-западной части на разстояніи около $1^1/_2$ ар. отъ центра нашелся разбитый опрокинутый вверхъ черепъ, не полный, а въ немъ вложенная верхняя часть другаго черепа; все это, угли и черепа, попали, вѣроятно, изъ другой могилы случайно при насыпкѣ кургана № 4. Далѣе на глубинѣ $4^1/_2$ арш. отъ вершины оказалась нора какого-то звѣрька. Никакихъ другихъ остатковъ вещей и ихъ слѣдовъ въ курганѣ не оказалось.

Въ остальныхъ курганахъ при костякахъ были найдены вещи, при

---

[1]) Одинъ изъ кургановъ въ прошломъ году изслѣдовали буромъ прямо черезъ вершину; результатовъ буреніе не дало никакихъ.

[2]) Ср. Указатель памятниковъ Императорскаго Историческаго Музея (2 изд.), стр. 211, также стр. 204.

[3]) Положеніе черепа и костей иногда измѣнялось отъ давленія земли или корней близь растущихъ дубовъ.

[4]) Кости имѣютъ видъ обожженныхъ; объ этомъ курганѣ см. ниже.

чемъ, какъ обыкновенно [1]), женскія могилы дали бо̀льшее число предметовъ, нежели мужскія.

Вездѣ погребеніе обыкновенное; исключеніе представляетъ курганъ № 1 (высота 1 арш. 10 вер.; периметръ 11 с. $2^1/_2$ арш.): подъ слоемъ чернозема, покрывавшаго курганъ $^1/_4$ ар., оказалась глина свѣтлая, но съ пятнами краснаго кирпича, не имѣющаго опредѣленной формы, расположеннаго ближе къ центру кургана. Костякъ оказался буро-синеватаго цвѣта, кости черепа распавшимися. Вѣроятнѣе всего объяснить эту особенность кургана тѣмъ, что при погребеніи на курганѣ былъ разведенъ огонь, обратившій часть глины въ кирпичъ. Изъ вещей при костякѣ найдено только нѣсколько бусъ мелкихъ, желтыхъ, и бронзовыхъ въ видѣ бубенчиковъ, совершенно сходныхъ съ тѣми, которыя оказываются въ курганахъ Суджанскаго уѣзда и около гор. Глинска [2]); подобные же бубенчики найдены и въ кург. № 7. Бусы составляли ожерелье на шеѣ костяка. Въ ногахъ у него найденъ горшокъ изъ бѣлой глины съ волнистымъ орнаментомъ въ полной сохранности; въ горшкѣ никакихъ остатковъ не оказалось.

Наиболѣе богатыя находки дала женская могила № 2 (высота 1 арш. 6 вер.; периметръ 11 с. 3 арш.). Костякъ лежалъ правильно на спинѣ съ вытянутыми руками и ногами, головой на западъ. При черепѣ на ушахъ найдены бронзовыя семилепестныя съ зубчиками по верхнему краю серьги, на правомъ ухѣ 3 серьги, надѣтыя на не спаянное колечко съ острымъ концемъ (вѣроятно, имъ они привѣшены были за мочку уха), на лѣвомъ одна; на шеѣ, оказалась гривна—шейное кольцо изъ трехграннаго прута, округленнаго сзади; концы прута заходятъ одинъ за другой и оканчиваются шишками въ видѣ розетокъ, припаянными къ кругу свинцомъ. Ниже на шеѣ ожерелье изъ мелкихъ стеклянныхъ желтыхъ бусъ; въ срединѣ ожерелья—медальонъ изъ бѣлаго сплава (повидимому, долженъ быть ажурнымъ) съ тератологическимъ орнаментомъ, и лунница—подвѣска, посеребреная съ орнаментомъ по краямъ въ видѣ зубчиковъ. На правой рукѣ, на плечевой кости, находился браслетъ бронзовый изъ толстой проволоки (найденъ отдѣльно въ сторонѣ) и на самой рукѣ бронзовое же не спаянное плоское кольцо съ рельефнымъ орнаментомъ въ видѣ ёлочки.

Въ остальныхъ курганахъ находки были скудны: въ № 3 (женскій) нашлись по три большихъ височныхъ кольца, можетъ быть, посеребренныхъ; въ № 5 (женщина) ничего, кромѣ черепка грубой работы сосуда; № 6

---

[1]) Указатель памятниковъ Истор. Муз., стр. 210, 213, 256 и т. д.

[2]) См. Д. Я. Самоквасова Каталогъ коллекціи древностей (Варш. 1892), стр. 76-77 (планшетки, № 256, 258, 260).

(мужчина)—также оказался пустымъ: одинъ костякъ и остатки какого-то мелкаго грызуна; въ № 7 (женщина) нѣсколько бронзовыхъ бусъ-бубенчиковъ (ср. № 1); въ № 8 (мужчина)—между ногами (вѣроятно, при поясѣ)—обломокъ желѣзнаго ножа; № 9(женщина) желѣзка—подъ подбородкомъ и стеклянныя бусы, на лѣвой рукѣ браслетъ, бронзовый, изъ толстой проволоки, безъ спайки; длина костяка 2 арш. 3 вер. [1]); скелетъ женскій; № 10 и 11 (мужчины)—по желѣзному ножу у правой руки.

Присматриваясь къ типамъ найденныхъ вещей, легче всего замѣчается сходство ихъ съ вещами изъ кургановъ мѣстностей Суджанскаго уѣзда, Курской губ. (у бывшаго Бѣлогородскаго-Николаевскаго монастыря), около г. Глинска (Полтавск. губ. [2]). Главное отличіе находокъ этихъ кургановъ отъ раскопанныхъ нами—присутствіе въ нихъ спиральныхъ привѣсокъ (серегъ или украшеній головнаго убора), которыхъ въ нашихъ курганахъ не оказалось [3]). Въ нихъ нашлись всѣ тѣ же типы бусъ (стеклянныя): золоченыя, гладкія и рубчатыя,—глиняныя и бронзовыя), что и въ нашихъ курганахъ (см. планш. № 258—260); также № 254 (№№ 3780—83); тѣ же лунницы [4]), но нѣсколько большихъ размѣровъ; такая же подвѣска въ видѣ медали (№ 3818), но съ рисункомъ иного типа, часто встрѣчающагося и гораздо сѣвернѣе. Височныя кольца и шейныя гривны—отличны отъ нашихъ: они витыя. Способъ погребенія судя по всему, одинаковъ въ раскопанной нами группѣ и въ курганахъ суджанскихъ: большинство этихъ послѣднихъ содержатъ тоже простое погребеніе, съ тѣмъ же положеніемъ костяка въ общемъ, съ той же величиной (отъ $^1/_2$ до 5 арш.) кургановъ [5]). Въ нашихъ же курганахъ особенность составляютъ серьги кург. № 2, въ общемъ напоминающія московскій типъ, по раздѣленію на семь лепестковъ, но лепестки иной формы (остроконечной), и шейная гривна. Совершенно неожиданное оказалось сходство нашей раскопки съ раскопкой около с. Туровичей (Могилевск. губ. по р. Сожи) В. И. Сизова; въ ней нашлась и шейная гривна, совершенно сходная съ нашею (только немного грубѣе), тѣ же мѣдныя серьги (на нашихъ сохранился орнаментъ, котораго нѣтъ въ кург. с. Туровичи), тѣ же бусы, и наконецъ, такое же совершенно кольцо, какъ и у насъ въ № 2. Эти сопоставленія, повидимому, указы-

---

1) Подобные же размѣры, приблизительно, имѣютъ и другіе костяки.

2) Раскопки Д. Я. Самоквасова. См. „Основанія... и каталогъ“, стр. XXXI и 74 -77 (№№ 3768—3882).

3) Изображенія ихъ см. въ Трудахъ Курскаго Стат. Ком. Вып. I. „Городища и курганы въ Суджанскомъ и Рыльскомъ уѣздахъ (А. Дмитрюкова), табл. къ стр. 512; тамъ же Вып. III (Курганы у Никольской Бѣлгородской пустыни» Д. Я. Самоквасова); табл. къ стр. 205 - 208. См. коллекц. Д. Я. Самоквасова № 3826—3828, 3871—3873.

4) Изображеніе см. также, въ ст. Самоквасова.

5) См. статью Д. Я. Самоквасова въ III вып. Трудовъ Стат. Ком.

ваютъ на широкое распространеніе типовъ нѣкоторыхъ вещей, а можетъ быть и обычаевъ, на пространствѣ бассейна р. Днѣпра. Съ другой стороны, датировка кургановъ Суджанскаго уѣзда монетой 1027—1054 и восточными монетами IX—X вв. [1]) можетъ отчасти дать указанія и для опредѣленія времени раскопанныхъ нами кургановъ.

Что же касается вообще археологическихъ изслѣдованій края, гдѣ намъ пришлось производить раскопки, то, сколько мнѣ извѣстно, край этотъ изученъ весьма слабо. Вотъ весь небольшой печатный матеріалъ, который мнѣ удалось собрать.

Впервые попытка познакомиться съ археологіей края сдѣлана была еще въ 1829 г. *А. Дмитрюковымъ*, описавшимъ нѣсколько своихъ разысканій въ Суджанскомъ и Рыльскомъ уѣздахъ: имъ раскопаны нѣсколько кургановъ, описано нѣсколько городищъ, даны двѣ карты мѣстностей около Рыльска и образчики вещей, найденныхъ въ курганахъ (см. Труды Курск. Статистич. Комит. Вып. I (Курс. 1863 г.), стр. 506—517: „Городища и курганы въ Суджанскомъ и Рыльскомъ уѣздахъ“). Раньше, именно въ 1848 г. (Московск. Вѣд., № 157), имъ же дана краткая замѣтка о городищѣ близь Рыльска. Затѣмъ слѣдуетъ въ Трудахъ того же Статистич. Ком. (Вып. III, Курскъ 1874 г.): „Указатель городищъ и кургановъ и другихъ древнихъ земляныхъ насыпей въ Курской губ.“ — перечень довольно не полный, составленный при помощи волостныхъ правленій (стр. 157 — 176). Въ томъ же выпускѣ находимъ статью Д. Я. Самоквасова „Курганы у Николаевской-Бѣлгородской пустыни“ (стр. 205—208): описаніе раскопокъ, сдѣланныхъ въ сентябрѣ 1872 г., и статью *И. Тихомирова* „Замѣтка о курганахъ Суджанскаго уѣзда“ (стр. 151—154), по поводу тѣхъ же Бѣлогородскихъ кургановъ, самаго общаго характера. Къ 1876 г. касающаяся Рыльскаго уѣзда статья Д. Я. Самоквасова „Древнія земляныя насыпи“ (Древн. и Нов. Рос., т. I, стр. 267, 343, 348). Наконецъ, каталогъ вещей изъ кургановъ того же Бѣлогородскаго мон., кургановъ Курскаго уѣзда, Путивльскаго—изданъ Д. Я. Самоквасовымъ въ „Основаніяхъ хронологич. классификаціи...“ (Варшава. 1892 г.)“ (стр. 72 и сл.).

Изъ отдѣльныхъ и случайныхъ находокъ намъ извѣстны въ коллекціяхъ Моск. унив. (нынѣ въ Историч. Музеѣ) отдѣльные предметы изъ Обоянскаго уѣзда [2]) и нѣсколько вещей, по всей вѣроятности идущихъ изъ Курской же губ. [3]).

---

[1]) Д. Я. Самоквасовъ «Основанія.... и каталогъ», стр. XXXI.

[2]) Кратко описаны въ «Временникѣ О. И. и Д.» кн. 16 (1853 г.), стр. 68 (Смѣсь). Предметы, повидимому, Римской эпохи; ср. «Указатель памятниковъ Истор. Музея», стр. 155.

[3]) Даръ У—у Ф. А. Терещенка (см. «Указатель...», стр. 155—156).

Въ виду такого состоянія археологіи Курскаго края нельзя не выразить признательности В. В Филимонову, рѣшившемуся нѣсколько расширить наше знакомство съ археологіей края, и не пожелать возможно успѣшнаго продолженія этихъ разысканій.

М. Сперанскій.

VI.

Два вопроса знатокамъ Византійской иконографіи.

Интересуясь Византійской иконографіей, какъ любитель, я рѣшаюсь обратиться къ знатокамъ съ слѣдующими вопросами:

1) Въ первомъ номерѣ журнала „Notes d'Art et d'Archéologie" за текущій 1894 годъ помѣщена статья „Saint Luc, peintre", подписанная г. *Ch. Clair*. Интересъ этой замѣтки заключается въ описаніи древней иконы, съ которой прилагается и снимокъ, исполненный цинкографіей. Авторъ склоняется къ мнѣнію, что описанный образъ представляетъ одну изъ весьма древнихъ копій съ утраченнаго оригинала письма св. евангелиста *Луки*. Происхожденіе этой иконы Богоматери Одигитріи излагается въ исторіи путешествій австрійскаго полковника *de Ssreling'a*, производившаго въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія археологическія разысканія въ Палестинѣ. Полковникъ *de Ssreling* нашелъ икону Богоматери въ вещахъ, унаслѣдованныхъ имъ отъ греческаго монаха *Исаака*, скончавшагося во время переѣзда въ Европу. При образѣ находился документъ XV — XVI в. на греческомъ языкѣ, писанный на пергаминѣ и излагавшій исторію происхожденія иконы. Этотъ актъ, нѣчто въ родѣ завѣщанія какого-то *Азаріи* своему брату *Захаріи* въ настоящее время утраченъ, самая же икона цѣла и описывается г. *Ch. Clair'омъ* такимъ образомъ: „C'est une *plaque de cuivre* de 28 centimètres de hauteur sur 22 de largeur, peinte *à l'encaustique*. Habillement nettoyé, sans retouche, paraît-il, le tableau avait gardé son brillant coloris. La Vierge-Mère porte une robe d'un rouge foncé, brodée de petites étoiles; le voile qui couvre la tête est de même couleur. Le vêtement de l'Enfant-Dieu est blanc, avec un manteau enrichi d'or. *Sur le fond doré de l'image on distingue des inscriptions* d'un brun clair, écrites, au dire de plusieurs savants orientalistes, en caractères fort anciens" [1]).

Не имѣемъ ли мы въ данномъ случаѣ дѣла съ фальсификаціей и если нѣтъ, то къ какому времени можетъ относиться описанная г. *Ch. Clair*'омъ икона?

2) Въ прошломъ 1893 году въ г. *Freiburg im Breisgau* вышелъ въ свѣтъ

---

[1]) „Deux savants, très versés dans les langues orientales, le *P. Durand* et le *P. Cheiko*, ce dernier d'origine syrienne, y retrouvent des caractères hébreux *qui ne sont pas postérieurs au VIII-e siècle*".

интересный трудъ *Стефана Бейселя* (Beissel) „Vaticanische Miniaturen“. Среди приложенныхъ къ нему тридцати фототипическихъ снимковъ, таблица IX-ая представляетъ изображенiе св. Евангелиста *Марка*, извлеченное изъ греческаго Евангелiя, находящагося въ собранiи греческихъ рукописей Ватикана подъ № 1522.

То же самое изображенiе было ранѣе издано въ Россiи въ 1890 году въ „Византiйскомъ Альбомѣ графа *А. С. Уварова*“, на табл. VI.

При сравненiи этихъ двухъ *фототипическихъ* снимковъ мы найдемъ *отмѣны*: который изъ нихъ точнѣе передаетъ краски, выраженiе лица и пробѣлы въ доличномъ—оригинала? Графъ *А. С. Уваровъ* относитъ Евангелiе № 1522 къ VIII вѣку, *С. Бейсель* къ IX или къ X. Къ которому изъ этихъ *трехъ* столѣтiй съ наибольшей вѣроятностью можетъ быть отнесена данная рукопись?

Н. Лихачевъ.

VII.

Библiографiя.

Византiйскiй Временникъ, издаваемый при Императорской Академiи Наукъ подъ редакцiею В. Г. Васильевскаго и В. Э. Регеля. Томъ 1. Вып. 1. Спб. 1894. (Подписная цѣна 5 р. съ пересылкою въ годъ).

Необходимость органа, въ которомъ сосредоточивались бы труды, посвященные изслѣдованiю византiйской исторiи и культуры, „которая въ большей части Европы и нынѣ еще отражается во множествѣ явленiй, а въ средніе вѣка плодотворно влiяла на весь Западъ“, давно уже сознавалась всѣми въ русской исторической литературѣ. Въ этой литературѣ насчитывается уже множество капитальныхъ трудовъ по различнымъ областямъ византиновѣдѣнiя, а тѣмъ болѣе мелкихъ статей и замѣтокъ, разсѣянныхъ и въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенiя, и въ различныхъ „Трудахъ“, и духовныхъ журналахъ. Въ этой литературѣ вообще вопросамъ Византiи, ея прошлаго, различныхъ влiянiй ея на исторiю и культуру Россiи, удѣлялось много вниманiя, и заслуги русской науки въ этомъ отношенiи признаны на Западѣ, гдѣ византiйскiя занятiя стали привлекать многочисленныхъ работниковъ лишь въ послѣднее время.

Но, если такимъ образомъ въ русской исторической литературѣ необходимость изданiя исторiи и культуры Византiи давно сознавалось, а равно находились работники, посвящавшiе свои силы на это изученiе, то не было органа, который сосредоточивалъ бы въ себѣ ихъ труды, давалъ бы имъ единство, систему.

Недостатокъ въ такомъ органѣ восполняетъ, наконецъ таки журналъ, „Византiйскiй Временникъ“, который будетъ издаваться Императорской Ака-

деміей Наукъ подъ редакціей академика В. Г. Василевскаго, ученаго, особенно много поработавшаго для исторіи Византіи, и молодаго ученаго, также византолога, В. Э. Регеля. 1-й выпускъ этого журнала уже вышелъ въ свѣтъ, и мы сердечно привѣтствуемъ его, какъ давно всѣми желанный и ожидаемый, и желаемъ успѣшнаго выполненія имъ своихъ задачъ. О задачахъ этихъ говорится въ объясненіи редакціи журнала, распространенномъ ранѣе выхода въ свѣтъ самого журнала и напечатанномъ въ Ж. М. Н. П.

„Византійскій Временникъ“ — говорится въ этомъ объясненіи — имѣетъ цѣлью согласовать и объединить византійскія занятія въ Россіи и дать имъ болѣе опредѣленное направленіе въ смыслѣ постановки ближайшихъ научныхъ задачъ, опредѣляемыхъ какъ современнымъ состояніемъ византиновѣдѣнія, такъ и тѣми особенными отношеніями, которыя вытекаютъ изъ разнообразныхъ вліяній Византіи на Россію. Давая мѣсто изслѣдованіямъ, сообщеніямъ и матеріаламъ, относящимся къ Византіи вообще, „Византійскій Временникъ“ съ одинаковымъ вниманіемъ будетъ относиться къ фактамъ политической, церковной и соціальной ея исторіи, къ явленіямъ литературы и искусства, языка и права, къ даннымъ географіи, топографіи, этнографіи, хронологіи, нумизматики, палеографіи и другихъ вспомогательныхъ наукъ, служащихъ къ уразумѣнію Византіи (сфрагистики, эпиграфики и т. д.)“.

Далѣе редакція полагаетъ въ изученіи Византіи нѣкоторыя стороны, которыя составятъ предметъ особенныхъ и ближайшихъ задачъ журнала. Это: 1) сообщеніе свѣдѣній о хранящихся въ Россіи греческихъ, а также славянскихъ рукописяхъ, имѣющихъ отношеніе къ Византіи и оцѣнка содержащагося въ нихъ матеріала; 2) провѣрка и разработка хронологіи византійской исторіи; 3) сводъ историческаго матеріала, почерпаемаго въ житіяхъ святыхъ.

Въ самой разработкѣ византійской исторіи журналъ также ставитъ себѣ нѣкоторыя ближайшія задачи, это: указаніе на аналогіи, а также противоположности восточно-византійскаго и западнаго развитія—при изученіи и пр. тѣхъ или иныхъ институтовъ, ихъ происхожденія; изученіе варварскаго и въ частности германскаго элемента, соприкасающагося и съ первоначальной византійской исторіей, и съ очередными задачами русской археологіи; новыя изслѣдованія въ области южно-славянской исторіи; всестороннее изученіе миссіонерской и просвѣтительной дѣятельности Византіи по отношенію къ славянамъ и русскимъ, грузинамъ и армянамъ.

Таковы задачи журнала. Нужно надѣяться, что для выполненія ихъ у него найдутся силы и что вообще труды, помѣщенные на страницахъ его, „внесутъ весьма цѣнный вкладъ въ общую сокровищницу исторической науки и будутъ содѣйствовать достиженію самыхъ высшихъ задачъ историческаго знанія, соприкасающихся съ философіей исторіи“.

Нужно также надѣяться, что въ ближайшемъ будущемъ въ число особенныхъ задачъ журнала войдетъ сообщеніе свѣдѣній о всѣхъ хранящихся въ Россіи византійскихъ памятникахъ искусства въ различныхъ областяхъ

его: какъ, напр., мозаичная, фресковая живопись, миніатюра, эмаль, слоновая кость и т. д. Необходимо было бы изданіе ихъ въ фототипіяхъ или фотографіяхъ, съ изслѣдованіями ихъ. Изслѣдованіе памятниковъ византійскаго искусства не можетъ особенно развиваться при отсутствіи изданій самихъ памятниковъ. Христіанская археологія, а въ частности византійская, не богата этими изданіями, да и большинство изъ имѣющихся на лицо далеко не отвѣчаютъ современнымъ требованіямъ археологической науки.

Наше древне-русское искусство имѣетъ свой первоисточникъ въ византійскомъ искусствѣ, а потому и естественно, что для полнаго знакомства съ нимъ, научнаго изслѣдованія его необходимо изученіе, знакомство съ памятниками византійскаго искусства. Наша наука уже выдвинула своихъ дѣятелей въ этой области, освѣтившихъ исторію этого искусства и указавшихъ на отношеніе, связь его съ русскимъ искусствомъ. Необходимы, однако, дальнѣйшіе шаги въ томъ же направленіи, болѣе детальная разработка многихъ вопросовъ, сторонъ, еще не затронутыхъ. Въ то время, какъ древне-русская литература имѣетъ уже свою исторію, въ то время какъ разработка ея все болѣе развивается въ многочисленныхъ трудахъ русскихъ ученыхъ — исторія древне-русскаго искусства является все лишь желаемой, ожидаемой. Изданіемъ византійскихъ памятниковъ, хранящихся въ Россіи, ихъ изслѣдованіемъ, а равно и тѣхъ русскихъ, которые имѣютъ ближайшее отношеніе къ нимъ, журналъ могъ бы приблизить во многомъ время появленія исторіи древне-русскаго искусства, помочь будущимъ изслѣдователямъ его.

Въ вышедшемъ выпускѣ журнала помѣщены изслѣдованія и замѣтки нашихъ выдающихся византологовъ. Онъ открывается статьей Ѳ. И. Успенскаго: „*Партіи цирка и димы въ Константинополѣ*". Авторъ даетъ новое освѣщеніе роли и значенія димовъ и ихъ состава; онъ приходитъ къ заключенію, что отождествленіемъ дима съ партіей цирка допускается нѣкоторая неправильность въ толкованіи текстовъ; онъ ставитъ вопросъ о возможности изученія извѣстій о димахъ отдѣльно отъ исторіи ипподрома и цирковыхъ партій, о возможности извлеченія изъ этого изученія данныхъ для исторіи городскаго сословія, для вопроса объ отношеніи правительственной власти къ городскимъ учрежденіямъ и т. п.

Слѣдующая ст. Вл. Сокольскаго—„*О характерѣ и значеніи Эпанагоги*"— даетъ очеркъ по исторіи византійскаго права. Авторъ останавливается на вопросахъ о времени происхожденія этого памятника, его источникахъ, даетъ анализъ содержанія его и выясняетъ значеніе церковно-политическихъ идей, заключающихся въ немъ, для московской Руси.

В. Г. Василевскій издаетъ впервые Василія Охридскаго, архіепископа (митрополита) Солунскаго, *надгробное слово на смерть Ирины*, первой супруги императора Мануила Комнина—по рукописи синайскаго сборника, поступившаго отъ преосв. Порфирія въ Имп. Публ. Библ. и по эскуріальскому списку. Издаваемый текстъ этого произведенія, „заслуживающаго вниманія и по имени автора, которому принадлежитъ, и по значенію той личности, кончину которой

оплакиваетъ и вмѣстѣ, съ тѣмъ и по нѣсколькимъ новымъ даннымъ обще-историческаго характера, какія въ немъ заключаются", снабженъ переводомъ и цѣлымъ трактатомъ—введеніемъ, посвященнымъ собранію и провѣркѣ доселѣ извѣстныхъ данныхъ о личности автора и самой императрицы Ирины.

Далѣе слѣдуютъ на новогреческомъ языкѣ статьи А. Пападопуло-Керамевса—*О трехъ византійскихъ надписяхъ* и о *Семеонѣ Дивногорцѣ, какъ гимнографѣ* и *пѣснопѣвцѣ*.

В. Э. Регель въ ст. „*Хрисовулъ императора Андрея Палеолога*" издаетъ интересный документъ отъ 1483 г. и даетъ историческія справки о личности этого императора и его торговлѣ своимъ титуломъ и наслѣдствомъ нѣсколькимъ лицамъ.

Въ ст. „*Византійская печать съ именемъ русской княгини*" Хр. Лопаревъ высказываетъ догадку, что находящееся на печати изъ коллекціи Шлёмберже имя Өеофаніи, княгини русской, Музалониссы, принадлежитъ супругѣ князя Олега Святославича, жившаго въ концѣ XI и началѣ XII вѣка,—время, къ которому принадлежитъ печать, по мнѣнію владѣльца ея.

Въ заключеніе перваго отдѣла выпуска, посвященнаго изслѣдованіямъ, даны—замѣтки акад. Л. Н. Майкова и письма пр. И. Е. Троицкаго—къ вопросу о томъ, „когда посѣтилъ Константинополь русскій поломникъ, разсказы котораго включены въ „Бесѣду о святыняхъ Цареграда".

Во II отдѣлѣ—критики—имѣются рецензіи на новые труды по византиновѣдѣнію Н. П. Кондакова — на *Byzantina* Д. Ө. Бѣляева, А. И. Кирпичникова — на *Anecdota graeco-byzantina* А. Васильева, Apocrypha anecdota James'a; А. Павлова — на Эвхологіонъ IV вѣка Сарапіона, епископа тмуитскаго—А. Дмитріевскаго и пр.

Въ III отдѣлѣ даны мелкія извѣстія и замѣтки о готовящихся изданіяхъ о рефератахъ въ обществахъ, имѣющихъ отношеніе къ византиновѣдѣнію.

Таково содержаніе перваго выпуска журнала. Уже по нему видно, что редакція располагаетъ средствами и силами къ выполненію задачъ, намѣченныхъ ею въ своемъ объясненіи. Пожелаемъ же, чтобы это выполненіе коснулось вопросовъ не только въ области историко-литературной, но и въ области художественно-археологической, и вообще другихъ вспомогательныхъ наукъ, могущихъ возсоздать намъ культуру Византіи.

Е. Рѣдинъ.

Сэра Томаса Смита путешествіе и пребываніе въ Россіи. Переводъ, введеніе и примѣчанія И. М. Болдакова. Изд. графа С. Д. Шереметева. Спб. 1893.

Описаніе путешествія и пребыванія въ Россіи англійскаго посла сэра Томаса Смита, переведенное съ англійскаго яз. г. Болдаковымъ, относится къ наиболѣе интересному, но и наиболѣе темному времени русской исторіи. Томасъ Смитъ былъ въ Россіи въ то время (1604—1605 г.), когда царь Борисъ Годуновъ доживалъ на тронѣ послѣдніе дни и когда въ предѣлахъ Московскаго государства появился первый самозванецъ.

Г. Болдаковъ предпослалъ своему переводу введеніе — изслѣдованіе, въ которомъ разбираетъ вопросъ объ авторѣ „Путешествія“, уясняетъ характеръ Томаса Смита, цѣль его политической миссіи, указываетъ на значеніе „Путешествія“, какъ источника для русской исторіи. Переводъ снабженъ критическими примѣчаніями.

Г. Болдаковъ вѣрно опредѣлилъ значеніе имъ переведеннаго „Путешествія“. Факты, въ немъ сообщаемые, въ большинствѣ извѣстны изъ другихъ памятниковъ того времени; интересно „Путешествіе“ потому, что въ немъ живо отражается настроеніе современнаго описанію русскаго общества (XII и XIII стр.), заключаются толки и слухи, которые носились среди русскихъ. Прибавимъ еще, что извѣстія „Путешествія“ явятся болѣе важными, если мы посмотримъ на нихъ не какъ на плодъ наблюдательности англійскаго посольства, не долго пробывшаго въ Россіи, не знавшаго русскаго языка, многаго не видѣвшаго. Авторъ [1] „Путешествія“ самъ указываетъ источникъ, изъ котораго почерпались имъ свѣдѣнія объ описанныхъ лицахъ и событіяхъ. Когда суда съ посольствомъ остановились за милю отъ Архангельска, на посольскій корабль прибылъ англійскій агентъ въ Москвѣ Джонъ Мерикъ съ англичанами, жившими въ то время въ Московскомъ государствѣ. Сэръ Томасъ Смитъ бесѣдовалъ съ Джономъ Мерикомъ нѣсколько часовъ (стр. 14 и 15). Предъ отъѣздомъ изъ Архангельска Томасъ Смитъ, по словамъ автора „Путешествія“, „хорошо освѣдомленный агентомъ Мерикомъ относительно туземныхъ пороковъ и обычаевъ, а также и всего того, чего всему посольству слѣдовало въ дальнѣйшемъ держаться или избѣгать“, держалъ къ членамъ своего посольства рѣчь, въ которой передалъ своимъ спутникамъ то, въ чемъ былъ хорошо освѣдомленъ Джономъ Мерикомъ (стр. 18 и слѣд.). Какъ видно изъ „Путешествія“, Джонъ Мерикъ вездѣ сопутствовалъ посольству и сообщалъ послу разныя свѣдѣнія: онъ сказалъ ранѣе царскаго пристава послу о днѣ предстоящаго посольству въѣзда въ Москву (стр. 26), онъ былъ съ посольствомъ на аудіенціи у царя Бориса Годунова (стр. 33 и 34), онъ же ѣздилъ по Москвѣ съ членами англійскаго посольства (стр. 41), провожалъ посла при выѣздѣ его изъ Москвы (стр. 51). Авторъ „Путешествія“ самъ говоритъ, что для посла было чрезвычайно полезно встрѣтить въ Москвѣ Джона Мерика, весьма свѣдущаго во всемъ, что касалось коммерческой дѣятельности, нравовъ и обычаевъ русскихъ (стр. 52). Когда Джонъ Мерикъ разстался съ англійскимъ посольствомъ, и тогда даже онъ не прекратилъ сношеній съ посломъ. Посольство по пути изъ Москвы было въ Вологдѣ во время смерти Бориса Годунова, о чемъ Мерикъ поспѣшилъ увѣдомить Томаса Смита. Русскія власти въ Вологдѣ, говоритъ авторъ „Путешествія“, о смерти царя или еще не знали, или дѣлали видъ, что не знаютъ

[1]) Слѣдуетъ отличать автора «Путешествія» отъ составителя. Вѣроятнѣе всего предположить, что первымъ было неизвѣстное для насъ лицо изъ англійскаго посольства, послѣднимъ — англійскій драматургъ XVII в. Джоржъ Уилькинсъ, которому поручено было переработать матеріалъ, добытый въ Россіи членомъ посольства (Введ., XIII—XVIII).

(стр. 54). Предъ отъѣздомъ англійскаго посольства изъ Холмогоръ въ Архангельскъ, Джонъ Мерикъ прибылъ къ Томасу Смиту, ранѣе того милостиво принятый Лжедимитріемъ I въ Тулѣ (стр. 93 и 94), и оставался при посольствѣ до отъѣзда его въ Англію.

Такимъ образомъ, авторъ „Путешествія" самъ знакомитъ насъ съ тою ролью, которую игралъ при англійскомъ посольствѣ Джонъ Мерикъ, благодаря своему знакомству съ Московскимъ государствомъ. На многое и посолъ и его свита должны были смотрѣть глазами Мерика. Вѣроятнымъ кажется, что нѣкоторыя извѣстія „Путешествія" записаны со словъ Мерика, какъ, наприм., подробное описаніе смерти Бориса Годунова, описаніе событій въ Москвѣ послѣ погребенія Годунова. Авторъ „Путешествія" говоритъ, что извѣстіе о кончинѣ Бориса Годунова было получено посломъ въ Вологдѣ отъ Джона Мерика; изъ того же источника могли быть почерпнуты и подробности. Извѣстіе о смерти царя побудило посла отправить гонца къ сыну Бориса Годунова. Быть можетъ, гонецъ этотъ привезъ подробности о смерти царя, но источникомъ и для него всего естественнѣе было быть Джону Мерику, въ то время находившемуся въ Москвѣ.

Если Джонъ Мерикъ послужилъ для автора „Путешествія" источникомъ нѣкоторыхъ извѣстій, то „Путешествіе" пріобрѣтаетъ особую цѣну. Джонъ Мерикъ началъ свою службу англійской торговой компаніи въ Россіи еще молодымъ человѣкомъ; былъ агентомъ въ Ярославлѣ въ 1584 г., затѣмъ въ 1592 г. въ Москвѣ, гдѣ пробылъ довольно долгое время. Продолжительное пребываніе въ предѣлахъ Московскаго государства на службѣ англійской торговой компаніи дало ему возможность хорошо ознакомиться съ страною, ея населеніемъ, нравами и обычаями его (см. о Джонѣ Мерикѣ въ сочиненіи академика Гамеля „Англичане въ Россіи въ XVI и XVII вв.". Прил. къ XV тому Записокъ Императ. Акад. Наукъ. № 2. 1869 г. Статья 2-я, стр. 227—236).

Что касается составителя „Путешествія", то онъ несомнѣнно пользовался замѣтками кого либо изъ членовъ англійскаго посольства, который записывалъ разныя извѣстія „Путешествія" во время пребыванія посольства въ предѣлахъ Московскаго государства, какъ справедливо указываетъ г. Болдаковъ (Введеніе, стр. XII), потому что въ „Путешествіи" заключается дневникъ посольства съ точнымъ указаніемъ дней отъѣздовъ и пріѣздовъ въ разныя мѣста, времени пріемовъ посольства царемъ Борисомъ Годуновымъ, разныхъ событій въ Московскомъ государствѣ, современныхъ пребыванію въ немъ англійскаго посольства.

Англійское посольство было встрѣчено въ Московскомъ государствѣ въ силу благопріятныхъ отношеній между царемъ Борисомъ Годуновымъ и англійскимъ правительствомъ очень любезно, что было замѣчено англійскимъ посольствомъ. Въ Архангельскѣ сэра Томаса Смита встрѣтилъ Джонъ Мерикъ, который, по словамъ автора „Путешествія", хорошо познакомилъ Томаса Смита съ русскими пороками и обычаями. Результатомъ этого ознаком-

ленія была рѣчь посла къ членамъ посольства, для насъ интересная потому, что выражаетъ взглядъ Джона Мерика на русскихъ.

Называя русскихъ, со словъ Джона Мерика, хитрыми, порочными и т. п., Томасъ Смитъ убѣждаетъ свою свиту удерживаться отъ игры въ кости и карты, отъ пьянства, разврата, стало быть не чуждую также разныхъ пороковъ.

Описываніе пріема посольства царемъ Борисомъ не представляетъ ничего новаго сравнительно съ обычными пріемами иностранныхъ пословъ, равно какъ и описаніе царскаго обѣда, къ которому по обычаю были приглашены посолъ и его свита съ Джономъ Merикомъ. Какъ и на другихъ иностранцевъ, на англичанъ произвело сильное впечатлѣніе множество царской серебряной посуды. Возвратившіеся послѣ обѣда домой англичане по обычаю были угощаемы на дому напитками, которыми, по словамъ автора „Путешествія“, „нѣкоторые нагрузились на столько, что и сорокъ русскихъ не устояли бы на ногахъ“.

Черезъ четыре дня послѣ первой аудіенціи англійскаго посольства 11 октября 1604 г. получились весьма тревожныя вѣсти о назвавшемъ себя Дмитріемъ Іоанновичемъ. Мысль о совершенномъ убійствѣ, или по крайней мѣрѣ попыткѣ на него, страшно угнетала душу и совѣсть царя, говоритъ авторъ „Путешествія“, полагая, что замыселъ Бориса Годунова убить царевича Дмитрія не увѣнчался успѣхомъ.

Въ это тревожное время, вопреки обычаю Московскаго правительства, англичанамъ дозволялось ѣздить по Москвѣ въ сопровожденіи пристава, а когда плѣнные и трофеи побѣды при Добрыничахъ были торжественно доставлены въ Москву 8 февраля 1605 г., свита Томаса Смита присутствовала при ихъ въѣздѣ въ Москву [1]). 10 марта 1605 г. англійское посольство было допущено къ прощальной аудіенціи. Самообладаніе Бориса Годунова, несмотря на малоуспѣшность предпринятыхъ противъ самозванца дѣйствій, а также приписанныя ему авторомъ „Путешествія“ угрызенія совѣсти, удивило англичанъ. Самообладаніе это они объяснили себѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что Борисъ Годуновъ былъ мудрый политикъ. Вскорѣ послѣ аудіенціи посольство выѣхало изъ Москвы. Когда оно достигло Вологды, дошли до посла слухи о внезапной кончинѣ царя Бориса. Англичане готовы были уже усомниться въ достовѣрности этой вѣсти, потому что ни епископъ, ни воевода, ни приставъ не подтверждали ея, но получили въ это время извѣстіе о кончинѣ Бориса Годунова отъ Джона Мерика. Тогда Томасъ Смитъ рѣшилъ послать гонца изъ своей свиты въ Москву къ сыну умершаго царя, а самъ остался въ Вологдѣ. О смерти царя авторъ „Путешествія“ говоритъ

[1]) 8 февраля 1605 г., когда по словамъ автора „Путешествія“ плѣнныя войска самозванца были доставлены въ Москву, указываетъ въ своемъ повѣствованіи и Масса, видѣвшій какъ плѣнные и трофеи побѣды при Добрыничахъ были ввезены въ Москву. У Массы подробно описана битва при Добрыничахъ. (Сказанія Массы и Геркмана о Смутномъ времени въ Россіи. Изд. Археографической Коммиссіи, стр. 121—125).

слѣд.: смерть царя Бориса случилась совершенно внезапно и при весьма странныхъ обстоятельствахъ; царь любилъ хорошо и плотно покушать, даже до излишества, и вотъ, часа два спустя послѣ одного изъ такихъ обѣдовъ, онъ вдругъ почувствовалъ себя дурно и ощутилъ боли въ желудкѣ. Пока доктора явились къ царю, онъ умеръ, лишившись языка предъ смертью, но успѣвъ принять постриженіе въ иноческій чинъ.

Авторъ „Путешествія" передаетъ, какъ слухъ, въ которомъ однако онъ убѣжденъ, что когда предъ смертью спросили царя нѣкоторые изъ бояръ, не потребуетъ ли онъ вторичной присяги царевичу Ѳеодору и не передастъ ли самъ ему власть, Борисъ отвѣтилъ: „какъ Богу угодно и всему народу". Едва умеръ царь, какъ въ народѣ распространился слухъ, будто царь отравился, что новоявившійся Дмитрій возложилъ на себя корону, а царевичъ заключенъ въ темницу.

Авторъ „Путешествія", останавливаясь на личности Годунова и пытаясь охарактеризовать его, рисуетъ намъ наружность его: „Борисъ былъ рослый и дородный человѣкъ, своею представительностью невольно напоминавшій объ обязательной для всѣхъ покорности его власти; съ черными, хотя рѣдкими волосами, при правильныхъ чертахъ лица, онъ обладалъ въ упоръ смотрящимъ взглядомъ и крѣпкимъ тѣлосложеніемъ". Затѣмъ авторъ дѣлаетъ слѣд. характеристику Бориса: „никогда не дѣйствовавшій прямо, но постоянно только интриговавшій (будь то въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, или же въ Боярской Думѣ); государь, котораго не столько любили, сколько ему повиновались, и которому служили болѣе изъ страха; самъ охраняемый своею властью болѣе, чѣмъ всякое частное лицо, на что, быть можетъ, былъ вынуждаемъ постоянными войнами (?), но до крайности угнетавшій своихъ бѣдныхъ подданныхъ и прикрывавшій свою тираннію тонкою политикой, какъ человѣкъ, котораго продолжительная опытность въ совершеніи самыхъ противоположныхъ поступковъ научила управлять лучше именно такимъ способомъ, чѣмъ сообразуясь съ справедливостью и совѣстью. Но овладѣвъ посредствомъ хитрости короной, на которую не имѣлъ права, онъ проявилъ много ума для дальнѣйшаго удержанія ея за собою, считая меньшимъ позоромъ для себя добычу царства незаконнымъ путемъ, чѣмъ утрату его потомъ какимъ либо инымъ образомъ. Кромѣ всего того, царь Борисъ несомнѣнно проявлялъ и много истиннаго величія и умѣнья управлять во всѣхъ сферахъ, за исключеніемъ области собственнаго духа. Трудно рѣшить, былъ ли онъ въ большей мѣрѣ расположенъ къ иностранцамъ, чѣмъ сколько былъ строгъ и правосуденъ въ отношеніи своихъ подданныхъ, или исполненъ ненависти и жестокосердія къ своимъ врагамъ" (стр. 58 и 59).

Нельзя не отдать должнаго тому, кто сумѣлъ подмѣтить характерныя черты царя Бориса и далъ едва ли не лучшую, болѣе обстоятельную и безпристрастную характеристику Бориса Годунова изъ всѣхъ иностранцевъ, писавшихъ о немъ, хотя, правда, не во всемъ вѣрную (Cnf. С. Соловьева т. VIII, стр. 19—21, изд. 4-е. Эта характеристика Бориса Годунова „Пу-

тешествія“ приведена между прочимъ у Д. И. Иловайскаго: „Смутное Время Московскаго Государства“, стр. 282, прим. 4-е). Далѣе, авторъ „Путешествія“ говоритъ о сильной любви Бориса къ своему сыну, котораго онъ всегда старался имѣть съ собою, объ умственныхъ занятіяхъ царевича по волѣ отца. Авторъ „Путешествія“ сообщаетъ весьма любопытныя подробности, характеризующія отношеніе Бориса Годунова къ своему сыну (стр. 59 и слѣд.). Заканчивая характеристику Бориса, авторъ „Путешествія“ причисляетъ его къ числу славнѣйшихъ монарховъ, наиболѣе разсудительныхъ и тонкихъ въ своей политикѣ (стр. 61 и 62).

Знакомый съ сочиненіями Іеронима Горсея и Флетчера, писавшихъ о Россіи, авторъ или составитель „Путешествія“ пользуется нѣкоторыми ихъ извѣстіями для характеристики Годунова (стр. 62 и 63). Въ „Путешествіи“ мы находимъ баснословный разсказъ о томъ, какъ Борисъ Годуновъ велѣлъ зажечь Москву съ четырехъ концовъ, самъ же съ боярами принималъ участіе въ тушеніи пожара и вознаградилъ всѣхъ погорѣвшихъ; это была первая политическая хитрость Бориса Годунова, говоритъ авторъ „Путешествія“, дабы заглушить ходившій въ народѣ слухъ о необычайномъ способѣ достиженія имъ верховной власти.

Вторая хитрость заключалась въ томъ, что когда во время голода народъ возропталъ на царя, видя причину бѣдствія въ убіеніи царевича Димитрія Борисомъ Годуновымъ, то царь Борисъ ежедневно сталъ раздавать бѣднымъ по 20,000 фунтовъ стерлинговъ, чѣмъ зажалъ народу ротъ. Но самъ авторъ „Путешествія“ оправдывается, что порицаетъ то, что заслуживаетъ похвалы; онъ объясняетъ это желаніемъ быть безпристрастнымъ (стр. 64). До чего народъ былъ настроенъ тревожно въ смутную эпоху, и какъ охотно вѣрилъ всякому слуху, видно изъ слѣдующаго разсказа „Путешествія“: Сэръ Томасъ Смитъ рѣшилъ изъ Вологды проѣхать по рѣкѣ до Холмогоръ, гдѣ можно было скорѣе получать вѣсти изъ Англіи и гдѣ онъ могъ чувствовать себя безопаснѣе. Между тѣмъ заботливость вологодскихъ властей о посольствѣ и приготовленныя просторныя лодки для путешествія породили въ народѣ слухъ, будто англичане скрываютъ у себя молодаго царевича сына Бориса Годунова, переодѣтымъ въ англійское платье и готоваго отплыть въ Англію; былъ пущенъ также и другой слухъ, будто царевичъ Ѳеодоръ и посолъ Томасъ Смитъ заключены въ оковы и будутъ отправлены въ Москву. Авторъ или составитель „Путешествія“ сравниваетъ это время на Руси съ возмущеніемъ графа Эссекса въ Англіи (стр. 65 и 66).

Какъ видно, Смитъ получалъ въ Холмогорахъ извѣстія о томъ, что дѣлалось тогда на Руси. Эти-то извѣстія и сообщаетъ авторъ „Путешествія“. Онъ разсказываетъ объ измѣнѣ Петра Басманова, отправленнаго противъ самозванца по кончинѣ Бориса Годунова, смерть котораго онъ считаетъ послѣдовавшею отъ невыясненныхъ причинъ (стр. 68, cnf. сказанное на стр. 56). Причину измѣны Басманова авторъ „Путешествія“ видитъ въ прекрасныхъ качествахъ самозванца, которыя заставили Басманова признать въ немъ сына

Грознаго. Авторъ „Путешествія“ щедро надѣляетъ самозванца всевозможными хорошими качествами; видно, что его симпатіи принадлежатъ всецѣло самозванцу: у него духъ геройскій, онъ и превосходный воинъ, въ то же время обладаетъ инициативой и политическимъ смысломъ, и прекрасный ученый (такъ какъ по разсказамъ получилъ весьма хорошее образованіе и много странствовалъ по свѣту), владѣвшій иностранными языками и знавшій науку государственнаго управленія; внушая къ себѣ покорность и страхъ, онъ смягчался мольбою, отличаясь также милостью и благосклонностью, добротой и привѣтливостью, подавляя въ себѣ задатки высокомѣрія и произвола; въ немъ усердіе и трудолюбіе были близнецами, а невинность души и свободолюбіе — братьями; для него любомудріе было единственнымъ утѣшеніемъ, истинная доблесть—слугою, лесть—непріятелемъ, а утомленіе—рабомъ; высшимъ надъ собою повелителемъ онъ признавалъ только собственную царственную нищету. Всѣ эти добродѣтели, украшавшія царевича, чудесно спасшагося отъ злаго умысла Бориса Годунова, по словамъ автора „Путешествія“, такъ подѣйствовали обаятельно на Басманова, что онъ въ немъ призналъ своего царя, не измѣняя при этомъ ни своему законному монарху, ни чувству долга (стр. 68 и 69). Измѣны и шатость лицъ, окружавшихъ Годуновыхъ, были причиною ихъ гибели, которая ускорена была посланцами самозванца, возбудившими народъ къ сверженію Годуновыхъ. При всемъ своемъ сочувствіи къ самозванцу авторъ „Путешествія“ говоритъ съ негодованіемъ о поступкахъ черни во время этого бунта, называя поступки ея звѣрскими и вдохновителемъ ея считая сатану (стр. 80). Далѣе, „Путешествіе“ разсказываетъ, что Годуновыхъ арестовали, что собравшіеся бояре признали самозванца царемъ, а мать Ѳеодора Годунова вмѣстѣ съ нѣкоторыми (съ кѣмъ не сказано) приступила къ нему съ убѣжденіями послѣдовать примѣру отца—прибѣгнуть къ самоубійству, обѣщая сдѣлать то же самое (cnf. стр. 68). Ѳеодоръ Годуновъ рѣшился на самоубійство изъ опасенія, что новый царь его казнитъ, тогда какъ онъ, по мнѣнію автора „Путешествія“, никогда и и не думалъ объ убіеніи семейства Годунова, рѣшивъ, что Ѳеодоръ Борисовичъ останется полноправнымъ правителемъ какого-либо обширнаго края съ княжескимъ титуломъ. Съ презрѣніемъ къ Годуновымъ говоритъ авторъ „Путешествія“ объ ихъ рѣшимости прибѣгнуть къ самоубійству. Мать Ѳеодора первая приняла ядъ, затѣмъ Ѳеодоръ. Смерть постигла обоихъ одновременно. Ксенія осталась жива, потому что выпила яду умѣренно, „какъ приличествуетъ дѣвицѣ“, по выраженію автора „Путешествія“ (стр. 83—85). Извѣстно, что жену и сына Бориса Годунова убили (см. Д. И. Иловайскаго „Смутное время Московскаго Государства“, стр. 282, прим. 4-е).

Петръ Петрей говоритъ, что видѣлъ собственными глазами знаки удавленія на трупахъ Ѳеодора Годунова и его матери. Авторъ „Путешествія“, симпатизируя самозванцу, повѣрилъ распространенному клевретами Лжедимитрія I слуху, будто Годуновъ отравился. Любопытно, что въ „Путешествіи“ находится письмо, написанное будто бы Ѳеодоромъ къ самозванцу и

найденное около труповъ отравившихся. Это подложное письмо, которое по словамъ г. Болдакова значительно разнится отъ слога „Путешествія“, должно быть было составлено клевретами самозванца и ходило по Руси въ то время (см. прим. 61 Болдакова). Слезы самозванца при чтеніи замогильнаго посланія Θеодора Борисовича не воспрепятствовали ему велѣть похоронить убитыхъ Годуновыхъ безъ всякихъ почестей и втихомолку, а неудовольствіе самозванца на кого-то, непочтительно отозвавшагося о Борисѣ Годуновѣ, не помѣшало ему потревожить прахъ усопшаго царя, о чемъ говоритъ самъ авторъ „Путешествія“. Видно, что авторъ „Путешествія“ очень хотѣлъ обѣлить отношеніе самозванца къ Годуновымъ, хотя о Θеодорѣ Борисовичѣ отзывается съ похвалою (стр. 90). Объ участи Ксеніи Борисовны онъ молчитъ. Такое благоволеніе автора „Путешествія“ къ Лжедимитрію, помимо вѣры въ его царственное происхожденіе, объясняется благоволѣніемъ въ свою очередь самозванца къ англичанамъ.

Авторъ „Путешествія“ приводитъ письмо самозванца къ Джону Мерику. Извѣщая его о своемъ воцареніи, Лжедимитрій пишетъ о желаніи быть въ болѣе тѣсномъ союзѣ и дружбѣ съ англійскимъ королемъ, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ, для чего и рѣшено имъ благопріятствовать англійскимъ купцамъ и всѣмъ подданнымъ англійскаго короля болѣе прежнихъ московскихъ государей. Джонъ Мерикъ имѣлъ у самозванца двѣ аудіенціи, успѣлъ ему сдѣлать отъ имени англійскаго посла, согласно полученнымъ отъ сего послѣдняго инструкціямъ, разныя представленія, получилъ полное согласіе на удовлетвореніе ихъ и обѣщаніе послать боярина къ англійскому послу, послѣ чего поспѣшилъ къ Томасу Смиту въ Холмогоры. Вскорѣ туда же къ англійскому послу явился и посланный отъ самозванца, передавшій Смиту, что новый царь желаетъ союза съ Англіей и обѣщаетъ предоставить болѣе обезпеченныя льготы англичанамъ сравнительно съ тѣми, которыми они пользовались ранѣе.

Описаніемъ отъѣзда англійскаго посольства изъ предѣловъ Московскаго государства заканчивается „Путешествіе“ сэра Томаса Смита въ Россію. Затѣмъ слѣдуетъ небольшая статья подъ заглавіемъ: „Положеніе Россіи при вступленіи Бориса Θеодоровича на царство“. Въ ней разсказывается басня, какъ Богданъ Бѣльскій, вступивъ въ переговоры съ матерью царевича Дмитрія, подмѣнилъ его сыномъ какого-то духовнаго лица, ибо зналъ, что Борисъ Годуновъ ищетъ смерти царевича въ надеждѣ послѣ кончины Θеодора Іоанновича захватить престолъ. Псевдо-Дмитрій былъ убитъ товарищемъ игръ—мальчикомъ. Дабы народъ не скорбѣлъ объ убитомъ, распустили слухъ, будто царевичъ подобенъ былъ своему отцу: еще въ дѣтствѣ смотрѣлъ съ наслажденіемъ, какъ на кухнѣ рѣзали куръ и цыплятъ, при чемъ мылъ себѣ руки въ ихъ крови. Борисъ Годуновъ думалъ, что убитъ былъ настоящій царевичъ, между тѣмъ какъ тотъ росъ въ неизвѣстности, пока достигъ зрѣлаго возраста, когда пошелъ противъ Годунова, захватившаго ему принадлежащій престолъ. Эта статья, по словамъ автора „Путешествія“, заклю-

часть столько достовѣрныхъ свѣдѣній, что описаніе путешествія, благодаря ей, превратится въ полную интереса исторію. Авторъ не думалъ, что эта статья можетъ внушить только недовѣріе къ извѣстіямъ „Путешествія“, если по ней судить о всемъ сочиненіи.

Къ „Путешествію“ приложены г. Болдаковымъ три письма сэра Томаса Смита, изъ которыхъ одно къ самозванцу, и письмо Джона Мерика къ самозванцу же. Нельзя не поблагодарить г. Болдакова за его трудъ: переведенное имъ „Путешествіе“ представляетъ не мало интереснаго; переводъ читается легко; введеніе прекрасно знакомитъ съ переведеннымъ имъ памятникомъ.

В. Савва.

Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Т. XVII, Одесса, 1894 г., съ 2 табл.

„Вновь найденныя Ольвійскія надписи“, Э. Р. фонъ-Штерна и „Поправки и дополненія къ предъидущей статьѣ“, его же. Въ первой статьѣ авторъ даетъ пространный комментарій къ двумъ надписямъ, находящимся въ музеѣ Одесскаго Общества, представляющимъ „историческій интересъ“. Первая, посвятительная, гласитъ, между прочимъ, о построеніи Ольвіополитомъ Каллисѳеномъ башенъ храма Зевса, пришедшихъ въ ветхость. Вторая имѣетъ содержаніемъ „копію“ (въ буквальномъ смыслѣ копію на мраморѣ, сдѣланную въ древности!) съ письма Ольвіополитовъ къ царю Саитафарну въ Канкитъ. Въ виду слуховъ, распространившихся о появленіи поддѣльныхъ надписей, что заявляется также и авторомъ въ „Поправкахъ“ (и „заставляетъ оставить вопросъ о подлинности ольвійской надписи открытымъ до тѣхъ поръ, пока новыя находки или вновь появившіяся на рынкѣ надписи дадутъ возможность такъ или иначе дойти до прочнаго результата“), удерживаетъ насъ передать содержаніе обѣихъ „историческихъ“ надписей. В. Н. Юргевичъ описалъ двѣ надписи: одну настоящую изъ Ольвіи и другую поддѣльную изъ Тираса. Э. Р. фонъ-Штернъ помѣстилъ изслѣдованіе объ „Алабастрѣ Псіакса и Гилина“ (см. отзывъ А. Н. Шварца выше, стр. 170). В. Н. Ястребовъ—„Опытъ топографическаго обозрѣнія древностей Херсонской губерніи“; авторъ даетъ возможно полное обозрѣніе древностей Херсонской губерніи, раздѣляя ихъ по отдѣламъ (курганы, городища, пещеры, монеты и т. д.), тщательно собравъ литературу по данному предмету, начиная со старинныхъ изданій до новѣйшихъ, пользуясь частными сообщеніями и проч.; въ результатѣ получился трудъ, послѣдовать которому было бы желательно и для остальныхъ губерній. „Городъ Качибей или Гаджибей—предшественникъ Одессы“ — А. И. Маркевича. „Устройство Одесскаго порта“—А. В. Лонгинова. „Матеріалы по исторіи Запорожья“—А. А. Андріевскаго (окончаніе). „Крымско-турецкія дѣла“—Ѳ. Ѳ. Лашкова. „Дѣло выходящихъ изъ-за границы въ Новороссійскую губернію жидахъ“—П. А. Иванова. „Письмо настоятеля церкви въ Alba Julia, 1475 г.“—В. Н.

Юргевича (см. „Арх. Изв. и Зам.“ 1893 г., стр. 234). „Письмо академика Кёлера къ неизвѣстному нумисмату, 1817 г.“—А. А. Скальковскаго (письмо заключаетъ, между прочимъ, классификацію типовъ ольвійскихъ монетъ). Затѣмъ нѣсколько мелкихъ документовъ XVI—XVIII в., касающихся Крыма и 2 некролога: Вассаля и епископа Амфилохія.

Л. Шепелевичъ. Кудруна. Историко-литературный этюдъ. Харьковъ. 1894.

20 лѣтъ тому назадъ появился въ нашей литературѣ трудъ проф. А. И. Кирпичникова, посвященный изслѣдованію нѣмецкой средневѣковой поэмы „Кудруны“. Трудъ этотъ и въ настоящее время является весьма полезнымъ; но во многихъ частяхъ онъ нуждается въ дополненіяхъ. Эти дополненія на основаніи новаго накопившагося матеріала, а равно общее и самостоятельное изслѣдованіе „нѣмецкой Одиссеи“ даетъ трудъ проф. Харьковскаго университета Л. Ю. Шепелевича, заглавіе котораго выставлено выше. Трудъ этотъ разбивается на шесть главъ; изъ нихъ первая трактуетъ о рукописи, въ которой дошла поэма, изданіяхъ ея и содержаніи поэмы; вторая—о родинѣ поэмы; третья—о сказаніяхъ о Гильдѣ-Кудрунѣ; четвертая объ историческихъ и миѳологическихъ элементахъ поэмы; пятая—о происхожденіи, составѣ и критикѣ поэмы; послѣдняя—о художественномъ и историко-культурномъ значеніи поэмы.

Какъ видно изъ общаго указанія на содержаніе, трудъ автора является весьма интереснымъ и потому нельзя не пожелать возможно бóльшаго распространенія его въ обществѣ.

Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Т. XI, вып. 6.

Игры деревенскихъ дѣтей Лаишевскаго уѣзда, *И. Нечаева*.—Очеркъ исторіи города Курмыша въ XIV—XVIII в., *Н. Ѳ. Акаемова*.—Башкиръ Салаватъ Юлаевъ. Пугачевскій бригадиръ, пѣвецъ и импровизаторъ, *Р. Г. Игнатьева*.—Мордва—историко-этнографическій очеркъ. Гл. IV. Культъ предковъ. Воззрѣнія на смерть и погребальные обряды, *И. Н. Смирнова*.—Матеріалы: Малетинскія древнія копи и земляныя постройки въ Алтайскомъ округѣ, *П. О. Чупина*.—Мѣстности въ долинѣ Ангрена, интересныя въ археологическомъ отношеніи.—Изъ поѣздки въ с. Мамаевку и проч., *С. Иванцова*.—Библіографія.

Lubor Niederle „O mladši době kamenné v Čechách“. (О позднѣйшемъ каменномъ періодѣ въ Чехіи). Оттискъ изъ чешскаго журнала „Český Lid“ 1894 г. № 3.—8°, стр. 26 и 2 стр. рисунковъ; 6 рисунковъ въ текстѣ.

Въ чешской археологіи существуютъ уже съ давнихъ поръ два взгляда на вопросъ: существовала ли чистая неолитическая культура въ Чехіи, или нѣтъ? Проф. Смоликъ до послѣдняго времени ее отрицалъ, тогда какъ другіе, напр., Вольдржихъ, Елинекъ, Шнайдръ и др., ее признавали. Въ по-

слѣднее время споръ оживился, благодаря проф. Л. Пичу, который въ послѣднемъ своемъ трудѣ (Archeologický výzkum ve středních Čechách, стр. 44, 62) присоединился ко взгляду проф. Смолика и высказался въ томъ смыслѣ, что народъ, заселившій Чехію въ періодъ послѣдилювіальный, знакомъ уже былъ съ металломъ, но еще по традиціи сохранялъ слѣды прежней неолитической культуры, что̀ видно изъ того, что въ могилахъ рядомъ съ бронзой въ оружіи и утвари находимъ произведенія и изъ камня, а также изъ того, что рядомъ съ могилами, заключающими бронзу, находимъ такія, гдѣ нѣтъ и слѣда металла. Т. о. проф. Пичъ отрицаетъ существованіе чисто неолитическаго періода и не находитъ могилъ чисто неолитическаго типа.

Л. Г. Нидерле въ указанномъ трудѣ, наоборотъ, считаетъ для Чехіи неолитическій періодъ доказаннымъ. Для этой цѣли онъ собираетъ въ статьѣ всѣ важнѣйшія находки изъ неолитическаго періода и изъ времени перехода къ бронзовому; въ результатѣ получается, что значительное число находокъ нужно отнести къ чистому каменному періоду, хотя то тамъ, то сямъ и встрѣчаются слѣды перваго знакомства съ металлами. Эти послѣдніе, по мнѣнію Л. Г. Нидерле, не могутъ вліять на измѣненіе общаго типа всей могилы: при полномъ развитіи употребленія камня, т. е. при чистой каменной культурѣ, могутъ имѣть доступъ, напр., путемъ торговли, и мелкія, не имѣющія важнаго значенія вещи изъ бронзы, напр., въ видѣ украшенія; отъ этого могила не перестаетъ быть неолитической, такъ какъ ея типъ опредѣляется не *однимъ* признакомъ, а цѣлымъ рядомъ ихъ, именно: рядомъ съ *каменными орудіями* и *оружіемъ* стоитъ типъ *керамики* [1]). Всѣ эти признаки, по сравненію съ подобными же въ другихъ странахъ, доказываютъ существованіе неолитическаго періода и въ Чехіи, гдѣ, т. о., жилъ народъ, который долгое время не примѣнялъ металла для производства орудій и оружія. Слѣдовъ этого народа и этого времени находится много [2]) въ Чехіи и гораздо меньше въ Моравіи. Въ результатѣ дѣло представляется Л. Г. Нидерле такъ: въ палеолитическій періодъ Чехія была заселена слабо, и обитатели эти здѣсь остались и развили свою собственную культуру. Въ неолитическій періодъ сюда по Эльбѣ съ сѣвера пришло новое населеніе и заселило сѣверъ Чехіи по теченію рѣкъ, чѣмъ объясняется многочисленность неолитическихъ находокъ на сѣверѣ и рѣдкость ихъ на югѣ Чехіи. Эти пришельцы обладали неолитической культурой и долго по переселеніи въ ней жили. Первая бронза въ сѣверной Чехіи проникала сюда, благодаря торговлѣ, а не новымъ пришельцамъ, какъ это предполагаетъ проф. Л. Пичъ, принимая т. о. мнѣніе, что до пришельцевъ этихъ съ бронзовой культурой Чехія была необитаема. Рядомъ съ этимъ г. Нидерле предполагаетъ, что древнѣйшая бронзовая культура въ сѣверной и центральной Чехіи развивалась долгое время

---

[1]) Въ неолитич. керамикѣ различаются типы: а) шарообразные грубые сосуды, съ грубымъ орнаментомъ, б) Монсгеймскій типъ, в) типъ тюрингенскій, в) нѣсколько особыхъ типовъ. За ними слѣдуютъ уже позднѣйшіе.

[2]) Перечень см. на стр. 12.

на основахъ неолитической: отсюда ея оригинальность, чего бы не было, если бы она была принесена откуда нибудь извнѣ. Это пришедшее неолитическое племя было, безъ сомнѣнія, корня индо-европейскаго; это подтверждаетъ антропологія: черепа, находимые въ Чехіи, относятся къ *„долихоцефальному неолитическому типу“* [1]).

Dr. I. L. Píč.—Archeologický výzkum ve středních Čechách (№ 2), který r. 1893. společnou prací podnikli Jan. Hellich... dr. I. L. Píč...a Jan Wanĕk. (Археологическое изслѣдованіе въ средней Чехіи, предпринятое Яномъ Гелликомъ, д-ромъ I. Л. Пичемъ и Яномъ Ванекомъ). Praha 1894. 4°, 54 стр. и 10 табл. рисунковъ.

Это новое изданіе Чешской Академіи составляетъ продолженіе труда того же проф. Пича, изданнаго подъ тѣмъ же заглавіемъ въ прошломъ году [2]). По составу это—дневникъ профессора Пича о находкахъ и раскопкахъ въ 1893 году. Въ этомъ дневникѣ матеріалъ, кое-гдѣ снабженный объясненіями и изобильно рисунками въ текстѣ и на отдѣльныхъ таблицахъ, расположенъ въ такомъ порядкѣ: сперва описаны двѣ каменныхъ бабы (народное чешское названіе — Kamenný muž), изъ нихъ одна около Клобука, другая у Страконицъ; онѣ, по мнѣнію проф. Пича, принадлежатъ тому же народу, который ставилъ мегалитическіе памятники въ видѣ круговъ камней и которому принадлежалъ способъ погребенія умершихъ въ скорченномъ видѣ, т. е. старшему поколѣнію поселенцевъ въ сѣверной Чехіи (стр. 2). Далѣе слѣдуетъ описаніе ряда древнѣйшихъ поселеній того же неизвѣстнаго намъ народа на теперешней Сланской горѣ (Slanská Hora): здѣсь находится рядъ остатковъ керамики *такъ называемой* [3]) неолитической эпохи. Изъ этой же эпохи найденъ въ Броучковѣ цѣлый рядъ остатковъ въ ямахъ съ „жилымъ“ мусоромъ (kulturní jámy) вмѣстѣ съ остатками печей для плавленія желѣза X—XI в. и остатками посуды V—VII в. Въ этомъ же мѣстѣ отмѣчена одна любопытная, странная могила, содержавшая трупъ женщины и двоихъ дѣтей— всѣ трое погребены, вѣроятно, въ сидячемъ положеніи. Въ одной изъ сосѣднихъ найденъ любопытный костякъ собаки (стр. 11). Далѣе описывается цѣлый рядъ находокъ (случайныхъ и при раскопкахъ) бронзы: мечей, кинжала, массы бронзовыхъ браслетовъ (около Вржетовицъ) и т. п. (стр. 18). Въ числѣ раскопокъ этой группы — всѣ могилы принадлежатъ скорченнымъ костякамъ—любопытны два случая погребенія дѣтей въ сидячемъ положеніи въ горшкѣ (около Чичовицъ), впервые встрѣтившіеся и только въ описываемой раскопкѣ. Общій типъ этой группы характеризуетъ авторъ статьи такъ: „отдѣльныя могилы, какъ и на другихъ мѣстахъ погребенія, такъ и здѣсь устро-

---

1) Статья въ извлеченіи, сдѣланномъ самимъ авторомъ, помѣщена въ Mittheilungen der anthropol. Gesellschaft in Wien. B. XXIV, стр. 4—6; это извлеченіе и послужило основой для замѣтки.

2) См. Арх. Изв. и Зам. 1893 г. стр. 195.

3) Курсивъ подлинника (стр. 6).

ены болѣе или менѣе заботливо, смотря, очевидно, по знатности и богатству покойника, что видно изъ того, что наиболѣе старательно сооруженныя изъ камня и глубоко заложенныя могилы постоянно содержатъ лучшіе экземпляры вещей. Въ остальномъ обрядъ остается одинъ и тотъ же: тѣло клалось головой къ сѣверу, ногами къ югу (съ небольшими отклоненіями отъ этого направленія); положеніе на правомъ боку повторяется правильно; ноги болѣе или менѣе всегда скрещены, лежатъ другъ на другѣ, руки по общему правилу направлены вверхъ, такъ что иногда пальцы приходятся на лицѣ или подложены подъ голову" (стр. 24). Согласно съ характеромъ эпохи (бронзовой) изрѣдка, какъ цѣнность, попадаются въ числѣ украшеній бронзовые кинжалы и почти всегда какъ необходимая часть костюма бронзовая игла, скалывавшая верхнюю одежду. Браслеты (náramky) были рѣдкостью, чаще встрѣчаются ожерелья изъ янтаря, перламутра или бронзы и серьги золотыя или чаще бронзовыя. Каменныя орудія типа обычнаго; присутствіе ихъ объясняется, по словамъ автора, скорѣе всего архаизмомъ обряда. Керамика встрѣчается двоякая: старшая и младшая по типамъ и орнаменту. Судя по типамъ серегъ находки относятся къ такъ называемой Галльштадской группѣ. Слѣдующая группа раскопокъ, описанныхъ въ статьѣ, относится къ послѣднимъ временамъ эпохи La-téne (стр. 34). Затѣмъ слѣдуетъ рядъ остатковъ погребеній съ трупосожженіемъ, которые идутъ вмѣстѣ съ простымъ погребеніемъ въ скорченномъ видѣ, но уже нѣсколько отличнымъ отъ описаннаго выше. Могилы относятся къ младшей Галльштадской эпохѣ (стр. 38). Вещи бронзовыя по типамъ распадаются на двѣ группы: одни относятся къ эпохѣ старѣйшихъ поселеній въ Чехіи, другія къ типу силезскому—указаніе на сліяніе двухъ народностей: старшее поколѣніе усвоило отчасти обычаи погребенія пришлаго позднѣе народа, принесшаго съ собой сожженіе и вещи силезскаго типа. Къ тому же типу лужицко-силезскому, но болѣе позднему, относится могильникъ, найденный въ самой Прагѣ, на „Лѣтней" (стр. 45). Статья заканчивается описаніемъ погребеній первоначальной христіанской эпохи XI—XII в. Въ одной изъ могилъ (въ Радимѣ) сохранились каштановые вьющіеся волосы и клочки одежды на костяхъ. Черепа—брахицефальные.

М. С.

Römische Quartalschrift für christliche Alterthumskunde und für Kirchengeschichte. 1894. I и II Heft.

Первое мѣсто въ журналѣ удѣлено статьѣ Гризара, посвященной дверямъ церкви св. Сабины въ Римѣ. Въ литературѣ христіанской археологіи этимъ дверямъ въ послѣднее время посвященъ цѣлый рядъ статей и замѣтокъ, какъ, напр.: Berthier, *La porte de S. Sabine à Rome* (Étnde archéologique. Fribourg. 1892); Bertram, *Die Thüren von St. Sabina in Rom, das Vorbild der Bernwards-Thüren am Dom zu Hildeshcim.* Freiburg. 1892; Ehrhard, *Die altchristliche Prachtthüre der Basilica St. Sabina in Rom;* въ Katholik 72 (1892) и др.

Статья автора посвящена специально Кресту и Распятію на указанныхъ дверяхъ (Kreuz und Kreuzigung auf der altchristlichen Thüre von S. Sabina in Rom).

Авторъ отмѣчаетъ вначалѣ важность самого памятника, какъ однихъ изъ древнѣйшихъ деревянныхъ дверей и какъ образецъ рѣзьбы съ богатымъ библейскимъ цикломъ изображеній, изъ которыхъ нѣкоторыя представляютъ собою первыя попытки въ христіанской иконографіи; между ними на первомъ мѣстѣ нужно поставить Распятіе Христа. Недостаточность изученія этого изображенія въ археологической литературѣ, по мнѣнію автора, происходитъ отъ малаго знакомства съ самимъ изображеніемъ, которое доселѣ почти ни разу не было точно воспроизведено. Автору удалось впервые издать точный фотографическій снимокъ почти въ половину величины оригинала (Taf. I).

Выдвигаемое на первый планъ положеніе автора (въ 1-й главѣ „Der gekreuzigte zwischen den Schächern), что въ барельефѣ дверей видимъ изображеніе дѣйствительнаго распятія, представленнаго съ большимъ реализмомъ, уже раньше и впервые было высказано проф. Н. П. Кондаковымъ. Въ статьѣ „Les sculptures de la porte de Sainte-Sabine à Rome“, появившейся въ 1877 году (Revue Archéologique, Juin) установившей принадлежность этого памятника древне-христіанскому искусству, время его происхожденія, авторъ о распятіи говоритъ: „C'est sans doute à ce genre de représentation, vraiment réaliste et inspiré par le souvenir de la crucifixion telle que la pratiquaient les Romains“ (p. 366). Но даваемое далѣе Гризаромъ описаніе распятія впервые выдвигаетъ детали, которыя остались незамѣченными прежними изслѣдователями памятника.

Распятіе представлено предъ городской стѣной, увѣнчанной тремя фронтонами, одинъ изъ которыхъ, находящійся слѣва, имѣетъ окно. У Христа и у обоихъ разбойниковъ глаза открыты. Лица всѣхъ обращены влѣво. Разбойники изображены мальчиками и ничѣмъ одинъ отъ другаго не отличены. Всѣ три фигуры наги и лишь у чреслъ имѣютъ короткую и узкую повязку (subligaculum или subligar). У Христа и у разбойниковъ ясно видны на рукахъ гвозди, которыми они прибиты. На ногахъ, стоящихъ одна на ряду съ другой, не видно гвоздей; онѣ опираются на узкую подставку (suppedaneum).

Крестъ, на которомъ распятъ каждый изъ трехъ лицъ, не представленъ въ цѣломъ видѣ, а лишь его оконечности, каковы подставки для ногъ у всѣхъ трехъ, пластинки, къ которымъ у всѣхъ же пригвождены руки, и пластинки надъ головами—у двухъ разбойниковъ. Эта экономія въ изображеніи креста не есть результатъ какого-нибудь художественнаго замысла или религіознаго мистицизма, а просто несовершенства работы, ея небрежности; этимъ же объясняется и положеніе рукъ, дающее распятымъ нѣкоторое сходство съ орантами. Голова Христа не окружена нимбомъ; у него борода и длинные волосы на головѣ. Большій ростъ, приданный фигурѣ Христа по традиціи, отмѣчаетъ высшее положеніе послѣдняго сравнительно съ разбойниками.

Сравнивая изображеніе Распятія на дверяхъ Сабины съ другими извѣстными, отъ V по XII в., авторъ приходитъ къ тому заключенію, что оно является единственнымъ, не имѣющимъ себѣ подобнаго во всѣхъ деталяхъ (гл. II).

Ища въ таблеткахъ дверей ц. св. Сабины изображеній креста, авторъ (гл. III) отмѣчаетъ ихъ: а) въ сценѣ несенія креста Симономъ; б) на крышѣ храма, въ которомъ Ангелъ явился Захарію, и в) въ монограммѣ, окружающей голову Христа—въ сценѣ явленія Христа ученикамъ по Воскресеніи. Крестъ въ первыхъ двухъ случаяхъ имѣетъ одну и ту же форму, ту, что въ подражаніи кресту на Голгоѳской скалѣ, вошла въ обиходъ христіанскаго искусства, начиная съ мозаики ц. св. Пуденціаны въ Римѣ вплоть до нашего времени [1]); во второмъ случаѣ крестъ украшенъ драгоцѣнными камнями; два зданія въ видѣ башенъ по сторонамъ центральнаго, имѣющаго на вершинѣ упомянутый крестъ, какъ бы выступающій изъ-за чего-то, быть можетъ имитируютъ какія-нибудь извѣстныя зданія времени Константина—въ Іерусалимѣ. И потому трудно согласиться съ авторомъ, желающимъ видѣть въ указанномъ крестѣ какъ бы иллюстрацію словъ пророчествовавшаго Захаріи: „И воздвигъ (Господь) рогъ спасенія намъ въ дому Давида, отрока своего“ (Лука I, 69).

Изображеніе креста въ кругѣ, поддерживаемомъ апостолами Петромъ и Павломъ надъ женской фигурой, образомъ церкви, дано на дверяхъ въ сценѣ Вознесенія или славы Христа. Глава (IV), посвященная авторомъ объясненію всѣхъ деталей указанныхъ изображеній, не даетъ ничего новаго; авторъ повторяетъ объясненія пр. Кондакова, Гарруччи, Бертье; стремленіе сказать что-нибудь новое выражается въ обращеніи вниманія на такую деталь, какъ тонкая линія, составляющая какъ бы продолженіе вертикальной линіи креста, и въ построеніи гипотезы, самимъ же авторомъ опровергаемой: возможности видѣть въ женской фигурѣ какое-нибудь историческое лицо.

Малообоснованы и поверхностны разсужденія автора (въ V гл.) о неодинаковомъ характерѣ работы на различныхъ таблеткахъ дверей и о ихъ мѣстномъ происхожденіи. Авторъ упрекаетъ въ недостаточности сравненій съ византійскими памятниками, дѣлаемыхъ изслѣдователями, считающими двери византійскаго происхожденія; но и самъ заслуживаетъ того же упрека.

Указывая на параллелизмъ въ изображеніяхъ дверей—однихъ со сценами ветхаго завѣта, другимъ—со сценами новаго, — авторъ приводитъ въ качествѣ аналогіи роспись монастыря и церкви св. Павла въ Weremouth (въ Англіи), сдѣланную по образцу „святыхъ образовъ“, которые проводятъ согласіе между ветхимъ и новымъ завѣтомъ. Извѣстіе объ этомъ почерпается изъ источника VII вѣка. Но аналогіи же изображеніямъ дверей ц. Сабины мы имѣемъ въ болѣе раннихъ и современныхъ ему памятникахъ, при томъ вещественныхъ. напр. липсанотека въ Бреміи, кресло еп. Максиміана въ

[1]) Д. В. Айналовъ, *Голгоѳа и крестъ на мозаикѣ IV вѣка* (отд. отт. изъ „Сообщеній Имп. Прав. Палест. Общ.“, февр., 1894, стр. 14).

Равеннѣ и др. Непонятно, почему авторъ не коснулся этихъ аналогій и не привелъ другихъ литературныхъ свидѣтельствъ, болѣе подходящихъ по времени, какъ, напр., „Dittochaeum“ Пруденція, стихи Элпидія Рустика и др.

Вообще статья Гризара, затрогивающая, повидимому, лишь одни изображенія креста въ барельефахъ дверей ц. св. Сабины, имѣетъ большія притязанія трактовать о многихъ вопросахъ, возбуждаемыхъ этимъ драгоцѣннымъ и замѣчательнымъ памятникомъ христіанскаго искусства. Но эти вопросы остаются открытыми и послѣ ея и можно надѣяться будутъ привлекать вниманіе изслѣдователей: памятникъ еще ждетъ полнаго и всесторонняго изученія его.

Слѣдующая статья за разобранной нами принадлежитъ перу русскаго ученаго, проф. Кулаковскому; она посвящена изслѣдованію открытой имъ въ 1890 году, въ Керчи, христіанской катакомбы 491 года, и представляетъ собою переводъ его труда, изданнаго Императорскою Археологическою Коммиссіей (Матеріалы по Археологіи Россіи, № 6. Спб. 1891).

Третья статья молодаго американскаго археолога Schaefer'a посвящена „Актамъ свв. Нерея и Ахиллея“ (Die Acten der Heiligen Nereus und Achilleus).

Акты эти, какъ извѣстно, дошли до насъ въ двухъ версіяхъ: латинской и греческой. Латинскій текстъ былъ изданъ Болландистами и находится въ „Acta Sanctorum“ Mai, т. III, стр. 6 и сл. Греческій текстъ, найденный Виртомъ въ Ватиканской рукописи и изданный имъ, былъ вновь переизданъ Achelis'омъ въ собраніи Гебхардта Гарнака „Texte und Untersuchungen“ Bd. XI, 2.

Уже Ахелисъ предполагалъ, что изъ обѣихъ версій оригиналомъ является латинскій текстъ; но онъ не имѣлъ достаточно матеріала для доказательства своего предположенія. Авторъ указанной статьи, располагая матеріаломъ, именно и доказываетъ оригинальность латинскаго текста и устанавливаетъ время происхожденія его (первая половина V столѣтія).

Статья Вильперта Wichtige Funde in der „Capella greca“ знакомитъ съ открытіемъ фресокъ, сдѣланнымъ авторомъ въ замѣчательной капеллѣ катакомбъ Присциллы. Фрески эти скрывались подъ слоемъ сталактита. Онѣ представляютъ полуразрушенные и болѣе или менѣе сохранившіеся остатки фигуръ, данныхъ въ сценахъ изъ обычнаго цикла сюжетовъ древне-христіанскаго искусства. Такимъ образомъ, здѣсь имѣются: Даніилъ среди львовъ, Христосъ и самаритянка, жертвоприношеніе Авраама, Воскрешеніе Лазаря, т. н. fractio panis, поклоненіе волхвовъ. Новооткрытыя фрески принадлежатъ, по мнѣнію автора, II вѣку.

Въ отдѣлѣ „Kleinere Mitteilungen“ встрѣчаемъ извѣстную намъ уже статью де-Росси, помѣщенную въ его Bulletino: „Due vergini martiri storiche effigiate in forma di oranti in un epitaffio di Terni“, статью Марукки объ открытой въ оригиналѣ надписи, ранѣе извѣстной и изданной въ Corpus inscr. lat. VI, n. 1755—извѣстной Anicia Faltonia Proba; она и ея супругъ Anicio Petronio Probo—современники и друзья папы Дамаса.

Тамъ же въ сокращеніи передано Бонавеніей также извѣстное уже намъ изслѣдованіе де-Росси: La cripta dei ss. Proto e Giacinto nel Cimitero di S. Ermete presso la Salaria vetere. Кромѣ того, здѣсь помѣщены слѣдующія небольшія замѣтки: Das Mora—Spiel auf den Darstellungen der Verlosung des Kleides Christi; Die Bluttaufe (?) auf einer altchristlicher Inschrift и Christliche Alterthümer in Regensburg.

Е. Рѣдинъ.

VIII.

Засѣданія Обществъ.

Въ годичномъ засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, происходившемъ 9 марта 1894 г., въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергѣя Александровича, подъ предсѣдательствомъ гр. П. С. Уваровой, былъ прочтенъ годичный отчетъ о дѣятельности Общества и баллотировали должностныхъ лицъ: въ предсѣдатели Общества единогласна была избрана гр. П. С. Уварова, въ товарищи предсѣдателя—Д. Н. Анучинъ и въ библіотекаря П. И. Зыбинъ (вмѣсто отказавшагося А. И. Станкевича). Проф. И. В. Цвѣтаевъ прочелъ докладъ о древне-греческихъ терракотовыхъ статуэткахъ изъ Танагры, принадлежащихъ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Сергѣю Александровичу. Статуэтки эти пріобрѣтены въ Аѳинахъ, а найдены на мѣстѣ древняго города Танагры, который за послѣднюю четверть вѣка все болѣе и болѣе интересуетъ и археологовъ, и любителей искусства. Этотъ древне-эллинскій беотійскій городъ давно исчезъ съ лица земли, и единственнымъ слѣдомъ его осталась деревушка Скиматари, ничѣмъ сама по себѣ не интересная и не привлекавшая вниманія ученыхъ изслѣдователей классической старины. Но двадцать четыре года тому назадъ одинъ изъ усерднѣйшихъ копателей древностей, Георгій Антифанти, попалъ въ деревушку и сразу отгадалъ своимъ опытнымъ глазомъ, что тутъ его ждетъ богатая добыча. Онъ принялся за раскопки, и въ первые же дни откопалъ большое количество вазъ и статуэтокъ изъ обожженной глины, отличающихся поразительною красотою и мастерствомъ работы, принадлежащихъ, очевидно, къ порѣ пышнаго расцвѣта эллинскаго искусства. Статуэтки прекрасно сохранились, и любители старины жадно набросились на нихъ, платя Антифанти громадныя деньги. Примѣръ этого копателя соблазнилъ мѣстныхъ крестьянъ, они побросали земледѣліе и принялись копать. Деревушка оказалась стоящей на мѣстѣ древняго некрополя; статуэтки наполняли собою могилы, и новые археологи изъ скиматарійскихъ крестьянъ быстро обогощались. Только два года спустя, аѳинское правительство и тамошнее археологическое Общество спохватились, что

отъ нихъ уходятъ и расходятся во всѣ концы Европы драгоцѣнныя сокровища: въ Скиматари былъ посланъ депутатъ, который долженъ былъ положить конецъ расхищенію національнаго достоянія, и ему въ помощь дана рота солдатъ. Но депутатъ пришелъ уже слишкомъ поздно: все лучшее было откопано, продано и обогатило музеи Европы и коллекціи частныхъ любителей.

Когда ученые стали изучать танагрійскія терракоты, предъ ними открылся цѣлый міръ со своею исторіею. Начало ея восходитъ къ седьмому вѣку до Р. Х., когда глиняныя фигурки отличаются еще чисто-варварскою работою, человѣческія лица выходятъ у лѣпщика больше похожими на птичьи, моделировка рукъ и ногъ—самая первобытная, безыскусная. Но время идетъ, лѣпщикъ пріобрѣтаетъ большую ловкость, большую техническую сноровку, и уже человѣкъ начинаетъ походить на человѣка, терракота постепенно все улучшается. Но затѣмъ въ этой эволюціи образуется какой-то пробѣлъ, для изслѣдователя нашихъ дней ничѣмъ невозстановимый, необъяснимый, и въ IV в. танагрійская терракота является уже съ образцовою, прекрасною работою. Быть можетъ, въ это время пришли въ Танагру аѳинскіе лѣпщики и, соблазненные выгодными при лѣпкѣ свойствами беотійской легкой глины, основались здѣсь. Терракоты этой поры, цѣнные образцы которыхъ имѣются въ коллекціи Его Императорскаго Высочества (при чтеніи были демонстрированы фотографіи съ оригиналовъ), отличаются чрезвычайнымъ разнообразіемъ сюжетовъ, при чемъ почти всѣ эти сюжеты—изъ повседневной человѣческой жизни. Мы становимся тутъ лицомъ къ лицу съ реалистическимъ направленіемъ въ эллинскомъ искусствѣ, съ бытовымъ жанромъ. Правда, нѣкоторые изслѣдователи пытаются и тутъ видѣть лишь символическія изображенія, сцены изъ жизни боговъ, иллюстраціи къ миѳамъ. Но эта гипотеза имѣетъ подъ собою мало основаній и слишкомъ натянуто объясняетъ то, что такъ просто и не возбуждаетъ сомнѣній. Какъ любопытную подробность, отмѣтимъ, что въ терракотахъ женщины сильно преобладаютъ надъ мужчинами, которые не составляютъ и одной десятой доли, да и въ этой долѣ почти все мальчики и юноши; взрослыхъ мужчинъ почти нѣтъ. Среди женскихъ фигуръ сильно преобладаютъ молодыя. Изъ терракотъ Его Высочества обращаютъ на себя наибольшее вниманіе: мать, кормящая грудью ребенка. Статуэтка по работѣ своей груба, принадлежитъ къ сравнительно ранней эпохѣ и художественной красотой не отличается, но достойна всякаго вниманія по сюжету своему, который вводитъ насъ въ гинекей, въ женскую половину греческаго дома. Въ задней части статуэтки, почти не отдѣланной, имѣется круглое отверстіе, которое оставлялось лѣпщиками, или коропластами, съ тою цѣлью, чтобы глина не дала трещины при обжиганіи. Неизмѣримо выше художественная цѣнность другихъ описанныхъ проф. Цвѣтаевымъ образцовъ изъ Великокняжеской коллекціи, а именно: женщина съ вѣеромъ, въ видѣ листа, въ рукѣ, плотно закутанная въ свое платье, покрытое сохранившеюся живописью; двѣ молодыя женскія фигуры, прижавшіяся въ нѣжной позѣ одна къ другой—лучшій изъ экземпляровъ танагрій-

скихъ терракотъ, которому можетъ позавидовать любой музей; наконецъ, фигурка Афродиты съ полуобнаженнымъ тѣломъ, съ гранатовымъ яблокомъ въ рукахъ. Послѣдній экземпляръ коллекціи, между прочимъ, поражаетъ, такъ сказать, нравственной своей чистотою, особенно въ сравненіи съ малоазіатскими Афродитами, разсчитанными на чувственный эффектъ. Та же нравственная чистота вообще отличаетъ танагрійскія терракоты, характеристична для нихъ. Сдѣлавшись жанристомъ и не избѣгая рискованныхъ темъ, эллинскій коропластъ сохранилъ въ неприкосновенности свой идеализмъ и отразилъ его въ своихъ прекрасныхъ твореніяхъ, образцы которыхъ были описаны и показаны въ фотографическихъ снимкахъ проф. Цвѣтаевымъ.

Нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній по поводу вліянія литературы на искусство было сдѣлано проф. Ѳ. Е. Коршемъ. Въ заключеніи проф. А. Я. Кожевниковымъ былъ прочтенъ докладъ „Раскопка нѣскольких кургановъ въ Бронницкомъ уѣздѣ, Московской губ.“. (См. Арх. Изв. и Зам., стр. 100).

Въ засѣданіи того же Общества 18 марта 1894 г., подъ предсѣдательствомъ гр. П. С. Уваровой, проф. Д. Н. Анучинымъ было сдѣлано нѣсколько небольшихъ сообщеній: 1) о предметахъ, добытыхъ Ф. Д. Нефедовымъ изъ раскопокъ у дер. Козловки, Елабужскаго уѣзда, Вятской губ.; 2) о серебряномъ слонѣ, принадлежащемъ Имп. Одесскому Ист. и Др., найденномъ въ Никопольскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губ. въ 1830-хъ годахъ; 3) о найденныхъ въ 1856 г. близъ Тилигульскаго лимана бронзовыхъ серпахъ (22 экз.) и 2-хъ формахъ для отливки ихъ, и 4) о принадлежащихъ г. Литвинову каменныхъ шлифованныхъ топорахъ, имѣющихъ форму бронзовыхъ (выводъ, сдѣланный владѣльцемъ ихъ, что каменныя орудія продолжались выдѣлываться послѣ начала употребленія бронзы, что замѣтно на техникѣ каменныхъ шлифованныхъ топоровъ, подражающей техникѣ бронзовыхъ).

М. Н. Сперанскій прочелъ доклады Д. В. Айналова „Сцены изъ жизни Богородицы на саркофагѣ Adelfia“ и Н. А. Лашкова „Напрестольное Евангеліе Спасо-Нередицкаго монастыря въ Новгородѣ“. Проф. И. А. Линниченко сдѣлалъ краткое сообщеніе о трудѣ г-жи Винкель „О моравскомъ орнаментѣ“, демонстрируя самое изданіе.

Засѣданіе Славянской Коммиссіи Императорскаго Московскаго Арх. Общ. 18 февраля 1894 г. было посвящено памяти покойнаго заслуженнаго проф. и академика Н. С. Тихонравова († 27 ноября 1893 г.). Послѣ панихиды по покойномъ, засѣданіе было открыто рѣчью А. С. Павлова, вспомнившаго свое первое знакомство съ Н. С. и охарактеризовавшаго Н. С. Тихонравова, какъ ученаго, какъ ректора университета и какъ товарища. Затѣмъ слѣдовали рѣчи: С. О. Долгова, сообщившаго біографическія свѣдѣнія о Тихонравовѣ въ началѣ его общесвенной и профессорской дѣятельности, М. И. Соколова объ издательской дѣятельности Н. С. и пріемахъ изданія памятни-

ковъ древней литературы, М. Н. Сперанскаго о Тихонравовѣ, какъ профессорѣ, и объ его лекціяхъ и Н. И. Аммона, характеризовавшаго на основаніи личныхъ впечатлѣній, научные и преподавательскіе пріемы Н. С. Тихонравова.

Въ засѣданіи Славянской Коммиссіи Императорскаго Московскаго Арх. Общ. 21 февраля 1894 года, секретаремъ ея прочтенъ былъ некрологъ знаменитаго слависта и историка Ф. Рачкаго (умеръ 1 (13) февраля). Профессоръ Р. Ѳ. Брандтъ доложилъ о выходѣ перваго выпуска издаваемаго имъ Паримейника В. И. Григоровича, сообщивъ при этомъ о пріемахъ изданія. По этому поводу въ преніяхъ принимали участіе: П. А. Лавровъ, В. М. Истринъ и М. Н. Сперанскій. Вторымъ рефератомъ былъ докладъ В. М. Истрина по поводу источниковъ, которыми пользовался составитель Толковой Палеи въ родословіи Сиѳа; этими источниками были: библейскій текстъ, апокрифическое сказаніе о Сиѳѣ, толкованіе собственныхъ именъ, основанное на еврейскомъ источникѣ, и наконецъ его собственный трудъ—полемика противъ жидовина. М. И. Соколовымъ было сказано нѣсколько словъ по поводу вопроса о еврействѣ въ древне-русской литературѣ.

---

8 мая 1894 г. происходилъ актъ Археологическаго Института. Секретарь Совѣта, проф. Н. В. Покровскій, прочелъ отчетъ о дѣятельности института въ 1893—4 учебномъ году. Въ составъ почетныхъ членовъ избранъ купецъ Лещинскій, изъявившій готовность вносить въ институтъ ежегодно по 500 руб. Всѣхъ почетныхъ членовъ 90 человѣкъ, дѣйствительныхъ—44 и сотрудниковъ—23. Въ нынѣшнемъ году кончило курсъ въ институтѣ 5 слушателей. Изъ нихъ двое зачислены въ составъ дѣйствительныхъ членовъ, остальные—въ члены-сотрудники. Вновь приглашены читать съ будущаго года: докторъ русской исторіи Н. П. Лихачевъ—русскую дипломатику, магистръ римской словесности И. П. Холоднякъ—латинскую палеографію и Г. Ф. Церетелли—греческую палеографію. Такимъ образомъ, число профессоровъ Археологическаго института увеличилось до 12 человѣкъ. Всѣхъ слушателей въ отчетномъ году было 59: на первомъ курсѣ—31, на второмъ—28. Дѣятельность института, помимо занятій со слушателями, выразилось въ сношеніяхъ съ губернскими учеными архивными коммиссіями, особенно по дѣламъ, касающимся описаній и организаціи историческихъ архивовъ, и въ сношеніяхъ съ частными лицами по вопросамъ ученой обработки архивныхъ матеріаловъ. Съ цѣлью поставить Археологоческій институтъ въ возможно близкую связь съ учеными обществами, учебными заведеніями и съ дѣятелями по археологіи, что было завѣтной мыслью покойнаго Н. В. Калачова, совѣтъ института, по инциативѣ директора А. Н. Труворова, разослалъ „Вѣстникъ археологіи и исторіи“, каждый экземпляръ котораго состоитъ изъ 15 книгъ, въ Императорскую Академію Наукъ, университеты, духовныя академіи, археографическую коммиссію, Филологическій институтъ, петербургскія гимназіи, губернскія ученыя архивныя коммиссіи, въ 108 губернскихъ гимназій и въ

59 духовныхъ семинарій. Институтъ пользовался правительственной субсидіей въ 6,000 р. Кромѣ лекцій въ помѣщеніи института происходили вечернія собранія, посвященныя чтеніямъ бесѣдамъ по различнымъ предметамъ древностей. Институтская библіотека обогатилась 150 новыми названіями книгъ и въ настоящее время превышаетъ 10,000 томовъ. Въ музей пожертвовано: Археологическою Коммиссіей—40 бронзовыхъ пантикапейскихъ монетъ, нѣсколько предметовъ, найденныхъ въ 1892 году при раскопкѣ кургановъ въ Бердянскомъ и Симферопольскомъ уѣздахъ; анапскимъ полицейскимъ управленіемъ — золотыя бусы и др. предметы; г. Яковлевымъ — старинные воинскіе доспѣхи шаха Гуссейна. Общее число пожертвованныхъ предметовъ превышаютъ 4,000.

Актъ закончился рѣчью профессора А. И. Соболевскаго о южно-славянскомъ вліяніи на русскую письменность въ XIV и XV вѣкахъ. Ораторъ отмѣтилъ рѣзкую разницу въ русской письменности XIV и XV вѣковъ. Въ половинѣ XIV вѣка книги писались уставомъ или старымъ полууставомъ и имѣли русскія особенности, въ половинѣ XV вѣка — мелкимъ полууставомъ и имѣли массу юсовъ и другія особенности южно-славянскаго письма (главнымъ образомъ средне-болгарскаго). Это объясняется тѣмъ, что послѣ тяжелыхъ для русской литературы конца XIII и первой половины XIV вѣка усилились сношенія Россіи съ Константинополемъ и Аѳономъ, гдѣ завелись русскія колоніи, откуда шли въ Россію въ половинѣ XIV до половины XV вѣка новыя рукописи, новые переводы; оттуда же шли и югославянскіе выходцы, преимущественно болгарскіе, обновившіе своей дѣятельностью нашу литературу. Движеніе это принесло несомнѣнную пользу своимъ вліяніемъ на замѣну неисправленныхъ богослужебныхъ книгъ исправленными и внесеніемъ новыхъ памятниковъ, доселѣ неизвѣстныхъ въ Россіи.

IX.

Ваддингтонъ.

(Некрологъ).

Наука понесла непоправимую потерю въ лицѣ Ваддингтона, застигнутаго преждевременною смертью въ полномъ разгарѣ умственной дѣятельности. Онъ умеръ въ Парижѣ, 1/13 января 1894 года. Въ частности же эта неожиданная потеря особенно прискорбна по отношенію изученія греческой нумизматики, какъ бы лишившейся теперь въ нѣкоторомъ родѣ своего главы, такъ какъ Ваддингтонъ, безспорно, былъ главнымъ представителемъ этой отрасли изысканій.

Вилліамъ Генри Ваддингтонъ родился въ Сенъ-Реми на Аврѣ 11 декабря

1826 года; онъ былъ сынъ богатаго англійскаго купца, поселившагося во Франціи и принявшаго французское подданство. Бо́льшую часть своего образованія онъ получилъ въ Англіи, въ гимназіи въ Реджби, потомъ въ Кембриджскомъ университетѣ, откуда вернулся во Францію въ 1849 году.

Уже на слѣдующій годъ Ваддингтонъ предпринялъ первое путешествіе на Востокъ, во время котораго выяснилось его призваніе какъ нумизмата и эпиграфиста. Онъ началъ собирать нумизматическую коллекцію, исключительно съ научной точки зрѣнія, которую онъ, не переставалъ увеличивать до послѣднихъ дней своихъ. Во время путешествія онъ старательно списывалъ всѣ надписи, встрѣчавшіяся на его пути, на мѣстахъ древнихъ городовъ Малой Азіи. Во второе его путешествіе, предпринятое имъ съ цѣлью археологическихъ изслѣдованій въ 1861 году, на этотъ разъ вмѣстѣ съ маркизомъ де Вогюе, онъ посѣтилъ Кипръ, Сирію и Гауранъ; оба ученые привезли обильную жатву памятниковъ, которые имъ доставили матеріалъ для обширныхъ археологическихъ изданій. Ваддингтонъ всѣ свои путевыя замѣтки напечаталъ, въ прибавленіи къ „Voyage archéologique“ de Ph. Le Bas, въ эпиграфическомъ отдѣлѣ, куда онъ включилъ свое замѣчательное изслѣдованіе объ едиктѣ Діоклетіана и свои Fastes des provinces asiatiques de l'Empire romain. Въ ожиданіи окончанія своего сочиненія по нумизматикѣ Малой Азіи, которое онъ исподволь разрабатывалъ, Ваддингтонъ рѣшился обнародывать нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ открытій, сдѣланныхъ имъ во время его путешествій: таковъ былъ исходный пунктъ этой прекрасной серіи статей, печатавшихся въ Revue numismatique въ теченіи десяти лѣтъ съ 1851 до 1861 года, и которая, взятая отдѣльно, составляетъ сборникъ, заглавленный: Voyage en Asie-Mineure au point de vue numismatique и Mélanges de numismatique et de philologie. Было бы излишнимъ распространяться о важности этихъ изслѣдованій, которыя до сихъ поръ не потеряли своего значенія и представляютъ образцы ясности и точности. Никогда Ваддингтонъ не издавалъ монеты или надписи не сопровождая ихъ самыми тщательными комментаріями.

Съ 1865 г., какъ членъ Академіи Надписей, Ваддингтонъ принялъ дѣятельное и непосредственное участіе въ созданіи Corpus inscriptionum semiticarum, въ которомъ онъ взялъ на себя нумизматическую часть; онъ былъ также однимъ изъ сотрудниковъ В. Дюрюи при основаніи практической школы высшихъ наукъ.

Выбранный депутатомъ въ 1871 г. сенаторъ въ 1876, потомъ министръ народнаго просвѣщенія, президентъ совѣта и наконецъ французскій посланникъ въ Лондонѣ, положеніе, которое онъ занималъ 10 лѣтъ—его прохожденіе по этимъ высокимъ общественнымъ должностямъ было ознаменовано мѣрами благопріятствующими развитію научныхъ познаній во Франціи: это ему обязаны созданіемъ каѳедры греческой эпиграфики въ Collège de France. Многочисленныя служебныя обязанности, къ сожалѣнію, не позволили Ваддингтону окончить своего большаго сочиненія, посвященнаго общему и подробному описанію монетъ Малой Азіи. Ради этого сочиненія, которое должно

было появиться въ 2-хъ частяхъ (каталогъ и объясненіе мало-азійскихъ монетъ), онъ извлекъ матеріалъ не только изъ своего богатаго собранія, но описалъ всѣ монеты Парижскаго, Лондонскаго, Вѣнскаго, Мюнхенскаго, Петербургскаго и многихъ другихъ общественныхъ и частныхъ губерній. Такимъ образомъ былъ составленъ нумизматическій Corpus Малой Азіи, съ объясненіями, которыя возстановляютъ внутреннюю исторію каждаго города, начиная съ VII и съ VI вѣка до нашей эры и кончая III ст. по Р. Х. За полгода до своей смерти, Ваддингтонъ пріѣзжалъ во Францію, говорилъ Бабелону о проектѣ изданія своего сочиненія, нѣкоторыя части котораго были совсѣмъ готовы къ печати, но, къ великому сожалѣнію, неумолимая смерть не позволила осуществить задачу пятидесятилѣтней работы этого превосходнаго ученаго, но, можно надѣятся, что эти драгоцѣнныя для науки манускрипты не останутся неизданными, иначе, какъ выражается Бабелонъ въ некрологѣ Ваддингтона, „это значило бы измѣнить его памяти и причинить вредъ научному реноме Франціи".

Нумизматическая коллекція, собранная Ваддингтономъ, содержитъ около ста золотыхъ, 1500 серебряныхъ и 5000 бронзовыхъ монетъ. По качеству своему коллекція свидѣтельствуетъ о знаніи дѣла ея покойнаго владѣльца. Какъ сказалъ П. Мейеръ, говоря рѣчь отъ имени Академіи Надписей, „Ваддингтонъ не былъ простымъ собирателемъ рѣдкихъ монетъ, для него нумизматика была одною изъ вспомогательныхъ наукъ исторіи и онъ не пренебрегалъ никакимъ случаемъ пользоваться монетами для рѣшенія спорныхъ историческихъ и географическихъ вопросовъ. А такихъ вопросовъ всегда излишекъ. Малая Азія, такъ тѣсно населенная въ древности, подпадала подъ разныя владычества и претерпѣла столько перемѣнъ, о которыхъ историки не говорятъ, что нумизматика и эпиграфика суть единственныя науки, которыя позволяютъ возстановить исторію". Было бы жаль, еслибъ коллекція, представляющая столь большую историческую важность, была бы разрознена.

Вотъ перечень ученыхъ работъ, напечатанныхъ Ваддингтономъ:

1. *Voyage en Asie Mineure au point de vue numismatique.*
2. *Mélanges de numismatique et de philologie.*
3. *Vayage archéologique en Grèce et en Asie-Mineure.* (de Ph. Le Bas. Continué par M. Waddington pour la partie epigraphique relative à l'Asie-Mineure et à la Syrie).
4. *Edit du maximum de Dioclétien.*
5. *Fastes des provinces asiatiques de l'empire romain.*
6. *Mémoires sur la chronologie de la vie du rhéteur Aelius Aristide.*
7. *Numismatique de l'Isaurie et de la Lycaonie.*
8. *Supplement au Fastes de la province d'Asie.*
9. *Inscriptions de la Cataonie.*
10. *Inscriptions de Tarse.*

Послѣ своей статьи о монетахъ Исавріи и Ликаоніи Ваддингтонъ не печаталъ ничего относящагося къ нумизматикѣ, но словесно онъ сообщалъ о

новомъ изслѣдованіи, которое онъ собирался печатать во французскомъ Revue numismatique, гдѣ онъ предполагалъ доказать, что монеты, которыя относились къ латинской колоніи Нинивіи въ Месопотаміи, на самомъ дѣлѣ должны быть отнесены къ Киликіи: въ этой послѣдней провинціи была поселена латинская колонія при имп. Клавдіи, подъ именемъ Colonia Ninica Claudiololis. Это интересное открытіе было послѣднимъ Ваддингтона. (Изъ некролога Ваддингтона, написаннаго Бабелономъ. См. Rev. Num. 1894, p. 134).

Газеты принесли извѣстіе о смерти знаменитаго итальянскаго археолога Д. Б. де-Росси, скончавшагося 20 Сентября (н. с.) въ Кастель Гандольфо, 72 лѣтъ.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Секретарь *В. Трутовскій.*

№ 10 1894 г.

издаваемыя
Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

I.

Замѣтка объ одномъ темномъ мѣстѣ въ Словѣ о Полку Игоревомъ.

Одно изъ труднѣйшихъ и совсѣмъ непонятныхъ мѣстъ въ Словѣ о Полку Игоревомъ составляютъ извѣстныя заключительныя его строки:

„Рекъ Боянъ и ходы на Святославля пѣстворца стараго времени Ярославля Ольгова Коганя хоти: тяжко ти головы, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы: Руской Земли безъ Игоря“.

Усердныя старанія объяснить эти строки, проникнуть въ точный ихъ смыслъ не были успѣшны. Ни одно толкованіе не было принято знатоками древняго языка, которые благоразумно ограничивались однимъ рѣшеніемъ, что это мѣсто—темное мѣсто, какъ обозначилъ его въ своемъ изданіи Слова покойный Н. С. Тихонравовъ.

Новѣйшій толкователь Слова (г. Е. Барсовъ), обозрѣвая всѣ прежнія толкованія и предлагая взамѣнъ ихъ свои объясненія, все-таки принужденъ былъ выразить въ нѣкоторомъ родѣ отчаяніе такими словами:

„Мѣсто это одно изъ самыхъ труднѣйшихъ; оно всегда было крестомъ для умовъ и донынѣ служитъ поношеніемъ для толковниковъ“ [1]).

[1]) Чтенія въ Общ. Исторіи и Древн. 1886 г. Кн. III, 290

Однако унывать не слѣдуетъ и должно вѣрить, что рано ли, поздно ли общія усилія изыскателей необходимо раскроютъ или истинный смыслъ этихъ загадочныхъ строкъ, или утвердятъ основательными показаніями, что текстъ въ этомъ мѣстѣ доподлинно испорченъ книгописцемъ.

Главнѣйшее и самое существенное недоразумѣніе наводятъ слова и ходы на—Рекъ боянъ и ходы на Святославля пѣстворца...

Одни (въ томъ числѣ и г. Барсовъ посредствомъ большихъ истязаній), читали здѣсь годыну, т. е. годину (время); другіе думали о походахъ, объ исходѣ — концѣ жизни; объясняли ходы выраженіемъ ходилъ, даже ходячими крылатыми рѣчами, обходившими весь свѣтъ; сочинено было новое слово съ греческаго Иходы — припѣвка и т. д.

По истинѣ, эти слова являются изрѣченіемъ древняго оракула или сфинксовою загадкою, которую позволяется отгадывать на всѣ лады. Такимъ позволеніемъ пользуемся и мы, предлагая здѣсь толкованіе этого темнаго мѣста по своему разумѣнію.

Мы предполагаемъ, что въ словахъ и ходы на заключается собственное или другаго пѣснотворца, наименованнаго пѣвцомъ Игоря Ходыною, а потому полагаемъ, что слѣдуетъ читать:

Рекъ Боянъ и Ходына, т. е. сказывали два пѣвца—Боянъ и Ходына. Какіе? На это отвѣчаетъ двойственное число послѣдующихъ словъ — Святославля пѣстворца, т. е. Святославли пѣснотворцы, пѣснотворцы стараго времени Ярославля Ольгова коганя хоти.

Здѣсь опять невразумительныя слова—коганя хоти.

О словѣ коганя мы думаемъ, что оно не выражаетъ прилагательнаго притяжательнаго смысла, а употреблено какъ существительное съ умягченнымъ звукомъ вмѣсто *а—я,* вмѣсто Когана—коганя. Г. Барсовъ видитъ здѣсь звательный падежъ: Когане, слѣд. сущ. Коганъ!

Кто же былъ Ольговъ Коганъ т. е., владыка, учитель, наставникъ, попечитель, хранитель и князь, какъ это слово разумѣлъ первый митрополитъ изъ русскихъ, Иларіонъ, повѣствуя великую похвалу нашему „учителю и наставнику, великому когану“ древней Руси, Св. Владиміру, единодержцу земли своей. Повидимому въ то время слово коганъ носило въ себѣ болѣе обширный смыслъ, чѣмъ слово Князь. Заимствованное отъ Хозаръ во время ихъ владычества надъ Кіевомъ, оно прямо обозначало единодержца, полнаго владыку земли, почему и митрополитъ Иларіонъ ни разу не называетъ св. Владиміра княземъ. Въ этомъ смыслѣ оно могло обозначать и отца, каковымъ и былъ для Олега его отецъ Святославъ Ярославичъ.

Слово хоти употреблено во множественномъ числѣ отъ существительнаго мужескаго рода хоть, что въ церковно-славянскомъ языкѣ означало любовникъ (похотникъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ въ лѣтописномъ языкѣ любовникъ же значило любимецъ [1]). Поэтому слова: Ольгова когання хоти будутъ значить: Ольгова отца (того же Святослава) любимцы.

Вся рѣчь такимъ образомъ получаетъ опредѣленный смыслъ:

„Рекъ Боянъ и Ходына, Святославовы пѣснотворцы, (пѣснотворцы) стараго времени Ярославова, Ольгова когана—отца любимцы".

Что же они, пѣснотворцы, рекли? Они рекли свои припѣвки.

Одинъ, Боянъ, когда то сказалъ припѣвку: „Тяжко ти головѣ, кромѣ плечю". Вторя Бояну, другой пѣснотворецъ Ходына примолвилъ: „Зло ти тѣлу, кромѣ головы". А третій — пѣвецъ Игоревъ — припомнилъ и привелъ къ мѣсту ихъ старыя словеса именно для того, чтобы сказать: „А Русской Землѣ (тѣлу) тяжко и зло безъ (головы)—Игоря. И такъ, Боянъ и Ходына были Святославовы любимые пѣснотворцы и притомъ пѣвцы еще стараго Ярославова времени.

Въ житіи св. Θеодосія Печерскаго сохранилось и сказаніе о томъ, какъ Святославъ, бывши уже вел. княземъ (1073—1076 г.), утѣшался этими пѣвцами, какъ онъ вообще любилъ пѣснотворчество, а слѣд. и своихъ хотей—пѣвцовъ—любимцевъ. Извѣстно, что онъ сѣлъ на В. Княженіе насиліемъ, изгнавши съ великокняжескаго стола своего старшаго брата Изяслава, а потому св. Θеодосій употреблялъ всѣ старанія, чтобы помирить его съ братомъ, обличая его и поучая отъ святыхъ книгъ, что поступилъ онъ неправедно и долженъ возвратить В. Княженіе старѣйшему, неправедно изгнанному. Съ этою цѣлью св. старецъ, продолжая свои обличенія и поученія, много разъ посѣщалъ Святослава и вотъ однажды, придя въ хоромы, гдѣ сидѣлъ В. Князь, онъ засталъ обычное его веселье—„многіе играли передъ нимъ, одни гусельные гласы испущающе, другіе органные гласы поюще, а иные замарьные писки гласяще; и тако всѣмъ играющемъ и веселящемся, якоже обычай есть предъ княземъ. Блаженный старецъ, сѣвши возлѣ князя, поникъ долу и мало склонившись къ нему, сказалъ ему: А будетъ ли такъ на томъ-то свѣтѣ? Святославъ почувствовалъ обличительный смыслъ этихъ словъ, умилился и даже мало прослезился и повелѣлъ замолкнуть игрищу. Съ той поры, какъ скоро приходилъ къ князю блаженный старецъ, игрище по повелѣнію князя тотчасъ утихало; но оно не утихало въ княжескомъ дворцѣ въ другое время, когда князь

[1]) Царственный лѣтописецъ, 185, 186. и другія лѣтописи подъ годомъ 6941.

творилъ свое обычное веселье и гудцы-пѣснотворцы по прежнему воспѣвали славу и трудныя повѣсти о подвигахъ храбрыхъ Русичей.

Эти пѣсни продолжались до тѣхъ поръ, пока монастырское начало жизни не изгнало ихъ совсѣмъ изъ княжескихъ дворцовъ и не сомкнуло уста ихъ творцовъ на вѣки. На наше счастіе намъ остался одинъ краснорѣчивый свидѣтель о погибшей безъ возврата не совсѣмъ бѣдной пѣснотворческой литературы этого стараго времени, осталось только одно слово отъ множества другихъ подобныхъ старыхъ словесъ.

Изъ приведеннаго сказанія о пѣсенныхъ играхъ в. князя Святослава мы видимъ, что у него, кромѣ вѣщаго Бояна было много и другихъ пѣвцовъ, имена которыхъ неизвѣстны, но въ числѣ которыхъ быть можетъ находился и предполагаемый нами Ходына.

Что касается этого имени, то оно объясняется не посредствомъ какихъ либо этимологическихъ или филологическихъ истязаній, а является простымъ весьма обычнымъ именемъ широко бытовавшимъ въ древнее время вмѣстѣ со многими другими подобными именами одного и того же корня—ходить, который въ древнее время обозначалъ вообще разнородную людскую дѣятельность, главнымъ образомъ промысловую, въ особенностя торговую, а также и военную. Та или другая личность отъ свойства и характера своихъ занятій пріобрѣтала соотвѣтственное прозваніе отъ этого корня. Извѣстенъ мѣстный князь у Вятичей Ходота. У Лужицкихъ Славянъ этимъ именемъ обозначался домовой. Затѣмъ у западныхъ же Славянъ встрѣчаемъ имена: Ходалко, Ходана, Ходата, Ходекъ, Ходивой, Ходимиръ, Ходиша, Ходко, Ходъ, Ходыка и т. п., изъ которыхъ иныя, напр., Ходко, Ходыка и др. бытовали и у насъ.

Любопытно также, что подобныя имена, и по всему вѣроятію тоже Славянскія, встрѣчаются въ числѣ варварскихъ именъ и въ древнихъ греческихъ надписяхъ, находимыхъ въ развалинахъ древне-греческихъ городовъ по Черноморскому сѣверному побережью и относимыхъ къ первымъ вѣкамъ по Р. Х., таковы напр.: *Σαρμάτας Χοδεκίου, Χόδαινος, Χοδέκιος, Χοδιάκιος, Χωδόνακος* [1]). Впрочемъ Славянъ и особенно Русскихъ пока еще не пускаютъ въ столь отдаленные вѣка и въ столь далекіе (будто бы) края отъ ихъ коренной Днѣпровской и Донской родины. Въ числѣ упомянутыхъ и другихъ варварскихъ именъ никто еще не желаетъ или не смѣетъ услышать Славянское имя.

Личное имя весьма часто оставляло по себѣ память въ именахъ земли и воды по случаю долговременнаго владѣнія или требованія на мѣстѣ. Поэтому личное имя Ходына мы встрѣчаемъ напр., въ имени

[1]) B. Latyschev, J. P. II, №№ 403, 427, 448, 451, 452.

Новгородской волости Ходыни XIV—XV в., находившейся гдѣ-то по р. Ловати и прозывавшейся также (еще въ началѣ XIII ст.) во множественномъ числѣ Ходынамя, Ходыницами [1]). Встрѣчаемъ въ Псковской области деревню Ходынину (пустошь Ходинцову, Ходычино); въ Рязанской области село Ходынино. Наконецъ подъ самою Москвою съ XIV ст. становится извѣстною рѣчка Ходыня и Ходынка — съ Ходынскою мельницею и лугомъ Ходынскимъ, называемымъ теперь Ходынкою. Подобныя имена разсѣяны по всѣмъ краямъ древне-русской земли.

Такимъ образомъ, если было возможно въ словахъ: и ходы на— находить слово година, походы и т. д., то намъ кажется столько же возможнымъ толковать эти слова собственнымъ именемъ Ходына.

Ив. Забѣлинъ.

II.

Новые матеріалы по вопросу о загадочныхъ фигурахъ на древнѣйшихъ русскихъ монетахъ.

Гр. И. И. Толстой въ своемъ трудѣ „Древнѣйшія русскія монеты Великаго Княжества Кіевскаго“ посвящаетъ цѣлую главу (стр. 165—186) разбору мнѣній о загадочныхъ фигурахъ, находящихся на монетахъ, относимыхъ авторомъ св. Владиміру, Святополку и Ярославу. Начиная эту главу, авторъ говоритъ, что эта фигура всегда возбуждала недоумѣніе изслѣдователей, и чуть ли не каждый, занимавшійся этими памятниками, старался дать свое объясненіе. „Къ сожалѣнію, продолжаетъ авторъ, мы сами, не смотря на всѣ наши старанія, не могли добиться удовлетворительнаго разрѣшенія загадки, но не отчаяваемся въ томъ, что, если не намъ, то другому удастся, когда-нибудь разрѣшить ее“. Затѣмъ гр. И. И. Толстой приводитъ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ объясненій различныхъ авторовъ. Стилизованное изображеніе опредѣленнаго, можетъ быть, предмета, а, можетъ быть, и простой знакъ безъ намека на какой-нибудь предметъ, объяснялось каждымъ изъ авторовъ тѣмъ, что эта фигура ему въ то время всего ближе напоминала: Карамзинъ ее назвалъ трезубцемъ; Воейковъ свѣтильникомъ; Шодуаръ, Сахаровъ, Рейхель и Шубертъ тоже

[1]) Акты Юридическіе, стр. 429, 431. Полн. Собр. Лѣтоп. I, 211.

свѣтильникомъ (трикиріемъ) или паникадиломъ; Волошинскій (также гр. Гуттенъ-Чапскій и самъ авторъ въ началѣ, при описаніи монетъ) хоругвью, labarum; Кёне птицею (ворономъ, въ подражаніе монетамъ Анлафа); Куникъ тоже птицею (но св. Духомъ, какъ символъ христіанскій); Бартоломей доспѣхомъ, оружіемъ или якоремъ; гр. Строгановъ порталомъ (геральдическою фигурою); Т. фонъ-Тиленау францискою, т. е. франкскимъ бердышемъ (геральдической формы); гр. Уваровъ диканикіемъ, т. е. вершиною скиптра и проч. Всѣ эти названія давались частью съ объясненіями, частью безъ объясненій; разбирая ихъ, гр. Толстой дѣлитъ ихъ на три категоріи: Къ первой принадлежатъ тѣ, которые видѣли знакъ власти (гр. Уваровъ); ко второй — символъ тѣхъ интересовъ, которые занимали страну въ ту эпоху — торговля и судоходство (якорь), религія (хоругвь, св. Духъ); и, наконецъ, къ третьей тѣ, которые видѣли геральдическій смыслъ (воронъ, бердышъ, порталъ). Изъ трехъ группъ объясненій автору наиболѣе допустимой кажется третья, но ни однимъ объясненіемъ этой группы авторъ не удовлетворенъ: „что въ дѣйствительности представляетъ эта фигура — не знаемъ, но думаемъ, что первообразъ ея, можетъ быть, удастся найти въ сѣверной геральдикѣ. Во всякомъ случаѣ это должно быть знамя (печать, знакъ) Кіевскихъ великихъ князей, а потому опредѣлить его настоящее значеніе было бы въ археологическомъ отношеніи очень важно“.

Заканчивая главу, авторъ приводитъ послѣднее мнѣніе А. А. Куника по этому вопросу, развивающее еще болѣе предположеніе гр. И. И. Толстого и, какъ мнѣ кажется, ставшее на совершенно вѣрную точку зрѣнія. Почтенный академикъ склоненъ видѣть въ загадочной фигурѣ ея норманское происхожденіе: „Такъ какъ фигура эта находится не только на монетахъ Владиміра, но появляется и на монетахъ его двухъ сыновей, Святополка и Ярослава, то нужно было бы изслѣдовать, не представляетъ ли она собой семейное знамя, фамильный знакъ. Не впускаясь тутъ въ подробности, замѣчу только, что такія родовыя знамена нерѣдко возникали изъ знаковъ собственности, которые у языческихъ государей одновременно замѣняли печати. Когда Гамбургскій архіепископъ Ансгаръ готовился въ 852 году къ своему второму миссіонерскому путешествію въ Швецію, то дружественный ему языческій князь Горикъ Ютландскій прислалъ ему своего посла въ Швецію со своимъ хирографомъ (руко — пись). Объ этихъ хирографахъ нерѣдко упоминается въ исландскихъ сагахъ. Именно послы получали ихъ для удостовѣренія ихъ личности передъ государемъ, къ которому они были посланы. Нѣтъ сомнѣнія, что именно объ нихъ упоминается въ

договорѣ Игоря 944 года [1]); послѣ 944 года ихъ замѣнили писанныя вѣрительныя граматы... Въ пользу объясненія фигуры родовымъ знаменемъ Владиміра говоритъ, можетъ быть, форма ея. Знаки собственности были во всеобщемъ употребленіи преимущественно у народовъ, которые не имѣли еще азбуки или у которыхъ не была еще распространена грамотность. Для того, чтобы обладатель такого знака могъ пользоваться имъ, т. е. вырѣзывать его на деревѣ и т. п., онъ долженъ былъ быть несложнымъ. Поэтому, какъ думаютъ, эти знаки у европейскихъ народовъ были первоначально составлены изъ прямыхъ, большею частью вертикальныхъ, линій, и только съ теченіемъ времени отдѣльныя линіи закруглились, и вся фигура становилась вычурнѣе, или же искажалась ея первоначальная форма. Унаслѣдованъ ли знакъ Владиміромъ—предположивъ вѣрность послѣдняго объясненія—или онъ выдуманъ послѣ его крещенія, пока трудно рѣшить. Въ пользу перваго предположенія говоритъ то обстоятельство, что онъ употреблялся и двумя его сыновьями. Можно предполагать, что Владиміръ, будучи неграмотенъ, изображалъ его на договорныхъ граматахъ съ Византіей. При его сыновьяхъ и внукахъ этотъ хирографъ постепенно забывался: отчасти они научились писать свои имена, отчасти къ офиціальнымъ документамъ стали привѣшиваться печати съ изображеніемъ Святаго"... Объясненіе А. А. Куника осталось не безъ вліянія на гр. И. И. Толстаго, увидавшемъ въ предполагаемомъ знакѣ собственности кіевскихъ князей, хотя и съ нѣкоторою натяжкою, какъ сознается самъ авторъ, нѣкоторыя части такъ называемыхъ сѣверныхъ связанныхъ рунъ (Binderunen). Позже, въ 1884 г., гр. И. И. Толстой на Одесскомъ Археологическомъ Съѣздѣ [2]), повидимому, склоняется на то, что загадочная фигура, какъ основной ея формой, такъ и придаточной орнаментаціей, носитъ на себѣ отпечатокъ византійскаго искусства, хотя дѣлаетъ намекъ, что разгадку ея можно искать и не въ одной византійской археологіи, и въ „Русскихъ Древностяхъ" [3]) прямо говоритъ, что „вѣроятнѣе всего разрѣшеніе загадки придется искать въ области восточнаго орнамента, и нѣкоторыя изображенія цвѣтка, встрѣчаемыя въ растительныхъ украшеніяхъ восточныхъ рукописей, очень можетъ быть имѣютъ ближайшее отношеніе къ первому русскому гербу, заимствованному, въ такомъ случаѣ, съ востока". Для полноты обзора

[1]) Ношаху сли печати злати, а гостье сребрени...

[2]) См. Труды VI Арх. Съѣзда, I, стр. 268 и слѣд.

[3]) Русскія Древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ, вып. IV, стр. 172.

упомяну, что авторы позднѣйшихъ нумизматическихъ изданій [1]), при описаніяхъ монетъ, называютъ загадочныя фигуры родовыми знаками, но не обошлось и безъ попытокъ объяснить значеніе ихъ: такъ, въ 1889 г. въ Кіевѣ появилась брошюра подъ заглавіемъ: „Замѣтка о загадочной фигурѣ на монетахъ Великаго Княжества Кіевскаго“, авторовъ, скрывшихъ свои фамиліи подъ буквами Б. и Ч. Признавая мнѣніе А. А. Куника (см. выше) наиболѣе выдающимся, но въ то же время, считая болѣе правильнымъ и естественнымъ искать разгадку фигуры въ Византіи, чѣмъ въ Скандинавіи, кіевскіе нумизматы, безъ особенныхъ натяжекъ и усилій, какъ они выражаются, прочли въ монограммѣ монетъ съ именемъ Владиміра слово *ΒΑΣΙΛΕΥΣ*. Не менѣе замысловато объясненіе П. Н. Милюкова, изложенное имъ въ статьѣ „Норманскій знакъ на монетахъ Великаго Княжества Кіевскаго“ [2]). Авторъ прямо говоритъ: Je propose de l'expliquer par le casque normand, при чемъ находитъ сходство загадочной фигуры со шлемами, изображенными на коврѣ изъ Байё [3]). Наконецъ, въ самое послѣднее время, въ одномъ изъ засѣданій Московск. Арх. Общ. (28 янв. 1894 г.) проф. Д. Я. Самоквасовъ высказалъ новый, оригинальный взглядъ на загадочныя фигуры: по его мнѣнію, это знакъ власти, скипетръ, форма котораго заимствована изъ скиѳскихъ царскихъ кургановъ, гдѣ находятъ трезубцы, украшенные птицами и колокольчиками [4]), служившіе прототипомъ для скипетровъ древнихъ русскихъ князей.

Всѣ приведенныя мною многочисленныя толкованія фигуръ, если въ иныхъ случаяхъ и объяснялись, то объясненія дѣлались путемъ археологическимъ, въ основу ихъ брались памятники древности, принадлежавшіе къ эпохѣ, близкой ко времени чеканки древнѣйшихъ русскихъ монетъ. Но недавно вопросъ этотъ вступилъ въ новый фазисъ: на помощь археологіи является этнографія, наука, близко къ ней соприкасающаяся. Авторомъ новаго взгляда является статистикъ вятскаго губернскаго земства П. М. Сорокинъ, приславшій замѣтку „О загадочныхъ изображеніяхъ на монетахъ Владиміра Св. и его сыновей“ въ

---

1) Н. Черневъ. Замѣтки о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ. Спб. 1888 г. Н. Леопардовъ и Н. Черневъ. Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности и проч., вып. III и IV, Кіевъ, 1891 г. Гр. И. И. Толстой. Древнѣйшія русскія монеты X—XI вѣка, Спб. 1893 г.

2) Статья напечатана въ Annuaire de la Société franç. de Numismatique, t. XIII (1889), подъ заглавіемъ: Un signe normand sur les monnaies du Grand-Duché de Kiew.

3) Только напрасно г. Милюковъ изобразилъ на приложенной къ его статьѣ таблицѣ шлемъ изъ Владимірскаго Успенскаго собора, относимый къ XII вѣку, какъ принадлежащій Изяславу Андреевичу; форма его позднѣйшая—XVI или XVII вѣка, и шлемъ никоимъ образомъ князю XII вѣка принадлежать не могъ.

4) См. изобр. въ Русск. Древн. II, рис. 76.

Московское Археологическое Общество. Въ своемъ докладѣ [1]) П. М. Сорокинъ пишетъ слѣдующее:

„Извѣстные, но донынѣ не объясненные знаки на подобіе гербовъ, имѣющіеся на монетахъ св. Владиміра, Святополка и Ярослава, представляютъ весьма любопытный фактъ древне-русскаго быта. Дѣлая посильную попытку разъяснить вопросъ при помощи собственныхъ моихъ свѣдѣній, которыя, кажется, освѣщаютъ его съ наиболѣе вѣроятной точки зрѣнія, спѣшу оговориться, что изданіе гр. Толстаго и Н. Кондакова „Русскія древности“, вып. IV, послужило мнѣ единственнымъ источникомъ.

„Чтобы быть краткимъ, заявляю, что присоединяюсь къ мнѣнію тѣхъ изслѣдователей, которые считаютъ этотъ знакъ родовымъ гербомъ. Самое изображеніе, по моему, есть топоръ съ 2-мя лезвіями — франциска (мнѣніе Т. фонъ-Тиленау). Я остановился на этомъ объясненіи, какъ на болѣе вѣроятномъ. Люди болѣе меня компетентные разобрали, конечно, съ достаточной полнотой всѣ другія объясненія и отвергли ихъ, я же касаться таковыхъ и не считаю себя въ правѣ, и не имѣю нужды, такъ какъ сущность изображенія не играетъ роли въ моихъ соображеніяхъ. Однако, позволю себѣ сдѣлать одно замѣчаніе на мнѣніе почтенныхъ издателей „Русскихъ древностей“, что объясненіе загадки слѣдуетъ искать въ области восточнаго орнамента и что къ первому русскому гербу имѣютъ, можетъ быть, ближайшее отношеніе изображенія цвѣтка въ нѣкоторыхъ восточныхъ рукописяхъ (ихъ украшеніяхъ). Если изображеніе не походитъ на двойной топоръ, то еще меньше походитъ на цвѣтокъ вообще; иначе, если оно походитъ на цвѣтокъ, то напоминаетъ и франциску. Однако, прямолинейныя очертанія цвѣтку не свойственны во первыхъ, а во вторыхъ, какую роль у изображенія цвѣтка могли бы играть точки на гербѣ Ярослава? Между тѣмъ, весьма понятно, что франциска могла быть украшаема отверстіями, какъ это дѣлалось, напримѣръ, у бердышей. Наконецъ, если на нѣкоторыхъ монетахъ Владиміра изображенія на столько мелки, что сходства ихъ съ изображаемымъ нельзя было сохранить рѣзчику, то на всѣхъ прочихъ монетахъ они достаточно крупны, а рѣзчики слишкомъ искусны, чтобы не попытаться вырѣзать ближе къ дѣйствительности свой рисунокъ.

„Что бы не означали изображенія, остаются необъяснимыми измѣненія фигуры ихъ на монетахъ различныхъ князей; по мнѣнію же издателей „Русскихъ Древностей“, не выдерживаютъ критики и геральдическія ихъ объясненія.

---

[1]) Помѣщаю докладъ г. Сорокина въ сокращеніи. *Ред.*

„Этотъ фактъ даетъ мнѣ поводъ заключить, что основанія геральдики, примѣненной въ изслѣдуемомъ случаѣ, не совпадали съ извѣстными нынѣ, т. е. основаніями геральдики западно-европейской.

„Въ кіевско-русскомъ княжескомъ семействѣ господствовало начало родовое. Это открывается намъ лѣтописями. Съ моей точки зрѣнія монеты трехъ князей прекрасно подтверждаютъ это, такъ какъ всѣ перемѣны знаковъ легко объяснимы изъ родовыхъ отношеній и на столько характерны для послѣднихъ, что позволяютъ даже сдѣлать нѣкоторыя историческія заключенія.

„Древній княжескій бытъ недалеко уходилъ отъ быта простонародья тѣхъ временъ. Какъ князь, такъ и смердъ имѣли одинаковое богатство — „жизнь“, какъ выражались они; это были: скотъ, скирды хлѣба, борти пчелъ. На эти предметы какъ тотъ, такъ и другой имѣли необходимость класть знакъ, означающій ихъ принадлежность, который, конечно, клался и на предметы обихода. Я хочу сказать, что гербъ, т. е. знамя, рѣзы, пятно создались самой жизнью, стали рано необходимы; но неискусной рукѣ затруднительно вырѣзать сложную фигуру, тѣмъ болѣе вырубать ее топоромъ, поэтому, надо полагать, что такія фигуры были по возможности просты, состояли изъ прямыхъ линій и лишь позднѣе усложнялись съ возрастаніемъ числа собственниковъ и даже, наконецъ, стали превращаться въ подобіе какихъ-нибудь предметовъ.

„Таковы были средства и цѣли первобытной геральдики.

„Если существованіе княжескихъ гербовъ въ формѣ рѣзовъ, пятенъ, знамени, впослѣдствіи тамги, въ эпоху чеканки нашихъ монетъ, несомнѣнно, а оно неоспоримо, то очевидно и правила ихъ употребленія, примѣненныя на всей собственности князей, должны были распространиться и на монету. Какія же это были правила?

„Тѣ причины и цѣли, которыя заставили придумать „рѣзы“ или тамги въ отдаленнѣйшую эпоху, сохраняютъ свое значеніе въ крестьянствѣ и понынѣ, напр., въ Вятской губ., преимущественно у инородцевъ. Въ употребленіи тамги ищу я объясненія своей задачи. Мнѣ кажется, мы имѣемъ право думать, что употребленіе это одинаково какъ нынѣ, такъ и въ старину, но должно принять въ соображеніе упраздненіе родоваго начала и преобладаніе его въ кіевско-русскую эпоху, поэтому необходимо обратиться къ народности, у которой сохранилось еще родовое начало. Такая народность—вотяки [1]).

[1]) Далѣе авторъ говоритъ, что у другихъ народностей — пермяковъ, бесерменъ, татаръ, черемисъ, нашелъ тѣ же родовыя отношенія, что и у вотяковъ, но у этихъ послѣднихъ легче прослѣдить родъ. *Ред.*

„Вотское племя раздѣляется на нѣсколько десятковъ родовъ (до 70), живущихъ нынѣ перемѣшанно. Каждый родъ имѣетъ прозвище, употребленіе котораго тожественно съ употребленіемъ фамиліи, но только прозвища эти не получили офиціальнаго значенія и извѣстны однимъ лишь вотякамъ. Фамиліи на русскій ладъ вотяки получили со времени крещенія, и тогда-то каждый родъ разбился на отдѣльныя колѣна, по фамиліямъ. Каждый родъ имѣлъ одинъ своеобразный знакъ собственности—п у с ъ (пермяцкое и бесерменское—п а с ъ). Этотъ родовой знакъ составлялъ основу знаковъ у отдѣльныхъ хозяйствъ, разнообразясь въ частныхъ случаяхъ прибавками, дѣлаемыми по весьма простымъ, но строго соблюдавшимся правиламъ. Такимъ образомъ, коренной, основной знакъ, давъ начало новымъ, могъ измѣниться въ нихъ до неузнаваемости. Постороннему наблюдателю нельзя зачастую разобраться въ вотскихъ пусахъ, но для членовъ рода это было незатруднительно. Дѣло въ томъ, что при нанесеніи знака вырѣзаются или пишутся сначала черты основы, родоваго знака, а затѣмъ прибавки, по ихъ старшинству.

„Хотя основа и неизмѣнно сохраняется въ знакахъ одного рода, но самыя основы эти не на столько рѣзко отличаются одна отъ другой, чтобы всегда можно было по пусу узнать, къ какому роду принадлежитъ семейство. Наиболѣе характерны пусы у слѣдующихъ, извѣстныхъ мнѣ, родовъ: Боня, Пуппья, Пурга, Ворча, Егра.

„У Боня—т и р н у л л о н ъ, скоба для ношенія топора на поясѣ; у Пуппьи основа родоваго знака—к е ч а т ь, крестъ; у Пурги—с а н и к ъ, вилы; у Ворчи—к у р е г ъ-к у к ъ, куриная нога [1]).

„Напр., дѣдъ изъ рода Егра имѣлъ пусомъ основной знакъ въ видѣ двухъ соединяющихся подъ угломъ линій; его отдѣлившійся сынъ прибавилъ къ одной изъ линій зарубку; этотъ пусъ достался тому изъ его

[1]) Я опускаю здѣсь по типографскимъ условіямъ изображенія основныхъ родовыхъ знаковъ и сложныхъ, получившихся чрезъ прибавленіе зарубокъ потомками родоначальника. Г. Сорокинъ говоритъ, что вотскіе пусы извѣстны давно: о нихъ писалъ этнографъ прошлаго столѣтія Миллеръ; изъ мѣстныхъ изслѣдователей ихъ касались Блиновъ (Вятск. Вѣд. 1865 г., 63) и Первухинъ (Эскизы преданій и быта инородцевъ, I, 1888 г.); существованіе р о д о в ы х ъ з н а к о в ъ первымъ утверждается, вторымъ отрицается. Самъ П. М. Сорокинъ написалъ изслѣдованіе „Знаки собственности у русскихъ инородцевъ“, переданное имъ еще въ 1892 г. въ Казанск. Общ. Исторіи и Этн. чрезъ И. Н. Смирнова, но не напечатанное тамъ. Н. Н. Х а р у з и н ъ сообщилъ списокъ слѣдующихъ названій книгъ и статей, гдѣ встрѣчаются указанія о родовыхъ знакахъ и клеймахъ: 1) Арханг. Губ. Вѣд. 1870 г., № 34 (о клеймахъ у русскихъ зырянъ и лопарей); 2) Юридич. Вѣстн. 1883 г., въ статьѣ о вотякахъ есть рисунки клеймъ вотяковъ и русскихъ; 3) М. Харузинъ, Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону, стр. 261 и слѣд.; 4) Лепехинъ, Дневныя записки (о клеймахъ у самоѣдовъ); 5) Изв. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн., XIII, вып. I (о клеймахъ у пермяковъ); 6) Труды Общ. Естеств. при Каз. Унив., III, 4 (о клеймахъ у вогуловъ); 7) Н. Н. Харузинъ, Русскіе Лопари, стр. 250 (клейма лопарей); 8) Н. Н. Харузинъ, Киргизы Букеевской орды (клейма киргизовъ). *Ред.*

сыновей, который остался въ отцовскомъ домѣ; второй братъ, отдѣлившійся ранѣе, прибавилъ еще зарубку, а третій, отдѣлившійся позднѣе, прибавилъ еще одну зарубку; такимъ образомъ, получился сложный знакъ, служащій доказательствомъ его позднѣйшаго происхожденія.

„Я полагаю, что для моей цѣли достаточно приведенныхъ свѣдѣній о примитивной геральдикѣ нашихъ крестьянъ. Основанія ея такъ цѣлесообразны и такъ просты, что возможность примѣненія ихъ, при господствѣ родоваго начала, въ кіевско-русскую эпоху, и у князей, и у народа представляется вполнѣ вѣроятной a priori. Обратимся же прямо къ нашей задачѣ.

„Основнымъ родовымъ знакомъ на древнѣйшихъ русскихъ монетахъ [1]) является знакъ на монетахъ Владиміра. Схематически — это трезубецъ съ крестомъ надъ средней его чертой, а на подробномъ его рисункѣ—франциска съ округленными очертаніями и цѣльными обоими крылами топора. Сыновья Владиміра, хотя и были подручными князьями, но, быть можетъ, чеканили и свою монету. Особенно легко это допустить для Ярослава, рано сдѣлавшагося княземъ въ наиболѣе изъ самостоятельныхъ и богатыхъ русскихъ городовъ—Новгородѣ. Извѣстно даже, что онъ сдѣлалъ попытку отложиться отъ отца. Пятно [2]), знамя сыновей, во всякомъ случаѣ, не могло быть то же, что и у великаго князя, но фигура его не должна была уклоняться отъ родовой основы. Мы видимъ, что она дѣйствительно и не уклоняется: и у Святополка, и у Ярослава одинъ и тотъ же знакъ, схематически трезубецъ, но въ немъ есть и видовыя измѣненія. Измѣненій три, и они двухъ родовъ. Первое измѣненіе общее и состоитъ въ уничтоженіи средняго зубца трезубца, древка франциски; второе тоже общее—пересѣченіе поперечной черточкой одного изъ крайнихъ зубцовъ, одинаковаго у обоихъ знаковъ, а третье въ прибавленіи къ общему знаку добавочныхъ изображеній: у Святополка креста, у Ярослава полукруга (лодки, луны или чего-то подобнаго).

„Уничтоженіе средней линіи основнаго знака геральдически имѣло бы тотъ смыслъ, что подручный князь, не имѣя полноты правъ, не можетъ пользоваться и полной фигурой родоваго герба. Образованіе креста соотвѣтствуетъ перечеркиванію короткой чертой или зарубкой одной изъ линій основы. На рисункѣ рѣзчикъ постарался сдѣлать равноконечный крестъ. Такимъ образомъ измѣненный родовой гербъ могъ

---

[1]) Для удобства читателей ссылаюсь на рисунки всѣмъ доступнаго изданія «Русскія Древности» гр. Толстаго и Н. Кондакова, вып. IV, стр. 167—172.

[2]) Въ Ипат. Лѣт. встрѣчается выраженіе «пятнать, распятнать», въ смыслѣ класть мѣтку, въ описаніи междоусобицъ, послѣ смерти Мономаха, въ XII в.

служить для каждаго изъ сыновей Владиміра. Быть можетъ, эта черта, крестъ на правой сторонѣ герба, означала, что гербъ принадлежитъ сыну князя. Прибавочныя же фигуры составляли, конечно, принадлежность герба того или другаго изъ сыновей. Прочіе братья, вмѣсто креста и полукруга, взяли, вѣроятно, что-либо другое. Святополку, старшему, достался въ отличительный знакъ крестъ. Ярославу пришлось взять иное. Остается объяснить двойственность его герба.

„Не трудно замѣтить, что второй его гербъ не что иное, какъ тотъ же гербъ Владиміра. Свой собственный Ярославъ употреблялъ, пока былъ удѣльнымъ княземъ, сдѣлавшись же великимъ княземъ, онъ принялъ полный родовой гербъ, какъ символъ полноты своей власти. Этотъ родовой гербъ составлялъ принадлежность уже не отдѣльнаго князя, а хозяина Руси — князя Кіевскаго. Рѣшить, почему не поступилъ такъ Святополкъ, нельзя, за неимѣніемъ данныхъ.

„И такъ, можно думать, что монеты Ярослава съ полнымъ знакомъ Владиміра и скандинавскія ихъ копіи принадлежатъ къ болѣе позднему времени. Различія гербовъ несущественны и объясняются разнообразіемъ типовъ изображаемаго орудія".

Не вдаваясь въ разборъ историческихъ толкованій знаковъ на монетахъ, нельзя не видѣть, что въ основѣ объясненія г. Сорокина очень сходны съ объясненіями А. А. Куника: какъ тотъ такъ и другой пришли къ главному выводу, что изображенія эти, кромѣ знаковъ собственности, ничего иного представлять не могутъ. Если вопросъ этотъ считать окончательно рѣшеннымъ, то будущимъ изслѣдователямъ предстоитъ задача опредѣлить основной родовой знакъ нашихъ монетъ и происшедшіе отъ него сложные, что, можетъ быть, поможетъ рѣшить возникшій споръ [1]: которымъ князьямъ принадлежатъ древнѣйшія русскія монеты.

А. А. Куникъ говоритъ (см. выше), что знаки собственности были въ употребленіи преимущественно у тѣхъ народовъ, которые еще не имѣли азбуки. Безспорно, это такъ и должно быть, но древній обычай пережилъ введеніе грамотности, что ясно видно на примѣрахъ, представляемыхъ дрогичинскими свинцовыми знаками. Изображенія на послѣднихъ представляютъ даже аналогію съ фигурами на древнѣйшихъ русскихъ монетахъ [2]), по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ, напр.,

[1]) Ср. напр., мнѣнія Н. П. Чернева и Н. И. Петрова въ Арх. Изв. и Зам. 1893 г. стр 180 и 311.

[2]) См. Матеріалы по археологіи Россіи, изд. Императорскою Археолог. Комм., № 4. Древности Сѣверо-Западнаго Края, табл. III. Въ нынѣшнемъ году А. И. Черепнинъ издалъ нѣсколько свинцовыхъ знаковъ, найденныхъ на Сакоръ-горѣ и на городищѣ Старой Рязани въ „Арх. Изв. и Зам." 1894 г., стр. 183; см. также „Труды Ряз. Уч. Арх. Комм." 1894 г., стр. 17—26.

№№ 18 и 26 (указаннаго въ подстр. прим. изданія) имѣютъ сходство съ основнымъ знакомъ монетъ Святополка, а №№ 27 и 28 — монетъ Владиміра.

Многіе дрогичинскіе свинцовые знаки, собственно изображенія одной изъ сторонъ, имѣютъ, безъ сомнѣнія, знаки родовъ семействъ; но владѣльцы не ограничивались помѣщеніемъ только одного родоваго знака, но на другой сторонѣ отпечатывалась буква или изображеніе [1]). Изображенія на дрогичинскихъ пломбахъ должны были быть оттиснуты штемпелемъ — печатью, но не смотря на многочисленныя находки пломбъ въ Дрогичинѣ, не найдено ни одной печати; конечно, послѣднія, предназначавшіяся для оттисковъ на свинцѣ, представляли сходство съ монетными штампами. Возможно предположить, что владѣльцы родовыхъ знаковъ которые мы встрѣчаемъ на дрогичинскихъ, сакорскихъ и рязанскихъ пломбахъ, дѣлали оттиски и не на свинцѣ, а на воскѣ или сургучѣ, для чего, конечно, не было необходимости прибѣгать къ штампамъ, употреблявшимся для свинца, а, вѣроятно, родовые знаки вырѣзывались на печати или перстнѣ, но и таковыхъ не только не найдено въ Дрогичинѣ, но до сихъ поръ, кажется, не извѣстны. Историческій Музей владѣетъ однимъ подобнымъ памятникомъ случайно пріобрѣтеннымъ у торговца: это массивный серебряный перстень (см. рис. 16 въ нат. вел. со всѣхъ сторонъ), шестигранный щитокъ котораго имѣетъ изображеніе нѣсколько сходное со знакомъ на монетахъ, приписываемыхъ Святополку (см. рис. 17); различіе обоихъ

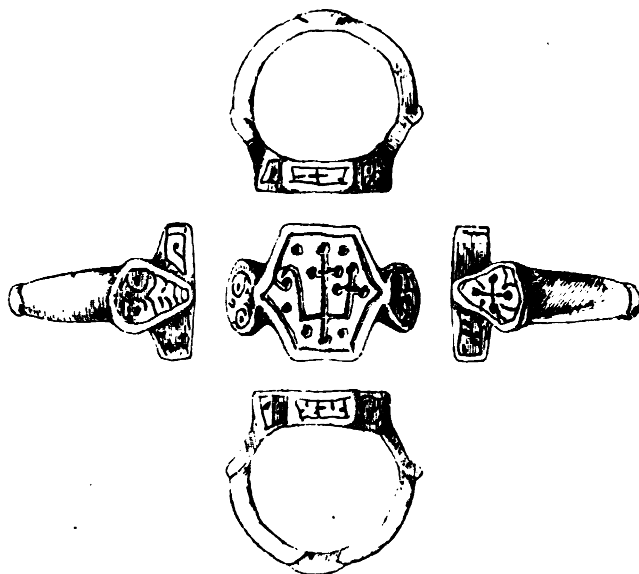

Рис. 16.

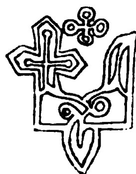

Рис. 17

[1]) А. И. Черепнинъ въ „Трудахъ Ряз. Уч. Арх. Комм." 1894 г., стр. 17 и слѣд., привелъ обзоръ мнѣній о назначеніи дрогичинскихъ пломбъ. Не перечисляя всѣхъ мнѣній, скажу, что назначеніе пломбъ, по моему, могло быть только одно: прикрѣпленіе на шнурѣ къ грамотѣ. Огромное ихъ количество, найденное въ р. Зап. Бугѣ, можно объяснить тѣмъ, что при какомъ-то случаѣ цѣлый архивъ письменныхъ документовъ попалъ въ рѣку, которая уничтожила со временемъ бумагу или пергаменъ, пощадивъ свинецъ.

знаковъ состоитъ въ слѣдующемъ: крестикъ на монетѣ, находящійся вверху, не соединенъ линіей со знакомъ, какъ на перстнѣ, и боковые кресты обоихъ памятниковъ расположены на противоположныхъ другъ отъ друга сторонахъ, но при оттискѣ печати на воскѣ, расположеніе частей обоихъ знаковъ будутъ одинаковы. Знакъ на щиткѣ перстня окруженъ 5-ю точками, вѣроятно, имѣвшими какое-нибудь значеніе, а боковыя стороны щитка и концы кольца покрыты изображеніями какихъ-то знаковъ, не похожихъ на орнаментъ.

Сравненіемъ со знакомъ монеты Святополка я не хочу сказать, что наше перстенное изображеніе есть тотъ же знакъ: оно въ такой же мѣрѣ сходно и съ нѣкоторыми дрогичинскими, но по своему нѣкоторому сходству и по общему ихъ характеру, оно въ значительной степени можетъ служить объясненіемъ загадочныхъ фигуръ на древнѣйшихъ русскихъ монетахъ родовыми знаками. Обычай ставить знаки собственности на великокняжескихъ монетахъ перешелъ и въ болѣе позднюю (XIV, XV в.) эпоху, но только родовой знакъ замѣнился изображеніемъ перстенной княжеской печати (съ изображеніями людей, звѣрей и т. п.), которая вырѣзывалась на монетномъ штампѣ, вокругъ прибавлялась надпись „печать князя“ или „великаго князя“ и отчеканивалась на монетѣ.

Исходя изъ такого объясненія слова „печать князя“, т. е. перстень съ изображеніемъ родоваго знака или какой-нибудь фигуры, мнѣ кажется, что посольскія и купеческія печати, упоминаемыя въ договорѣ Игоря, 944 г., не монеты, какъ объясняетъ Ив. Ег. Забѣлинъ (Исторія русской жизни, II, прим. 95), а перстенныя печати, можетъ быть, подобныя перстню Историческаго Музея.

А. О.

III.

Обозрѣніе раскопокъ, находокъ и разныя извѣстія.

—— Въ № 6670 (1894 г.) „Новаго Времени“ г. В. Цѣхановскій сообщаетъ слѣдующее объ интересной находкѣ въ Керчи: „На пепелищѣ древней Пантикапеи, на этихъ дняхъ, сдѣлана довольно рѣдкая и крупная археологическая находка. Находка эта оказалась въ саду отставного полковника Волошкевича, у подошвы одного давно раскопаннаго кургана.

Одинъ изъ такъ-называемыхъ „босяковъ“ натолкнулся у подошвы

кургана на большую статую льва, высѣченную изъ чистѣйшаго бѣлаго мрамора, прекрасной работы, греческаго рѣзца, 3 арш. 6 вершк. длиною, $2^1/_2$ аршинъ высотою и вѣсомъ около 200 пудовъ, замѣчательно сохранившуюся и нигдѣ не поврежденную. Общій видъ ея: спокойная, твердая постановка корпуса на массивномъ, цѣльномъ пьедесталѣ, почти съ прямымъ поворотомъ головы на-право, съ весьма характерными складками свирѣпо-оскаленнаго лица; правая передняя лапа опирается на прижатое, выбитое тутъ-же въ пьедесталѣ чело быка [1]). Общее впечатлѣніе даетъ право думать, что работа эта глубокой классической древности. Мы видимъ бычачью голову въ такомъ положеніи (en face) на самыхъ древнихъ греческихъ одностороннихъ монетахъ, относящихся къ VII и VI вѣкамъ до Р. Хр. Судя по заселенію и культурѣ этого края, если работа этой статуи и не столь древняя, во всякомъ случаѣ вѣка на два, на три переходитъ христіанскую эру.

Съ боку найденной статуи находятся камни, повидимому, карнизы отъ какого-то зданія. Думается намъ, что это принадлежности пьедестала, на которомъ когда-то возвышалась эта статуя льва".

Вызванный по телеграммѣ предсѣдатель Императорской Археологической Коммиссіи гр. А. А. Бобринской пріобрѣлъ статую для Коммиссіи за 1000 р.

—— Изъ Симферополя въ *Новороссійскій Телеграфъ* пишутъ, что въ Таврическую Ученую Архивную Коммиссію доставлены недавно древнія вещи изъ раскопанныхъ въ Евпаторійскомъ уѣздѣ, въ имѣніи г. Агаркова „Таве-Кели-Найманъ", кургановъ. Въ минувшее лѣто тамъ было раскопано два кургана. Раскопками руководилъ членъ Архивной Коммиссіи г. Лашковъ. Результаты раскопокъ оказались слѣдующіе: въ первомъ изъ разрытыхъ кургановъ, на глубинѣ пяти аршинъ, найдена была гробница, выложенная камнями; въ гробницѣ лежалъ скелетъ, имѣя направленіе съ востока (голова) на западъ (ноги). Съ правой стороны черепа найденъ былъ простой глиняный горшокъ, обращающій на себя вниманіе оригинальностью орнаментовъ. Въ лѣвой рукѣ скелетъ держалъ короткій бронзовый мечъ, а тутъ же рядомъ лежало 14 бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ. Помимо того, въ могилѣ найдены были два украшенія, сдѣланныя изъ кости, и груды рыбьихъ, птичьихъ, бараньихъ и другихъ костей. Другой разрытый курганъ, находящійся отъ перваго въ разстояніи около четверти версты, содержалъ въ себѣ также могилу, сложенную изъ гигантскихъ плитъ, но, къ сожалѣнію, гробница эта была добычей грабителей, на что̀ указываютъ разбросанные

1) Рисунокъ статуи изданъ въ приложеніи къ „Новому Времени" № 6685.

въ безпорядкѣ кости и черепки разбитой глиняной глазированной посуды. Въ этой могилѣ найдено лишь одно небольшое мѣдное украшеніе.

Одновременно съ этими раскопками Керченскій Музей древностей обогатился цѣннымъ археологическимъ вкладомъ, а именно: владѣлецъ деревни Мамы, г. Дыринъ, принесъ въ даръ найденный имъ въ его имѣніи обломокъ мраморной плиты, на которой два раза повторяется греческая надпись: *Ἡρακλεῖον* и *Ἡράκλεια*. Эта находка важна въ томъ отношеніи, что служитъ еще однимъ изъ косвенныхъ указаній на мѣстонахожденіе здѣсь древняго города Гераклеи, о которомъ упоминаютъ греческіе историки, какъ о городѣ, находившемся въ окрестностяхъ древней Пантикапеи вмѣстѣ съ городами Пароеніономъ и Мирмикіономъ. Мнѣнія археологовъ и историковъ относительно мѣстонахожденія Гераклеи расходились до сихъ поръ, хотя и существовало предположеніе о томъ, что означенный городъ находился на мѣстѣ нынѣшней деревни Мамы; теперь же найденная плита подтверждаетъ это предположеніе. (Моск. Вѣд., № 270, 1894 г.).

—— Газера *Волгарь* сообщаетъ, что въ августѣ нынѣшняго года въ Сергачскомъ уѣздѣ, Нижегородской губ., въ с. Гагинѣ, открытъ могильникъ. При раскопкахъ обнаружено до 60 цѣльныхъ, нетронутыхъ погребеній и нѣсколько потревоженныхъ костяковъ. На костякахъ женскихъ оказались различныя украшенія: браслеты, кольца, перстни, пряжки, привѣски изъ бронзы и серебра, при нѣкоторыхъ маленькіе ножички, ножницы и при большинствѣ глиняныя пряслеца, а также бусы изъ стекла, хрусталя, глины, серебра, камней, янтаря, слюды и раковинъ. Нѣкоторые изъ этихъ предметовъ замѣчательны по своей тонкой работѣ. Самое интересное изъ находокъ,—это 9 татарскихъ монетъ, которыя, въ связи съ другими данными, дадутъ возможность опредѣлить съ большею или меньшею точностью древность могильника, и 2 мѣдныхъ котла. Въ могильникѣ при двухъ костякахъ найдено по одному миніатюрному бронзовому крестику, которые служили только украшеніемъ, и религіознаго характера въ данномъ случаѣ не имѣютъ. Крестики эти по своей формѣ относятся знатоками къ X и XI вѣкамъ. Всѣ могилы оказались очень мелкими—отъ 1 ф. 5 д. до 2 ф. 3 д.— и имѣли дно на глиняномъ пластѣ, надъ которымъ лежитъ слой чернозема. Черепа костяковъ въ большинствѣ случаевъ раздавлены. Костяки лежали чаще головой на сѣверо-востокъ, на спинѣ или на правомъ боку, при чемъ руки въ локтяхъ согнуты, и кисти ихъ лежатъ противъ лица. Мѣстность могильника лежитъ въ чертѣ древнихъ поселеній мордвы.

—— Ѳ. В. Покровскій, хранитель Виленскаго Музея древностей,

въ № 211 (1894 г.) „Виленскаго Вѣстника“ помѣстилъ слѣдующую замѣтку, подъ заглавіемъ: „Слѣды пребыванія человѣка въ неолитическую эпоху на берегахъ Виліи“:

Среди довольно многочисленныхъ археологическихъ памятниковъ въ районѣ Виленской и Гродненской губерній занимаютъ одно не изъ послѣднихъ мѣстъ такъ называемыя первобытныя—кремневыя станціи, т. е. такія мѣста, на которыхъ, кромѣ нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, чаще всего попадаются осколки кремня, свидѣтельствующіе о выработкѣ здѣсь кремневаго оружія, а также и самые предметы (то цѣлые, то въ обломкахъ) этого оружія, каковы, напр., ножики, наконечники стрѣлъ, скребки и т. п. Если обратить вниманіе на частное топографическое распредѣленіе первобытныхъ стоянокъ въ упомянутыхъ губерніяхъ, то необходимо будетъ отмѣтить фактъ замѣчательнаго обилія этихъ стоянокъ на берегахъ Зап. Буга, средняго теченія Нарева, р. Бобра и средняго теченія р. Нѣмана (отъ Гродны до Ковны),—вообще по берегамъ западныхъ пограничныхъ рѣкъ, и почти полное отсутствіе ихъ въ бассейнахъ Виліи и верхняго Нѣмана, т. е. въ мѣстахъ, лежащихъ внутри и на восточныхъ окраинахъ Виленской и Гродненской губерній. Такая неравномѣрность распредѣленія первобытныхъ стоянокъ должна быть объяснена, конечно, отчасти самымъ фактомъ неравномѣрности распредѣленія современнаго стоянкамъ народонаселенія, но едва-ли не болѣе она опредѣляется неравномѣрностью, въ топографическомъ отношеніи, современныхъ археологическихъ наблюденій. Берега средняго теченія Нѣмана, Бобра, Нарева и Зап. Буга не разъ были изслѣдуемы (и, главнымъ образомъ, по отношенію къ распредѣленію здѣсь доисторическихъ стоянокъ) г. Глогеромъ на всемъ ихъ протяженіи, тогда какъ по отношенію къ берегамъ верхняго Нѣмана и Виліи нѣтъ даже и частичныхъ наблюденій подобнаго рода. Что кажущееся отсутствіе первобытныхъ стоянокъ на берегахъ Виліи и верхняго Нѣмана есть слѣдствіе недостаточнаго изученія этихъ береговъ, подтверждается, между прочимъ, и фактомъ настоящей замѣтки.

Въ іюнѣ настоящаго 1894 года намъ случайно довелось быть на берегу р. Виліи, близъ станціи либаво-роменской жел. дор.—Залѣсья. Около трехсотъ шаговъ ниже станціонной водокачки лѣвый берегъ рѣки, на протяженіи нѣсколькихъ саженей, оказался усѣяннымъ мелкими камнями. При внимательномъ обозрѣніи этой части берега, обнаружено было среди камней присутствіе осколковъ кремня вмѣстѣ съ остатками нѣкоторыхъ предметовъ кремневаго оружія, а также найденъ былъ обломокъ точильнаго бруска и маленькій глиняный черепокъ. Изъ предметовъ кремневаго оружія, какъ вещи съ ясно выраженною формою,

должны быть отмѣчены—обломокъ ножика и четыре наконечника стрѣлъ. Ножикъ съ одной стороны плоскій, другая же его сторона обработана посредствомъ трехъ ударовъ отбойника, и, такимъ образомъ, въ поперечномъ разрѣзѣ получается фигура неправильнаго четырехугольника, съ периметромъ въ 15+6+2+9 миллиметровъ; на концѣ уцѣлѣвшей (ближайшей къ черенку) части замѣтны приспособленія для вкрѣпленія ножика въ рукоятку. Изъ стрѣлокъ одна обработана подобно ножику, съ тѣмъ впрочемъ различіемъ, что поперечный разрѣзъ ея имѣетъ форму трехугольника, а конецъ ея заостренъ посредствомъ нѣсколькихъ легкихъ ударовъ отбойника; другая, — съ сѣкущимъ остріемъ, — имѣетъ форму полукруга, съ діаметромъ около 35-mm и снабжена, на прямой сторонѣ, широкимъ насадомъ; третья стрѣлка своею оконечностью слегка имитируетъ дубовый листокъ; наконецъ, самая любопытная это четвертая стрѣлка: въ цѣломъ, судя по сохранившемуся обломку, она имѣла форму ланцета, снабженнаго по краямъ зубчиками; длина уцѣлѣвшей части равняется 18 приблизительно миллиметрамъ; поперечный разрѣзъ ея имѣетъ форму трехугольника съ периметромъ въ 13+10+6 миллиметровъ, а по краямъ этой уцѣлѣвшей части насчитывается до семи зубчиковъ.—Относительно двухъ послѣднихъ изъ найденныхъ предметовъ,—бруска и черепка,—какъ предметовъ, одинаковыхъ на протяженіи цѣлыхъ десятковъ вѣковъ, и слѣдовательно въ самихъ себѣ не заключающихъ доказательства ихъ древности, не излишне все-таки сдѣлать замѣчаніе, что на брускѣ ясно сохраняются слѣды обтачиванія на немъ колющихъ (игла, шило) орудій, каковой фактъ можетъ отчасти свидѣтельствовать о глубокой древности этого предмета.

Приведенный выше перечень предметовъ съ достаточною убѣдительностью говоритъ о присутствіи человѣка на берегу Виліи, близъ Залѣсья, въ ту, по крайней мѣрѣ, переходную эпоху, когда недостаточное еще знакомство съ металломъ не успѣло вытѣснить производства нѣкоторыхъ мелкихъ предметовъ изъ камня. Незначительное, отчасти, количество найденныхъ предметовъ, а главнымъ образомъ положеніе мѣста находки на самомъ берегу рѣки, который во время весенняго разлива заливается водою, не позволяетъ трактовать мѣсто находки въ смыслѣ поселенія на немъ именно человѣка: самое поселеніе должно было находиться гдѣ-нибудь по близости отсюда, — на мѣстѣ болѣе возвышенномъ, сюда же, на берегъ, первобытный житель могъ приходить какъ въ мастерскую, гдѣ онъ находилъ матеріалъ и средства для изготовленія потребнаго ему оружія.

—— Историческимъ Музеемъ пріобрѣтены два древнихъ бронзовыхъ предмета: обломокъ статуэтки Сатира и обломокъ какого-то пред-

мета съ рельефными изображеніями двухъ львовъ. Статуэтка (см. рис. 18) найдена въ с. Требуженахъ, Креумянской волости, Оргѣевскаго уѣзда, Бессарабской губ., на лѣвомъ берегу р. Реута, въ землѣ, на глубинѣ 4 арш., между двумя створками раковины. Величина ея 12 сантиметр., она литая и покрыта зеленою патиною. Судя по угловатымъ чертамъ лица, съ животнымъ выраженіемъ, маленькимъ рожкамъ и козлинымъ ушамъ, статуэтка изображаетъ Сатира; голова его, покрытая вѣнкомъ, обращена вправо, взглядъ устремленъ вдаль, какъ бы по направленію правой руки, часть которой, начиная отъ локтя, отломана. На лѣвомъ плечѣ наброшена небрида. Кисть лѣвой руки и обѣ ноги немного выше колѣнъ отломаны. Мускулатура тѣла и животныя черты лица выражены очень хорошо; по всему вѣроятію, ее можно отнести къ римскимъ произведеніямъ императорской эпохи.

Рис. 18.

Другой предметъ представляетъ довольно массивную пластину, съ литыми изображеніями двухъ львовъ, стоящихъ около стилизованнаго дерева; фонъ пластины, гривы львовъ и мускулатура около переднихъ лапъ, повидимому, подправлены послѣ отливки рѣзцомъ. По краю шелъ ободокъ въ видѣ соединенныхъ между собою дугъ; онъ замѣтенъ справа. Верхняя и лѣвая стороны пластины обрѣзаны и частью обломаны въ давнее время (см. рис. 19 въ велич. оригинала). По нижнему, полукруглому, краю и на самой пластинѣ уцѣлѣли шляпки мѣдныхъ гвоздей, которыми она была прибита къ другому предмету, и, кромѣ того, два отверстія, повидимому, также указываютъ на то, что этотъ предметъ, составлявшій прежде одно цѣлое съ другимъ, послѣ того, какъ былъ отломанъ, употреблялся, ради своихъ изображеній, какъ украшеніе. Судя по нижнему полукруглому изгибу, пластина служила ручкою сосуда, форму котораго, за неимѣніемъ подобныхъ предметовъ въ Московскихъ собраніяхъ, указать трудно. Орнаментація фона, характерный ободокъ, фигуры львовъ (при первомъ взглядѣ напоминающіе Микенскихъ) позволяютъ высказать предположеніе, что пластина принадлежитъ къ произведеніямъ восточнаго и, вѣроятно, арабскаго искусства. Найдена она, по словамъ лица, продававшаго ее Музею, въ Крыму, близъ Херсонеса.

—— (Раскопки въ Дельфахъ). Въ Chr. d. Arts (№№ 29—30) помѣщенъ дальнѣйшій отчетъ Омоля къ министру Народн. Просв., дающій подробности о раскопкѣ храма Аполлона, Сокровищницы Аѳинянъ, Эллинской стѣны и др. зданій. Омоль утверждаетъ, что, несмотря на то, что раскопки храма занимаютъ такое обширное пространство, трудно еще ясно опредѣлить общіе размѣры зданія и внутреннее его расположеніе.

Рис. 19.

Замѣчательно, говоритъ Омоль, что при такомъ обширномъ изслѣдованіи, которое уже сдѣлано, открыто только очень небольшое число характерныхъ архитектурныхъ обломковъ, а совершенное отсутствіе декоративныхъ скульптуръ не обѣщаетъ ничего утѣшительнаго на будущее время.

Не найдено ни одной метопы, ни одного обломка фриза, ни одного хотя бы пальца фигуры, которая принадлежала бы къ фронтонамъ. Ошибкою было объявлено объ открытіи головы лошади, которая будто бы принадлежала къ колесницѣ заходящаго Солнца, описанной Павзаніемъ въ восточномъ фронтонѣ; но кажется, что вѣрнѣе отнести эту голову къ приношеніямъ. Подобное отсутствіе находокъ заставило Омоля высказать предположеніе, что фронтонныя группы и метопы были увезены римскими императорами, жившими послѣ Павзанія. Для фриза, относимаго прежде къ храму Аполлона, найдено настоящее мѣсто, и напрасно искали не только метоповъ, но даже обломковъ тѣхъ мраморныхъ портиковъ, которые были щедрымъ даромъ Алкмеонидовъ и укра-

шали два главные фасада; кромѣ выпиленнаго триглифа, этой огромной мраморной массы, углубившейся въ фундаментъ храма болѣе, чѣмъ на два метра, отъ нихъ ничего не осталось; если бы не имена Павзанія, Эврипида и Геродота, можно было бы усомниться въ свидѣтельствахъ древнихъ авторовъ.

Конецъ карниза, изданный Курціусомъ, воспроизведенный Помптовымъ, остается единственнымъ въ своемъ родѣ. Единственно только были найдены въ довольно большомъ количествѣ головы львовъ, которыми оканчивались водосточныя трубы, хотя цѣлой еще не нашлось ни одной. Онѣ различныхъ типовъ и относятся къ разному времени, какъ и въ Олимпіи; изъ нихъ только одну можно отнести къ VI-му вѣку.

Гораздо обильнѣе остатки туфа, все таки въ довольно скудномъ количествѣ, если принять во вниманіе всю массу зданія.

Планъ храма можно представить довольно ясно, хотя и не безъ затрудненій; но трудно составить его или вѣрнѣе возстановить съ строгой точностью. Выше цоколя не сохранилось ни одной его части; и исключая двухъ четырехугольниковъ, въ пятьдесятъ метровъ длиною, находящихся на двухъ оконечностяхъ храма, свезены всѣ ряды камней до самой выкладки плитами: нѣтъ на мѣстѣ ни одной колонны, даже ни одной плиты, которая бы имѣла слѣдъ выемки. Храмъ стоялъ на трехъ высокихъ ступеняхъ, окруженный со всѣхъ сторонъ колоннами. Какъ и большинство подобныхъ сооруженій VI вѣка, фасадъ его имѣлъ только шесть колоннъ, и все зданіе храма имѣло удлиненную форму. Опредѣленіе числа колоннъ боковыхъ портиковъ не можетъ быть сдѣлано безъ помощи плана; указать число ихъ, возможно только послѣ окончанія раскопки и особенно очистки отъ мусора четвертой стороны, которая, кажется, лучше сохранилась, и въ которой, можетъ быть, есть опредѣленное указаніе разстоянія между колоннами.

Внутри храмъ, кажется, не имѣлъ колоннады; расположеніе, повидимому, было приспособлено къ назначенію быть святилищемъ оракула и соотвѣтствовало описаніямъ древнихъ писателей; по расположенію онъ схожъ съ храмомъ Аполлона Дидимскаго. Около середины памятника каменную кладку прорѣзываетъ глубокій и широкій проломъ, длина котораго не опредѣлена еще вполнѣ: это не обвалъ, потому что кладка боковыхъ стѣнъ сохранила свою облицовку; почти нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь именно долженъ находиться адитонъ. Опредѣлится это тогда, когда впадина вполнѣ очистится отъ постороннихъ предметовъ, которые, туда были брошены, какъ то: архаическія надписи, подпись Аѳинскаго (?) художника Діопиѳа (Diopeithès), надписи греческія и греко-римскія, посвященіе Лакедемонца (Фи)ландрида, проксеніи, обломки основаній статуй,

остатки маленькихъ мраморныхъ памятниковъ, различные архитектурные обломки и т. д. Всюду подъ храмомъ, отъ одного конца до другого, какъ сѣть, идутъ галлереи то въ видѣ узкихъ корридоровъ, то настоящія комнаты въ нѣсколько метровъ ширины и болѣе 2-хъ метровъ вышины. Причину этихъ подземныхъ сооруженій Омоль объясняетъ невозможностью поставить на сплошной фундаментъ зданіе, занимающее пространство болѣе 1200 квадратныхъ метровъ, то для этой цѣли построили на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга цѣлый рядъ столбовъ, соединенныхъ между собою каменными перекладинами, на которыхъ поставили колонны и стѣны. До сихъ поръ еще не найдена лѣстница для спуска туда, и очень сомнительно, чтобы на эти постройки смотрѣли и чтобы ими пользовались, какъ настоящими подземельями. Ни на одномъ камнѣ нѣтъ ни малѣйшей черты, которая говорила бы о присутствіи человѣка или о назначеніи ихъ для какой-либо службы. Не было найдено ни одного предмета, за исключеніемъ нѣсколькихъ экземпляровъ грубой глиняной посуды, незначительныхъ остатковъ бронзовыхъ вещей и двухъ обломковъ микенскихъ терракоттъ. Задача—опредѣлить уровень античной почвы, довольно затруднительна. Нижняя часть храма, построенная частью изъ грубо-вытесаннаго и покрытаго известью конгломерата, и частію состоящая изъ туфа или мрамора, остатковъ различныхъ зданій, кажется не предназначалась быть на виду. Между тѣмъ полигональная стѣна не имѣетъ ни достаточной вышины, ни толщины, чтобы можно было подумать, что она поддерживала насыпь одного уровня съ храмомъ: она не выдержала бы даже давленія и одного откоса, который къ тому же представилъ бы взорамъ некрасивую и прерывающуюся линію; наконецъ, остатки греческой или римской эпохи встрѣчаются только подъ уровнемъ земли, который выше полигональной стѣны, что заставляетъ предполагать или что таковъ былъ уровень площади храма въ древности, или что почва понизилась, или вслѣдствія естественныхъ переворотовъ, или человѣческими руками, до глубины, превышающей 5 метровъ.

Подземный водопроводъ, который шелъ подъ храмомъ и долженъ былъ осушать почву отъ водъ источника Кассотисъ, имѣетъ отверстіе именно въ уровень со стѣною, и сооруженіе его несомнѣнно относится ко временамъ древности. Омоль предполагаетъ, что надъ полигональной стѣной находилась большая продолговатая площадь; что къ оградѣ храма примыкала стѣна съ высокими ступенями, которыя, скрывая грубую толщину камня, могли въ то же время служить мѣстомъ, куда ставили приношенія, и соотвѣтствовали, можетъ быть, тѣмъ „южнымъ ступенямъ“, о которыхъ упоминаетъ Плутархъ. Существующіе теперь вы-

ступы скалъ въ такомъ случаѣ были бы закрыты каменными постройками. Нечего удивляться совершенному разрушенію этой стѣны болѣе, чѣмъ разрушенію самого храма и полному исчезновенію приношеній, которыя не могли не изобиловать въ этомъ мѣстѣ, одномъ изъ прекраснѣйшихъ въ Дельфахъ, ближайшемъ къ храму.

Увозъ статуй изъ Дельфовъ представляется чѣмъ-то методичнымъ и какъ бы административнымъ; было все взято, включая и основанія статуй. Что касается до зданій, то ихъ, кажется, не было на этомъ мѣстѣ; по крайней мѣрѣ, не найдено ни одного фундамента, и жертвенникъ въ честь Музъ, окруженный оградой, должно искать въ другомъ мѣстѣ.

Къ счастію на востокѣ и на сѣверѣ Священный путь, сохранившійся почти неприкосновеннымъ, даетъ надежныя основанія для топографическихъ изысканій. Въ раскопкахъ прошлаго года Священный Путь привелъ къ алтарю Хіосцевъ, поставленномъ на полигональной стѣнѣ; кажется, онъ игралъ роль главнаго алтаря. Онъ возвышался на базѣ изъ темносиняго известняка въ уровень со Священнымъ Путемъ и съ храмомъ, съ которымъ онъ соединялся каменнымъ поломъ, теперь частію несуществующимъ, частію углубившимся въ землю.

Вершина Священнаго пути была великолѣпнымъ мѣстомъ: гдѣ онъ расширялся, находился поворотъ, и всѣ эти многочисленные памятники, господствовали надъ всею окрестностью. Древніе не преминули воспользоваться такимъ прелестнымъ мѣстоположеніемъ, и самыя великолѣпныя приношенія частью были собраны здѣсь. На самомъ поворотѣ дороги, найденъ огромный базисъ, на которомъ находится надпись, говорящая о дарахъ, принесенныхъ Гелономъ, сыномъ Диномена; приношеніе состояло изъ золотого треножника и статуи Ники, произведеній Віона, сына Діодора Милетца, рѣзчиковъ изъ слоновой кости. На другомъ базисѣ, вправо отъ этого, сохранился конецъ надписи съ посвященіемъ. Третій, совсѣмъ подобный первымъ двумъ, опрокинутый на-земь и разбитый, не имѣетъ никакой надписи. Три сына Диномена прислали въ Дельфы дары, и, можетъ быть, всѣ три базиса должны быть приписаны имъ, хотя, однако, дары Гелона сами занимали только одинъ базисъ съ Никою и съ золотымъ треножникомъ, вѣсъ котораго опредѣлили въ семь минъ. Эта надпись съ посвященіемъ та самая, о которой упоминаетъ Діодоръ; посвященіе это было сдѣлано по поводу побѣды при Гимерѣ, случившейся въ одинъ годъ съ Саламинской битвой. Спереди, въ цоколѣ, вдѣланъ во фронтонъ памятникъ, въ видѣ столба, украшенный барельефнымъ изображеніемъ бодающагося быка и съ надписью—декретомъ, относящимся къ одному изъ жителей города Клитора,

символомъ котораго было это животное. Десять такихъ же столбообразныхъ памятниковъ было поставлено кругомъ. Спереди находится мраморный приступокъ, съ котораго можно было видѣть богомольцевъ, подымающихся по дорогѣ, процессіи, входящія въ храмъ, жрецовъ, приносящихъ жертвы у алтаря. Въ этомъ мѣстѣ уровень земли остался неизмѣненнымъ со времени начала V вѣка. Здѣсь была собрана цѣлая коллекція другихъ древнихъ надписей съ посвященіями; приношенія Метапонтцевъ, Тирренцевъ. Здѣсь же найдены скульптурныя произведенія, имѣющія важное значеніе:

1) Двѣ лошади въ натуральную величину; онѣ архаическаго стиля, и по ихъ упряжи видно, что онѣ были впряжены въ колесницу. Дѣйствительно, по близости и находились двѣ знаменитыя колесницы, обѣ—даръ Киренцевъ, Аммона и Ватта.

2) Три женскія фигуры, которыя танцуютъ, держась за руки, вокругъ колонны, имѣющей форму стебля растенія; онѣ одѣты въ короткое развѣвающееся платье; полосъ, расширяющійся въ формѣ чаши, украшенъ заостренными листьями, подобно, какъ у танцовщицъ изъ Гьёльбаши. Повидимому, фигуры эти служили основаніемъ для треножника.

3) Торсъ человѣка, можетъ быть, атлета.

4) Торсъ молодого человѣка, въ хламидѣ, облокотившагося на столбикъ, съ изваяніемъ Гермеса,—эллинистической эпохи.

5) Обломокъ метопа, представляющаго бѣгущую женщину; другой, того же размѣра и того же стиля былъ найденъ на другомъ фасадѣ съ фигурой Геракла, который, поднявъ палицу, поражаетъ врага.

6) Мраморный омфалосъ, покрытый сѣтью.

7) Многочисленные обломки колоннъ въ видѣ стеблей сильфія, которые, повидимому, можно отнести къ Сокровищницѣ Киренцевъ.

Передъ западной стороной храма нашли продолженіе Священнаго пути и остатки древней стѣны; очистили отъ мусора огромный кругообразный, многоугольной формы, базисъ, и цоколь маленькаго дорическаго зданія изъ туфа. Интересъ раскопокъ, съ этой стороны, состоялъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что былъ открытъ цѣлый складъ глиняныхъ и бронзовыхъ вещей. Почти на материкѣ, имѣющемъ желтый цвѣтъ, въ черноватомъ и синекрасномъ, очень плотномъ, пластѣ земли, съ примѣсью пепла и костей,—были найдены: треножники, жертвенныя чаши, котелки, нѣсколько статуекъ цѣлыхъ и въ обломкахъ.

Глиняныя вещи состоятъ только изъ обломковъ, исключая небольшаго количества цѣлыхъ сосудовъ (bombylios), принадлежащихъ къ тремъ различнымъ стилямъ: геометрическому, прото-коринѳскому и коринѳскому, и небольшое количество черепковъ микенскаго стиля, позднѣйшей эпохи,

дополняютъ коллекцію. Находка всѣхъ этихъ предметовъ въ кучѣ не есть случайность, но или въ этомъ мѣстѣ былъ алтарь, около котораго накоплялись остатки отъ жертвоприношеній, или было въ обычаѣ зарывать въ землю забракованныя приношенія и посуду.

Планъ Сокровищницы Аѳинянъ былъ извѣстенъ съ 1893-го года, теперь этотъ памятникъ въ полномъ составѣ со всѣми его украшеніями; дѣйствительно, были собраны многочисленные и имѣющіе очень важное значеніе обломки, списокъ которыхъ сообщенъ Омолемъ:

1) Обломки, подходящіе къ прежде найденнымъ метопамъ: голова быка, относящаяся къ одной изъ группы животныхъ Геріоніи; угловая часть метопа, съ Немейскимъ львомъ, на которомъ видны плащъ и колчанъ Геракла; молодой человѣкъ въ короткомъ хитонѣ, который былъ обращенъ лицомъ къ Аѳинѣ, только передъ этимъ открытой.

2) Метопы или обломки, съ изображеніями: пары быковъ изъ Геріоніи, четырехъ сценъ сраженій изъ Амазономахіи и поединковъ воиновъ, вооруженныхъ щитами, въ латахъ и со шлемами на головахъ.

3) Метопы, образующіе новый рядъ сценъ изъ миѳа о Тезеѣ:

a) Тезей и Минотавръ. На немъ изображенъ молодой человѣкъ, въ короткомъ хитонѣ, схватившій за голову врага, котораго онъ готовъ поразить. Приложивъ къ плечамъ побѣжденнаго голову быка, открытую въ 1893 году, возможно было опредѣлить, каковъ былъ сюжетъ этого метопа, и такимъ образомъ найденъ ключъ къ толкованію послѣдующихъ, въ которыхъ встрѣчается тотъ же самый молодой человѣкъ.

b) Тезей и Аѳина. Герой, съ поднятой рукой, кажется, обращаетъ рѣчь къ богинѣ и ждетъ ея приказаній.

c) Тезей и Кербіонъ.

d) Тезей и Перифетъ.

e) Изображеніе Скирона (разбойника).

f) На другомъ, совсѣмъ маленькомъ обломкѣ, виденъ стволъ дерева; можетъ быть, это Синидская сосна.

Если эти опредѣленія вѣрны, то вотъ уже шесть сюжетовъ, взятыхъ изъ миѳа о Тезеѣ, то есть, именно столько, сколько и нужно, чтобы наполнить промежутки между триглифами одного изъ главныхъ фасадовъ.

Эти новыя открытія, въ противоположность тому, что предполагалъ сначала Омоль, доказываютъ, что всѣ четыре стороны памятника были одинаково украшены.

Одна изъ боковыхъ сторонъ долженствовала раздѣляться между сюжетами изъ Геріоніи и Амазономахіи, какъ бы въ видѣ дополненія къ подвигамъ Геракла и Тезея; украшенія эти, кажется, составляютъ

съ ними одно цѣлое въ виду смѣшенія фигуръ человѣческихъ и животныхъ (быковъ, лошадей). Четвертая сторона представляла послѣдовательный рядъ сраженій, единственныхъ, которыхъ Омоль не могъ истолковать; можетъ быть, это сцены изъ Гигантомахіи, но въ такомъ случаѣ не отсутствовали бы боги, принимавшіе болѣе всѣхъ участіе въ пораженіи гигантовъ, еслибы не было такъ сомнительно признать въ комъ либо изъ сражающихся бога.

Къ находкамъ у той же сокровищницы надобно отнести мраморное горельефное изваяніе лошади бо́льшихъ размѣровъ, чѣмъ метопы и совершенно подобную фигурѣ, открытой въ прошломъ году, только обратно расположенной: и та и другая должны были составлять два верхнихъ акротера Сокровищницы, надъ фронтонами. На каждой лошади сидитъ амазонка, символъ побѣдъ и торжества Аѳинянъ надъ восточными народами.

Между Сокровищницей Аѳинянъ и Сокровищницей Сифносцевъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стѣны, гдѣ прошлый годъ было найдено произведеніе аргосскаго художника—архаическая фигура Аполлона, найдена другая, совершенно подобная ей статуя. Оба произведенія походятъ другъ на друга такъ, что ихъ можно назвать тожественными, и, вслѣдстіе такого сходства, предполагаютъ въ нихъ видѣть тѣхъ Аполлоновъ, которые были посвящены жителями Липары послѣ побѣды надъ Тирренцами, въ количествѣ, равномъ числу взятыхъ кораблей.

„Эллинская стѣна“ сложена изъ камней равномѣрной толщины, хотя ряды ихъ не всегда горизонтальны и не всѣ состоятъ изъ одинаковыхъ камней, какъ во многихъ другихъ греческихъ стѣнахъ, служившихъ подпорою или имѣвшихъ назначеніе, какъ военныя сооруженія.

Изслѣдованіе участка земли въ верхней и въ нижней частяхъ Эллинской стѣны привело къ открытію Священнаго пути между Сокровищницей Аѳинянъ и воротами Тиминоса.

Въ концѣ мая противъ большой экседры, теперь совершенно очищенной отъ земли, открыта другая экседра (полукружіе), почти одинакихъ размѣровъ, окруженная высокою каменною стѣною, правильной толщины, возведенною на высокомъ цоколѣ, который подымается надъ дорогою болѣе, чѣмъ на одинъ метръ. Низкая ступень идетъ у подножія стѣны и поддерживаетъ рядъ каменныхъ плитъ, идущихъ круглой аркой и покрытыхъ надписями. Имена Абаса, Персея, Геракла и др. встрѣчаются въ нихъ вмѣстѣ съ именемъ художника, творца статуй, Антифана Аргосскаго. Замѣчательно, что имя художника высѣчено слѣва направо, всѣ имена героевъ написаны справа налѣво: имъ хотѣли придать болѣе почетный видъ, какъ это и приличествовало цар-

ской Аргосской фамиліи. Этотъ памятникъ, описанъ Павзаніемъ въ книгѣ X, 10, 5 и съ нимъ найденъ ключъ къ топографіи.

Спереди было помѣщено другое приношеніе Аргоссцевъ: группа статуй, изображающая Эпигоновъ. Спускаясь по Священному пути, по направленію къ воротамъ, найдена по сосѣдству съ Эпигонами группа „Семерыхъ", принесенная въ даръ также Аргосцами затѣмъ—аттическая группа, въ воспоминаніе о Мараѳонской побѣдѣ и лошадь, другой даръ Аргосцевъ.

Къ памятнику Аргосскихъ царей примыкаетъ очень длинное зданіе, отличающееся прямоугольной формой. Стѣна изъ конгломерата, правильной каменной кладки, прислонившаяся къ склону холма, образуетъ съ двумя другими стѣнами, подходящими перпендикулярно къ ея концамъ, комнату, широко раскрывающуюся въ сторону Священнаго пути и длиною около 25 метровъ. Единственный даръ могъ занимать такое обширное пространство: это горделивый трофей Лизандра, въ которомъ насчитывалось до сорока фигуръ, расположенныхъ на разной высотѣ. База статуи быка, работы Ѳеопропа Эгинскаго, о которой упоминаетъ Павзаній, была найдена въ 100 метрахъ отъ ея первоначальнаго мѣста.

Затѣмъ Омоль описываетъ сокровищницу Сикіонцевъ и ея метопы изъ туфа, произведеніе VI вѣка. Метопы имѣютъ слѣдующіе сюжеты:

1) Діоскуры и Идасъ возвращающіе изъ Мессеніи, стада быковъ. Имена написаны черною краскою рядомъ съ фигурами.

2) Кабанъ; такъ какъ Діоскуры принимали участіе въ Калидонской охотѣ, то возможно предположить, что сюжетъ этого метопа тоже взятъ изъ миѳа объ нихъ.

3) Два всадника, видимые спереди; сзади на второмъ планѣ, корабль, везущій воиновъ, которыхъ можно признать по ихъ щитамъ; посрединѣ стоятъ двое, играющіе на киѳарѣ. Имена ихъ стерты, исключая окончанія одного изъ нихъ. Кажется, что оба всадника тоже Діоскуры и что сюжетъ заимствованъ изъ миѳа объ Аргонавтахъ, въ походѣ которыхъ они также участвовали.

4) Баранъ, на которомъ, кажется, кто то сидѣлъ, безъ сомнѣнія Гелла, изъ того же миѳа объ Аргонавтахъ.

5) Похищеніе Европы.

Недалеко отъ Сокровищницы Сикіонцевъ подымается, подобно укрѣпленію высокая четыреугольная постройка, которая подходитъ съ одной стороны къ Эллинской стѣнѣ, съ другой—къ Священному пути.

На этой постройкѣ, представляющей что-то въ родѣ башни, было зданіе, имѣющее форму храма съ колоннами. Это была тоже Сокровищница, и именно на этомъ мѣстѣ помѣщаетъ Павзаній Сокровищ-

ницу Сифносцевъ. Тожество съ ней этого зданія, подтверждается еще замѣчаніемъ Геродота (III 57), что Сокровищница Сифносцевъ считалась прекраснѣйшей и богатѣйшей въ Дельфахъ. Но, кромѣ того, что по своему положенію она занимаетъ чудесное мѣсто, — остатки декоративныхъ скульптуръ (архитектурныя украшенія фриза), наводятъ на мысль о зданіи, возведенномъ съ большими издержками и съ единственной заботой довести его до совершенства.

Недалеко отъ святилища (храма) была отрыта греко-римская могила, вырытая въ землѣ и задѣланная кирпичемъ, вмѣстѣ съ лѣстницей, два склепа со сводами, очень хорошей кладки и нѣсколько саркофаговъ; но все это разграблено было въ давнія времена.

Раскопки обнаружили довольно значительное количество построекъ, которыя походятъ на жилые дома, большой водопроводъ, колодцы и нѣсколько могилъ, вырытыхъ въ желтой землѣ, очень удобной для работы, но непрочной и часто осыпающейся. Около водопровода нашли прелестную бронзовую статую, но къ несчастію очень окислившуюся, типа Дорифора, и бронзовую статуэтку архаическаго Аполлона, съ прекрасной патиной совершенно цѣлаго, за исключеніемъ предплечій, вышиною въ 40 сант., и превосходнаго стиля; въ колодцахъ нашли многочисленные обломки глиняной или бронзовой посуды, (части треножниковъ, птицы съ человѣческими головами); въ могилахъ, почти совсѣмъ разграбленныхъ, нѣсколько отдѣльныхъ предметовъ; вазу съ красными фигурами, принадлежащую къ IV вѣку, микенскихъ вазъ числомъ сорокъ, почти всѣ формы 50-й у Фуртвенглера. Онѣ покрыты лакомъ, украшены параллельными бороздками, геометрическими украшеніями; на самой лучшей вазѣ, находятся два большихъ восьминога, превосходнаго рисунка, вмѣстѣ съ геометрическими украшеніями; сломанный мечъ, кинжалъ и фибула, до сихъ поръ найденная только въ одномъ экземплярѣ.

Въ послѣднее время, открыли въ кладкѣ храма римскую голову, превосходной работы и совершенно сохранившуюся, даже безъ единой царапины; бронзовую фигурку и большую мраморную статую Антиноя, рѣдкой по своему выполненію и почти полной сохранности: недостаетъ только рукъ.

—— Въ Бизертѣ, въ Африкѣ, при чисткѣ рѣчнаго дна, найденъ драгоцѣнный сосудъ — патера изъ массивнаго серебра, мѣстами инкрустированнаго и обложеннаго золотомъ; патера имѣетъ овальную форму, длиною 90 сант., и вѣситъ 9 килограммовъ. Орнаментація патеры очень богата: въ срединѣ выгравировано по золоту музыкальное состязаніе Аполлона и Марсія.

Сатиръ Марсій играетъ на двойной флейтѣ передъ музою, по-

средницею въ состязаніи; вокругъ него сгруппированы его сторонники и противники: съ одной стороны Аполлонъ и Аѳина, съ другой—Кибела, сатиръ и молодой пастухъ Олимпъ.

По окружности патеры идетъ рельефный фризъ съ изображеніями идиллическаго и сельскаго характера въ александрійскомъ стилѣ. На ручкахъ представлены жертвоприношеніе Діонису и вакхическая сцена. Всѣ эти орнаментаціи чеканены изъ серебра и исполнены въ совершенствѣ. Бизертская патера—произведеніе эллинистической эпохи и относится къ первымъ вѣкамъ нашей эры. (Chr. d. Arts, № 27, 1894 г.).

IV.

Замѣтка о курганахъ Курской губ.

По поводу напечатаннаго на стр. 263 „Арх. Изв. и Зам“. отчета о раскопкахъ кургановъ въ Рыльскомъ у., я позволю себѣ сдѣлать слѣдующія замѣчанія:

Прежде всего представляется вполнѣ яснымъ, что курганы эти должны быть отнесены не къ типу Суджанской группы (куда относятся также Бѣлогорскіе, Глинскіе, Роменскіе и Медвѣжьи курганы раскопокъ Д. Я. Самоквасова и И. А. Линниченко), имѣющей распространеніе между Сеймомъ и Днѣпромъ и характеризующейся спиральными височными кольцами и особыми шейными гривнами съ пластинчатыми сгибнями на концахъ, а къ типу радимичскихъ древностей, обнаруженныхъ (раскопками проф. Антоновича, П. М. Еременка, В. И. Сизова и Могилевскаго Статистич. Комитета) на широкомъ, еще не опредѣленномъ точно пространствѣ отъ теченія Днѣпра на востокъ.

Радимичскія древности характеризуются именно тѣми семилопастными височными кольцами и шейными гривнами съ розетками на концахъ, которыя были нынѣ найдены и въ Голубовскихъ курганахъ. Описанныя М. Н. Сперанскимъ раскопки тѣмъ весьма важны и цѣнны, что указываютъ, какъ далеко заходила радимичская культура на востокъ. Теперь мы знаемъ, что Сеймъ слѣдуетъ положить юго-восточною границею древностей этого типа. Южная и сѣверная границы его еще не опредѣлены. Извѣстно только, что южная часть Калужской губ., своими курганными древностями тянетъ къ окскому району и что отдѣльныя находки, сдѣланныя въ Орловскомъ уѣздѣ, ближе всего идутъ къ

древностямъ также окскаго бассейна [1]). Въ Румянцевскомъ музеѣ находится небольшая коллекція курганныхъ вещей типа Суджанской группы изъ Курской губ. Хотя мѣстность этихъ находокъ не опредѣлена, но нужно думать, что онѣ сдѣланы въ южной части губерніи, за Сеймомъ (около нов. Оскола?).

Второе замѣчаніе наше касается самого отчета о раскопкахъ. Къ удивленію, въ отчетѣ не выступаетъ, по крайней мѣрѣ съ полною ясностью, характерная особенность погребенія, установленная раскопками въ радимичскихъ курганахъ другихъ мѣстностей—погребеніе на возвышенномъ ложѣ, сооруженномъ изъ остатковъ костра и земли. Повидимому, такого рода погребеніе обнаружено въ Голубовскомъ курганѣ № 1, но описаніе раскопки въ немъ такъ кратко и неясно, что не даетъ о конструкціи насыпи точнаго представленія. Кажется, такого же рода погребеніе оказалось еще и въ большомъ курганѣ № 4, но устройство этого кургана остается еще менѣе яснымъ; между прочимъ не отмѣчена высота насыпи, вслѣдствіе того нельзя судить даже о томъ, раскопанъ ли курганъ до материка [2]). Вообще отчетъ, въ этомъ краткомъ изложеніи, недостаточно полонъ и ясенъ.

М. Н. Сперанскій замѣчаетъ въ заключеніе своей статьи, что курганы Курской губ., мало изслѣдованы и косвеннымъ образомъ какъ бы ставитъ вопросъ о дальнѣйшихъ раскопкахъ въ нихъ. Да, кургано раскопано мало, но—благодаря съ одной стороны раскопкамъ Д. Я. Самоквасова и И. А. Линниченко въ сѣверянскихъ курганахъ, а В. Б. Антоновича и П. М. Еременка въ радимичскихъ съ другой -- сдѣлано самое важное: уяснены типы курганныхъ древностей сосѣднихъ культурныхъ районовъ, которыя, какъ мы теперь убѣдились изъ раскопокъ Голубовскихъ кургановъ, захватываютъ и Курскую губ. Не знаемъ другого—какъ сказались на древностяхъ Курской губ. близость Дона съ востока и близость мордовскихъ и мещерскихъ древностей съ сѣвера. На то и другое мы получимъ отвѣтъ лишь тогда, когда освободимся отъ замѣчаемой нынѣ односторонности нашихъ археологическихъ изслѣдованій. Многое будетъ оставаться непонятнымъ, пока мы не обратимся къ изученію могильниковъ. Уже извѣстно, что въ Трубчевскомъ у. Орловской губ., найдена была шейная гривна типа

[1]) Таковъ кладъ вещей 1853 г., заключавшій между прочимъ сложно-витыя шейныя гривны съ пластинчатыми концами. См. Извлеченіе изъ Всепод. Отчета объ археолог. разыск. въ 1853 г. Спб. 1855 г., стр. 12–15.

[2]) Высота кургана № 4 не показана, но на стр. 264, 11-я строка снизу, показанъ радіусъ кургана; при полусферической формѣ Голубовскихъ кургановъ вычислить, при данномъ радіусѣ, высоту легко. *Ред.*

финскихъ могильниковъ района Оки. Не найдется ли слѣдовъ этихъ древностей и въ Курской губ.?

Сѣтованіе М. Н. Сперанскаго на недостаточность работъ по археологіи Курской губ., побуждаетъ меня указать еще слѣдующія статьи, сюда относящіяся: Статьи Дмитрюкова помѣщены, кромѣ указанныхъ г. Сперанскимъ изданій, еще въ Историко-Статист. и Географ. журналѣ 1827 г. III, стр. 146 и 1828 г. II, 149—155, 215—219; въ „С.-Петерб. Вѣд". 1832 г. 306, въ „Моск. Вѣд". 1849 г. 143; въ „Вѣстн. И. Рус. Геогр. Общ. 1854 г., кн. IV ч. 11, стр. 26—37. О раскопкахъ Д. Я. Самоквасова, кромѣ извѣстной работы въ Трудахъ III-го Археол. Съѣзда, сообщается еще въ Извѣст. Моск. Общ. Люб. Ест. X т., в. 2, стр. 2, 103, и въ Антропол. Вѣстн. т. II стр. 112, 180, 244. Указатель городищъ и кургановъ Курской губ., по свѣдѣніямъ 1873 г., находится еще въ соч. Горожанскаго: „Земляныя насыпи, Тульской, Курской и пр. губ"., стр. 16—33. Замѣтки объ отдѣльныхъ находкахъ и описаніе отдѣльныхъ памятниковъ старины Курской губ., находятся въ „Древностяхъ", т. III, 175 (статья В. Г. Тизенгаузена), и IX т., стр. 30 (ст. В. И. Сизова), „Курск. Епар. Вѣд". 1873 г., № 3 (ст. Сафронова), „Отечеств. Записки 1822 г. ч. 9, стр. 267—272 (ст. К. Б—ва), „Журн. Мин. Вн. Дѣлъ", 1836 г., ч. 22 № 10, „Харьковск. губ Вѣд". 1869 г. № 30, „Извѣст. Моск. Общ. Люб. Ест., т. LXVIII, стр. 322 (ст. Сизова), Памятн. кн. Курской губ. на 1860 и 1863 г. „Изв. Импер. Археол. Общ"., т. II, стр. 59 (Ст. Машкина) и т. VI, стр. 242, въ „Москвитянинѣ", 1851 г. XXI, стр. 25. (Обоянскій кладъ) въ „Отчетахъ Импер. Археолог. Комм". 1868 г., стр. XXI, 1876 г., стр. XL, 1882 г., стр. XXIII и 1883 г., стр. LVI и въ „Вѣстн. Импер. Геогр. Общ". 1854 г. IV стр. 26.

А. Спицынъ.

ОПЕЧАТКИ.

Въ „Замѣткѣ объ одномъ темномъ мѣстѣ въ Словѣ о Полку Игоревомъ", И. Е. Забѣлина, на стр. 298-й, строка 19-я сверху, вмѣсто напечатаннаго „собственное или другаго пѣснотворца", читай „собственное имя другаго пѣснотворца"; на стр. 300, стр. 3-я снизу, вмѣсто напечатаннаго „или требованія", читай „или пребыванія".

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Секретарь *В. Трутовскій.*

№ 11 1894 г.

ИЗДАВАЕМЫЯ
ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

I.

Ново-открытое свидѣтельство о времени В. Кн. Изяслава Ярославича.

Въ третьемъ номерѣ польскаго историческаго журнала, „Kwartalnyk Historyczny“ за 1893 г. помѣщена весьма любопытная замѣтка краковскаго профессора Анатолія Левицкаго „Napis na paliuszu z XI wieku“ (Надпись на палліумѣ XI в.).

Въ одной рукописи второй половины XV в., хранящейся въ Курницкой библіотекѣ гр. Рачинскихъ, рукописи, заключающей въ себѣ копіи разныхъ документовъ, находится слѣдующая запись:

Textus in Pallio Sancti Adalberti descriptus. Oracionibus Sancti Demetrii concedas omnipotens multos annos servo tuo Izaslaw duci Russie ob remissionem peccaminum et Regni celestis Imperium amen. Fiat Domine in nomine tuo.

(Молитвами святаго Димитрія подаждь, Боже всемогущій, многая лѣта рабу Твоему Изяславу, князю Русскому, во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную, аминь. Господи, да будетъ во имя Твое).

Профессоръ Левицкій объясняетъ слѣдующимъ образомъ происхожденіе этой записи: „Во второй половинѣ XV в. гдѣ-то (быть можетъ, въ Краковѣ, такъ какъ данная рукопись имѣетъ нѣкоторое отношеніе

къ Длугошу) обращено было вниманіе на очень древній палліумъ, который ошибочно приписанъ св. Адальберту. На этомъ палліумѣ находилась вышеприведенная надпись; кто-то, осматривавшій этотъ палліумъ, списалъ находившуюся на немъ надпись и внесъ ее въ книгу, которую имѣлъ подъ рукою.

„Палліумъ этотъ конечно не принадлежалъ св. Адальберту (Войцѣху), ибо послѣдній не былъ архіепископомъ, а слѣдовательно и не могъ носить палліума, но въ современной Польшѣ судили иначе, и оттого-то въ надписи находится ошибочная приписка о св. Адальбертѣ. Но откуда, спрашиваетъ авторъ, имя Изяслава на палліумѣ? Имя русскаго князя могло явиться на палліумѣ только потому, что Изяславъ приподнесъ этотъ палліумъ какому-нибудь Архіепископу. Что дѣло здѣсь можетъ идти только о князѣ Изяславѣ Ярославичѣ, доказываетъ обращеніе къ св. Димитрію, а извѣстно, что церковное имя Изяслава Ярославича было Димитрій".

До сихъ поръ мы шли за авторомъ замѣтки, такъ какъ приведенныя имъ соображенія кажутся намъ весьма правдоподобными. Не можемъ однако согласиться съ нимъ въ томъ, чтобы найденная имъ надпись свидѣтельствовала о принятіи Изяславомъ католицизма. Авторъ ссылается на извѣстное письмо папы къ польскому королю, „изъ котораго, говоритъ онъ, мы знаемъ, что сынъ Изяслава отдалъ русское государство подъ опеку папы, конечно съ согласія отца; теперь мы узнаемъ еще, что онъ дарилъ католическимъ архіепископамъ палліумы, на которыхъ писалъ молитвы на латинскомъ языкѣ".

Достаточны ли эти факты для утвержденія о принятіи Изяславомъ католицизма?

Напомнимъ въ короткихъ словахъ обстоятельства времени Изяслава Ярославича, имѣющія отношенія къ приведенному нами свидѣтельству.

Въ 1068 г. Кіевляне, недовольные Изяславомъ за его неудачную борьбу съ Половцами, прогоняютъ его изъ Кіева, а кіевскимъ княземъ провозглашаютъ находившагося въ Кіевѣ, въ темницѣ, полоцкаго князя Всеслава.

Изяславъ, женатый на польской принцессѣ (сестрѣ Казиміра т. н. Мниха), бѣжитъ въ Польшу. Болеславъ Смѣлый берется помочь родственнику и идетъ съ нимъ на Русь; союзники легко овладѣваютъ Кіевомъ, такъ какъ Всеславъ бѣжитъ изъ-подъ Бѣлгорода. Въ Кіевѣ Болеславу очень понравилось, и онъ гоститъ и хозяйничаетъ здѣсь довольно долго (около 10 мѣсяцевъ). Однако Кіевлянамъ надоѣло хозяйничанье польскихъ войскъ, и они принимаются за избіеніе поляковъ; Болеславъ съ остатками войска спасается домой. Но и Изяславъ не долго продер-

жался въ Кіевѣ. Въ 1073 г. его изгоняютъ изъ Кіева братья, Всеволодъ и Святославъ. Причина распри братьевъ не ясна, лѣтопись говоритъ только, что Святославъ и Всеволодъ узнали о союзѣ Изяслава съ Всеславомъ Полоцкимъ противъ нихъ и рѣшили предварить Изяслава. Кіевскій князь съ женою и имуществомъ бѣжитъ опять въ Польшу. Но теперь отношенія къ Польшѣ измѣнились не въ пользу Изяслава. Болеславъ вступилъ въ тѣсныя сношенія съ братомъ Изяслава и даже женился на дочери Святослава [1]). Въ виду этого кіевскій князь встрѣчаетъ въ Польшѣ не только холодный, но и прямо враждебный пріемъ. Поляки ограбили его и выгнали изъ Польши [2]).

Съ этого времени начинаются скитанія Изяслава по Западной Европѣ. Изгнанный изъ Руси и ограбленный въ Польшѣ кіевскій князь бѣжитъ въ Саксонію, гдѣ его пріютилъ у себя маркграфъ Деди (умершій осенью 1076 г.); отсюда Изяславъ обращается почти одновременно къ папѣ и императору Генриху IV за помощью. Дѣла европейскія были, очевидно, плохо знакомы русскому князю, такъ какъ болѣе неблагопріятнаго момента для своихъ обращеній къ двумъ главамъ тогдашней Европы онъ выбрать не могъ; императоръ былъ занятъ военными приготовленіями для борьбы съ Саксами, съ папой находился въ періодѣ самыхъ острыхъ коллизій, съ Болеславомъ во враждебныхъ отношеніяхъ. Но утопающій хватается за соломинку. Изяславъ посылаетъ сына къ папѣ, а самъ ѣдетъ въ Майнцъ къ императору. Въ свитѣ послѣдняго у Изяслава были и родственники—епископъ Бурхардтъ приходился шуриномъ одному изъ Ярославичей (Карамзинъ, Исторія Госуд. Россійскаго, 2-е изд., II, прим. 48 и 128).

Изяславъ былъ представленъ императору престарѣлымъ маркграфомъ Деди и поднесъ ему богатые дары, состоявшіе изъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ и драгоцѣнныхъ одѣяній, и просилъ помощи противъ брата, завладѣвшаго его столомъ. Императоръ принялъ благосклонно и дары и просьбу несчастнаго князя. О военной помощи лишенному престола не могло конечно быть и рѣчи при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ тогда находился самъ императоръ; послѣдній попытался однако уладить дѣло путемъ дипломатическимъ. Естественно, что посломъ въ Русь было выбрано лицо, имѣвшее тамъ родственныя связи,—епископъ Трирскій Бурхардтъ.

---

[1]) Критическій разборъ всѣхъ извѣстій о походахъ Болеслава на Русь см. въ нашемъ изслѣдованіи «Взаимныя отношенія Руси и Польши до половины XIV ст.» Кіевъ 1884.

[2]) Фактъ ограбленія Изяслава Поляками единогласно свидѣтельствуется и нашей лѣтописью и письмомъ папы къ Болеславу—папа убѣждаетъ польскаго короля возвратить русскому князю награбленныя у него сокровища.

Бурхардту такое порученіе было весьма на руку. Отношенія его къ Генриху IV были на столько натянуты, что среди приближенныхъ къ императору ходилъ даже слухъ, будто въ письмахъ Генриха къ Святославу была тайная просьба лишить враждебнаго первому епископа возможности когда-либо вернуться на родину, но предусмотрительный епископъ постарался ознакомиться съ содержаніемъ императорскихъ писемъ и уничтожилъ опасныя для себя.

Временное удаленіе отъ двора было поэтому въ интересахъ Бурхардта [1]).

Современный лѣтописецъ передаетъ въ нѣсколько прикрашенной формѣ содержаніе посланія императора къ Святославу: императоръ требовалъ отъ Кіевскаго князя возвращенія княженія Изяславу, въ противномъ случаѣ угрожалъ ему войной (alloquin auctoritatem et arma Teutunici regni propediem experturum fore).

Письмо Генриха къ Святославу до насъ не дошло, но о посольствѣ императора говоритъ и наша лѣтопись: Святославъ хотѣлъ удивить нѣмцевъ своимъ богатствомъ, но они, посмотрѣвъ на массу золота, серебра и драгоцѣнныхъ одеждъ, отвѣтили ему: „се ни во что же есть, се бо лежитъ мертво; сего суть смѣтье (Лавр. кметье) лучше, мужи бо дондутъ и больше сего". Тѣмъ не менѣе Святославъ одарилъ пословъ богатыми дарами, а императору послалъ такіе роскошные подарки, какихъ, по словамъ нѣмецкаго лѣтописца, въ Германіи никогда еще не видали. По словамъ того же лѣтописца, Святославъ хотѣлъ отклонить императора отъ намѣренія помочь лишенному престола русскому князю. Однако, иронически замѣчаетъ онъ, Кіевскій князь могъ бы и даромъ достигнуть того же результата, такъ какъ императоръ былъ самъ въ крайне стѣсненныхъ обстоятельствахъ, вслѣдствіе внутреннихъ междоусобицъ, и ему было не до помощи русскому князю.

Отчаявшись въ помощи императора, Изяславъ дѣлаетъ еще попытку обращенія за помощью къ духовному главѣ Европы—папѣ. Съ этой цѣлью онъ послалъ сына въ Римъ [2]).

Посланіе Изяслава къ папѣ до насъ не дошло. Мы знаемъ объ этомъ посольствѣ только изъ двухъ папскихъ буллъ, одной къ Изяславу, другой къ польскому королю Болеславу Смѣлому. Папская булла къ

---

[1]) Слухъ о тайномъ содержаніи писемъ императора къ Святославу передаетъ Бруно (De bello Saxonico, Mon. germ. Script V, p. 333), но посла въ Русь называетъ братомъ епископа. Однако и у Ламберта (ibidem, p. 219) находимъ ясный намекъ на неловкое положеніе Бурхардта при дворѣ; по словамъ послѣдняго, Бурхардтъ самъ отпросился посломъ въ Русь „ne quid in illum interim gravius decerneretur".

[2]) По мнѣнію И. И. Малышевскаго (Отчетъ о 24 присужденіи наградъ гр. Уварова, стр. 93), въ Римъ ходилъ не Святополкъ, а Ярополкъ Изяславичъ.

Изяславу написана въ выраженіяхъ очень осторожныхъ и неопредѣленныхъ. Вѣроятно, папа боялся, какъ бы посланіе его не было перехвачено въ Германіи. Болѣе подробныя инструкціи должны были передать Изяславу папскіе послы, изъ которыхъ одинъ, какъ пишетъ папа, хорошо извѣстенъ русскому князю. Изъ папской буллы едва ли можно вывести, что Изяславъ для возвращенія престола перешелъ въ католицизмъ. Скорѣе возможно предположить, что папа, получивъ просьбу Кіевскаго князя о помощи къ возвращенію престола, поручилъ своимъ легатамъ передать Изяславу условія, на которыхъ онъ согласится дѣйствовать въ пользу русскаго князя. Что условія эти не были окончательно выработаны, видно изъ письма папы къ Болеславу польскому. Въ этомъ письмѣ ни слова не говорится о помощи русскому князю и возвращеніи утраченнаго престола. Папа, по жалобѣ Изяслава, рекомендуетъ только Болеславу возвратить русскому князю отнятыя у него богатства.

Буллы папы къ Изяславу и Болеславу писаны почти въ одно время (на разстояніи двухъ недѣль); возможно поэтому, что одни и тѣ же послы должны были передать папскія посланія и польскому и русскому князю.

Болеславъ въ эту эпоху находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ папой и помогалъ ему въ борьбѣ съ императоромъ. Помощь польскаго князя духовному главѣ Европы не была однако безвозмездной. Въ награду за нее Григорій обѣщалъ Болеславу королевское достоинство и сдержалъ свое слово: въ слѣдующемъ 1076 г., на Рождествѣ, Болеславъ былъ торжественно коронованъ въ присутствіи 15 епископовъ.

Съ другой стороны, польская церковь того времени находилась въ печальномъ положеніи и не имѣла архіепископа. Папскимъ легатамъ поручалось привести церковныя дѣла Польши въ порядокъ. Легаты начали съ того, что, конечно съ папскаго разрѣшенія, утвердили Гнѣзненскимъ архіепископомъ Богумила. Дѣло это, вѣроятно, было рѣшено еще въ Римѣ (на что есть намекъ въ папской буллѣ), и легаты везли съ собою, по всей вѣроятности, палліумъ для будущаго архіепископа. Можно предположить, что Изяславъ, знакомый съ порученіемъ папскихъ легатовъ, поручилъ имъ передать будущему главѣ польской церкви, въ видѣ captatio benevolentiae, драгоцѣнную матерію на облаченіе съ вышеприведенной надписью [1]). Что сношенія Изяслава съ Поляками стали

[1]) На самомъ палліумѣ едва ли могла быть какая-либо посторонняя надпись. Палліумъ соотвѣтствуетъ нашему омофору. Это бѣлый шерстяной неширокій воротникъ съ шестью черными крестами, удлиненный на обоихъ концахъ. Въ Римской церкви палліумъ давался только архіепископамъ. Новоназначенный архіепископъ долженъ былъ въ теченіе 3 мѣсяцевъ со дня назначенія испросить себѣ палліумъ изъ Рима. Самые палліумы приготовлялись слѣдующимъ образомъ: 21 генваря, въ день святой Агнесы, въ Ватиканъ приводятся бѣлыя

извѣстны въ Кіевѣ, видно изъ извѣстій разныхъ источниковъ о помощи Кіевскаго князя Болеславу на Чеховъ—этой цѣной Святославъ хотѣлъ купить нейтралитетъ польскаго короля. Между тѣмъ этотъ походъ, кажется, разссорилъ Болеслава съ Кіевскимъ княземъ: русская помощь самовольно продолжаетъ военныя дѣйствія въ Чехіи послѣ мира Болеслава съ Чехами. Поэтому лишь только скончался Святополкъ (1076 г.). Изяславъ, конечно ознакомленный съ ходомъ дѣлъ, появляется въ Польшѣ, находитъ здѣсь уже дружественный пріемъ, получаетъ рать и съ ея помощью занимаетъ Кіевскій столъ.

Какъ можно видѣть изъ приведенныхъ фактовъ и другихъ, извѣстныхъ по лѣтописи, Изяславъ принадлежалъ къ числу лицъ безхарактерныхъ и совершенно лишенныхъ инициативы.

Лѣтопись старается все свести на его личную доброту, во всемъ его оправдываетъ. Но цѣлый рядъ фактовъ говоритъ противъ такого объясненія его личныхъ свойствъ. Онъ не рѣшается самъ ни на какое важное дѣло, прячется въ критическихъ обстоятельствахъ за спину другихъ. Чтобы такой безхарактерный человѣкъ рѣшился на такой важный шагъ, какъ принятіе католицизма—было бы совершенно непонятно. Изяславъ такъ осторожно ведетъ свои дѣла съ папой, что не рѣшается писать ему отъ себя—онъ посылаетъ сына съ словеснымъ порученіемъ, которое конечно папа могъ понять по своему, между тѣмъ какъ Изяславъ только зондировалъ почву.

Съ другой стороны извѣстно, что удѣльная Русь отличалась, въ противоположность Руси Московской, очень большой вѣротерпимостью

овцы, которыхъ благословляетъ папа, затѣмъ ихъ ведутъ въ храмъ святой Агнесы и при пѣніи Agnus Dei кладутъ на алтарь. Затѣмъ ихъ передаютъ вѣдѣнію монахинь ордена св. Агнесы, которыя ихъ стригутъ и изъ полученной шерсти приготовляютъ палліумы. Наканунѣ праздника св. Апостоловъ Петра и Павла папа благословляетъ палліумы, и ихъ кладутъ затѣмъ на цѣлую ночь на алтарь церкви св. Петра, находящейся на мѣстѣ могилы этого апостола. Затѣмъ они хранятся въ каѳедральной церкви до надобности. (Herzog, Real. Encyklöpädie für protest. Theologie und Kirche, 1883, Bd. I, Pallium.). Въ сочиненіи: Alexii Aurel. Pellicia de Christianae ecclesiae primae, mediae et novissimae aetatis Politia, ed. Ios Ignatii Ritteri, Coloniae ad Rhenum, MDCCCXXIX, p. 116 (§ 2. De insigni Metropolitanorum ornamentu, sive de pallio), находимъ слѣд. подробности о палліумѣ: ...olim pallium cunctis commune erat episcopis, qui eo tanquam comuni veste utebantur. Magni vero honoris documentum ab imperatore vel Patriarcha illud recipere, qui eo modo primarium urbium Antistites donabant, quare tandem paullatim Metropolitanorum insigne ornamentum factum est.

Hinc Patriarchae Orientales solis Metropolitanis saeculo IX pallium dabant, et quidem ex imperatoris consensu tum in oriente, et iam antiquitus, in Occidente per Romanum Pontificem, a quo ut ipsi quoque orientales Patriarchae illud reciperent, sancitum est saec. XIII. Inter Occidentales autem iam saec. XI usus invaluerat, ut Metropolitani Romam peterent ad pallium accipiendum. quem morem antiquae traditionis usum appellavit Petrus Damiani saec. XI. Quapropter eodem saec. XI ex communi usu et ubique recepto Episcopis Metropolitanis a propriae iuris dictionis exercitio abstinendum erat, dum pallium a Pontifice Romano acsiperent.

и весьма широкими сношеніями съ Западной Европой. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно время Ярослава и Изяслава. На дворѣ Ярослава постоянно пребываютъ по разнымъ поводамъ европейскіе послы: тутъ и Французы и Венгерцы, Датчане, Норвежцы, Англичане, Поляки, Нѣмцы. И часто такими послами были, по обычаю того времени, лица духовныя, епископы, какъ напр., епископъ Шалонскій, епископъ Трирскій. Всѣ дочери Ярослава повыходили замужъ за европейскихъ королей — французскихъ, норвежскихъ, венгерскихъ; сыновья женились на принцессахъ польскихъ, греческихъ, нѣмецкихъ. Только греческое монашество, да черное русское духовенство, усвоившее отъ грековъ ненависть къ Западу, какъ области еретической, смотрѣли косо на такія сношенія. Өеодосій, вѣроятно, по возвращеніи Изяслава изъ европейскихъ скитаній, пишетъ ему посланіе противъ латинянъ.

Такимъ образомъ, ни фактъ посольства Изяслава къ папѣ, ни его подарки католическимъ епископамъ, нисколько не говорятъ въ пользу принятія Изяславомъ католицизма. Да и обстоятельства пребыванія Изяслава за границей легко показываютъ, что для этого не было и достаточнаго повода. Папа, кромѣ частной просьбы къ Болеславу, ничѣмъ не помогъ русскому князю; но какимъ бы безхарактернымъ человѣкомъ ни былъ Изяславъ, онъ не могъ платить впередъ цѣной такой крупной. Водвореніе Изяслава въ Кіевѣ свершилось помимо папы, слѣдовательно и платить было не за что.

Такимъ образомъ, небольшое число приведенныхъ фактовъ любопытно въ томъ отношеніи, что показываетъ еще разъ широкое и свободное общеніе нашей древней Руси съ Западомъ, общеніе лишенное той узкой нетерпимости, какою отличалась позже Московская Русь. Удѣльная Русь важная единица въ европейскомъ концертѣ—и тогда, какъ теперь, къ ней льнутъ со всѣхъ сторонъ разныя владѣтельныя особы для всевозможныхъ альянсовъ; и древняя Русь не думала замыкаться, какъ Русь Московская, въ своемъ горделивомъ презрѣніи къ Западу, презрѣніи, отъ котораго она едва ли не болѣе потеряла чѣмъ выиграла.

Въ дополненіе къ настоящей статьѣ приведемъ здѣсь интересныя соображенія о предметѣ, послужившемъ мотивомъ для нашей статьи — палліумѣ св. Адальберта, соображенія, весьма любезно присланныя намъ (съ правомъ ихъ перевода) извѣстнымъ знатокомъ польскаго искусства, Краковскимъ профессоромъ Марьяномъ Соколовскимъ.

„Мнѣ неизвѣстны палліумы съ надписями. Думаю, что такихъ палліумовъ и не было въ римской церкви; по крайней мѣрѣ ни одинъ

изъ извѣстныхъ мнѣ источниковъ о такихъ палліумахъ не упоминаетъ. Палліумъ есть то же что греческое *ὠμοφόριον;* Farabolini описалъ старый греческій омофоръ „conservato nella Badia di grotta ferrata", на концахъ котораго вышита жизнь Іисуса Христа и Маріи; и поэтому, если на греческихъ омофорахъ находимъ изображенія, то могли быть и надписи. Это обстоятельство однако для меня не убѣдительно: палліумы выдаютъ папы и трудно предположить, чтобы свѣтскій князь могъ кому либо послать палліумъ. Думаю, что любопытную надпись, найденную профессоромъ Левицкимъ, нужно толковать иначе. Князь чешскій Брячиславъ, какъ извѣстно, опустошилъ Гнѣзно и увезъ въ Прагу сокровища, находившіяся при гробѣ св. Адальберта. Между этими сокровищами находились драгоцѣнныя церковныя ризы и палліумы, часть коихъ еще теперь показываютъ въ Прагѣ. Каѳедральная церковь въ Гнѣзно была выстроена только при Болеславѣ Смѣломъ и торжественно освящена въ 1076 г. (М. Р. II, 83, III, 147). Этому освященію конечно старались, сообразно съ духомъ времени, придать какъ можно больше пышности, въ виду этого утверждали, что реликвіи св. Адальберта были спасены и находятся въ Гнѣзно, что и до сихъ поръ, на основаніи традицій того времени, еще утверждаютъ въ Гнѣзно (будто Чехи только ограбили мощи, лишивъ раку всѣхъ украшеній). Открытіе этихъ мощей было тогда вопросомъ не только религіи, но и политики.

Поэтому то король, его союзники и пріятели, вѣроятно старались прислать драгоцѣнные дары, чтобы украсить гробъ св. Адальберта при его освященіи.

Думаю, что въ это время, въ 1076 г., князь Изяславъ-Димитрій, прислалъ на гробъ св. Войцѣха покровъ изъ паволокъ, который также называется палліумомъ въ средневѣковыхъ источникахъ и часто имѣетъ разныя изображенія и надписи. Я думаю, что надпись на такомъ покровѣ была сдѣлана на церковно-славянскомъ языкѣ, какъ это часто бываетъ на церковныхъ предметахъ восточной церкви, а средневѣковый писецъ XV в. далъ эту надпись кому-либо для перевода, или самъ перевелъ на латинскій языкъ; это тѣмъ возможнѣе, что на западныхъ церковныхъ одеждахъ надписи встрѣчаются рѣдко, а въ восточной церкви часто, и особенно въ древнее время и въ данную эпоху.

Если кто будетъ настаивать на pallium archiepiscopale то можно предположить, что Изяславъ, сообразно съ традиціей Гнѣзненской церкви, считалъ св. Войцѣха за архіепископа и, зная, что въ данномъ случаѣ онъ носилъ палліумъ, прислалъ на его гробъ омофоръ съ изображеніями и надписью, (какъ въ grotta ferrata).

Тогда это во всякомъ случаѣ былъ бы не латинскій палліумъ, а греческій омофоръ съ надписью на церковнославянскомъ языкѣ, переведенною писцомъ. Бываютъ ли такіе омофоры съ надписями—это лучше знать членамъ Московскаго Археологическаго Общества. Однако первое объясненіе съ археологической точки зрѣнія представляется мнѣ болѣе возможнымъ, такъ какъ оно подходитъ и къ замѣчаніямъ сдѣланными Вами въ письмѣ ко мнѣ.

Наконецъ, это могъ быть pallium altaris—покровъ на алтарь при гробѣ мученика, pallium hexapolum или pallium cum strifeis, или pallium mortuale, funerale—для одѣянія предполагаемыхъ реликвій, а писецъ XV в. могъ надпись съ объясненіемъ ея мѣстонахожденія переписать съ какого-нибудь гораздо болѣе древняго источника, тѣмъ болѣе что кодексъ № 43 Курницкой библіотеки, откуда взялъ эту надпись профессоръ Левицкій, содержитъ копіи писемъ и актовъ разнаго рода. Въ такомъ случаѣ архаическое выраженіе pallium въ указанномъ значеніи не представляло бы ничего необычайнаго".

И. А. Линниченко.

II.

О загадочной надписи на монетѣ Великаго Князя Тверскаго Ивана Михайловича.

Императорскому Историческому музею пожертвованы недавно однимъ гражданиномъ гор. Ржева 3 древнерусскія монеты, извѣстныя, по помѣщенной на нихъ загадочной надписи, подъ названіемъ монетъ „Жана Безина" или „Жана безумнаго человѣка". Экземпляры эти изображены на прилагаемомъ рисункѣ 20.

Рис. 20.

На 1-мъ экземплярѣ видимъ:

Лиц. Въ прямомъ ободкѣ, обращенная вправо человѣческая фигура безъ признаковъ одѣянія, сидящая на стулѣ; на головѣ нѣчто въ родѣ короны; въ лѣвой рукѣ держитъ передъ собою мечъ, остріемъ кверху; въ правой, откинутой за спинку стула—копье. Круговая надпись (читая сверху отъ головы фигуры): **пєуать... авєликово івана** (послѣднія три буквы слитно).

Об. Надпись въ четыре строки: **сто. | жана | єӡвм | гоує**

На 2-мъ экземплярѣ:

Лиц. То же изображеніе. Надпись: пє.... нкоко іѡана (три послѣднія буквы слитно).

Об. Надпись сохранившихся трехъ строкъ въ бусовомъ ободкѣ: том | жана | єзѹми (послѣднія двѣ буквы слитно).

На 3-мъ экземплярѣ:

Лиц. Тоже изображеніе, но повидимому съ шапкою треугольникомъ вмѣсто короны. Круговая надпись совершенно стерта.

Об. Въ бусов. ободкѣ надпись сохранившихся трехъ строкъ:
жан | безѹми | гоѵєл

Во второй строкѣ послѣднія три буквы слитно.

Монета эта издавна обратила на себя вниманіе нумизматовъ въ виду загадочности ея надписи. Кн. Щербатовъ, въ своемъ Опытѣ о древнихъ росс. монетахъ, въ гл. 7-й [1]), находилъ, что „сія монета особливаго примѣчанія достойна ради своея странныя надписи, изъявляющей ругательство“,—такъ какъ онъ читалъ на ней: Росто жена безумна... че... „Давно уже мною примѣчена сія монета,—говоритъ онъ,—и долго я размышлялъ и искалъ въ самыхъ примѣчаніяхъ Россійскія исторіи, чтобы причину сего надписанія проникнуть“, и въ результатѣ этихъ размышленій предлагаетъ „догадку“, что на монетѣ изображена „Ростовка жена безумная“, а именно теща кн. Ѳедора Ростиславича смоленскаго и ярославскаго (1275—1284 г.), княгиня Ксенія Васильевна, рожденная княжна Ростовская, вооруженною рукою воспротивившаяся возвращенію его на Ярославское княженіе послѣ поѣздки въ Орду. Эту догадку, по мнѣнію Щербатова, подтверждаетъ и изображеніе на монетѣ, „показующее жену вооруженную мечемъ, ибо не обрѣтаемъ нигдѣ въ Росс. Исторіи, чтобы которая княгиня противу кого вооружалась; изображеніе же ея нагою, можетъ статься, въ ругательство ей было учинено“. Противъ толкованія кн. Щербатова выступилъ К. Ѳ. Калайдовичъ, доказывавшій [2]), что Жанъ Безинъ или Безунъ то же, что Иванъ Фрязинъ, денежникъ московскій, посланный вел. кн. Иваномъ III въ Римъ за царевною Софіею. „Имена Аристотеля и Александрова видимъ на монетахъ,—говорилъ онъ,—почему же и Ивану Фрязину, какъ денежнику, не выставить своего?“ Самую же надпись онъ читалъ: „Жана Безина (или Безуна) съ челобитьемъ“— по поводу заключенія его въ тюрьму за тайную пересылку къ татарамъ венеціанскаго посла. Затѣмъ, Чертковъ [3]), отвергая чтеніе Щербатова

---

[1]) Академич. Извѣстія на 1781 годъ, ч. VII. стр. 43 сл.

[2]) Труды Общ. Ист. и Древн. Росс., ч. I, стр. 51.

[3]) Описаніе Русск. монетъ, М. 1834, № 95 (изобр. на табл. V, ф. 7).

и соглашаясь повидимому съ Калайдовичемъ (хотя онъ и ставитъ вопросъ: „Откуда узналъ авторъ,—т. е. Калайдовичъ,—тождество именъ Иванъ Фрязинъ и Жанъ Безинъ? По догадкѣ?“), [1]) отнесъ разсматриваемую нами деньгу къ царствованію Ивана III [2]). Позднѣе Чертковъ сдѣлалъ рукописную приписку—примѣчаніе къ своему описанію [3]), въ которомъ говоритъ: „Существуетъ такая же съ круговою надписью; по уцѣлѣвшимъ буквамъ ея можно предположить имя Ивана Андреевича (?). Можетъ быть бита въ подражаніе Московскимъ? Такая же у Шодуара (t. 58, № 6) съ надписью: печать ве... інка. Шодуаръ относитъ ее къ Ивану III“ [4]). Къ царствованію Ивана III отнесли эту деньгу и Шубертъ [5]), на основаніи сохранившихся на лиц. ст. остатковъ круговой надписи, которую онъ читаетъ: велікиикан...асіл..., хотя къ описанію экземпляра № 311 дѣлаетъ почему-то замѣчаніе: „Монета эта сомнительна и вѣроятно поддѣльная“ (!), и Сахаровъ [6]). О томъ, какъ послѣдній понималъ надпись на ней, можно догадываться по тому, что онъ относитъ ее къ группѣ „монетъ съ надписью именъ денежныхъ мастеровъ“. Не объясняя надписи оборотной стороны, Сонцовъ отнесъ [7]) разсматриваемую нами деньгу къ княженію Ивана Михайловича тверскаго на томъ основаніи, будто „по лучшимъ экземплярамъ около изображенія прочитано: печ княз ив...ха“ [8]). Кѣмъ прочитано — авторъ не поясняетъ. Наконецъ, гр. Чапскій приписываетъ ее [9]) Ивану III, на основаніи толкованія, что „слово жан не итальянское ли Gian вмѣсто Иванъ? Благодаря итальянскому денежнику, не слѣдуетъ ли надпись читать: Осподаря Ивана всей земли Русской?“

Таковы были мнѣнія, высказанныя объ этой любопытной деньгѣ нумизматами до 1880 года. Мы видимъ, что ни въ причисленіи ея къ опредѣленному княженію, ни въ чтеніи надписи на ней, между ними далеко не достигнуто соглашенія. Что касается перваго вопроса, то, на основаніи прочитанныхъ остатковъ этой надписи, деньга несомнѣнно принадлежитъ какому-то князю Ивану. Но какому? Предположеніе

---

[1]) Прим. 57, на стр. 192.

[2]) На экземплярѣ его коллекціи имени князя, впрочемъ, не было видно. Частицу *росто*, видѣнную имъ на экземплярахъ другихъ коллекцій, онъ отказывается объяснить.

[3]) Въ его собственномъ экземплярѣ, хранящемся нынѣ въ Московск. Императ. Историч. музеѣ.

[4]) Обозрѣніе рус. и иностр. денегъ, Спб. 1841, т. II, № 204.

[5]) Описаніе рус. монетъ, Спб. 1843. ч. I, № 287, 288 и 311 и табл. IV, ф. 287 и 311.

[6]) Лѣтопись русской нумизматики, стр. 63, №№ 152—155, табл. XI, ф. 17—19.

[7]) Деньги и пулы древн. Руси, стр. 25, № 3 и табл. IX, ф. 89.

[8]) На этомъ основаніи къ деньгамъ Ивана Михайловича отнесена она и въ описаніи Тверскаго музея подъ № 1088, и въ Отчетахъ того же музея за 1889 г. (стр. 51) и за 1892 г. (стр. 57).

[9]) Удѣльныя, великокняжескія и царскія деньги древн. Руси, стр. 108, № 504.

Черткова въ пользу кн. Ивана Андреевича намъ кажется совершенно неправдоподобнымъ, такъ какъ по своему характеру разсматриваемая нами деньга не представляетъ рѣшительно ничего общаго съ деньгами этого князя. Далѣе, если вѣрить Шуберту, то деньга эта должна быть приписана Ивану III-ему, если Сонцову—то Ивану Михайловичу Тверскому. Свое мнѣніе Сонцовъ основывалъ, впрочемъ, на прочитанномъ кѣмъ-то отчествѣ великаго князя Ивана—*Мих*, т. е. Михайловича. Быть можетъ такой экземпляръ гдѣ-нибудь и существуетъ: изъ сопоставленія же двухъ лучшихъ изъ видѣнныхъ нами экземпляровъ, принадлежащихъ Имп. Историческому Музею и изображенныхъ въ началѣ нашей замѣтки, мы читаемъ круговую надпись такъ: „печать князя великово Івана“ (Івана - вязью),—безъ отчества. При всемъ томъ, на основаніи великокняжескаго титула, деньга можетъ быть приписана только Ивану III Московскому или же Ивану Михайловичу Тверскому, такъ какъ третьяго великаго князя этого имени мы не знаемъ въ XV в., къ каковому времени несомнѣнно относится по своему вѣсу разсматриваемая нами деньга. Пять экземпляровъ ея, находящихся въ Императ. Историч. Музеѣ, вѣсятъ около 68 долей. Изъ нихъ самый тяжелый вѣситъ около 15 долей, два—по 14 долей и самый легкій $12^1/_4$ долей. Средній вѣсъ другихъ извѣстныхъ намъ экземпляровъ—13—14 долей [1]), т. е. вѣсъ Московскихъ великокняжескихъ и удѣльныхъ денегъ самаго конца XIV и начала XV в. [2]). Но на основаніи этого вѣса мы должны, затѣмъ, приписать эту деньгу вел. кн. Ивану Михайловичу Тверскому (1399—1422 г.), а не Ивану III Васильевичу Московскому, средній вѣсъ денегъ котораго не превышаетъ 9 долей [3]). Принимая затѣмъ во вниманіе характеръ чекана разсматриваемой нами деньги, особенности рисунка фигуры лиц. стороны, характеръ шрифта круговой надписи, очень тонкаго и мелкаго, и внѣшнюю форму деньги, мы должны придти къ положительному заключенію, что она должна быть приписана вел. кн. Ивану Михайловичу Тверскому.

Что же касается затѣмъ надписи оборотной стороны, то, какъ мы видѣли, до 1880 г. попытки прочесть ее сдѣланы были лишь Щербатовымъ, Калайдовичемъ и гр. Чапскимъ. Неудовлетворительность этихъ попытокъ замѣчена была покойнымъ Д. И. Прозоровскимъ, который и сдѣлалъ новую попытку объяснить эту надпись [4]). Замѣтивъ, что пре-

[1]) Только у Шуберта—11 долей.

[2]) Къ сожалѣнію мысль Сахарова о значеніи вѣса для опредѣленія времени чеканки денегъ нашими нумизматами до сихъ поръ оставляется безъ вниманія.

[3]) За исключеніемъ чеканеныхъ на Новгородскую валюту (съ надписью: Осподарь всея Руси).

[4]) „О деньгахъ Жана Безина“ въ Древностяхъ, Моск. Археологич. Общ., т. VIII стр 177.

вращеніе итальянца Фрязина-Джіованни во французскаго Жана Безина или Безуна, и притомъ самимъ же Фрязинымъ, слишкомъ невѣроятно, авторъ изъ сопоставленія надписей четырехъ описанныхъ у Сахарова типовъ составляетъ слѣдующую сводную надпись: ростожа на безумнаго чело. Здѣсь слова: „на безумнаго чело(вѣка)" очень ясны; непонятно начало: „ростожа". Но если предположить, что тутъ произошла перестановка буквъ, то изъ „ростожа" можно вывести весьма понятное, употреблявшееся въ старину слово „сторожа", послѣ чего надпись получитъ такой смыслъ „сторожа (острастка) на безумнаго человѣка". Получается такимъ образомъ нѣчто въ родѣ изрѣченія, а такъ какъ на древнихъ русскихъ деньгахъ изрѣченія не употреблялись, то авторъ заключаетъ, что надпись оборотной стороны находится въ связи съ лицевою и относится къ лицу вел. князя, сидящаго на стулѣ съ мечемъ и копьемъ въ рукахъ: оборотная надпись явится прямымъ указаніемъ на гражданскую власть князя, на неусыпный надзоръ его за гражданскимъ порядкомъ и на неизбѣжность кары нарушителямъ его закона. Въ такомъ смыслѣ оборотная надпись есть продолженіе лицевой: князь великій — сторожа (т. е. гроза) на безумнаго человѣка. Толкованіе это можетъ найдти себѣ опору въ словахъ ап. Петра: „тако есть воля Божія, благотворящимъ обуздовати безумныхъ человѣкъ невѣжество". Принявъ надпись въ подобномъ значеніи, можно бы, по первому взгляду, на-скоро, заключить, что деньги эти были выбиты въ ознаменованіе самодержавія, образовавшагося по уничтоженіи удѣловъ и по освобожденіи Руси отъ ига татарскаго. Но какъ заключеніе это не согласно съ духомъ XV в., то ближе къ истинѣ будетъ предположеніе, что клейма деньги скопированы съ перстневой (?) печати великаго князя, на которой, при малости размѣра ея, первое слово могло стоять въ такомъ видѣ: сто^ро^жа, изъ чего несмѣтливый рѣзчикъ легко могъ сдѣлать слово *ростожа*. сочтя слогъ *ро* за первую строку.

Нельзя не признать объясненіе, данное проф. Прозоровскимъ загадочной надписи весьма остроумнымъ, хотя намъ кажется, что авторъ лишь напалъ на слѣдъ къ раскрытію загадки, не раскрывъ ея сполна. Весьма правдоподобно, именно, предположеніе его, о необходимости искать разгадки этой надписи въ сфрагистикѣ и о несмѣтливости рѣзчика. Подтвержденіемъ этой догадки можетъ служить куріозный экземпляръ разсматриваемой нами деньги, пріобрѣтенный Тверскимъ Музеемъ въ 1889 году [1]), на которомъ обычная надпись является въ новомъ необыкновенномъ сочетаніи, именно: езун | жана | мна | ел, т. е. обычная вторая строка поставлена первою и прибавлена лишняя буква н,

[1]) Тверской Музей и его пріобрѣтенія въ 1889 г., стр. 52.

подобно тому какъ на деньгѣ Историч. Музея № 2 тоже оказывается прибавленною къ первой строкѣ буква м. Очевидно, что въ томъ искаженномъ видѣ, въ которомъ сдѣлана была первоначальная надпись съ непонятаго рѣзчикомъ оригинала она являлась совершенно непонятною даже для современниковъ и повела къ дальнѣйшимъ искаженіямъ ея. Но при всемъ томъ объясненіе, данное Прозоровскимъ намъ кажется не совсѣмъ вѣрнымъ, именно: не великій князь сторðжа на безумнаго человѣка, какъ полагаетъ Прозоровскій, а сама печать. На лицевой сторонѣ мы читаемъ: „печать вел. князя“, а на оборотѣ—конецъ предложенія—„сторðжа на безумнаго человѣка“, при чемъ слово сторðжа употреблено не въ смыслѣ грозы или острастки, а въ смыслѣ охраны. Извѣстно, какое важное значеніе имѣла всегда въ юридическомъ бытѣ народовъ печать. Въ толковомъ словарѣ Даля приведена и русская поговорка народная: на умнаго печать, на безумнаго—замокъ. Въ данномъ случаѣ поговорка эта нѣсколько измѣнена и въ томъ же измѣненномъ видѣ мы находимъ ее и на двухъ печатяхъ [1]), хранящихся (судя по рукописной замѣткѣ гр. Уварова) въ Моск. Оружейной Палатѣ и снимки съ которыхъ мы при семъ прилагаемъ по снимкамъ, сдѣланнымъ гр. А. С. Уваровымъ и находящимся въ числѣ собранныхъ имъ матеріаловъ для русской сфрагистики (см. рис. 21). На обѣихъ печатяхъ надпись: „печать на безумнаго крѣпость“, — вполнѣ соотвѣтствующая надписи: печать—сторðжа на безумнаго человѣка.

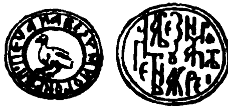

Рис. 21.

Такимъ образомъ догадка Прозоровскаго, что прототипомъ для надписей и изображенія на разсматриваемой нами деньгѣ могла послужить великокняжеская печать (только не перстневая) пріобрѣтаетъ значительную долю правдоподобія, а разсужденія Сонцова о важности изученія русской сфрагистики для нумизмата—новое подтвержденіе.

В. Уляницкій.

III.

Памятникъ XV вѣка, находящійся въ Бѣлой Палатѣ въ Ростовѣ.

Среди богатаго собранія церковныхъ и бытовыхъ древностей, находящихся въ Бѣлой Палатѣ въ Ростовѣ-Великомъ, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ надгробный памятникъ, поставленный, какъ гласитъ

[1]) Печати эти, впрочемъ, не старѣе XVI в.

надпись, въ 1458 году надъ прахомъ сына дьяка Степана—Ильи, погребеннаго у церкви Воскресенія въ Ростовѣ. Памятникъ этотъ поступилъ въ Ростовскій музей [1]) изъ церкви Іоанна Милостиваго въ Ростовѣ; деревянная же церковь Воскресенія, что на Рву, гдѣ былъ погребенъ сынъ дьяка, находившаяся на площади, близь городскаго вала, была разобрана около 1814 года, при чемъ одна часть церковныхъ предметовъ поступила въ церковь Исидора Блаженнаго, а другая—въ церковь Іоанна Милостиваго.

Памятникъ былъ дважды описанъ: въ журналѣ „Русскій Паломникъ“ за 1886 г., г. Б. и въ „Путеводителѣ по Ростовскому Музею церковныхъ древностей“ (1886 г.)—Ѳ. А. Бычковымъ. Надпись въ 20 строкъ, находящаяся на немъ, въ обѣихъ описаніяхъ скопирована мѣстами не совсѣмъ вѣрно, что̀, въ виду интереса, который она представляетъ, и заставляетъ меня вновь переиздать ее.

Рис. 22.

Памятникъ, высѣченный изъ плотнаго бѣлаго известняка, вышиною 1 арш. 3 в. и нижній стержень, которымъ онъ укрѣплялся въ могильной плитѣ,—$2^1/_4$ в., всего 1 арш. $5^1/_4$ в., толщиною $2^1/_2$ в., имѣетъ форму восьмиконечнаго креста (см. рис. 22), покрытъ очень выпуклыми, довольно тщательно высѣченными изображеніями и по краямъ обведенъ выпуклою каймою, покрытою жгутовымъ орнаментомъ. Сохранился памятникъ прекрасно, отломана только небольшая часть верхняго перекрестія и часть каймы.

Среднюю часть памятника занимаетъ шестиконечное Распятіе съ четырьмя Предстоящими въ ростъ, занимающими второе сверху перекрестіе. Около главы Христа находятся буквы **ІС. ХС.** а справа отъ Христа надпись: **Іс҃ү гл҃а мт҃рѣ жено се сн҃ъ**

[1]) См. Путеводитель по Ростовскому Музею, сост. Ѳ. А. Бычковымъ (1886 г.), стр. 8—9

твон, относящаяся къ изображенію стоящей Богоматери, около головы которой буквы мрфү (т. е. мр ѳү). Слѣва отъ Христа находится другая надпись: пото оүѵникмъ гла се мати твоа, относящаяся къ стоящему Іоанну Богослову, около головы котораго надпись Иванъ. Сзади Богоматери—одна изъ женъ Мироносицъ, на что указываетъ надпись надъ нею мироноца, а сзади Іоанна Богослова—Іосифъ Аримаѳейскій, надъ которымъ надпись Иωсиѳъ. Ниже основанія Распятія стоятъ два воина, одѣтые въ кольчуги, остроконечные шишаки и высокіе сапоги; повидимому, художникъ изобразилъ воиновъ въ современныхъ ему русскихъ доспѣхахъ; у одного воина копье, у другаго—трость съ губкою, поднятыя вверхъ. Присутствіе воиновъ поясняется надписями, находящимися надъ ними: еди воинъ копиемъ ребра прободе Исус, и: а други воинъ ωстомъ и жолъчию напалъ Ис(а). Подъ Распятіемъ изображена Голгоѳа съ Адамовой главой и съ надписью лобнина мѣсти.

Въ верхней части памятника, надъ Распятіемъ, находятся два Херувима съ надписью хирувими; надъ Херувимами—два парящихъ Ангела Михаилъ и Гаврилъ, какъ гласятъ надписи между ними; надъ Ангелами находится выпуклый изгибъ, въ формѣ дуги, можетъ быть, изображающій небесный сводъ; изъ средины дуги выходитъ рука—Десница Божія, около которой надпись—рүка; къ дугѣ прикасается другая, обращенная въ противоположную сторону, окаймляющая снизу Престолъ Божій со стоящими на немъ четырехконечнымъ крестомъ, тростью и копьемъ; по сторонамъ престола надпись пре-стол и два колѣнопреклоненныхъ Ангела съ кадилами въ рукахъ. Въ пространствѣ, образовавшемся между двумя дугами, находятся два круга съ человѣчьими лицами—солнце и луна; около праваго круга буква л (т. е. луна); очевидно, соотвѣтствующая буква с (солнце) находилась и у лѣваго круга, но эта часть памятника отбита.

По концамъ нижняго перекрестія находятся святые въ ростъ: пророкъ Илія съ ножемъ въ правой рукѣ и въ лѣвой со свиткомъ, на которомъ надпись ревнүа по (т. е. ревнуя и поревнова о Господѣ); около головы надпись сты Илиа; на другомъ концѣ перекрестія архидіаконъ Стефанъ—Степанъ—съ кадиломъ въ правой рукѣ. Оба послѣдніе святые, очевидно, патроны погребеннаго Ильи и его отца, дьяка Степана. На нижнемъ перекрестіи, на боковой, правой сторонѣ, высѣчены, повидимому позже, довольно вычурнымъ крупнымъ почеркомъ слова въ двухъ строкахъ крѣть лѣта.

Всѣ приведенныя надписи, кромѣ послѣднихъ двухъ словъ, высѣчены довольно небрежно; форма буквъ очень неровная; совсѣмъ иной характеръ носитъ надпись, занимающая нижнюю часть памятника, буквы которой

высѣчены очень тщательно и красиво; повидимому, она была сдѣлана не тѣмъ лицомъ, который изготовлялъ памятникъ и высѣкалъ верхнія надписи.

Надгробная надпись расположена въ 20 строкахъ, число которыхъ остается въ транскрипціи; для ясности разставлены только отдѣльныя слова, которыя въ надписи высѣчены почти сплошь, и раздѣлены слитныя буквы.

в лѣ. ѕ. ц. ѯ. ӡ. мца. ноѥврїа .ӡ. на па
мат сты мчнкъ .л. и. .г. в мелетї прї бла
говѣрнѣм велїком кназ васїльи васїльєвїч
всеа рус. прї велико м кн а иванѣ васїль
євїч прї мїтрополит іѡнѣ всеа рус. при къ
наз володимерѣ андрѣєвїч ростовь
ском и при єг брат и при архїєппѣ ѳеѡдсї ростовь
ском. преставїса рабъ бжїи илья стеѳновъ
снъ дьако в положе н бы в ростовѣ оу стго во
скресеннѧ. и аӡ многогрѣшныи стеѳнъ дьак ѡць є
го поставїх кртъ сї над гробо м сна своєго. и дал єсми по нем ве
лїкому воскресенню .в. деревни волково с трыӡорли
вым. да лобково с лїсїцїны м. и с тѣх деревен попу с дьяконом поло
вїна жїт. а чернїчам воскресеньскї м половї н жїт. дал єсмь вскрснию в дом. ї. ру
блев. попу .ѕ. дьакону .д. а прїкаӡываю дому воскрсниа смо
трїтї гну ивану дмїтрїевїч ӡатю. и алїксѣю полїєктовїч и єго сну
раману. а кто похоче иӡ дому воскрсниа что взати їлї тѣ деревнї
купїти илї продатї сїлно с тѣмї имѣю суд во второє прїшествїє пред
самѣм хсмь. а по сну моем ильє по вса субот поют два попа с дьяконом. вес род
нашь помїнают.

„В лѣт 6967 мца Ноеврія 7 на памят стых мчнкъ 30 и 3 в Мелеті прі благовѣрнѣм великом княз Васільи Васільевіч всея Рус прі великом княз Иванѣ Васільевіч прі мітрополит Іѡнѣ всея Рус при кънязь Володимерѣ Андрѣевіч Ростовьском и при ег брат и при архіепс(ко)пѣ Ѳеод(о)сі Ростовьском преставіся рабъ Бжіи Илья Стеѳ(а)новъ снъ дьяков положен быс в Ростовѣ оу стго Воскресения и аз многогрѣшныи Стеѳ(а)нъ дьяк о(те)ць его поставіх крстъ сі над гробом сна своего и дал есми по нем велікому Воскресению 2 деревни Волково с Трызорливым да Лобково с Лісіціным и с тѣх деревен попу с дьяконом половіна жіт а чернічам воскресньскім половін жіт дал есмь Воскрсению в дом 10 рублев попу 6 дьякону 4 а пріказываю дому Воскрсния смотріті гсну (господину) Ивану Дмітріевіч зятю и Аліксѣю Поліектовіч и его сну Раману а кто похоче из дому Воскрсния что взяти ілі тѣ деревні купіти илі продаті сілно с тѣмі имѣю суд во второе прішествіе пред самѣм Хсмь (Христомъ) а по сну моем Илье по вся субот поют два попа с дьяконом вес род нашь помінают“.

Изъ содержанія надписи видно, что лицо, поставившее надъ умершимъ сыномъ памятникъ, дьякъ Степанъ, безъ сомнѣнія былъ богатый человѣкъ, давшій на поминъ по сынѣ значительную по тому времени сумму деньгами и нѣсколько деревень. Должность дьяка, которую онъ занималъ, указываетъ на его служебное положеніе [1]). Его распоряженіе касательно отказанныхъ церкви деревень, написанное въ характерѣ духовнаго завѣщанія (приказываю-завѣщаю), выраженное въ почтительной формѣ, съ употребленіемъ слова господинъ, къ какому-то Ивану Дмитріевичу — зятю и Алексѣю Поліевктовичу, указываетъ, что и эти лица были съ извѣстнымъ положеніемъ. Опредѣлить, кто такія были эти лица, за отсутствіемъ болѣе точныхъ указаній, напр., относительно дьяка Степана [2]), невозможно, поэтому нижеприведенныя мною предположенія объ упоминаемыхъ въ надписи лицахъ, явившіяся результатомъ случайнаго, можетъ быть, совпаденія именъ въ одной и той же эпохѣ, я отстаивать не могу.

Смерть Ильи относится въ надписи къ 6967-му году отъ Сотворенія Міра, 7-му ноября, на память 33-хъ мучениковъ, иже въ Мелитинѣ. Въ половинѣ XV в. новый годъ начинался уже не съ 1-го марта, какъ это было до конца XIV в., а съ 1-го сентября, слѣдовательно, для вычисленія года отъ Р. Х., если при лѣтосчисленіи отъ Сотв. Міра находятся мѣсяцы начиная съ 1-го сентября по 1-е марта, исключается не 5508 (годъ Р. Х.), а 5509, слѣдовательно, въ данномъ случаѣ (ноябрь находится въ этомъ промежуткѣ) смерть Ильи относится къ 1458-му году.

Упоминаемый въ надписи наравнѣ съ великимъ княземъ всея Руси Васильемъ Васильевичемъ (Темнымъ) сынъ его Иванъ Васильевичъ (будущій Іоаннъ III) названъ также великимъ княземъ, каковымъ, а также и соправителемъ, онъ былъ объявленъ своимъ отцомъ въ 1450 г., съ котораго года всѣ грамоты Василья Темнаго писались отъ имени двухъ великихъ князей [3]). Затѣмъ упомянуты митрополитъ московскій и всея Руси св. Іона, ростовскіе князья Владиміръ Андреевичъ съ братомъ и архіепископъ ростовскій Ѳеодосій. Послѣдній былъ посвященъ въ епископы ростовскіе въ 1454 году: „Того же лѣта (6962) поставленъ бысть Ѳеодосій Бывалцевъ епископомъ Ростову“ [4]), а въ 1461 г. онъ былъ поставленъ въ Московскіе митрополиты на мѣсто скончавшагося святи-

---

[1]) Но это ни коимъ образомъ не фамилія Дьяковъ, какъ значится въ «Путеводителѣ» по Ростовскому Музею.

[2]) Какой это былъ дьякъ, думный, ближній; у кого находился на службѣ, у Вел. или у Удѣльн. Князя?

[illegible] Г. и Д. 1, №№ 76 и слѣд.

[illegible] V, 271.

теля Іоны. Московскую митрополію оставилъ въ 1465-мъ году, не имѣя силъ бороться съ роптавшимъ на него духовенствомъ, которое онъ преслѣдовалъ за его грубое невѣжество [1]).

Владиміръ Андреевичъ былъ однимъ изъ послѣднихъ удѣльныхъ князей Ростовскихъ, при которомъ Ростовъ былъ проданъ великому князю Московскому. Зависимыя отношенія Ростова къ Москвѣ начались еще при великомъ князѣ Иванѣ Даниловичѣ (въ 1392 г.), во время княженія Андрея Θедоровича, о чемъ читаемъ въ Ник. лѣт. [2]): „Наста насилованиe много, сирѣчь княжение великое Московское досталось князю великому Івану Даниловичю, купно же досталось и княжение Ростовское к Москвѣ. Увы, увы тогда граду Ростову, паче же і княземъ ихъ, яко отъяся отъ нихъ власть и княжение, і имение, и честь, и слава и вся прочая. И потегну къ Москве его, а изыде повеление великого князя Івана Даниловича, и посланъ бысть отъ Москвы на Ростовъ аки некиі воевода единъ отъ велможъ, именемъ Василей, прозвищемъ Кочева и с нимъ Миняі“. Они наложили на городъ „велику нужу“, боярина ростовскаго Аверкія истязали и навели такой страхъ, что многіе Ростовцы передали свои имѣнія Москвичамъ и много народу разбѣжалось въ другія княжества. Съ этого времени ростовскіе князья хотя и считались владѣтельными, но находились въ зависимости у Москвы. Иванъ Даниловичъ Калита и его преемники стали „дѣлать примыслы“ въ Ростовскомъ княжествѣ, т. е. покупать села (Богородицкое, Васильевское), а одинъ изъ князей Ростовскихъ Иванъ Андреевичъ продалъ свою часть великому князю Московскому Василію Дмитріевичу [3]). Еще въ началѣ XIV в., послѣ княженія Юрія Александровича († 1320), при его преемникахъ, дѣтяхъ князя Василія Константиновича, Θедорѣ и Константинѣ, Ростовское княжество было раздѣлено на двѣ части и притомъ такъ, что самый городъ также былъ раздѣленъ: старшій взялъ себѣ Срѣтенскую сторону, а младшій Борисоглѣбскую [4]). Раздѣленною такимъ образомъ отчиною потомки ихъ владѣли до тѣхъ поръ, пока куплею Ростовское княжество не перешло въ составъ Московскаго великаго княжества. Окончательная продажа Ростова совершилась въ 1474 г. при упоминаемомъ въ надгробной надписи князѣ Владимірѣ Андреевичѣ, владѣтелѣ Борисоглѣбской стороны, великому князю Іоанну III.

Князь Владиміръ Андреевичъ былъ одинъ изъ 6 сыновей князя

---

[1]) См. Карамзина И. Г. Р. изд. 2-е, VI, стр. 12 - 13.

[2]) IV, 204, въ повѣсти о преп. Сергіи.

[3]) Росс. род. кн. Долгорук. I, 208.

[4]) На основаніи родословныхъ, см. Великіе и Удѣльные князья Сѣверной Руси, А. В. Экземплярскаго, II, 37.

Андрея Александровича [1]), имена ихъ слѣдующія: Иванъ, по прозвищу Брюхатый, Дмитрій, Ѳедоръ, Владиміръ, Иванъ-Янъ и Петръ; который изъ его братьевъ долженъ подразумѣваться въ надписи, неизвѣстно: въ лѣтописяхъ никакихъ подробностей о нихъ нѣтъ и они извѣстны только по родословнымъ; но такъ какъ онъ былъ четвертый сынъ князя Андрея Александровича, то надобно предположить, что соправителемъ его въ 1458 г. въ Ростовѣ былъ или Иванъ-Янъ или Петръ, младшіе его братья, или же двоюродный его братъ Иванъ Ивановичъ Долгій, названный въ нижеприведенномъ мѣстѣ лѣтописи просто братомъ. О Владимірѣ Андреевичѣ сохранились извѣстія въ лѣтописяхъ подъ 1461 и 1462 гг. [2]), когда онъ былъ посланъ вел. кн. Васильемъ Васильевичемъ въ Псковъ намѣстникомъ, откуда его, впрочемъ, вскорѣ Псковичи изгнали [3]) и, наконецъ, подъ 6982-мъ годомъ ($14^{73}/_{74}$) сказано [4]): „Тое же зимы продаша великому князю Ивану Васильевичю князи Ростовстіи свою отчину половину Ростова съ всѣмъ, князь Володимеръ Андрѣевичь и братъ его [5]) князь Иванъ Ивановичь и съ всѣми своими дѣтми и зъ братаничи; князь же велики купивъ у нихъ дасть матери своей ту половину великой княгинѣ Маріи“.

Такимъ образомъ, въ дополненіе къ приведеннымъ лѣтописнымъ даннымъ о кн. Владимірѣ Андреевичѣ, нашъ памятникъ свидѣтельствуетъ, что до посылки его въ 1461 г. въ Псковъ онъ княжилъ въ Ростовѣ и затѣмъ косвенно заставляетъ предположить, что до 1458 г. старшіе братья Владиміра Андреевича уже умерли.

Объ остальныхъ лицахъ—дьякѣ Степанѣ, его зятѣ Иванѣ Дмитріевичѣ и Алексѣѣ Поліевктовичѣ, какъ я выше сказалъ, можно дѣлать только предположенія.

Щедрыя приношенія церкви Воскресенія, заключавшіяся въ двухъ деревняхъ Волковѣ и Лобковѣ съ приселками (очевидно) Лисицынымъ и Трызорливымъ, съ отдачею половины жита попу съ дьякономъ, а другой половины—черничамъ церкви Воскресенія [6]) и, кромѣ того, деньгами 20 рублей, которые онъ дѣлитъ между причтомъ и церковью,—все это свидѣтельствуетъ о богатствѣ дьяка Степана. Кажущаяся незна-

---

1) См. Ростовская старина, А. А. Титова, стр. 100.
2) П. С. Р. Л. IV, 221 и V, 33.
3) Ib. далѣе.
4) П. С. Р. Л. VIII, 180.
5) Двоюродный, сынъ роднаго брата отца Владиміра Андреевича, Ивана Александровича.
6) О черничахъ, чернецахъ, т. е. монахахъ, г. Б. говоритъ: церковь Воскресенія не была монастырскою, по крайней мѣрѣ съ 1629 г.; подъ черничами здѣсь нужно подразумѣвать просвирню и нищихъ, питавшихся Христовымъ именемъ, для которыхъ при Воскресенской церкви было устроено пять келій (Писцовая книга Ростова 1629 г., находится въ библіотекѣ А. А. Титова).

чительность суммы 20 р., съ современной точки зрѣнія, сравнительно со стоимостью деревень, на самомъ дѣлѣ не такъ мала: по вычисленію В. О. Ключевскаго [1]), русскій рубль конца XV ст., на основаніи хлѣбныхъ цѣнъ Вотьской пятины, равнялся 130 рублямъ нынѣшнимъ (1882 г.), слѣдовательно сумма въ 20 р. въ концѣ XV в. равнялась 2600 рублямъ нынѣшнимъ; если же въ половинѣ XV в. рубль былъ нѣсколько дешевле конца XV в., все же сумма въ 20 р. очень значительна.

Въ княженіе Василія Темнаго извѣстенъ одинъ дьякъ Степанъ; имя его встрѣчается въ посланіи московскаго митроп. Іоны къ королю польскому Казиміру IV, гдѣ митр. Іона является посредникомъ между обоими государями; въ упомянутомъ посланіи [2]) митрополитъ пишетъ: „А о которыхъ еси дѣлѣхъ къ нему на своихъ листѣхъ написалъ и рѣчми еси къ нему съ своимъ посломъ приказалъ, и братъ Князь Великій о всемъ къ тебѣ на своемъ листу написалъ и рѣчми къ тебѣ съ своимъ діакомъ Степаномъ приказалъ и т. д“. Слѣдовательно, для словесныхъ переговоровъ былъ посылаемъ къ Казиміру IV дьякъ Степанъ (ок. 1450 г.). Со смертью Дмитрія Юрьевича Шемяки, противника Темнаго, связано имя вѣроятно того-же дьяка Степана Бородатаго; о событіи этомъ, не подтверждаемомъ, впрочемъ, лѣтописями, г. Экземплярскій [3]) разсказываетъ слѣдующее: „...есть даже извѣстіе, что изъ Москвы въ Новгородъ (въ 1453 г.), посланъ былъ дьякъ Степанъ Бородатый, извѣстный въ то время знатокъ лѣтописей, который подговорилъ боярина Шемяки, Ивана Котова, а послѣдній княжескаго повара—дать Шемякѣ въ чемъ нибудь отраву. Поваръ далъ къ обѣду напитанную ядомъ курицу, поѣвши которой Шемяка вскорѣ и скончался“. Наконецъ позже, въ княженіе Ивана III, во время похода въ Новгородъ въ 1471 г., великимъ княземъ былъ съ собою взятъ дьякъ Степанъ Бородатый, названный въ лѣтописи [4]) дьякомъ великой княгини Марьи Ярославны: „да испроси у матери своей у великой княгини дьяка Степана Бородатаго, умѣющаго говорити по лѣтописцемъ Рускимъ: егда рече пріидуть, и онъ вспоминаетъ ему говорити противу ихъ измѣны давные, кое измѣнили великимъ княземъ въ давные времена отцемъ его и дѣдомъ и прадѣдомъ“. Повидимому, Степанъ Бородатый былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ начитанный въ лѣтописяхъ; можетъ быть, о немъ упоминаетъ лѣтописецъ Воскресенской лѣтописи [5]) въ разсказѣ

---

[1]) Русскій рубль XVI—XVIII ст., стр. 25—28.
[2]) О братствѣ и любви, см. Акты Арх. Эксп., I, стр. 36, № 49.
[3]) Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси, II, 251.
[4]) П. С. Р. Л. IV, 192.
[5]) П. С. Р. Л. VIII, 87.

о чудѣ при рожденіи Василія Темнаго: „...мнѣ же о семъ Стефанъ діакъ сказа, а о прежнемъ прореченіи старца Дементей печатникъ, а сему сказа повѣда великая княгини Марія". Хотя въ подстрочномъ примѣчаніи издатель приводитъ варіантъ этого текста по Карамзинскому списку, гдѣ вмѣсто діакъ стоитъ дьяконъ, но это, очевидно, ошибка переписчика, тѣмъ болѣе авторъ лѣтописи, повѣствуя о чудѣ, долженъ былъ, въ подтвержденіе своего разсказа, ссылаться на людей съ авторитетомъ и близко стоявшихъ ко двору великокняжескому—дьяку и печатнику; не могъ же лѣтописецъ сопоставить дьякона съ печатникомъ, такъ какъ должность послѣдняго была важною [1]), поэтому вѣрнѣе читать дьякъ, а не дьяконъ. Кромѣ того, если за дьякомъ Степаномъ, въ 1471 году., была репутація знатока лѣтописей, то ссылка лѣтописца на него, какъ на лицо, которому можно повѣрить, является понятной.

Деревни, данныя церкви, вѣроятно, находились въ Ростовской области и если прежній ихъ владѣлецъ дьякъ Степанъ дѣйствительно былъ дьякомъ Московской великой княгини, то это обстоятельство, т. е. владѣніе землею не въ предѣлахъ Московскаго великаго княжества, не можетъ дати серьезнаго повода считать его дьякомъ ростовскихъ князей, такъ какъ выше я упомянулъ, Московскіе великіе князья постепенно, покупкою, завладѣвали Ростовскою областью, а въ 1458 г., передъ окончательнымъ присоединеніемъ Ростова возможно допустить, что служилые люди Московскаго великаго князя могли имѣть собственныя земли въ предѣлахъ Ростовскаго княженія. Г-нъ Б. въ вышеупомянутой статьѣ „Надгробный памятникъ XV вѣка" говоритъ, что объ этихъ деревняхъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, такъ какъ онѣ, по всей вѣроятности, были уничтожены во время Польскаго погрома. Дѣйствительно, въ Ростовскомъ уѣздѣ деревень съ таковыми именами не встрѣчается, но за то въ другихъ уѣздахъ Ярославской губ., ихъ находимъ по нѣсколько одного и того же имени; напр. Лобково находится въ Романово-Борисоглѣбскомъ уѣздѣ; Лисицыныхъ—три деревни: одна въ Ярославскомъ, двѣ въ Мышкинскомъ уѣздахъ; Волковыхъ—11 деревень въ разныхъ уѣздахъ Ярославской губ.; только Трызорливаго я не нашелъ [2]).

Доходомъ съ этихъ деревень и была обезпечена церковь Воскресенія, а на случай своей смерти, какъ можно догадываться, дьякъ Степанъ завѣщаетъ (приказываетъ) слѣдить зятю своему Ивану Дмитріе-

[1]) См. о должности Печатника въ „Замѣткѣ къ спору о Царскомъ Архивѣ", Ив. Ег. Забѣлина, Арх. Изв. и Зам., 1894 г., стр. 246.

[2]) См. Списки населенныхъ мѣстъ, Ярославская губ.

вичу и Алексѣю Поліевктовичу съ сыномъ Романомъ, очевидно, за правильностью поступленія доходовъ, и прибавляетъ, что если кто захочетъ насильно тѣ деревни купить или продать, то съ тѣмъ будетъ имѣть судъ во второе Пришествіе.

Къ имени Ивана Дмитріевича пріурочить никого не могу, такъ какъ въ лѣтописяхъ и актахъ—служилыхъ людей въ эту эпоху съ такимъ именемъ я не нашелъ, [1]) за то имя Алексѣя Поліевктовича или Полуехтовича, дьяка великаго князя Ивана Васильевича III-го, довольно извѣстно: благодаря его стараніямъ былъ присоединенъ въ 1463 г. къ Москвѣ Ярославль:—„Въ лѣто 6971. Во градѣ Ярославлѣ, при княженіи князя Александра Өедоровича, у святаго Спаса въ монастырѣ явишася чудотворци Өедоръ Ростиславичь Смоленскыи съ дѣтми, почяло отъ гроба ихъ людей прощати [2]) много. А княземъ Ярославскымъ прощеніе же доспѣлося со всѣми вотчинами, отдавали ихъ великому князю Ивану Васильевичю, а печялованіемъ изъ старины Олексѣевымъ Полуехтовича, дьяка великаго князя. И послѣ того у нихъ Иванъ Сухой чюдеса творити почялъ по всей Ярославской вотчинѣ“ [3]). Въ 1467 году дьякъ Алексѣй Полуехтовичъ попадаетъ въ опалу по слѣдующему поводу, о чемъ довольно подробно разсказано въ Лѣтописи [4]): Въ апрѣлѣ 1467 г., умираетъ первая жена Ивана III Марья Борисовна; по какой-то причинѣ тѣло ея распухло, что подало поводъ къ толкамъ, что она была отравлена. Заподозрили жену дьяка Алексѣя Полуехтовича Наталью „тогда же вспоолѣся князь великы на Олексѣеву жену Полуектова на Наталью, иже посла поясъ съ Боровлевою женою съ подъячего казеннаго къ бабѣ [5]); тогды же на Олексѣя восполѣся, и шесть лѣтъ не былъ у него на очехъ, едва пожалова его“. Послѣ опалы, въ 1475 году, дьякъ Алексѣй Полуектовъ появляется въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ Ивана III, во время его путешествія въ Новгородъ [6]), а за годъ до этого его имя находимъ въ поручной записи И. Н. Воронцова по кн. Д. Холмскомъ [7]).

---

[1]) Въ 1429 г., въ войнѣ противъ Татаръ упоминается Московскій воевода Иванъ Дмитріевичъ (П. С. Р. Л. VI, 143; VIII, 94) и затѣмъ на службѣ у Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича (1430—1485) находился дьякъ Иванъ Дмитріевичъ, упомянутый въ мѣновой грамотѣ (Акты Юрид. № 100, стр. 135) этого князя и отчинника Өед. И. Судокова на деревни въ Бѣлозерскомъ княжествѣ; въ этой грамотѣ дьякъ Иванъ Дмитріевичъ замѣщалъ князя при мѣнѣ.

[2]) Исцѣляться.

[3]) П. С. Р. Л. IV, 148.

[4]) П. С. Р. Л. VI, 186.

[5]) Очевидно къ знахаркѣ.

[6]) См. Ист. Гос. Росс., Карамзина, VI, прим. 139. Розрядная книга Бекетова.

[7]) С. Г. Г. и Д. I, стр. 250.

Отождествлять дьяка Алексѣя Полуехтова съ упоминаемымъ въ надписи лицомъ того же имени возможно, по моему, по той причинѣ, что дьякъ Ивана III-го хлопоча „изъ старины“, съ давняго времени, о присоединеніи Ярославля къ Москвѣ, бывалъ, а, можетъ быть, и живалъ близь Ярославля или Ростова, которая причина и могла облегчить исполнить завѣщаніе дьяка Степана и если какая либо счастливая случайность поможетъ въ лицахъ, упоминаемыхъ въ надгробіи, признать дѣятелей княженій Василія Темнаго и Ивана III-го, то этотъ интересный памятникъ получитъ еще большее значеніе.

А. Орѣшниковъ.

IV.

Русскій кортикъ XVIII-го столѣтія въ Національномъ Музеѣ въ Будапештѣ.

Въ Мадьярскомъ Національномъ Музеѣ въ Будапештѣ (зала V, витрина 20-ая, № 115) хранится кортикъ, описаніе котораго мы сообщаемъ, полагая его небезъинтереснымъ для читателей „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ“.

Кортикъ этотъ находился нѣкогда въ собраніи оружія Николая Янковича, подаренномъ музею въ 1838 году, и въ рукописномъ каталогѣ собранія этого описывается онъ такъ (стр. 10): № 94. Gladius imperatoris Russorum Petri I-mi Alexievics quo exercitum suum anno 1709° contra Carolum 12-um Sveciae regem in proelium ad Pultavam duxit, pugna vero finita eundem proximae ecclesiae, gratitudinis et perpetuae memoriae causa reliquit, quemad modum inscriptione, litteris aureis per totum frameae ferrum a capula usque ad finem dispositis, textu et litteris russicis exhibetur. Praeter litteras simbola quoque varia, uti aquilam bicipitem, S. Georgium continet, ubique leonem svecicum fulminibus impetentia. Capulum gladii hujus ex aere quidem, sed insigniter inaurato, vaginaque lignea nigra pella obducta, tam supra quam infra deaurato ornamento provisa, perinde copiosas inscriptiones litteris et lingua russica continuatas, exhibet. Vaginae pars superior continet quoque cultrum et fuscilam. Въ „Путеводителѣ“ онъ описанъ слѣдующ. обр.: (Romer. Illustrirter Führer in der Münz-und Alterthümer Abtheilung des Ungarischen National Museum 2-te Ausg. Budapest. 1873. p. 37) IV. Der

Waffensaal. Kaste IV. № 6. — gehörte dem General Peter des Grossen Theodor Chodier. Die goldlettrige Inschrift vom Jahre 1720 ist ein Gebet zum heil. Georg.

Ножны длиною (0,76 шириною въ верхней части 0,055) съ одной стороны имѣютъ въ верхней части ихъ утолщеніе для ножа и вилки, нынѣ отсутствующихъ, и крючекъ для продѣванія въ отверстіе портупеи. Эта сторона, приходившаяся при ношеніи наружу, должна считаться лицевой, а потому съ нея и начинаемъ описаніе.

На верхней плоской части ноженъ, прикрывавшейся отчасти рукоятками ножа и вилки, находится вырѣзанная надпись:

Срадосˢтию · ти
н̃нѣ приносимъ
[аплявзы=applausum] ап̇лявзы егда есІ
раз̇рушилъ швец̇
[цеказы=?] кия цеказы •
виват : виват : виват

Ниже, на утолщенной ради ножа и вилки части, по сторонамъ крючка, направо, вырѣзано изображеніе ангела въ панцырѣ, съ мечемъ въ правой рукѣ и щитомъ въ лѣвой, при чемъ той же рукою держитъ онъ и крестъ шестиконечный. Надъ нимъ надпись с̃ : агг̃лъ хранітель а на лѣво : мч̃нкъ ⁝ хрі̇сто—также въ панцырѣ, съ копьемъ въ лѣвой рукѣ и кре-ѳоръ стомъ—въ правой, голова его, согласно сказаніямъ житія, звѣриная (собачья или волчья) обращена влѣво *). На обратной сторонѣ этой верхней части металлической оправы вырѣзаны слѣдующія надписи. На верхней узкой части: виват · виват · виват · виват · ан̃боне виват : ви : ва : тъ :

Такъ какъ верхняя часть (узкая) отстала отъ деревянныхъ ноженъ и можетъ сниматься и надѣваться на нихъ какъ угодно, то и нельзя сказать утвердительно, которой стороной была она обращена первоначально наружу: этой ли или той гдѣ вырѣзано „съ радостію нынѣ" etc. На оборотной сторонѣ утолщенной части:

виватъ : а нбоневи
ватъ : · виватъ *
Кто на поле воиско̑
храб̇ро поступаетъ
кто лютаго швецъ
каго л̇ва и нѣ теръ

заетъ ⁝ виват : виват
виват · виват : ан̃боне
виват виват *
ц̃рь росиски в мȣ
жест̇ве гр҃адетъ

к намъ склюн̇бра̇(?)
ми* вита и цр̃ю
пресветлеишІи
жизнь с нами
* многа *

*) Память 9 мая.

На нижней металлической части оправы ноженъ (дл. 0,165, ширина вверху 0,05) вырѣзанъ двуглавый орелъ съ большою короной выше его, вокругъ которой расположены буквы:

М
Б П
Д В
Г Ц
И корона К
П В А

(т. е. Божьею Милостію Повелѣніемъ Державнаго Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича). Отъ лѣвой лапы орла внизъ падаютъ три молніи. По сторонамъ хвоста буквы Г И, а ниже въ иномъ направленіи, по длинѣ ноженъ, 1709 подъ хвостомъ орла, а подъ правой лапой ѵтробꙋ. На обратной сторонѣ нижней части оправы вверху вырѣзана корона, ниже ея надпись въ три строки: ѡрлє рꙋсискіс пꙋ̃ті | своѧ | стъ рѣ лы

Ниже этого двуглавый орелъ съ молніями въ когтяхъ и ниже его продолженіе надписи: дабыл | вашвє | дска

По сравненію съ надписями самого клинка, очевидно, что сюда же относится и слово „утробу"; на другой сторонѣ:

Орле россійскій спусти своя стрѣлы
Дабы льва шведска утробу (пронзили).

Самый кортикъ имѣетъ съ рукояткой длину 0,89. Бронзовая рѣзная рукоятка его въ верхней части украшена львиной головой, на задней части шеи которой помѣщены другъ надъ другомъ 3 фантастическія головы en face. Дужка для защиты руки однимъ концемъ какъ бы выходитъ изъ рта какого то звѣря, а другимъ прикрѣплена винтомъ ко рту льва; продолженіе ея внизу въ другую сторону кончается также звѣриной головой, а на мѣстахъ пересѣченія съ рукояткой, съ обѣихъ сторонъ, львиныя головы. „На лепестѣ подъ эфесомъ", какъ называетъ надпись на клинкѣ полукруглый выступъ внизъ подъ рукояткою, вырѣзанъ кругъ, увѣнчанный короной, внутри котораго левъ на заднихъ лапахъ (слѣва) поражаетъ дракона, а передъ головой льва дискъ съ лицемъ en face. По сторонамъ герба двѣ фигуры съ мечами и пальмовыми вѣтвями въ рукахъ. По сторонамъ короны внизу буквы Ф и Х, т. е. „Федоръ Ходыревъ", владѣлецъ кортика. На самомъ клинкѣ (ширина вверху 0,04, въ срединѣ 0,035, внизу легкое расширеніе 0,04) на обѣихъ сторонахъ сплошь золотою насѣчкой исполнены рисунки и надписи. А кромѣ того грубо вырѣзано по фигурѣ, вродѣ полумѣсяца, ниже и выше которой выбито по парѣ шестиконечныхъ звѣздъ, помѣщенныхъ вертикально одна подъ другою. Такіе знаки находятся на обѣихъ сторонахъ клинка и представляютъ, можетъ быть, клейма мастера, изготовившаго самый клинокъ, до украшенія его насѣчками. Начинаемъ также съ лицевой стороны клинка. Вверху (собственно внизу,

т. к. изображенія и надписи на обѣихъ сторонахъ клинка идутъ вверхъ ногами, т. е. читать ихъ надо держа кортикъ остріемъ вверхъ) императорская корона, несомая двумя ангелами, вокругъ нея буквы (Б)? Д Г И — М — П В Ц К, т. е. какъ и на нижней части ноженъ: Б(ожіею) М(илостію) и т. д.

Ниже полукругомъ ПОМОЩІЮ ВЫШНѦГО, надъ полукругомъ этимъ находятся буквы П А, а ниже двуглавый орелъ съ скипетромъ и державой въ лапахъ, а вокругъ его буквы В Б Г—В—М Р И(?)

Изъ лѣвой лапы орла падаютъ молніи, а изъ подъ правой внизъ къ изображенію всадника, пронзающаго копьемъ льва, идетъ изгибаясь надпись ПОПЕРЕШИ ЛВАІЗМИ т. е. „Попереши льва и зміа“ (Псаломъ 90, стихъ 13). Ниже изображеній этихъ идетъ до самой рукоятки слѣдующая надпись въ одинъ столбецъ поперекъ клинка:

Выше Сего	и надъ гла-	таетъ понёже	,исѧ приhо́
насече̃наго	вами ѿр́ла	левъ швéцъ	сим ѡдо
золотомъ,	и менѸемы	ки увы́ м́не	л́годень
писма по́ ѿбе	ѧ, три каро	рыда́етъ.	ст́віи' ӯ бо
стороны ко	ны а подор̀	ѧра̀щасѧ,	га ти
ртика вели	ломъ имъ	на насъ сла	про́симъ,
каго и само	ѿрломъ по	вно [2]) победи́	налѧцы̀
держав́неіша	бежденныї	вы зѸбы і чѐ	успева́ні и ца
го гд̀рѧ наше	и пронзе"ныї	люсти его́ со	рствѸи во ве
го цр̄ѧ І вели	зверь левъ,	крѸшѝвы,	ки спросла,
каго ќнѧзѧ	а подол́вом́	покорѝвы се	влѧї свόіски
петра ·Алеѯі	виватъ на	го под царкі	петръ между
евича въ	шемѸ мона	си нóзе будѣ	чл̄веки вы́
сеѧ веліки	р́хѸ пс̄ма [1])	ши іли нéтъ [2])	шни воевóда
ѧ и малыѧ	зри и возгласі	побеждать	ѿгорнѧго,
и белыѧ рос̃іи	РадѸисѧ Ро	ȏ [3]) бозе˜Ра́	свéта рцéмъ
самодержца	си́іскі о̃рле	дѸитесѧ ны́	всѝ да̀пода
гербъ имѧнѸ	двое гл́авны	не всѝтѸ пре	стъ тебе г̃дь
емыї ѿрелъ	ты бо́ еси́ ны	дстоѧщи ві	многа лѣта
д́вое глав́ны"	не во все́мъ	ва́тъ на̀шъ,	многа лѣта
сподписані	мире славъ	мона̀рха вé	г̃
емъ ав́верь	ныі сла́ва	село гласѧ́	октяб авгу
хѸ герба пос́	твоѧ́ нынѣ	ще мы тебе̄	рѧ а ставъ
реди главъ	везде процве	за си̇е ра̀дѸ	,аѱѳ 1:дня 1709

[1]) Надъ этими четырьмя буквами находятся два знака: первый вродѣ латинскаго L, второй въ формѣ *Λ*, т. е. или Л или А. Нельзя ли читать слово это «псальма»?

[2]) Слово это не вполнѣ ясно написано.

[3]) Первая буква или о или ȣ; второе, кажется вѣроятнѣе.

Послѣднія 7 строкъ прикрыты уже „лепестомъ" рукоятки, а потому и плохо видны.

На другой сторонѣ клинка корона, поддерживаемая двумя ангелами надпись: орле россискі спусти своя стрѣлы.

Ниже орелъ съ молніями, а по бокамъ его вертикально:

дабы лву шведска | утробу пронзили.

Внизу левъ, поражаемый ими, а еще ниже длинная во весь клинокъ надпись:

И сей кортікъ ѿтынѳонтеріи ренцалева но лкꙋ что былъ саѕонскои гене ралскои что ны не полковни чья первои ро ты сержанта ѳедора ивано ва сна ходыре ва и на семъ ко ртике еѳесъ ре знои знамені емъ зверь име нꙋемы левъ и червоннымъ золотомъ сле пестемъ и спро тчими вещъ ми позлаще нъ а на лепесте того кортика поѳеѳесомъ за слꙋжебнои родꙋ ево ходы рева гербъ а в гербе знаменем посре-

ди вверхꙋ главъ зверей свирепого- и жестокосерда го звѣря лва, і злосердаго звѣря змия. имянꙋемыі вонебесныі сі ѧтелныи мцъ а въ мце зна мениемъ подо бна родꙋ чело веческаго пе рсона и свире пыі и жестосе рды зверь ле въ имеетъ, прекꙋ со зло сердными зверемъ со з миемъ * По правою сторонꙋ сви репыі и жесто сердыі зверь имянꙋемыі левъ а на его, лвовою гла,

вою высочаі шая и подъ е го лвовою ле вою ногою, нижаишая вонебесные, две звезды, а по левою сторонꙋ злосе рдыі зверь, имянꙋемы змиі а вкрꙋгъ лвовыя утро бы и залвомъ вравенстве, солвовою гъ лавою ѿбы звиваемыі змиевъ хобо тъ а сверхъ того его хо. дырева ро, доваго гербꙋ карона а по сторонь того гербу ѿбере. гатели с по лашами да при то

мжаназъ. наменꙋе. мыи дрꙋ гие ве, щі

1720

творяи аггль своя дхи и слꙋ ги своя пламе нь огненны архаггль ми хаіо

Арх. Михаилъ на крылатомъ конѣ, скачущемъ влѣво, поражаетъ длинною пикою въ ротъ поверженнаго крылатаго дьявола съ птичьими ногами, подъ коимъ лежитъ его брошенный трезубецъ, а вправо въ ногахъ его городъ

врагꙋ оскудеша ѻружия в конецъ и грады разꙋ шилъ его по гибе память его сшꙋмомъ.

Украшенія клинка содержатъ, такимъ образомъ, символическія изображенія побѣды Россіи надъ Швеціей, а надписи отчасти описываютъ эти самыя изображенія и рѣзную рукоятку кортика, и этими частями

не представляютъ ничего интереснаго, отчасти же содержатъ хвалебный гимнъ Петру Великому и называютъ имя владѣльца кортика, и только эти части могутъ имѣть, кажется, нѣкоторое историческое и историко-литературное значеніе.

Этотъ гимнъ: „Виватъ нашему монарху" можетъ быть транскрибированъ такъ:

Радуйся россійскій орле двоеглавный,
Ты бо еси нынѣ во всемъ мірѣ славный.
Слава твоя нынѣ вездѣ процвѣтаетъ,
Понеже левъ шведскій увы мнѣ рыдаетъ.
Ярящася на насъ славно побѣдивый,
Зубы и челюсти его сокрушивый,
Покоривый сего подъ царски си нозѣ
Будеши или нѣтъ побѣждать убозе (sic)[?]
Радуйтеся нынѣ всѣ ту предстоящи.
Виватъ нашъ монарха (sic) весело гласящи.
Мы тебѣ за сіе радуйся приносимъ,
О долгоденствіи у Бога ти просимъ.
На Ляцы (?) успѣвай и царствуй во вѣки.
Спрославл.... съ войски Петръ между человѣки.
Вышній воевода отъ горняго свѣта
Рцемъ вси, да подастъ тебѣ Господь многа лѣта.

Многа лѣта! Стоящія ниже двѣ даты октября 1-аго 1709 года и августа 1-го (безъ года) для насъ непонятны: Полтавская битва была 27 іюня 1709 г. Что же было 1 октября 1709? Не было ли въ этотъ день Покрова Богородицы какого либо торжества по случаю побѣды надъ шведами? Сходство работы и начертанія буквъ не позволяютъ относить украшеніе насѣчкою одной стороны клинка къ 1709 году, а другой къ 1720. Обѣ стороны украшены были, повидимому, одновременно, т. е. въ 1720 г. Начало надписи на другой сторонѣ: „И сей кортикъ отъ инфантеріи Ренцалева полка, что былъ Соксонскій генеральскій, что нынѣ полковничья первой роты сержанта, Ѳедора Ивановича Ходырева" требуетъ историческаго комментарія, какъ о полкѣ, такъ и о самомъ сержантѣ Ходыревѣ, котораго мы представить читателямъ сами не можемъ и ожидаемъ любезнаго содѣйствія съ ихъ стороны.

Находящаяся при изображеніи архангела Михаила повергающаго дьявола, надпись: „Творяй ангелы своя духи и слуги своя пламень огненный врагу оскудѣша оружія въ конецъ и грады разрушилъ его, погибе память его съ шумомъ" нуждается также въ объясненіи, откуда взяты слова эти и не представляютъ ли они родъ заговора, употреблявшагося

среди воинскихъ людей. Не понятнымъ остается для насъ и изображеніе рядомъ съ ангеломъ хранителемъ мученика Христофора: воинскій нарядъ его еще недостаточенъ для помѣщенія его на ножнахъ кортика, такъ какъ есть и иные, болѣе извѣстные святые воины, напр., Георгій и Димитрій.

Послѣ подробнаго описанія рѣзныхъ украшеній рукоятки (ефеса) кортика въ надписи стоитъ годъ 1720, очевидно годъ исполненія надписей, опровергающій разсказъ рукописнаго каталога собранія Янковича.

Прежній владѣлецъ кортика очевидно введенъ былъ въ заблужденіе или былъ умышленно обманутъ продавцами, придумавшими исторію о посвященіи кортика этого Петромъ Великимъ послѣ битвы при Полтавѣ въ какую-то церковь лишь для возвышенія цѣны продаваемаго предмета. Внѣшнее основаніе къ ошибкѣ или средство обмана заключалось, очевидно, въ надписи лицевой стороны клинка: „по обѣ стороны кортика В. и С. Г. Н. Ц. и В. Кн. Петра Ал. всея В. и М. и Б. Р. С. гербъ, имянуемый орелъ двоеглавый“, гдѣ родительный падежъ „Петра Алексѣевича“ ложно относили къ слову „кортикъ“, тогда какъ въ дѣйствительности онъ относится лишь къ слову „гербъ“. Очевидно владѣлецъ и составитель каталога не знали по-русски, иначе они, прочтя надпись другой стороны, поняли бы, что кортикъ былъ не Императора Петра I-го, а сержанта Ходырева. Нынѣ же лежащая въ витринѣ мадьярская объяснительная подпись правильно называетъ владѣльцемъ кортика Өедора Ходырева, а не самого Петра Великаго.

Быть можетъ, кортикъ этотъ былъ уже описанъ кѣмъ либо изъ Русскихъ, видѣвшихъ его, быть можетъ, стихотворный „виватъ нашему монарху“ извѣстенъ изъ другихъ источниковъ, быть можетъ, извѣстенъ и авторъ этого вивата, быть можетъ, наконецъ, существуютъ еще подобные кортики; но обо всемъ этомъ мы надѣемся получить свѣдѣнія отъ читателей нашего журнала, находящихся въ Россіи, а отъ лицъ, лучше насъ знающихъ языкъ того времени, ожидаемъ мы иныхъ, болѣе удачныхъ, чтеній оставшихся непонятными для насъ словъ.

Вѣна. *Я. И. С.*

V.

Обозрѣніе раскопокъ, находокъ и разныя извѣстія.

(Случайная археологическая находка). Ө. В. Покровскій, хранитель Виленскаго Музея Древностей, прислалъ редакціи слѣдующее сообщеніе:

Предметы, о которыхъ ниже будетъ рѣчь, найдены въ разстояніи одной версты отъ с. Подольскаго, Костромскаго уѣзда. Мѣсто находки лежитъ на самомъ берегу весенняго разлива Волги и представляетъ собою небольшую, поросшую мелкою ольхою, площадь, обращенную своею покатостію на Ю.,—по направленію къ Волгѣ. Съ восточной стороны площадь ограничивается крутымъ оврагомъ, въ которомъ въ дождливыя времена течетъ обыкновенно небольшой ручеекъ, въ сухое же время отъ ручейка остаются лишь кой-гдѣ лужи. Оврагъ вмѣстѣ съ ручейкомъ носятъ названіе—„Батыга". Дно оврага и, главнымъ образомъ, русло ручейка усѣяно мелкими камнями; не рѣдко попадаются, впрочемъ камни и довольно большихъ размѣровъ,—вѣсомъ въ нѣсколько десятковъ пудовъ. Изъ такихъ же камней состоитъ и верхній пластъ (на глубину, по крайней мѣрѣ 1 $^1/_2$ аршина) разсматриваемой площади съ тѣмъ впрочемъ различіемъ, что здѣсь камни перемѣшаны съ пескомъ и сверху замаскированы пластомъ растительной почвы. Ни какимъ особымъ вниманіемъ описываемое мѣсто въ настоящее время у народа не пользуется, хотя не болѣе тридцати лѣтъ назадъ тому, какъ прекратилось здѣсь погребеніе раскольниковъ, привозимыхъ иногда сюда даже изъ довольно отдаленныхъ сравнительно мѣстъ. Слѣды, едва впрочемъ замѣтные, раскольничьяго кладбища и до сихъ поръ можно наблюдать на одномъ, находящемся по сосѣдству, песчаномъ холмикѣ.

Поводомъ къ находкѣ археологическихъ предметовъ послужила эксплуатація находящагося въ описанномъ мѣстѣ камня, который доставлялся отсюда въ низовые поволжскіе города. О крестьянинѣ, собиравшемъ для отправки камни распространились, между прочимъ, среди сосѣдей слухи, что ему при копаніи камней случилось найти нѣсколько любопытныхъ, по неожиданности ихъ находки, предметовъ. Иногда даже и точно указывались самые предметы находки; такъ, напримѣръ, говорили о находкѣ металлическаго блюда, подсвѣчника и большого металлическаго креста. Послѣдній, между прочимъ, по народной молвѣ, брошенъ былъ нашедшимъ его крестьяниномъ въ Волгу, какъ предметъ для него ненужный и антипатичный (крестьянинъ—молоканинъ, единственный сектантъ среди сплошного православнаго народонаселенія). Не придавая значенія достовѣрности подобнаго рода разсказамъ, мы тѣмъ не менѣе не считали излишнимъ непосредственно повидать крестьянина, которому приписывались упомянутыя находки, тѣмъ болѣе, что мѣсто указываемыхъ находокъ и ранѣе привлекло наше вниманіе, какъ мѣсто, по своимъ географическимъ и геологическимъ свойствамъ, весьма аналогичное съ мѣстами вообще первобытныхъ населеній въ бассейнѣ Волги. Не безпричиннымъ намъ казалось и вниманіе къ нему окрестныхъ ра-

скольниковъ (приверженцевъ старины), выразившееся въ упомянутомъ выше погребеніи здѣсь умершихъ.—Какъ и слѣдовало ожидать, большинство подробностей разсказовъ о находкѣ не подтвердилось, хотя самый фактъ существованія находокъ оказался на лицо: при личномъ свиданіи, крестьянинъ представилъ намъ найденныя на мѣстѣ добыванія камней желѣзные наконечники пики и стрѣлы. Указать точно мѣсто и условія находки крестьянинъ не могъ, хотя на наши вопросы, о возможности совмѣстнаго нахожденія съ предметами костей или углей, положительно утверждалъ, что костей онъ не находилъ, угли-же какъ будто и были.

Согласившись охотно за *„на чай“* уступить намъ найденные предметы, крестьянинъ указалъ приблизительно и мѣсто самой находки. При обзорѣ этого мѣста мы уже лично извлекли выставлявшійся незначичельною своею частію изъ пересыпанной кучи песку желѣзный топоръ. Подъ вліяніемъ этой новой находки мы со всею тщательностію изслѣдовали изрытую вслѣдствіе добыванія камня площадь, но найти больше ничего не удалось. Позднѣе, по порученію упоминаемаго крестьянина, намъ передавали, что онъ припомнилъ еще находку тамъ же кашника (мѣстное названіе небольшого глинянаго горшка, въ которомъ обыкновенно приготовляютъ манную кашу) съ углями, но какъ неимѣющій положительно ни какой цѣны, кашникъ этотъ былъ имъ брошенъ. Такимъ образомъ, все количество налично существующихъ находокъ ограничивается тремя вышеуказанными предметами, изъ которыхъ, повторяемъ, два,—наконечникъ пики и наконечникъ стрѣлы, найдены были крестьяниномъ и одинъ,—желѣзный топоръ,—лично нами.

Приводимъ подробное описаніе предметовъ:

1) Общая длина наконечника пики $32^1/_2$ сантиметра, изъ которыхъ 14 падаетъ на втулку, остальные на клинокъ. Втулка обыкновенной конической формы, съ діаметромъ основанія въ 34 mm.; съ одной стороны она снабжена пробоиной для прикрѣпленія наконечника къ древку при помощи гвоздя, съ противоположной же стороны, во всю длину втулки, идетъ расщепъ, одновременный съ самымъ изготовленіемъ наконечника. Клинокъ наконечника довольно точно имитируетъ одноименную часть бронзовыхъ кинжаловъ западно-европейскаго типа. (См. напр. Ворсо: Сѣверныя древности, № 147, 153 и др.). Края его идутъ по направленію растянутой буквы S,а поперечный разрѣзъ, съ среднимъ периметромъ около 55 mm., имѣетъ форму восьмигранной площади. Въ общемъ наконечникъ пики производитъ впечатлѣніе нелишеннаго изящества кинжала и поражаетъ замѣчательною сохранностію составляющаго его металла. Послѣднее обстоятельство ясно сви-

дѣтельствуетъ о томъ, что предъ погруженіемъ въ землю наконечникъ находился подъ вліяніемъ весьма высокой температуры. Желѣзные наконечники пикъ—предметъ весьма распространенный на всемъ пространствѣ Россіи, и всѣ они болѣе или менѣе одинаковой формы: клинокъ ихъ имѣетъ видъ то овала, то сравнительно высокаго, съ закругленными углами, равнообедреннаго треугольника. Клинокъ разсматриваваемаго нами наконечника, какъ видно изъ приведеннаго выше его описанія, представляетъ нѣкоторыя отклоненія отъ этихъ обычныхъ формъ, и, при взглядѣ на него, невольно является мысль искать его прототипа среди однородныхъ предметовъ изъ бронзы.

2) Наконечникъ стрѣлы, также хорошо, какъ и предыдущій предметъ, сохранившійся, приготовленъ изъ четырехграннаго стержня, длиною въ 118 mm. и толщиною въ 3 mm., и отличается примитивною простотою своей формы: если представить расклепанный (чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ больше) на протяженіи двухъ третей обыкновенный гвоздь, то получится довольно близкая къ дѣйствительности фигура описываемаго наконечника. Очевидно, вслѣдствіе примитивности формы этого наконечника, мы не можемъ указать тождественнаго съ нимъ рисунка ни въ одномъ изъ располагаемыхъ нами довольно многочисленныхъ археологическихъ изданій, къ сожалѣнію, вообще кстати замѣтить, излишне преслѣдующихъ внѣшніе эффекты въ ущербъ полнотѣ дѣла.

3) Топоръ, по своей формѣ, принадлежитъ къ разряду такъ называемыхъ желѣзныхъ кельтовъ. Его втулка и снаружи и внутри имѣетъ форму правильнаго цилиндра, внѣшній діаметръ котораго около 40 mm., а внутренній около 30; длина втулки около 70 mm. Переходъ отъ втулки къ клинку крутой. Клинокъ, едва замѣтно расширяющійся, сравнительно съ втулкой, въ сторону топорища, въ длину имѣетъ около 80 mm., въ ширину же, у втулки, 50 mm., а у лезвея—около 70. Сохранность предмета значительно меньше, чѣмъ двухъ предыдущихъ: предъ погруженіемъ въ землю огонь если и коснулся его, то очень слабо: внутри втулки замѣтны даже слѣды дерева. Описанный предметъ находитъ для себя аналогію въ многочисленныхъ предметахъ, находимыхъ на обширномъ пространствѣ сѣверной и особенно сѣверозападной Европы (См. Каталогъ Виленскаго музея древностей, 1885 г. Отд. Г, №№ 91—97.—Rzut oka na żźódła archeologii krajowej. Tab. IV, 13.—Verhandlungen der gelehrten Estnischen Gesellschaft, 1880. B. 10, H. 2, Taf. I, 7.—Pamietnik Fizyjograficzny, 1888 г. Tom VIII, Dział IV. Tabl. VI, 2.—Ворсо. Сѣверныя древности, № 338.—Montelius. Antiquités suédoises, № 262.—J. R. Aspelin. Antiquités du

Nord Finno-Ougrien, №№ 1252, 1253, 1297, 1732, 1733, 1741, 1743, 1793, 1802, стр. 185. Въ позднѣйшее время предметы этого рода въ значительномъ количествѣ найдены въ Боркинскомъ могильникѣ, близъ Рязани), хотя аналогія эта не можетъ быть проведена до полнаго тождества. Въ противоположность большинству такъ называемыхъ желѣзныхъ кельтовъ, отличающихся большими, сравнительно съ шириною, размѣрами въ длину и такимъ образомъ имитирующихъ ближе, думается, пальставъ, чѣмъ бронзовый кельтъ, нашъ экземпляръ представляетъ гораздо больше, чѣмъ всѣ остальные, сходство съ бронзовыми кельтами, и, такимъ образомъ, если вообще справедливо мнѣніе о принадлежности желѣзныхъ кельтовъ къ первому періоду желѣзнаго вѣка, долженъ быть поставленъ въ числѣ первыхъ имитацій однородныхъ съ нимъ предметовъ изъ бронзы.

Находка трехъ предметовъ, конечно, слишкомъ недостаточна, чтобы на основаніи ея можно было дѣлать серьезныя заключенія общаго характера, поэтому, воздерживаясь отъ обобщеній, мы ограничимся указаніями нѣкоторыхъ фактовъ, могущихъ пролить нѣкоторый свѣтъ на описанную находку. Во первыхъ, отсутствіе, по сосѣдству съ найденными вещами, другихъ однородныхъ предметовъ и вообще признаковъ кладбищъ, говоритъ о существованіи здѣсь единичнаго случая погребенія. Во вторыхъ, замѣчательная сохранность пики и стрѣлы и весьма вѣроятный фактъ находки около нихъ углей и горшка съ углями характеризуетъ бывшее здѣсь погребеніе, какъ трупосожженіе. Въ третьихъ, произведенная лѣтъ тридцать тому назадъ раскопка кургана, находящагося въ разстояніи верстъ около трехъ на СВ. отъ мѣста находки, обнаружила присутствіе цѣлаго костяка съ вещами, обычными для кургановъ мерянскихъ. Въ четвертыхъ, разрушеніе кладоискателями археологическаго кладбища, находящагося отъ мѣста находки также въ разстояніи около трехъ верстъ, но на Ю.-З., обнаруживаетъ обрядъ погребенія также—не трупосожженіе. Въ пятыхъ.... Здѣсь должны слѣдовать цитаты изъ народной поэзіи, — о плечахъ бурлацкихъ изнывавшихъ подъ тяжестію бичевы, о берегахъ Волги, усѣянныхъ костями ея тружениковъ, и, въ частности, должно отмѣтить не единичный фактъ погребенія умершихъ на Волгѣ на холмѣ, находящемся въ разстояніи не болѣе 200 саженей отъ мѣста находки описанныхъ предметовъ.— Подъ вліяніемъ всѣхъ перечисленныхъ фактовъ не должна, пожалуй, казаться совсѣмъ невѣроятною мысль, —въ описанныхъ предметахъ не имѣемъ-ли мы реликвія одного изъ до-историческихъ тружениковъ Волги, нашедшаго для себя вѣчный покой на чужбинѣ, — среди иноплеменниковъ?...

——— Студентъ Московскаго Университета А. И. Яцимирскій сообщилъ редакціи слѣдующую замѣтку: Лѣтомъ 1894 г. въ Аккерманѣ, въ саду Д. Кардимиди, рабочими была открыта древняя гробница, тотчасъ же ими расхищенная. Гробница была найдена на глубинѣ полуаршина въ видѣ склепа, сложеннаго изъ мѣстнаго тёсанаго известняка, прикрытаго поперечными истлѣвшими бревнами. Рабочіе, разграбивъ склепъ, камни вынули, а углубленіе засыпали землей. Узнавъ о находкѣ гробницы, г. Яцимирскій осмотрѣлъ засыпанное мѣсто, около котораго, среди перегорѣвшихъ костей, перемѣшанныхъ съ золой и угольями, нашелъ слѣдующіе предметы: кусокъ расплавленной мѣди, желѣзный наконечникъ срѣлы, 3 лошадиныхъ зуба, черепокъ глиняной посуды, кусокъ стекла, костяную, прорѣзную, съ очень изящнымъ узоромъ, пластинку, 2 гипсовыхъ предмета (украшенія съ саркофага?), одно въ видѣ крылатаго сфинкса, другое въ формѣ аканѳа, 2 клейменыхъ амфорныхъ ручки съ неясными, къ сожалѣнію, клеймами (*ΘΑΣΙΩΝ ΛΕ.....* и *ΕΠΙ..... ΦΑ. ΕΥC*). Одинъ изъ найденныхъ въ гробницѣ сосудовъ, попавшій въ руки Евреевъ, оказался лекиѳомъ; у того же Еврея было нѣсколько монетъ съ надписью *ΤΥΡΑ*. О находкѣ и разграбленіи этой гробницы кратко упомянуто въ фельетонѣ газеты „Одесск. Нов.“, № 2995.

——— Въ засѣданіи Парижской Академіи Надписей 9 ноября (н. с.) 1894 г., между прочими докладами, было сдѣлано сообщеніе барономъ де-Баемъ (de-Baye) о находкѣ женской могилы въ Кіевѣ, восходящей ко второй половинѣ X вѣка; находку барону посчастливилось, послѣ ея открытія, увезти въ Парижъ. Содержимое могилы, представляющее, по словамъ докладчика, большой интересъ по своему происхожденію и разнообразію, слѣдующее: Двѣ бронзовыхъ вызолоченныхъ фибулы, въ формѣ черепахи; пара серебряныхъ серегъ; серебряная фибула; ожерелье изъ бусъ сердоликовыхъ, горнаго хрусталя, серебряныхъ и янтарныхъ; привѣски къ этому ожерелью, состоящія изъ креста и двухъ византійскихъ монетъ съ ушками, чеканенныхъ между 928 и 944 г., съ именами Романа I, Константина X и Стефана. Заключеніе, дѣлаемое барономъ, слѣдующее: Обѣ бронзовыя фибулы, безъ сомнѣнія, датскія и шведскія, временъ Викинговъ, и присутствіе ихъ въ Кіевѣ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, такъ какъ этотъ родъ украшеній встрѣчается только въ странахъ, куда проникли Норманы. Совмѣстная находка скандинавскихъ фибулъ и византійскихъ монетъ, объясняется, по словамъ бар. де-Бая, очень ясно: первыя происходятъ отъ сѣверныхъ завоевателей, послѣднія суть сувениры ихъ нашествій на греческую имперію. Остальные изъ перечисленныхъ предметовъ (ожерелье, серьги, и проч.) принадлежатъ къ украшеніямъ мѣстнаго происхожденія, находимымъ въ

славянскихъ курганахъ, даже языческой эпохи, что заставляетъ предполагать, что погребенная была туземкою. Въ первый разъ, говоритъ баронъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ занимается русскою археологіею, пришлось ему видѣть погребеніе, составляющее такое цѣлое, каждая часть котораго есть памятникъ археологическій и историческій.

Къ сожалѣнію, въ сокращенномъ докладѣ глухо сказано, была ли сдѣлана находка самимъ барономъ или, можетъ быть, онъ скупилъ вещи и, со словъ доставившаго ему ихъ, сдѣлалъ докладъ, а также не упомянуто подробнѣе, въ самомъ ли Кіевѣ, или въ Кіевской губ. открыта могила.

—— Состоящій начальникомъ архива при варшавской казенной палатѣ, г. Бѣляшевскій, занимаясь разборкой разныхъ, находящихся въ немъ бумагъ, нашелъ между разными цѣнными документами интереснѣйшее описаніе Кіева въ половинѣ XVII столѣтія. Описаніе это составлено очень подробно и обѣщаетъ стать въ высшей степени цѣннымъ вкладомъ въ науку. Нашлись также и нѣкоторые другіе цѣнные и при томъ очень древніе документы, изъ которыхъ нѣкоторые восходятъ чуть-ли не до XIV-го вѣка. Г. Бѣляшевскій предполагаетъ составить подробное описаніе всѣхъ найденныхъ памятниковъ. (Новости, № 261, 1894 г.).

—— Въ собраніи древностей г. Устинова въ Яффѣ, между многими любопытными предметами, находится дюжина изображеній мышей, оттиснутыхъ на бѣловатомъ металлѣ (но не на серебрѣ). С. Рейнакъ, въ „Chronique d'Orient“, по поводу этихъ изображеній, приводитъ свидѣтельство первой книги „Царствъ“ (главы 5-я и 6-я), гдѣ разсказывается о плѣненіи кивота Господня иноплеменниками, у которыхъ кивотъ пробылъ 7 мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ въ землѣ ихъ расплодились мыши, что заставило иноплеменниковъ вернуть евреямъ кивотъ съ дарами въ видѣ „пяти сѣдалищъ златыхъ и пяти мышей златыхъ“. (Rev. Arch , №№ 7—8, 1894 г., стр. 105).

—— Во время землекопныхъ работъ въ Римѣ, по словамъ „Frankfurter Zeitung“, найденъ недавно большой, въ 4 сантиметра толщины, отрывокъ древняго римскаго календаря, который по характеру буквъ принадлежитъ ко временамъ первыхъ императоровъ. Профессоръ Маруцци, который сообщилъ объ этомъ открытіи въ „Belletino archeologico“, приписываетъ время происхожденія этого календаря, по нѣкоторымъ даннымъ, ко временамъ правленія Тиверія, то есть между 768 и 769 гг. отъ осн. Рима и высказываетъ предположеніе, что онъ принадлежалъ матери Тиверія. Отрывокъ этотъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія отъ 12—22 сентября и отъ 12—19 октября. Открытіе это тѣмъ

болѣе интересно, что до настоящаго времени еще не приходилось находить ни одного календаря при раскопкахъ въ Римѣ. (Моск. Вѣд. № 301, 1894 г.).

—— По словамъ Винтера (Arch. Anz. 1894, p. 87), въ Луврѣ, въ галлереѣ Молльена (№ 3000), находится бюстъ Миѳрадата Эвпатора, изображеннаго въ видѣ Геракла, который вскорѣ будетъ изданъ въ „Ежегодникѣ Германскаго Института“. Кажется, до сихъ поръ скульптурныя изображенія этого царя не были извѣстны. (Revue Arch., №№ 7—8, p. 117).

VI.

Засѣданія Обществъ.

6-го октября 1894 г., въ новомъ помѣщеніи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, спеціально для него отведеннаго въ домѣ Государственной Канцеляріи (Литейный, 44), состоялось первое въ настоящемъ сезонѣ засѣданіе этого Общества, по отдѣленію славянской и русской археологіи, подъ предсѣдательствомъ управляющаго отдѣленіемъ, профессора С. Ѳ. Платонова. Докладчиками явились А. А. Спицынъ „Могильникъ Камской Чуди X вѣка“ и А. Е. Прѣсняковъ „О рукописи, содержащей московскій лѣтописный сводъ“. При раскопкахъ, произведенныхъ лѣтомъ этого года А. А. Спицынымъ, по порученію Императорской Археологической Коммиссіи, въ Пермской губерніи, нашему изслѣдователю впервые удалось произвести такую раскопку чудскаго могильника, что она дала болѣе ясное, чѣмъ было до сихъ поръ, представленіе объ обрядѣ погребенія у камской чуди: трупъ погребался на поверхности земли и засыпался землей изъ ямъ, которыя и окружаютъ теперь каждый подобный могильникъ. Въ обслѣдованномъ могильникѣ оказался костякъ дѣвочки и при немъ серебряная маска и другіе предметы металлическихъ украшеній.

Въ сообщеніи своемъ о рукописи, принадлежащей орловскому доктору А. Н. Лебедеву, А. Е. Прѣсняковъ указалъ на особое значеніе заключающагося въ этой рукописи московскаго лѣтописнаго свода, въ которомъ, напримѣръ, подъ 1563 годомъ, помѣщенъ столь подробный разсказъ о полоцкомъ походѣ, что статья эта представляетъ, несомнѣнно, отдѣльное сказаніе. (Нов. Вр., № 6685, 1894 г.).

---

14 октября, 1894 г. состоялось засѣданіе восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена. По предложенію предсѣдателя, собраніе почтило вста-

ваніемъ память умершихъ: молодого оріенталиста А. П. Орлова и Н. М. Ядринцева, окозавшихъ громадныя услуги востоковѣдѣнію своими археологическими открытіями въ долинѣ Орхона. Г. Н. Потанинъ прочелъ очеркъ жизни и дѣятельности покойнаго Н. М. Ядринцева.

Въ томъ же засѣданіи С. Ѳ. Ольденбургъ сдѣлалъ докладъ о геммахъ Н. Ѳ. Петровскаго, а В. В. Бартольдъ представилъ рефератъ „о слѣдахъ греческихъ миѳовъ въ Средней Азіи". В. В. Бартольдъ сообщаетъ очень интересное сказаніе о разрушеніи Самарканда, взятаго посредствомъ хитрости, напоминающей хитрость грековъ при взятіи Трои, и другое сказаніе, напоминающее миѳъ о Дедалѣ и Икарѣ. (Нов. Вр. № 6693, 1894 г.).

Въ засѣданіи Археологическаго Института, 25 октября 1894 г., проф. С. М. Середонинымъ былъ прочтенъ рефератъ „Боярскія книги". Книги эти, хранящіяся въ Архивѣ Министерства Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ, были подробно изслѣдованы докладчикомъ. Оказывается, названіе книгъ „боярскія" не соотвѣтствуетъ ихъ содержанію. Въ нихъ говорится не только о боярахъ, но и о другихъ чинахъ московскаго государства въ XVII столѣтіи. Правильнѣе назвать книги „кормленными", такъ какъ въ нихъ подробно указано жалованье служилыхъ людей, выдаваемое изъ устюжской четверти. Это жалованье съ исторической точки зрѣнія представляетъ научный интересъ. Оно подвергалось въ XVII вѣкѣ различнымъ измѣненіямъ. Прибавки зависѣли отъ участія въ различныхъ службахъ (походахъ), напримѣръ, отъ участія въ брянской, смоленской и друг. службахъ. За каждаго убитаго „мужика" во время войны полагалась прибавка въ размѣрѣ 1 руб. Особенно усиленная прибавка давалась гонцамъ, привезшимъ царю радостную вѣсть. Убавлялось жалованье за отъѣздъ со службы. Жалованье отцовъ послѣ ихъ смерти передавалось сполна, потомъ только частью дѣтямъ, при чемъ старшему сыну доставалась большая часть. Впрочемъ, эта передача къ концу вѣка постепенно исчезаетъ. Размѣры жалованья въ XVII вѣкѣ были таковы: бояре получали въ годъ отъ 1,260 р. до 40 р., окольничьи—отъ 440 р. до 61 р., думные дворяне—отъ 470 р. до 34 р., думные дьяки—отъ 265 р. до 80 р., стольничьи—отъ 267 р. до 17 р.; стряпчьи—отъ 114 р. до 15 р., полковники—отъ 111 р. до 22 р., дьяки—отъ 150 р. до 60 р., сотники—отъ 57½ р. до 6 р. (Проф. Ключевскій указываетъ, что рубль имѣлъ въ XVII вѣкѣ цѣнность, равную 17 рублямъ настоящаго времени). Передъ сообщеніемъ г. Середонина въ залѣ Археологическаго Института была отслужена панихида по основателѣ Института Н. В. Калачевѣ. Присутствовали профессора и слушатели Института во главѣ съ директоромъ А. Н. Труворовымъ (Нов. Вр., № 6705, 1894 г.).

Въ засѣданіяхъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, подъ предсѣдательствомъ В. Н. Юргевича, въ нынѣшнемъ году, происходило, между прочимъ, слѣдующее: *15 января*. Старѣйшимъ членомъ О—ва, А. А. Скальковскимъ, присланы 3 документа, касающіеся сношеній русскихъ

агентовъ съ кавказскими горцами въ началѣ XIX ст. и карта селенія Гранова съ частью Подольской губ 1724 г. А. Л. Бертье-Делагардомъ пожертвованъ рядъ древностей изъ Ольвіи, надгробный камень со слѣдами латинской надписи изъ Очакова и рядъ старинныхъ греческихъ, русскихъ и др. монетъ. *18 марта.* В. Н. Юргевичъ доложилъ о 4-хъ сосудахъ и 12 клейменыхъ ручкахъ изъ Ольвіи, при чемъ замѣтилъ, что ручки съ именами „астиномовъ", находимыя въ развалинахъ Ольвіи, приписываются издѣліямъ этого города, что докладчикомъ было опровергнуто. Затѣмъ было доложено письмо П. П. Короленко о томъ, что ему пришлось отыскать въ кубанскомъ войсковомъ архивѣ дѣло о кладахъ, отыскивавшихся въ старой турецкой крѣпости, въ Тамани. Исторія этого дѣла слѣдующая: давно носились слухи, что въ Тамани, въ крѣпости, сокрыты въ землѣ сокровища древнихъ обитателей этого края. На основаніи слуховъ о кладѣ, нѣсколько черноморскихъ казаковъ приступили въ 1824 году къ отысканію клада, но почему-то работы были остановлены. Въ 1837 году, по распоряженію командовавшаго войсками на кавказской линіи генерала Вельяминова, тѣ же казаки были вызваны и подъ наблюденіемъ эсауловъ принялись вторично за отысканіе клада. Были найдены оловянная тарелка, подъ которой оказался ключъ отъ внутренняго замка. Спустя 7 лѣтъ послѣ этого, работы по отысканію клада возобновились и 10-го октября 1845 года отысканъ былъ кладъ на глубинѣ 17 арш., заключавшійся въ древнихъ золотыхъ монетахъ. Дальнѣйшія раскопки мѣстности были воспрещены. Въ 1846 году для изслѣдованія древностей въ Тамани и другихъ мѣстахъ былъ командированъ директоръ керченскаго музея Ашикъ, который занялся раскопкой кургановъ, но доискался ли онъ клада— неизвѣстно. Въ 1847 году Ашикъ умеръ. Доводя объ этомъ до свѣдѣнія Общества исторіи и древностей, г. Короленко проситъ навести справки въ археологическихъ изданіяхъ, не было ли изслѣдовано Ашикомъ или другими археологами мѣсто, указанное однимъ изъ казаковъ Тарасюкомъ, и если нѣтъ, то не желаетъ ли Общество приступить къ розысканіямъ, при чемъ г. Короленко предлагаетъ отправиться въ Тамань для разспроса свѣдущихъ лицъ о мѣстѣ, гдѣ производились раскопки. Общество предложеніе г. Короленко отклонило. *29 апрѣля.* Доложено было письмо инспектора измаильскаго городск. училища П. Т. Коломойцева о присылкѣ имъ въ даръ Обществу рисунка вида памятника, показывающаго южный предѣлъ дуги меридіана отъ Дуная до Ледовитаго океана. Памятникъ существуетъ въ настоящее время въ предмѣстьѣ г. Измаила — Старой Некрасовкѣ, и рисунокъ съ него снятъ румынскимъ инжен. Асашемъ, по порученію румынскаго министра публичныхъ работъ Одобеско 16 февр. 1863 г. Г. Коломойцевъ прислалъ и описаніе памятника на румынскомъ и французскомъ языкахъ съ русскимъ переводомъ. На камнѣ сдѣлана слѣд. надпись: „южный предѣлъ дуги меридіана 25° 20′ отъ р. Дуная до океана Ледовитаго, чрезъ Россію, Швецію и Норвегію, по повелѣнію Августѣйшихъ Монарховъ Императоровъ Александра I, Николая I и короля Оскара I, постоянно трудясь съ 1816 г. по 1852 г., измѣрили гео-

метры трехъ народовъ 45°20 м. 28 с.". Общество постановило благодарить г. Коломойцева и просить на будущее время обращать вниманіе на остатки древностей. Затѣмъ, вице-президентъ предъявилъ собранію купленныя для музея Общества древнія вещи, а также принесенныя А. Л. Бертье-Делагардомъ неимѣвшіяся еще въ коллекціи общества монеты, между которыми есть весьма рѣдкія. Кромѣ того, г. Бертье-Делагардомъ принесены въ даръ Обществу гравюры, въ томъ числѣ раскрашенная рѣдкая 1788 г.—видъ Кинбурна и Очакова во время сраженія въ окт. 1787 г. *7 сентября*. Было доложено отношеніе Московскаго Археологическаго Общества отъ 7 іюля съ предложеніемъ, на основаніи заявленія депутатовъ О—ва на Виленскомъ Съѣздѣ, объ испрошеніи разрѣшенія у гр. Мусиной-Пушкиной, владѣлицы села Парутина, права производства раскопокъ въ Парутинѣ, и вслѣдствіи ея отказа, чтобы Общество изыскало средства къ болѣе серьезному изслѣдованію мѣстности древней Ольвіи въ одинъ назначенный гр. Мусиной-Пушкиной срокъ, и если средства не добудутся въ Одессѣ, то не найдетъ ли О—во возможнымъ ходатайствовать передъ правительствомъ совмѣстно съ Московскимъ Арх. О—вомъ и Россійскимъ Историческимъ Музеемъ, объ отпускѣ необходимой суммы на раскопки, съ тѣмъ, чтобы эти раскопки производились совмѣстно и подъ отвѣтственностью трехъ учрежденій. Общество должно было бы заинтересовать въ этомъ дѣлѣ Августѣйшаго почетнаго предсѣдателя археологическихъ съѣздовъ и Историческаго Музея — Его Императорское Высочество Великаго Князя Сергѣя Александровича, которому извѣстны древности Ольвіи и необходимость продолженія раскопокъ въ этой мѣстности, передать Его Высочеству постановленіе Виленскаго Съѣзда, отвѣтъ графини Пушкиной, просить Его покровительства въ этомъ дѣлѣ, указать на необходимость совмѣстныхъ и крупныхъ раскопокъ, которыя могли бы обогатить и подвѣдомственный Ему музей; просить Его Высочество поддержать ходатайство Обществъ присоединеніемъ къ нимъ ходатайства отъ Историческаго Музея и выразить надежду, что если бы средства нашлись, Его Высочество лично приметъ участіе въ раскопкахъ. При посредствѣ Великаго же Князя можно будетъ получить согласіе графини Мусиной-Пушкиной и весною будущаго года, выработавъ за зиму планъ раскопокъ, приступить къ дѣлу. Общество опредѣлило составить коммиссію изъ гг. Бертье-Делагарда, Успенскаго и вице-президента для обсужденія предложенія Моск. Арх. Об — ва. П. О. Бурачковымъ были принесены въ даръ Об—ву слѣдующіе предметы: золотая коробка съ гранатами, пара золотыхъ серегъ, золотой шарикъ, дутый, съ гранатами, золотая монета Льва I, неизданная мѣдная монета Скилура, золотая монета Аспурга 335 г. воспорской эры, и др. предметы.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества на основаніи § 56 его Устава.

Товарищъ Секретаря *С. Слуцкій.*

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ

ИЗДАВАЕМЫЯ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

дѣйствительнаго члена

А. В. ОРѢШНИКОВА.

Съ 42-мя рисунками въ текстѣ.

Томъ II.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
Леонтьевскій пер., д. Мамонтова
1894

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Обозрѣніе раскопокъ, находокъ, пріобрѣтеній древностей Музеями и разныя извѣстія.

Засѣданія Обществъ.

Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Засѣданіе Восточн. Комм. 9 ноября 1893 г. Докладъ В. Ѳ. Миллера: „О названіи р. Яузы". Сообщенія А. Е. Крымскаго: „О надгробной надписи изъ Казанской губ. и о книгѣ Саки-Наме". Л. З. Мсеріанца: „По этимологіи языка клинообразн. надписей Ахеменидовъ" (стр. 22—23).—Засѣданіе Слав. Комм. 3 ноября 1893 г. Докладъ В. М. Истрина: „Палейныя сказанія о столпотвореніи вавилонскомъ и объ Авраамѣ". М. И. Соколова: „Апокрифъ о службѣ тайнъ Христовыхъ".—26 ноября 1893 г. Докладъ В. Ѳ. Миллера: „Наблюденія надъ географическимъ распространеніемъ былинъ". А. Д. Карнѣева: „Новое изслѣдованіе о средне-греческой пословицѣ".—17 дек. 1893 г. Докладъ А. И. Кирпичникова: „Хожденіе Богородицы по мукамъ". П. А. Лаврова: „Вновь открытые отрывки глаголическаго Апостола". М. Н. Сперанскаго: „Письма Шафарика къ Григоровичу". Гр. П. С. Уваровой: „О предложеніи С. Рейнака основать Revue. — 23 января 1894 г. Пѣніе былинъ и стиховъ Рябининымъ. Докладъ А. В. Михайлова: „Къ вопросу о бесѣдахъ Константина". И. А. Линниченка: „Первый опытъ Славянскихъ древностей" (стр. 53 — 59). 19 ноября 1893 г. Отчетъ гг. Никольскаго и Ивановскаго о поѣздкѣ на Кавказъ. Докладъ И. А. Линниченка: „О вновь открытомъ памятникѣ временъ Изяслава Ярославича".—10 дек 1893 г. Докладъ г. Ивановскаго о поѣздкѣ на Кавказъ. В. Ѳ. Миллера: „Къ былинѣ о Вольгѣ и Микулѣ".—28 янв. 1894 г. Докладъ М. В. Никольскаго: „О раскопкахъ и изслѣдованіяхъ нѣмецкаго восточн. комит. въ Сиріи". Доклады Криштафовича, Любы-Радзиминскаго и Пича. Докладъ г. Сорокина о загадочныхъ знакахъ на монетахъ св. Владиміра.—4 февраля 1894 г. Доклады А. С. Павлова: „О началѣ Галицкой и Литовской митрополіи" и А. С. Хаханова: „Отчетъ о поѣздкѣ на Кавказъ".—Засѣданіе Восточн. Комм. 18 дек. 1893 г. Докладъ Хр. И. Кучукъ-Іоаннесова: „Сисакана". Л. З. Мсеріанца: „Къ интерпретаціи Ванскихъ надписей".—19 февр. 1894 г.

Некрологи.

№ 12 1894 г.

издаваемыя
Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ

I.

Древне-русскіе красные изразцы.

Пестрые поливные изразцы пользовались самымъ широкимъ распространеніемъ въ русскомъ зодчествѣ XVII в. Мы встрѣчаемъ ихъ на многихъ постройкахъ во всѣхъ нашихъ древнихъ городахъ. Поэтому неудивительно, что многочисленные образцы ихъ собраны у насъ во всѣхъ музеяхъ древне - русскаго искусства. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать объ нашихъ древнихъ, „красныхъ“ изразцахъ, безъ поливы. Они до сихъ поръ еще почти не были обслѣдованы въ нашей археологической наукѣ, и только раскопки послѣдняго времени дали нѣсколько образцовъ. Прилагая здѣсь снимки съ наиболѣе любопытныхъ, мы лишь попытаемся заняться ихъ опредѣленіемъ, ибо матеріалъ этотъ крайне скуденъ въ количественномъ отношеніи, а археологическая литература наша очень бѣдна свѣдѣніями объ этомъ предметѣ.

Въ статьѣ нашей „Изразцы въ древне-русскомъ зодчествѣ“ [1]) мы

[1]) См. Прохорова „Матеріалы по Истор. русск. одеждъ и обстан. жизн. народн.“, 1885 года.

привели литературу предмета, но всѣ эти источники, во 1-хъ, очень не многочисленны, а во 2-хъ, почти не касаются „красныхъ" изразцовъ.

Едва ли не первой находкой красныхъ изразцовъ „московскаго" періода являются изразцы, найденные московскимъ архитекторомъ Н. А. Шохинымъ въ Кремлѣ и опубликованные имъ въ изданіи его „Сборникъ очерковъ и детальныхъ рисунковъ русскихъ старинныхъ построекъ" (Москва, 1872 г.) и изразецъ, выкопанный графомъ Уваровымъ въ Суздалѣ. Всѣ эти изразцы хранятся въ Румянцевскомъ Музеѣ.

Затѣмъ наибольшее количество этихъ изразцовъ было найдено нами при раскопкахъ, произведенныхъ на мѣстѣ постройки памятника Императору Александру II, въ Московскомъ Кремлѣ. Собраніе это поступитъ вослѣдствіи въ Историческій Музей. Нѣкоторые изразцы его изображены на рисункахъ 25, 26, 29, 30, 31, 32, 33, 35, 36, 37, 38 и 40.

Послѣ этого, при рытьѣ подъ фундаментъ для постройки дома на Нѣмецкой улицѣ [2]), въ Москвѣ, найдены были точно также красные изразцы, показанные на рис. 23, 24, 27, 28 и 41 (верхній); и наконецъ, при производствѣ канализаціонныхъ работъ на Красной площади, въ Москвѣ, лѣтомъ того же года, былъ выкопанъ изразецъ, представленный на рис. 42. Всѣ эти находки принадлежатъ Москвѣ и Суздалю.

Но есть еще красные изразцы, которые были впервые описаны покойнымъ Л. В. Далемъ [3]) и которые образуютъ наружный поясъ дворца царевича Димитрія въ Угличѣ.

Кромѣ того, на рис. 34 мы прилагаемъ снимокъ съ изразца неизвѣстнаго происхожденія, пріобрѣтеннаго нами, путемъ покупки, у одного торговца старыми вещами въ Угличѣ.

Изучая дворецъ для составленія проекта его реставраціи, мы вмѣстѣ съ тѣмъ изучили по возможности и изразцы его пояса и считаемъ не лишнимъ сказать объ нихъ нѣсколько словъ.

Изразцы углицкаго дворца существенно отличаются, какъ мы это увидимъ ниже, отъ всѣхъ здѣсь изображенныхъ, во 1-хъ, своими размѣрами, во 2-хъ, качествомъ своего матеріала, и въ 3-хъ, своимъ назначеніемъ. Они представляютъ собою плитки, гладкія сзади, высотою 7 верш., длиною 8 вершк. и толщиною, считая рельефъ орнамента, 1 верш. [4]) Масса, изъ которой они сдѣланы, грубая, неотмученная, скорѣе

---

[2]) Изразцы найдены въ Августѣ 1893 г. на углу Нѣмецкой ул. и Кирочнаго пер. при копаніи земли подъ фундаментъ фабрики гг. Дюфурмантель, на глубинѣ 3 арш., и принесены въ даръ владѣльцами фабрики Историческому музею. *Ред.*

[3]) См. „Зодчій", 1873 г., № 1 и 1874 г., № 12.

[4]) Одинъ изъ нихъ хранится въ Историч. Музеѣ.

кирпичная, нежели терракотовая [5]). Обронный узоръ ихъ состоитъ изъ геометризированнаго орнамента, который Л. В. Даль совершенно справедливо называетъ „византійско-татарскимъ“, и дѣйствительно, если въ нижней части его стебли переплетаются на византійскій ладъ, то листья его верхней части носятъ несомнѣнный восточно-магометанскій отпечатокъ. Драгоцѣнную особенность углицкихъ изразцовъ составляетъ то обстоятельство, что они могутъ быть пріурочены къ опредѣленной датѣ. Они, несомнѣнно, современны первоначальной постройкѣ дворца, что вполнѣ подтвердилось при работахъ, произведенныхъ во время реставраціи дворца, а дворецъ этотъ былъ построенъ во 2-ой половинѣ XV в. углицкимъ княземъ Андреемъ Васильевичемъ Большимъ. Слѣдовательно, отсюда мы прямо можемъ заключить, что уже въ половинѣ XV вѣка красные изразцы были извѣстны въ Московской Руси. Фактъ для нашихъ цѣлей чрезвычайно важный!

Одного бѣглаго взгляда на всѣ приложенные здѣсь рисунки изразцовъ, за исключеніемъ 35-го и 36-го, совершенно достаточно, чтобы вполнѣ убѣдиться въ ихъ одновременности и полномъ тожествѣ техническихъ пріемовъ. Слѣдовательно, если мы опредѣлимъ эпоху для нѣкоторыхъ изъ нихъ, мы опредѣлимъ ихъ для всѣхъ. Изразцы эти отличаются отъ углицкихъ, во первыхъ, гораздо меньшими размѣрами, ибо они имѣютъ всего только $4^{3}/_{8}$ вершк. ширины и столько же высоты; толщиною они всего только $^{3}/_{8}$; высота рюмки — 2 вершка. Во вторыхъ, масса ихъ гораздо тоньше углицкой и имѣетъ всѣ качества терракотовой, отмученной. Наконецъ, въ 3-хъ, всѣ они имѣютъ сзади рюмку, чего нѣтъ въ углицкихъ изразцахъ.

Присутствіе рюмки, а равнымъ образомъ тѣ изразцы въ видѣ „городка“ или акротера, которые были найдены Н. А. Шохинымъ [6]) и нами, прямо показываютъ, что разсматриваемые нами изразцы примѣнялись къ облицовкѣ печей, а не къ украшенію фасадовъ. Такимъ образомъ, углицкіе изразцы не могутъ быть разсматриваемы по относительной грубости своего матеріала, какъ болѣе древніе образцы: тутъ прямой преемственности нѣтъ, — одни наружные и стѣнные, а другіе — внутренніе и печные. Всегда можно предположить, что умышленно изготовлялись два разныхъ сорта: одинъ — болѣе грубый, наружный; другой — болѣе тонкій, внутренній. А значитъ углицкіе изразцы не

---

[5]) Кирпичъ дѣлается изъ глины, въ которой бываетъ примѣсь песку, а терракотовыя издѣлія изъ самой чистой и нѣжной глины, отъ которой всѣ твердыя примѣси, въ родѣ мелкихъ камешковъ и песку, отдѣляются путемъ отмучиванія.

[6]) Изразцы, найденные г-мъ Шохинымъ, совершенно одинаковы съ нѣкоторыми изъ найденныхъ нами въ Кремлѣ. Срав. у него на таб. № 5 и нашъ рис. 37.

могутъ намъ послужить исходной точкой для опредѣленія времени изразцовъ московскихъ раскопокъ. Углицкіе изразцы даютъ намъ возможность лишь прочно установить тотъ фактъ, что въ XV вѣкѣ московская Русь уже знала красные изразцы.

Слѣдовательно, данныхъ для опредѣленія эпохи надо поискать въ самихъ московскихъ находкахъ, что мы и попытаемся теперь сдѣлать.

Обронныя изображенія, которыя мы видимъ на этихъ изразцахъ, сводятся къ тремъ категоріямъ:

1) Стилизованный растительный орнаментъ (см. рис. 37, 38, 39, 40, 41).

2) Изображеніе баснословныхъ и геральдическихъ существъ и животныхъ: кентавра — Китовраса, двухглаваго орла, разныхъ птицъ и, наконецъ, химеры (см. рис. 23, 30, 31, 32, 33, 34 и 36).

3) Разныя бытовыя сцены преимущественно изъ жизни военной и охотничьей (рис. 24, 25, 26, 27 и 28).

Рис. 23—24.

Изразецъ, представленный на рисункѣ 24, изображаетъ крѣпостныя стѣны, увѣнчанныя зубцами съ верхушкой въ видѣ ласточкина хвоста; надъ ними мы видимъ временныя коническія крыши, какія обыкновенно дѣлались на башняхъ. Затѣмъ между рубцами стоитъ „пищаль“ (пушка), предназначенная, судя по ея наклонному положенію, казенной частью къ низу, для „верховой“ стрѣльбы. На стѣнкахъ развѣваются знамена. Передъ крайнимъ зубцомъ стоитъ воинъ, который держитъ въ рукахъ „ручную пищаль“ (ружье), наклоняясь нѣсколько къ наружной сторонѣ

стѣны. Очевидно, часовой или воинъ, обороняющій стѣну отъ штурмующаго непріятеля.

На немъ надѣтъ короткій кафтанъ по колѣно, застегнутый спереди, расшитый, по древне-русскому обыкновенію, по всей груди петлицами и перетянутый поясомъ.

Головной уборъ такой формы, что объ немъ невозможно сказать чего либо опредѣленнаго.

Сзади воина стоитъ на рукояти, остріемъ кверху, кривой мечъ.

Обломокъ (рис. 25) изображаетъ идущихъ гуськомъ воиновъ, при чемъ первый, повидимому, знаменосецъ; говоримъ „повидимому", ибо въ рукахъ его видно одно древко, а самое знамя, къ сожалѣнію, отбито. За нимъ идетъ второй воинъ съ „пищалью" въ рукахъ; дальше видны только ноги третьяго. Одѣты они по предыдущему, въ короткіе, подпоясанные кафтаны, съ петлицами на груди. Обуты — въ высокіе сапоги, до колѣнъ; головныхъ уборовъ никакихъ нѣтъ.

Рис. 25—26.

На обломкѣ рис. 26 изображенъ приступъ къ крѣпости. Трое воиновъ лѣзутъ по лѣстницѣ; первый со знаменемъ въ рукѣ, второй, повидимому, съ пищалью; отъ третьяго видны только одни ноги. Налѣво отъ лѣстницы два ниспровергнутыхъ воина: одинъ изъ нихъ уже на землѣ, а другой еще падаетъ; нѣсколько выше его представлена, вѣроятно, его отрубленная рука. Одѣты они по предыдущему.

На прекрасно сохранившемся изразцѣ рис. 27 изображены четыре всадника, изъ которыхъ первый, судя по коронѣ, царь, стрѣляетъ изъ *лука;* непосредственно за нимъ слѣдуетъ его знаменосецъ, который держитъ въ рукахъ царское знамя; за знаменосцемъ ѣдутъ два воина вооруженные, какъ кажется, пищалями [7]). Всѣ четыре всадника

[7]) „Луками" эти части считать нельзя, ибо лукъ носился въ „налучія" и привѣшивался къ поясу, слѣдовательно выступать настолько впередъ не могъ. Кромѣ того, въ пользу „пищали" говорятъ тѣ кольца, которыя набиты на стволъ и особенно замѣтны у послѣдняго всадника. Та же острая петля, которую мы видимъ подъ стволомъ, есть не что иное, какъ перевязь для ношенія пищали за спиною.

имѣютъ колчаны со стрѣлами, привѣшенные на лѣвомъ боку, почти за спиной.

Рис. 27—28.

На всадникахъ - воинахъ надѣты шлемы, по своей формѣ очень напоминающіе такъ называемые *шишаки*. На платьѣ царя замѣтны опять петлицы; воины одѣты, повидимому, въ панцыри, застегнутые сбоку. Передъ царемъ, подъ лукомъ, изображена булава или скорѣе шестопёръ. На конѣ царя лишь одно сѣдло съ нахвостникомъ; чапрака нѣтъ. Изразецъ этотъ единственный, имѣющій надпись, къ сожалѣнію, *тарабарскую,* разобрать которую нѣтъ ни малѣйшей возможности.

На изразцѣ рис. 28, нѣсколько болѣе грубомъ по работѣ, чѣмъ предыдущій, изображенъ всадникъ въ кафтанѣ(?) съ петлицами, въ коронѣ или скорѣе шапкѣ, украшенной драгоцѣнными камнями; лицо отформовалось неудачно, но тѣмъ не менѣе ясно замѣтна остроконечная борода и длинный, прямой носъ. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ птицу, очевидно сокола или кречета, котораго онъ „спускаетъ“, судя по поднятымъ крыльямъ птицы; правою рукою всадникъ, повидимому, останавливаетъ коня, сколько можно заключить по тому обстоятельству, что у этого послѣдняго сильно оттянута назадъ нижняя челюсть; движеніе неизбѣжное при туго натянутомъ поводѣ. Надъ лѣвою рукою всадника помѣщена фигура, значеніе которой по несовершенству изображенія, опредѣлить довольно трудно: съ одной стороны, ее можно принять, по смыслу сцены, за летящую съ распростертыми крыльями птицу; а съ другой, по сходству ея внѣшней формы

съ другими окружающими, фигура эта можетъ быть простымъ продолженіемъ орнамента.

Орнаментъ, заполняющій фонъ изразца, растительный, но несомнѣнно стилизованный. Разсматривать его, какъ изображеніе лѣса, довольно трудно, потому что соколиная охота происходила всегда на открытыхъ мѣстахъ, а потому назначеніе его заключается только въ заполненіи фона.

На обломкахъ рис. 29—32 изображенъ кентавръ-китоврасъ, который стрѣляетъ изъ лука, обернувшись назадъ. Къ сожалѣнію, при рас-

Рис. 29—32.

копкахъ не было найдено остальныхъ кусковъ этого любопытнѣйшаго изображенія и, такимъ образомъ, осталась неизвѣстной голова, которая по своему убранству могла бы прибавить нѣсколько характерныхъ чертъ. Туловище коня, соединенное съ торсомъ человѣка, и, наконецъ, вооруженіе большимъ лукомъ—все это хорошо знакомыя намъ черты грекоклассическаго кентавра. Но, въ данномъ случаѣ, этотъ классическій образъ является уже значительно обрусѣлымъ: тѣло кентавра не обнажено, а облечено въ кафтанъ съ петлицами.

Растительный орнаментъ совершенно подобный предыдущему.

На обломкѣ рис. 30 изображена летящая птица, которая, весьма можетъ быть, служила дополненіемъ предыдущаго сюжета: она прихо-

дится въ лѣвомъ верхнемъ углу изразца, куда именно направлена стрѣла кентавра, и сама обернута головой въ его сторону.

На изразцѣ рис. 33 довольно грубое изображеніе двуглаваго орла; головы его, какъ бы связаныя однимъ общимъ ожерельемъ, отличаются очень большими клювами; крылья опущены внизъ. Орнаментъ, заполняющій фонъ, настолько неясенъ, что опредѣлить его значеніе крайне трудно.

Рис. 33.

Очень сходный по изображенію изразецъ былъ нами пріобрѣтенъ въ Угличѣ, отъ одного торговца древностями (рис. 34); о происхожденіи его торговецъ отозвался незнаніемъ. Изображеніе двуглаваго орла здѣсь чрезвычайно отчетливо; крылья также опущены, а на головахъ ясно видны двѣ короны; средней нѣтъ. Орелъ заключенъ въ очень правильную круглую рамку, какъ бы указывающую на то, что онъ заимствованъ съ печати. Изображенія двуглаваго орла на этихъ изразцахъ даютъ поводъ предполагать, что они предназначались для дворцовъ.

Рис. 34.

При нашихъ раскопкахъ въ Кремлѣ намп было также найдено нѣсколько поливныхъ изразцовъ съ изображеніемъ двуглаваго орла и обломка одного краснаго изразца, дословно повторяющаго рамку изразца рис. 34; недостающая средина несомнѣнно имѣла тоже изображеніе.

Красный изразецъ XVII в., найденный графомъ Уваровымъ въ 1851-мъ году въ Суздалѣ, на „воеводскомъ дворѣ“ и хранящійся нынѣ въ отдѣленіи „Русскихъ Древностей“ въ Румянцовскомъ музеѣ, точно также имѣетъ изображеніе двуглаваго орла

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію изразцовъ, изображенныхъ на рис. 35 и 36.

На первомъ изъ нихъ представлено какое-то фантастическое животное, повидимому химера, которая обороняетъ дерево съ плодами [8]), бросаясь впередъ съ выпущенными когтями. Изразецъ этотъ, найденный нами въ Кремлѣ, рѣзко отличается отъ всѣхъ предыдущихъ какъ техническимъ, такъ и художественнымъ исполненіемъ. Если при первомъ взглядѣ на прочіе изразцы видно, что они оттиснуты въ грубо вырѣзанныя деревянныя формы, то изящная и вполнѣ отчетливая техника этого послѣдняго заставляетъ предполагать форму металлическую. Далѣе—прекрасный, вполнѣ художественный рисунокъ его рѣзко отличается отъ неумѣлыхъ, крайне наивныхъ и совершенно условныхъ изображеній прочихъ изразцовъ.

Рис. 35—36.

Мягкія, спокойныя очертанія переплетающихся вѣтвей дерева вполнѣ отвѣчаютъ его безстрастному, растительному характеру; тогда какъ химера—вся огонь и энергія: быстро сорвалась она съ своего мѣста, сильно оттолкнувшись правой задней вытянутой ногой, и яростно бросилась впередъ, выпустивъ когти и прижавъ рога къ шеѣ! Общій характеръ изображенія отличается необычайной жизненностью и носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды восточнаго, персидскаго вліянія.

Перейдемъ теперь къ содержанію изображенія. Плоды на деревѣ—это золотыя яблоки; химера — это драконъ, стерегущій ихъ. Такимъ

---

[8]) Какого рода эти плоды рѣшить довольно трудно: при внимательномъ разсматриваніи оригинала можетъ показаться сперва что это виноградныя грозди; но то обстоятельство, что самый верхній плодъ не *виситъ, а держится прямо на стеблѣ*, заставляетъ отказаться отъ этого предположенія.

образомъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ крайне древнимъ и очень распространеннымъ сказаніемъ. Чтобы покончить съ этимъ изразцемъ, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, почему мы считаемъ „химерою“ изображенное здѣсь чудовище. Гомеръ описываетъ „химеру“ такъ:

„И когда онъ пріялъ злосовѣтные зятевы знаки,
„Юношѣ Беллерофонту убить заповѣдалъ Химеру
„Лютую, коей природа была отъ боговъ, не отъ смертныхъ:
„Левъ головою, задомъ драконъ и коза серединой.
„Страшно дышала она пожирающимъ пламенемъ бурнымъ“.
(Иліада, пѣснь VI, ст. 178—182).

Итакъ, по Гомеру, въ составъ „химеры“ входятъ части льва, козы и дракона. По Гезіоду, она — чудовище о трехъ головахъ, изъ которыхъ одна львиная, другая козья, третья — драконова. Позднѣйшіе авторы на разные лады соединяютъ оба эти представленія. У чудовища нашего изразца мы видимъ тѣ же составныя части, но только въ иномъ порядкѣ, чѣмъ у Гомера. Голова — съ сильно выпуклыми глазными яблоками, пригнутыми къ шеѣ рожками и остроконечной бородой подъ нижней челюстью — несомнѣнно козлиная; крылья и лапы съ длинными когтистыми пальцами,—обычная принадлежность дракона; наконецъ, нѣсколько поджарое туловище и округлый задъ съ длиннымъ хвостомъ, оканчивающимся пушистою кистью, — безусловно львиные. Итакъ, въ виду тѣхъ же составныхъ частей, т. е. козьей головы, львинаго туловища и драконовыхъ крыльевъ и лапъ, мы рѣшились считать это чудовище за изображеніе „Химеры“.

Этотъ диковинный и пока едва ли не единственный экземпляръ будетъ несомнѣнно однимъ изъ прекраснѣйшихъ украшеній коллекцій Историческаго Музея.

Обломокъ, изобр. на рис. 23-мъ, представляетъ собою птицу и растительный орнаментъ. Обломокъ этотъ интересенъ въ томъ отношеніи, что будучи найденъ при раскопкахъ въ Нѣмецкой улицѣ, онъ по характеру своего орнамента представляетъ собою полнѣйшее тожество съ изразцомъ рис. 32, найденнымъ нами въ Кремлѣ, а по техническому исполненію птичьей головы—съ кремлевскимъ же изразцомъ рис. 30 и съ углицкимъ рис. 34.

Изразецъ рис. 35 представляетъ собой орнаментъ до такой степени схожій съ поливными изразцами второй половинѣ XVII столѣтія, что онъ, внѣ всякаго сомнѣнія, относится къ тому же времени. Кувшинъ или ваза и виноградныя гроздья являются въ данномъ случаѣ характернѣйшими признаками. Что же касается до необычной, не квадратной формы изразца, то она обусловливается его назначеніемъ: на печахъ нашихъ выше карниза

дѣлалось особое зубчатое украшеніе, которое называлось „городками“ и состояло изъ поставленныхъ рядомъ изразцовъ треугольной формы— „городковъ“. Изразецъ рис. 35 представляетъ собою несомнѣнно „городокъ“ [9]). Но въ немъ есть одна особенность, которой мы въ прочихъ „городкахъ“ не замѣчаемъ,—полнѣйшее сходство его съ тѣми кивотцами для иконъ Евангелистовъ и Благовѣщенія, которые дѣлались на нашихъ царскихъ дверяхъ XVI и XVII столѣтія; кивотцы эти обыкновенно очерчены были многолопастной кривой линіей и увѣнчаны сверху тремя церковными главками. То же самое мы видимъ и здѣсь, ибо верхніе три выступа иначе и разсматривать нельзя, какъ церковныя главы, шеи которыхъ снабжены узкими вытянутыми арками и увѣнчаны грановитыми куполами, на подобіе грановитыхъ куполовъ Василія Блаженнаго или церкви Владимірской Божіей Матери у Никольскихъ воротъ въ Москвѣ. Конечно, трудно себѣ представить, чтобы набожный мастеръ XVII вѣка вздумалъ помѣстить изображеніе церкви на печи, а потому остается только предположить, что изразецъ этотъ былъ верхней, средней частью рамы, окружавшей какой нибудь вдѣланный въ каменную стѣну образъ, на подобіе того, какъ окружены рамами изъ поливныхъ изразцовъ оконныя отверзтія въ Новомъ Іерусалимѣ и въ ярославскихъ церквахъ. Впрочемъ, это наше личное предположеніе и вопросъ о назначеніи этого изразца мы оставляемъ открытымъ.

Рис. 37—38.

[9]) Такой же точно „городокъ“ представляетъ собою обломокъ рис. 31. Красный неполивной „городокъ“ былъ найденъ и опубликованъ Шохинымъ, какъ мы уже указали выше.

Рис. 37, 38, 39, 40, 41 и 42 представляетъ собою растительную орнаментику, но сильно стилизованную и не имѣющую никакихъ реальныхъ чертъ.

Относительно изразцовъ этихъ слѣдуетъ замѣтить, что обломокъ рис. 41, найденный нами въ Кремлѣ, совершенно тождественен съ изразцомъ рис. 39, найденнымъ при постройкѣ дома на Нѣмецкой улицѣ; и что изразецъ рис. 37, который былъ нами выкопанъ въ Кремлѣ, на мѣстѣ древнихъ „Приказовъ", т. е. нынѣшняго мѣста по постройкѣ па-

Рис. 39—41.

мятника Императора Александра II, почти совершенно схожъ, какъ мы уже сказали, съ упомянутымъ выше изразцомъ, найденнымъ и опубликованнымъ Н. А. Шохинымъ. Такъ какъ орнаменты этихъ изразцовъ не отличаются ни строго византійскимъ, ни восточнымъ, ни западнымъ характеромъ, то ихъ безусловно слѣдуетъ считать за чисто русское произведеніе или по крайней мѣрѣ за полную русскую переработку. Они отчасти напоминаютъ ту обронную работу, которую мы видимъ на Юрьево-Польскомъ соборѣ [10]), или на древнихъ орнаментахъ, вставленныхъ въ новую кладку стараго собора въ Можайскѣ [11]) или же

[10]) См. фотографію Борщевскаго, № 307.
[11]) Ib. № 2153.

наконецъ, русско-византійскія заставки XVI-го вѣка [12]). А поэтому если же и возможно искать здѣсь слѣды какого нибудь вліянія, то только византійскаго.

Что же касается до техническаго исполненія этихъ изразцовъ, то оно носитъ на себѣ явные слѣды техники деревяннаго „дѣла". И въ самомъ дѣлѣ всѣ эти орнаменты и всѣ эти фигуры, всё это ничто иное какъ рѣзьба по дереву, но только не выпуклая, а углубленная, въ которую уже и была оттиснута, какъ въ форму, сырая глина изразца. Въ подтвержденіе этого предположенія мы можемъ указать во 1-хъ, на деревянныя формы XVII для изразцовъ, имѣющіяся въ частномъ собраніи г-на Щукина въ Москвѣ; а во 2-хъ, на сходство орнаментовъ этихъ изразцовъ съ украшеніями нашихъ печатныхъ пряниковъ, для которыхъ точно также изготовлялись рѣзныя доски—формы, во множествѣ дошедшія до нашего времени и хорошо извѣстныя любителямъ старины.

Рис. 42.

Изучивъ такимъ образомъ подробности внѣшняго вида всего этого археологическаго матеріала, перейдемъ теперь къ тѣмъ бытовымъ формамъ, которыя могутъ послужить данными для опредѣленія эпохи.

Мы видимъ здѣсь слѣдующія несомнѣнно реальныя бытовыя формы и сцены:

1) Изображеніе двуглаваго орла (рис. 33 и 34).
2) Соколиная охота (рис. 28).
3) Платье съ петлицами (рис. 24, 25, 27, 28 и 32).
4) Шишаки (рис. 27).
5) Кривой мечъ (рис. 24).
6) Латы (рис. 27).
7) Вооруженіе лукомъ (рис. 27).
8) Пищаль-пушка (рис. 24).

---

[12]) См. Бутовскаго „Исторія Русскаго Орнамента", LV, LXXXVIII, XC, XCVII, XCVIII и XCIX.

9) Огнестрѣльное оружіе (рис. 24, 25 и 27).

10) Корона (рис. 27).

11) Знамена (рис. 24, 26 и 27).

12) Крѣпостные зубцы (рис. 24).

13) Орнаментика (рис. 23, 29, 31, 32, 35, 37, 38, 39, 40, 41 и 42).

14) Тарабарская надпись (рис. 27).

Разсмотримъ теперь каждую изъ этихъ формъ въ отдѣльности и попытаемся выяснить, что каждая изъ нихъ даётъ для опредѣленія хронологическихъ датъ.

Первая форма, съ которою мы имѣемъ дѣло, двуглавый орелъ. На обоихъ изразцахъ (рис. 33 и 34), крылья у орловъ опущены къ низу, а на груди нѣтъ никакого герба и никакихъ изображеній; кромѣ того, на одномъ орлѣ двѣ короны (рис. 34), а на другомъ коронъ вовсе не замѣтно (рис. 33). Къ сожалѣнію, эти данныя говорятъ очень мало въ пользу пріуроченія орла къ какому нибудь опредѣленному времени, ибо въ Московской Руси орелъ не имѣлъ такихъ строго опредѣленныхъ рисунковъ, къ которымъ мы привыкли за послѣднее время и благодаря которымъ мы такъ легко, напр., отличаемъ орла Александра I и Александра II. Все, что мы можемъ сказать, это то, что орелъ съ чистою грудью и опущенными крыльями примѣнялся у насъ исключительно до наступленія петербургскаго періода нашей исторіи. Принятъ-же былъ у насъ двуглавый орелъ Иваномъ III, который сталъ употреблять его съ 1497 г. [13]). Слѣдовательно, изразцы съ изображеніемъ такого орла могли появиться не ранѣе послѣднихъ двухъ лѣтъ XV вѣка.

Разберемъ въ томъ-же порядкѣ и прочіе бытовые признаки.

Соколиная охота. Соколиная охота получила у насъ особое развитіе въ царскомъ быту. Извѣстно, какъ любилъ ею тѣшиться Тишайшій Государь Алексѣй Михайловичъ. Но первое появленіе ея у насъ опредѣлить врядъ-ли возможно. Во всякомъ случаѣ, то значеніе, которое имѣютъ въ нашей народной поэзіи „ясный соколъ“ и „бѣлый кречетъ“, и одна статья Русской Правды, гласящая такъ, „а о же украдуть чюжь песъ, любо ястребъ, любо соколъ, то за обиду 3 гривны“ — заставляютъ отодвинуть появленіе соколиной охоты на первыя-же страницы нашей исторіи. Слѣдовательно, на основаніи этой бытовой сцены мы никакого хронологическаго вывода сдѣлать не можемъ.

Платье съ петлицами. Петлицы на груди составляютъ старин-

---

[13]) См. Карамзинъ, прим. 98 къ тому VI.

ное убранство славянской и, въ частности русской, мужской одежды. Они примѣнялись, очевидно, очень издавна и очень долго, потому что мы видимъ ихъ и въ миніатюрахъ лицевого подлинника Императора Василія Македонянина IX—X в. [14]) и на кафтанѣ царя Петра Алексѣевича, опубликованномъ въ „Древностяхъ Государства Россійскаго" покойнаго Солнцева. Слѣдовательно, эта бытовая особенность, подобно предъидущей не можетъ намъ дать никакой, даже и приблизительной даты, для опредѣленія времени изготовленія нашихъ изразцовъ.

Шишаки.—Шишакомъ называется родъ шлема, оканчивающагося къ верху съуженною, въ видѣ тонкой вытянутой трубки, частью. Трубка эта называлась шишомъ и заканчивалась яблокомъ. Самый шишакъ состоялъ изъ вѣнца (нижней части) и вершья (верхней части) и украшался иногда надписями [15]). Названіе „шишакъ" встрѣчается уже въ XIV вѣкѣ, какъ, напр., въ духовномъ завѣщаніи Великаго Князя Іоанна Іоанновича 1356 г. [16]). Такіе-же шишаки мы видимъ между прочимъ въ миніатюрахъ „Сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ", XIV в., у царевича Іоанна Іоанновича, сына Ивана Грознаго, и наконецъ въ миніатюрахъ „Царственнаго Лѣтописца", (половины XVII в. [17]). Слѣдовательно, эта форма головного убора даетъ намъ возможность отнести эти изразцы къ періоду времени съ XIV по XVII в. включительно. Періодъ—сравнительно значительный, но все-же довольно опредѣленный. Если-же мы примемъ во вниманіе замѣчательное сходство формы шишаковъ изразца рис. 27, съ шишакомъ царевича Іоанна Іоанновича, хранящемся въ Московской Оружейной Палатѣ [18]), то невольно остановимся на срединѣ вышеопредѣленнаго періода и выберемъ XVI вѣкъ.

Кривой мечъ. Кривые мечи появились у насъ подъ восточнымъ вліяніемъ, а значитъ послѣ татарскаго нашествія. Слѣдовательно, на основаніи этого признака мы можемъ только сказать, что изразцы эти сдѣланы не ранѣе половины XIII вѣка.

Латы. Латы, которыя надѣты на всадникахъ (рис. 27), очень неопредѣленной формы; видно только, что они состоятъ изъ нагрудника и наспинника, соединявшихся между собой съ боку; но этого слишкомъ мало, чтобы отнести латы эти къ какому нибудь опредѣленному времени. Всё, что мы можемъ сказать на этомъ основаніи, заключается въ томъ, что изразцы наши сдѣланы не позже половины XVII в., когда латы почти

---

14) См. Прохорова „Матеріалы по Исторіи Русскихъ одеждъ". 1881 г., стр. 56.

15) См. Бранденбургъ, Истор. каталогъ С.-Петерб. Артилл. музея, стр. 180.

16) Собраніе госуд. грамотъ и договороовъ, т. I, № 25.

17) См. „Сказанія о князьяхъ и царяхъ земли русской"—изданіе Археографической Коммиссіи.

18) См. Др. Гос. Рос. Отд. III, листъ № 9.

совсѣмъ вышли изъ употребленія, если только положить за неоспоримое, что гончаръ-художникъ, дѣлавшій эти изразцы, изображалъ современныхъ ему воиновъ.

Вооруженіе лукомъ. Вооруженіе это ведетъ начало изъ глубокой древности и продержалось у насъ очень долго, гораздо позже появленія огнестрѣльнаго оружія, даже до половины XVII в., какъ мы это видимъ изъ извѣстной грамоты царя Михаила Өеодоровича къ Псковскому воеводѣ 1643 года: „а которые (люди) ѣздятъ съ саадаки [19]) и у тѣхъ людей къ саадакомъ было по пистолю или по карабину; а которые будутъ за ними въ полкахъ, а ѣздятъ съ саадаки и лучною стрѣлкою владѣютъ, и тѣ-бъ люди, были въ саадакѣхъ“ [20])... При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ вводится уже однобразное вооруженіе огнестрѣльнымъ вооруженіемъ.

Слѣдовательно, на этомъ основаніи мы можемъ заключить, что изразцы эти сдѣланы не позже первой половины XVII вѣка.

Пищаль или пушка. Первыя огнестрѣльныя орудія появились въ Россіи въ концѣ XIV столѣтія. „Въ лѣто 6897 (1389 г.) вывезли изъ Нѣмець арматы на Русь“, говоритъ Голицынская лѣтопись, „и огненную стрѣльбу и отъ того часу уразумѣли изъ нихъ стрѣляти“ [21]).

Первыя пушки назывались у насъ большею частью „пищалями“ и на нашемъ изразцѣ (рис. 24), мы, конечно, видимъ подобную „пищаль“. Здѣсь опять таки изображеніе пушки столь мало по размѣрамъ, что въ немъ нѣтъ никакихъ признаковъ вѣка. Поэтому, на основаніи его мы можемъ только заключить, что изразцы эти не старше конца XIV в.

Огнестрѣльное оружіе. Первое появленіе у насъ ручного огнестрѣльнаго оружія слѣдуетъ отнести къ XV вѣку; но свѣдѣнія о немъ чрэзвычайно скудны. Древнѣйшія образцы его XV вѣка были доставлены изъ Тихвинскаго Богородицкаго и изъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря на московскую Политехническую Выставку 1872 г. Вѣсъ ихъ такъ великъ, что дѣйствовать ими было можно только съ зубцовъ стѣнъ или чего нибудь подобнаго [22]).

Слѣдовательно, изображенные на рис. 24, 25 и 27 „ручныя пищали“ не могутъ относится къ этой категоріи огнестрѣльнаго оружія,

---

[19]) „Саадакомъ“ называлось полное лучное вооруженіе, т. е. лукъ съ налучьемъ (чахломъ) и колчанъ со стрѣлами и тохтуемъ (тоже чахломъ).

[20]) См. Бѣляева — „О русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Өедоровича“, стр. 23.

[21]) См. Ласковскаго „Матер. для Истор. Инж. Искус. въ Россіи“, часть I, стр. 212.

[22]) Объ этомъ см. у Бранденбурга „Артилл. искусс. на Руси въ пер. до-Петровскій“, стр. 241-я.

ибо на изображеніяхъ конные и пѣшіе воины держатъ ихъ въ рукахъ. Но затѣмъ ружейное дѣло уже значительно развивается и въ XVI столѣтіи мы видимъ въ нѣкоторыхъ городахъ конницу и пѣхоту, вооруженную огнестрѣльнымъ оружіемъ, напр., въ Новгородѣ, какъ это видно изъ „розмётнаго списка" 1545 года. „Да съ Ноугородцкихъ посадовъ, да съ пригородовъ съ посадовъ,—говорится тамъ,—и съ рядовъ и съ погостовъ, нарядити двѣ тысячи человѣкъ пищальниковъ, половина ихъ 1,000 человѣкъ конныхъ, а другая половина 1,000 человѣкъ пѣшихъ"..... (Акты Арх. Эксп., т. I, № 205) [23]).

Для сопоставленія не лишнимъ будетъ привести лѣтописное свидѣтельство половины предыдущаго, т. е. XV вѣка. Въ Никоновской лѣтописи подъ 1444 г. значится: „а пѣшая рать многа собрана быша съ ослопы, съ топоры и съ рогатины".

И такъ, если въ концѣ первой половины XV столѣтія нѣтъ вовсе огнестрѣльнаго оружія въ цѣлой „большой" рати, во второй половинѣ этого столѣтія оно уже появляется, но еще столь тяжелое, что безъ подставки изъ него стрѣлять нельзя, а въ половинѣ XVI столѣтія имъ уже вооружаются двухтысячные отряды, то по логикѣ вещей мы должны заключить, что оно стало распространяться у насъ никакъ не раньше конца XV или начала XVI столѣтія. Слѣдовательно и наши изразцы не могутъ быть древнѣе этой эпохи.

Смущаться одновременнымъ изображеніемъ на изразцѣ рис. 27 и лука и пищалей намъ нечего: если одновременное вооруженіе лукомъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ допускалось, какъ мы это видимъ изъ вышеприведеннаго указа царя Михаила Ѳедоровича, даже въ такое сравнительно позднее время, какъ XVII в., то, слѣдовательно, нечего и говорить о переходной эпохѣ конца XV—начала XVI столѣтія.

Корона. Корона, надѣтая на царя, на изображеніи изразца рис. 27, имѣетъ весьма типичную форму и внѣ всякаго сомнѣнія относится къ XVI столѣтію. Въ доказательство этого сошлемся на знаменитую катапетазму, пожертвованную Иваномъ Грознымъ въ 1556 году въ Хиландарскій монастырь на Аѳонѣ [24]). Тамъ, въ каймѣ съ правой стороны, въ шестомъ клеймѣ сверху, изображена на св. князѣ Владимірѣ точно такая же корона.

Знамена. Знамена, представленныя на изразцахъ рис. 24, 26 и 27, слишкомъ „общи" по своей формѣ и потому никакихъ опредѣленныхъ указаній не даютъ.

[23]) См. Бѣляевъ, стр. 45.

[24]) Рисунокъ см. у Прохорова („Христіанск. Древн. и Археол.", 1865 г., стр. 134, книжка VI).

Крѣпостные зубцы. Крѣпостные зубцы съ раздвоеннымъ верхнимъ концомъ (на подобіе ласточкина хвоста), которые мы видимъ на изразцѣ рис. 24, совершенно подобны зубцамъ московскаго Кремля— форма эта чисто итальянская. Она сохранилась во многихъ мѣстахъ въ Италіи и до настоящаго времени: мы видимъ ее и въ Венеціи—на стѣнахъ арсенала, и въ Болоньи — на Foro dei Mercanti, и въ Пьяченцѣ—на Palazzo Comunale и во многихъ другихъ городахъ. Къ намъ она была занесена первыми строителями итальянцами, каковы—Антонъ Фрязинъ (1469 г.), Аристотель Фіоравенти (1475 г.), Марко Фрязинъ (1490 г.) и др. Такъ какъ всѣ они прибыли во второй половинѣ XV вѣка, то, слѣдовательно, изразецъ этотъ изготовленъ ни въ какомъ случаѣ не раньше этого времени.

Орнаментика. Орнаментика, какъ мы уже видѣли, отличается нѣкоторымъ сходствомъ съ самыми поздними постройками Владиміро-Суздальскаго періода и ранними постройками Московскаго періода и кромѣ того носитъ на себѣ кое-какіе слѣды византійскаго вліянія. Но съ Ивана III, т. е. съ появленія итальянскихъ мастеровъ, появляются въ нашихъ каменныхъ „рѣзяхъ“ и „басменныхъ“ окладахъ новые, западные мотивы, которые мы видимъ на дверяхъ Благовѣщенскаго собора въ Кремлѣ, на церкви Чуда Архангела Михаила, въ Чудовомъ монастырѣ въ Москвѣ, и во многихъ другихъ мѣстахъ не исключая и царскаго мѣста XVI в. въ св. Софіи Новгородской, копія съ котораго находится въ Историческомъ Музеѣ. Мотивы эти переходятъ въ XVII вѣкѣ и тамъ, во 2-ой половинѣ его, въ русской передѣлкѣ, являются почти повсюду основою нашей рѣзной и обронной орнаментики всякаго рода, начиная съ царскихъ вратъ и кончая архитектурными украшеніями и изразцами.

Полное отсутствіе какого бы то ни было итальянскаго вліянія въ орнаментикѣ разбираемыхъ нами изразцовъ, за исключеніемъ рис. 35, заставляютъ отнести эти изразцы къ тому времени, когда эти новыя вліянія не получили еще широкаго распространенія и не проникли въ глубь старорусскаго художества, т. е. къ первой половинѣ XVI столѣтія.

Тарабарская надпись. Надпись эта, сдѣланная на изразцѣ рис. 27, по опредѣленію А. Ѳ. Бычкова, заключаетъ въ себѣ палеографическіе признаки конца XV в. и начала XVI в., а слѣдовательно можетъ быть поставлена на рубежѣ обоихъ столѣтій.

Сводя теперь всѣ сдѣланныя выше хронологическія опредѣленія и принимая во вниманіе всѣ тѣ сроки, раньше и позже которыхъ разсмотрѣные нами изразцы не могли появиться на свѣтъ Божій, мы,

съ нѣкоторою увѣренностью, можемъ отнести всѣ ихъ, за исключеніемъ 35-го и 36-го, къ началу XVI столѣтія; что касается до изразца рис. 85, то принадлежность его къ XVII вѣку, какъ мы уже говорили, несомнѣнна.

Относительно изразца рис. 36 можемъ только сказать, что по приближенію его техники къ предыдущему образцу, а не ко всѣмъ прочимъ, [25]) мы должны отнести его ко второй половинѣ XVI в.

Вотъ пока все, что можно было сказать на основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ данныхъ. А затѣмъ надо ждать новыхъ находокъ, которыя могутъ пролить новый свѣтъ на этотъ любопытнѣйшій вопросъ.

Н. Султановъ

Петербургъ.
4-го Декабря 1894 года.

II.

Два памятника старинной русской письменности.

Въ одномъ изъ засѣданій Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, я уже имѣлъ случай говорить о семейномъ архивѣ г. Маслова, о его составѣ и печальной судьбѣ [1]). Два памятника, о которыхъ я намѣренъ вести рѣчь въ настоящей замѣткѣ, получены мною оттуда-же и представляютъ собою столь много любопытнаго, что въ значительной степени усугубляютъ наше сѣтованіе по поводу того, что бо̀льшая часть сего архива погибла для насъ безвозвратно. Оба эти памятника относятся къ одному и тому же времени, оба они преслѣдовали, въ свое время, весьма близкія, другъ къ другу, практическія цѣли и, весьма вѣроятно, касались оба одного и того же лица [2]). Первый изъ нихъ—такъ называемый заговоръ противъ разныхъ болѣзней вообще, второй—рядъ наставленій, рецептовъ, выражаясь современнымъ языкомъ, какъ составлять снадобья для лѣченія, въ разныхъ случаяхъ, „утробной“ болѣзни.

Первый памятникъ—заговоръ противъ разныхъ болѣзней вообще—

[25]) Размѣры его также иные: имѣетъ всего $3^1/_2$ вершка высоты и ширины.

[1]) См. Древности, т. XV, сообщеніе: Отрывокъ изъ былины объ Алешѣ Поповичѣ по списку XVII вѣка.

[2]) Это предположеніе основано на томъ, что оба они находились въ одной связкѣ разныхъ бумагъ, касающихся службы И. А. Маслова. Въ этой-же связкѣ находился еще тропарь и кондакъ Св. Іоанну, ученику Григорія Декаполита, патрону Ив. Анд., который праздновалъ свои имянины 18 апрѣля, т. е. въ день памяти сего святаго. Тропарь и кондакъ писаны на столбцѣ характернымъ, канцелярскимъ почеркомъ XVII ст.

писанъ на небольшомъ лоскуткѣ бумаги, почти квадратной формы (3×3¹/₈ вершк.), убористымъ, но четкимъ почеркомъ XVII столѣтія. Текстъ заговора занимаетъ обѣ стороны лоскутка, при чемъ переходитъ на вторую (обратную) сторону не обычнымъ образомъ, а такъ, какъ будто бы писецъ, дописавъ первую (лицевую) сторону, совершенно перевернулъ бумагу, вслѣдствіе чего первая строка новой (обратной) стороны пришлась противъ послѣдней строки на лицевой. Водяныхъ знаковъ въ бумагѣ нѣтъ, и обрѣзанъ лоскутокъ со всѣхъ сторонъ весьма тщательно. При первомъ же внимательномъ разсмотрѣніи его, бросается въ глаза рядъ слѣдовъ отъ сгибовъ, числомъ до 15-ти, въ видѣ рыжеватыхъ линій, расположенныхъ параллельно строкамъ текста, такъ что весь лоскутокъ какъ бы раздѣленъ ими на 15 полосокъ, приблизительно, въ ¹/₈ вершка ширины каждая. Затѣмъ, по направленію поперекъ текста видны еще два слѣда сгибовъ. Очевидно, лоскутокъ былъ 15 разъ сложенъ по длинѣ текста, а затѣмъ еще, въ другомъ направленіи, 3 раза, такъ что, въ концѣ концевъ изъ него получился весьма небольшой сверточекъ въ 1 вершокъ, приблизительно, длины. Въ такомъ видѣ этотъ лоскутокъ, по моему предположенію, былъ зашитъ въ ладонку для постояннаго ношенія на груди, въ качествѣ предохраняющаго амулета. Изъ текста заговора видно, что это не простая запись, формула, такъ сказать, заговора, въ которую, по надобности, вставлялось то или другое имя, при лѣченіи, а подлинный, такъ сказать, имянной охранительный документъ на имя нѣкоего „раба божія и҆ ѡ̑ан҃на“, и, дѣйствительно, одинъ изъ предковъ г. Маслова [3]), жившій въ XVII стол. († въ 1659 г.) носилъ имя Іоанна, такъ что нашъ заговоръ-амулетъ, по всей вѣроятности, принадлежалъ ему. Самый текстъ заговора читается такъ:

Гⷭ҇ди б҇же бл҃гослови, во и̑мя о҃ца, ї с҃на, ї с҃таго
д҃ха, аминⷩ. при чеⷬмноⷨ море стоиⷮ стоⷧпъ на камени
на тоⷨ стоⷧпѣ сидиⷮ препⷣбный о҃цъ сисѣний и ⷥриⷮ на мо
ре воⷥмутися море и̑зыдоша иⷥ моря в҃і жоⷩ про҃то
волосыя о̑каянныя і в видѣнїи̑ вопроси прпⷣбный
о҃цъ сисѣний Что вы ест̑е за жены о̑ни же рекоша
ему мы есте (sic!) дщери ѳилиповы посланы мы оⷮ ц҃ря
ирода мучити рода хрⷭ҇тиаⷩска кто пъяⷩствуетъ
и клевету̑еⷮ и о̑бъядение̑ твориⷮ зау̑трен́ни
и̑ о̑б҃ѣдни просыпаеⷮ ї мы того ї̑мамы мучити
всякими роⷥными болѣⷥньми в҃і ми коя коею жа

---

[3]) См. примѣч. 2-ое.

и помолися пр҇пбный о҇цъ сисѣний во҆дѣвъ рꙋцѣ на
н҇бо и҇ рече ц҇рю неб҇ный [4]) утѣшителю д҇ше і҇сти҇ный
услыши м҇ления моя не предай же меня мучити
си҇ враго҇ рода хр҇тиа҇ска у҇слыша г҇дь м҇ления
пр҇пбнаго о҇ца сисѣния҇ сосла г҇дь четыре҇ ева҇
гели҇сто҇ и҇оанна матѳея марка лꙋкꙋ

[на оборотѣ]

изымоша и҇х проклаты҇ и даша и҇м проклаты҇ на д҇нь по
три тысящи ударовъ о҇ни же и҇ молящася и обѣщаще
ся гдѣ мы услыши҇ с҇тыя в҇ша имяна в коей стра
нѣ і во градѣ или в кое҇ селѣ і въ др҇ни или в кое҇ дому
і҇ не буде҇ мучити сего раба б҇жия и҇ѡа҇нна
о҇нынѣ і҇ до вѣка і҇ тѣ҇ реча҇ ами҇ і҇ болѣ҇ня҇ ами҇ ами҇ ами҇.
В началѣ бѣ слово, і҇ слово бѣ к б҇гу, і҇ б҇гъ бѣ слово.
се бѣ і҇скони к б҇гу. вся тѣ҇ быша: і҇ бе҇ него ни҇тоже
бысть, е҇же бысть. в то҇ живо҇ бѣ, и живо҇ бѣ свѣтъ
ч҇кomъ: і҇ свѣ҇ во ҇мѣ свѣти҇ся, і҇ тма е҇го не о҇бъя҇.

кр҇тъ ·+· кр҇тъ ·+· кр҇тъ ·+· кр҇то҇ ч҇къ роди

ся кр҇тъ водрꙋзися, Б҇гъ прославися, сатана
связася: а҇л҇лилуіа, а҇л҇лилуіа, а҇л҇лилуіа҇.

Въ настоящее время намъ извѣстно очень много текстовъ разныхъ заговоровъ. Не говорю уже о цѣлыхъ сборникахъ, въ родѣ, н. п. изданнаго академикомъ Л. Н. Майковымъ,—громадное количество ихъ разсѣяно по разнымъ повременнымъ изданіямъ спеціальнаго, научнаго характера, такъ что едва-ли кто рѣшится сказать, что ему извѣстны всѣ, напечатанные, тексты заговоровъ, но, насколько это можно было сдѣлать, я сравнивалъ обнародованные тексты съ выше приведеннымъ и не нашелъ ни одного вполнѣ сходнаго съ нимъ, хотя, болѣе всего, нашъ текстъ подходитъ къ тексту заговоровъ отъ лихорадки. Любопытно, что въ нашемъ текстѣ болѣзни именуютъ себя „дщерями ѳилипповыми“, а не „царя Ирода“ какъ обыкновенно, и посланы лишь симъ послѣднимъ мучить людей. Особенно же заслуживаетъ вниманія окончаніе нашего заговора. Обыкновенно они кончаются, приблизительно, такими же словами, какъ и нашъ, т. е. „и тѣмъ рѣчамъ аминь, и болѣзнямъ аминь“, но въ нашемъ текстѣ за симъ еще слѣдуютъ 5 стиховъ изъ первой главы евангелія отъ Іоанна. По поводу этого при-

4) Въ рукописи ошибочно: неб҇ный.—Текстъ печатается строка въ строку. „Й“ въ рукописи замѣнено обычнымъ знакомъ .

бавленія, не встрѣчающагося, насколько мнѣ извѣстно, ни въ одномъ изъ доселѣ извѣстныхъ заговоровъ, я позволю себѣ замѣтить слѣдующее:

Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ журнала „Revue archéologique“ помѣщена интересная статья г. Леблана о первой главѣ евангелія отъ Іоанна и вѣрованіи въ ея особыя, сокровенныя, чудодѣйственныя силы [5]). Авторъ подробно разсказываетъ, какъ уже въ первые вѣка христіанства, начальныя слова евангелія отъ Іоанна поражали всѣхъ — христіанъ и язычниковъ — своей торжественностью. Словамъ этимъ приписывалось необычайное происхожденіе: по словамъ одного апокрифическаго сказанія, не Іоаннъ измыслилъ это начало, а раскаты грома, во время чудеснаго явленія, прогремѣли ему эти слова. Блаж. Августинъ свидѣтельствуетъ, что въ его время христіане возлагали на себя это евангеліе ради излѣченія. „Мы ихъ хвалимъ за это — прибавляетъ онъ - ибо, хотя эта книга дана намъ не для сего употребленія, однако же лучше прибѣгать къ ней, нежели къ амулетамъ“. Отъ христіанъ это вѣрованіе перешло постепенно къ язычникамъ, все болѣе и болѣе распространялось и, наконецъ, первые стихи первой главы евангелія отъ Іоанна стали употребляться совершенно одинаково съ разнаго рода заклинаніями, чародѣйственными надписями и т. п. Въ средневѣковыхъ руководствахъ по магіи и сборникахъ заклинаній, слова „в началѣ бѣ слово“ и т. д., постоянно встрѣчаются какъ средство, либо предотвращающее разныя бѣдствія—пожары, грозу, градъ, пораненіе на войнѣ, либо излѣчивающее отъ всякихъ болѣзней. На многихъ амулетахъ можно найти вырѣзанными эти слова, рядомъ съ разнаго рода изреченіями, таинственными знаками и изображеніями, далеко не христіанскаго характера, и которымъ приписывалась сокровенная, чародѣйственная сила. Несомнѣнно, и въ нашемъ заговорѣ, эти слова прибавлены для приданія ему бо́льшей силы. Предокъ г. Маслова, Иванъ Андреевичъ, всю свою жизнь служилъ въ военной службѣ и, потому, охранительный амулетъ ему былъ очень кстати.

Второй памятникъ — рядъ наставленій, касающихся „утробной“ болѣзни, писанъ на столбцѣ, длиною въ 5 1/2 вершк. и шириною въ 3 1/4 вершка, при чемъ текстъ занимаетъ собою лишь 3 1/2 вершка одной стороны его. Водяныя знаки въ бумагѣ и знаки препинанія въ текстѣ — отсутствуютъ. Писанъ онъ обыкновеннымъ почеркомъ XVII столѣтія и гласитъ слѣдующее:

ѿ утробѣ. аще кого утроба деⷬжиⷮ и ты воⷥми во҇е [6]) яблако стоⷧкши с виноⷨ и дай пити наⷮще срⷣцо, поможеⷮ. ѡ утробѣⷤ. урезати

[5]) Revue archéologique, tome XXV, juillet-août 1894, p. 8—13.

[6]) Писецъ пропустилъ, повидимому, одну букву; слѣдовало бы „во҇чье“.

греⷮка хлеⷠная да натеⷬти попелоⷨ ч̑тыⷨ с меⷧкиⷨ да грети греⷨка гораⷥдо, да к тому натри воскоⷨ, дати есть боⷧному и перестанеⷮ. ѿ утробѣⷯ. ково утроба держиⷮ сошкнути ѡⷧховыⷯ вершкоⷡ тридевяⷮ и ѡⷮтониⷮⷨ в гоⷬшку и пити по рану наⷮще срⷣцо и уймеⷮца. утроба аще кровавая утроба держиⷮ и ты воⷥми припуⷮниковое семя и ⷮ треⷯ печаⷯ парити гораⷥдо и ѿ̑топиⷮши дай ему пити и ѿ̑ здороⷡ будеⷮ. аще у̑тробою болиⷮ то веⷬбову кору вари в новоⷨ горьшке истоⷧкши ⷭ виноⷨ, пити в тепле иⷥбѣ. аще кому Ѹтроба будеⷮ, то ѡрешки три черніⷧныя истоⷧкши варити много в воде. выкипиⷮ два жереⷠя а треⷮ ся ѡстанеⷮ, и то испиⷮ на ⷮще срⷣце.

Относительно этого памятника можно замѣтить, что въ немъ указаны средства, весьма не хитрыя, а потому и распространенныя. Припутникъ-попутникъ, подорожникъ — растеніе изъ семейства Plantago. Разные виды его часто встрѣчаются въ разныхъ „травникахъ вертоградахъ" и т. п., и употреблялись и нынѣ еще употребляются въ простонародьи, какъ лѣкарство, въ разныхъ случаяхъ и, сообразно съ этимъ, носятъ разныя названія, какъ то: ранникъ, т. е. излѣчивающій раны, порѣзникъ, помогающій при порѣзахъ, и т. д.

Алексѣй Станкевичъ.

III.

Двѣ иконы съ лѣтописью.

Икона 7006 года. Всѣ иконы съ „лѣтописью" заслуживали особеннаго вниманія изслѣдователей русской иконографіи. Чѣмъ древнѣе датированные образа, тѣмъ они рѣже и цѣннѣе. Для XVIII столѣтія образъ съ годомъ написанія не рѣдкость, въ XVII столѣтіи иконописцы довольно часто помѣчали свое имя на заказныхъ иконахъ или вообще на тѣхъ своихъ произведеніяхъ, которыя считали лучшими. Надписи на образахъ XV — XVI ст. и рѣдки, и научно важны, потому что только онѣ помогаютъ разбираться въ хронологическомъ отношеніи среди древнихъ нашихъ писемъ, представляющихъ такъ много пошибовъ. Старообрядцы-иконописцы въ настоящее время являются лучшими знатоками древнихъ образовъ, но, ясно различая шесть — семь пошибовъ (письмо такъ называемое „греческое" съ русскими надписями, Новгородское, Ладожское, Псковское, Тихвинское, Архангельское, Устюжское и т. д.), они, случается, противорѣчатъ другъ другу въ опредѣленіи мѣста и времени написанія той или другой иконы.

Надписи на древнихъ образахъ чаще всего дѣлались на оборотѣ дски чернилами, но встрѣчаются лѣтописи и на лицевой сторонѣ по нижнему красочному или золотому полю.

Въ Москвѣ, у знатока и любителя древнихъ иконъ, Т. П. Москвина, мнѣ привелось видѣть икону съ надписью, относящуюся къ концу XV столѣтія.

На дскѣ въ $13^{1}/_{2} \times 10^{1}/_{2}$ вершковъ изображены стоящими въ 2 ряда 12 избранныхъ святыхъ. Дска не толстая, съ одной выемкой.

св. Ануфрій.	св. Алексѣй.
св. Евѳимій.	св. пр. Илія.
св. Ѳеодоръ.	св. Леонтій.
св. Сергій.	св. Антоній.
св. Варлаамъ.	св. Маркъ Фрязинъ.
св. Михаилъ.	св. Симеонъ.

Лѣтопись.

Письмо грубое, то, которое обыкновенно считается самымъ „простымъ" Новгородскимъ письмомъ. На нижнемъ полѣ крупной вязью черной краской въ одной строкѣ надпись:

„В лѣт ʒЅ-є [1]) а написана быс сиѧ икона повелением раба Бжиѧ Ивана Ѡнтуѳьевич на поклонение христианомъ".

Такимъ образомъ, время написанія иконы относится къ 1497—1498 году.

Въ настоящее время икона немного попорчена неискусной чинкой, напримѣръ, нѣкоторыя надписи совсѣмъ искажены (особенно при св. Евѳиміи), но все это конечно можетъ быть исправлено и не умаляетъ достоинства этой иконы, которую весьма полезно было бы издать въ точномъ снимкѣ.

Икона 7069 года. Въ Москвѣ, въ недавно возникшемъ, но уже богатомъ музеѣ русскихъ древностей Петра Ивановича Щукина между многими древними иконами находится одна, время написанія которой опредѣляется точно 1560 годомъ.

[1]) Форма буквы зѣло старинная обратная.

На дскѣ довольно большаго размѣра (17 $^1/_2$ и 14 $^1/_2$ вершковъ) писаны въ два ряда избранные святые; на поляхъ съ лѣвой и съ правой стороны приписаны еще восемь святыхъ; письмо этихъ приписей можетъ быть признано современнымъ написанію самой иконы.

Святые, изображенные на иконѣ, расположены такимъ образомъ:

Знаменіе Пресвятыя Богородицы.

Лѣвое поле					Правое поле
1) св. благ. кн. Владиміръ; 2) св. кн. Борисъ; 3) св. Козма; 4) св. Георгій.	Пр. Варлаамъ Хутынскій.	Пр. Сергій Радонежскій.	Пр. Зосима Соловецкій.	Пр. Савватій Соловецкій.	1) ....; 2) св. кн. Глѣбъ; 3) св. Деміанъ; 4) св. Димитрій.
	Св. Николай Мурликійскій.	Св. Никита, епископъ Новгородскій.	Св. Іоаннъ, архіепископъ Новгородскій.	Пр. Александръ Свирскій.	

Л ѣ т о п и с ь.

Письмо иконы представляетъ типичный образецъ Новгородскихъ писемъ средняго мастерства; свѣтъ и поля—золотые. По нижнему золотому полю идетъ надпись крупнымъ полууставомъ; надпись сдѣлана чернилами (или черной краской), что представляетъ исключеніе изъ обычной старинной манеры писать по золоту киноварью.

„Лѣтопись“, въ которой находимъ нѣсколько описокъ и пропущенныхъ буквъ, слѣдующаго содержанія:

„Лѣт(а) 7069-го Октября въ 15 ден(ь) написана быс(ть) икона сия повеленнием рабовъ Божиіх пра(во)сла(в)ныхъ християн [1]) всей братчии Полскіе Коникове улицы на поклонение всѣм православным христьяномъ“.

Икона, принадлежащая П. И. Щукину, отличается хорошей сохранностью („цѣльностью“): почти всѣ надписи не подправлены вновь,

---

[1]) Написано: „Христсиян“ съ малымъ юсомъ вмѣсто я.

что на старыхъ иконахъ, побывавшихъ въ рукахъ у иконниковъ, составляетъ рѣдкость. „Избранные святые“ для иконографіи, конечно, имѣютъ меньшій интересъ сравнительно съ иконами всѣхъ другихъ переводовъ одинаковыхъ писемъ и мастерства; но относительно описываемой иконы нельзя не отмѣтить, что изображеніе на ней преподобнаго Александра Свирскаго является однимъ изъ наидревнѣйшихъ образовъ этого святаго, скончавшагося въ 1533 году.

Иконы половины XVI-го столѣтія съ точной датой времени написанія настолько рѣдки [3]), что можно пожелать, чтобы владѣлецъ издалъ на общую пользу фотохромотипическій снимокъ съ своего интереснаго образа.

Н. Лихачевъ.

IV.

Къ раскопкамъ въ Кремлѣ.

Вслѣдъ за обнаруженіемъ существованія въ подземной части Троицкой башни 4-хъ палатъ (расположенныхъ, какъ извѣстно, въ два этажа по двѣ въ каждомъ), приступлено было къ обслѣдованію ихъ съ цѣлью опредѣленія, не имѣютъ ли онѣ сообщенія съ тайникомъ (ходомъ), предполагаемымъ изслѣдователемъ, въ толщѣ Кремлевской стѣны или съ другимъ тайникомъ внутри Кремля. Работа эта оказалась однако слишкомъ капитальной, такъ какъ нижнія палаты завалены землей и мусоромъ слишкомъ на 10 аршинъ, и землю эту приходилось подинимать воротомъ въ бадьяхъ и мѣшками выносить въ Кремлевскій садъ. Кромѣ того, сводъ надъ задней нижней палатой — самой интересной, такъ какъ при существованіи тайниковъ именно она сообщалась бы непосредственно съ ними,— оказался столь поврежденнымъ, что инженеръ М. Н. Литвиновъ, состоящій при изслѣдованіяхъ, совершенно не допустилъ работу въ означенной палатѣ.

Къ виду изложеннаго, скораго обнаруженія забытыхъ секретовъ Кремлевскихъ стѣнъ и башенъ, въ данномъ пунктѣ, ожидать не приходилось, а потому, не прекращая послѣдовательнаго очищенія нижней передней палаты (Троицкой башни), изслѣдователи въ поискахъ тай-

---

[3]) Нѣсколько чаще встрѣчаются иконы съ вкладными записями. Напримѣръ, въ Симоновомъ монастырѣ хранится икона Успенія Пресвятыя Богородицы съ надписью: „Сію икону далъ царя и великаго князя постельничей Матвѣй Ѳеодоровичъ Бурухинъ, во иноцѣхъ Макарій въ лѣто 7060“. (См. „Описаніе Симонова Монастыря“ (М., 1843), стр. 70).

ника направили свои изысканія на другія точки Кремлевской стѣны (по тому же фасу ея), а именно на Боровицкую башню и на стѣну по обѣимъ сторонамъ ея, т. е. къ Водовзводной башнѣ, съ одной стороны и къ Троицкой, съ другой, и затѣмъ на круглую Арсенальную башню. Такъ какъ осмотръ внутреннихъ стѣнъ подземной палаты Боровицкой башни, на уровнѣ пола этой палаты, насколько то позволяла земля, заполняющая аршина на 3 и эту палату, выяснилъ, что никакого выхода изъ этой палаты въ тайникъ не имѣется, то обращено было вниманіе на существующіе два дверные пролета, на $2^1/_2$ аршина ниже уровня теперешняго Кремля. Одинъ изъ этихъ пролетовъ, длиною 6 аршинъ, представляющихъ толщу стѣны башни, служилъ выходомъ въ Кремль, непосредственно на площадь, и нынѣ замурованъ, при чемъ онъ приходится какъ разъ за главной иконой часовни; второй пролетъ, обращенный въ поздѣйшее, но все же давнее время, въ окно-бойницу, соединялся перекиднымъ арочнымъ переходомъ (отъ котораго остались теперь только пяты его) съ первымъ описаннымъ пролетомъ, и выходитъ въ нижній Александр. садъ, по направленію къ Москвѣ рѣкѣ. Независимо отъ выхода на Кремлевскую площадь, первый пролетъ на срединѣ своего протяженія имѣетъ отвѣтвленіе вправо, бывшее тоже замурованнымъ. Когда послѣдняя замуровка была разобрана и встрѣченная за нею земля удалена, оказалось, что выходъ этотъ привелъ подъ бѣлокаменную винтовую лѣстницу, ведущую на верхъ башни въ перенесенную туда при Имп. Николаѣ Павловичѣ церковь Іоанна Предтечи, доступъ къ которой (лѣстницѣ) происходитъ нынѣ чрезъ желѣзную дверь изъ полисадника часовни. Продолжая выемку земли подъ этой лѣстницей, обнаружился остатокъ древней лѣстницы, угловой, забѣжныя ступеньки которой видны и теперь. Въ виду того, что съ одной стороны пролетъ желѣзной двери новый и устроенъ вмѣстѣ съ винтовой лѣстницей для болѣе удобнаго доступа въ церковь, а съ другой то, что остались ясныя, указанія существованія въ древности на мѣстѣ этой лѣстницы другой, угловой, то и не представляется сомнѣнія въ томъ, что эта нижняя лѣстница открытаго дверного пролета выводила на площадку, на горизонтѣ барбета Кремлевской стѣны, съ выходомъ на барбетъ, и съ этой же площадки начиналась другая угловая же лѣстница наверхъ башни. Что касается до какихъ либо признаковъ существованія проходовъ внизъ въ толщѣ Кремлевской стѣны въ тайникъ, то таковыхъ не найдено. Обращаясь къ дверному пролету, выходящему изъ башни въ сторону нижняго Александровскаго сада, поневолѣ является вопросъ, куда же выходила эта дверь (порогъ ея теперь на $3^1/_2$ аршина выше земли, а въ древности былъ еще выше), несо-

мѣнно тутъ должна была быть пристройка. Изслѣдованія насыпной земли у подножія башни въ этомъ мѣстѣ подтвердили это предположеніе: на глубинѣ 3 аршинъ найденъ фундаментъ стѣны, идущей перпендикулярно къ Кремлевской стѣнѣ, но фундаментъ этотъ приложенъ къ ея контрофорсу, а не сложенъ въ перевязь съ нею. Подробное изслѣдованіе этого фундамента отложено до другаго времени, а потому теперь можно сказать лишь, что пристройка тутъ была и доходила она какъ разъ до того мѣста, гдѣ кончается высокая часть стѣны и гдѣ зубцы ея сразу опускаются значительно ниже. Не представляетъ ли этотъ необъяснимый теперь подъемъ остатокъ стѣны этой пристройки?

Переходя къ обзору работы по изслѣдованію палаты подъ проѣздомъ Боровицкихъ воротъ, приходится сказать, что и тутъ тайника не обнаружено, но причиной тому можетъ быть и то, что при капитальной урѣзкѣ части Боровицкой башни, гдѣ помѣщаются ворота, и при изворотѣ самаго направленія этихъ воротъ въ XVIII столѣтіи, выходъ въ этотъ тайникъ, если онъ существовалъ, былъ сломанъ вмѣстѣ со стѣной и какъ болѣе не нужный—застроенъ.

Единовременно съ этими работами производилось изслѣдованіе конструкціи Кремлевской крѣпостной стѣны. Для этого произведено два обнаженія стѣны до ея основанія: одно со стороны Кремля, на Житномъ дворѣ близь самой Водовзводной башни (въ фасѣ между послѣднею и Боровицкой б.), второе—съ наружной стороны стѣны въ нижнемъ Александровскимъ саду, близь Боровицкой башни, гдѣ для сего воспользовались произведенной уже выемкой земли при поискахъ фундамента пристройки къ послѣдней башнѣ. Изслѣдованія показали, что стѣна (весь фасъ между названными башнями), основана на сваяхъ, на глубинѣ 12 арш. (грунтъ плывунъ, совершенно жидкій); фундаментъ выложенъ изъ бѣлаго не тесанаго камня, на этомъ фундаментѣ, собственно говоря, выведено двѣ стѣны: наружная, со значительнымъ контрофорсомъ изъ бѣлаго тесанаго камня (контрофорсъ выступаетъ на 1 арш.), при чемъ выше контрофорса кладка идетъ изъ кирпича, и внутренняя изъ камня до уровня верхняго конца контрофорса, а затѣмъ тоже кирпичная, въ $2\frac{1}{2}$ кирпича, съ двумя рядами разгрузныхъ арокъ. Пространство между этими стѣнами заложено нетесаными бѣлыми булыгами и бѣлымъ мусоромъ на известковомъ растворѣ. Кромѣ того, для уширенія барбета стѣны,—для большаго простора, съ задней стороны стѣны выведены еще арки на столбахъ (въ перевязь съ описанной задней стѣной). Общій фундаментъ на мѣстахъ столбовъ расширяется. На разстояніи 6 аршинъ отъ свай вверхъ, между столбами этими перекинуты разгрузныя арки изъ кирпича; стѣна между столбами образуетъ

8 уступовъ, уширяющихъ въ совокупности стѣну къ фундаменту на 14 вершк. Наружный фасъ стѣны на мѣстѣ начала контрофорса украшенъ рѣзнымъ бѣлокаменнымъ буртикомъ въ 4 вершка ширины, въ видѣ каната, заваленный нынѣ землей, слоемъ въ $2^{1}/_{2}$ арш. (Этотъ буртикъ доходитъ до мѣста найденнаго фундамента предполагаемой пристройки къ Боровицкой башнѣ и тутъ обрывается, что, какъ можно полагать, снова подтверждаетъ фактъ существованія пристройки, ибо отъ сего мѣста Кремлевская стѣна изъ наружной обращалась во внутреннюю стѣну стройки).

Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе, что близъ сего мѣста въ стѣнѣ открытъ сквозной арочный пролетъ, начинающійся ниже буртика на 1 аршинъ 10 вершковъ, (подъ пролетомъ фундамента нѣтъ), ширина пролета 6 арш. Думается, что назначеніе его было исключительно для отвода и спуска грунтовыхъ водъ, которыя и здѣсь также высоки, какъ и у Водовзводной башни. Допустить возможность употребленія сего пролета какъ ворота нельзя, по причинѣ тѣхъ же высокостоящихъ водъ.

Въ этой же части стѣны изслѣдованы и особые продухи, находимые въ разныхъ мѣстахъ периметра кремлевскихъ стѣнъ, внутри зубцовъ; продухи эти въ большинствѣ случаевъ попадаются или черезъ одинъ зубецъ или чрезъ два, въ третьемъ. Назначеніе продуховъ долго смущало изслѣдователей и позволяло думать, что это не что другое, какъ вентиляція тайника въ стѣнѣ. Изслѣдованіе однако показало, что это только продухи для просушки наружной части стѣны. Длина ихъ, по отвѣсу, мѣняется отъ 8 до 11 аршинъ, выведены они довольно часто другъ отъ друга; затѣмъ надъ самыми зубцами стѣны сводятся въ одинъ общій горизонтальный каналъ, а изъ него выходятъ, какъ упомянуто выше, въ зубцы стѣны. Тайника между Боровицкой и Водовзводной башнями не существуетъ, развѣ только онъ разрушенъ вмѣстѣ со стѣной взрывомъ 12-го года, которымъ вся Водовзводная башня и прилегающая часть стѣны были совершенно разрушены.

Стѣна отъ Боровицкой башни до Троицкой изслѣдована не была, осмотрѣна была здѣсь лишь бѣлокаменная арка, верхъ которой выдается изъ земли, и приходится какъ разъ противъ мѣста придворнаго конюшеннаго двора (между Оружейной палатой и корпусомъ, что надъ кремлевской стѣной). Когда отвалена была земля и разобрана часть закладки арки (въ 2 кирпича на плохомъ растворѣ) подъ самой шелыгой, оказалось, что въ этомъ мѣстѣ устроенъ такой же сквозной пролетъ, какъ найденный по ту сторону Боровицкой башни, только расположеніе его сравнительно съ уровнемъ Александр. сада значительно выше. Весь пролетъ заполненъ частью краснымъ пескомъ, а главнымъ

образомъ, намывными иловатыми наслоеніями, а при выходѣ арки ко внутренней сторонѣ Кремля найденъ дубовый частоколъ и признаки навоза. Надо предполагать, что и этотъ пролетъ имѣлъ назначеніе отводить воду изъ Кремля, но не почвенную уже, а воду изъ оврага, который существовалъ именно на этомъ мѣстѣ, отъ Спаса на Бору, къ Конюшенному двору, что показываютъ многократно бывшіе по этому направленію ремонты фундаментовъ, дворцовыхъ зданій, при чемъ по всей этой линіи материкъ съ обоихъ сторонъ круто обрывается, и начинается насыпь, глубиной болѣе 20 аршинъ.

Послѣднія изслѣдованія текущ. года были произведены въ круглой Арсенальной башнѣ. Здѣсь руководитель изслѣдованій получилъ полное нравственное удовлетвореніе: убѣжденіе его, почерпнутое изъ немногихъ словъ показанія, пономаря Конона Осипова, что тайникъ, по которому шелъ дьякъ Макарьевъ, находится не гдѣ либо внутри Кремлевской ограды, а въ толщѣ самой стѣны; вполнѣ подтвердилось и представленіе его, на основаніи тѣхъ же данныхъ, о томъ, какъ основанъ фундаментъ арсенала, столбы котораго преграждаютъ путь въ тайникѣ стѣны. Въ 1-омъ надземномъ этажѣ башни обнаруженъ замуравленный выходъ тайника, отсюда идетъ довольно крутая лѣстница внизъ шириной 1 ар. 2 вершка, длиной 11 аршинъ, на глубину 8 арш. отъ поверхности земли. Тутъ сохранились дверныя четверти съ желѣзными подставами и начинается прямой ходъ къ Никольской башнѣ и отвѣтвленіе вправо, но тутъ на пятомъ аршинѣ длины прямаго хода предсталъ предъ изслѣдователями, такъ сказать, во всемъ своемъ досадномъ неприкосновенномъ величіи 1-ый бѣлокаменный столбъ арсенальнаго фундамента,— столбъ этотъ врѣзывается въ стѣну и загораживаетъ собой весь тайникъ до самаго пола его, гдѣ собственно онъ и основанъ. Ломать этотъ столбъ безъ особаго на то повелѣнія изслѣдователи, конечно, не рѣшились, да къ тому же есть надежда, въ будущемъ, такъ или иначе перехватить этотъ тайникъ внѣ Арсенала, при чемъ пробивка столба, надо надѣятся, станетъ излишней. Отвѣтвленіе хода тоже упирается въ столбъ. Интересно, куда велъ этотъ поворотъ тайника? думается что тутъ должна быть лѣстница въ толщѣ стѣны башни, по которой открывался доступъ въ нижній подземный этажъ. Подтвержденіе сей мысли найдемъ ниже.

Въ нижній этажъ изслѣдователи проникнули со стороны Александровскаго сада, чрезъ замурованное отверстіе, оказавшееся дверью, устроенною въ позднѣйшее время изъ бойницы. Въ этомъ помѣщеніи бывали и прежде, такъ, напр., осматривала его особая коммиссія предъ короновaніемъ въ Бозѣ почившаго императора Александра III, но опи-

сано оно не было, а между тѣмъ онъ этого вполнѣ стоилъ. Начать съ того, что въ немъ находится колодезь съ деревяннымъ сосновымъ срубомъ, которому во всякомъ случаѣ не болѣе лѣтъ 40—50; глубина колодца 5 аршинъ, вода стояла въ ровень съ поломъ, заваленнымъ землей и мусоромъ; вода совершенно чистая и безъ всякаго запаха. Съ лѣвой руки, бойницы, нынѣ замурованныя, выходятъ къ Историческому музею, прямо противъ входа тоже бойница, выходившая въ старину, до постройки Арсенала, въ Кремль и, наконецъ, съ правой руки широкій заваленный землею тунель — ходъ по направленію къ Троицкой башнѣ. Ширина тайника верхняго этажа равна 1 ар. 4 вершк., этотъ же ходъ достигаетъ $2^1/_2$ арш. ширины. Предварительно всякихъ работъ по изслѣдованію пришлось откачать воду изъ колодца и тѣмъ дать возможность сойти водѣ, заполнявшей собой и самый ходъ, но оказалось, что 5″ сильная двойная помпа не въ силахъ была откачать постоянно прибывавшую воду. Также неуспѣшна была работа и 10″ помпы, работавшей безостановочно, со смѣнными людьми, цѣлыя сутки: вода прибывала въ 5 минутъ на $2^1/_2$ вершка! Тѣмъ не менѣе, насколько было возможно, производилась работа по очисткѣ хода. Высота его не опредѣлена, такъ какъ до пола нельзя было дойти, но очищено было до 4 аршинъ высоты а въ длину ходъ очищенъ на 7 аршинъ, тутъ снова бѣлокаменный арсенальный столбъ, заложенный точно также какъ и въ тайникѣ 1-го этажа. При тщательномъ осмотрѣ явствуетъ, что тутъ былъ отростокъ хода налѣво — очевидно, на соединеніе съ отвѣтвленіемъ тайника, описаннаго выше; это предположеніе кажется вполнѣ логичнымъ, ибо соединеніе этого помѣщенія съ тайникомъ должно было существовать.

Для облегченія работы и для выясненія характера родника попробовали повысить срубъ колодца, для чего старый срубъ былъ обрытъ на 2 аршина глубины и обложенъ сильно утрамбованной хорошей глиной, ею же обложены и вновь нарубленные шесть вѣнцовъ, но вода не поднялась въ срубѣ, а попрежнему расходилась кругомъ и заливала ходъ. Пробныя изслѣдованія грунта вокругъ колодца показали, въ свою очередь, что это не болѣе какъ насыпь изъ земли и мусора, которою, можетъ быть, думали заглушить ключъ, но, какъ видимъ, безуспѣшно. Какъ это обстоятельство, такъ и то, что срубъ во всякомъ случаѣ не древній и главное, что онъ размѣщенъ не въ центрѣ башни, приводитъ руководителя раскопокъ къ убѣжденію, что въ древности водѣ предоставлено было все подземелье круглой башни и что вода эта стекала свободно найденнымъ ходомъ, снабжая Кремль водой что вполнѣ соотвѣтствуетъ словамъ лѣтописи Крешкина, приводимымъ Сне-

гиревымъ въ его книгѣ Памятники Московской Древности, стран. XIX: что Петръ Фрязинъ, по повелѣнію великаго князя Ивана Васильевича, построилъ водныя течи, аки рѣки текущія чрезъ весь Кремль градъ, осаднаго ради сидѣнья.

Невольно напрашивается вопросъ, куда же дѣвается эта масса постепенно вытекающей воды, съ того дня, какъ выстроенъ Арсеналъ, когда его фундаментные столбы съ одной стороны преградили уготованный для этого стока ходъ, а съ другой—прорѣзывая собою боковую стѣну этого хода, открыли доступъ водѣ подъ Арсеналъ! Не въ этомъ ли обстоятельствѣ и кроются постоянныя поврежденія Арсенала: его трещины, осадки и лопающіеся своды?

Предъ самымъ окончаніемъ работъ сего года, было произведено поверхностное изслѣдованіе, такъ сказать, предварительный общій обзоръ Константиновской и Набатной башенъ и стѣны между ними. Осмотрѣны были два корридора въ стѣнѣ этой, расположенныхъ одинъ надъ другимъ, верхній съ бойницами, на Василія Блаженнаго, представлялъ собой то что, называлось „нижній бой", нижній имѣлъ, вѣроятно, соотношеніе съ нынѣ уничтоженнымъ застѣнкомъ. Принадлежностью того же застѣнка надо считать и открытую изслѣдователями лѣстницу въ толщѣ Кремлевской стѣны изъ Набатной башни, ступени которой оказались сплошь заваленными каменными ядрами, величиной отъ 5 вершковъ въ діаметрѣ до 10. Ядрами этими заполнено все помѣщеніе лѣстницы до уровня 2-го этажа башни, поверхъ ихъ разравненъ мусоръ, а по немъ выложенъ новый кирпичный полъ, въ ёлку. Изъ послѣдняго обстоятельства можно, вѣроятно, заключить, что ядрами воспользовались для заполненія лѣстницы, ставшей не нужной по сломкѣ застѣнка.

До будущаго отложено и дальнѣйшее изслѣдованіе особаго тайника, ведущаго въ Кремль близь самой Никольской башни. И здѣсь, впрочемъ, слѣдуетъ ожидать, что путь прегражденъ будетъ однимъ изъ столбовъ Арсенала.

К Щ.

Проф. А. И. Соболевскій, въ № 6698 „Новаго Времени", напечаталъ слѣдующую статью подъ заглавіемъ: „Еще о Кремлевскомъ тайникѣ и царской библіотекѣ": „Раскопки въ московскомъ Кремлѣ пока еще не дали значительныхъ результатовъ. Правда, они показали археологамъ-скептикамъ, что московскій дворъ XVII вѣка имѣлъ такія тайны, которыя не довѣрялись приказнымъ чиновникамъ и на которыя мало даже намековъ въ дошедшихъ до насъ многочисленныхъ документахъ

этого времени. Но и только. Причина отсутствія важныхъ результатовъ, кажется, заключается въ медленности работъ, а послѣдняя находится въ прямой зависимости отъ неожиданнаго препятствія, встрѣтившагося при самомъ началѣ раскопокъ: тѣ тайныя палаты кремлевскихъ башенъ, изъ которыхъ могутъ быть ходы въ кремлевскій тайникъ, оказались наполненными землею. Откуда эта земля? Ею засыпаны были башенныя палаты въ 1707—1709 годахъ.

Въ то время, въ ожиданіи нападенія на Москву Карла XII съ его шведами, производилось поспѣшное укрѣпленіе Кремля и Китай-города массою рабочихъ, число которыхъ иногда доходило до 30,000 и которые работали даже зимою. Наши свѣдѣнія о томъ, въ чемъ именно состояли эти работы, довольно скудны; но мы не можемъ сомнѣваться, что онѣ касались, между прочимъ кремлевскихъ башенъ. Одно изъ писемъ къ Петру Великому царевича Алексѣя Петровича (онъ около полутора года наблюдалъ за работами) даетъ кое-какія интересныя указанія. Царевичъ отъ 27-го октября 1707 года пишетъ: „У Боровицкихъ воротъ роютъ до фундамента, гдѣ зачинаютъ болворокъ. По Москвѣ-рѣкѣ, между Тайницкихъ и Москворѣцкихъ воротъ, оставливаютъ бревнами и насыпаютъ землею и дѣлаютъ брустверъ. А отъ Тайницкихъ воротъ до Водовзводной (башни) и отъ Москворѣцкихъ воротъ до Васильевскаго сада такожде будетъ оставлено бревнами. На кремлевскихъ башняхъ бойницы пробиты и пушки ставятъ“... (*Мурзакевичъ*, Письма царевича Алексѣя Петровича, № 36). При этихъ работахъ попали въ землю и разныя кости, и осколки, и колонка, и копѣйка 1709 года, найденная въ палатахъ подъ Троицкою и Боровицкою башнями. При этихъ же работахъ была засыпана лѣнивыми рабочими и случайно упавшая въ яму пушка, которую откопали около Окружнаго суда...

Поиски въ старыхъ документахъ, ради извѣстій о библіотекѣ московскихъ государей XVI — XVII вѣковъ (мы остаемся при предположеніи, что въ 1682 году въ палатахъ кремлевскаго тайника находилась, между прочимъ, эта библіотека), дали болѣе цѣнные результаты.

Скептики указывали на отсутствіе всякихъ свѣдѣній о существованіи царской библіотеки съ греческими и латинскими рукописями въ XVII вѣкѣ и предполагали, что та библіотека, которая была разобрана при великомъ князѣ Василіѣ Ивановичѣ Максимомъ грекомъ и которую видѣли при Иванѣ Грозномъ нѣсколько нѣмцевъ, погибла въ одинъ изъ пожаровъ XVI столѣтія или въ Смутное время. Намъ посчастливилось найти извѣстіе объ этой библіотекѣ изъ второй половины XVII вѣка. Это—письмо извѣстнаго Паисія Лигарида, ученаго грека, проживщаго

въ Москвѣ шестидесятые годы этого столѣтія и принимавшаго значительное участіе въ дѣлѣ патріарха Никона. Оно написано къ царю Алексѣю Михайловичу, въ іюнѣ 1663 года, на латинскомъ языкѣ и издано въ „Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ", томъ IV, № 28. Вотъ важнѣйшая часть этого письма въ латинскомъ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ (пе особенно точномъ):

Sacratissime atque pũssime Imperator!

Hortus conclusus et fons signatus, si uterque fructus suos esurientibus et aquas suas sitientibus abunde minime praebeant, ac si non essent, jure merito reputantur. Ad quid a me relata sunt isthaec? fama *jam pridem* innotuit, Vestram Majestatem serenissimam selectos libros in variis bibliothecis adeptam fuisse; propterea supplico instanterque precor, ut mihi liber aditus concedatur, eos tam graecos, quam latinos *codices* revisendi atque revolvendi. Hocque certissime proficiet, nec nocebit sacrosanctae Dei ecclesiae, nec non augustissimo Vestro imperio, quod Divina Providentia perpetuo protegat, exaltet, stabiliat. Amen, fiat, fiat!

О священнѣйшій и благочестивѣйшій Императоръ!

Вертоградъ, заключенный отъ алкающихъ, и источникъ, запечатлѣнный отъ жаждущихъ, по справедливости почитаются не существующими. Я говорю сіе къ тому, что *давно* уже извѣстно о собраніи Вашимъ Величествомъ изъ разныхъ книгохранилищъ многихъ превосходныхъ книгъ; почему нижайше и прошу дозволить мнѣ свободный входъ въ Ваши книгохранилища, для разсмотрѣнія греческихъ и латинскихъ сочиненій. Кромѣ вѣрной пользы, сіе не нанесетъ никакого предосужденія святой Божіей церкви, ни Августѣйшей Вашей имперіи, которую да покроетъ, возвыситъ и утвердитъ Всевышнее Провидѣніе. Аминь, буди, буди!

То, что Паисій здѣсь говоритъ о принадлежащихъ царю издавна греческихъ и латинскихъ рукописяхъ (codices), можетъ относиться только къ старой библіотекѣ московскихъ государей; нѣтъ никакой возможности видѣть въ этихъ рукописяхъ тѣхъ греческихъ книгъ, которыя, по порученію Никона, были пріобрѣтены въ 1645—1655 годахъ Арсеніемъ Сухановымъ на Аѳонѣ и въ другихъ мѣстахъ востока, такъ какъ послѣднія считались принадлежащими патріарху и въ 1663 г., вмѣстѣ съ другими книгами Никона, находились или въ Воскресенскомъ монастырѣ (большая часть), или въ принадлежавшемъ этому монастырю Иверскомъ подворьѣ (немногія).

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣній о царскомъ отвѣтѣ на письмо Паисія (они должны быть въ московскомъ архивѣ министерства

иностранныхъ дѣлъ) и можемъ лишь догадываться, что Паисій подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ получилъ отказъ.

Одно изъ нѣмецкихъ извѣстій о царской библіотекѣ, разсказъ пастора Веттермана (онъ видѣлъ эту библіотеку въ 1565 или 1566 году), сообщаетъ, что въ ней были книги не только греческія и латинскія, но и *еврейскія*. Н. П. Лихачевъ нашелъ въ наказѣ Ивана Грознаго послу къ ногайскимъ татарамъ Михаилу Сунбулову, 1565 года, такія слова: „А нѣчто молвитъ Тинехматъ князь: писалъ есми ко царю и великому князю о книгѣ Азяибу-й-махлукатъ, и государь тое ко мнѣ книги не прислалъ. И Михаилу молвити: государь нашъ тое книги въ казнахъ своихъ искати велѣлъ и доискатися ее не могли". Изъ нихъ видно, что ногайскій князь обратился къ царю съ просьбою прислать ему сочиненіе Казвини Аджаибу-ль-махлукатъ", то-есть „Чудеса природы", что царь велѣлъ искать арабскую рукопись въ своей библіотекѣ и что ея не нашли. Ясно, проситель зналъ, что Иванъ Грозный владѣетъ арабскими рукописями, и самъ царь не думалъ отрицать этого. Если мы заглянемъ въ лѣтопись, мы въ ней найдемъ извѣстіе, что послѣ смерти казанскаго царя Сафа-Гирея, казанскіе татары выдали воеводѣ Грознаго его вдову и сына и что при этомъ воевода захватилъ и отправилъ въ Москву всѣ цѣнности, всю „казну" казанскихъ царей, и будемъ имѣть право предположить, что при Иванѣ Грозномъ къ доставшимся ему по наслѣдству греческимъ и латинскимъ книгамъ были присоедины арабскія, взятыя въ Казани. Принявъ въ соображеніе, что ногайскіе князья были свои люди въ Казани, какъ родственники и свойственники казанскихъ царей, и могли имѣть свѣдѣнія объ ихъ библіотекѣ, мы поймемъ просьбу Тинехмата, а допустивъ, что между арабскими рукописями были написанныя куфическимъ письмомъ, которое можно принять за еврейское, мы признаемъ имѣющимъ основаніе разсказъ Веттермана о еврейскихъ книгахъ".

V.

Опредѣленіе времени Люцинскаго и Лядинскаго могильниковъ.

Обширный и важный матеріалъ, введенный въ археологическій обиходъ раскопками Лядинскаго и Люцинскаго могильниковъ, чтобы стать надежною точкою опоры для изслѣдованій, долженъ быть опредѣленъ

хронологически. Эта задача однако не изъ легкихъ, такъ какъ монетъ ни въ томъ, ни въ другомъ могильникѣ не найдено, и вѣроятно еще не скоро удастся намъ дать опредѣленіе ихъ времени съ точностью до столѣтія. Цѣль моей замѣтки—показать, въ какомъ положеніи находится этотъ вопросъ въ настоящее время.

Подготовляя къ изданію Люцинскій могильникъ, для опредѣленія его времени, я имѣлъ возможность сослаться лишь на аналогію его съ могильникомъ Ашераденскимъ, опредѣленнымъ вполнѣ точно, и отнесъ его приблизительно къ X–XI в. *). Теперь ссылку на этотъ именно могильникъ приходится считать не надежной. При непосредственномъ ознакомленіи съ музеями прибалтійскаго края оказалось, что могильники Люцинскаго типа должны быть отнесены къ болѣе раннему времени и составляютъ особую, ясно отличающуюся группу. Они характеризуются отсутствіемъ бусъ и скандинавскихъ фибулъ, и большими головными жгутами, нагрудными цѣпочками малыхъ размѣровъ, массивными браслетами, пояснымъ наборомъ съ орнаментомъ въ видѣ косого креста, составленнаго изъ двухъ удлиненныхъ оваловъ, и нѣкоторыми другими особенностями. Любопытно, что эти могильники расположены преимущественно въ Витебской губ. (въ Инфлянтахъ), хотя заходятъ и въ Лифляндію, гдѣ они помѣщаются между теченіемъ Аа и Западной Двины. Могильники Ашераднескаго типа дѣлятся на двѣ разновидности, отличающіяся впрочемъ не столько предметами, сколько сравнительною бѣдностью или богатствомъ находокъ и обрядами погребенія. Въ той и другой культурѣ впервые появляются скандинавскія скорлупообразныя фибулы и бусы, длинныя сложныя нагрудныя цѣпочки, булавки съ крестовиднымъ украшеніемъ въ верхней части и пр. Изъ головныхъ украшеній остаются вѣнки изъ спиралей, да и тѣ встрѣчаются лишь въ единичныхъ экземплярахъ. Могильники этого типа, наоборотъ, рѣдки въ Витебской губ. и очень часты въ Лифляндіи, гдѣ они занимаютъ теченіе р. Аа и Двины, выражаясь въ видѣ значительныхъ курганныхъ группъ на р. Аа и въ видѣ могильниковъ съ каменными фигурами на Двинѣ. Такъ какъ въ тѣхъ и другихъ погребеніяхъ Ашераденскаго типа неоднократно встрѣчались монеты X и XI в., то древность могильниковъ Люцинскаго типа можно отнести къ IX—X вв. Это опредѣленіе какъ разъ совпадаетъ съ монетой начала IX в., найденной въ одномъ изъ могильниковъ этого типа въ Лифляндіи (Икюльскомъ). Впрочемъ, кажется, что монеты того же времени встрѣчались и въ другихъ могильникахъ той же культуры.

---

*) *Люцинскій могильникъ.* Матеріалы по археологіи Россіи, вып. 14, Спб. 1893 г.

Въ Лядинскомъ могильникѣ хотя и найдены арабскія диргемы, но онѣ оказались собственно подражаніями подлиннымъ монетамъ, и время ихъ не могло быть опредѣлено. Изслѣдователь могильника, В. Н. Ястребовъ, весьма тщательно отыскивалъ аналогіи для его древностей во всевозможныхъ коллекціяхъ, но полнаго сходства нигдѣ не нашелъ. Все же, пользуясь замѣченнымъ имъ сходствомъ въ орнаментаціи поясныхъ бляшекъ изъ находокъ въ Петербургской, Смоленской и Владимірской губ., опредѣленныхъ хронологически, съ такими же предметами изъ Лядинскаго могильника, онъ высказалъ предположеніе, что послѣдній можетъ быть отнесенъ къ X—XI в. *). Я рѣшаюсь отнести его къ нѣсколько болѣе раннему времени.

Быть можетъ курганы Рязанской и Владимірской губ. современемъ дадутъ весьма цѣнныя указанія относительно времени культуры Лядинскаго могильника (если, конечно, они не окажутся болѣе поздними, чѣмъ могильникъ), но до сихъ поръ въ этихъ курганахъ не найдено вещей вполнѣ Лядинскаго типа. Приходится искать аналогій въ другихъ мѣстностяхъ, напр., на востокѣ и сѣверо-востокѣ, и здѣсь онѣ есть. Несомнѣнные слѣды культуры, весьма близкой Лядинскому могильнику, найдены не только по теченію р. Мокши (Краснослободскій могильникъ), но также по нижнему теченію Суры (д. Иваньково), близъ Казани (Борисковскій могильникъ) и наконецъ въ верховьяхъ Камы. Здѣсь въ могильникахъ второй половины X в. изъ вещей, совершенно тожественныхъ съ предметами Лядинскаго могильника, найдены слѣдующія: мечи, стремена, желѣзные кельты, двухъ типовъ весьма характерныя поясныя бляшки, пирамидчатыя подвѣски, которыя кромѣ Лядинскаго могильника до сихъ поръ нигдѣ не были встрѣчены. Все это вещи одни и тѣ же и очевидно исходятъ изъ одного источника, а между тѣмъ, они весьма характерны для культуры **). Въ бусахъ сходства мало, хотя и есть бусы совершенно одинаковыя. Лядинскія бусы значительно изящнѣе, и особенно по красотѣ между ними выдаются зеленыя съ полосками, вѣроятно, именно тѣ, о которыхъ говоритъ въ X в. Ибнъ-Фодланъ. Такихъ бусъ въ чудскихъ древностяхъ не встрѣчается. Аналогіи предметовъ Лядинскаго могильника въ древностяхъ Западнаго Края настолько не рѣшительны, что я воздерживаюсь указывать на нихъ.

Значительную важность для вопроса о времени Лядинскаго могильника имѣетъ интересная находка, сдѣланная мною въ 1892 г. въ одномъ

---

*) *Ястребовъ*. Лядинскій и Томниковскій могильники Тамбовской губ. 1893 г. стр. 55.

**) Лядинскій могильникъ, стр. 17 и табл. II, 1; IV, 11; VI, 25; VIII, 10; IX, 4; X, 1, 10.

могильникѣ Моршанскаго у., несомнѣнно болѣе древнемъ, чѣмъ Лядинскій, но того же типа, именно—12 золотыхъ византійскихъ монетъ второй половины VII в. Монеты эти составляли украшеніе узды. Если устранить какую-либо случайность, въ силу которой монеты VII в. попали обладателю драгоцѣнной узды въ значительно болѣе позднее время, то Серповской могильникъ можно отнести къ VIII—IX в. Если это такъ, то, принявъ, кромѣ того, во вниманіе аналогіи съ древностями Камской чуди X в., приходится культуру Лядинскаго могильника отнести *приблизительно* къ концу IX и къ X в., т. е. почти къ тому же времени, какъ и Люцинскій могильникъ. Болѣе надежною датою будетъ однако X в.

А. Спицынъ.

VI.

Засѣданія Обществъ.

Въ засѣданіи Восточной Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, 1 марта 1894 года, М. О. Аттая сообщилъ о фонетикѣ арабскаго языка по изслѣдованію древнихъ арабскихъ ученыхъ. Поводомъ къ его сообщенію послужила случайно прочитанная имъ одна страница рукописи, подаренной Коммиссіи М. М. Ковалевскимъ и описанной Г. А. Муркосомъ (Труды Восточной Коммиссіи, вып. I, протоколы, стр. 39—44). Сочиненіе принадлежитъ Ибнъ-Хабибу. Въ концѣ его находится страница, содержащая физіологію звуковъ арабскаго языка. Такъ какъ отрывокъ этотъ представляетъ интересъ, то референтъ сопоставилъ его содержаніе съ извѣстными ему изслѣдованіями другихъ арабскихъ ученыхъ. Всѣ подобныя изслѣдованія по арабской лингвистикѣ вызваны были у арабовъ потребностью изученія языка Корана и его толкованія. Образовалось большое число вспомогательныхъ для сего наукъ и, между прочимъ, наука о правильномъ его чтеніи, для чего предпринятъ былъ физіологическій анализъ звуковъ языка. Референтъ далѣе перечислилъ 11 извѣстныхъ ему сочиненій по этому предпредмету, изъ коихъ подъ рукой у него оказалось только сочиненіе *Ас-Суюти*, отчасти касающееся этого предмета. За симъ референтомъ прочитанъ былъ цѣликомъ текстъ изъ рукописи М. М. Ковалевскаго и русскій переводъ.

Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ сообщилъ армянскій текстъ и переводъ надписи, найденной А. С. Хахановымъ въ 1892 г. въ Энисели, Телавскаго уѣзда, Тифлиской губерніи. Она изображена на 3-хъ языкахъ: грузинскомъ, армянскомъ и татарскомъ. Въ надписи упоминается имя грузинскаго царя Александра, царствовавшаго въ XVI столѣтіи, и поэтому референтъ къ этому времени относитъ самую надпись. Кромѣ того референтъ указалъ на стран-

ное выраженіе: „внукъ христіанина", тамъ, гдѣ слѣдовало бы ожидать собственнаго имени.

Въ этомъ же засѣданіи происходило избраніе должностныхъ лицъ Коммиссіи, при чемъ оказались выбранными прежнія: предсѣдателемъ — Ѳ. Е. Коршъ, товарищемъ предсѣдателя — В. Ѳ. Миллеръ и секретаремъ — М. В. Никольскій.

Въ засѣданіи Восточной Коммиссіи, 25 марта 1894 года, М. В. Никольскій представилъ Коммиссіи для разсмотрѣнія 8 рѣзныхъ камней изъ музея графини П. С. Уваровой, оставшихся отъ покойнаго графа Серг. Сем. Уварова: 1) Два цилиндра, — одинъ изъ гематита, несомнѣнно древне-вавилонскаго происхожденія, представляетъ сцену изъ похожденій Издубара, героя халдейской эпопеи, другой — изъ халцедона, ассирійскаго происхожденія, тщательной работы, представляетъ борьбу Мардука съ Тіаматъ. Оба привезены изъ Багдада. 2) Три геммы, привезенныя изъ Тавриза и Казвина, одна овальной формы изъ агата съ грубо вырѣзанной фигурой человѣка, безъ надписи; другая гораздо меньшаго размѣра, но такой же формы, изъ яшмы, съ пеглевійскою надписью; третья гемма также изъ яшмы, четыреугольная и плоская снизу и многогранная сверху, съ изображеніемъ внизу двухъ всадниковъ, а вверху на многогранникѣ 5 различныхъ животныхъ, очевидно, греческой работы, весьма изящной. 3) Бронзовый перстень съ береговъ Чернаго моря (Мингреліи или Грузіи) съ грубо исполненнымъ изображеніемъ жертвенника и стоящей передъ нимъ человѣческой фигуры; съ лѣвой стороны надпись архаическими буквами *χαιρε*. Это, вѣроятно, иноземное, быть можетъ, финикійское подражаніе древне-греческимъ образцамъ подобныхъ перстней. 4) Круглая пластинка изъ вещества, похожаго на глину съ куфическою надписью на обѣихъ сторонахъ (о надписи см. ниже). 5) Весьма тонкая гемма изъ серпентина, съ изображеніемъ на одной сторонѣ человѣка, и съ длинною, тщательно, отчетливо и красиво вырѣзанною надписью съ обѣихъ сторонъ. Несмотря на ясность, смысла надписи нельзя было разгадать; она или не на греческомъ языкѣ или каббалистическаго характера (Abraxas).

Затѣмъ М. В. Никольскій доложилъ письмо члена-корреспондента Общества изъ Эчміадзина, Галуста Теръ-Мекертчьяна, въ которомъ онъ сообщаетъ о результатахъ его изслѣдованія географическихъ названій, содержащихся въ Сарыкамышской клинообразной надписи, которая находится въ Кавказскомъ музеѣ, по тексту, изданному М. В. Никольскимъ въ Археол. Изв. и Зам. 1893, № 12. Названія: Ahuriani, Aštuahini, Mealu... li, Etiuni, Ibirani и Kalrahi о. Галустъ весьма остроумно пріурочиваетъ къ городамъ и странамъ, извѣстнымъ изъ древнихъ армянскихъ источниковъ. Вообще о. Галустъ находитъ эту надпись весьма важною. Но еще важнѣе, по его мнѣнію, надпись Русы I въ Келаны-Кирланы и онъ уже приступилъ къ ея изслѣдованію, о результатахъ котораго сообщитъ.

Ѳ. Е. Коршъ сообщилъ „о древнѣйшемъ стихосложеніи индусовъ".

Въ засѣданіи Восточной Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, 7 апрѣля 1894 г., Г. А. Халатянцъ прочелъ рефератъ: Начало критическаго изученія исторіи Моисея Хоренскаго.

Изъ весьма подробнаго и обстоятельнаго изложенія референтомъ всѣхъ попытокъ научной критики исторіи Хоренскаго можно видѣть, что сомнѣніе въ достовѣрности его сказаній было высказываемо съ первой половины прошлаго вѣка, но только въ недавнее время французскій армениологъ Карріеръ, воспользовавшись собранными данными, далъ вопросу о времени Хоренскаго и происхожденіи его исторіи надлежащее освѣщеніе. По мнѣнію Карріера, армянскій историкъ жилъ не ранѣе конца VII или даже начала VIII вѣка послѣ Р. Х. Для окончательнаго рѣшенія вопроса, по мнѣнію референта, слѣдуетъ обратиться къ армянскимъ источникамъ Хоренскаго; до сего времени критика принимала во вниманіе только византійскіе и западные.

Съ выводами новѣйшей критики Хоренскаго не нашелъ возможнымъ согласиться Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ, указавъ на препятствія, представляемыя слогомъ исторіи Хоренскаго; языкъ исторіи Х., по его мнѣнію, есть классическій V в. послѣ Р. Х.

М. В. Никольскій сдѣлалъ сообщеніе о новыхъ открытіяхъ по семитской эпиграфіи. Особенное вниманіе обращаютъ на себя арамейскія надписи, найденныя въ раскопкахъ нѣмецкаго Orient-Comité въ *Зенджирли*, въ Сиріи, и опубликованныя въ изданіи Берлинскаго музея: Mittheilungen aus den orientalischen Sammlungen. Одна надпись VIII вѣка принадлежитъ царю страны *Шамалъ* Баръ-Рекубу, а другая IX в., царю той же страны Панамму. Обѣ надписи служатъ пока единственными памятниками арамейскаго языка въ эпоху политической жизни Арама совмѣстно съ сосѣднимъ съ нимъ народомъ еврейскимъ. Языкъ этотъ представляетъ весьма много особенностей сравнительно съ языкомъ позднѣйшихъ памятниковъ, принадлежащихъ, главнымъ образомъ, племенамъ не арамейскимъ (евреямъ, финикіянамъ, ассирійцамъ и друг.).

Референтъ подробно изложилъ консонантизмъ этого языка, при чемъ оказалось, что онъ почти совпадаетъ съ еврейскимъ.

Кромѣ арамейскихъ въ послѣднее время весьма большое число было открыто южно-арабскихъ, такъ называемыхъ сабейскихъ надписей. Референтъ изложилъ результаты открытій, сдѣланныхъ въ послѣднее время *Эдуардомъ Глазеромъ*, часть коллекціи котораго (всего около 2,000 надписей) попала въ Берлинскій музей. Изслѣдованіе языка сабееевъ обнаружило его особый характеръ во многомъ отличный отъ арабскаго и его важность для общесемитской лингвистики. Референтъ также коснулся и *минейскаго* діалекта сабейскаго, на которомъ, между прочимъ, написана надпись, найденная въ прошломъ году г. Голенищевымъ въ Гизэскомъ музеѣ и вышедшая въ отдѣльной брошюрѣ.

Въ засѣданіи Восточной Коммиссіи Императорскаго Московскаго Архе-

ологическаго Общества, 12 мая 1894 г., баронъ Р. Р. Штакельбергъ прочелъ рефератъ о персидской поэмѣ „Виса и Раминъ". Эта поэма переведена Фэхри Гургани — по его собственному заявленію — со стариннаго пехлевійскаго разсказа. Персидскій поэтъ Фэхри Гургани жилъ въ 11 вѣкѣ послѣ Р. Х. при сельджукскомъ ханѣ Тогрулбекѣ. „Виса и Раминъ" издана въ Калькуттѣ въ 1865 г. и представляетъ значительный интересъ, какъ одинъ изъ древнѣйшихъ, уцѣлѣвшихъ до нашихъ дней памятниковъ ново-персидской эпической литературы. Существуетъ и грузинская (прозаическая) переработка этой поэмы, составленная въ XII в. Передавъ въ сжатой формѣ содержаніе поэмы, референтъ представилъ разборъ ея главныхъ особенностей въ эстетическомъ и филологическомъ отношеніи.

М. О. Аттая сообщилъ переводъ арабскихъ надписей на трехъ камняхъ, находящихся въ молельнѣ между станціями Курумду и Сазановской на озерѣ Иссы-Куль Семирѣченской области. Эти снимки присланы были докторомъ Поярковымъ еще въ 1886 г. и оставались неразобранными по ихъ крайней неразборчивости. М. О Аттаи удалось ихъ прочесть, при чемъ оказалось, что они состоятъ изъ изреченій изъ Корана и по содержанію не представляютъ интереса. Знаки довольно архаическіе, но опредѣлить ихъ эпоху трудно.

Далѣе М. О. Аттая сообщилъ, что оставшаяся не опредѣленною въ засѣданіи 25 марта глиняная пластинка съ подписью изъ музея графини Пр. С. Уваровой представляетъ арабскій вѣсъ. Онъ имѣетъ форму копѣечной монеты, но въ четверо толще; присланъ изъ Дербента. На лицевой сторонѣ въ двѣ линіи изображены 2 слова, которыя означаютъ: „сирійскій мискаль". На оборотной сторонѣ также два слова, но разобрать и указать ихъ смыслъ референту не удалось по стертости. Референтъ относитъ его ко времени Омайядовъ. Вѣсятъ $^1/_8$ золотника. Въ заключеніе референтъ сообщилъ краткія свѣдѣнія о вѣсовой системѣ временъ Омайядовъ.

М. В. Никольскій сообщилъ, что въ концѣ 1893 г. вышелъ подъ редакціею Hilprecht'а 1-й томъ отчета объ экспедиціи въ Месопотамію, снаряженной университетомъ Пенсильваніи въ 1888 году. Роскошное изданіе представляетъ краткое обозрѣніе научныхъ результатовъ экспедиціи и снимки съ 80 клинообразныхъ надписей. Результаты экспедиціи оказались важнѣе, чѣмъ ожидали. Всего добыто 8,000 глиняныхъ дощечекъ съ надписями и нѣсколько сотъ фрагментовъ вазъ и другихъ предметовъ съ надписями, изъ раскопокъ древняго халдейскаго города *Нипура* (Нуффаръ). Почти всѣ надписи относятся къ примитивной эпохѣ Халдеи. Референтъ обратилъ главное вниманіе на 6 надписей, принадлежащихъ древнѣйшему царю Халдейскаго города *Агаде* (въ послѣдствіи Аккадъ) Саргону I, отцу Нарамсина, котораго дата опредѣляется, по надписямъ Набонида, послѣдняго халдейскаго царя, за 3750 лѣтъ до Р. Х. Всѣ до сего времени найденныя надписи изъ примитивной эпохи Халдеи написаны на не—семитскомъ языкѣ Халдеи, такъ называемомъ сумерійскомъ, между тѣмъ среди вновь найденныхъ надписей

Саргона I имѣются двѣ, содержащія одинъ и тотъ же текстъ, на чисто семитскомъ языкѣ, и такимъ образомъ представляютъ самые древнѣйшіе семитскіе памятники, до сего времени найденные. Что касается языка надписей, то, насколько можно судить, онъ существенно не отличается отъ языка позднѣйшихъ монументальныхъ надписей.

VII.

Библіографія.

Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1891 г., съ 200 политипажами. Спб. 1893 г. Цѣна 2 р.

Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1892 г., съ 75 политипажами. Спб. 1894 г. Цѣна 2 р.

Матеріалы по Археологіи Россіи, изд. Императорскою Археологическою Коммиссіею. № 13. Древности Южной Россіи. Курганъ Карагодеуашхъ. Изслѣдованіе А. Лаппо-Данилевскаго и В. Мальмберга. Съ IX табл. и 88 политип. Спб. 1894 г. Цѣна 2 р.

Тоже № 15. Сибирскія Древности. В. Радлова. Томъ первый, выпускъ третій. Съ 8 табл. и 30 политип. Спб. 1894 г. Цѣна 2 р.

Курганы и случайныя археологическія находки близъ мѣстечка Смѣлы. Томъ второй. Дневники раскопокъ 1887—1889 гг. Гр. Алексѣя Бобринскаго и о курганахъ Звенигородскаго и Роменскаго уѣздовъ. Съ 2 картами, 30 табл. (частью хромолит.) и 19 политип. Спб. 1894 г. Цѣна 8 р.

Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. VII. Вып. 1-й и 2-й, съ 17 табл. и полит. Спб. 1894 г.

Содержаніе: В. Дагелайскій. Крылатыя фигуры въ античномъ искусствѣ.—Я. Лазаревскій. Александропольскій курганъ.—А. Ѳ. Семеновъ. Нѣсколько словъ о древне-критскихъ клятвенныхъ формулахъ.—Е. К. Рѣдинъ. Миніатюры апокрифическаго арабскаго Евангелія дѣтства Христа.—В. В. Латышевъ. Дополненія и поправки къ собранію древнихъ надписей сѣвернаго побережья Чернаго Моря. III.—А. И. Кирпичниковъ. Этюды по иконографіи Рождества Христова.—А. А. Павловскій. Къ вопросу объ изображеніяхъ Евангелистовъ.—И. В. Левицкій. Нѣсколько документовъ XVI в. изъ Флорентійскаго государственнаго архива.—Протоколы за 1892 г.—Въ приложеніи: В. В. Латышевъ. Извѣстія древнихъ авторовъ о Кавказѣ и Южной Россіи. Листы 21—25.

Записки Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. VIII, вып. III—IV. Съ 2 табл. Спб. 1894 г.

Содержаніе: Протоколы Вост. Отд.—В. Бартольдъ. Китаби-Коркудъ.—В. Голенищевъ. Египто-Савейскій саркофагъ въ Гизэскомъ музеѣ.—Н. Катановъ. Татарскія сказанія о 7 спящихъ отрокахъ.—А. Гаркави. Извѣстія караима Киркисани объ еврейскихъ сектахъ.—Бар. В. Розенъ. Suum cuique. По поводу дешифровки орхонскихъ и енисейскихъ надписей.—Мелкія замѣтки.—Критика и библіографія.—Мусульманскія печатныя изданія въ Россіи за 1892 г., В. Смирнова.—Новыя книги.

Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи. № 19 (годъ седьмой). Подъ ред. Арс. Маркевича. Симферополь. 1893.

Ордера кн. Пл. А. Зубова. Сообщ. Г. К. Кирѣенко.—Изъ дѣлъ Московск. отд. Главнаго Штаба. Сообщ П. А. Ивановъ.—Къ нумизматикѣ Гиреевъ. I-е дополненіе. О. Ф. Ретовскаго.—Крымскія дѣла въ старомъ царскомъ архивѣ XVI в.... проф. М. Н. Бережкова.—Поѣздка въ Перекопъ (съ рис.) А. И. Сѣницкаго.—Вновь открытая греческая надпись (съ рис.) В. А. Михалевскаго.—Протоколы засѣданій. Т. У. А К.

Тоже № 20 (годъ восьмой). Симферополь. 1894.

Этотъ выпускъ весь посвященъ труду г. А. Маркевича: „Taurica. Опытъ указателя сочиненій, касающихся Крыма и Таврической губерніи вообще",—въ 12 отдѣлахъ котораго перечислены сочиненія по исторіи, археологіи, географіи, этнографіи, естественнымъ наукамъ, сельскому хозяйству, медицинѣ и проч. какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ. Несмотря на пробѣлы, о которыхъ говоритъ самъ авторъ въ предисловіи, нельзя не привѣтствовать этотъ трудъ.

Д. В. Айналовъ. Голгоѳа и Крестъ на мозаикѣ IV вѣка. Съ 4 табл. (Отт. изъ „Сообщеній Имп. Прав. Палест. Общ." Февраль, 1894 г.).

Bulletino di archeologia cristiana del commendatore G. B. de Rossi. Serie V, *Anno IV, №№ 3—4. Roma. 1894.*

Третій выпускъ журнала открывается статьей объ знаменитой стелѣ Аберція (Il cippo sepolcrale di Abercio collocato nel Museo Lateranense). Въ „Археологическихъ Извѣстіяхъ" (№ 2, 1894) уже сообщалось объ этой стелѣ и ея значеніи въ христіанской археологіи. Де-Росси въ указанной статьѣ сообщаетъ, что эта стела, найденная Рамзеемъ во Фригіи и подаренная папѣ султаномъ, помѣщена теперь въ эпиграфическомъ Музеѣ Латерана. Указавъ на объясненія надписей на ней, предложенныя вскорѣ послѣ ея открытія (1) *Inscr. christ.* pp. XII—XXIV—де-Росси; 2) въ *Expositor*, Апрѣль, 1889, p. 253 и сл.—самого Рамзея; 3) въ *Principienfragen der christlichen Archäologie* p. 50 и сл.; 4) *Minasi*, *La dottrina dei XII Apostoli* p. 279 и сл.; 5) *Lahn*, *Forschungen zur Geschichte d. neutest. Kanons* V 1893, p. 57 и сл.)

де-Росси описываетъ настоящее состояніе стелы и обѣщаетъ въ слѣдующемъ нумерѣ предложить снимокъ съ нея.

Въ заключеніе, онъ указываетъ бѣгло, находя излишнимъ входить въ подробности и споръ, на мнѣніе о происхожденіи стелы, высказанное Фикеромъ въ засѣданіяхъ Берлинской Академіи Наукъ (Sitzungsberichte der Berliner Akademie 1894, VIII—X). По мнѣнію Фикера—стела Аберція языческаго происхожденія и имѣетъ большое отношеніе къ культу Кибелы и Аттиса.

Это мнѣніе уже вызвало въ критикѣ осужденіе, съ которымъ согласенъ и де-Росси. Одинъ изъ критиковъ, приведя доводы Фикера, такъ заканчиваетъ свою статью: „M. Ficker a sans doute voulu rire et dérider anssi l'académie de Berlin“. Слѣдующая статья трактуетъ о послѣднихъ открытіяхъ въ катакомбѣ св. Ермета. Сначала де-Росси объясняетъ во встрѣченной здѣсь надписи значеніе слова refrigerium—вѣчное блаженство, а затѣмъ описываетъ найденную здѣсь живопись. Послѣднюю де-Росси относитъ къ концу III в. и указываетъ на весьма грубое, небрежное исполненіе ея. Замѣтимъ, однако, что трудно судить о характерѣ этой живописи по тому рисунку, который сдѣланъ съ нея Вильпертомъ и приложенъ къ данной статьѣ (Tav. V--VI, VII). Въ центрѣ свода изображенъ Добрый Пастырь. По четыремъ сторонамъ свода: Оранта, жертвоприношеніе Исаака, Даніилъ среди львовъ, три отрока въ пещи огненной. Между этими сценами—декоративныя украшенія: голуби, рыбы, по сторонамъ дерева.

Въ люнетѣ аркосолія увеличеніе хлѣбовъ. Весьма невѣроятнымъ является изображеніе Христа: *онъ въ пекулѣ* (костюмъ, въ которомъ чаще всего изображаются женскія фигуры—оранты) и *съ двумя жезлами*: одинъ, что въ правой рукѣ, онъ протягиваетъ къ семи корзинамъ.

Третья статья посвящена разбору одной надписи, въ которой идетъ рѣчь о знаменитой женщинѣ царскаго происхожденія „Amali Ostrogot“ (стр. 77—82).

Въ слѣдующей маленькой замѣткѣ сообщается о памятникахъ, найденныхъ въ Понтійскихъ болотахъ, съ надписью Теодориха:

EX R DN
THEODERICI
ET. S. C.

на обратной сторонѣ: LXV.

Найденная въ 1892 г. въ Капитоліи, на мѣстѣ древняго монастыря, часть архитрава съ надписью *ΗΓΥΜΕΝΟC*, относимая де-Росси къ VIII вѣку, даетъ поводъ послѣднему къ установленію времени происхожденія церкви dell Aracoeli. Происхожденіе ея, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, указываемыхъ де-Росси въ четвертой статьѣ, возможно возводить къ VI вѣку. (Страницы 85—89).

Далѣе небольшая статья посвящена новымъ объясненіямъ и дополненіямъ по поводу мозаичной надписи IV—V в., найденной въ базиликѣ Типасы въ Африкѣ Saint Génand'омъ и изданной имъ въ Bulletin archéologique du comité des travaux historiques. Paris, 1892, p. 466—484.

Послѣ отдѣла небольшихъ замѣтокъ и дополненій слѣдуетъ отчетъ о засѣданіяхъ Общества Христіанской Археологіи (10 декабря 1893 года по 3 іюня 1894 года).

Четвертый выпускъ журнала является уже посмертнымъ. Онъ открывается некрологомъ [1]) друга покойнаго великаго ученаго—Гатти, а затѣмъ слѣдуютъ небольшія статьи, приготовленныя де-Росси къ печати: о надписяхъ, найденныхъ около неизвѣстныхъ катакомбъ на горѣ Mario, расположенныхъ внѣ того пояса, который подлежитъ описанію де-Росси въ Roma sotterranea, и о метрической надписи мученика Квирина, епископа Сисчіи, найденной въ Платоніи св. Севастьяна.

Въ заключеніе приведена статья де-Росси, одно изъ первыхъ его произведеній, написанная имъ въ 1848 г.; небольшая часть ея была напечатана въ Bull. Arch. napoletano, settembre, 1857; здѣсь же она впервые приводится цѣликомъ; статья посвящена вопросу о собраніи христіанскихъ надписей г. Рима первыхъ шести вѣковъ (Della raccolta delle iscrizioni cristiane di Roma dei primi sei secoli).

Е. Рѣдинъ.

Römische Quartalschrift für christliche Alterthumskunde und für Kirchengeschichte. Heft 3—4. Rom. 1894.

Первая статья Otte u aus'm Weerth „Zwei frühmittelalterliche Windrosen" посвящена описанію двухъ миніатюръ и изображеніямъ указателей вѣтровъ, заимствованныхъ одна изъ латинской рукописи Ватиканской библіотеки (Cod. lat. 645) IX в., представляющей собою копію сочиненія Беды *„de ascensu ac descensu solis"*, а другая также изъ латинской рукописи (Cod. Reg. 1263, fol. 78), французскаго происхожденія же, X—XI в. (Табл. IV—V). Результатомъ изученія этихъ двухъ миніатюръ является установленіе того факта, что въ средніе вѣка извѣстны были двѣ системы указателей вѣтровъ (въ видѣ женскихъ или мужскихъ фигуръ—главныхъ съ крыльями, второстепенныхъ безъ крыльевъ): одна съ раздѣленіемъ 12 вѣтровъ, на 6 паръ, другая съ раздѣленіемъ на четыре группы. При первой системѣ видно подражаніе античному образцу, но прибавка изображенія Адама въ раю указываетъ, что художникъ старался не рабски слѣдовать этому образцу, а пользуясь имъ, облекать новыя идеи въ даваемыя имъ формы. Во второй системѣ уже большое отклоненіе отъ антика.

Слѣдующая статья даетъ окончаніе извѣстнаго изслѣдованія проф. Кулаковскаго открытой имъ Керченской катакомбы 491 года.

Въ отдѣлѣ „мелкія сообщенія" помѣщенъ рядъ интересныхъ замѣтокъ. На первомъ мѣстѣ нужно поставить замѣтку объ извѣстной стелѣ Аберція, составляющей нынѣ украшеніе Латеранскаго Музея. Де-Росси, за болѣзнью, такъ и не удалось дать точнаго снимка съ этой драгоцѣнной стелы. Авторъ замѣтки, описавшій подробно общее состояніе стелы, ея размѣ-

[1]) О некрологахъ де-Росси см. особую замѣтку далѣе.

ры, прилагаетъ фотографію ея калькированнаго воспроизведенія надписи (Taf. VI).

Замѣтка Кирша трактуетъ о надписи изъ катакомбы св. Евхарія въ Трирѣ, IV—V в. Далѣе слѣдуетъ замѣтка о раскопкахъ въ криптѣ св. Севастіана и замѣтки Кауфмана объ интересномъ кускѣ матеріи съ вышитыми на немъ изображеніями первоверховныхъ Апостоловъ, хранящемся въ Берлинскомъ египетскомъ музеѣ, греко-римскомъ отдѣленіи (№ 11459, стѣна IX). Матерія эта (palliolum—называетъ авторъ), вѣроятно, изъ файюма и относится, по мнѣнію Кауфмана, IV—VI в

Изображенія Апостоловъ помѣщены по сторонамъ дерева. Слѣва Павелъ въ длинной туникѣ; правая рука у груди, а въ лѣвой свитокъ; на одеждѣ clavi. Справа Петръ въ томъ же костюмѣ; такъ же имѣетъ въ рукѣ свитокъ. Надпись надъ обоими: [*ΠΑΥ*]*ΛΟC ΠΕΤΡΟC*. Оба Апостола, судя по описанію приближаются къ извѣстному уже въ древне-христіанскомъ искусствѣ типу ихъ.

Помѣщенный въ этомъ же выпускѣ журнала некрологъ де-Росси мы приведемъ далѣе цѣликомъ въ переводѣ.

Е. Рѣдинъ.

Золотыя фибулы въ видѣ орла съ эмалированной инкрустаціей.

Де-Росси въ *Bulletino della Commissione Archeologica Comunale di Roma*, Fasc. 2 e 3 (1894) описываетъ и даетъ снимки (Tav. VII, VIII) съ золотой фибулы, найденной въ могилѣ около базилики св. Валентина на Фламинской дорогѣ и на почвѣ республики Санъ-Марино. Авторъ сопоставляетъ эти фибулы съ извѣстными уже, находимыми на сѣверѣ Европы и въ южной Россіи, и полагаетъ, что онѣ готскаго происхожденія.

Фрески ц. S. Angelo in Formis, близъ Капуи.

Въ XIV томѣ Jahrbuch der königlich Preussischen Kunstsammlungen, какъ извѣстно, было помѣщено изслѣдованіе этихъ фресокъ проф. Крауса съ приложеніемъ фотографическихъ съ нихъ снимковъ. Въ своемъ изслѣдованіи проф. Краусъ по поводу фресокъ — Страшнаго Суда на западной стѣнѣ и Славы Христа въ главной абсидѣ—полагалъ, что, если онѣ и не чисто византійскаго происхожденія, то по крайней мѣрѣ сильно византизированы; что же касается фресокъ средняго корабля, то онъ считалъ, что византійское вліяніе ограничивается здѣсь лишь костюмами, что все же остальное — западнаго происхожденія. Въ 3-мъ выпускѣ XV тома того же журнала начинается обширное изслѣдованіе тѣхъ же фресокъ извѣстнаго знатока византійскаго искусства проф. Добберта. Детальнымъ иконографическимъ анализомъ проф. Доббертъ, пользуясь многочисленными аналогіями, заимствуемыми имъ изъ изслѣдованій и изданій византійскихъ памятниковъ и русскихъ ученыхъ (проф. Н. П. Кондакова, Усова, Н. В. Покровскаго, Гёрца), доказываетъ, что фрески ц. Angelo in Formis—всѣ существенно византійскія; положеніе, выставленное имъ еще въ 1873 г. въ сочиненіи *Ueber den Stil Nicolo Pisanos und dessen Ursprung*, стр. 27.

VIII.

Дж. Баттиста де-Росси

(Некрологъ).

Памяти Дж. Бат. де-Росси, умершаго 20 сентября (нов. ст.) сего года въ Кастель-Гандольфо—посвящены некрологи во многихъ археологическихъ журналахъ. Укажемъ на извѣстные намъ въ Bulletino de Rossi, въ Mèlanges d'Archèologie et d'histoire (Fasc. III—IV), въ Nuova Antologia (Fasc. XIX), въ Römische Quartalschrift. Изъ этихъ некрологовъ особенно прекрасно, хотя и кратко, очерчиваетъ личность и значеніе покойнаго знаменитаго ученаго, основателя христіанской археологіи, тотъ, что помѣщенъ въ послѣднемъ журналѣ. Поэтому мы далѣе и воспроизводимъ его дословно въ переводѣ.

„Непосредственно предъ окончаніемъ печатанія археологической части R. Q. S. пришло печальное извѣстіе о послѣдовавшей въ четвергъ 20 сентября кончинѣ нашего почтеннаго учителя Дж. Бат. де-Росси въ Кастель Гандольфо. Хотя уже со времени перваго удара, постигшаго его въ маѣ 1893 года, можно было ожидать близкаго конца этой благородной жизни, однако съ тяжкой грустью сознается всякимъ, кто близко стоялъ къ покойному, потеря его. Мы, христіанскіе археологи, для которыхъ онъ былъ болѣе или менѣе учителемъ и наставникомъ—я симъ могу назвать себя его ученикомъ уже въ теченіе 25 лѣтъ—стоимъ печальными у его одра; потухъ великій свѣтъ, освѣщавшій насъ доселѣ; богатырскій духъ, который въ человѣческой жизни перелетитъ пути вѣковъ отошелъ къ вѣчному святому, привѣтствуемый святыми катакомбъ; чѣмъ былъ де-Росси для археологической науки, чѣмъ онъ былъ особенно для своихъ римскихъ учениковъ, это мы теперь хорошо понимаемъ, гдѣ мы его потеряли. За нѣсколько дней до отправленія своего на съѣздъ въ Салону, я посѣтитъ его въ папской виллѣ въ Кастель Гандольфо: душевныя силы его были еще свѣжи и не затемнѣны, какъ это было съ ними до послѣдняго часа, тогда какъ по ослабѣвающимъ силамъ его я видѣлъ, что говорю съ нимъ въ послѣдній разъ. Съ балкона виллы мы смотрѣли на потемнѣвшее Албанское озеро и лежащія напротивъ мѣста, погруженныя въ тихій миръ, освѣщаемыя лучами заходящаго солнца. На нашъ привѣтъ съ конгресса въ Спалато онъ отвѣчалъ извѣстными словами: Salvete fratres puro corde et simplici; это было великое прощальное слово учителя ко всѣмъ намъ... Выдающійся изъ его учениковъ Е. Стевенсонъ, который долженъ стоять у его смертнаго одра, даетъ слѣдующій очеркъ жизни покойнаго: Дж. Бат. де-Росси родился 23 февраля 1822 г. Еще въ ранней юности онъ съ любовью предавался изученію классицизма, и скоро окончилъ римскій университетъ, получивъ почетнѣйшій титулъ доктора ad honorem. Ученикъ о. Марки въ изученіи римскихъ катакомбъ, онъ сдѣлалъ столь быстрый прогрессъ въ изученіи христіанской древности, что современ-

немъ сдѣлался новымъ Христофоромъ Колумбомъ подземнаго Рима. Пій IX поручилъ ему издать сочиненія подъ этимъ именемъ (Roma Sotteranea), объясняющія катакомбы Рима. И его творческій, сильный, ученый умъ, отвѣчая на это порученіе, началъ открытія съ изслѣдованія папскихъ криптъ и усыпальницы св. Цециліи. Съ этого момента послѣдовалъ цѣлый рядъ научныхъ тріумфовъ для знаменитаго ученаго, котораго потомство, равно и современники, назовутъ основателемъ науки христіанской археологіи.

Но не только римскими катакомбами занимался де-Росси. Когда напечатанъ былъ 1-й томъ его *Roma Sotteraneu*, появился скоро 1-й томъ *Inscriptionum christianae* — замѣчательное произведеніе въ области эпиграфики, затѣмъ начато изданіе *Bulletino di Archeologia Cristiana*—неисчерпаемый источникъ разнообразнѣйшихъ темъ христіанской археологіи; принимая участіе въ изданіи Берлинской Академіи — *Corpus Inscriptiones Latinarum* напечаталъ множество сочиненій относительно различныхъ вопросовъ древностей христіанскихъ и языческихъ. Никакая область знанія не была чужда ему, даже въ отдаленнѣйшихъ ея развѣтвленіяхъ. Нумизматика, исторія, топографія Рима древняго и средневѣковаго, исторія искусства, патристика—были вполнѣ ему знакомы; можно сказать, что нѣтъ области въ древней литературѣ, которой онъ не былъ бы учителемъ. Знаменитымъ учителемъ всякаго знанія признали его многочисленные дѣятели въ области археологіи въ 1882 году, принесли ему въ Латеранъ золотую медаль съ его изображеніемъ, а въ 70 годовщину его рожденія, два года тому назадъ, снова его привѣтствовали. Его великая слава—установленіе непоколебимыхъ началъ науки христіанской археологіи. Онъ могъ вполнѣ сказать о себѣ: exegi monumentum aere perennius. Salve, о дорогой и чтимый учитель. Твои ученики будутъ чтить твою память, исполняя трудный долгъ—быть достойными тебя, продолжая неутомимо славное дѣло, съ которымъ связано твое безсмертное имя“. . . . . . .
Вмѣстѣ съ Бозіо умерло его произведеніе; не то будетъ съ де-Росси; новые пути, которые онъ открылъ для христіанской археологіи, будутъ обслѣдываться далѣе его учениками; однако, чтобы ни явилось въ будущемъ въ области христіанской археологіи, второй де-Росси еще не скоро явится. d. W.“

Е. Рѣдинъ.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *графиня Уварова.*

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ въ 1895-мъ году (3-й годъ изданія) по той же
программѣ и въ томъ же объемѣ подъ редакціею:

И. А. Линниченка и В. М. Михайловскаго,

при участіи А. В. Орѣшникова и многихъ членовъ Императорскаго
Московскаго Археологическаго Общества.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубля.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:
1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная,
1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная,
собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы засѣданій.
2) У А. В. Орѣшникова, Историческій музей, на Красной площади, еже-
дневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 до 4-хъ.
3) Въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ Стараго
Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).
4) Въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, на Кузнецкомъ мосту.
Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные **три** рубля **исклю-
чительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Бер-
сеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, **не получившіе** выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жи-
тельства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское
Археологическое Общество.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудни-
камъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о
раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ част-
ныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности—церковныхъ и быто-
выхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣ-
дѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками
съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны
№№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки могутъ быть адресованы:

1) Въ Москву, въ Императорское Московское Археологическое
Общество, Берсеневская набережная, с. д., въ редакцію „Археологиче-
скихъ Извѣстій и Замѣтокъ“ или же

2) Алексѣю Васильевичу Орѣшникову, Москва, Историческій Музей,
на Красной Площади.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества
на основаніи § 56 его Устава. Предсѣдатель графиня Уварова.

Товарищество типографіи А. И. Мамонтова, въ Москвѣ

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

выходятъ въ 1895-мъ году (3-й годъ изданія) по той же программѣ и въ томъ же объемѣ подъ редакціею:

И. А. Линниченка и В. М. Михайловскаго,

при участіи А. В. Орѣшникова и многихъ членовъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою въ годъ ТРИ (3) рубля.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для **московскихъ** подписчиковъ:

1) Въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Берсеневская набережная, собств. домъ, ежедневно отъ 10 до 1 часу и въ часы засѣданій.

2) У А. В. Орѣшникова, Историческій музей, на Красной площади, ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 1 до 4-хъ.

3) Въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ Стараго Университета, д. Коха (и его иногородн. отд.).

4) Въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, на Кузнецкомъ мосту.

Иногородніе подписчики благоволятъ присылать подписные **три** рубля **исключительно** въ Императорское Московское Археологическое Общество (Москва, Берсеневская набережная, собств. домъ).

Подписчики, **не получившіе** выпуска или **перемѣнившіе** свое мѣсто жительства, благоволятъ обращаться съ заявленіями исключительно въ Московское Археологическое Общество.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращается съ просьбою ко всѣмъ прежнимъ сотрудникамъ журнала и ко всѣмъ любителямъ старины присылать свѣдѣнія о раскопкахъ, случайныхъ находкахъ древностей, объ имѣющихся въ частныхъ рукахъ выдающихся предметахъ древности—церковныхъ и бытовыхъ, рукописяхъ и т. п., а также газетныя извѣстія, заключающія свѣдѣнія археологическаго характера (отдѣльными №№ или просто вырѣзками съ помѣтою, изъ какой газеты и отъ какого числа); особенно желательны №№ провинціальныхъ газетъ.

Письма и посылки могутъ быть адресованы:

1) Въ Москву, въ Императорское Московское Археологическое Общество, Берсеневская набережная, с. д., въ редакцію „Археолических Извѣстій и Замѣтокъ“ или же

2) Алексѣю Васильевичу Орѣшникову, Москва, Историческій Музей, на Красной Площади.

DATE DUE